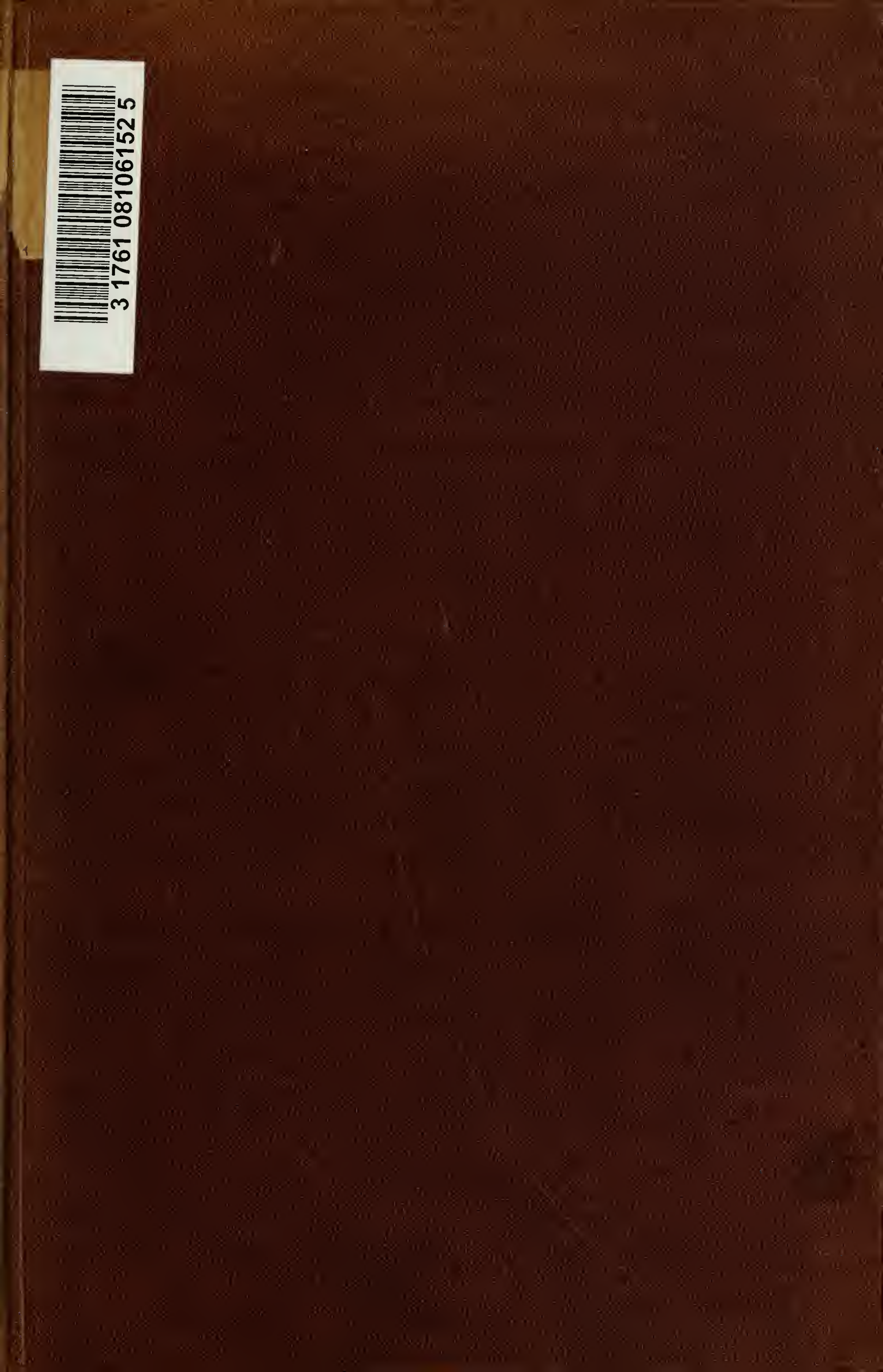

3 1761 08106152 5

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИГА IV.

МОСКВА.

1903.

МОСКВА.

Типо-литогр. Товарищества **И. Н. Кушнеревъ и К°.** Пимен. ул., собств. домъ.

1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТѢНИ И ПРИЗРАКИ.

Повѣсть.

Письмо къ редактору вмѣсто предисловія.

Недавно умеръ мой пріятель, Борисъ Георгіевичъ Н—скій, оставившій послѣ себя небольшую рукопись. Въ этой рукописи онъ сообщаетъ, на-ряду съ воспоминаніями о своемъ дѣтствѣ, полулегендарныя воспоминанія одной очень древней старушки о томъ, какъ его прадѣдъ потерялъ княжеское достоинство. Такимъ образомъ, рукопись моего друга заключаетъ въ себѣ живое изображеніе цѣлаго ряда лицъ, принадлежащихъ къ четыремъ поколѣніямъ.

Въ посмертной запискѣ авторъ проситъ меня помѣстить его повѣствованіе въ вашемъ уважаемомъ журналѣ, если я найду, что оно того заслуживаетъ. Не берусь судить объ этомъ, такъ какъ Н—скій былъ очень мнѣ близокъ и дорогъ, а потому я могу преувеличивать цѣнность его воспоминаній. Предоставляю судить объ этомъ редакціи вашего почтеннаго журнала и публикѣ.

I.

Поздній зимній вечеръ. За окнами нашего стараго подгороднаго дома завываетъ вьюга, свиститъ въ безлистныхъ деревьяхъ сада и поетъ въ трубахъ заунывную, таинственную пѣсню. Эта пѣсня вызываетъ во мнѣ образы тѣхъ сказокъ, которыя по вечерамъ разсказываетъ моя старая, добродушная «мамка» Аксинья Ѳоминишна, или, какъ называла ее дворня, Хоминишна: въ воѣ и свистѣ метели мнѣ слышится и сѣрый волкъ, и соловей-разбойникъ, а скрипъ деревьевъ въ саду за окномъ,—откуда черная ночь грозно заглядываетъ въ окно,—кажется мнѣ скрипомъ дубовой ноги медвѣдя, у котораго старая колдунья отрубила лапу; онъ идетъ къ ней на деревяшкѣ, и со стонами говоритъ страшнымъ голосомъ: «она мою лапу сосетъ,

мою шерстку прядетъ»... Эти слова Хоминишна старается произносить басомъ и нараспѣвъ, подражая голосу медвѣдя; а мнѣ и жаль раненаго бѣднягу, и въ то же время такъ страшно, что ноги мои сами собою подбираются на постель: я увѣренъ, что подъ нею, въ темнотѣ, лежитъ непремѣнно какой-то страшный звѣрь и собирается схватить меня...

Вообще въ то время все вызывало во мнѣ фантастическое настроеніе, особенно по вечерамъ. Но больше всего нашъ заброшенный пивоваренный заводъ. У него была по срединѣ крыши деревянная башня. Въ пустыя окна этой башни днемъ слетались галки, а вечеромъ и ночью, когда все смолкало, вѣтеръ заводилъ тамъ такія унылыя пѣсни, что въ нихъ ясно слышались жалобы и похоронные напѣвы цѣлой толпы тѣней, слетавшихся туда. Я каждую ночь прислушивался съ жуткимъ любопытствомъ и страхомъ къ этимъ напѣвамъ. У насъ въ домѣ тишина. Слышенъ малѣйшій звукъ: вотъ заскребла мышь... вотъ въ высокомъ, неосвѣщенномъ залѣ звонко стучитъ маятникъ большихъ старинныхъ часовъ въ высокомъ и узкомъ, какъ гробъ, футлярѣ, и на каждый его стукъ откликается въ томъ же футлярѣ кто-то живой, таинственный. Маятникъ спрашиваетъ: «такъ? такъ?» А въ отвѣтъ ему кто-то глухо стонетъ: «да! да!» И безконечно идетъ этотъ разговоръ: «такъ?...» «да!...» «такъ?...» «да!...» И непремѣнно ночью! Днемъ часы стучатъ себѣ просто, какъ всякіе часы, но ночью занимаются разговорами!

И не одни часы: вотъ въ томъ же залѣ треснула разсохшаяся половица, а въ отвѣтъ ей старый рояль непремѣнно отвѣтитъ протяжно, жалобно: «о-хъ!» Единственный не пугающій, человѣческій звукъ среди этой тишины, насыщенной таинственными голосами,—это кашель моего отца, сидящаго одиноко въ своемъ кабинетѣ. Онъ вѣчно тамъ что-то считаетъ на большихъ деревянныхъ щетахъ. Металлическій, однообразный стукъ ихъ косточекъ не уменьшаетъ мертвенной тишины, а прибавляетъ къ ней какую-то гнетущую, тоскливую мысль о тяжкой заботѣ: этотъ человѣкъ, съ больной грудью, поглощенъ, какъ я знаю, всегда одной мыслью: спасти имѣніе, разоренное цѣлымъ рядомъ предковъ.

Изрѣдка отецъ кричитъ раздраженнымъ голосомъ:

— Эй! Что вы, оглохли тамъ? Не слышите, что ставень отвязался!

Вслѣдъ за этимъ окрикомъ въ «дѣвичьей» раздается топотъ босыхъ ногъ горничной Поли (или, какъ ее тогда называли, Польки), хлопаетъ дверь, и черезъ секунду Полька возвращается, усмиривъ ставень, а затѣмъ снова наступаетъ та же жуткая тишина.

Иногда и еще одно событіе нарушаетъ тишину. Въ какомъ-нибудь темномъ углу вдругъ раздаются мѣрные, скрипучіе, короткіе звуки: это сверчокъ.... Онъ также—существо таинственное, пугающее: не даромъ же онъ прячется по темнымъ угламъ и только въ темнотѣ заводитъ свои непонятные разговоры... И не спроста противъ него каждый разъ устраивается облава со свѣчой, половой щеткой, визгомъ горничной Поли, которая и тутъ является укротительницей таинственнаго незнакомца... Ужъ если его такъ боятся и преслѣдуютъ, значитъ въ немъ есть что-то опасное, какъ въ воющей собакѣ? Быть можетъ, онъ предвѣстникъ большой неотвратимой бѣды!...

Несмотря на то, что у меня былъ братъ, годомъ моложе меня, я росъ довольно одиноко, такъ какъ характеръ брата, его игры, его вкусы—рѣзко отличались отъ моихъ: я любилъ прогулки, игры, требующія движенія, борьбы и шума; онъ же былъ способенъ буквально цѣлые дни просиживать въ комнатѣ матери, играя въ куклы, которымъ самъ шилъ платья, какъ дѣвочка. Я тоже любилъ сидѣть у мамы, ласкаться къ ней, слушать ея чтеніе... Но если это продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, меня тянуло къ «мамкѣ» Ѳоминишнѣ, помѣщавшейся въ комнатѣ, которую почему-то называли «дѣвичьей». Тутъ всегда былъ свой маленькій клубъ: Ѳоминишна вязала свой безконечный шерстяной чулокъ, Поля пряла ленъ на веретенѣ или прялкѣ; къ нимъ присосѣживалась кормилица моей новорожденной сестры; она тоже что-нибудь работала, когда дѣвочка спала. Женщины вели безконечные тихіе разговоры о новостяхъ и злобахъ дня. Самыми интересными новостями были: какая-нибудь ссора въ людской или драка повара Филиппа съ его женой, что случалось нерѣдко. Къ числу новостей относилось и такое, напримѣръ, событіе, какъ вой собаки на чьемъ-нибудь дворѣ, причемъ дѣлались догадки, что̀ именно предвѣщаетъ этотъ вой—смерть ли чью-нибудь, или пожаръ? Я любилъ всѣ эти разговоры: они выводили меня изъ предѣловъ нашего дома наружу, знакомили съ жизнью окружающей среды.

Но больше я любилъ, въ то время, разсказы одной очень древней старушки Акимовны, жившей у насъ. Она была нѣкогда кормилицей моего дѣда по отцу, и можете себѣ представить, сколько ей было лѣтъ, если дѣдушка считалъ себѣ около семидесяти! Вотъ эта-то Акимовна и разсказывала мнѣ не одинъ разъ все одну и ту же исторію о томъ, какъ мой прадѣдъ потерялъ свое княжеское достоинство. Повѣствованіе ея имѣло въ себѣ столько романтическихъ подробностей, что впослѣдствіи я не разъ думалъ, не плодъ ли это фантазіи, если не

самой Акимовны, то, быть можетъ, тѣхъ авторовъ 20-хъ годовъ, которыхъ читали въ ея время въ своихъ усадьбахъ дочери и молодыя супруги помѣщиковъ? Не слышала ли она этой исторіи отъ своей барышни и не перепутала ли ея старческая память подобнаго разсказа съ дѣйствительными событіями? Однако, вѣрность и точность бытовыхъ, а особенно психологическихъ подробностей заставляютъ меня отбросить это предположеніе. Кромѣ того, если Акимовна почти совершенно утратила память относительно новѣйшихъ событій, зато въ далекомъ прошломъ она помнила всѣ малѣйшія детали любого происшествія, всѣ имена его участниковъ, такъ что предположить у нея смѣшеніе дѣйствительнаго событія съ слышанной повѣстью едва ли возможно. Да и не такъ еще она была дряхла, несмотря на свой почти столѣтній возрастъ, чтобы можно было заподозрѣть у нея утрату умственныхъ способностей. Насколько еще былъ выносливъ ея организмъ, можно судить по слѣдующему. Акимовна ужасно любила баню, и туда ее отправляли вмѣстѣ съ нами, дѣтьми. Баня стояла въ саду. Зимой запрягали широкія, покрытыя ковромъ, сани; насъ укутывали въ шубы и платки. Въ сани усаживалась Ѳомипишна и Акимовна, помѣстивъ насъ въ промежуткѣ между собой, а Полька бѣжала впередъ. У Акимовны была страсть непремѣнно париться до потери сознанія. Пока мы раздѣвались въ предбанникѣ, Поля втаскивала ее на самый верхній полокъ и давала вѣникъ. Къ тому времени, какъ мы, дѣти, были вымыты, Акимовна была тоже готова, то-есть лежала безъ чувствъ. Ее торжественно снимали съ полка, вносили въ предбанникъ, какъ трупъ, и отливали холодной водой. Не понимаю, какъ ей это позволяли, но я увѣренъ, что если бы когда-нибудь наше путешествіе въ баню не окончилось ея обморокомъ, это показалось бы необыкновеннымъ событіемъ. Нужно было имѣть довольно крѣпкій организмъ,—организмъ старинныхъ людей,—чтобы въ возрастѣ почти столѣтнемъ не умереть отъ такого эксперимента на мѣстѣ.

Въ нашемъ домѣ Акимовнѣ была отведена особая комната, впрочемъ такая маленькая, что въ ней помѣщались только столикъ, большой кованный сундукъ да кровать, покрытая необыкновеннымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Это одѣяло поражало мое воображеніе, какъ и все остальное, находившееся въ комнатѣ Акимовны,—напримѣръ, ея сундукъ, который былъ обитъ какой-то такой жестью, что узоры на ней мѣнялись, смотря по тому, откуда я на нихъ смотрѣлъ. Но больше всего меня поражала ея лампадка, висѣвшая передъ совершенно почернѣвшими иконами: эту лампадку называли «неугасимой», и это казалось мнѣ чѣмъ-то такимъ важ-

нымъ, таинственнымъ и необыкновеннымъ, что я, входя къ ней въ комнату, прежде всего устремлялъ глаза на эту лампадку изъ краснаго стекла и благоговѣйно крестился на нее.

Конечно, всѣ эти необыкновенные предметы, не исключая и кусочковаго одѣяла, облекали въ моихъ глазахъ и самое Акимовну какой-то почти сверхъестественной таинственностью. Такое впечатлѣніе дополнялось какъ тѣмъ, что я зналъ о ея необычайной старости, такъ и всей ея наружностью: это была маленькая, совсѣмъ высохшая, какъ мощи, старушка. Одѣта она была всегда въ черное коленкоровое платье и большой черный головной платокъ. На съежившемся въ кулачокъ, изрытомъ морщинами, безкровномъ, какъ бы восковомъ лицѣ ея выдавался только носъ, заостренный, какъ у мертвецовъ; большіе, черные, совершенно слѣпые глаза слабо мерцали изъ глубокихъ орбитъ, точно изъ впадинъ черепа. Они смотрѣли не на васъ, а куда-то въ глубокую даль прошедшаго.

Забравшись въ каморку Акимовны, я усаживался на сундукъ.

Чтобы заставить ее разсказать вновь всю эпопею о моемъ прадѣдѣ, было достаточно предложить ей какой-нибудь вопросъ, касающійся той или иной детали того времени. Она начинала съ отвѣта на вопросъ, но послѣ этого разсказъ уже разматывался самъ, какъ клубокъ. Я уже сказалъ, что, сохранивъ самую ясную память о далекомъ прошломъ, она почти не имѣла ея относительно настоящаго, и потому, разсказывая мнѣ одно и то же въ десятый разъ, была увѣрена, что говоритъ объ этомъ впервые.

Зная эту ея особенность, я обыкновенно начиналъ съ вопроса о томъ, какъ и гдѣ увидѣлъ въ первый разъ мой прадѣдъ ея «барышню».

— А увидѣлъ онъ ее, милый ты мой, впервые на балу, въ собраніи, въ Орлѣ. Съѣхались тогда въ Орелъ всѣ дворяне, съ семействами, и былъ устроенъ балъ... Ну, и моя барышня, Людмила Николаевна, поѣхала съ родителемъ на тотъ балъ. И я съ ней поѣхала, значитъ, чтобы твалетъ поправить, подколоть, зашить, ежели что оборвется, напримѣръ, и все такое... Ну, и поѣхали... Подали это возокъ,—дѣло зимой было; баринъ Николай Семенычъ съ Людмилой Николавной внутрь сѣли, ну, а я съ кучеромъ на козлы, лакей же, Филька—на запяткахъ. Ну, поѣхали и пріѣхали. Домище это огромнѣющій-огромадный, милый ты мой баренокъ! Окнищи большія, а промежду окнищевъ столбы, колонами называются... А освѣщено внутри, Боже мой! Даже на улицѣ свѣтло, такой изъ окнищъ свѣтъ валитъ... Ну, однако, пришлось подождать, пока возокъ до крыльца допустили, потому—не одинъ нашъ возокъ, а, можетъ, сто

возковъ ужъ ждали, цѣлымъ хвостомъ. Ну, и мы въ хвостъ... А за нами еще подъѣзжаютъ, за нами подъѣзжаютъ, видимо-невидимо... И которые возки впереди, все высаживаютъ господъ въ крыльцо... И разряжены всѣ, Господи Боже мой! Ума помраченье! Нечего говорить, и наша Людмила Николавна одѣта была, какъ картина! Платье въ Орлѣ заказывали, у французской портнихи, нарочно къ этому балу. И дорого платье стоило! Ну, вотъ, милый ты мой, и до насъ чередъ дошелъ: подъѣхали къ крыльцу. Я съ козелъ спрыгнула, Филька дверцы у возка отворилъ, барышню свою я почти на рукахъ вынула, потому она ни жива, ни мертва: никогда, т.-е. допрежъ того она на такихъ большихъ балахъ не бывала... Дрожитъ вся, побѣлѣла, словно мѣлъ... Ну, ввела я ее на крыльцо подъ ручки съ Николаемъ Семенычемъ, бариномъ, и прямо въ уборную... Раздѣла ее тамъ, ну, она немножечко отошла... Потому въ уборной знакомыя барышни встрѣтились, Покатиловы; всего въ пяти верстахъ было ихъ имѣніе отъ нашего... Марья Петровна и Софья Петровна... и маменька ихняя съ ними, Настасья Александровна... Барышни очень смѣлыя; онѣ ужъ не разъ на такихъ балахъ бывали, и не то что въ Орлѣ, а въ самой Москвѣ бѣлокаменномъ градѣ, да!... Потому имѣніе у нихъ было втрое больше нашего: тысяча душъ, а у насъ всего триста... Да и постарше онѣ были моей Людмилы Николавны...

«Ну, вотъ, и потащили онѣ мою голубку, Людмилу Николавну, а я въ уборной осталась... Много насъ тамъ горничныхъ было... Это теперь горничными называютъ, а тогда меня «сѣнной дѣвкой» звали. Ну, мы немножко перезнакомились; каждая о своихъ господахъ поговорила, а тамъ ужъ я,—не знаю какъ,—и задремала... Задремала-задремала, и не знаю, сколько времени прошло, какъ вдругъ... Что такое? Гляжу, Господи ты Боже мой! И глазамъ моимъ не вѣрю: моя Людмила Николавна будитъ меня, а сама вся въ слезахъ, плачетъ-разливается...

— Одѣнь меня,—говоритъ,—скорѣе! Папа ждетъ!

— Людмила Николавна, что случилось? Нѣшто ужъ кончился балъ?

— Не спрашивай,—говоритъ,—дома все разскажу.

«А она мнѣ всегда все говорила, потому была сердцемъ простая. Да и въ деревнѣ, при отцѣ, все одна; гости ѣзжали, да не очень часто; и мы въ гости рѣдко... Тогда, вѣдь, не такъ въ гости ѣздили, а заберутся на недѣлю... Ну, а потомъ дома еще скучнѣе... Ну, и вертѣлись барышни около сѣнныхъ дѣвушекъ... Секреты ли какіе, или-бо огорченіе какое, сердечное ли какое дѣло,—кто другой пойметъ, какъ не мы? Была и мамка, да съ той не тотъ разговоръ...

«Ну, вотъ одѣла я ее, и поѣхали домой... И Николай Семеновичъ... Что они въ возкѣ говорили, не слыхала, а только онъ что-то кричалъ громко... Суровый былъ характеромъ, изъ военныхъ... строгій! Съ мужичками бѣда: до смерти запарывалъ... Ну, да въ тѣ времена и всѣ почти такіе же были... Пріѣхали мы домой, то-есть на квартиру: Николай Семенычъ для этого случая квартиру наняли въ Орлѣ. У барышни своя комната, у него своя, да третья вродѣ гостиной. Ну, какъ только вошли, онъ ее—по щекѣ, да повернулъ за плечи, и въ ея комнату втолкнулъ, а самъ назадъ въ собраніе, тѣмъ же слѣдомъ.

«Вбѣжала я къ Людмилѣ Николавнѣ, а она на постели ничкомъ лежитъ, какъ была, въ шубѣ... Я къ ней: глядь, а она совсѣмъ, какъ мертвая... Я—холодной водой, я уксусомъ, и виски тру, и головку поливаю... Слава Богу, очнулась!... Ну, тутъ-то я все и узнала, что тамъ, въ собраніи, съ ней приключилось».

Старушка пріостановилась. Быть можетъ, она устала и отдыхала, или же старалась припомнить яснѣе событія далекаго прошлаго. Она часто такъ прерывала свой разсказъ, но я до сихъ поръ не могу безъ улыбки вспомнить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ конца этихъ пріостановокъ. Дѣло въ томъ, что, хотя ея разсказъ я слышалъ уже много разъ прежде и зналъ почти на память, такъ что могъ бы ей его суфлировать, но тѣмъ не менѣе я вновь и вновь слушалъ его съ неувядающимъ интересомъ, а когда она пріостанавливалась, я давалъ ей отдохнуть минутку-другую и затѣмъ опять заводилъ ея умственную машину какимъ-нибудь вопросомъ. Только дѣтство можетъ находить неизсякаемый интересъ въ повѣствованіи, слышанномъ много разъ и заученномъ почти наизусть. Такъ и въ этотъ вечеръ, не дождавшись, когда Акимовна начнетъ снова, я спросилъ:

— Что же случилось съ Людмилой Николавной въ собраніи?

— А вотъ что случилось: прадѣдушка твой, Егоръ Дмитричъ, какъ бы это тебѣ сказать, ну, значитъ, оконфузилъ ее передъ всей чесно̀й публикой... Понравилась она ему сразу, ну, онъ возьми да и познакомься черезъ кого-то тутъ же, на балу, съ Николаемъ Семенычемъ, съ нашимъ бариномъ, значитъ, и сейчасъ ему говоритъ: «Познакомьте меня съ вашей дочерью, чтобы я могъ пригласить ихъ на танецъ». Ну, милый ты мой, Николай Семенычъ, ничего не предвидя, а слыша, что онъ князь, познакомилъ ихъ... А прадѣдушка-то твой вотъ какую штуку устроилъ: начнетъ съ ней танцовать, да и не перестаетъ, пока музыка играетъ. Кончитъ одинъ танецъ, начнетъ съ ней же другой... Никого другого къ ней не подпускаетъ... Николай Семенычъ видитъ дѣло не ладно: потому, расходы большіе онъ

сдѣлалъ съ тѣмъ разсчетомъ, что женихъ найдется Людмилѣ Николавнѣ на этомъ балу. Ну, а прадѣдушка твой былъ для нея женихъ не подходящій.

— Да почему же, Акимовна? Вѣдь онъ князь былъ и чинъ военный имѣлъ, и имѣніе...

— Да, да. А для жениха былъ человѣкъ не подходящій: разспросилъ о немъ Николай Семенычъ у того, да у другого изъ сосѣдей, тутъ же на балу, ну, и наслушался такого, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать.

— Да что же такое Акимовна?

— А то же, миленькій: оказался онъ вродѣ чернокнижника, что душу свою запродалъ «нечистому»... Господи Іисусе Христе, святъ, святъ, святъ, помилуй насъ грѣшныхъ!—со страхомъ проговорила Акимовна, поглядывая на окно, и набожно перекрестилась.

— И что же, это правда была?

— Должно быть, правда, потому въ домѣ его книгъ было видимо-невидимо. Да ежели бы однѣ книги, а то всякія склянки, какія-то трубки невиданныя, котелки глиняные; говорили, что по ночамъ онъ варилъ зелья какія-то, запершись... И на весь домъ духъ такой пойдетъ сѣрный... Значитъ, являлся къ нему, стало быть «тотъ-то...» Ужъ это, ежели сѣрный духъ, всегда отъ «него», окаяннаго, всегда! Потому въ преисподней сѣра да смола кипятъ въ котлахъ, гдѣ грѣшниковъ варятъ... Ну, отъ нечистаго-то сѣрой и пахнетъ... Однако, ты меня, милый ты мой, не сбивай съ панталыку. Надо все по порядку, а то я забуду... На чемъ я остановилась-то? О Святкахъ-то я разсказала тебѣ, какъ онъ къ намъ въ имѣніе заявился?

— Нѣтъ, Акимовна, ты только еще успѣла разсказать про то, какъ онъ танцовалъ все съ Людмилой Николавной, и что Николай Семенычъ услыхалъ о немъ отъ сосѣдей.

— Да, да! Такъ, такъ! И еще не это ему разсказали, а будто у него въ домѣ, какъ вотъ бываетъ у турецкаго салтана, какъ, бишь, это называется-то?

— Гаремъ?

— Ну, вотъ-вотъ, гаремъ: значитъ, изъ разныхъ странъ земли привезены вродѣ, какъ жены... Ну, и къ тому же еще узналъ баринъ нашъ, что имѣніе свое князь совсѣмъ разорилъ. И много еще такого про него барину разсказывали... Ну, вотъ, миленькій мой, подходитъ Николай Семенычъ къ дочери, отвелъ ее въ сторону и говоритъ:

— Чтобы этого больше не было! Не смѣй съ нимъ больше танцовать!

— Да что же я сдѣлаю,—это она-то говоритъ,—онъ не отпускаетъ, приглашаетъ... Какъ я ему откажу? Онъ можетъ меня осрамить!...

— Прямо такъ и откажи: я, молъ, устала, не могу больше.

И отвелъ ее Николай Семенычъ подъ руку въ другой уголъ и посадилъ около старой Покатиловой.

— Вотъ, молъ, устала, отдохнуть хочетъ... Отдаю, молъ, подъ ваше покровительство.

«Понимаешь, нельзя ему показать передъ всѣмъ народомъ, что онъ недоволенъ или не желаетъ этого кавалера. И безъ того всѣ замѣтили, переглядываются, шушукаютъ, пересмѣиваются...

«Ну, миленькій мой, только онъ это отошелъ отъ дочери и заговорилъ съ кѣмъ-то, а твой прадѣдушка опять тутъ какъ тутъ: прямо къ ней.

— Что это, молъ, значитъ, что вашъ батюшка отвелъ васъ въ такой уголъ?

Она ему и говоритъ:

— Я, говоритъ, устала очень. Отдохнуть хочу.

А онъ ей на это:

— Эхъ, — говоритъ, — Людмила Николавна, не научились вы еще говорить неправду. Ваши,—говоритъ,—ангельскіе глаза васъ выдаютъ. Ну, да скоро научитесь и отлично будете лгать да обманывать...

Ужъ къ чему онъ это ей сказалъ, я въ толкъ не возьму. А потомъ и пошелъ, и пошелъ... И что онъ ей говорилъ, всего я не запомнила, а поняла только, что одурманилъ онъ этими рѣчами мою голубку, Людмилу Николавну! Когда послѣ она разсказывала мнѣ объ его рѣчахъ, такъ даже плакала: извѣстно, «тотъ» ему помогалъ ее одурманить.

— Жалко, молъ, мнѣ его стало, — это она мнѣ потомъ говоритъ,—вотъ какъ жалко, что все бы,—говоритъ,—для него сдѣлала! Несчастный,—говоритъ,—онъ страдалецъ: никто его не понимаетъ, никто его не любитъ. Есть у него какъ будто бы и друзья-пріятели, да онъ,—говоритъ,—не знаетъ, какъ и отдѣлатья отъ нихъ: умѣютъ они только пить да обыгрывать его въ карты, да на охоту съ нимъ ѣздить... А поговорить съ ними о чемъ-нибудь душевномъ и не моги—осмѣютъ!

И такъ-то онъ ее, милый ты мой, одурманилъ, что когда музыка опять заиграла, Людмила Николавна не могла ему отказать и, словно овца на закланіе, пошла на его приглашеніе. Ну, вотъ тутъ-то нашъ баринъ, давъ имъ кончить танецъ, увезъ ее изъ собранія, а самъ

вернулся назадъ туда и, какъ мы узнали послѣ, вернулся не даромъ, а затѣмъ, чтобы пригласить твоего прадѣдушку на поединокъ... попнхнему это называется дуэль... Только въ собраніи онъ его ужъ не нашелъ, милый ты мой, а нашелъ тамъ двухъ дворянъ, которые согласились на другой день поѣхать къ князю и пригласить его на дуэль. Одного звали Петромъ Павлычемъ Скурындинымъ, а другого...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа, у дверей Акимовны, явилась мама и велѣла намъ отправляться въ дѣтскую и ложиться въ постели.

Обыкновенно мать присутствовала въ дѣтской при нашемъ раздѣваніи, сама покрывала насъ одѣяльцами, крестила и цѣловала.

Я любилъ эти прощанья; было отчего-то весело; хотѣлось передъ сномъ поболтать съ матерью, задержать ее около себя подольше. Она нерѣдко брала стулъ и усаживалась около нашихъ кроватокъ, пока мы не заснемъ. Свѣчу уносили, и дѣтская освѣщалась только слабымъ мерцаніемъ лампадки, висѣвшей въ углу комнаты, передъ образами тѣхъ святыхъ, имена которыхъ мы носили.

Эти образа были для меня тоже предметомъ не малыхъ фантазій и соображеній: мой «ангелъ» былъ изображенъ въ видѣ воина, въ латахъ очень красивыхъ, чешуйчатыхъ. Это былъ юноша стройный, съ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами и стоялъ онъ одинъ въ какой-то пустынѣ... Изъ славянской надписи на углу иконы, а также изъ пѣнія дьячковъ и священника, когда у насъ служили молебенъ въ дни моего «ангела», я зналъ, что онъ называется «мученикомъ». Исторіи его жизни мнѣ никто не разсказывалъ, да ее, кажется, и не зналъ никто, и мнѣ оставалось широкое поле для фантазій на эту тему: «мученикъ», значитъ, его за что-то мучили? Кто же? Когда? Почему? Какъ? Я предлагалъ матери нѣсколько разъ эти вопросы; она постоянно обѣщала достать какую-ту книгу объ этомъ, но книжки не находилось. Такъ мало-по-малу мои вопросы улеглись, и осталось одно смутное чувство жалости къ юному мученику, да еще смутно-мистическое благоговѣніе передъ тѣмъ, что онъ «святой». Съ этимъ словомъ у меня соединилось представленіе о человѣкѣ, сдѣлавшемся почти «богомъ», потому что «на него молились», сдѣлали изъ него икону, передъ которой становились на колѣна, клали земные поклоны и крестились.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ дѣло, у меня съ матерью завязался разговоръ на другую тему, вызванную повѣствованіемъ Акимовны.

— Мама! Какіе это бываютъ чернокнижники?

— Ахъ, милый! Это все неправда. Это необразованные люди выдумали.

Надо сказать здѣсь, что моя мать получила, для того времени, лучшее образованіе, какое можно было получить: она окончила курсъ въ одномъ изъ самыхъ извѣстныхъ пансіоновъ Москвы, много читала, хорошо играла на фортепіано и даже на арфѣ. Впрочемъ, арфы у насъ въ домѣ я не помню, и знаю объ этомъ искусствѣ матери только по разсказамъ.

— Какъ же, мама, ты говоришь, что это неправда? Вѣдь Акимовна знаетъ, что у прадѣда были даже какія-то склянки, трубочки, котлы, а въ домѣ по ночамъ былъ сѣрный духъ. Развѣ Акимовна вретъ?

— Сколько разъ я тебѣ говорила,—строго восклицаетъ мать,—что нельзя говорить «вретъ»; можно сказать: «говоритъ неправду». Она безъ умысла говоритъ неправду, потому что сама такъ думаетъ

— Значитъ, она необразованная?

— Конечно, необразованная. Гдѣ же она могла учиться? Вотъ и ты будешь необразованный, если не будешь учиться. А если будешь хорошо учиться, то все узнаешь—и про чернокнижниковъ, и про все.

— А для чего же у него были склянки и трубочки? И отъ чего сѣрный духъ?

— И это узнаешь, когда будешь учиться, а тебѣ теперь спать пора,—волнуясь гаворила мать,—теперь ты этого не поймешь. Спи! А то папа услышитъ, что мы съ тобой болтаемъ, и на обоихъ насъ разсердится.

Мнѣ почему-то становилось жаль маму. Мнѣ инстинктивно передавалась ея тревога и грусть, хотя я не понималъ, отчего она волнуется. Уже позднѣе я узналъ, что ее мучило неумѣнье отвѣчать на мои безчисленные вопросы, потому что, получивъ «самое лучшее» образованіе, она часто совершенно не знала того, что интересовало ея «любимаго мальчика».

Я бралъ ея руку, клалъ къ себѣ на подушку, подъ щеку, цѣловалъ ее долго, не переставая, пока не засыпалъ. А въ воображеніи рисовалась фантастическая фигура прадѣда, его склянки, трубочки, сѣрный духъ, и я ждалъ дальнѣйшихъ вечеровъ въ каморкѣ Акимовны, надѣясь своими вопросами, во время ея разсказа, добиться какъ-нибудь рѣшенія мучившихъ меня загадокъ о чернокнижникахъ.

II.

И вотъ наступилъ снова такой вечеръ.

Я опять сидѣлъ на таинственномъ сундукѣ Акимовны, взглядывая съ мистическимъ благоговѣніемъ на ея «неугасимую» красную

лампадку, на ея высохшее лицо съ заостреннымъ, какъ у мертвой, носомъ и глубоко-ввалившимися кроткими глазами.

И хотя я теперь зналъ, что она «необразованная», что она многаго не понимаетъ, но мнѣ было ужасно жаль такъ о ней думать. И я старался не думать этого, старался вѣрить въ ея какія-то таинственныя знанія, которыя приписывало ей раньше мое воображеніе. Однимъ словомъ, мнѣ хотѣлось,—какъ я теперь понимаю,—вѣрить во что-то чудесное и фантастическое.

— Ну, милая Акимовна, что же было дальше? Устроился ли поединокъ между прадѣдомъ и вашимъ Николаемъ Семенычемъ?

— Нѣтъ, дитятко, не устроился... Прадѣдушка твой, когда къ нему пріѣхали на другой день тѣ два дворянина, которыхъ послалъ нашъ баринъ, отвѣтилъ имъ, что намѣренія его были самыя хорошія—просить руки нашей Людмилы Николавны, и что онъ пріѣдетъ для этого къ Николаю Семенычу, будетъ просить лично извиненія, а въ то же время и согласія насчетъ руки... Ну, Николай Семенычъ очень разгорячился, долго кричалъ у себя въ комнатѣ съ этими дворянами... Каюсь, подслушала я тогда у дверей: дѣло было молодое, дѣвичье, любопытное, да и барышню свою было жаль: хотѣлось для нея узнать, чѣмъ это кончится. Только мало я поняла изъ ихъ разговора. Одно поняла, что баринъ нашъ кричалъ:

— Поѣзжайте, молъ, къ этому негодяю и трусу и скажите ему, что онъ трусъ и что если я его встрѣчу гдѣ-нибудь, отдѣлаю его нагайкой... А если онъ вздумаетъ ко мнѣ заявиться съ предложеніями насчетъ Людмилы, я велю моимъ людямъ его схватить и выпороть на конюшнѣ...

«Съ тѣмъ эти дворяне и уѣхали.

— Такъ и не было поединка, Акимовна?

— Нѣтъ, былъ. Только не съ нашимъ бариномъ, а съ тѣми обоими дворянами. Обоихъ ихъ твой прадѣдушка на поединокъ вызвалъ...Ужъ какъ они дрались—не знаю: только одного онъ ранилъ, а другой его. И послѣ поединка долго лѣчили твоего прадѣдушку; едва онъ не умеръ тогда... Всю жизнь хромалъ до самой смерти: жилу ему какую-то въ ногѣ повредили... Да ты меня опять сбилъ, и самаго-то главнаго я тебѣ не сказала... Вѣдь передъ поединкомъ-то онъ у насъ былъ...

— Да неужели, Акимовна? И не побоялся, что его на конюшнѣ выпорютъ?

— Я-жъ тебѣ говорю, что чернокнижникъ онъ былъ, а такому нечего бояться: онъ на нечистую силу полагается, и она его тогда вывезла. А ты слушай и не перебивай... Было это дѣло утромъ; ба-

ринъ Николай Семенычъ еще въ собраніе не уѣзжалъ, а только одѣвался. И какъ разъ передъ этимъ къ намъ опять пріѣхали тѣ два дворянина, которые ѣздили къ прадѣдушкѣ твоему передать слова Николая Семеныча... Лакей у насъ былъ Филимонъ, значитъ, Филька; онъ одѣвалъ барина и весь его разговоръ съ тѣми дворянами слышалъ. Отъ него и я узнала, что вызвалъ твой прадѣдушка обоихъ тѣхъ дворянъ на поединокъ, когда они передали ему слова Николая Семеновича, что онъ—трусъ. Прадѣдушка имъ на это и сказалъ: «А вотъ я ему докажу, какой я трусъ: вызываю,—говоритъ,—на поединокъ васъ обоихъ!» Очень это нашему барину понравилось, и сказалъ онъ тѣмъ дворянамъ:

— Ошибку я сдѣлалъ, что трусомъ его назвалъ. Онъ настоящій дворянинъ! И не будь про него такая слава, да если бы поменьше долговъ, я бы не прочь и породниться съ нимъ. Ну, да объ этомъ,—говоритъ,—и думать нечего: у него долговъ вдесятеро больше, чѣмъ имѣніе стоитъ, а я самъ человѣкъ бѣдный... Мнѣ надо жениха со средствами.

«И вотъ, милый ты мой, только что эти дворяне отъѣхали отъ нашего крыльца, гляжу я: новый возокъ подъѣзжаетъ. Въ то время, не было у дверей колокольчиковъ, какъ теперь у господъ стали заводить. Да и случилось еще къ тому же, что Филька не успѣлъ дверей запереть за уѣхавшими дворянами, потому барина одѣвалъ. Онъ, прадѣдушка-то твой, прямо и вошелъ сперва въ прихожую, а тамъ сбросилъ шинель, да и въ гостиную. Я выбѣжала отъ барышни и прямо на него почти что наткнулась. Только мнѣ и на умъ не взбрело, что это тотъ самый, съ которымъ, значитъ, нашъ баринъ обѣщалъ расправиться. А подумала я, что это пріѣхалъ познакомиться какой-нибудь другой женихъ, видѣвши въ собраніи нашу барышню. И обрадовалась даже, потому—красавецъ онъ былъ писаный! Высокій, складный... Брови черныя, губы алыя... Усики колечкомъ... Одно слово,—картина! Засмотрѣлась я на него и не сразу даже спросить могла:

— Кого молъ вашей милости угодно?

— Мнѣ нужно,—говоритъ,—видѣть вашего барина. Скажите, говоритъ, что пріѣхалъ его знакомый, котораго онъ видѣть желалъ... Онъ знаетъ, кто я.

Ну, я доложила барину; тотъ даже удивился:

— Кого же это я видѣть желалъ?

Однако, поторопился со своимъ туалетомъ...

Мы съ барышней изъ ея комнаты чуть-чуть двери пріотворили; да какъ она взглянула на гостя, такъ и затряслась! Вцѣпилась въ

меня руками и шепчетъ:—«Это онъ, онъ, тотъ самый! Господи! Что теперь будетъ?»—А сама вся дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, похолодѣла совсѣмъ, а отъ двери отойти не можетъ: глядитъ на него въ щель, ни жива, ни мертва. А онъ по комнатѣ ходитъ, каблуками постукиваетъ, шпорами позвякиваетъ. А сапоги на немъ до колѣнъ лаковые, какъ зеркало, и кисточки у нихъ спереди мотаются. Мундиръ тоже вѣсь въ шнуркахъ да кистяхъ... Ходитъ онъ, глазами сверкаетъ да усики крутитъ, и даже улыбается. И ничего ему не страшно! Какъ вдругъ, миленькій ты мой, дверь изъ баринова кабинета открылась, и на порогѣ показался нашъ Николай Семенычъ... И сначала съ улыбкой даже руку было протянулъ, да какъ узналъ гостя, такъ и обмеръ: сталъ весь бѣлый и щеки бѣлыя, и губы, и даже глаза побѣлѣли, словно статуй алебастровый... Стоитъ и слова выговорить не можетъ... А твой прадѣдушка сейчасъ подошелъ къ нему, звякнулъ шпорами, чуть - чуть голову наклонилъ вродѣ поклона, а самъ смотритъ прямо въ глаза Николаю Семенычу и говоритъ:

— Освѣдомился я отъ вашихъ посланныхъ, что вы изволили меня, милостивый государь, обозвать трусомъ и выразили даже желаніе ваше отодрать меня на конюшнѣ руками вашихъ холоповъ,—меня, дворянина и князя!... Такъ вотъ,—говоритъ,—я и явился, одинъ, безъ моихъ людей, дабы вы могли исполнить ваше намѣреніе... Но въ то же время, говоритъ, такъ какъ вы свою угрозу обѣщали исполнить, ежели я явлюсь просить руки вашей дочери, то я и это условіе выполняю: прошу руки Людмилы Николавны...

«И опять звякнулъ шпорами и голову наклонилъ маленько... Ахъ, миленькій, и что тогда со мной было! Какъ я на ногахъ устояла, пока ждали мы съ Людмилой Николавной баринова отвѣта... То-есть, вотъ люди говорятъ, что сердце въ пятки уходитъ. Но это неправда. А сердце льдомъ дѣлается, и все тѣло льдомъ дѣлается, и руки, и ноги, и не можетъ человѣкъ ни пошевелиться, ни убѣжать, точно окоченѣетъ...

«А у барина лицо изъ блѣднаго стало краснымъ, словно кумачъ... Усы дергаются; глаза совсѣмъ изъ-подо лба вылѣзли и колесомъ пошли... А сказать все еще ничего онъ не можетъ. Только грудь ходуномъ заходила, такъ что онъ даже ее правой рукой придержалъ.

Стоялъ, стоялъ, да какъ крикнетъ не своимъ голосомъ:

— Садитесь! Прошу!...

И самъ быстро прошелъ къ дивану и почти упалъ въ кресло, такъ что оно затрещало:

А мужчина онъ былъ огромный, высокій, полный... Голову стригъ подъ гребенку, и голова была совсѣмъ какъ серебряная...

Сѣлъ онъ, и прадѣдушка твой сѣлъ противъ него за круглый столъ, передиванный...

Отдышался нашъ баринъ и опять крикнулъ:

— Филька! Стаканъ воды холодной!

Принесъ воду Филька... Выпилъ баринъ, а рука у него ходуномъ ходитъ со стаканомъ: чуть воду не расплескалъ...

Когда Филька ушелъ, заговорилъ баринъ, только тихо, словно усталъ:

— Вижу я,—говоритъ,—что ты, князь, не робкаго десятка... Двоихъ пригласилъ на дуэль, вмѣсто меня одного... Желаю я только знать, почему ты отъ меня дуэли не принялъ?

— А потому,—говоритъ,—что съ отцомъ Людмилы Николавны, которой я очаровался съ перваго взгляда, я на дуэль идти не могу...

— Хорошо,—говоритъ Николай Семенычъ,—хотя и не по правиламъ. Но, однако, я твое извиненіе за то, что ты, на вечерѣ, осрамилъ мою дочь,—принимаю. Слова свои о твоей трусости беру назадъ... Никакого насилія надъ беззащитнымъ не сдѣлаю... Да ты и не допустилъ бы: вѣдь, знаю, что въ карманѣ у тебя гостинецъ и для себя, и для меня припасенъ... Только знай и запомни: не попадайся мнѣ! Слышишь!? Не попадайся! У тебя, говорятъ, полтораста доѣзжачихъ и охотниковъ въ усадьбѣ содержится, и ты съ ними по деревнямъ всякія безчинства и дебоширства творишь, какіе тебѣ только въ голову взбредутъ... Ну, да я тоже не робкаго десятка: попадешься мнѣ гдѣ вблизи отъ моей усадьбы, хотя бы съ твоими охотниками, я свою угрозу исполню, на конюшнѣ тебя выдеру... А теперь,— вотъ тебѣ Богъ, а вотъ—порогъ...

Поднялся съ кресла, вытянулся во весь ростъ и на дверь ему кажетъ.

Поднялся и твой прадѣдушка съ мѣста, и тоже вытянулся во весь ростъ и грудь впередъ выпятилъ:

— Спасибо,—говоритъ,—за добрый отвѣтъ! Ну, и я тебѣ дамъ свой: скоро ты меня увидишь въ твоей усадьбѣ. Это—разъ. А второе: Людмила Николавна будетъ моей женой... Запомни, и до свиданья!

Повернулся на каблукахъ, вышелъ въ переднюю и уѣхалъ...

Смотримъ мы, а у барина нашего ножка задрыгала, лицо перекосилось и сталъ онъ наклоняться, наклоняться, да вдругъ всѣмъ своимъ огромнымъ туловищемъ рухъ на полъ, и захрипѣлъ...

— Дѣти, дѣти! Пора спать!—раздался голосъ матери, и мы, взволнованные разсказомъ, поднялись со своихъ мѣстъ и пошли за матерью въ дѣтскую, ожидая слѣдующаго вечера...

III.

Мои мать и отецъ.

Я никогда не огорчался, когда мать вызывала меня отъ Акимовны,—какъ бы ни былъ заинтересованъ разсказомъ. Въ обществѣ матери, хотя она и не умѣла разсказывать, я находилъ такое блаженство, которое превышало всѣ другія. И, замѣчательно, — когда я думаю объ этомъ теперь,—мнѣ кажется, что происходило это отъ нѣкоторой мучительности этого блаженства. Да, у человѣка есть наклонность находить наслажденія въ страданіяхъ: почему мы любимъ свои слезы, вызванныя въ театрѣ трагедіей, или какой-нибудь страницей романа, тронувшей насъ мучительнымъ чувствомъ сострадація? О писателѣ, музыкантѣ или трагикѣ, который заставилъ насъ плакать, мы говоримъ едва ли не съ большимъ восторгомъ, чѣмъ о тѣхъ, которые заставляютъ насъ хохотать.

Настроеніе моей матери рѣдко бывало веселымъ и радостнымъ. Она очень часто плакала и тогда запиралась въ своей спальнѣ, вѣроятно для того, чтобы мы, дѣти, не видали этихъ слезъ и не поняли ихъ причины.

Но дѣти все знаютъ, все улавливаютъ своей необыкновенной наблюдательностью и какимъ-то сердечнымъ чутьемъ.

Когда она запиралась отъ насъ, я зналъ, что она плачетъ, зналъ потому, что послѣ этихъ запираній, передъ тѣмъ, какъ позвать меня къ себѣ, она умывалась, а вѣдь самого меня всегда заставляли умываться послѣ слезъ, чтобы освѣжить лицо. Зналъ я, что она плакала, еще и потому, что на ея лицѣ, даже послѣ умыванья,—оставались красныя пятна...

О, эти красныя пятна! Ничто въ жизни не заставляло меня такъ страдать въ то время, какъ они! Впрочемъ, еще сильнѣе страдалъ я, когда она запиралась, т.-е. когда я зналъ, что она плачетъ, одинокая, въ своемъ глубокомъ креслѣ, передъ каминомъ!... Однажды вечеромъ, я засталъ ее въ этомъ положеніи: войдя въ ея спальню, я услышалъ за высокой ширмой, съ голубой шелковой обивкой, какіе-то странные, слабые, короткіе стоны, которые мѣшались съ тихимъ трескомъ и шипѣніемъ дровъ въ каминѣ. Я бросился за ширму, и увидѣлъ тамъ, при красномъ свѣтѣ пламени, что она сидитъ передъ каминомъ, стиснувъ кисти рукъ, лежавшія на колѣняхъ, и неподвижно смотритъ на огонь. Въ глазахъ ея безвыходная тоска и отчаяніе... Плечи тихо вздрагиваютъ, а изъ груди вырываются тѣ тихіе подавленные, короткіе стоны, которые я услышалъ раньше... Я бросился къ ней, охватилъ ея шею, цѣловалъ ея горячее лицо, ея вздра-

гивающія губы, ея щеки и почувствовалъ, что онѣ мокры отъ слезъ. Я самъ началъ рыдать, спрашивая ее:

— Мама, мама! О чемъ? Кто тебя обидѣлъ? Онъ?...

Подъ словомъ «онъ» подразумѣвался отецъ. Цѣлый день онъ на что-то сердился; за чаемъ и обѣдомъ былъ страшно блѣденъ и упорно молчалъ, не отвѣчая на вопросы мамы...

Мать стала горячо цѣловать меня, и слезы ея западали, какъ горячій дождь, на мое лицо... Но вотъ она встрепенулась, выпрямилась, быстро стала осушать лицо платкомъ, и сказала мнѣ довольно строго:

— Кто «онъ?» Что ты такое говоришь? Не надо такъ думать о «немъ». Это нехорошо, грѣшно! Онъ всѣхъ насъ такъ любитъ! Посмотри, сколько онъ для насъ работаетъ! И не слѣдуетъ, мой мальчикъ, входить ко мнѣ, когда я затворила дверь... Пойди же къ нянѣ и не плачь, не думай ни о чемъ... Вели себя умыть... Я сейчасъ позову тебя и буду веселая... Смотри, вотъ я ужъ и теперь веселая.

И она старалась смѣяться, а слезы еще были на глазахъ, и изъ груди изрѣдка, изрѣдка еще поднимались тѣ коротенькіе тихіе стоны, какъ бы вздрагиванія, которыя такъ испугали меня.

Я тихо уходилъ, сдержавъ плачъ. Я понималъ, что «онъ» не долженъ этого слышать, что «онъ» еще сильнѣе разсердится на маму, и ей будетъ еще тяжелѣе.

... Я слышалъ, что вслѣдъ за моимъ уходомъ раздался плескъ воды въ рукомойникѣ, а черезъ нѣсколько минутъ мама уже звала меня къ себѣ веселымъ, шутливымъ голосомъ. Ахъ, этотъ голосъ! Я вѣдь чувствовалъ, какъ онъ еще вибрируетъ недавними слезами. Каждый оттѣнокъ ея страданій я чувствовалъ и переживалъ, и любилъ, любилъ ее безпредѣльно, мучительно, съ такой болью въ сердцѣ и съ такой страстной нѣжностью, что прикосновеніе къ ея блѣднымъ маленькимъ рукамъ, къ ея платью поднимало во мнѣ какую-то волну и блаженства, и муки.

Иногда по вечерамъ, въ сумеркахъ безъ огня, она играла на рояли. Но это случалось не часто, когда отецъ уѣзжалъ куда-нибудь или уходилъ по хозяйству, которое было у него обширно, какъ ни у кого въ тѣ времена, о чемъ я разскажу особо.

При отцѣ она играла только тогда, когда онъ просилъ, да еще при гостяхъ. Онъ очень любилъ музыку, но былъ всегда такъ занятъ работой, что музыка мѣшала ему. Да и,—насколько могу понять теперь,—нервенъ онъ былъ ужасно, и грустная музыка доводила его до истерическихъ рыданій. Поэтому при немъ мать старалась играть что-нибудь веселое, бравурное, или нѣжное, серебристое.

Только по вечерамъ, безъ него, она играла то, что особенно любила. И это ея любимое было всегда печально.

Вѣроятно, мнѣ передалось свойство отца—воспринимать печальную музыку до истерическаго плача.

Мать вначалѣ не знала объ этомъ моемъ свойствѣ; я скрывалъ его, забираясь въ кабинетъ отца, гдѣ ложился въ полумракѣ на его кушетку и слушалъ. Мнѣ казалось, что мать разсказывала звуками свою печаль, свою одинокую тоску, и когда я начиналъ рыдать, то зарывался лицомъ въ подушку, сжималъ руками свой ротъ, чтобы она не услышала и не перестала играть.

Но иногда это не удавалось, и тогда мать бросалась ко мнѣ, схватывала меня на руки (я былъ очень малъ ростомъ, несмотря на свои пять-шесть лѣтъ), начинала ходить со мной по темной залѣ, старалась смѣяться и говорила такія нѣжныя, такія ласковыя слова, такъ цѣловала мое лицо, мои руки, что я понемногу успокаивался, смѣялся самъ, и тогда она начинала мнѣ играть что-нибудь радостное, всегда объясняя словами то, что играла:

— Вотъ это ручеекъ журчитъ... Вотъ это бабочки летаютъ... Ты чувствуешь, какъ онѣ летаютъ? Видишь, вотъ порхнули вверхъ, вотъ опять внизъ... легкія, веселыя!... А вотъ это—лѣсъ... Листья шумятъ... Вотъ откуда-то колоколъ слышится.

И у меня съ тѣхъ поръ осталась привычка, даже потребность—видѣть за звуками картины, образы, цѣлыя драмы и поэмы.

Я долженъ здѣсь прибавить нѣсколько словъ въ оправданіе моего отца.

Онъ не только не былъ человѣкъ злой, но, наоборотъ, впослѣдствіи я узналъ, что вокругъ, даже въ сосѣднихъ деревняхъ, не было крестьянина, которому бы онъ не помогъ такъ или иначе... Но онъ былъ повторяю, страшно нервенъ (отецъ его былъ алкоголикъ. Самъ мой отецъ никогда и ничего не пилъ, и даже не могъ пить: отъ нѣсколькихъ глотковъ даже виноградннаго вина онъ былъ боленъ серьезно). Къ этому надо добавить, что отецъ черезчуръ много работалъ. Принялъ онъ имѣніе отъ нашего дѣда совершенно разореннымъ, заложеннымъ и перезаложеннымъ, и въ нѣсколько лѣтъ сдѣлалъ его образцовымъ. Не было такихъ отраслей хозяйства (извѣстныхъ въ то время), которыхъ онъ не испробовалъ у себя: онъ устроилъ и винокуренный, и пивоваренный, и маслобойный (изъ конопли) заводъ; у насъ былъ хорошій конскій заводъ, устроенный имъ же; молочный скотъ онъ сдѣлалъ образцовымъ въ цѣломъ уѣздѣ. И все это самъ, почти одинъ, и почти безъ всякой подготовки. Дѣло въ томъ, что озвѣрѣвшій алкоголикъ-отецъ своей жестокостью выгналъ его изъ

дому еще мальчикомъ; онъ убѣжалъ и долго жилъ въ сосѣднемъ уѣздѣ у крестьянъ, пріютившихъ его, исполняя даже обязанности пастуха. Тутъ же онъ скопилъ какіе-то гроши, добрался потомъ до уѣзднаго города (не нашего, а сосѣдняго). Тамъ принялъ въ немъ участіе смотритель уѣзднаго училища, помѣстилъ у себя, заставилъ дѣда выслать документы, и только этому доброму человѣку отецъ былъ обязанъ тѣмъ, что научился чему-нибудь, хотя и не выше курса уѣзднаго училища.

Вотъ почему, заводя всякія новшества въ хозяйствѣ, онъ долженъ былъ всему учиться, ѣздить въ чужіе уѣзды, чтобы посмотрѣть, какъ устроено что-нибудь у другихъ, доставать книги и съ трудомъ знакомиться съ ними, не имѣя никакой подготовки.

Сколько я могу понять теперь, его несчастіемъ была болѣзненная ревность... Да, болѣзненная, потому что ревновать мою маму могъ только совсѣмъ больной человѣкъ.

А между тѣмъ, ни одинъ пріѣздъ къ намъ гостей не обходился безъ того, чтобы послѣ, въ теченіе недѣли, иногда и больше, не наступало у отца тяжелаго мучительнаго настроенія, погружавшаго весь домъ въ какое-то мертвенное состояніе тоски и страха. Достаточно было матери нѣсколько долѣе и съ увлеченіемъ протанцовать съ кѣмъ-нибудь, или долго играть по просьбѣ кого-нибудь изъ гостей мужчинъ, и въ тотъ же день «начиналось». Отецъ никогда не возвышалъ голоса; никогда я не слышалъ, чтобы онъ сказалъ матери рѣзкое или грубое слово. Нѣтъ! Онъ только становился страшно блѣденъ, смотрѣлъ въ одну точку какими-то тусклыми глазами, и «молчалъ», молчалъ упорно, цѣлыми днями, недѣлями... не отвѣчая на вопросы матери.

Боже мой, какъ она мучилась *).

Наша дѣтская была рядомъ съ кабинетомъ, и я одинъ разъ слышалъ, сквозь неплотно притворенную дверь, какъ мать вошла къ нему ночью, когда онъ еще продолжалъ работать, стукая своими счетами.

Онъ не обратилъ вниманія на ея приходъ, о чемъ я зналъ, потому что счеты продолжали стучать, но только какъ будто громче, быстрѣе.

По шелесту платья матери, я понялъ, что она встала на колѣни. Затѣмъ раздался шепотъ сквозь подавленныя слезы:

— За что ты такъ мучишь и себя, и меня?...

---

*) Нижеслѣдующій эпизодъ, впрочемъ, въ иномъ видѣ, былъ мною напечатанъ много лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ.

Въ отвѣтъ молчаніе. Счеты продолжаютъ стучать и каждый ихъ ударъ вколачивается какъ гвоздь въ мое сердце.

— Пожалѣй же ты меня? Что я сдѣлала? Ну, ради всѣхъ святыхъ, скажи только одно слово: что я сдѣлала?

Въ голосѣ звучатъ сильнѣе слезы и отчаяніе.

Счеты стучатъ, какъ прежде.

Долгая, мучительная тишина.

— Дѣтей пощади! Вѣдь это и на нихъ дѣйствуетъ... Посмотри, вѣдь и они ходятъ, какъ мертвыя, говорятъ шепотомъ.

Голосъ матери становился глуше; въ немъ уже слышатся рыданія.

Счеты перестаютъ стучать, и вдругъ среди ночной тишины, я слышу тихій вопль отца и его рыданія. Опять шелеститъ платье. Это она встала.

— Слава Богу!—раздается ея радостный шепотъ:—Теперь тебѣ будетъ легче!

Я слышу тихій звукъ поцѣлуя, и понимаю, что это она поцѣловала его въ голову.

Черезъ нѣсколько мгновеній донесся чуть слышный, заглушаемый слезами, голосъ отца:

— Не знаю, что со мной дѣлается! Это безуміе, безуміе... Не спрашивай меня... Вотъ теперь вижу, что это безуміе... Теперь все прошло... Бѣдная ты моя, несчастная, мученица!...

И опять его тихія рыданія.

Я слышу, что онъ встаетъ, и оба идутъ въ темный залъ, и тихо, долго ходятъ тамъ и говорятъ тихо, безъ конца, и слышенъ иногда радостный смѣхъ. А я, счастливый, засыпаю.

На другой день нашъ домъ точно воскресаетъ.

Отецъ, за утреннимъ чаемъ, шутитъ съ нами и съ мамой, болтаетъ, острить, разсказываетъ.

Въ домѣ опять слышны голоса, смѣхъ и звуки человѣческихъ шаговъ.

Чудныя это были минуты!

IV.

— На чемъ бишь я вчера остановилась?—спрашивала на слѣдующій день Акимовна, когда я опять усѣлся вечеромъ на ея сундукъ.

— А на томъ, какъ мой прадѣдъ уѣхалъ отъ васъ, а Николай Семенычъ упалъ на коверъ.

— Такъ-такъ! Упалъ, миленькій, упалъ! Всѣмъ своимъ огром-

нымъ туловищемъ съ кресла скатился... Мы думали, что померъ, крикъ подняли!... Ну, да доктора отходили! Отдышался!... Сказывали тогда, что отъ полнокровія это съ нимъ вродѣ удара случилось... Однако, прохворалъ онъ тогда долгонько... въ постели, значитъ, лежалъ... И всѣ мы въ городѣ жили. И сталъ къ намъ каждый день ѣздить на квартиру одинъ изъ тѣхъ помѣщиковъ, который съ прадѣдушкой твоимъ на дуэль выходилъ, и ранилъ его, Скурындинъ, Петръ Павлычъ... Человѣкъ былъ съ состояніемъ хорошимъ: восемь сотенъ душъ крестьянскихъ имѣлъ. Но былъ ужъ человѣкъ пожилой, больной. А лицо—злое, презлое! Ну, конечно, всѣ сразу догадались, для чего онъ къ намъ зачастилъ. А тамъ и догадываться не нужно было, потому онъ все высказалъ Николаю Семенычу прямо: «Такъ и такъ, молъ, предлагаю вашей дочери руку и сердце... И прошу этого дѣла въ долгій ящикъ не откладывать: князь—человѣкъ безумный, онъ свою угрозу исполнитъ, если вы пріѣдете въ деревню съ Людмилой Николавной... Да еще раньше того исполнитъ, какъ только вы поѣдете, на дорогѣ со своими доѣзжачими нападетъ и похититъ... Онъ и на рану свою не посмотритъ... Я слышалъ, что вчера онъ уже уѣхалъ изъ Орла: на носилкахъ его въ возокъ вынесли... Взялъ съ собой доктора въ деревню... Подумайте сами: для чего бы ему такъ торопиться?»

«Много резоновъ представилъ тогда Петръ Павлычъ Николаю Семенычу. Ну, тотъ попросилъ два дня отсрочки, чтобы все обдумать, и съ Людмилой Николавной переговорить. Конечно, сдѣлалъ онъ это для «прилику», а самъ сразу рѣшилъ, что предложеніе Скурындина для него кладъ. Ты подумай только, миленькій, ни о чемъ не хлопотать насчетъ свадьбы! Сколько свадьба денегъ стоитъ, если ее не второпяхъ, а какъ слѣдуетъ сдѣлать!... Ну, и о приданомъ Скурындинъ молчалъ, потому очень онъ въ Людмилу Николавну влюбился, и не о томъ думалъ.

«И вотъ, миленькій ты мой, позвалъ къ себѣ Николай Семенычъ барышню, да и говоритъ ей:

— Твоей руки проситъ Скурындинъ, и я это дѣло уже рѣшилъ. Тебя же предупреждаю объ этомъ, чтобы ты приготовилась. Пріѣдетъ онъ, будь съ нимъ ласкова и весела...

«Не успѣлъ онъ этого проговорить, какъ Людмила Николавна тутъ же, около его постели, гдѣ онъ больной лежалъ, значитъ, упала, какъ мертвая, и два дня была словно въ бреду... Петръ Павлычъ по три раза въ сутки пріѣзжалъ о здоровьи ея узнавать; подарковъ навезъ, матерій разныхъ, браслетовъ драгоцѣнныхъ съ каменьями... А она только плачетъ въ три ручья, да шепчетъ мнѣ:

— Не могу я видѣть его! Противенъ онъ мнѣ! Постылъ онъ мнѣ! Не могу его видѣть! Что мнѣ дѣлать? Что дѣлать?

«Такъ ужъ, примѣрно, на пятый день, позвалъ меня къ себѣ въ комнату Николай Семенычъ, велѣлъ двери отворить изъ своего кабинета и изъ комнаты барышни, чтобы она, значитъ, его всѣ слова слышала, и заоралъ благимъ матомъ, такъ что окна зазвенѣли, а я не знаю, какъ и на ногахъ устояла:

— Скажи, молъ, этой... (ну, тутъ онъ такое слово сказалъ, что не только о дочери родной, а даже о послѣдней сѣнной дѣвкѣ сказать его обидно), что ежели она сегодня же не встанетъ съ постели, да не приметъ честь-честью Петра Павловича, я ее черезъ своихъ холоповъ здѣсь же запорю до полусмерти, а замужъ за Скурындина все-таки выдамъ... Маршъ!...

Ни жива, ни мертва выскочила я изъ его кабинета, а онъ еще громче заоралъ:

— Филька! Скажи кучеру и форейтору, чтобы навязали розогъ березовыхъ, да подлиннѣе, да вымочили ихъ въ водѣ съ солью... Маршъ! Живо!

Голосъ Акимовны въ этомъ мѣстѣ перервался, и она стала всхлипывать, а изъ ея старческихъ глазъ быстро закапали слезы.

Немножко успокоившись, она заговорила снова:

«Ну, что-жъ было больше дѣлать? Встала Людмила Николавна съ постели ни жива, ни мертва, краше въ гробъ кладутъ... Въ лицѣ ни кровинки... Руки, какъ плети, по бокамъ мотаются... Ножками едва переступить можетъ, спотыкается, такъ что я ее руками держу...

— Одѣнь меня, говоритъ... Должна я его принять...

И слова эти говорила тихо, едва разслышать можно... Потому дыханіе у нея захватило, миленькій... Посадила я ее въ кресло и стала одѣвать... А изъ кабинета опять крикъ, словно труба:

— Филька, розги готовы?...

Тутъ ужъ и мое сердце не стерпѣло, бросила я на минутку Людмилу Николавну, вбѣжала въ кабинетъ и, ужъ сама не помню какъ, говорю барину:

— Да согласна она! Одѣвается... Не мучайте ея больше! Помретъ она...

Сказала это, да назадъ къ барышнѣ...

Ужъ не знаю, какъ это тогда мнѣ сошло, какъ меня тогда этими же розгами, что были приготовлены для барышни, не засѣкли до смерти: не терпѣлъ онъ, Николай-то Семенычъ, чтобы холопы передъ нимъ свое слово говорили... Ну, да, вѣрно, Богъ тогда меня спасъ, али ужъ очень обрадовался баринъ, что Людмила Николавна

согласіе дала, а только ничего онъ тогда мнѣ за эти слона не сдѣлалъ; однако, послѣ ихъ припомнилъ... Ахъ, Господи Батюшка!... Ужъ припомнилъ!... Только вспоминать этого не надо... Царствіе ему небесное, прости его Господи!...

И она долго крестилась, повернувшись къ образамъ, а въ глазахъ ея былъ такой ужасъ, какого я послѣ не видѣлъ ни разу въ жизни... Впрочемъ, видѣлъ одинъ разъ, въ Орлѣ случайно, когда мнѣ было ужъ лѣтъ шестнадцать: попалъ я на площадь, всю залитую народомъ, посреди площади стоялъ высокій черный помостъ, на немъ расхаживалъ палачъ въ красной рубахѣ и размахивалъ чѣмъ-то вродѣ короткаго кнута или плети. И вдругъ толпа замерла, раздалась, и среди нея показалась черная телѣга, окруженная солдатами, а на телѣгѣ, на высокой скамейкѣ привязанная спиной къ лошади, болталась женская фигура въ армякѣ, повязанная платкомъ... Голова не держалась на плечахъ, а какъ маятникъ, билась изъ стороны въ сторону. Вотъ телѣга подъѣхала ближе ко мнѣ, и я увидѣлъ лицо молодой женщины, которую везли наказывать плетьми...

Нѣтъ, не могу описать этого лица! Не въ силахъ думать о немъ!

Продолжаю разсказъ Акимовны.

«Ну, и выдали замужъ нашу голубушку,—продолжала она,—и увезъ ее прямо изъ города Петръ Павлычъ, да не въ Орловскую свою усадьбу, а въ Тамбовскую, значитъ, подальше отъ твоего прадѣдушки... Боялся онъ его...

«Упрашивала Людмила Николавна передъ отъѣздомъ, чтобы меня съ нею взять, да Скурындинъ не захотѣлъ. Видно чувствовалъ, что плохо будетъ у него жить барышнѣ, и что я одна буду у нея близкая, съ которой можно своимъ горемъ подѣлиться!... Не взялъ! А ужъ какъ она, голубушка, убивалась, какъ плакала, когда прощалась со мной.

Акимовна опять отерла свои глаза концомъ чернаго головного платка, и опять на нѣсколько времени разсказъ оборвался.

«Три года послѣ того я не видѣла ея, мою голубушку,—продолжала Акимовна,—и много въ тѣ три года случилось... И перво-на-перво вотъ что. Было это дѣло на святкахъ... Всего недѣлю послѣ того, какъ мы пріѣхали съ бариномъ изъ города, проводивши молодыхъ въ Тамбовъ.

«Ну, при барышнѣ, святки у насъ были довольно веселыя, другія барышни пріѣзжали, наряжались, по сосѣдямъ ѣздили ряженыя, танцовали... Ну, а безъ Людмилы Николавны стала наша усадьба, какъ берлога...

«И вотъ, миленькій ты мой, разъ ночью, проснулась это я, а со-

баки на дворѣ такъ и заливаются, такъ и рвутся... Думаю себѣ: «что такое? Господи Исусе Христе! На кого это онѣ?» Разбудила другихъ дѣвушекъ, а ключница—старуха у насъ была, Ѳедосѣевна, та ужъ и сама встала, и огонь вздула. Тогда, миленькій, спичекъ еще не было такихъ, какъ теперь, а дѣлали сами такія длинныя изъ лучины, и въ жидкую сѣру ихъ обмакали... А когда нужно такую спичку зажечь, лезли въ печку, выгребали горячій уголекъ и сѣрнымъ концомъ къ нему, къ угольку-то. Ну, сѣра и загоралась... И вотъ, миленькій, не успѣла еще Ѳедосѣевна огня зажечь, какъ нашу дверь кто-то дернулъ снаружи, а была она на крючкѣ, и еще дернулъ, а затѣмъ сталъ тихо стучать.

— Кто тамъ?—спрашиваетъ Ѳедосѣевна.

— Свои! Отворите поскорѣе... Сарай у васъ загорается...

«Ѳедосѣевна и отвори дверь-то! И не успѣла я глазомъ моргнуть, глядь, а въ нашей дѣвичей ужъ цѣлая толпа! И на всѣхъ черныя маски! И бросились они сперва на Ѳедосѣевну, потомъ тутъ же и на другихъ... Ко мнѣ тоже трое подбѣжали, запихали въ ротъ какую-то мочалку, подняли за плечи и стянули руки на спинѣ такъ, что и шелохнуться нельзя...

«Со страху я словно въ лихорадкѣ трясусь и ничего понять не могу, что такое? Какіе такіе люди? Не то разбойники, не то двунадесять языкъ опять на Расею ворвался... А они торопятъ: показывай имъ, гдѣ комната барышни и барина... А сами дверь опять на крючокъ и около нея стражу поставили.

«Тутъ только я замѣтила, что одинъ съ костылемъ подъ мышкой и его подъ руки поддерживаютъ... Замѣтила, что они одѣты всѣ одинаково: въ коротенькихъ тулупахъ, ремнями перетянутыхъ, въ валенкахъ, въ барашковыхъ шапкахъ.

«Повели мы ихъ въ комнату барина и въ спальню барышни. Баринъ ужъ проснулся, и Филька былъ у него, и свѣчи зажегъ. Сразу ватага раздѣлилась: одни бросились на Фильку, заткнули ему ротъ, связали руки и повалили его на полъ, другіе бросились на Николая Семеныча. Однако, онъ имъ не сразу дался, долго боролся: подойдутъ къ его кровати, только хотятъ его схватить, а онъ, какъ шарахнетъ то того, то другого, такъ они и летятъ отъ него на полъ, словно подушки. Ну, однако, подъ конецъ, осилили его; человѣкъ пятнадцать сразу на него бросились, сѣли на него да и стали веревками крутить и руки, и ноги. Такъ онъ кусаться сталъ. Ну, а въ барышнину комнату бросились только три человѣка, и въ одномъ, который былъ на костылѣ, я сейчасъ узнала князя, твоего прадѣдушку, хоть онъ и былъ въ маскѣ... Какъ увидѣлъ онъ, что ея ком-

ната пуста, сейчасъ у Ѳедосѣевны затычку изо рта выхватилъ и спрашиваетъ не своимъ голосомъ:

— А гдѣ же Людмила Николавна?

— Въ Тамбовской, молъ, губерніи...

— Зачѣмъ она тамъ?

— Замужъ, молъ, вышла.

— За кого?

— За Скурындина.

Онъ даже затрясся весь, да ко мнѣ:

— Это правда?—говоритъ.

— Правда,—отвѣчаю.

— Да когда-жъ ее выдали?

— А тогда же, въ городѣ...

Словно ноги у него подкосились: упалъ на барышнину кровать лицомъ въ подушку, зубами заскрипѣлъ, подушку руками сжалъ, а плечи у него ходуномъ ходятъ: заплакалъ, значитъ, только тихо... Ну, тутъ одинъ съ нимъ былъ, потолкалъ его въ плечо и шепчетъ:

— Опомнись! Надо уѣзжать, пока деревня не собралась. Здѣсь дѣлать нечего больше!

Поднялся князь съ постели, оглянулъ кругомъ комнату, взялъ въ руки подушечку маленькую, что наверху лежала,—думкой называется,—поцѣловалъ ее и сунулъ къ себѣ за пазуху... А потомъ крикнулъ своей челяди:

— На коней, ребята! Живо!

Выскочили они, а двери снаружи приперли... Бросились мы тогда къ барину, а развязать его не можемъ: у самихъ руки связаны. А онъ,—царство ему небесное,—лежитъ съ завязаннымъ ртомъ и только глазищи у него колесами катаются... И жаль его было, ну, да и не совсѣмъ жаль! Потому,—не любили его. Жестокъ очень былъ. Можетъ, кто-нибудь и могъ бы плечомъ окно вышибить, да народъ позвать, однако, показывали видъ, что сдѣлать ничего не могутъ; топчутся всѣ вокругъ него, да смотрятъ, какъ онъ буркулами ворочаетъ да мычитъ...

И долго такъ продолжалось, пока кто-то изъ сторожей,—а они всѣ во дворѣ тоже перевязаны были,—не доползъ до деревни... Ну, тутъ вся деревня сбѣжалась. Отперли дверь, развязали насъ и барина. А баринъ-то и говорить ничего не можетъ, только мычитъ. Языкъ у него, значитъ, отнялся. И вся лѣвая сторона туловища,—и нога лѣвая, и рука,—все отнялось.

— Дѣти! Спать пора!—произнесла свою обычную фразу мама, появляясь у дверей.

И я съ братомъ, простившись съ Акимовной, побѣжали въ дѣтскую.

V.

Но на слѣдующій день произошло событіе, которое отъ насъ, всѣхъ дѣтей, старательно скрывали; однако, я чувствовалъ, что произошло что-то очень важное, мучительное для всѣхъ, и даже ужасное: всѣ о чемъ-то тревожно перешептывались, замолкая тотчасъ, какъ только я входилъ. Мать плакала и не выходила изъ своей комнаты, гдѣ держала и насъ около себя. Отецъ былъ за вечернимъ чаемъ мраченъ, не проронилъ ни одного слова, а послѣ чая заперся въ своемъ кабинетѣ и не выходилъ оттуда, отказавшись отъ ужина.

По нѣкоторымъ признакамъ я понялъ, что произошло какое-то ужасное событіе съ нашей любимицей, горничной Палагеей, или Полькой. Ее не было вечеромъ въ дѣвичьей, да и среди шопота я разъ слышалъ ея имя.

Кстати о ней нѣсколько словъ.

Это была здоровая, румяная, коренастая дѣвушка, лѣтъ двадцати трехъ, не особенно красивая, немножко рябая, вѣчно веселая. Одинъ недостатокъ у нея былъ—неряшливость: ея бѣлокурые волосы рѣдко были въ порядкѣ, хотя и пахли всегда коровьимъ масломъ, употреблявшимся ею вмѣсто помады. Платье и фартукъ постоянно были въ пятнахъ, чѣмъ вызывали длинныя нотаціи со стороны нянькн Ѳоминишны и моей матери, но ничто не помогало...

Мы, дѣти, очень ее любили: она была товарищемъ всѣхъ нашихъ игръ и увлекалась ими не меньше насъ. Въ пряткахъ, горѣлкахъ, ряженьи на святкахъ и т. п., она волновалась такъ же непосредственно и горячо, какъ мы сами, а ужъ объ игрѣ въ карты и говорить нечего: каждый разъ, когда мы играли въ дурачки, короли или въ фофаны, она спорила чуть не до слезъ, какъ настоящій ребенокъ. Нужно ли объяснять, какъ все это сближало насъ съ нею? Но не одно это: ей были извѣстны десятки съѣдобныхъ дикихъ растеній, корешковъ и сѣмянъ, которыми лакомятся крестьянскіе ребята: тутъ былъ и «свергибусъ», и «маслятки», и «просвирочки», и все это она научила насъ собирать и ѣсть. Ко всѣмъ этимъ ея заслугамъ и достоинствамъ прибавлялось еще и то, что она очень хорошо пѣла крестьянскія пѣсни. Думаю, что пѣла она хорошо, потому что я не могъ безъ слезъ слушать знаменитую «Лучинушку», когда ее пѣла Полька. Но она знала и много пѣсенъ юмористическихъ. Въ одной, напримѣръ, выражался протестъ молодой жены противъ стараго, ревниваго мужа:

Отдалъ меня батюшка за стараго замужъ:
Старъ, гулять не ходитъ и мнѣ не велитъ.
Я же младешенька догадлива была:
Прялочку взяла, въ посидѣлочки пошла.
Прялочку на лавочку,—сама за игру...
Пѣтухи пропѣли, сижу млада, сижу,
Вторые пропѣли—не думаю идти,
Третьи пропѣли, заря занялась,—
Я же молодешенька встала поднялась;
Иду ко двору,—старый ходитъ по двору...

Дальше ужъ начинаются крѣпкія слова, отъ которыхъ моя мать пришла бы въ ужасъ, если бы узнала, что Полька распѣваетъ для меня такія пѣсни. Но мать объ этомъ ничего не знала, такъ какъ Поля пѣла во время нашихъ прогулокъ. Впрочемъ, крѣпкія слова ся пѣсни не имѣли въ сущности ничего ужаснаго; мужъ кричалъ женѣ:

Шельма ты, жена, не таперя ты пришла!

А жена ему отвѣчала:

Старый хрѣнъ, ты не бредишь ли!
Сѣдая собака, не во снѣ ли говоришь!

Пѣсни Поли такъ врѣзались въ мою память, что я до сихъ поръ не забылъ не только ихъ словъ, но и мотивовъ.

Замѣчательно, что «щекотливые» моменты этихъ пѣсенъ я понималъ только въ предѣлахъ моего тогдашняго знанія жизни. Такъ, напримѣръ, я въ то время не подозрѣвалъ, что мужчина чѣмъ-нибудь отличается отъ женщины, кромѣ костюма и бороды, и вотъ, такія мѣста, хотя бы «Лучинушки», въ которыхъ говорится:

Сестрицы мои подруженьки, ложитеся спать,
А мнѣ младой дѣвицѣ всю ночку не спать,
Постелюшку стлать да милаго ждать.—

я понималъ въ томъ смыслѣ, что эта дѣвушка любитъ кого-то приблизительно такъ, какъ меня любила мама, и вотъ этотъ любимый человѣкъ куда-то пропалъ; съ нимъ, должно быть, случилось какое-нибудь несчастіе, напримѣръ, онъ заблудился въ полѣ въ метель, или его убили разбойники. И вотъ, невѣста его ждетъ всю ночь и тоскуетъ такъ, какъ я, напримѣръ, тосковалъ о матери, когда она уѣзжала куда-нибудь надолго. Отъ этого-то пѣсня бѣдной дѣвушки такъ печальна, что невольно льются и у меня слезы, когда я слушаю ее.

Было у Поли и еще одно свойство, дорогое для насъ, дѣтей: она

любила поговорить, что зависѣло, конечно, отъ того, что говорить ей у насъ дома было не съ кѣмъ, а изъ дома ее никуда не пускали даже по праздникамъ. Родители ея умерли. Единственный близкій ей человѣкъ,—ея родной братъ, служилъ у насъ же кучеромъ. И вотъ, понятно, что вся потребность общественности, свойственная каждому человѣку, изливалась у нея на насъ, дѣтей: съ нами она готова была болтать безъ конца обо всемъ, и часто даже о такихъ вещахъ, которыя отъ насъ, дѣтей, скрывали. Такъ, отъ нея я узналъ, что мой дѣдушка по отцу, Александръ Егоровичъ, пьетъ запоемъ, что его на время запоя запираютъ на замокъ въ томъ домикѣ, который выстроенъ нарочно для него въ дальнемъ углу сада, куда намъ было запрещено ходить, что прежде онъ жилъ вмѣстѣ съ нами въ большомъ домѣ, но потомъ такъ опустился, что пришлось ему построить особый домикъ, а въ большой домъ онъ сталъ только ходить обѣдать, да и то, когда гостей нѣтъ, потому что одѣваться онъ сталъ неряшливо, да и хорошей одежи ему нельзя дать: какъ только наступитъ его запой, онъ ее возьметъ да и пропьетъ. Даже опеку на него наложили, и онъ теперь ничѣмъ ни въ имѣніи, ни въ домѣ распорядиться не можетъ. Поля очень жалѣла дѣда и вотъ какъ разсказывала мнѣ объ этомъ, мигая часто своими добрыми, сѣрыми глазами, безъ рѣсницъ, что бывало всегда, когда она волновалась

VI.

Дѣдъ и раненый журавль.

— Когда у него начинается этотъ самый запой, онъ, миленькій ты мой баренокъ, ничѣмъ своей жажды (она говорила—зажды) напоить не можетъ. Ведро водки ему дай, онъ выпьетъ и еще просить станетъ. Папенька ему давалъ всегда графинъ водки на день, и во время запоя даже два графина, а ему все мало. Спервоначалу сталъ онъ все съ своего двора таскать, что на глаза попадется, хомутъ такъ хомутъ, колокольчикъ такъ колокольчикъ. Сейчасъ за рѣку, въ Иванино! Тамъ тогда четыре кабака было... Ну, потомъ стали все запирать отъ него. Такъ онъ у мужиковъ сталъ таскать со двора; конечно, папашенька твой сейчасъ эти вещи выкупалъ. А надо ему было это только для того, чтобы заставить ихъ выкупить, потому что такъ денегъ ему баринъ не давалъ... Ну, миленькій мой баренокъ, пригрозилъ тогда твой папенька крестьянамъ: «не буду, молъ, выкупать! Зачѣмъ не прячете? Сами виноваты». Ну, стали и они все прятать да остерегаться. И тогда придумалъ твой дѣдушка новую штуку. Была у него собака Валетка, вродѣ лягавой, и нигдѣ онъ съ

ней не разставался. И слушалась она его, словно какъ человѣкъ, и всякое слово понимала. Идетъ, бывало, дѣдушка по дорогѣ, а навстрѣчу, напримѣръ, ѣдетъ попъ или мужикъ богатый. И какъ только дѣдъ прошелъ мимо и остался позади, сейчасъ показываетъ Валеткѣ на шапку у того проѣхавшаго, а самъ идетъ дальше, и когда уже совсѣмъ скроется, тогда крикнетъ Валеткѣ: «маршъ! пиль!» И сейчасъ Валетка бросается за проѣзжимъ, подкрадывается къ нему сзади, срываетъ шапку и несетъ къ дѣду, который уже давно скрылся изъ виду. Эту шапку дѣдъ несетъ въ кабакъ какого-нибудь сосѣдняго села и получаетъ за нее водку.

— Ну, значитъ, Поля, онъ воръ былъ!

— Какой воръ! Вѣдь, дѣдушка же зналъ, что твой папаша дастъ деньги на выкупъ шапки, и всегда тѣмъ дѣло и кончалось: то-есть, за все платился твой папаша. Не всегда утаскивала собака одни шапки. Все, что дѣдъ увидитъ у кого-нибудь на дворѣ ли, въ лавкѣ ли, гуся, поросенка, и опять дѣло идетъ въ томъ же порядкѣ! Твой папаша послалъ предупредить всѣхъ цѣловальниковъ въ округѣ, чтобы они не брали вещей, приносимыхъ дѣдушкой, вышло еще того хуже: если какой-нибудь цѣловальникъ отказывался дать ему водки подъ вещь, дѣдушка разбивалъ кабакъ вдребезги, а цѣловальника колотилъ... И вотъ, миленькій мой баренокъ, рѣшилъ твой папаша отдать кому-нибудь въ далекія мѣста потихоньку отъ дѣдушки его Валетку. Два раза ее отдавали за сорокъ, даже за шестьдесятъ верстъ, и каждый разъ она прибѣгала назадъ къ дѣдушкѣ, несмотря на то, что во второй разъ увезли ее въ темномъ ящикѣ, и она не могла видѣть дороги. Убить же ее папаша твой не рѣшался, жалѣлъ: собака была умная, какъ человѣкъ, жила у насъ много лѣтъ, и ее такъ всѣ любили, что даже и провожали ее со слезами... Только въ третій разъ удалось ее отдать, въ другую губернію, верстъ за полтараста; послѣ этого она уже больше не возвращалась, и дѣдъ остался одинъ.

Исторію эту Поля разсказала мнѣ однажды осенью, когда мы сидѣли въ саду, и мнѣ стало жаль и дѣда, и бѣдную собаку.

— А нельзя ли, Поля, ее отыскать и вернуть? Дѣдушка не будетъ больше такъ дѣлать.

— Гдѣ теперь ее искать! Ее, вѣрно, и на свѣтѣ нѣтъ давно. Ужъ если бы жива была, такъ за тысячу бы верстъ она отыскала его! И ни за что я не повѣрю, что она его не отыскивала. А, должно быть, ее убили на дорогѣ, или она утонула гдѣ-нибудь, переплывая рѣку.

Поля очень жалѣла дѣда. Разсказавъ мнѣ исторію Валетки, она добавила:

— Ужъ очень тосковалъ Александръ Егорычъ тогда о собакѣ;

такъ тосковалъ, такъ тосковалъ, что жалко смотрѣть было... Исхудалъ весь и все ходилъ, и у всѣхъ въ домѣ просилъ:

— Верните мнѣ Валетку! Скажите, куда вы ее отдали. Я пѣшомъ пойду хоть за сто верстъ, а найду ее. И къ барину приходилъ, плакалъ, страшныя клятвы давалъ, что пить совсѣмъ броситъ, если ему скажутъ, гдѣ Валетка. Ну, однако, самъ посуди, миленькій ты мой баренокъ, можно ли было ему въ этомъ повѣрить? Ужъ это не возможно—всю жизнь пить, а потомъ бросить. Это болѣзнь такая: червякъ въ середкѣ заводится и сосетъ, сосетъ, пока человѣкъ ему водки не дастъ. Не отъ самого это человѣка, а отъ червяка.

— Поля, сходимъ къ дѣдушкѣ, навѣстимъ его! Вѣдь, ему, должно быть, очень скучно одному.

— Еще бы не скучно, дорогой мой баренокъ!... Вѣдь это хоть кому скучно сдѣлается: всегда одинъ, да одинъ ..

— Ну, такъ сходимъ къ нему,

— Нельзя, милый! Папаша строго мнѣ запретилъ не пускать тебя даже въ ту половину сада, гдѣ его флигелекъ.

— Да мы не скажемъ, Поля, что были у дѣдушки.

— Онъ самъ проговорится можетъ, когда обѣдать придетъ.

— А я ему скажу, чтобы не говорилъ... Пойдемъ, Поля! Жалко мнѣ его! Какъ же папа съ мамою его не пожалѣютъ!

— И они жалѣютъ, милый, да только ничего они сдѣлать не могутъ. Разъ онъ, вѣдь, какую штуку устроилъ, когда его не запирали, а Валетки ужъ не было: ушелъ онъ да и пропилъ все съ себя до послѣдней нитки, да такъ и вернулся совсѣмъ голый, среди бѣлаго дня... Идетъ по деревнямъ въ чемъ мать родила, да и ругаетъ твоего папашу:

«Смотрите, молъ, люди добрые, до чего меня мой сынъ родной довелъ! Голый долженъ ходить!» Ну, вотъ и стали его запирать, когда на него найдетъ эта линія.

— А что же онъ дѣлаетъ, когда не пьетъ?

— Лежитъ, трубку куритъ, скворца учитъ говорить. А то играетъ на гитарѣ, и подъ носъ себѣ что-то бурчитъ... Журавля дразнитъ или кормитъ.

У насъ въ саду жилъ подстрѣленный журавль, принесенный кѣмъ-то отцу.

— А ты когда же его видишь?

— А когда зачѣмъ-нибудь пошлютъ, снести что-нибудь или къ обѣду позвать, ежели опоздаетъ.

— А когда съ нимъ запой, какъ же ему ѣсть даютъ?

— А тогда носитъ лакей Василій. Въ окошечко ему ставитъ; окошечко снаружи отворяется.

— И водку ставитъ?

— И водку.

— Пойдемъ, Поля, посмотримъ, какъ онъ живетъ. Теперь у него нѣтъ запоя; теперь онъ тихій. Онъ радъ будетъ намъ... Пойдемъ, голубушка, Поля!

— Охъ, наживу я съ тобой бѣду! Да ничего съ тобой не подѣлать, пойдемъ.

Было это въ концѣ сентября. Садъ стоялъ въ желтомъ, оранжевомъ и красномъ уборѣ опадающей листвы. Солнце свѣтило ярко и холодно на безоблачномъ небѣ. На немъ высоко тянулись серебристыми нитями летающія паутины.

Мы съ Полей направились, озираясь по сторонамъ, къ запретной части сада. Она была совсѣмъ запущена; дорожекъ не было. Единственная тропинка, протоптанная въ этомъ уныломъ мѣстѣ, вела къ жилищу дѣда. Вся эта часть сада заросла малинникомъ да крапивой, такими высокими, что я совсѣмъ терялся въ нихъ какъ въ лѣсу. Теперь все это было высохшее, сѣрое; торчали только одни стебли, да между ними кое-гдѣ поднимались старыя засохшія яблони, вымазанныя глиной; ихъ вѣтви были подперты кольями. Эти яблони со своими покрытыми мохомъ черными вѣтвями казались мертвецами. Все здѣсь напоминало смерть и мертвецовъ. И когда я увидѣлъ, въ углу этого сада, около двухъ старыхъ заборовъ, сходящихся тутъ, небольшой, въ два крохотныхъ окошечка, домикъ, съ соломенной крышей, надъ которой торчала одинокая труба, мнѣ этотъ домикъ показался не мѣстомъ для жизни человѣка, а могилой.

Дѣдъ сидѣлъ на лавочкѣ у двери.

Это былъ худощавый высокій старикъ, съ совершенно бѣлой, какъ снѣгъ головой, и такой же бѣлой, подстриженной бородкой. Онъ курилъ трубочку-носогрѣйку съ короткимъ чубукомъ и что-то стругалъ большимъ складнымъ ножомъ.

Одѣтъ онъ былъ въ свой обычный костюмъ, котораго не мѣнялъ, кажется, ни зимой, ни лѣтомъ: нѣчто вродѣ длиннаго казакина на мелкихъ барашкахъ, крытаго сѣрымъ сукномъ. На его сѣдой головѣ была высокая бѣлая, остроконечная мерлушковая шапка.

Услышавъ наши шаги, дѣдъ приподнялъ голову. Въ его позѣ, въ живыхъ сѣрыхъ глазахъ, въ худощавомъ лицѣ, почти безъ морщинъ, не было и признаковъ старчества, хотя было ему уже около 70 лѣтъ. Онъ былъ бодръ, строенъ и легокъ, какъ юноша, и если бы

не эти серебряные волосы на головѣ и бородѣ, вы не узнали бы, что это глубокій старикъ.

— А-а!—протянулъ онъ, съ изумленіемъ, но довольно радостно, поднимаясь къ намъ навстрѣчу и во весь свой высокій ростъ.—Вотъ неожиданные гости! Здорово, братъ! Здравствуй, краснощекая! Ну, однако, какъ вы забрались сюда? Иди, иди не бойся, я не кусаюсь!—обратился онъ ко мнѣ.

И, очиствъ скамеечку отъ стружекъ, дѣдъ посадилъ меня рядомъ съ собою, легко приподнявъ меня на воздухъ подъ мышки.

— Да вотъ упросилъ меня баловникъ-то,—смущенно опуская глаза, но бойко заговорила Поля,—поведи, да поведи посмотрѣть, какъ дѣдушка живетъ! Ему, молъ, скушно одному-то! Вотъ и привела. Отъ него, вѣдь, не отдѣлаешься, какъ чего-нибудь запроситъ! Вы ужъ, дѣдушка, не говорите дома-то, что мы были, а то мнѣ отъ барина достанется.

— Знаю, знаю, ты не учи! Запрещаютъ внуку даже взглянуть, какъ дѣдъ живетъ! Ну, да я Егора не виню. Конечно, дѣтямъ я примѣръ плохой. А такъ, онъ добрый, Егоръ! А мама твоя,—обратился онъ ко мнѣ,—еще добрѣе! Ну, я самъ виноватъ!... А тебѣ спасибо, что захотѣлъ на дѣдушку взглянуть... Спасибо...

Онъ наклонился и поцѣловалъ меня въ щеку. Отъ него сильно пахло простымъ, дешевымъ табакомъ.

— Ну, чѣмъ же мнѣ тебя угощать? Есть груши, яблоки... Хочешь принесу?

— Нѣтъ, дѣдушка, не стоитъ. А покажи мнѣ журавля...

— Журавля? Хе-хе-хе! Такъ! Ну, и журавля покажу! Онъ тутъ гдѣ-то путается...

— И дѣдъ сталъ покрикивать съ короткими перерывами: «Курлу, курлу!»...

Скоро въ малинникѣ и крапивѣ послышался шорохъ, и невдалекѣ отъ насъ показалась сперва голова, а затѣмъ и вся фигура большой птицы на длинныхъ ногахъ. Журавль, увидѣвъ незнакомыя лица, несмотря на посвистыванія дѣда, не хотѣлъ подойти ближе.

— Отчего ты его зовешь «Курлу?»—спросилъ я.

— А это онъ такъ самъ себя называетъ. Ты нѣшто не слыхалъ, какъ они кричатъ, когда по небу летятъ вереницей?... Всегда кричатъ: «курлу, курлу!»... Люблю я, какъ они летятъ! Высоко, высоко!

— А куда же они летятъ?

— А въ страны далекія, южныя... На родину къ себѣ... Къ намъ они только въ гости прилетаютъ на весну, да на лѣто... А осенью опять домой... Вотъ этотъ, бѣдняга, какъ услышитъ въ небѣ

ихъ крикъ, и Господи! что съ нимъ только дѣлается! Начнетъ метаться, бѣгать, крыльями машетъ, вверхъ подпрыгиваетъ: вѣрно, думаетъ, что полетѣть можетъ за ними! И кричитъ тоже, какъ они: «Курлу, курлу!»... Жалобно, протяжно, словно зоветъ ихъ помочь... Словно жалуется и плачетъ... Да ужъ не полетишь! Крылья ошиблены... Да!—дѣдъ глубоко вздохнулъ и, помолчавъ немного, проговорилъ, какъ бы про себя, глухимъ голосомъ:—Бѣда, бѣда, какъ у кого крылья ошиблены!...

Я почувствовалъ, что дѣдъ о себѣ говоритъ, что это у него крылья ошиблены, и хотѣлъ бы онъ тоже подняться и стать человѣкомъ, какъ всѣ, и улетѣть далеко-далеко отъ своей кельи, да ужъ не подняться ему, какъ и несчастному, подстрѣленному журавлю.

И долго молчалъ дѣдъ, смотря унылыми глазами то на журавля, то куда-то въ даль синяго, чистаго неба. Но вотъ онъ встрепенулся:

— Да, да, милый мой, жаль тебѣ журавля, жаль? Одинъ онъ, совсѣмъ одинъ! А тамъ... летятъ, летятъ высоко, далеко... въ хорошія, теплыя страны!... И всѣ вмѣстѣ, всѣ дружно летятъ... Ну, а онъ здѣсь одинъ... Не долго ему жить!... Вотъ холода наступятъ, и не вынесетъ онъ!... И лучше, легче ему будетъ, какъ все кончится! Охъ, какъ легче!... Ничего чувствовать не будетъ! Ничего вспоминать не будетъ!... А вспоминать у него есть о чемъ! Много онъ видалъ, бѣдняга, на своемъ вѣку, когда на широкихъ, сильныхъ крыльяхъ свободно леталъ подъ самымъ небомъ...

Дѣдъ опустилъ свою голову на грудь и сильнѣе сталъ сосать свою трубку, но она погасла.

Онъ вынулъ изъ кармана штановъ кремень, желѣзное огниво и желтоватые кусочки трута. Отъ удара огнива о кремень полетѣли вокругъ его рукъ искры, трутъ задымился, и трубочка закурена снова.

— Ну, хочешь посмотрѣть, какъ я живу? — спросилъ дѣдъ.— Пойдемъ покажу...—и онъ взялъ меня за руку.

Черезъ низенькій порогъ мы вошли въ крохотныя сѣни, а оттуда черезъ дверь, обитую войлокомъ, въ небольшую комнатку съ двумя окошечками, настолько небольшими, что пролѣзть черезъ нихъ такой гигантъ, какъ дѣдъ, не могъ бы. Впрочемъ, свѣта въ комнатѣ было достаточно. Почти треть ея занимала печка съ душникомъ и широкой длинной лежанкой. Убранство комнаты было приспособлено къ періодамъ буйнаго состоянія у несчастнаго старика: массивный, грубый, простой столъ, плотничной работы; двѣ такія же табуретки, да кровать деревянная и такая же массивная. Сундукъ въ одномъ углу, окованный желѣзомъ.

Воздухъ комнаты пропитанъ табачнымъ запахомъ.

Въ переднемъ углу старая, закопченая икона безъ ризы и лампадки. На одной стѣнѣ гитара.

На полу и на столѣ оструганныя палочки для клѣтокъ, которыя любилъ самъ дѣлать дѣдушка, занимавшійся птицеловствомъ въ свѣтлые промежутки своего печальнаго существованія.

Вотъ и вся обстановка этого невольнаго отшельника.

Поля стала торопить меня, чтобы кто-нибудь не замѣтилъ.

Дѣдъ тоже не удерживалъ. Онъ сталъ къ концу нашего визита замѣтно суровѣе и какъ бы ушелъ въ себя. Быть можетъ, непривычный гость и необходимость «занимать» его (т.-е. меня) уже успѣли утомить его больные нервы. Однако, мнѣ не хотѣлось еще уходить: вѣдь я не успѣлъ спросить его о томъ, что меня интересовало больше всего, а именно о прадѣдѣ. Дѣдушка, вѣроятно, помнитъ своего отца и можетъ разсказать о немъ много интереснаго, чего не знаетъ даже сама Акимовна. Но какъ спросить объ этомъ дѣда, когда онъ, видимо, усталъ отъ нашего визита? И тѣмъ не менѣе любопытство мое было такъ велико, что я рѣшился.

— Дѣдушка,—сказалъ я,—ты помнишь своего отца?

— Вотъ чудной мальчишка! А для чего это тебѣ нужно знать?—спросилъ дѣдъ больше съ удивленіемъ, чѣмъ съ досадой, хотя въ голосѣ его, какъ мнѣ показалось, были и нетерпѣніе, и досада.

— Да какъ же, дѣдушка? Вѣдь онъ былъ мой предокъ: нужно же знать о немъ, каковъ онъ былъ.

— Пожалуй, ты и правильно это говоришь... Ну, только это былъ у тебя такой предокъ, котораго лучше бы, если бы не было совсѣмъ!—и у дѣда стали очень злые глаза.

— Да почему же такъ, дѣдушка? А я думалъ, что ты его любишь! Онъ мнѣ ужасно нравится! Такой былъ молодецъ! Смѣлый, не давалъ себя въ обиду.

— Нечего сказать, хорошъ молодецъ, будь онъ проклятъ отнынѣ и вовѣки! Все уничтожилъ, что предки пріобрѣли своими заслугами государямъ и отечеству! Онъ все это по вѣтру пустилъ изъ-за бабы! Чтобъ ему и на томъ свѣтѣ покою не было! Чтобъ ему тамъ наши бѣды ни минуты покоя не давали! Негодяй онъ былъ, хотя и отецъ мнѣ! Вотъ что! И ты это помни и заруби на своемъ глупомъ носу! Дуракъ ты! Не будь ты совсѣмъ болванъ, я бы тебѣ показалъ, какъ его при мнѣ хвалить!

Дѣдъ кричалъ на меня такъ громко, глаза его сдѣлались такими страшными, а кулаки такъ сжимались, что я заревѣлъ и, бросившись къ Полѣ, крикнулъ:

— Уйдемъ скорѣй! Прибьетъ!

— Не бойся, не бойся, милый мой баренокъ! Онъ это такъ; онъ ничего не сдѣлаетъ, онъ только шумитъ!—и, обратившись къ дѣду, она прибавила съ укоромъ:—У, безстыдникъ! А еще старый человѣкъ! Какъ ребенка напугалъ! Вотъ никогда больше нога моя у тебя не будетъ, срамникъ! Отца ругаетъ, а каковъ самъ-то!

— Ты еще тутъ у меня поразговаривай! Вонъ отсюда, и чтобъ духомъ твоимъ тутъ не пахло!

— Нечего меня гнать, сама уйду! А вотъ ты напросишься, чтобы пришла, да теперь ужъ тю-тю: не увидишь меня, какъ своихъ ушей! Пойдемъ, миленькій баринокъ,—обратилась она ко мнѣ, обнявъ меня за плечи, и быстро увлекла меня за собой, потому что у дѣда глаза стали такіе страшные, что, пройди еще секунда, и онъ убилъ бы ее своимъ страшнымъ кулачищемъ.

Когда мы отбѣжали на нѣсколько шаговъ, скрывшись въ густомъ малинникѣ, Поля остановилась, обняла рукой мою голову и стала цѣловать ее въ макушку, приговаривая:

— Ну, и чего ты испужался! Нѣшто онъ можетъ тебя обидѣть! Ни въ жисть онъ тебя не обидитъ, потому онъ тебя любитъ! И Боже мой, какъ любитъ! Ужъ это я знаю: самъ онъ мнѣ говорилъ. А только онъ горячъ очень: если что не по немъ сказать, такъ онъ не въ своемъ умѣ дѣлается. Не плачь миленькій баринокъ! А то мамаша замѣтитъ.

Но я не могъ простить дѣду.

«Я его пожалѣлъ,—думалось мнѣ,—я пришелъ его навѣстить, а онъ меня обидѣлъ, выбранилъ дуракомъ, болваномъ, и все это за то, что я похвалилъ его же отца!» Чѣмъ я больше думалъ объ этомъ, тѣмъ обида казалась мнѣ невыносимѣе, и я плакалъ все сильнѣе. Но, къ счастью, впереди насъ, на тропинкѣ, я увидѣлъ журавля: онъ стоялъ хвостомъ къ намъ, опустивъ голову къ землѣ, какъ будто задумался о чемъ-то или, быть можетъ, спалъ.

— Смотри, журавль!—крикнулъ я Полѣ.

Огромная птица встрепенулась, высоко подняла голову и, взмахнувъ крыльями, пустилась бѣжать, оглашая воздухъ унылымъ, звенящимъ крикомъ: «Курлу, курлу!»

Забывъ свое горе, я пустился за журавлемъ, махая руками, какъ онъ крыльями, и крича: «курлу, курлу!»

Предсказаніе дѣда о смерти журавля скоро сбылось: черезъ нѣсколько дней послѣ моего посѣщенія его нашли мертвымъ въ странной позѣ: онъ просунулъ голову въ щель забора, окружавшаго садъ, да

такъ и умеръ. Задушился ли онъ, стремясь на свободу, или просто не перенесъ холода?

Его не долго пережилъ и другой старый журавль—мой дѣдъ.

Въ тотъ вечеръ, съ описанія котораго я началъ, и когда исчезла Поля, я хотя и забрался къ Акимовнѣ и упросилъ ее продолжать разсказъ, однако, меня такъ тревожила судьба Поли, что я довольно разсѣянно слушалъ въ этотъ разъ повѣствованіе старушки.

XI.

А она начала его съ краткаго предисловія:

— Вотъ, миленькій мой, буду я тебѣ разсказывать то, чего своими глазами не видѣла, а узнала ужъ послѣ отъ слугъ твоего прадѣдушки.

Не разбойники тогда напали на усадьбу нашего барина Николая Семеныча, а твой прадѣдушка, тогда еще князь, Егоръ Дмитричъ. А дѣло было такъ.—Уѣхалъ онъ тогда изъ Орла раненый, захвативши съ собой доктора, и уѣхалъ прямо къ себѣ въ имѣніе. А было оно въ другомъ уѣздѣ, не въ томъ, гдѣ мы жили, а совсѣмъ на другомъ краю губерніи. Прадѣдушка твой Егоръ Дмитричъ жилъ въ М—скомъ уѣздѣ, деревнѣ Юдиной, Липовцы тожъ, а нашъ баринъ Николай Семенычъ въ Трубчевскомъ уѣздѣ... И ничего, миленькій ты мой, до прадѣдушки твоего не дошло о томъ, что Людмилу Николавну замужъ выдали и въ Тамбовскую губернію въ деревню увезли... И онъ, ничего того не подозрѣвая, все время собирался ее похитить, да свою раненую ногу залѣчивалъ въ своей деревнѣ. Однако залѣчить ее было трудно, а ждать ему невтерпежъ стало. Вотъ онъ и рѣшилъ съ больной ногой всетаки свое слово сдержать и въ нашу усадьбу явиться... А ѣхать надо было не одну сотню верстъ... И нашъ уѣздъ, и ближній къ нему Ка—вскій тогда сплошнымъ лѣсомъ поросли; деревни были рѣдкія... Нужно было съ собой провизію брать, какъ въ походъ дальній... Все это и было заготовлено у прадѣдушки твоего. И выѣхалъ онъ изъ имѣнія своего наканунѣ Рождества, взявъ сотню доѣзжачихъ, какъ бы для охоты, и даже собакъ взялъ для виду... Самого его въ санкахъ везли съ докторомъ, потому онъ верхомъ на лошадь сѣсть ужъ не могъ. Ну, а охотники верхами ѣхали... Провизію и кормъ лошадямъ везли на двухъ саняхъ... Вотъ такъ-то онъ къ намъ и отъявился тогда... Ну, а какъ узналъ, что Людмила Николавна замужемъ въ Тамбовѣ, что взять ее невозможно,—тутъ онъ, миленькій мой, и затосковалъ, да такъ затосковалъ, что люди диви-

лись потомъ, какъ онъ рукъ на себя не наложилъ... Еще дорогой, когда они домой ѣхали лѣсами, велитъ сани остановить, выбросится въ снѣгъ, катается въ сугробѣ и реветъ, какъ звѣрь, дикимъ голосомъ, а потомъ просить начнетъ охотниковъ:

— Пристрѣлите меня, братцы! Пристрѣлите, голубчики! Жить я не могу! Горитъ у меня все въ нутрѣ... Клещами мое сердце рветъ...

Ну, тутъ докторъ къ нему приступитъ, уговариваетъ, упрашиваетъ, вина въ ротъ льетъ... напоютъ его такъ, что ужъ онъ себя не помнитъ, тогда положатъ въ сани, и мчатъ дальше... Очень его слуги любили, потому былъ онъ совсѣмъ особенный человѣкъ отъ другихъ господъ...

Розогъ у него въ поминѣ не было въ имѣніи... Никогда никого не сѣкъ. Только горячъ былъ, Боже мой, какъ былъ горячъ! И любили его, ну, и боялись, потому, если его разгорячить, онъ ничего не помнитъ, и можетъ въ человѣка изъ пистолета или изъ ружья выпалить... И бывали такіе случаи: двоихъ ранилъ, а одного наповалъ убилъ... Жалѣлъ послѣ, когда опомнился, и семейство того убитаго озолотилъ, и тосковалъ долго, запершись... А всетаки, помня тотъ случай, крестьяне и слуги, держали себя строго... Ни, ни!... Вѣдь такой же характеръ у дѣдушки твоего Александра Егорыча... Это онъ теперь присмирѣлъ... А еще я помню, на моихъ глазахъ, разсердился на одного мужика, да прямо ему въ крышу, въ упоръ изъ ружья выпалилъ... А крыша была соломенная, дѣло лѣтнее, жаркое... Ну, полдеревни и снесло...

— Какъ снесло, Акимовна!

— А такъ и снесло, огнемъ! Пожаръ сдѣлался!... Ну, да о дѣдушкѣ Александрѣ Егорычѣ я въ другой разъ разскажу, а теперь о чемъ бишь я говорила-то?

— Да все еще о томъ, какъ прадѣдушка ѣхалъ къ себѣ въ усадьбу.

— Ну, вотъ, вотъ! Ѣхали, ѣхали и пріѣхали... И принялась тутъ у него нога раненая пуще болѣть... Должно быть, разбередилъ онъ ее... А отъ ноги весь онъ сталъ боленъ, въ родѣ горячки,—сказывали,—случилась съ нимъ: горитъ какъ въ огнѣ, на стѣны лѣзетъ, ни вѣсть что лопочетъ... Цѣлый мѣсяцъ такъ докторъ съ нимъ бился, да и другихъ докторовъ выписывалъ... Доктора ли отходили, самъ ли онъ силенъ очень былъ, а только поправился... Думается, что самъ здоровъ былъ... Вѣдь онъ, бывало, въ проруби зимой купался... Да и дѣдушка твой, Александръ Егорычъ тоже въ проруби купался еще не очень давно... Богатыри были! Вотъ батюшка-то твой совсѣмъ не въ нихъ,—маленькій ровно сморчокъ, а тѣ были богатыри!

— Ну, а что же было, Акимовна, какъ прадѣдушка поправился?

— А было, миленькій, то, что узнать его послѣ того трудно было, такъ болѣзнь его измѣнила... И прежде всего бросилъ свое чернокнижіе и чертовщину: склянки, банки свои велѣлъ выбросить; книги въ печкахъ сжегъ; завелъ въ домѣ иконы, да неугасимыя лампады; сталъ молиться по цѣлымъ часамъ, да на колѣняхъ, да все плачетъ, и въ грудь себя бьетъ... Охотниковъ распустилъ, собакъ перевелъ... А тамъ по монастырямъ ѣздить сталъ; по недѣлямъ да по мѣсяцамъ тамъ оставался, да все съ игумнами совѣтовался... И кончилось, миленькій мой, тѣмъ, что и совсѣмъ они его уговорили монахомъ сдѣлаться...

— И сдѣлался монахомъ?

— Сдѣлался, миленькій! Какъ слѣдуетъ! И постригли его! И три года монахомъ былъ... Отъ этого-то онъ и княжество свое потерялъ, что въ монаха постриженъ былъ.

— А какъ же Людмила Николавна? Такъ онъ съ ней и не видался?

— Какъ не видался, миленькій! Ты погоди, не торопи! Отчего-жъ онъ изъ монастыря убѣжалъ, кабы не узналъ, что она овдовѣла...

— А развѣ она овдовѣла? Отчего, Акимовна, она овдовѣла?

— Отчего всегда вдовами бываютъ: умеръ ея супругъ, Скурындинъ, проживши съ ней три года; вотъ и овдовѣла, и вернулась къ намъ въ Липовку... Отецъ-то ея, Николай Семеныччъ, въ то время ужъ умеръ, вскорѣ послѣ того, какъ твой прадѣдушка являлся къ намъ... Тогда съ нимъ первый ударъ случился, а вскорѣ и второй... И совсѣмъ его доканало... Послѣ перваго удара все собирался жалобу писать на твоего прадѣдушку къ самому государю... Ну, да не успѣлъ... Такъ и сошло это дѣло Егору Дмитричу... Да только Богъ свое найдетъ, взыщетъ. Такъ и съ прадѣдушки твоего взыскалъ...

Когда, въ этотъ вечеръ, мама позвала насъ спать, мнѣ захотѣлось узнать, вернулась ли Поля, и я побѣжала въ дѣвичью. Къ моему удивленію, ея не было, а между тѣмъ наступило то время, когда ея присутствіе считалось необходимымъ: она должна была подавать намъ умываться передъ сномъ, приносить воду, уносить помои, такъ какъ Ѳоминишнѣ, по старости, трудно было исполнять все это. Только что я хотѣлъ спросить: «да куда же пропала Поля», какъ мое вниманіе было отвлечено тѣмъ, что происходило около стола въ дѣвичьей. Здѣсь при свѣтѣ двухъ свѣчей (въ то время употреблялись сальныя) мать и Ѳоминишна совершали какое-то таинство.

Посрединѣ стола стоялъ графинъ, въ которомъ обыкновенно по-

давали водку къ обѣду для дѣдушки Александра Егорыча. Ѳоминишна держала въ рукахъ небольшую коробку, въ какихъ отпускаютъ изъ аптеки порошки, и изрѣдка осторожно и со страхомъ открывала ее, а мать, шепча что-то вродѣ молитвы, брала быстро изъ коробочки какіе-то черные комочки и бросала ихъ по одному въ графинъ. Въ графинѣ была налита какая-то прозрачная жидкость, и комочки, попадая въ нее, начинали скакать, метаться изъ стороны въ сторону, но черезъ нѣсколько мгновеній становились неподвижны и падали на дно!...

Лица у всѣхъ присутствующихъ были необыкновенно торжественны и даже выражали испугъ. Особенно испуганной казалась кормилица моей маленькой сестры. Она смотрѣла издали на эту операцію расширившимися глазами и имѣла такой видъ, какъ будто каждую минуту готова была броситься и убѣжать.

— Мамка, что это у тебя въ коробкѣ? Мама, что ты бросаешь въ водку?—присталъ я къ мамкѣ и къ матери.

— У, глазастый!—съ укоромъ заговорила Ѳоминишна:—и все ему нужно знать! Нѣшто это твое дѣло?! Иди спать, безстыдникъ.

Но я схватилъ ее за ту руку, въ которой была коробочка, съ такой силой, что коробочка упала на столъ, открылась и изъ нея выскочило нѣсколько небольшихъ черныхъ скакуновъ, въ которыхъ я сразу узналъ запечныхъ сверчковъ, и отскочилъ въ ужасѣ. Я уже говорилъ, что ужасно ихъ боялся. Откуда мамка набрала ихъ столько, Богъ ее знаетъ. Вѣроятно, у всѣхъ крестьянъ на деревнѣ ихъ ловили по избамъ.

— Зачѣмъ же ты ихъ въ водку бросаешь?—съ изумленіемъ допрашивалъ я мать:—вѣдь, они поганые, и ты графинчикъ «поганишь», изъ котораго дѣдушка пьетъ.

— Ахъ, молчи ты!—сурово сказала мать:—ничего ты не понимаешь! Это будетъ лѣкарство для дѣдушки... Докторъ велѣлъ.— Удовлетворившись этимъ объясненіемъ, я немедленно задалъ вопросъ: «Да гдѣ же Поля?»

Мама, видимо, смутилась: она совсѣмъ не умѣла лгать.

— Поля вернется завтра утромъ... Она уѣхала къ роднымъ... въ другую деревню...

— А она мнѣ всегда говорила, что у нея нѣтъ родни! Значитъ, она говорила неправду? Ахъ, какъ нехорошо!

Мама сконфузилась еще больше:—Я не знаю навѣрное къ роднымъ ли,—сказала она.—Да это и не твое дѣло! Иди спать и не разговаривай больше!

Я никакъ не могъ понять, почему мама такъ разсердилась за са-

мый простой вопросъ, и какъ она могла не знать, къ кому уѣхала Поля... Я старался заснуть, но сонъ не шелъ... Часы пробили половину одиннадцатаго, затѣмъ одиннадцать, а меня все мучилъ вопросъ: что случилось съ Полей? Вдругъ я услышалъ въ стѣнѣ снаружи странный шорохъ. Приподнялся я на своей кроваткѣ, прислушался... Все замолкло... Но вотъ опять тотъ же звукъ: кто-то шарилъ по стѣнѣ со двора! Вотъ этотъ «шарящій» звукъ прошелъ по стеклу окна, какъ будто кто-то провелъ по немъ рукой нѣсколько разъ... Послышалось бормотанье, два или три тяжелыхъ шага, опять шарканье по стѣнѣ, еще нѣсколько шаговъ... Что-то мягкое ударилось о стѣну, и опять бормотанье.

Я испуганно сѣлъ на своей постели и собирался уже громко заплакать, какъ услышалъ, что въ дѣвичьей поднялась возня: скрипѣла кровать Ѳоминишны, черкали спичками.

Черезъ отверстіе не плотно притворенной двери блеснулъ свѣтъ. Значитъ, няня встала. Вотъ послышался явственно звукъ, щелкнувшаго у наружной двери, крючка; дверь стукнула, и кто-то тяжело вошелъ въ дѣвичью.

— Хороша! Очень хороша!—послышался укоризненный шепотъ Ѳоминишны:—Гдѣ это ты, разбойница, шаталась? Гдѣ была? Гдѣ назюзюкалась такъ? Ахъ, ахъ,—ахъ! Господи Царица Небесная! Молодая дѣвка и до чего себя довела! И что же ты о своей головѣ думаешь! Что тебѣ за это будетъ? Ахъ, Господи, матушка!

Отвѣта не было... Сильно скрипнуло въ томъ углу, гдѣ стояла Полькина кровать, и послышался такой звукъ, какъ будто кто-то сразу упалъ на нее...

— Говори, гдѣ была? Гдѣ была?—продолжала шептать Ѳоминишна:—съ кѣмъ это ты? Съ кѣмъ? Безстыжая!

— Гдѣ была, тамъ теперь нѣтъ,—послышалось бормотанье, въ которомъ я не узналъ голосъ Польки: звуки были грубые, хриплые; слова вырывались неясно, отдѣльными слогами, какъ будто ротъ говорящей былъ набитъ мягкимъ хлѣбомъ или кашей.

— Ну, и будетъ тебѣ завтра расправа!.. Теперь спи, паскудница!.. Будетъ тебѣ завтра! Спустятъ съ тебя шкуру!

— Чего стращаешь!... Не боюсь... Хоть часъ, да мой!... Завей горе веревочкой!—бормотала Полька соннымъ голосомъ, который теперь я узналъ, наконецъ.

— Еще разговариваетъ!... Спи!... Барчуковъ разбудишь! Что-то ты завтра поговоришь съ бариномъ? И не одну шкуру спуститъ, а три... И по дѣломъ! Никто и не пожалѣетъ тебя...

— Пущай!...

Это слово Поля произнесла голосомъ засыпающей, и тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ раздался ея храпъ...

Въ моей головѣ поднялась буря. Я понялъ, что Поля гдѣ-то напилась водки. Гдѣ? Зачѣмъ? Я видалъ пьяныхъ мужиковъ, растерзанныхъ, шатающихся, съ искаженными, перекошенными лицами и оловянными, безсмысленными глазами... Но женщины пьяной я не могъ даже представить себѣ... А тутъ еще дѣвушка! *Наша* Поля, которую я такъ зналъ близко и такъ любилъ, считая ее чѣмъ-то «нашимъ», хорошимъ, роднымъ! Мое сердце сжималось настоящей, физической болью.

«Какая она теперь? какое у нея лицо? Неужели такое же перекошенное, съ оловянными глазами?... И завтра ее будутъ сѣчь? Какъ? Кто будетъ сѣчь? На конюшнѣ? Кучеръ? Поднимутъ платье и положатъ, и будутъ сѣчь? До крови? Будутъ спускать три шкуры»?!...

Со мной происходило что-то ужасное, невыразимое, доводившее меня до лихорадки... Я воображалъ ярко картину сѣченья, какъ будто видѣлъ ее передъ собою! Я видѣлъ обнаженную, лежащую внизъ лицомъ, Полю, окровавленную, и во мнѣ клокотала и мучительная жалость, и отвращеніе къ ней, и еще какое-то совсѣмъ особенное чувство—волнующаго любопытства, похожее на то, которое шевельнулось во мнѣ однажды, когда я увидѣлъ сцену, въ дѣтской, между нашей красивой кормилицей и однимъ старымъ членомъ нашей семьи, который обнималъ ее и отскочилъ, когда я вошелъ неожиданно.

Но надъ всѣми этими чувствами ярче всего господствовало омерзѣніе и какое-то ревнивое отвращеніе къ Полѣ. Я не зналъ, что̀ произошло съ нею; вопросы Ѳоминишны: «съ кѣмъ? Съ кѣмъ, безстыжая?!»—дорисовывали смутно и неопредѣленно событіе съ Полей: она не только пила, она была съ кѣмъ-то и была «безстыжая». Вѣрно, цѣловалась съ постороннимъ мужчиной?! За ея опьянѣніемъ скрывалось что-то еще, что-то такое, что вызывало въ моей душѣ и гадливость, и какую-то смутную ревность, и любопытство, и невѣдомое волненіе, полное тоски и боли...

Когда и какъ я заснулъ въ эту ночь, не помню... Знаю только, что я не плакалъ, хотя сильно мучился: въ сердцѣ ныло, точно тамъ недавно былъ больной зубъ, и его вырвали, и тамъ что-то оборвалось и осталась пустота, рана, которая болѣла и ныла. Почему-то все время у меня рядомъ съ Полей возникала фигура дѣда: «не онъ ли заставилъ ее пить?» думалъ я.

Послѣ этого я видѣлъ Полю только два раза въ жизни: въ первый разъ, на другой же день, передъ обѣдомъ. Утромъ ея въ дѣвичьей не было, и я подумалъ съ ужасомъ: «теперь сѣкутъ!» Безпрестанно

я забѣгалъ въ дѣвичью узнать, тамъ ли она. Ея не было. Только передъ обѣдомъ, я увидѣлъ ее: она лежала на постели лицомъ внизъ, укутанная съ головой платкомъ, и тихо вздрагивала изрѣдка. Я все понялъ и, сдержавъ вопль ужаса, бросился бѣжать изъ дѣвичьей. Я не знаю, какъ я тогда не сошелъ съ ума. Я захворалъ.

Въ тотъ же день она исчезла, и о ней больше не упоминали.

Въ другой разъ я видѣлъ ее года черезъ полтора, проѣзжая съ отцомъ по сосѣдней деревнѣ: она стояла около крайней полуразвалившейся хаты, и я едва узналъ ее: лицо было серьезное, исхудалое, безъ румянца. Она была въ грязномъ полушубкѣ, и кутала въ него ребенка, лежавшаго у нея на груди... На ногахъ были лапти; голова повязана старенькимъ темнымъ платкомъ... Она низко, по-крестьянски поклонилась намъ... Я зналъ, что ее отдали замужъ за какого-то бобыля...

И это была та веселая, румяная Поля, которую я такъ любилъ!

VIII

— Разскажи, милая Акимовна, какъ мой прадѣдушка встрѣтился съ Людмилой Николавной и узналъ, что она овдовѣла?—спросилъ я старушку черезъ нѣсколько дней послѣ вышеописанняго событія съ Полей. До этого дня я такъ былъ боленъ и такъ разстроенъ событіемъ съ моей любимицей, что мнѣ было не до разсказовъ Акимовны.

— А узналъ онъ объ этомъ просто,—отвѣчала Акимовна:—въ монастырь, гдѣ постригся твой прадѣдушка, сходилось много богомольцевъ изъ всякихъ мѣстъ; ходили туда и изъ нашего уѣзда крестьяне, дворовые. Ну, твой прадѣдушка всегда ихъ отыскивалъ и разспрашивалъ о томъ, что у насъ въ деревнѣ дѣлается. Отъ нихъ же онъ узналъ, что умеръ Николай Семенычъ, нашъ баринъ. Ну, а когда Людмила Николавна овдовѣла, онъ отъ нихъ же узналъ объ этомъ. Она, въ то время, прямо изъ Тамбовской губерніи, похоронивши мужа, вернулась въ свою усадьбу, и, ахъ, миленькій ты мой, какъ она перемѣнилась! Такъ перемѣнилась за эти три года, что я едва узнала ее, какъ подъѣхалъ къ нашей усадьбѣ возокъ, и, ее, голубушку мою, чуть не на рукахъ изъ него вынули: худая, блѣдная,—краше въ гробъ кладутъ; голосъ слабый. Только глаза прежніе остались—большіе, голубые, добрые и словно въ душу человѣка смотрятъ.

— А отчего же ее на рукахъ вынесли? Значитъ, больна была?

— Ни то что бы, миленькій мой, больна. Она по настоящему-то не была больна, а ужъ очень ослабѣла...

Какъ внесли ее въ горницы, да посадили въ кресло, упала я передъ ней на колѣни, руки у нея цѣлую, а вымолвить ничего не могу. И она, голубушка, тоже говорить ничего не можетъ, охватила руками мою голову, цѣлуетъ меня, а сама въ три ручья плачетъ. А руки-то стали худыя-худыя, словно у покойницы... Ахъ, что это было тогда со мной, разсказать тебѣ не могу...

Акимовна вытерла концами своего чернаго платка слезы. Чрезъ нѣсколько минутъ, успокоившись, она продолжала:

— Ну, спервоначала потужила она о покойномъ Николаѣ Семенычѣ; заказала о немъ панихиды по всѣмъ сосѣднимъ церквамъ и монастырямъ, а какъ стала немножко поправляться, такъ все на могилку къ нему ходила, молилась и плакала...

— А узнала она, Акимовна, что мой прадѣдушка пріѣзжалъ къ вамъ за нею?

— Узнала, миленькій, какъ не узнать! Я же ей о томъ и разсказала, какъ она поправляться начала... А поправляться она стала скоро... Первые дни только очень слаба была, все лежала въ своей спаленкѣ и меня около себя держала, не отпускала ни на шагъ... Ну вотъ тутъ-то она мнѣ и разсказала про свое житье-бытье въ Тамбовскомъ помѣстьѣ. Ахъ, миленькій, страшно и вспомнить, что ей перетерпѣть пришлось! Этотъ самый Скурындинъ, мужъ-то ея значитъ, былъ, надо такъ полагать, не совсѣмъ въ своемъ умѣ *). Не могъ онъ, должно быть, забыть того, что твой прадѣдушка нравился прежде Людмилѣ Николавнѣ, и тиранилъ онъ ее такъ, какъ не тиранилъ бы никакой турка поганый... Охъ, нехорошо только тебѣ про все это разсказывать. Ну, да изъ сказки слова не выкинешь... Слушай... Разъ какъ-то ночью заснула моя голубушка, Людмила Николавна, а я не сплю, сижу около ея постели, да смотрю на нее, не насмотрюсь... Это еще въ первые дни было по пріѣздѣ... Я не могла насмотрѣться на нее: все мнѣ не вѣрилось, что она опять со мною, у насъ, въ своей спаленкѣ... Ну, вотъ, миленькій мой, сижу, а въ комнатѣ всю ночь лампа горѣла (тогда масляныя лампы жгли), потому, часто Людмила Николавна пугалась во снѣ: вскочитъ вдругъ, да какъ закричитъ не своимъ голосомъ, дрожитъ вся, бѣжать собирается; насилу ее удержишь: все ей, значитъ, мерещилось, во снѣ-то, какъ она жила въ Тамбовской усадьбѣ... Ну, вотъ миленькій, и въ ту ночь, о которой я начала тебѣ разсказывать, то-же случилось. Гляжу я это на нее и, вдругъ, моя голубушка какъ вскочитъ, какъ закри-

---

*) Происшествіе, о которомъ разсказывается далѣе, есть дѣйствительный фактъ. Героемъ его былъ крупный помѣщикъ М-въ, но не Тамбовской губ.

читъ: «спасите, спасите меня, люди добрые! Не давайте на тиранство!» Глаза у нея страшные-страшные, совсѣмъ изъ глазницъ выступили, ротикъ раскрылся и на сторону сдвинулся... Я ее охватила руками, а она отбивается отъ меня, да такъ то сильно, что дивно это, откуда такая сила у нея явилась, у такой слабенькой,—хоть бы и мужчинѣ впору было: такъ меня и отбрасываетъ отъ себя! Я ее давай крестить, водицей холодной спрыскивать: у меня ужъ припасена была въ стаканѣ на случай... Ну, миленькій мой, насилу,—насилу она опомнилась, узнала меня, стала креститься.

— Охъ, говоритъ, Маша родная, это ты! Ну, слава Богу! Слава Богу! А я сонъ страшный увидала! Слава Богу, что это сонъ.

А сама глазками стѣны и всю комнату обводитъ, словно еще не вѣритъ, что она въ своей спаленкѣ, въ нашей усадьбѣ.

— Какой же ты сонъ видѣла, голубушка ты моя?—спрашиваю я: разскажи ты мнѣ, дорогая моя, можетъ, тебѣ легче будетъ.

А раньше она мнѣ этихъ своихъ сновъ не разсказывала, какъ я ни упрашивала ее. Вотъ также проснется, вскочитъ, закричитъ, а станешь ее спрашивать: «Чего молъ испугалась, моя голубка?» она только крестится да шепчетъ: «ничего, ничего, Маша, все прошло; такъ, сонъ глупый приснился... Ты не безпокойся! Это пустяки!...»

Ну, миленькій, а на этотъ разъ уговорила я ее разсказать мнѣ, что она увидѣла во снѣ.

— Слушай, Маша,—шепчетъ она, только чуръ никому, никому не говори!—Побожись передъ образомъ, что никому не скажешь, чтобы никто здѣсь въ усадьбѣ не зналъ, что̀ «онъ» тамъ со мной дѣлалъ.

Я и побожилась ей передъ образомъ. Тогда и стала она разсказывать.

— Видѣла,—говоритъ,—я во снѣ то, что со мной было на самомъ дѣлѣ: хоронить меня несли на кладбище ночью.

Я даже руками всплеснула:

— Какъ—говорю—родная моя? Не помирала, а несли хоронить?!

— Да, въ гробъ заколотили и ночью на кладбище снесли, и отпѣвали, и тамъ между могилъ на всю ночь оставили.

И опять глазки у нея изъ-подъ лобика вышли и круглые стали; схватилась она руками за голову и повалилась на подушки лицомъ внизъ, и стало ее всю словно встряхивать. Я опять ее водой, да крещу, да молитву читаю... Ну, отошла она, успокоилась. А я ужъ боюсь ее разспрашивать дальше, чтобы опять припадка съ ней не случилось.

— Усни, говорю, милая, не думай, не вспоминай! Вотъ выпей еще водицы, да усни.

— Хорошо, говоритъ, только ты не отходи отъ меня. Обними меня руками, чтобы я чувствовала, что ты около меня... Можетъ, я и усну опять... А послѣ все тебѣ разскажу.

«Ну, сѣла я около нея на постель, обняла я ее крѣпко-крѣпко... Она все вздрагиваетъ изрѣдка и тяжело такъ дышитъ... А все же заснула, голубка моя... Такъ я надъ ней до утра просидѣла... И не одну ночь она такъ у меня на рукахъ засыпала, и до бѣлаго дня я не спала надъ ней и спать ни чуточки не хотѣлось.

«Ужъ очень я ее, миленькій, любила, да жалѣла, голубку мою, царство ей небесное, вѣчный покой, мученицѣ, страстотерпицѣ моей!»...

Акимовна долго крестилась на образъ, помолчала немного, а затѣмъ продолжала:

— Да, истинная она была мученица! Послѣ, какъ совсѣмъ поправилась, многое разсказала мнѣ о своей жизни, только думается, что и половины того не разсказала, что было съ ней.

— Разсказывала она тебѣ о томъ, какъ ее хоронили?

— Это все разсказала.

— За что же это ее? И кто же ее хоронилъ?

— Да все мужъ ея, Скурындинъ этотъ, чтобъ ему и на томъ свѣтѣ ея слезки горючей сѣрой отливались! Все онъ же! Ужъ не зналъ, паскудникъ, этакій, что и выдумать, чѣмъ бы ее больше истиранить можно было.

— Ну, разскажи же, Акимовна, какъ онъ ее хоронилъ?

— Тьфу! Окаянный онъ человѣкъ! И вспомнить даже зазорно! Вотъ слушай: велѣлъ онъ Людмилѣ Николавнѣ раздѣться донога; платье ея изъ спальни унесъ, а туда, въ спальню-то, послалъ своего кучера, да обоихъ тамъ на ключъ и заперъ, а самъ велѣлъ въ набатъ бить... Ну, сбѣжался народъ, а онъ ихъ всѣхъ и ведетъ къ ея спальнѣ.

— Смотрите, говоритъ, народъ православный, что моя супруга дѣлаетъ!

«Сейчасъ дверь отомкнулъ и народъ въ спальню пустилъ. Ну, и видятъ всѣ: Людмила Николавна, вся голая, лежитъ въ углу на полу, какъ мертвая, а въ другомъ углу кучеръ стоитъ ни живъ, ни мертвъ. Она, голубушка моя, какъ догадалась, для чего онъ ей раздѣться велѣлъ и кучера къ ней втолкнулъ да дверь на ключъ заперъ, такъ и обмерла, и ужъ ничего не помнила, что дальше было... Очнулась она ужъ послѣ того, какъ ее въ заколоченномъ гробу на кладбище

несли... А дѣло было такъ, какъ послѣ ей разсказывала горничная Даша, которую къ ней Скурындинъ приставилъ съ самаго ихъ пріѣзда въ Тамбовское имѣніе: Скурындинъ, увидѣвъ, что она лежитъ, какъ мертвая, сначала не повѣрилъ.

— Притворяется, говоритъ, да мы ее сейчасъ воскресимъ! Ну, и сталъ ее бить; ну, она, конечно, молчитъ.

— Хорошо, — говоритъ это Скурындинъ-то, — если померла, такъ мы ее похоронимъ, какъ она того заслуживаетъ: собакѣ собачья и честь! Ребята!—кричитъ:—сколотить сейчасъ же изъ простыхъ досокъ гробъ и принести сюда! Да живой рукой, чтобы черезъ пять минутъ гробъ готовъ былъ!

Ну, миленькій мой, живо гробъ сколотили, въ горницу внесли; онъ велѣлъ окутать Людмилу Николавну простыней и уложить ее въ тотъ ящикъ и крышку на немъ заколотить. Однако, все же боялся, что она задохнуться можетъ: велѣлъ въ крышкѣ окошечко прорубить... Когда все было готово, надѣлъ онъ на себя рогожу (видимо человѣкъ не въ своемъ умѣ былъ) и пошелъ впереди замѣсто священника, а доѣзжачаго одного одѣлъ въ другую рогожу, этотъ былъ дьякономъ... Пѣвчихъ заставилъ «вѣчную память» пѣть. Взяли всѣ въ руки восковыя свѣчи и понесли мою голубушку на кладбище.

— Ахъ, Акимовна, Акимовна,—послышался въ дверяхъ недовольный голосъ матери.—Сколько разъ я тебя просила не разсказывать этихъ ужасовъ дѣтямъ: вѣдь они потомъ всю ночь не спятъ, пугаются, кричатъ... Совсѣмъ ты, моя милая, изъ ума выжила! Ну, можно ли это дѣтямъ разсказывать! Я не позволю имъ совсѣмъ ходить къ тебѣ, если это еще разъ повторится.

— Охъ, матушка моя, прости ты меня старую, полоумную! Истинную правду изволила ты сказать, что изъ ума я выжила, истинную правду сказала! Вѣрно, вѣрно! Какъ возможно такія страсти дѣтямъ разсказывать, да еще на ночь, передъ сномъ!... Не буду никогда, миленькая! Ты ужъ на этотъ разъ мнѣ мой грѣхъ отпусти... А дѣтей чего ко мнѣ не пускать! Мнѣ только и радости, какъ они придутъ ко мнѣ, да я съ ними побалакаю, старинныя свои времена вспомню... Нельзя ихъ, миленькая, ко мнѣ не пускать! А только я виновата! Это точно, что виновата.

И долго еще бормотала старушка, хотя мы давно ушли отъ нея. Сквозь полуоткрытыя двери ея каморки все продолжали доноситься однообразныя слова:

— Это точно, что я виновата на этотъ разъ. Это ты правильно сказала... А больше не буду... А дѣтей ко мнѣ не пускать нельзя, да, этого никакъ невозможно... и т. д.

IX.

Вотъ я и опять въ ея каморкѣ, и опять слушаю ея однообразный, монотонный голосъ.

— Разскажи теперь, Акимовна, какъ прадѣдушка-монахъ къ вамъ въ усадьбу отъявился,—прошу я.

— Отъявился, родимый, отъявился! И не на радость, а на еще большую муку для моей голубки, Людмилы Николавны! Горемычная она: знать, такъ ей на роду было написано—всю жизнь страдать, да муку мученскую переносить!...

Старушка не надолго примолкла, какъ будто припоминала, а затѣмъ продолжала:

— А явился онъ много времени спустя послѣ того, какъ Людмила Николавна овдовѣла, да назадъ къ намъ пріѣхала изъ Тамбовской губерніи. Пожалуй, года полтора прошло. И стала моя голубка совсѣмъ поправляться. Только разъ ночью ужъ очень собаки разбрехались. Ежели бы кто мимо ѣхалъ, санки бы скрипѣли. «Нѣтъ,—думаемъ себѣ,—это какіе-то люди около усадьбы ходятъ». И вотъ слышимъ мы: стали въ ворота стучать... А у насъ ворота съ вечера крѣпко-на-крѣпко запирались, потому въ тѣ времена очень опасно было... Кругомъ шалили... А у насъ къ тому же лѣса были непроходимые кругомъ.

— Какъ шалили? Кто?

— А такъ шалили. Разбойники, значитъ. Цѣлыми шайками бродили... У насъ и ружья, и порохъ, и пули всегда были наготовѣ, на случай чего... И сторожа всѣ ночи дежурили, а въ людской жили прежніе охотники, да доѣзжачіе, хотя охоты послѣ Николая Семеныча не было... Оставили ихъ, понимаешь, для охраны... Ну, вотъ, миленькій, какъ постучали въ ворота, приходитъ къ намъ въ горницу сторожъ и говоритъ:

— Тамъ, говоритъ, человѣкъ какой-то вродѣ странника переночевать просится. «Совсѣмъ, говоритъ, я замерзаю, пустите, Христа ради».

Ну, доложили мы Людмилѣ Николавнѣ, она и говоритъ:

— Пусть, молъ, его проводятъ на деревню, а во дворъ не пускать! Богъ его знаетъ, кто онъ такой! Можетъ, подосланъ отъ какой-нибудь шайки высмотрѣть, да разузнать.

Пошелъ сторожъ. Однако, такъ черезъ четверть часа, опять вернулся и въ рукѣ какое-то письмо держитъ:

— Вотъ, говоритъ, просилъ этотъ странникъ передать барынѣ бумагу. Въ ней прописано, говоритъ, о его дѣлѣ; значитъ, помощь

онъ отъ нашей барынѣ желаетъ получить; тамъ въ бумагѣ всѣ его бѣдствія прописаны. И теперь онъ въ деревню, говоритъ, пошелъ, а утромъ опять придетъ справиться, какое отъ барыни распоряженіе выйдетъ.

Ну, миленькій мой, понесла я то письмо къ Людмилѣ Николавнѣ, да и сама не рада! Лучше бы мнѣ это письмо тогда же разорвать, да по вѣтру пустить.

Только, это, она стала его читать, какъ вдругъ вся поблѣднѣла, словно платъ, да какъ вскрикнетъ, да какъ задергаетъ ее всю. Даже пѣна изъ ротика пошла.

«Господи Исусе Христе! что молъ въ этомъ письмѣ!—думаю: «чѣмъ я, Господи Батюшко, передъ тобой провинилась, что такое письмо ей подала».

Ну, конечно, сама это думаю, а ее спиртомъ, да водой брызгаю, да оттираю. Насилу, насилу, она очнулась, миленькій ты мой! А какъ очнулась и спрашиваетъ:

— Что такое со мной было, Маша? Во снѣ я видѣла или на яву? Подавала ты мнѣ письмо, или это мнѣ привидѣлось?

И нехватило тогда моего ума—письмо это спрятать... Такъ оно на полу и осталось, какъ она его уронила. Но вижу я, что она его не замѣчаетъ и думаю: солгу ей, скажу, что во снѣ все это было, а какъ только будетъ возможно, письмо то подниму незамѣтно и сожгу!... Ну, такъ ей и сказала:

— Никакого, молъ, письма, милая Людмила Николавна, я не подавала... Это вы сонъ видѣли...

— А на кого, говоритъ, давеча собаки лаяли?

— На странника, говорю, онъ на деревню ушелъ...

И задумалась она, да такъ задумалась, ровно ничего и не видитъ передъ собой. А я этимъ-то случаемъ и думала воспользоваться: нагнулась, да цапъ бумагу-то... Ну, только плохо я это сдѣлала! Письмо-то и зашуршало, а она какъ встрепенется, и увидала его у меня... И опять задрожала вся:

— Ты, говоритъ, меня обманула! Было письмо... Но только ты мнѣ его не давай! Изорви, сожги, скорѣй, скорѣй!...

Ну, я и обрадовалась, и давай его рвать на мелкіе кусочки. А она сидитъ ни жива, ни мертва, руки себѣ ломаетъ. И только это я, миленькій ты мой, хотѣла его на свѣчкѣ сжечь, какъ она вскочила, и ко мнѣ.

— Нѣтъ, не жги, не жги! Подай мнѣ его сюда! Я не все его прочитала... Можетъ быть, въ концѣ что-нибудь нужное есть...

Не смѣла я спорить, подала ей кусочки, а сама только говорю:

— Да отъ кого письмо-то это?

— Охъ, не спрашивай, говоритъ! Не могу я даже тебѣ этого сказать!

«Ну, тутъ я и сама догадалась, отъ кого это письмо. Только и сомнѣніе меня беретъ: нѣшто можетъ монахъ, думаю, писать къ дамѣ, которую любилъ и хотѣлъ взять за себя? Можетъ ли это быть! Такъ-то оно такъ, думаю, а отъ кого же больше? Никого другого у нея нѣтъ и не было.

А она тѣ клочки по столу раскладываетъ, да подбираетъ, да раскладываетъ! И что-жъ ты думаешь? Вѣдь разложила, какъ слѣдуетъ, и все разобрала!...

А какъ разобрала, встала и быстро начала по комнатѣ ходить. Ходитъ и руки себѣ ломаетъ:

— Господи, говоритъ, что мнѣ дѣлать? Помоги, вразуми, наставь!

Упала передъ образомъ на колѣни и вслухъ, со слезами, все повторяетъ:

— Научи, вразуми, какъ мнѣ поступить!

Молилась, молилась, а потомъ опять стала ходить по комнатѣ и опять руки себѣ ломаетъ, вздыхаетъ, плакать примется... Все сердце мое изныло, на нее глядя...

Подошла я къ ней, стала передъ ней на колѣни и говорю:

— Людмила Николавна, родненькая моя, мученица ты моя, да облегчи ты свою муку! Разскажи мнѣ, въ чемъ дѣло! Нѣшто ты мнѣ не можешь довѣрить? Грѣхъ тебѣ! Вѣдь я за тебя хоть сейчасъ на лютую смерть пойду!

И заплакала я: ужъ очень мнѣ ее жалко-то было, да и горько, что она не довѣряетъ мнѣ...

Ну, вотъ, видно, я этимъ ее и разжалобила. Сѣла она и говоритъ шепотомъ, словно и стѣнъ боится:

— Слушай! Это «тотъ» пишетъ, ну, понимаешь? Князь, монахъ...

— Да что же онъ пишетъ-то? И пусть себѣ пишетъ! Чего тебѣ тревожиться-то? Сожги письмо, и больше ничего. Тѣмъ дѣло и кончится.

— Нѣтъ, говоритъ, Маша. Тутъ этимъ нельзя кончить... Пишетъ онъ, что какъ узналъ о моемъ вдовствѣ, съ той поры совсѣмъ разсудка лишился: не ѣстъ, не спитъ, ни Богу молиться не можетъ! Все ему опостылѣло. И дни, и ночи только одна и мысль, что обо мнѣ... И дальше онъ такъ жить не можетъ: либо убьетъ себя, либо я должна согласиться, чтобы онъ бросилъ монастырь, и убѣжимъ мы

съ нимъ въ иностранныя земли, гдѣ нашихъ законовъ нѣтъ, и тамъ насъ обвѣнчаютъ, а черезъ долгое ли, короткое ли время подадимъ прошеніе къ государю, чтобы насъ помиловали и права ему возвратили... Вотъ что онъ пишетъ, Маша! Какъ же тутъ быть-то мнѣ? Вѣдь убьетъ онъ себя... Ты его характеръ знаешь: что этотъ человѣкъ скажетъ, то и сдѣлаетъ. Каково мнѣ будетъ жить послѣ того, какъ буду я знать, что изъ-за меня онъ убилъ себя!...

И опять заплакала и руки стала ломать:

— Господи, говоритъ, и за что, за что ты меня такъ караешь? За что такую муку-мученскую опять на меня посылаешь? Мало я еще мучилась! Только было вздохнула, а ты опять меня мукѣ предаешь. За что?

Что-жъ я ей могла на это сказать? Стою и молчу, какъ дура, и сообразить ничего не могу! И такъ, и этакъ умомъ раскидываю, все выходитъ не то: сдѣлать, какъ онъ проситъ, объ этомъ и думать нельзя! Одна дума такая—ужъ грѣхъ великій! Вѣдь, онъ—монахъ! Ну, а не сдѣлать, какъ онъ проситъ, все равно, что человѣка убить. Тоже грѣхъ великій! Куда ни кинься, все равно—бѣда и адъ кромѣшный... Даже въ головѣ у меня тогда стало мутиться. Чувствую: вотъ-вотъ сама на полъ грохнусь, потому даже въ глазахъ темно стало, и вся комната словно завертѣлась кругомъ...

Только вдругъ на меня ровно бы просіяніе нашло.

— Слушай, говорю, Людмила Николавна! Я придумала, какъ быть.

Она, бѣдняжка, даже вся встрепенулась.

— Говори, говори скорѣй!

— А вотъ что, говорю, я придумала: напиши ты ему письмо, и все въ томъ письмѣ объясни, какую онъ тебѣ, значитъ, муку лютую готовитъ. Напиши ты ему такъ: направо ежели я пойду, великій грѣхъ совершу, потому законъ божескій нарушу, а налѣво ежели пойду, еще больше грѣхъ, потому какъ человѣкъ за меня жизнь свою покончить долженъ. И вотъ, напиши, между какихъ двухъ дорогъ вы меня поставили, а пишете, что меня любите. Какая же, напиши, это любовь, ежели вы такъ меня жалѣете хорошо! Ежели-бъ вы меня, молъ, хоть крошечку жалѣли, не такъ бы вы, молъ, поступили со мной, потому я и безъ того сколько страданій видѣла, и можно сказать, даже посторонніе лица, слыша о тѣхъ моихъ мукахъ, слезы лили горючія, а для васъ, молъ, это все равно, и вы сами мнѣ новыми бѣдами грозите. Такъ все и пропиши, говорю... И напиши еще, что, ежели бы вы, молъ, меня жалѣли, такъ укротили бы свое сердце молитвой, странствіями дальними по святымъ мѣстамъ, напримѣръ, и

къ мощамъ святыхъ угодниковъ, да по святымъ монастырямъ... Да, такъ и напиши!

Конечно, миленькій, можетъ, я въ тѣ поры и не такъ ей все складно отпалила, какъ теперь тебѣ говорю, ну, а всетаки на то же выходило. Потому я все отъ сердца, какъ будто это не она писать собирается, а я сама отъ себя. Вѣдь, для меня тогда было такъ: что она, что я, все одно, одна у меня душа съ нею была, вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ! А кое-что мы съ нею вдвоемъ и еще къ письму добавили: «что такъ, молъ, и такъ, ежели вы все это исполните, что написано, такъ самъ батюшка Царь небесный вамъ поможетъ меня забыть, а я буду всю жизнь за васъ Бога молить, чтобы вы забыли меня и чтобы сердце ваше онъ облегчилъ, милосердый»... Написали мы ему еще, что не любовь это въ немъ говоритъ, а окаянный погубитель душъ человѣческихъ... Очень складно было то письмо написано, такъ что обѣ мы плакали, какъ она писала его... Напишетъ словечка два-три, да въ слезы, потому ужъ очень было жалостно написано; иныя слова были словно пѣсня, а иныя вотъ точно проповѣдь въ церкви...

— Ну, и какъ же, Акимовна, письмо это подѣйствовало? Образумился прадѣдушка?

— Подѣйствовало, родненькій, очень даже подѣйствовало! И какъ еще образумился-то! Совсѣмъ было въ немъ поворотъ въ другую сторону сдѣлался! Ну, да ты самъ знаешь, хоть и малъ, какая сила у окаяннаго... А только ты меня опять сбилъ, вѣдь я тебѣ еще не сказала про того странника, что принесъ письмо-то отъ Егора Дмитрича.

— А, быть можетъ, это былъ самъ Егоръ Дмитричъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, милый! Онъ же на другой день къ намъ пришелъ изъ деревни за отвѣтомъ, и я его видѣла.

— А въ домъ его впустили?

— Вотъ въ томъ-то и чудо, что велѣла его Людмила Николавна впустить и къ себѣ привести, значитъ, въ свою комнату. Никого изъ мужчинъ не принимала, а этого приняла, и все у него разспросила про Егора Дмитрича: и въ какомъ онъ монастырѣ, и далеко ли онъ отъ насъ, и здоровъ ли, и что дѣлаетъ? Ну, конечно, тотъ странникъ все ей разсказалъ.

— Называется, говоритъ, онъ теперь не Егоромъ Дмитричемъ, а отцомъ Серафимомъ. Прежде, говоритъ, все Богу молился, и въ церкви даже послѣ всѣхъ оставался, и въ кельи у себя цѣлыя ночи на колѣняхъ простаивалъ... Ну, а послѣдній годъ, говоритъ, нельзя его узнать, совсѣмъ молиться мало сталъ. Въ церковь, конечно, ходитъ, потому не ходить нельзя. Да только отъ этого его хожденія

толку мало: придетъ и станетъ, какъ истуканъ, лба ни разу не перекреститъ. Задумываться сталъ очень. Иногда раза три-четыре окликнешь его, пока отзовется... Ну, разсказалъ онъ все это, накормили мы его. Людмила Николавна дала ему письмо и денегъ сколько-то, и сказала:

— Очень бы мнѣ хотѣлось знать, поправится ли отецъ Серафимъ послѣ моего письма. И если, говоритъ, вы мнѣ о немъ извѣстіе принесете, я васъ не оставлю своимъ вознагражденіемъ.

Странникъ пообѣщалъ вскорѣ побывать въ нашихъ мѣстахъ и обо всемъ Людмилу Николавну увѣдомить.

Ну, миленькій мой, прошло такъ сколько недѣль, а можетъ и мѣсяцевъ. И опять однажды приходитъ тотъ странникъ, но уже безъ письма, а какъ бы самъ отъ себя. И принесъ Людмилѣ Николавнѣ вѣсти радостныя: такъ и такъ, молъ, отецъ Серафимъ, прочитавши ваше письмо, сперва долго надъ нимъ плакалъ, а потомъ опять сталъ подолгу Богу молиться и въ церкви, и въ кельѣ своей... Ну, а такъ недѣльки черезъ двѣ, говоритъ, испросивъ у игумена благословенія, отправился въ разныя страны ко святымъ мѣстамъ, поклониться чудотворнымъ иконамъ и святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ, и до сихъ поръ въ странствіяхъ находится. Получены были отъ него два письма: одно изъ Кіева, другое съ Аѳона, и въ послѣднемъ письмѣ онъ извѣщаетъ, что намѣренъ идти до самаго Іерусалима.

Обрадовалась этому извѣстію Людмила Николавна: значитъ, отецъ Серафимъ все, что она ему совѣтовала, исполняетъ въ точности... Угостила того странника, какъ нельзя лучше, и опять его деньгами наградила. И обѣщалъ онъ дать ей знать, ежели что съ отцомъ Серафимомъ новое произойдетъ или о немъ какая ни на есть вѣсточка въ монастырѣ ихнемъ получится. Однако, долго послѣ этого никакого извѣстія о прадѣдушкѣ твоемъ не было... Можетъ, цѣлый годъ прошелъ, а ни слуху, ни духу о немъ нѣтъ... Успокоилась было Людмила Николавна: «значитъ, молъ, образумился человѣкъ. Ну, и слава тебѣ, Господи!» А все это время она Богу молилась, и ужъ такъ, миленькій мой, молилась, что и монахи такъ не молятся. И по монастырямъ тоже чуть не каждый мѣсяцъ ѣздила, и къ ней стали монахини заходить. Дня не было такого, чтобы у насъ какая ни на есть монашка не ночевала. А потомъ стала она мнѣ говорить, что и сама хочетъ въ монастырѣ совсѣмъ поселиться, а если Господь удостоитъ, то и постриженіе принять. Ну, что-жъ, миленькій мой, я ее не отговаривала; вижу, что все равно ей на этомъ свѣтѣ радости не видать: не такія у нея, значитъ, думы, чтобы она могла себѣ какое-нибудь удовольствіе или развлеченіе найти... Ну, а въ монастырѣ

все же будетъ ея сердцу успокоеніе и отрада... И стала она чаще да чаще о монашествѣ думать, и ужъ теперь ѣздила по монастырямъ для того, чтобы выбрать, какой ей больше по душѣ, да разузнать, какія требуются для этого вклады или тамъ что другое... А надо тебѣ сказать, миленькій, что по завѣщанію ея покойнаго родителя, имѣніе его было ей оставлено только по окончаніи ея жизни, потому что имѣніе-то было родовое, и былъ у покойника барина братъ, которому то имѣніе слѣдовало получить. И жилъ тотъ братъ гдѣ-то за границей, а какъ вернулся въ Москву, такъ вскорѣ повелъ дѣло съ Людмилой Николавной, что, молъ, завѣщаніе нашего барина было неправильное... Ужъ я, миленькій, этихъ дѣловъ не знаю, а видѣла своими глазами, что стали часто къ Людмилѣ Николавнѣ бумаги изъ города присылать и она объ нихъ съ управляющимъ нашимъ совѣтовалась и тотъ въ городъ ѣздилъ съ приказными совѣтоваться; тамъ и отписки они ему писали. И много тѣмъ приказнымъ денегъ возили, и провизіи, и хлѣба. Бывало, цѣлыми возами въ городъ всего посылали.

И вотъ, миленькій ты мой, долго ли, коротко, и сколько тому времени прошло ужъ сказать тебѣ не могу, а только была это зима... Примѣрно сказать около Рождества. За меня женихи сватались много, да какъ-то мнѣ были они не по душѣ, и каждый разъ я упрашивала Людмилу Николавну, чтобы она не соглашалась замужъ меня отдавать, а тутъ подвернулся одинъ: конюхомъ онъ у насъ былъ, и, грѣшница я,—самой мнѣ замужъ захотѣлось за него... Ну, обо всемъ мы съ нимъ уговорились и какъ слѣдуетъ, честь-честью, родители его сватовъ засылали, и все такое... Ну, да надо прямо говорить: бросилась я вечеромъ въ ноги къ Людмилѣ Николавнѣ и все ей открыла: «такъ, молъ, и такъ; есть, молъ, у меня великая охота за Прокофія замужъ»... Прокофіемъ звали того конюха, миленькій мой... Ну, она—ничего и даже порадовалась за меня: «давно,—говоритъ,—пора тебѣ, Маша, судьбу свою устроить... Дай Богъ,—говоритъ,—тебѣ счастія. Я ужъ и сама,—говоритъ,—часто объ этомъ думала: потому, въ монастырь уйду; здѣсь новые господа будутъ, а ты не пристроенная останешься. Лучше при мнѣ устройся,—говоритъ,—я тебя награжу за твою вѣрную службу, на всю жизнь тебя обезпечу»...

Сама такъ-то говоритъ, и какъ будто весело, а потомъ вдругъ задумалась-задумалась и, гляжу я, слезки у нея въ три ручья такъ и полились. Значитъ, это она о своей злосчастной судьбѣ вспомнила, что погибла ея молодость. И, точно, какую она радость въ жизни видѣла? Не могла она не подумать тогда, что вотъ я, простая дѣв-

ка, а будетъ у меня мужъ, будутъ и дѣти, а у нея... четыре стѣны монастырскія да черный клобукъ!... И жаль мнѣ ее стало, миленькій, точно не она, а я сама—такая несчастная, да горькая... Обняла я ее, а сама плачу! И долго мы такъ просидѣли съ нею обнявшись...

Ну, на другой день погода была, какъ сейчасъ помню, дивная-предивная: ясная, солнечная... И хорошо у насъ было въ такіе дни— и въ горницахъ, и кругомъ въ лѣсу... Окошки въ домѣ были высокія, большія; свѣтло да радостно такъ бывало, какъ солнце въ окна свѣтитъ... На стеклахъ узоры отъ мороза, точно бриліанты... А за окнами паркъ, весь въ снѣгу, и ели громаднѣйшія, а снѣгъ на нихъ словно искрами горитъ... Только бы смотрѣла да радовалась... А моя Людмила Николавна,—наоборотъ того: встала утромъ скушная-прескушная! Словечко какое вымолвитъ, голосокъ такъ и задрожитъ— вотъ-вотъ расплачется...

Я и то, и се пробовала, чтобы развеселить ее. Ничего не беретъ... Спрашиваю ее:

— Родненькая моя, Людмила Николавна, да что съ тобой, голубушка? Скажи ты мнѣ.

— Охъ, говоритъ, Маша, сердце мое болитъ! Щемитъ его такъ, какъ никогда съ нимъ не бывало: словно бы умеръ кто, или чуетъ оно какую ни на есть бѣду великую. Ты слышала ли, говоритъ, что нынче всю ночь собаки выли? Это ужъ такъ не пройдетъ. Чуютъ они бѣду!

И, точно, всю ночь собаки выли. Только это бывало у насъ часто, потому волковъ было много кругомъ. Ну, вотъ и говорю я ей:

— Это, молъ, видно, волки близко къ сараямъ подходили. А ты вотъ что, говорю, Людмила Николавна: прокатилась бы въ санкахъ, освѣжила бы себя! Помнишь, какъ ты любила въ санкахъ да на троечкѣ? Прикажи, молъ, я сейчасъ побѣгу къ Прокофію. Заложитъ онъ саночки-самокаточки... И меня возьми съ собой... Отъ одного солнышка да отъ морозцу тоску твою, какъ рукой, сниметъ.

Ну, улыбнулась она на это такъ тихо да печально.

— Вижу, говоритъ, что тебѣ самой хочется покататься съ женихомъ. Ну, что съ тобой дѣлать: бѣги къ нему, вели запрягать.

Побѣжала я, а сама земли подъ собою не слышу отъ радости...

И поѣхали мы, миленькій ты мой. Ухъ, и прокатилъ тогда Прокофій! Ну, и ничего: развеселилась моя Людмила Николавна; всю дорогу надо мной да надъ Прокофіемъ шутки разныя шутила. А вернулись мы домой, она все такая же веселая, и какъ спать ее я укладывала, говоритъ мнѣ:

— Ну, что же? Очень тебѣ весело было?

— Очень, — говорю, — никогда въ жисть такъ весело не бывало! А сама давай ее цѣловать и хохочу, какъ дура.

— Ну, хорошо, говоритъ, каждый день теперь будемъ кататься до самой твоей свадьбы.

И все исполнила: стали мы каждый день кататься.

И прошло такъ съ недѣлю, и все у насъ было весело: она сама мнѣ приданое вздумала шить. Но только не даромъ сердце ея чуяло тогда бѣду. Разъ вернулись мы съ катанья, и подаютъ Людмилѣ Николавнѣ письмо съ эстафетой. И прочла она то письмо мнѣ, а было оно отъ твоего прадѣдушки, и писалъ онъ въ немъ, что все исполнилъ, какъ она совѣтовала: странствовалъ по всякимъ святымъ мѣстамъ, и просилъ себѣ успокоенія у всѣхъ угодниковъ и чудотворныхъ иконъ, но спокою себѣ нигдѣ не нашелъ... И что увѣрился онъ теперь, что всѣ эти чудеса люди выдумали, и ни во что теперь не вѣритъ, потому своими глазами убѣдился, насколько люди злобны и корыстны, даже живя около святынь. А ужъ имъ-то нужно бы самимъ сдѣлаться святыми, если бы правда была то, что молитвы да святыни чудеса творятъ... Каждое слово того письма я, какъ сейчасъ, помню, потому, ужъ очень страшныя эти слова были: не самъ онъ эти слова выдумывалъ, а выдумалъ ихъ все тотъ же сатана, съ которымъ онъ прежде компанію водилъ. Опять онъ, окаянный, его въ свои когти забралъ! А кончалось письмо такими словами, что Людмила Николавна вся забилась, словно голубка подстрѣленная: «ждите, молъ, меня къ себѣ. Скоро буду, и обѣщаніе, данное отцу вашему, что вы будете моей женой, исполню».

Ну, ужъ послѣ этого письма намъ не до катаній было. Никуда изъ дому она не стала выходить; сторожей ночныхъ удвоили... Совѣтовала я ей въ монастырь сейчасъ же перебраться, потому изъ монастыря онъ не могъ бы увести ее, а изъ дому, ежели съ толпой явится, да ежели его сила возьметъ надъ нашей дворней, увезти ее было можно.

— Постой, Акимовна, да какъ же онъ могъ жениться, если онъ былъ монахъ? Кто же бы ихъ вѣнчать сталъ? Да и за этакое дѣло его бы навѣрное лютою смертью казнили? — спросилъ я.

— А нѣшто онъ думалъ о смерти и боялся ея? Онъ все равно самъ себѣ смерть назначилъ, и объ этомъ еще въ первомъ письмѣ писалъ. А насчетъ вѣнчанья въ тѣ времена было просто: не то что монаха, а и козла бы повѣнчали. Попы были въ то время совсѣмъ малограмотные, такіе же мужики. Ну, и водочку любили... Да ежели бы такой помѣщикъ, какъ твой прадѣдушка, бросилъ тогдашнему попу нѣсколько золотыхъ, такъ онъ бы не знаю кого обвѣнчалъ! А не

взялъ бы золото, такъ и пистолетъ можно показать: «смотри, молъ, видишь это? Ну, и дѣйствуй безъ разговоровъ!» Такое время было тогда...

— Хорошо! А отчего же Людмила Николавна сейчасъ въ монастырь не поѣхала?...

— А, видишь ли, миленькій, мнѣ-то она сказала, что боится, какъ бы онъ ее дорогой не схватилъ... Ну, а мнѣ думается... прости, Господи, мое согрѣшеніе... нехорошо о покойникахъ худо думать... что она сама въ мысляхъ смутилась...

— То-есть какъ же это, Акимовна, смутилась?

— А такъ, миленькій: никому не охота живому въ могилу ложиться! А ей еще больше того, потому что она никогда радости настоящей не видѣла... Ну, вотъ и смутилъ ее мысли все тотъ же «окаянный», который и душу твоего прадѣдушки въ свои когти взялъ.

— Значитъ, ты думаешь, что она сама хотѣла, чтобы прадѣдъ ее увезъ?

— Нѣтъ, миленькій, этого я не думаю... А смекаю я такъ, что она сама себя не понимала. Значитъ, сердце-то у нея очень изболѣло по Егорѣ Дмитричѣ и просилось къ нему, а мысли-то отъ него она отводить старалась... Да, наши мысли-то, миленькій, лукавы очень: человѣкъ вотъ думаетъ, что онъ не хочетъ чего-нибудь, и что дѣлаетъ—все такъ, чтобы этого не могло случиться, а какъ посмотрѣть хорошенько, все онъ дѣлаетъ по своимъ мыслямъ такъ, чтобы это именно случилось... Да, миленькій! Мысли наши—что тучки: куда вѣтеръ ихъ погонитъ, туда и летятъ. А видѣлъ ли ты на небѣ: однѣ тучки летятъ въ одну сторону, а другія—въ другую... Значитъ, тамъ, на небѣ, два вѣтра... Вотъ такъ и у мыслей два вѣтра бываетъ... Ну, выростешь большой, самъ это узнаешь...

— А какъ же прадѣдушка укралъ Людмилу Николавну?

— А какъ меня вѣнчать повезли, тутъ и укралъ.

— А какъ же тебя вѣнчать повезли?

— А такъ и повезли. И вовсе не повезли, а сама Людмила Николавна меня повезла, на тройкѣ, хоть и церковь-то была всего въ пятидесяти саженяхъ отъ дома, тутъ же сейчасъ за паркомъ. И вижу, какъ сейчасъ, обрядила она меня въ свое подвѣнечное платье, совсѣмъ какъ барышни къ вѣнцу одѣваются, и цвѣтовъ мнѣ наколола, и уваль длинную свою... И салопъ свой мнѣ подарила, который постарше былъ. Ну, и поѣхали мы. И все честь-честью: мальчикъ, братишка мой, съ нами въ саняхъ поѣхалъ, икону везъ... И вся деревня въ церковь собралась, а который народъ не помѣстился,

такъ стояли вокругъ церкви... Ну, и спервоначала все, слава Богу, какъ слѣдуетъ, и кругомъ аналоя водили въ вѣнцахъ, и кольцами отецъ Василій, покойникъ, дай Богъ ему царствіе небесное, заставилъ насъ помѣняться, а пѣвчіе пѣли таково-то хорошо, да громко. И какъ все кончилось, отецъ Василій велѣлъ намъ съ Прокофіемъ поцѣловаться и поздравилъ насъ обоихъ, а за нимъ вслѣдъ и Людмила Николавна подошла и стала меня цѣловать да поздравлять, а у самой слезки такъ и полились вдругъ изъ глазъ! И говоритъ она:

— Это,—говоритъ,—я отъ радости за тебя! Вотъ и прошло,—говоритъ.

Утерла глазки платкомъ и улыбается на меня.

Ну, вотъ, миленькій, на обратный путь усадили меня съ женихомъ,—тьфу! прости Господи, не съ женихомъ ужъ, а съ мужемъ, а Людмилѣ Николавнѣ другія санки подали, въ одну лошадь были онѣ запряжены. Ну, мы поѣхали впередъ, а она сзади. Смотримъ, ужъ такъ—саженяхъ въ двадцати отъ дома, кучка народу стоитъ. А у насъ обычай такой: когда отъ вѣнца «молодые» ворочаются, такъ парни деревенскіе положатъ поперекъ дороги бревно и требуютъ съ «молодого» выкупъ, и до тѣхъ поръ бревна не снимутъ, пока имъ подарковъ не сдѣлаютъ. Ну, вотъ и мы подумали, что вѣрно, молъ, это парни собрались... А какъ ближе-то подъѣхали къ самой кучкѣ, видимъ: точно, бревно-то положено поперекъ дороги, да только парни-то совсѣмъ не наши: ужъ по одёжѣ одной понять можно даже въ потемкахъ.

— Стой!—кричатъ намъ,—давай выкупъ!—и окружили насъ.

А тутъ и Людмила Николавна подъѣхала.

И не успѣла я даже подумать, какъ слышу, изъ ея саней тихій такой, короткій крикъ раздался, и сейчасъ же онъ кончился... А увидать, что съ ней такое, никакъ невозможно было, потому—тѣ люди кругомъ стали и загородили ее отъ насъ... Да и темно совсѣмъ стало. И прошло такъ не больше секунды, какъ тѣ люди, что вокругъ насъ были, всѣ исчезли, словно скрозь землю провалились... Выскочили мы съ Прокофіемъ изъ саней, да къ тому мѣсту, гдѣ стояли санки Людмилы Николавны! Подбѣгаемъ, глядь: санки-то стоятъ и лошадь стоитъ, а ея самой нѣтъ, и кучеръ (мальчикъ былъ взятъ) бьется въ снѣгу да мычитъ. Мы къ нему, а онъ связанъ по рукамъ да по ногамъ, и ротъ тряпкой завязанъ... Сейчасъ развязали его, спрашиваемъ.

— Ничего,—говоритъ,—не знаю. Обступили какіе-то люди, въ одинъ секундъ мнѣ ротъ заткнули, руки, ноги связали, а Людмилу

Николавну двое на руки подняли, и больше я ея не видалъ,—говоритъ.

Тутъ и народъ кое-кто сталъ отъ церкви подходить, стали судить да рядить, что теперь дѣлать? И какъ на грѣхъ, даже распорядиться-то некому было, потому управляющій только наканунѣ въ городъ уѣхалъ... А крестьяне да люди дворовые нѣшто могутъ сами распорядиться? Еще въ отвѣтъ попадешь!... Ну, шумятъ, кричатъ; всякій свое толкуетъ, а ни къ чему всѣ ихъ рѣчи. Я же, миленькій, даже ревѣть не могу: стою, какъ истуканъ каменный, ровно кто меня дубиной по головѣ оглушилъ; только трясусь вся. Хочу крикнуть имъ, мужикамъ, чтобы въ погоню, значитъ, гнались, а голосу у меня нѣту, и ротъ словно судорога свела... Потомъ ужъ только какъ зареву, какъ заголошу:

— Да что-жъ вы, молъ, негодяи этакіе, барыню вашу увезли, а вы тутъ спорите! Садитесь сейчасъ всѣ, сколько помѣститесь, на тройку, да на другія санки и по слѣдамъ въ погоню за ними, за разбойниками!

Тутъ и староста былъ, и велѣлъ онъ народу молчать, а самъ и говоритъ:

— Хорошо тебѣ, молодайка, растобарывать, какъ ты дома останешься. А, вѣдь, у нихъ небось и ружья, и пистоли, и сабли съ собой, а у насъ голыя руки! Что же мы съ ними сдѣлаемъ, ежели и догонимъ? Изуродуютъ они насъ, а не то, такъ и на-смерть перебьютъ; только всего и будетъ! Нѣтъ,—говоритъ,—Марья Акимовна, ты не дѣло это говоришь, потому—умомъ еще не вышла, молода очень, порядковъ не знаешь. Надо все по порядку сдѣлать: сейчасъ, первое дѣло, надо въ городъ скакать за управляющимъ, а второе дѣло, въ становую квартиру.

Ну, и распорядился сейчасъ отложить двухъ пристяжныхъ, и двоимъ мужикамъ скакать, одному въ городъ, другому въ становую квартиру. Ну, мужики тѣ на пристяжныхъ вскочили, а пристяжныя ни съ мѣста... И ногами ихъ бьютъ, и стегаютъ, а они хоть бы что̀ тебѣ—ни съ мѣста да и конецъ, ровно ихъ кто заколдовалъ... Мужики даже испугались, креститься стали: навожденіе, молъ, сатанинское! А я и плакать забыла, такъ испугалась. Еще пуще дрожу и «да воскреснетъ Богъ» читаю, потому взбрело мнѣ въ мысли, что это Егоръ Дмитричъ барыню нашу увезъ, и нечистая сила ему помогаетъ, лошадей къ землѣ приковала.

И долго такъ бились съ лошадьми, пока кто-то изъ прежнихъ бариновыхъ охотниковъ не вздумалъ у нихъ ноги ощупать, а какъ ощупалъ и крикнулъ:

— Братцы, да лошади-то связаны! Смотрите-ка! Ишь сколько веревокъ намотали имъ на ноги!

И всѣ лошади оказались спутанными: и обѣ пристяжныя, и коренникъ, и та лошадь, на которой Людмила Николавна ѣхала... Да какъ спутали-то, что цѣлый часъ развязывать пришлось: все мертвыми узлами завязано; сдѣлаютъ оборотъ вокругъ ногъ, и узелъ; сдѣлаютъ другой оборотъ, опять узелъ... И когда они успѣли, Господь ихъ знаетъ! Ну, ужъ и ловкіе ребята были у него подобраны; словно дьяволы! А можетъ, прости Господи, и точно были съ нимъ не люди, а дьяволы... Ну, конечно, догадались потомъ веревки тѣ разрѣзать; побѣжали въ усадьбу, захватили ножи, фонари зажгли, вернулись назадъ... Ну, а я все стою да плачу, а потомъ мнѣ Прокофій и говоритъ:

— Ну, чего ты, глупая, ревешь? Слезами не поможешь. И чего намъ тутъ стоять?... Ужъ теперь не вернется Людмила Николавна... Пойдемъ-ка домой, хоть пѣшкомъ... Тамъ насъ, чай, ждутъ родители, да и вся родня собралась.

Ну, я разсудила, что точно нечего намъ тутъ стоять и ждать, да и плакать тоже нечего... Не сдѣлаетъ ничего худого Егоръ Дмитричъ барынѣ. А можетъ она, моя злосчастная, хоть не на долгое время да узнаетъ счастливые деньки... Ну, и пошли мы съ нимъ домой, въ деревню, къ его отцу.

— Ну, и чѣмъ же все кончилось, Акимовна?

— А кончилось тѣмъ, мой миленькій, что съ той поры и слѣдъ простылъ Людмилы Николавны... И гдѣ она была, никто не зналъ; потому ни слуху, ни духу о ней не было... Надо полагать, что приказные писали въ разныя мѣста бумаги, чтобы, значитъ, ее вездѣ искали; да вѣдь въ тѣ времена, миленькій, дѣла тихо дѣлались. Слыхала я, бывали такія дѣла, что и по пятидесяти и даже по сту лѣтъ тянулись... Одинъ приказный напишетъ да пошлетъ, и идетъ бумага мѣсяцъ. Другой получитъ; у него полежитъ мѣсяцъ либо больше, а потомъ онъ отпишетъ тому первому, что ничего, молъ, у насъ объ этомъ дѣлѣ не извѣстно. Ну, а тамъ эту бумагу пришьютъ къ другимъ бумагамъ, да черезъ сколько тамъ мѣсяцевъ пошлютъ къ вышнему начальству. Такъ она и ходитъ, какъ колесо, вокругъ себя, а дальше ни съ мѣста.

— Ну, и не видѣла ты больше Людмилы Николавны?

— Какъ не видѣла, миленькій? Видѣла, и ребеночка ея выкормила, дѣдушку твоего, Александра Егорыча.

— Ну, какъ же вы увидѣлись? Разскажи.

— А такъ же, очень просто: вернулась она къ намъ, такъ, при-

мѣрно, черезъ годъ, и съ ребеночкомъ... Да только въ то время ужъ имѣніе-то отдали ея дядѣ, брату нашего Николая Семеныча, и ее даже, голубку мою, новый управляющій,—изъ Москвы онъ былъ присланъ,—не хотѣлъ въ усадьбѣ держать, требовалъ, чтобы она выѣхала... Ну, да прежній управляющій помогъ ей, да и сосѣди-помѣщики. Жалобу какую-то они подавали. Ее и оставили. Однако, дѣло долго тянулось... А кончилось всетаки въ пользу дяди... Выселили ее.

— Куда же она дѣвалась съ ребеночкомъ? И гдѣ же былъ въ то время прадѣдушка?

— Охъ, миленькій мой! Не гоже тебѣ объ этомъ разсказывать, да только ты самъ, вѣрно, ужъ слыхалъ объ этомъ: прадѣдушка твой пожилъ съ ней нѣсколько мѣсяцевъ заграницей гдѣ-то, на теплыхъ водахъ, да вдругъ затосковалъ, и такъ, миленькій, затосковалъ, что разъ уѣхалъ одинъ на лодкѣ въ море, а потомъ лодка къ берегу пришла пустая... Ну, думаютъ, что онъ съ лодки въ море бросился... А Людмила Николавна къ намъ вернулась, все хворала, да плакала, кормить сама не могла, меня взяла въ кормилицы... А когда стало извѣстно, что ее изъ имѣнія совсѣмъ выселятъ, она купила себѣ небольшой хуторъ, вотъ этотъ самый, что теперь Липовкой зовется. Въ мужниномъ имѣніи жить ей было нельзя, потому что онъ всѣ права свои потерялъ. Только деньги послѣ него остались, ну, да и у нея были... На эти деньги она меня съ Прокофіемъ на волю выкупила... Большія деньги за насъ дала дядюшкѣ своему... Ну, мы и жили около нея до самой ея смерти, а померла она не вдолгѣ послѣ того, какъ на свой хуторъ переѣхала... Чахотка, говорятъ, у нея сдѣлалась... Мы съ Прокофіемъ и похоронили ее, и дѣдушку твоего Александра Егорыча вырастили, и въ ученье отдали... Конечно, не одни мы, а опекунъ былъ назначенъ... Ну, да опекунъ больше тѣмъ занимался, что всѣ деньги къ себѣ въ карманъ клалъ, да отписывался... Такъ-то, миленькій! Ну, вотъ моей повѣсти и конецъ!

— А отчего же дѣдушка Александръ Егоровичъ пить сталъ?

— Ахъ, миленькій! Да какъ же ему было не пить, когда онъ, выросши, узналъ, чего лишился!? Вѣдь, всего онъ лишился — и званія, и имѣній, и даже всякихъ правъ, потому онъ даже не могъ и крестьянами владѣть... Вѣдь, эти крестьяне да дворовые, что у васъ теперь, не ваши, а бабушкины Анны Ивановны, значитъ, супруги Александра Егорыча. Онъ женился на столбовой дворянкѣ... Ну, а умретъ она, и крестьяне отъ васъ отойдутъ: потому всѣ ваши права прадѣдушка Егоръ Дмитричъ потерялъ.

Я долженъ здѣсь добавить, что жена Александра Егорыча, т.-е. моего дѣда (мать моего отца), жила верстахъ въ тридцати отъ насъ,

въ своей усадьбѣ. Это была совсѣмъ дряхлая старуха, никогда не выѣзжавшая изъ усадьбы и почти не встававшая съ постели. Дряхла она была не столько отъ лѣтъ, сколько отъ того, что всѣ руки и ноги у нея были переломаны дѣдушкой Александромъ Егорычемъ, когда еще онъ жилъ съ нею. Мы изрѣдка ѣздили къ ней съ матерью, и разъ она показала намъ свои руки, на которыхъ остались слѣды переломовъ въ видѣ утолщеній на костяхъ... Да, это были времена жестокія! Дѣдъ, насколько я помню, никогда не ѣздилъ къ бабушкѣ въ послѣдніе годы, но какъ она это устроила, не знаю.

— Скажи, пожалуйста, Акимовна,—спросилъ я,—неужели дѣдушка Александръ Егоровичъ не хлопоталъ, чтобы ему вернули имѣніе и права?

— Какъ не хлопотать, хлопоталъ! Да въ тѣ времена на хлопоты-то деньги были нужны большія. А безъ денегъ вездѣ ему отказъ да отказъ... Съ той поры онъ и запивать сталъ, сердечный. Нѣшто онъ такой былъ съ молоду-то! Эхъ, разумникъ былъ и кроткій! Весь въ матушку свою, драгоцѣнную мою Людмилу Николавну! И меня старуху, и Прокофія моего какъ любилъ! Все, бывало, говоритъ: «какъ верну свои имѣнія, съ вами раздѣлю, потому вы для меня больше отца родного. И мать покойницу мнѣ замѣнили». Ну, да не вышло его дѣло! И не по его винѣ... А ребеночкомъ какой былъ! Розовенькій, кругленькій, хорошенькій, ну, точно вотъ херувимъ! Волосики вились колечками! Весь былъ въ мать, въ Людмилу Николавну, какъ вылитый... Да! Вотъ что жизнь-то дѣлаетъ съ человѣкомъ!...Думала ли я, когда кормила его, крохотнаго, что изъ него выйдетъ!

Старушка горько и безнадежно заплакала. Ея слѣпые глаза смотрѣли въ пространство, но это не было видимое пространство, окружавшее насъ, это было пространство, пройденное и прожитое страдающими людьми трехъ поколѣній, которые для нея никогда не исчезали, вѣчно жили и были неумирающей дѣйствительностью....

Съ подлинымъ вѣрно.

Л. Е. Оболенскій.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ ФРАНЦИСКѢ.

Марселя Прево.

(Съ французскаго.)

Напомню вамъ, милая Франциска, что въ прошлую пятницу вы довѣрили мнѣ порученіе, которое я не безъ гордости исполнилъ. Въ послѣдній разъ, когда вы пріѣзжали домой изъ пансіона, у вашей матушки болѣло горло. Докторъ запретилъ ей выходить изъ дому по случаю холодной погоды. Не придавая большой вѣры успокоительнымъ письмамъ, которыя она вамъ присылала, вы написали мнѣ нѣсколько словъ, прося меня лично освѣдомиться о здоровьѣ m-me Ле-Кельенъ и въ тотъ же день, въ большую рекреацію, придти къ вамъ въ пансіонъ, куда меня должны были допустить въ этотъ разъ по особому разрѣшенію начальницы.

Припомните также, что мнѣ очень недолго пришлось говорить съ вами. Не успѣли вы придти въ пріемную, какъ раздался звонокъ. Къ счастію, мнѣ немного времени нужно было, чтобы исполнить мое порученіе. Я успокоилъ васъ нѣсколькими словами и отечески поцѣловалъ васъ въ лобъ; сердечно и мило поблагодаривъ меня, вы поспѣшно удалились въ направленіи классовъ вмѣстѣ съ тремя вашими подругами, также допущенными въ пріемную по особому разрѣшенію.

Я не успѣлъ сказать вамъ, что ждалъ васъ почти полчаса. Вѣроятно, васъ плохо искали, или надзирательница, дежурившая въ пріемной, получила приказаніе вызвать васъ только за нѣсколько минутъ, — вѣдь это былъ не пріемный день... Не жалѣйте меня. Я бы, конечно, предпочелъ оставаться дольше въ вашемъ обществѣ, но я не соскучился въ ожиданіи васъ... Если случается, что васъ долго не вызываютъ, я раскрываю одинъ изъ трехъ томовъ, лежащихъ на кругломъ столѣ, и освѣжаю въ моей памяти трогательную исторію французской Канады, очень хорошо написанную Бонафу и заслуживающую большой популярности.

Минутъ десять сидѣлъ я въ глубинѣ залы, просматривая это сочиненіе, какъ вдругъ быстрые шаги раздались на парадной лѣстницѣ, и шорохъ шелку нарушилъ тишину маленькой пріемной. Не трогаясь съ мѣста, я увидѣлъ въ зеркалѣ отраженіе граціозной фигуры молодой женщины, одѣтой очень изящно; профиль ея показался мнѣ издали очень пріятнымъ. Она не замѣтила меня, не вошла даже въ залу, въ которой я находился; вниманіе ея было отвлечено тремя пансіонерками, которыя вбѣжали въ маленькую пріемную и которыхъ я ужъ не разъ видалъ. Среди смѣха, восклицаній, поцѣлуевъ, выраженій удивленія и нѣжности, послышались имена: «Ивонна!... Юлія!... Сусанна!... Магдалина!...» Минутъ пять изящная посѣтительница и три пансіонерки говорили и смѣялись всѣ вмѣстѣ,—милое преимущество женскаго разговора.

Когда этотъ первый пылъ утихъ, посѣтительница Ивонна бѣгло разсказала имъ о своемъ настоящемъ положеніи, на которое она, казалось, не могла пожаловаться. Я понялъ (мнѣ не нужно было прислушиваться, чтобъ слышать), что за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ она оставила пансіонъ и вышла замужъ, что она совершила въ Испанію свадебное путешествіе, «чудное, мои милыя!...» что совсѣмъ недавно вернулась въ Парижъ и устроилась на квартирѣ, отдѣланной по послѣдней модѣ. Въ ея быстрой рѣчи слова: «мой мужъ» повторялись почти каждую секунду, но почти всегда они были дополненіемъ въ предложеніяхъ, начинавшихся мѣстоименіемъ «я»... «Я сказала моему мужу... Я послала моего мужа... Я спросила у моего мужа... Я не позволю моему мужу» и т. д. Такъ что этотъ отсутствующій мужъ представился мнѣ въ видѣ скромнаго и покорнаго дополненія, справедливо заботившагося о своемъ согласованіи съ подлежащимъ.

— Въ сущности, онъ очень милъ,—заключила молодая женщина.—Не слишкомъ уменъ... впрочемъ, для меня это лучше. Я не искала очень умнаго мужа. Онъ обожаетъ меня и дѣлаетъ все, что мнѣ угодно.

— Это идеалъ,—сказала Юлія.

— Тебѣ посчастливилось!—вздохнула Сусанна.

— Кромѣ того, онъ очень красивъ,—вставила Магдалина.

— О! очень красивъ—это слишкомъ,—поправила Ивонна.—Онъ недуренъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ я его одѣваю. Но я не могу сказать, чтобъ онъ былъ вполнѣ моимъ героемъ. Ему недостаетъ двухъ сантиметровъ въ ростѣ, и у него есть расположеніе къ полнотѣ: я этого терпѣть не могу, поэтому запрещаю ему пить за столомъ...

Вотъ мы говоримъ о красивыхъ мужчинахъ... А прелестный Максимъ бываетъ еще въ пріемной?

Не успѣла сказать она: «прелестный Максимъ», какъ опять раздался шумъ четырехъ голосовъ. Всѣ пылали страстью къ прелестному юнкеру Максиму. Онъ приходилъ почти каждое воскресенье къ своей сестрѣ Люси Депейру. Чтобъ видѣть его, пансіонерки, въ особенности ученицы двухъ старшихъ классовъ, употребляли всевозможныя хитрости. Тѣ, которыхъ не вызывали въ пріемъ, находили возможнымъ приходить туда подъ предлогомъ какого-нибудь порученія. Самыя смѣлыя отваживались говорить съ Люси, чтобъ подойти поближе къ Максиму. Елена Кантемерль посвятила ему стихотвореніе, однако другія не хотѣли вѣрить, что она ему его послала.

— Словомъ, вы всѣ въ него влюблены, какъ это было и прежде!—заключила Ивонна, смѣясь.—Я тоже была къ нему неравнодушна. Но у меня это прошло.

— Ты могла бы на него теперь спокойно смотрѣть?—спросила Сусанна.

— Ну, конечно. Я вѣдь старая, замужняя женщина. Это волнуетъ васъ, маленькихъ попугайчиковъ въ клѣткѣ.

Это замѣчаніе Ивонны показалось мнѣ очень справедливымъ.

«Все, что молодыя дѣвушки сейчасъ откровенно говорили, не подозрѣвая, что кто-нибудь слышитъ ихъ, совершенно невинно,—думалъ я,—а наивное увлеченіе, съ которымъ онѣ говорили, свидѣтельствуетъ объ ихъ полной невинности. Однако молоденькія англичанки или американки не сказали бы этого. Онѣ разобрали бы болѣе хладнокровно достоинства красиваго Максима и посмотрѣли бы на него только съ точки зрѣнія невѣстъ, ищущихъ жениха. Онъ не былъ бы для нихъ миѳической личностью, Лоэнгриномъ или Амадисомъ. Ихъ сердца не горѣли бы романическимъ пламенемъ въ тишинѣ дортуаровъ и классовъ... Боже мой!... Какъ это затворническое воспитаніе, вдали отъ свѣта, заботливо охраняемое отъ всякаго сношенія съ молодыми людьми, какъ оно возбуждаетъ воображеніе и волнуетъ сердца бѣдныхъ дѣвочекъ! Еслибъ эти три дѣвушки съ дѣтства бѣгали взапуски, ѣздили на велосипедахъ съ юнкерами или кадетами, какъ съ родными или двоюродными братьями, онѣ гораздо спокойнѣе смотрѣли бы на Максима Депейру».

Я прервалъ мои размышленія.

— Да, за мной ухаживаютъ,—отвѣтила Ивонна на настоятельные вопросы подругъ.—Но знаете, милыя, въ Парижѣ, у очень молодыхъ женщинъ бываетъ не много поклонниковъ. А потомъ, вѣдь я серьезна!

«Гм! — подумалъ я. — Это недурно... Безгласный мужъ долженъ быть счастливъ, обладая такой серьезной половиной!... Какъ бы то ни было, мнѣ кажется, она слишкомъ рано вышла замужъ, слишкомъ рано будетъ, можетъ быть, матерью: въ головѣ ея еще много чаду, омрачающаго разумъ трехъ ея подругъ... Смѣшно сказать, что онѣ тоже черезъ годъ, можетъ быть, будутъ женами, черезъ два — матерями!... Любовь, свобода, долгъ, порядокъ, власть — все это сразу должны будутъ постичь бѣдныя дѣвочки!... Монастырское воспитаніе, предшествующее поспѣшному замужеству, есть величайшая нелѣпость... Развѣ не печально, что никому здѣсь не поручено говорить съ этими дѣвочками о томъ, что ждетъ ихъ завтра, уяснять имъ заранѣе борьбу съ другимъ поломъ, — словомъ, приготовлять ихъ быть женщинами?... Нѣтъ, за это никто не берется. Ни одна изъ учительницъ, обучающихъ двѣсти пансіонерокъ, не знаетъ, что половина изъ нихъ влюблена въ мундиръ».

Вотъ, что думалъ я, милая Франциска. Я опять сталъ прислушиваться къ болтовнѣ моихъ четырехъ сосѣдокъ, когда вы вошли въ маленькую пріемную. Васъ ласково привѣтствовали.

— А ты, Франциска, тоже влюблена въ Максима Депейру?

Я увидѣлъ въ зеркалѣ, что вы покраснѣли до ушей, это мнѣ показалось совершенно естественнымъ послѣ такого смѣшного вопроса.

— О! сказали вы... Вѣдь вы знаете, какъ я дружна съ Люси!... Максимъ мнѣ кажется роднымъ...

— Счастливая Франциска! — съ жаромъ воскликнула Сусанна. — Она видитъ Максима вблизи... Она подходитъ къ нему... Она съ нимъ говоритъ!...

— И она не теряетъ головы! — вскричала Юлія.

— У тебя, должно быть, нѣтъ сердца, — заключила Ивонна.

— Извините, — сказали вы, улыбаясь. — Меня тамъ ждетъ дядя.

Затѣмъ вы поспѣшно удалились отъ подругъ, а онѣ начали шептаться, пристыженныя тѣмъ, что разговоръ ихъ подслушалъ нескромный по профессіи свидѣтель.

Милая Франциска, вы не повѣрите, какъ я былъ радъ, что вы не распространялись съ вашими влюбленными подругами насчетъ красиваго Максима. Онѣ говорятъ, что у васъ нѣтъ сердца: я этому не вѣрю. Только это невинное сердце еще ни для кого не билось. Я надѣюсь, что въ тотъ день, когда оно забьется, вы довѣрите эту важную тайну только немногимъ вѣрнымъ друзьямъ, вы будете заботливо хранить ее, вы не станете о ней болтать, кому попало, какъ это дѣлаютъ три маленькія попугая и безпокойная Ивонна.

Люди, желающіе утромъ быть нѣсколько лучше, чѣмъ они были наканунѣ вечеромъ (скромная и превосходная программа жизни, милая Франциска), жалѣютъ, что какой-нибудь безпристрастный судья не наблюдаетъ постоянно за ихъ поступками, мыслями, за движеніями ихъ сердца и не призываетъ ихъ затѣмъ, какъ подсудимыхъ, на судъ. Есть у насъ совѣсть, но мы такъ искусно научаемъ ее извинять наши слабости! Къ тому же, повѣрка совѣсти зависитъ отъ памяти, а она такъ часто измѣняетъ намъ!... Ахъ! еслибъ какой-нибудь Эдиссонъ двадцатаго столѣтія изобрѣлъ чудесный аппаратъ, который при помощи зеркала и фонографа механически запечатлѣвалъ бы нашу жизнь и воспроизводилъ бы ее передъ нами, когда мы этого пожелаемъ!

Я хочу быть сегодня для васъ такимъ аппаратомъ. Я знаю, конечно, что вы способны задумываться надъ собой и цѣнить себя по достоинству. Но вы, вѣроятно, замѣтили, что въ часы сильнаго и пріятнаго возбужденія мы не видимъ себя, а потомъ не отдаемъ себѣ отчета въ томъ, что мы дѣлали. Мы теряемъ надъ собой власть, мы поддаемся инстинкту; послѣ этого намъ кажется, что мы пробудились отъ сна...

«Лазурное озеро волновалось; на горизонтѣ возвышались Альпійскія вершины; легкій вѣтерокъ вторилъ приливу и отливу волнъ; мы никого не видѣли; мы не знали, гдѣ находимся»...

Вотъ что говоритъ виконтъ де-Шатобріанъ, описывая свою прогулку по Костанцскому озеру съ m-me Рекамье. Ей было тогда около сорока лѣтъ; ему ужъ минуло шестьдесятъ четыре... Что-жъ удивительнаго въ томъ, что молодая дѣвушка вашихъ лѣтъ не знаетъ иногда, что она дѣлаетъ и гдѣ находится?...

Не въ Швейцаріи происходило то, что я хочу вамъ напомнить. Бѣлыя стѣны богатой модной залы замѣняли Альпы; яркій свѣтъ электрическихъ лампочекъ замѣнялъ давно угасшій свѣтъ солнца; непрерывные звуки музыки заглушили бы дуэтъ вѣтерка и волны, еслибъ вы танцовали безконечный котильонъ не въ Парижѣ, а въ какой-нибудь виллѣ на берегу Костанцскаго озера. Сидя возлѣ m-me Ле-Кельенъ, я присутствовалъ на скромной вечеринкѣ, устроенной родителями одной изъ вашихъ подругъ, по случаю того, что ей исполнилось девятнадцать лѣтъ... Не скрою отъ васъ, что вечеринка сама по себѣ нисколько не занимала меня. Я давно ужъ не принимаю участія въ танцахъ, а для глазъ всякій некостюмированный балъ представляетъ ужасное зрѣлище. Родители вашей подруги, богатые фабриканты стекла, и не думали отступать отъ традицій. Однако, я не скучалъ. Между тѣмъ какъ ваша мать и всѣ матери съ

улыбкой шептали: «Какъ дѣвочки веселятся!» я не переставалъ наблюдать за вами, Франциска. Для вашего поведенія и для вашихъ разговоровъ я былъ живымъ аппаратомъ будущаго Эдиссона... А теперь, когда фабрикантъ стекла вернулся въ свои мастерскія, когда ученицы вернулись въ пансіонъ, а прелестный братъ Люси Депейру— въ Сенъ-Сирскую школу, я подѣлюсь съ вами моими наблюденіями и размышленіями. Въ полезности ихъ я не сомнѣваюсь, такъ какъ въ эту ночь вы не отдавали себѣ отчета въ вашихъ дѣйствіяхъ.

Вы не знали, что дѣлали, и я этому не удивлялся. Эта заурядная вечеринка была для васъ неожиданнымъ и преждевременнымъ вступленіемъ въ «свѣтъ», отъ котораго васъ отдѣляетъ еще десять мѣсяцевъ и о которомъ вы не перестаете мечтать. Вы уже знаете, что «свѣтъ» не то, что зала, въ которой вы танцовали, что тамъ другая обстановка, другіе люди, другіе кавалеры: вѣдь для этого вечера нарочно были приглашены только очень молодые люди. Но яркій свѣтъ, шумъ, оживленіе опьяняли васъ; ваше воображеніе, радость, желаніе жить преображали все вокругъ васъ... Опьянѣніе продолжалось до конца вечера, до той минуты, когда я надѣлъ накидку на ваши слегка обнаженныя плечи. Я посадилъ васъ съ матушкой въ карету. Ваши глаза блестѣли, вы много говорили и нервно смѣялись... Я вернулся домой. Въ моемъ синематографѣ накопилось столько наблюденій, что нѣкоторыя изъ нихъ я записалъ въ ту же ночь.

«Вотъ,—думалъ я,—дѣвушка изъ прекрасной семьи, богато одаренная, отлично воспитанная. Она честна до мозга костей; зло ее ужасаетъ... До сихъ поръ она увѣряла меня (и это казалось мнѣ правдоподобнымъ), что она не любитъ, чтобы за ней ухаживали. Это смущаетъ, стѣсняетъ ее. Я весь вечеръ не упускалъ ея изъ виду и съ изумленіемъ видѣлъ передъ собой новую, незнакомую мнѣ Франциску... Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ эту памятную ночь ухаживанье молодыхъ людей было ей пріятно. Она, правда, сочла нужнымъ шепнуть мнѣ въ промежутокъ между двумя вальсами: «Знаете, эти «плясуны» еще глупѣе насъ». Однако, она не избѣгала ихъ общества. Одинъ высокій молодой блондинъ, пожиравшій ее черезъ монокль опаснымъ взглядомъ, сказалъ ей, что лифъ у нея былъ недостаточно вырѣзанъ (по нескромности моей, я подслушалъ эту пошлость): Франциска ни покраснѣла, ни возмутилась. Котильонъ она танцовала съ братомъ Люси Депейру, юнкеромъ, который славился въ пансіонѣ Беркенъ своей красивой фигурой и благороднымъ лицомъ. Что̀ бы она ни говорила, всетаки не удовольствіе прыгать въ тактъ съ хорошимъ танцоромъ освѣщало ея лицо и глаза... Необычное удовольствіе, которое она испытывала, затемняло немного

ея сознаніе. Замѣтивъ, что я не перестаю за ней наблюдать, она бросала мнѣ время отъ времени ласковый взглядъ и хотѣла какъ будто сказать: «Мои старые друзья не должны бояться никакой конкуренціи». Къ концу бала выраженіе глазъ измѣнилось. Вотъ что говорили они мнѣ приблизительно: «Я думаю, я могу дѣлать, что мнѣ угодно... Ни въ чьихъ урокахъ я не нуждаюсь»... Затѣмъ Франциска совершенно забыла обо мнѣ и m-me Ле-Кельенъ. Увлекшись разговоромъ съ красивымъ юнкеромъ, она перестала даже танцовать.

Я обратился тогда мысленно съ воззваніемъ къ матерямъ. Съ моей сосѣдкой, спокойно улыбавшейся, я не подѣлился имъ, но вы, Франциска, должны его услышать. «О, честныя, религіозныя матери!—думалъ я.—Вы спокойно смотрите на все это,—значитъ, вы ничего не понимаете, ничего не знаете!... Если бы вамъ предложили воспитывать вашихъ шестилѣтнихъ дочерей въ однихъ классахъ, на однихъ лугахъ съ этими франтоватыми кавалерами, которые ходили когда-то въ широкихъ штанишкахъ и съ грязнымъ носомъ, вы испустили бы крики ужаса. Ваши дѣвочки воспитывались среди дѣвочекъ, между тѣмъ какъ маленькіе мальчики въ кругу мальчиковъ постарше стремились къ сигарѣ, моноклю и прочему... Теперь, когда и тѣ, и другіе находятся въ возрастѣ отъ шестнадцати до двадцати трехъ лѣтъ, вы очень просто сближаете ихъ и съ самаго начала допускаете тихій разговоръ и объятія! Вы, вѣрно, не знаете, о чемъ больше всего заботятся эти молодые люди, о чемъ они думали, отправляясь сюда, о чемъ будутъ говорить между собой, возвращаясь домой съ папироской въ зубахъ? Развѣ вы не знаете, что молодые люди, тоже воспитываемые вдали отъ другого пола, вырвавшись на волю, только и думаютъ о томъ, какъ бы сблизиться съ этимъ поломъ? Вамъ, значитъ, не говорили, по какимъ образцамъ они знакомятся съ женщиной?... Я слышу ваши возраженія: «Гостиная остается всегда гостиной; это благовоспитанные молодые люди, которые знаютъ, что съ ними говорятъ невинныя молодыя дѣвушки, и наши дочери сумѣли бы осадить ихъ, еслибъ...» Полагайтесь на вашихъ дочерей! Совершенно вѣрно, что большинство изъ нихъ оттолкнетъ отъ себя черезчуръ наглаго кавалера. Но какъ же можно застигать ихъ врасплохъ и подвергать опасности? Вчера въ это время онѣ спокойно спали въ пансіонѣ; сегодня мужчины обвиваютъ рукою ихъ талію, касаются усами ихъ лица, нашептываютъ имъ пріятныя рѣчи. А что, если рѣчь окажется слишкомъ вольной, если въ вихрѣ танца прикосновеніе руки обратится въ ласку? Хоть ваша дочь сухо скажетъ, что она устала, хоть она попроситъ провести ее до мѣста, всетаки она слышала пошлость, всетаки ощутила ласку. И въ девяти случаяхъ изъ

десяти она вамъ ничего объ этомъ не скажетъ. «Зачѣмъ безпокоить маму? Всякій пустякъ ее приводитъ въ ужасъ»... Въ лучшемъ случаѣ, когда кавалеры ведутъ себя порядочно, что бываетъ рѣдко, всетаки опасно подвергать молодой темпераментъ рѣзкимъ переходамъ отъ холода къ жару. Представьте себѣ, что въ этотъ вечеръ въ молодомъ организмѣ быстрѣе движется кровь, что молодой темпераментъ легче поддается волненію подъ вліяніемъ весны и въ виду предстоящаго вступленія въ свѣтъ... Принявъ это первое возбужденіе за любовь, невинная дѣвочка можетъ неосторожно отдаться ей всѣмъ сердцемъ»...

Итакъ, я винилъ не васъ, милая Франциска, а нелѣпую систему воспитанія, которую къ вамъ примѣняли, и отъ которой, надѣюсь, вы избавите вашихъ дочерей, если онѣ у васъ будутъ.

Послѣ этой достопамятной ночи я не переставалъ съ грустью думать о васъ... Я зналъ, что такое сердце, какъ ваше, не можетъ волноваться только одну ночь. Въ васъ пробудилась вся ваша преданность, вся нѣжность. Вы не принадлежите къ тѣмъ, которыя говорятъ, вышедши замужъ: «До свадьбы я была влюблена разъ двадцать»... И вы правы: не слѣдуетъ размягчать свое сердце, не слѣдуетъ наполнять и опустошать его, какъ мѣхъ. Дорогую эссенцію вливаютъ не въ мѣхъ, а въ пузырекъ, который тотчасъ же герметически закупориваютъ. Вамъ приходится выбирать одно изъ двухъ: или серьезно полюбить человѣка, съ которымъ вы танцовали одинъ разъ, и который, можетъ быть, о васъ ужъ больше не думаетъ, или научиться по этому первому опыту легкомысленно относиться къ волненіямъ вашего сердца, т.-е. безъ разбору часто влюбляться.

Повторяю еще разъ: вы не виноваты. Въ концѣ XIX вѣка между молодыми людьми и молодыми дѣвушками установились очень неправильныя отношенія. Любопытство тѣхъ и другихъ разжигается разлученіемъ ихъ въ томъ возрастѣ, когда сближеніе не представляетъ никакой опасности. Одинъ полъ является запретнымъ, слѣдовательно, соблазнительнымъ плодомъ для другого: первое неудобство. Второе заключается въ томъ, что, сближаясь, они не понимаютъ другъ друга. Вся юность ихъ проходитъ въ различныхъ трудахъ и удовольствіяхъ. Будемъ откровенны: у нихъ только одна общая забота— любовь. Любовь, болѣе возвышенная у молодыхъ дѣвушекъ, болѣе низменная у молодыхъ людей; пусть такъ, но всетаки любовь... «Въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ,—справедливо сказалъ Бальзакъ,— всегда будутъ говорить о женщинахъ, а въ женскихъ — о мужчинахъ»... Юность проходитъ; молодые люди начинаютъ крутить усъ, молодыя дѣвушки формируются, руки у нихъ становятся бѣлѣе;

люди спѣшатъ воспользоваться этимъ физіологическимъ моментомъ, чтобы сблизить юношей и дѣвицъ, не знающихъ, но желающихъ узнать другъ друга, робкихъ, но пылкихъ... Эту систему воспитанія рѣшительно нельзя назвать иначе, какъ идіотской.

Разумную систему не мудрено, однако, найти: сама природа указываетъ намъ ее, а разсудокъ и опытъ подтверждаютъ указанія природы. Природа создаетъ семьи изъ мальчиковъ и дѣвочекъ; братьевъ и сестеръ связываетъ чистое чувство любви и довѣрія. Если случается, что съ ними вмѣстѣ воспитывается двоюродный братъ или двоюродная сестра, тѣхъ же лѣтъ, отношенія нисколько не мѣняются. Однимъ братомъ, одной сестрой становится больше... Почему намѣреніе расширить этотъ семейный способъ воспитанія встрѣчаетъ во Франціи такое сильное противодѣйствіе? Необходимость заставляетъ примѣнять этотъ способъ въ третьей части нашихъ начальныхъ школъ, безъ всякаго ущерба для дѣтей. Но какъ только рѣчь заходитъ о среднемъ образованіи и о городскихъ дѣтяхъ, всѣ спѣшатъ вернуться къ раздѣльному воспитанію. Совмѣстное воспитаніе дѣтей разнаго пола остается до сихъ поръ привилегіей великихъ новыхъ цивилизацій.

Вы несете на себѣ, Франциска, гнетъ нашей старой системы, противоестественной и безнравственной. Несмотря на ваше стремленіе къ совершенствованію, на любовь къ свободѣ, на ясный и любопытный взоръ, который вы устремляете на будущее женщинъ,—затворническое воспитаніе отражается на побужденіяхъ вашего сердца. Я былъ свидѣтелемъ того, что атмосфера самаго скромнаго бала можетъ васъ преобразить на нѣсколько часовъ, можетъ сдѣлать изъ васъ другую Франциску. Имѣйте въ виду опасность и будьте наготовѣ. Молодыя дѣвушки слѣдующаго поколѣнія, болѣе счастливыя, чѣмъ вы, будутъ, можетъ быть, посѣщать балы съ единственной цѣлью повеселиться. Кавалеры не будутъ для нихъ новыми знакомыми, на сердце которыхъ нельзя положиться. Онѣ будутъ знать ихъ такъ же хорошо, какъ своихъ подругъ. Вамъ же надо ихъ еще узнать. Воспользуйтесь для этого вашей проницательностью и иронiей, и не давайте воли вашему сердцу, пока вы не составите себѣ болѣе или менѣе яснаго понятія о томъ, что такое современный молодой человѣкъ, что онъ знаетъ, чего желаетъ, чего стòитъ...

... Я слышу вашъ смѣхъ, Франциска:

— Дядя, какой вы смѣшной!... Изъ-за того, что я пофлиртовала немножко съ братомъ Люси!...

Смѣшной или несмѣшной—все равно. Я бы желалъ, чтобы m-me

Рошетъ внушила своимъ ученицамъ, что яко бы невинное слово «флиртъ» имѣетъ очень дурное значеніе.

Въ настоящее время, милая Франциска, я живу въ деревнѣ, близъ фермы. Я вижу эту ферму, ея работы и обычаи и такъ интересуюсь всѣмъ этимъ, что ни о чемъ другомъ не думаю.

Въ послѣдній разъ, когда мы встрѣтились у вашей матери, вы завели разговоръ о деревнѣ. Въ этомъ письмѣ я хочу сообщить вамъ мой взглядъ на деревенскую жизнь.

Вамъ, конечно, трудно будетъ сказать, любите ли вы деревню: вы сами этого не знаете. Хоть вы и правнучка крестьянъ, но два предшествовавшія вамъ поколѣнія такъ сроднили васъ съ городской жизнью, что къ землѣ вы не чувствуете ни любви, ни отвращенія: вы ея не знаете.

— Да нѣтъ, дядя...

— Да, да! милая племянница. Каждый разъ, какъ я слышалъ вашъ разговоръ о деревнѣ, я жалѣлъ о томъ, что вы не имѣете о ней никакого понятія. Вы, кажется, смѣшиваете деревенскую жизнь съ провинціальной, а эта послѣдняя наводитъ на васъ скуку. Гостя у вашихъ родственниковъ въ Поату, вы видѣли подпрефектуру, но не видѣли фермы. Я нахожу образованіе молодой дѣвушки недостаточнымъ, если она совершенно незнакома съ деревней или совершенно къ ней равнодушна. Сожалѣю, что ваша достойная начальница не устроила отдѣленія пансіона въ какой-либо деревнѣ. Вырабатывая окончательную программу средняго образованія, мы съ вами не забудемъ этого усовершенствованія.

Поколѣніе молодыхъ женщинъ, непосредственно предшествующее вамъ, было воспитано въ этомъ отношеніи приблизительно такъ же, какъ васъ воспитываетъ madame Рошетъ, то - есть оно, подобно вамъ, не имѣло никакого общенія съ деревней; и, можетъ быть, это не послѣдняя изъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ это поколѣніе было такъ легкомысленно, такъ пусто и такъ слабо... Я зналъ много женщинъ старше васъ; многія изъ нихъ спрашивали меня съ чистосердечнымъ удивленіемъ: «Да на что-жъ вы употребляете время въ деревнѣ?» Онѣ понять не могли, какъ можно въ разгаръ сезона оставить Парижъ, чтобъ въ одиночествѣ жить среди полей и животныхъ. Большинство увѣряло, что «чувствуетъ отвращеніе къ деревнѣ»; наиболѣе независимые по уму говорили съ уваженіемъ объ англійской деревнѣ, разумѣя подъ этимъ господское помѣстье, съ роскошнымъ замкомъ, полнымъ комфорта, съ тенисомъ, съ купаньемъ, съ охотой и, за послѣднее время, съ автомобилемъ... Нѣкоторыя подъ де-

ревней подразумѣвали предмѣстья: Лювесьенъ, Марли, Сенъ-Жерменъ, куда онѣ ѣздили лѣтомъ въ гости... По ихъ мнѣнію, провести день въ деревнѣ значитъ сѣсть не въ карету, а въ поѣздъ, отходящій съ вокзала Saint-Lazare въ 4 ч. 35 м., и пообѣдать съ городскими знакомыми, перемѣнившими фракъ на смокингъ.

Повторяю вамъ, это породило мелкія души, вѣрное изображеніе которыхъ дали Бурже и Мопассанъ.

Къ чести сильнаго и некрасиваго пола, надо замѣтить, что, оставляя женщинъ съ ихъ интригами, тряпками, съ ихъ поверхностными занятіями литературой и искусствомъ,—многіе мужчины того же круга не чуждались деревни. Во-первыхъ, большая часть парижанъ—охотники; хоть они охотятся только на безвредныхъ кроликовъ, однако и эта охота знакомитъ съ деревенской жизнью. Она заставляетъ посѣщать крестьянъ, учитъ предугадывать погоду и различать разнообразные виды почвы; охотники узнаютъ, что и когда сѣется и собирается; они знакомятся съ нравами прирученныхъ и свободныхъ животныхъ... Во-вторыхъ, многіе извѣстные парижане занимаются, между прочимъ, и сельскимъ хозяйствомъ: это вынуждаетъ ихъ время отъ времени оставлять Парижъ, чтобъ соблюдать свои интересы въ провинціи. Если имъ не удалось внушить любовь къ деревнѣ своимъ женамъ, они внушатъ ее, быть можетъ, дочерямъ. Измѣнчивость нравовъ и вкусовъ позволяетъ на это надѣяться. Послѣ эпохи психическихъ болѣзней и необузданнаго пессимизма, можетъ быть, восторжествуютъ здоровье и простота. Не такъ давно царство распутныхъ людей смѣнилось идиллической эпохой Флоріана, Геснера и Бернардена де-Сенъ-Пьера; madame Барри жила еще въ то время, когда одна принцесса вашихъ лѣтъ съ удовольствіемъ кормила куръ и доила коровъ на своей фермѣ въ Тріанонѣ.

Я не буду просить васъ сдѣлаться фермершей; но я желалъ бы внушить вамъ потребность и привычку жить въ деревнѣ, такъ чтобъ эта деревенская жизнь не исключала жизни духовной, и чтобъ вы могли ѣздить иногда въ Парижъ. Разнообразныя свѣдѣнія, которыхъ недоставало женскому поколѣнію конца девятнадцатаго вѣка, и изъ-за которыхъ поколѣніе это вышло неудачнымъ, дастъ вамъ деревенская жизнь, и вы не употребите ни малѣйшаго усилія для ихъ усвоенія. Женщины Бурже и Мопассана страдали крайнимъ нервнымъ разстройствомъ; онѣ не способны были къ размышленію; у нихъ не было никакой внутренней жизни; онѣ были эгоистичны, грустны и съ удовольствіемъ предавались унынію. Нѣтъ никакого парадокса въ томъ, что поля и животныя излѣчиваютъ отъ всего этого.

Нервны ли вы, Франциска? Не очень, не всегда. Однако, случается, что ваша матушка говоритъ мнѣ: «Я нахожу, что дѣвочка не спокойна»... и вы сами говорите иногда: «Сегодня у меня разстроены нервы»... Прошу васъ, моя милая, никогда не сознавайтесь въ томъ, что у васъ нервы разстроены; пусть этого никто не подозрѣваетъ; скрывайте эту слабость, боритесь съ нею. Въ концѣ прошлаго столѣтія женщины отличались чрезвычайной нервностью. Болѣзнь эта можетъ усилиться въ настоящемъ вѣкѣ, такъ какъ въ новѣйшей жизни все больше и больше приходится дѣлать, видѣть и читать; такая жизнь превышаетъ силы большей части женщинъ. Даже если женщины освободятся (и я надѣюсь, это случится именно съ вами) отъ излишней чувствительности, которой преисполнены героини «Fort comme la mort» и «Mensonges», даже тогда новая жизнь преждевременно разстроитъ ихъ здоровье. Справедливая любознательность, одушевляющая васъ, жажда знанiй, желанiе конкурировать съ мужчиной—все хорошее новое, что отличаетъ ваше поколѣнiе, увеличиваетъ опасность, угрожающую вашей нервной системѣ.

Знаете ли вы, что лихорадочная дѣятельность, физическая и умственная, до такой степени изнуряетъ современныхъ вамъ американокъ, что онѣ бываютъ вынуждены лѣчиться бездѣйствiемъ подъ наблюденiемъ дорогихъ спецiалистовъ!... Члены тѣла и умъ этихъ несчастныхъ приходится приспособлять къ нормальному ходу жизни!... Вмѣсто того, чтобъ принуждать себя къ шарлатанской гимнастикѣ, вмѣсто того, чтобъ проводить цѣлые мѣсяцы во station мракѣ и бездѣйствiи, какъ это дѣлаютъ дамы Бостона и Нью-Йорка,—не лучше ли каждый годъ или даже нѣсколько разъ въ годъ отдыхать понемногу на лонѣ природы? Не читайте Жанъ-Жако Руссо: онъ ужъ не въ модѣ; поѣзжайте въ деревню учиться терпѣнiю, размышленiю, спокойствiю. Только тамъ у васъ будетъ то, чего нѣтъ въ городской жизни: время!... Вы не будете торопиться жить; вы избавитесь отъ ига безпокойной искусственной жизни. Распредѣливъ ваши занятiя по часамъ, вы скажете: «Сегодня у меня останется часъ на размышленiе!...» Этотъ единственный часъ, когда вы не будете ѣздить по дѣламъ, не будете писать писемъ, не будете смотрѣть наскоро картинную выставку или пьесу въ театрѣ только для того, чтобъ имѣть возможность говорить о нихъ,—этотъ свободный часъ дороже всѣхъ остальныхъ: это часъ вашей внутренней жизни, а въ ней-то и заключается вся суть. Помните, что ни въ Парижѣ, ни на берегу моря, ни на водахъ, ни въ путешествiяхъ вы не найдете этого спокойнаго часа для внутренней жизни. Вы насладитесь имъ только въ глуши деревни, среди глубокой тишины, которая наступаетъ послѣ днев-

ныхъ работъ. Тамъ вы найдете время спросить себя: «Что я изъ себя представляю? Какіе у меня планы? Къ чему я стремлюсь и чего достигла?»

Грустно подумать, что молодость многихъ мужчинъ и женщинъ проходитъ такъ, что они не находятъ ни одного часа для внутренней жизни, для того, чтобъ познать себя!...

Деревня даетъ вамъ этотъ часъ и въ то же время учитъ васъ пользоваться имъ. Медленность и непреложность явленій деревенской жизни учатъ насъ терпѣть и надѣяться... Вложивъ частицу своего желанія въ голый стволъ, посаженный въ землю и могущій обратиться въ дерево только черезъ пятнадцать лѣтъ, мало-по-малу исцѣляешься отъ необузданныхъ желаній, требующихъ немедленнаго удовлетворенія, въ противномъ случаѣ вызывающихъ нервное разстройство... Убѣдившись въ томъ, что, несмотря на измѣнчивую погоду, на морозы, на жаръ, на преждевременную или запоздалую весну, на засуху, на безконечные дожди, каждый годъ исполняются приблизительно однѣ и тѣ же работы, и любые пять лѣтъ даютъ приблизительно тотъ же урожай,—убѣдившись въ этомъ, начинаешь спокойно относиться къ неожиданнымъ несчастіямъ и пріобрѣтаешь философское спокойствіе, вовсе не похожее ни на дерзкую надежду, ни на крайній оптимизмъ. «Нужно много времени, чтобъ достичь чего-нибудь; но зато, несмотря на разныя непредвидѣнныя обстоятельства, дѣла, совершаемыя съ надлежащимъ усердіемъ, обыкновенно удаются». Вотъ чему насъ учитъ земледѣліе. Викторъ Гюго выразилъ это въ двухъ стихахъ извѣстной поэмы. «Чувствуешь», говоритъ онъ о Сѣятелѣ:

«Чувствуешь, какъ онъ глубоко вѣритъ
Въ полезное теченье времени»...

Полезное теченье времени!... А многіе городскіе жители больше всего заботятся о томъ, чтобъ время проходило скоро и безполезно!...

Наконецъ, деревня учитъ простотѣ, альтруизму и братству. Полезно убѣдиться въ томъ, какъ мало мѣста и вещей нужно человѣку. Еще важнѣе уроки альтруизма. Милая Франциска, вамъ придется, вѣроятно, быть свидѣтельницей важныхъ переворотовъ. Вы не должны быть застигнуты врасплохъ, какъ прекрасныя женщины конца восемнадцатаго вѣка, о которыхъ говорили, что онѣ «танцовали на вулканѣ». Нѣсколько мѣсяцевъ въ году, проведенныхъ въ деревнѣ, то-есть нѣсколько мѣсяцевъ внимательнаго наблюденія, отлично приготовятъ васъ къ тому, что можетъ случиться. Ничто лучше деревни не убѣждаетъ насъ въ томъ, что вещи, которыя мы считаемъ

своими, даны намъ только на время, и что наша работа составляетъ ничтожную часть въ общей работѣ всѣхъ людей. Посадить дубъ значитъ сдѣлать доброе дѣло, такъ какъ другіе люди будутъ наслаждаться дубомъ гораздо дольше, чѣмъ тотъ, кто его сажаетъ, и увидятъ тотъ дубъ болѣе красивымъ. Зато, срывая каштанъ съ прекраснаго каштановаго дерева, вы почти навѣрное можете сказать, что человѣкъ, посадившій дерево, ужъ не существуетъ... Такимъ образомъ, каждую минуту вы чувствуете связь съ людьми, которые вамъ предшествовали, и съ тѣми, которые будутъ жить послѣ васъ на той же самой землѣ. Вы понимаете, что у васъ ничего бы не было, еслибъ другіе не работали для васъ; вы видите, что ваша работа послужитъ на пользу другихъ... Все учитъ васъ солидарности, между тѣмъ какъ бѣдность вашихъ ближнихъ каждый день вызываетъ въ васъ состраданіе... Деревенскій работникъ особенно жалокъ: будучи самымъ сильнымъ, онъ получаетъ меньше всѣхъ. Вчера я былъ свидѣтелемъ расплаты съ деревенскими землекопами. Я видѣлъ, какъ цѣлую недѣлю они копали землю на сосѣднемъ холмѣ, гдѣ будетъ посаженъ виноградъ. Проработавъ недѣлю, каждый изъ нихъ получилъ тринадцать франковъ двадцать пять сантимовъ... На этотъ заработокъ они должны цѣлую недѣлю кормить, въ среднемъ, жену и двухъ дѣтей... Впрочемъ, платя рабочимъ такое ничтожное вознагражденіе, земледѣлецъ самъ плохо живетъ... Такіе ничтожные факты, Франциска, вызываютъ городского жителя на полезныя размышленія и склоняютъ его думать, что общество, устроенное такимъ образомъ, далеко отъ идеала.

Крѣпкіе нервы, досугъ для внутренней жизни, уроки терпѣнія, надежды и любви къ ближнему—все это даетъ деревня?... Да, все это и многое другое, чего не можетъ вмѣстить это и безъ того длинное письмо. Прибавлю, однако, еще одинъ совѣтъ, еще одно пожеланіе. Я желалъ бы, чтобъ молодыя женщины новаго поколѣнія любили деревню, чтобъ, живя въ деревнѣ, онѣ занимались умственнымъ трудомъ и иногда ѣздили въ городъ... Такъ жила, напримѣръ, Севинье. Благодаря тому, что за послѣднее время сообщеніе сдѣлалось болѣе удобнымъ, небогатыя горожанки могли бы такъ устроиться.

Во французской деревнѣ, въ большей части буржуазныхъ домовъ, имѣются библіотеки; но, кромѣ незначительныхъ брошюръ, въ нихъ найдется очень мало книгъ, вышедшихъ послѣ 1830 года...

Милая Франциска, пусть женское поколѣніе, современное вамъ, легко и смѣло сломаетъ преграду, раздѣляющую теперь во Франціи, къ большому вреду той и другой, духовную жизнь отъ деревенской!...

Ну, вотъ, Франциска, прошелъ наконецъ противный экзаменъ, и вы получили превосходный дипломъ! Вы отлично выдержали испытанье. Вовсе не желая удивить коммиссію большими познаніями, вы сразу дали понять, что вы очень умны и достаточно развиты. Кромѣ того, вы одарены авторитетомъ; этого чудеснаго дара пріобрѣсти нельзя. Я наблюдалъ за вами, когда, стоя у стола въ темно-сѣромъ костюмѣ tailleur, въ изящной, но не слишкомъ нарядной соломенной шляпѣ, вы излагали ваши познанія передъ экзаменаторомъ. Пока онъ произносилъ вопросъ, вы не сводили съ него вашихъ свѣтло-сѣрыхъ глазъ. Этотъ взглядъ не былъ ни дерзкимъ (вовсе нѣтъ), ни робкимъ, ни умоляющимъ; онъ выражалъ любопытство и увѣренность. Онъ говорилъ: «Милостивый государь, экзаменуя меня, не воображайте, что я считаю себя въ зависимости отъ вашего произвола... Я «должна» выдержать экзаменъ. Вы не смутите меня... Поэтому вамъ незачѣмъ выискивать для меня одинъ изъ тѣхъ неблагодарныхъ вопросовъ, на которые мудрено правильно отвѣтить... Мнѣ нуженъ дѣльный, ясный вопросъ»... И покорный универсантъ повиновался... Онъ переставалъ быть мелочнымъ, нервнымъ, придирчивымъ. Экзаменуя васъ, онъ какъ будто отдыхалъ. Онъ далъ вамъ говорить, не перебивая васъ и не заботясь о томъ, чтобъ вы блеснули вашими познаніями. Онъ, вѣроятно, думалъ: «Эта выдержитъ; не стоитъ утомляться...» Экзаменъ кончился: вы обмѣнялись съ нимъ поклономъ и ушли. Счастливая Франциска!

Не такъ обстояло дѣло съ другими молодыми дѣвушками, которыя въ тотъ же день держали экзаменъ... Одна изъ нихъ въ особенности привлекла мое вниманіе и сожалѣніе; между тѣмъ какъ вы ждали объявленія результатовъ, я слѣдилъ за ея печальной участью...

Это была молодая дѣвушка приблизительно вашего роста; если для созданья каждой изъ васъ пошло одинаковое количество матеріала, то на одну изъ васъ, во всякомъ случаѣ, было положено гораздо больше труда, чѣмъ на другую. M-elle Александра Ф...—я прочелъ ея имя на листѣ, прибитомъ къ стѣнѣ,—напоминала крестьянокъ изъ Берри: маленькое прыщеватое лицо, съ неопредѣленными чертами, съ бѣлокуро-желтыми волосами; плоская грудь, плоскіе бока, никакого намека на талію; большія ноги, грубыя руки. Всѣ движенія ея были неловки и неудачны, даже когда она говорила съ матерью или съ подругами; они были нерѣшительны, потому что она сама находила ихъ неподходящими... Въ платьѣ, оливковаго цвѣта, и въ бархатной шляпѣ, изъ-подъ которой со лба катился потъ, Александра то-и-дѣло отходила въ сторону, чтобъ заглянуть въ учебникъ или въ тетрадь съ записками. Согнувшись въ дугу надъ страницами, она спѣшила

пополнить пробѣлы своихъ знаній, замазать трещины своей памяти... Мнѣ хотѣлось подойти къ ней, взять у нея изъ рукъ руководство и сказать: «Да отдохните же, голубушка! Вы сейчасъ такъ мало выучите, что не стоитъ тратить на это ту нервную силу, которая вамъ понадобится для отвѣта»... Она такъ углубилась въ послѣднюю повѣрку своихъ знаній, что не слышала, какъ ее вызвали. И только когда одна изъ ея подругъ дернула ее за руку, она очнулась точно отъ тяжелаго сна и, спотыкаясь, съ широко открытыми глазами, подошла къ столу, за которымъ ждалъ ее нетерпѣливый судья... По взгляду, который онъ бросилъ на Александру, я понялъ, что дѣло приметъ для нея крутой оборотъ... Это былъ взглядъ почти враждебный, взглядъ раздраженнаго человѣка, у котораго отняли лишнюю минуту времени; затѣмъ лицо его приняло насмѣшливое выраженіе, и онъ какъ будто хотѣлъ сказать: «Ты поплатишься за мое утомленіе и скуку; мы сейчасъ позабавимся»... Увы! между экзаменующимися и подсудимыми всегда бываютъ козлы отпущенія, на которыхъ экзаменаторы и судьи срываютъ зло, забывая о томъ, что они грѣшатъ противъ справедливости...

Александра старалась мило и вѣжливо улыбнуться своему палачу... Вмѣсто улыбки у нея получилась непріятная гримаса.

— Скажите, пожалуйста, на какіе классы дѣлятся членистоногія?—спросилъ экзаменаторъ очень любезно.

Лицо Александры измѣнилось: оно выразило полное отчаяніе. Членистоногія! что за вопросъ откопали для нея!... Однако она сдѣлала усиліе, припомнила все, что могла, и пробормотала: «Членистоногія... членистоногія... Это жуки... раки... и... (пауза, затѣмъ съ жалкимъ видомъ:) и жуки».

Улыбнувшись сухо, экзаменаторъ сказалъ:

— Нѣтъ, сударыня...

Это рѣзкое «нѣтъ» поставило втупикъ бѣдную дѣвушку. Наступило тяжелое молчаніе, затѣмъ Александра сказала неувѣреннымъ голосомъ:

— Жуки... раки... и... ракообразныя... суть членистоногія.

Экзаменаторъ только пожалъ плечами. Затѣмъ, взявъ деревянный ножъ для бумаги, сталъ разсматривать его такъ внимательно, какъ будто это было очень рѣдкое произведеніе искусства.

Видя, что онъ на нее не смотритъ, Александра почувствовала себя спокойнѣе и увѣреннѣе.

— Жуки,—говорила она, не замѣчая, что даже зрители начали потихоньку смѣяться, «жуки—насѣкомыя, которыя послѣдовательно подвергаются нѣсколькимъ превращеніямъ. Сначала они имѣютъ видъ

яйца, затѣмъ личинки, потомъ куколки и наконецъ насѣкомаго... Яйцо жука»...

Сначала робко, потомъ все смѣлѣй и смѣлѣй, она говорила заученнымъ тономъ о превращеніяхъ жука. Сказавъ все, что знала, Александра остановилась.

— Все?—спросилъ экзаменаторъ отрывисто.

Она утвердительно кивнула головой: это было все.

— Вы учите наизусть, сударыня. То, что вы сейчасъ отвѣчали, не имѣетъ никакого отношенія къ моему вопросу... (Онъ поставилъ баллъ на лежавшемъ передъ нимъ листѣ бумаги.) Ну... скажите мнѣ, пожалуйста, что будетъ съ дробью, если вы и числителя и знаменателя ея увеличите однимъ и тѣмъ же числомъ?

На этотъ разъ Александра совсѣмъ растерялась. Она попробовала сказать кое что о дробяхъ, но ее перебили, напомнивъ ей предложенный вопросъ, на который она, очевидно, не могла отвѣтить...

Перешли къ физикѣ: она сказала нѣсколько словъ о призмѣ Николя, но запуталась въ чертежѣ, который требовалось сдѣлать для объясненія полнаго внутренняго отраженія. Услышавъ традиціонное «Благодарю васъ», она насилу дошла до своихъ учительницъ и подругъ и безъ чувствъ упала къ нимъ на руки...

«Вотъ ужасный недостатокъ публичныхъ экзаменовъ и программъ»—подумалъ я.—Эта бѣдная дѣвушка получила, очевидно, порядочное среднее образованіе; она считается въ школѣ хорошей ученицей; между тѣмъ она не получитъ диплома, потому что ей недостаетъ гибкости ума, смѣлости, потому что она плохо отвѣтила на вопросы о членистоногихъ, о призмѣ полнаго преломленія и на весьма спеціальный вопросъ изъ курса дробей. А вѣдь большая часть образованныхъ людей по окончаніи экзаменовъ совершенно забываетъ о членистоногихъ и о полномъ внутреннемъ отраженіи. Съ дробями умѣютъ производить дѣйствія, и только... Значитъ, нѣтъ необходимости знать эти три вопроса; значитъ, не слѣдуетъ задавать ихъ на экзаменѣ и «проваливать» изъ-за нихъ... Надо бы поставить себѣ за правило задавать только самые общіе, самые главные вопросы и обращать большее вниманіе на то, какъ ученикъ ихъ понимаетъ... Къ чему, ну, къ чему преподавать ученикамъ то, чего они не могутъ и не должны запоминать?

Я углубился въ эти размышленія, какъ вдругъ легкая рука легла мнѣ на плечо, и я услышалъ звучный голосъ:

— Дядя, если хотите, поѣдемъ... Я выдержала экзаменъ... Здѣсь очень жарко.

Это были вы, Франциска, по обыкновенію, спокойная, такая же спокойная, какой вы были наканунѣ и во время экзамена.

— Выдержали?—вскричалъ я...—Но вѣдь результаты экзаменовъ будутъ извѣстны только черезъ два часа...

— Да, дядя. Но я просила вонъ того писаря узнать какъ-нибудь мои баллы... Вотъ они...

Вы подали мнѣ бумагу, на которой писарь на ряду съ именами экзаменаторовъ выставилъ ваши отличные баллы.

Я еще разъ подивился вашей способности управлять волей людей, кто бы эти люди ни были...

— Такъ вамъ не интересно услышать, какъ возвѣстятъ вашъ успѣхъ?—спросилъ я.

— Я знаю цѣну этому успѣху,—отвѣтили вы съ улыбкой.

Былъ чудесный лѣтній день. Мы вернулись съ вами въ открытомъ экипажѣ на площадь Поссо, гдѣ насъ ждала m-me Ле-Кельенъ, далеко не такая спокойная, какъ ея дочь. Несмотря на ваше удивительное спокойствіе, радость по поводу освобожденія отъ глупаго экзамена и мысль о предстоящей свободной жизни оживляли ваше лицо и вашу рѣчь... Я замѣтилъ, что ваша лучезарная молодость озаряла на минуту каждаго человѣка, встрѣчавшагося намъ на пути. Многіе изъ нихъ желали бы, конечно, занять мое мѣсто рядомъ съ вами. Свѣжесть, бодрость, счастіе придавали вамъ чудесный видъ. Вашъ успѣхъ, ваша веселая болтливость, ваше счастіе естественно вызвали въ моей памяти образъ бѣдной Александры... Я представилъ себѣ ея возвращеніе въ семью, ея вступленіе въ жизнь — покорное, некрасивое, неловкое, несчастное существо... Какъ измѣняется значеніе слова «жизнь» въ зависимости отъ того, какимъ умомъ или даже какимъ носомъ надѣлилъ насъ капризъ природы!... И какое маленькое и неудобное мѣсто отводитъ общество некрасивой женщинѣ!...

Ваши слова нарушили мое раздумье:

«...Мнѣ бы хотѣлось, дядя, теперь же оставить пансіонъ, такъ какъ экзаменъ кончился...—Но, знаете, m-me Рошеттъ очень придерживается обычая задерживать на недѣлю ученицъ, которыя должны покинуть пансіонъ и вступить въ новую жизнь.

— По моему, это совсѣмъ не такъ глупо,—отвѣтилъ я.—Съ какой цѣлью это дѣлается—съ религіозной?

— Отчасти да... Кромѣ того, это время предназначается для размышленій о предстоящей жизни, о замужествѣ, о хозяйствѣ... M-me Рошеттъ руководитъ этими размышленіями.

— Почему вы смѣетесь, Франциска?

— Потому что честная m-me Рошеттъ, всю жизнь бывшая только учительницей, совершенно не знаетъ жизни...

При этихъ словахъ я посмотрѣлъ на васъ, Франциска: вашъ ясный взглядъ, устремленный на меня, звукъ вашего голоса и весь вашъ видъ убѣдили меня въ томъ, что, дѣйствительно, m-me Рошеттъ не много новаго скажетъ вамъ о «жизни»...

— Такъ вы ее научите,—сказалъ я.—Вы изложите ей цѣлый рядъ размышленій по поводу молодой дѣвушки XX столѣтія и по поводу необходимости идти наравнѣ съ вѣкомъ.

Эта мысль понравилась вамъ и заставила васъ разсмѣяться...

Мы пріѣхали па площадь Поссо. Оставивъ васъ съ растроганной m-me Ле-Кельенъ, я вернулся домой.

Адріатическая гостиница. Февраль, 1902 г.

Въ привилегированный уголокъ Европы, откуда я вамъ пишу, дорогая Франциска, зима пришла такими тихими, воровскими шагами, что все еще не вѣришь ея наступленію. Мѣста для прогулокъ украшены здѣсь вѣчно-зелеными растеніями. Солнце свѣтитъ съ неизмѣнно-яснаго неба; неувядающіе листья бросаютъ тѣнь на сухую землю; природа никогда не надѣваетъ траура по минувшемъ лѣтѣ. Само время какъ будто останавливается, дѣлается неподвижнымъ, по примѣру вѣчной зелени магнолій, бересклетовъ, перечниковъ и мимозъ.

Многіе, какъ я, пріѣхали сюда забыть среди вѣчно-юной природы о приближающейся старости. Большая часть изъ нихъ люди богатые, праздные, переѣзжающіе круглый годъ съ мѣста на мѣсто, туда, гдѣ открывается свѣтскій сезонъ. Нѣтъ ничего болѣе безличнаго, болѣе пошлаго, менѣе интереснаго, чѣмъ это бродячее населеніе; ни характеръ, ни нравы его не внушаютъ никакого уваженія. Наблюдая здѣсь за слишкомъ нарядными женщинами, за слишкомъ смѣлыми дѣвушками, за праздными, наглыми мужчинами, видишь, что, несмотря на ихъ богатство и свободу, пребываніе въ этомъ райскомъ уголкѣ доставляетъ имъ мало удовольствія. Невольно глядя на нихъ, я думаю о скромныхъ швеяхъ, объ угрюмыхъ приказчикахъ и конторщикахъ, которые въ это самое время сохнутъ въ туманномъ и снѣжномъ Парижѣ... Въ какомъ бы они были восторгѣ, какъ бы преобразились, еслибъ прожили здѣсь недѣли двѣ зимой, среди солнца и зелени! Увы! Бѣдныя мастерицы и угрюмые приказчики не узнаютъ этой радости, а космополиты, не знающіе ей цѣны, будутъ насыщаться ею по горло. Свѣтъ полонъ возмутительныхъ противорѣчій.

...Три такія дѣвушки-космополитки сѣли вчера въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего окна (я живу въ нижнемъ этажѣ гостиницы) и стали разговаривать. Болтовня ихъ мѣшала мнѣ. Я ждалъ. Онѣ продолжали болтать. Оттолкнувъ бумагу и положивъ перо, я подошелъ къ полуоткрытому окну и началъ слушать. Это нескромно?... Конечно! Я слышу вашъ упрекъ. Да, это нескромно; но тотъ, кто хочетъ изображать современные ему нравы, принужденъ быть нескромнымъ. А потомъ, зачѣмъ эти три попугая сѣли такъ близко? по какому праву эти дѣвицы пришли мнѣ мѣшать?

Скрываясь отъ нихъ, я не могъ ихъ увидѣть, но по голосамъ узналъ, кто онѣ такія. Это были, въ полномъ смыслѣ слова, три «сезонныя» барышни, три космополитки. Онѣ, навѣрное, родились въ первоклассной гостиницѣ въ Каирѣ, въ Римѣ, въ Остенде или на Ривьерѣ. Двѣ брюнетки были сестры; онѣ не походили другъ на друга. Старшая Пепа, полная, «кругленькая», имѣла довольно пріятные, хотя невыразительные глаза; младшая, Конша, очень красивая, тонкая, худенькая, напоминала изящную, легкую стрекозу, перелетающую съ кувшинчика на камышъ, съ камыша на ирисъ... Имена этихъ двухъ сестеръ свидѣтельствовали объ ихъ испанскомъ происхожденіи. Я не могъ опредѣлить, изъ какой части Испаніи или изъ какой Америки онѣ были родомъ: всякій слѣдъ ихъ національности давно изгладился. Онѣ говорили то по-французски, то по-англійски, на двухъ общепринятыхъ въ гостиницѣ языкахъ, незамѣтно для себя переходя отъ одного къ другому. Онѣ говорили совершенно правильно, но безъ всякаго акцента, какъ люди, которые не знаютъ даже, на какомъ языкѣ они думаютъ. Собесѣдница ихъ, которой онѣ всячески выражали свои дружескія чувства, была третья молодая дѣвушка, очень развязная; онѣ познакомились съ нею въ гостиницѣ, и съ тѣхъ поръ она не покидала ихъ; это очень красивая румынка, поселившаяся здѣсь съ матерью на весь сезонъ. Женихъ ея, австрійскій офицеръ, каждое воскресенье пріѣзжаетъ къ ней. Я не знаю ея настоящаго имени: подруги называютъ ее Лили, произнося это уменьшительное имя по-англійски. Видя ее, я всегда думаю о васъ, Франциска, такъ какъ вы вѣдь тоже собираетесь выйти замужъ за офицера.

Лили, Пепа и Конша заговорили всѣ вмѣстѣ; изъ всего разговора, въ которомъ смѣшивались два языка и три голоса, я могъ разобрать только имя Рудольфа: такъ зовутъ жениха Лили. Мало-помалу, однако, разговоръ наладился. Нѣкоторыя молодыя дѣвушки, встрѣчаясь одна съ другой, спѣшатъ, какъ можно скорѣе и въ одно время, разсказать все, что у нихъ накопилось, и только послѣ этого онѣ могутъ говорить, какъ разумные люди.

— Я,—объявила Конша, когда двѣ ея подруги замолчали на минуту,—я совсѣмъ не хочу ихъ имѣть.

— Я,—сказала Пепа, менѣе рѣшительнымъ тономъ,—я думаю, они мнѣ не будутъ надоѣдать... я хотѣла бы ихъ имѣть, будучи постарше, лѣтъ въ тридцать или сорокъ.

— Вы преувеличиваете опасность,—возразила Лили авторитетнымъ тономъ опытнаго человѣка.—Я также не согласна съ Рудольфомъ, и скорѣе порву съ нимъ совсѣмъ, чѣмъ уступлю ему въ этомъ случаѣ.

О чемъ шла рѣчь? И въ чемъ могли заключаться требованія Рудольфа, если прелестная Лили готова была все порвать, несмотря на то, что онъ былъ богатъ и имѣлъ баронскій титулъ.

— Довольно того, что я буду осуждена проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ году въ пятидесяти миляхъ отъ Тріеста, въ глуши провинціи, гдѣ стоитъ гарнизонъ Рудольфа!—продолжала молодая румынка.—Я вовсе не желаю сидѣть на цѣпи цѣлый годъ... Довольно съ меня примѣра моей старшей сестры... Съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, она, точно плѣнница, сидитъ въ глухой деревнѣ, гдѣ никого не видитъ, кромѣ мужа и двухъ маленькихъ дѣтей... Ужъ третій ребенокъ ожидается. Ну, развѣ это жизнь? Посудите сами.

Пепа согласилась съ тѣмъ, что это не жизнь. Однако, она подала мысль, что «ихъ, пожалуй, можно брать съ собой въ дорогу...» И я догадался, что рѣчь шла не о простомъ багажѣ.

— Путешествовать съ ними!—воскликнула Лили:—ты не знаешь, что это значитъ, моя бѣдняжка! Во-первыхъ, въ приличную гостиницу не пускаютъ людей, таскающихъ за собою маленькихъ дѣтей, которыя всегда кричатъ, всѣхъ безпокоятъ и заболѣваютъ отъ всякаго пустяка: вѣдь маленькія дѣти очень хрупки!... Во-вторыхъ, женщина не имѣетъ никакого успѣха, если съ одной стороны ея идетъ мужъ, съ другой—кормилица... Это, какъ огонь, отгоняетъ флиртъ...

— Не понимаю, что интереснаго находятъ въ дѣтяхъ,—замѣтила Конша.—По-моему, это крикливыя и грязныя куклы.

— Между ними есть и очень милыя,—нерѣшительно сказала Пепа.

— Ты такъ думаешь, потому что видишь ихъ нарядными, умытыми, потому что ихъ уводятъ отъ тебя, какъ только они становятся несносными,—отвѣтила Конша.—Но какъ они должны быть скучны дома!... Съ меня довольно чужихъ дѣтей. Выходя замужъ, я поставлю моему жениху условіе не имѣть дѣтей. И онъ принужденъ будетъ согласиться.

— Я не предъявляю такихъ рѣшительныхъ требованій Рудольфу,—возразила Лили.—Я отлично понимаю, что онъ желаетъ имѣть сына, чтобъ передать ему свое имя и состояніе... Но я хочу хоть три года послѣ свадьбы пользоваться свободой. Затѣмъ я соглашусь пожертвовать хоть десятью мѣсяцами... Женщина должна мириться съ этимъ, какъ съ неизбѣжной болѣзнью.

— Если онъ не согласится на это, такъ онъ тиранъ,—сказала Пепа.

— И ты хорошо сдѣлаешь, если откажешься отъ него и отъ его предполагаемаго потомства,—заключила Конша... Уфъ! какъ здѣсь жарко; солнце сюда идетъ. Пойдемте на пляжъ.

— Идемъ!

Точно стая куропатокъ, онѣ съ шумомъ поднялись и всѣ вмѣстѣ отправились на берегъ моря.

Такимъ образомъ въ моей комнатѣ возстановилась тишина, и я воспользовался этимъ, чтобъ перечесть ваше послѣднее письмо, милая Франциска, письмо, въ которомъ вы обсуждаете мои совѣты относительно того, какъ вамъ устроиться послѣ свадьбы. Вы, можетъ быть, не повѣрите, но у меня навернулись слезы на глазахъ, когда я дошелъ до той фразы вашего письма, которая, къ счастію, составляетъ полную противоположность съ только что приведеннымъ разговоромъ.

«...Да, дядя, я согласна съ вами: немного мѣста нужно двоимъ, чтобъ быть счастливыми; мы съ Максимомъ найдемъ счастіе въ самомъ маленькомъ домѣ. Однако, мнѣ кажется, вы забываете нѣчто весьма важное, о чемъ я очень часто думаю: въ этомъ маленькомъ домѣ вѣдь нужно приготовить мѣсто нашимъ дѣтямъ».

«Нашимъ дѣтямъ!... Дорогая Франциска, мнѣ бы хотѣлось поцѣловать васъ за эти два простыя слова. Браво! Браво! Молодая дѣвушка въ ожиданіи свадьбы должна именно такъ, прямо и спокойно, говорить о своей надеждѣ стать матерью. Горе барышнямъ, которыя желаютъ замужества безъ материнства. Горе фальшивымъ Агнесамъ, которыя краснѣютъ, когда при нихъ говорятъ о дѣтяхъ, и которыхъ мать отсылаетъ за вышиваньемъ, когда имъ угрожаетъ опасность услышать, что, выйдя замужъ, онѣ, въ свою очередь, станутъ матерями. Слава Богу, XIX столѣтіе, кажется, унесло послѣдніе остатки такого нелѣпаго, такого, можно сказать, безнравственнаго воспитанія. Вѣдь материнство есть высшій долгъ, важнѣйшая обязанность женщины. Какъ же можетъ быть опасно указывать ей заранѣе на этотъ долгъ, внушать уваженіе къ этой обязанности? Умалчивая о

долгѣ материнства, молодой дѣвушкѣ готовили ужасъ, оскорбленіе, разочарованіе. Или она, дѣйствительно, оставалась наивной и выходила замужъ съ завязанными глазами—въ такомъ случаѣ родители допускали преступленіе въ оскорбленіи личности, а она, прозрѣвъ, почти навѣрное становилась врагомъ своего мужа. Литература много разъ занималась этимъ вопросомъ. Чтобъ ознакомиться съ нимъ, вы прочтете, будучи замужемъ, «Друга женщинъ» Дюма, а также «Другую любовь» Клавдія Ферваля, книгу, написанную женщиной не такъ давно, очень интересно и очень искренне. Или же молодая дѣвушка поднимала тайкомъ завѣсу, опущенную между нею и дѣйствительностью: тогда, подъ личиной наивности, снѣдаемая любопытствомъ, она принимала самый лицемѣрный видъ, между тѣмъ, какъ воображеніе уносило ее въ запретную страну. Это были полуневинныя дѣвушки, тѣ, кого я изобразилъ и бичевалъ, Франциска, въ книгѣ, которую вы также прочтете послѣ свадьбы. Меня упрекали за эту книгу, но, признаюсь вамъ, я горжусь тѣмъ, что ее написалъ... Къ такимъ дѣвицамъ принадлежатъ Пепа, Конша, Лили, большая часть космополитокъ и, слава Богу, очень немногія француженки.

А вы, Франциска? Вашъ взоръ ясенъ и смѣлъ. Будучи невѣстой, вы безъ ложнаго стыда всѣмъ существомъ своимъ любите жениха, избраннаго вами. Избравъ его, вы смѣло объявляете, что желаніе быть матерью соединяется въ вашемъ сердцѣ съ желаніемъ быть супругой. Устраивая жилище, вы уже заботитесь о томъ, чтобъ въ немъ было мѣсто для дѣтей.

Это радуетъ мое сердце, милая племянница. Вы не наскоро, не съ завязанными глазами выходите замужъ. Вашъ бракъ долженъ быть счастливымъ. Взаимная любовь ложится въ основу его. Вы довольно долго остаетесь женихомъ и невѣстой, чтобъ при свиданіи и въ разлукѣ лучше узнать другъ друга. Наконецъ, вашъ бракъ облагораживается желаніемъ имѣть дѣтей; оно тѣсно связано съ любовью невѣсты къ жениху; оно не откладывается на болѣе или менѣе опредѣленное время; оно неразлучно съ первыми планами, съ заботами о первомъ жилищѣ.

...Ахъ! Милая Франциска, какъ мнѣ хочется поскорѣе выразить вамъ мою радость по поводу этихъ благопріятныхъ предзнаменованій! Недолго еще ждать: на-дняхъ я покину берега Адріатическаго моря и вернусь на родину. Вы спѣшите со свадьбой. Я со спокойнымъ сердцемъ помогу вамъ ускорить ее, такъ какъ вы готовы быть честной супругой и честной матерью.

Итакъ, это, вѣроятно, будетъ послѣднее письмо дяди къ mademoiselle Франциске Ле-Кельенъ.

Госпоже Максимъ Депейру *).

Я получилъ ваше открытое письмо, съ красной маркой, на которой изображенъ маленькій испанскій король, съ видомъ Бургосскаго собора и со следующими тремя строками:

«Здравствуйте, дядя. Я счастлива. Всетаки пишите мне.

Франциска Депейру».

Гм!... Вы замужемъ, дорогая Франциска, поэтому время моихъ советовъ прошло—да, прошло .. Такъ какъ вы непременно хотите получить отъ меня письмо, я перепишу для васъ несколько страницъ изъ моего дневника. Я написалъ эти страницы, вернувшись домой съ семейнаго обеда, на которомъ я былъ у васъ 17 марта, накануне вашей свадьбы. Если вы сохранили мои предыдущія письма, присоедините къ нимъ это въ виде эпилога.

«...Последній вечеръ, проведенный съ Франциской еще девушкой... Завтра, въ это время, она будетъ далеко: ее увезетъ отъ насъ счастливый мужъ. Жестокій законъ, справедливый законъ... Ахъ, еслибъ это милое дитя было счастливо!

Въ этотъ вечеръ я мало говорилъ: я не переставалъ наблюдать за Франциской. Я думалъ о ней со смешаннымъ чувствомъ грусти и радости, радость въ немъ преобладала. Думалъ также и о себе. Припоминалъ советы, которые я ей давалъ, надежды, которыя я старался ей внушить... Вообще, размышлялъ о своей роли духовнаго отца...

Тотъ, кто берется руководить молодымъ сознаніемъ, несетъ две обязанности: онъ не иметъ права обманывать и не иметъ права ошибаться.

Нечего и говорить о томъ, что я никогда не обманывалъ Франциски умышленно. Я откровенно высказывалъ ей мой взглядъ на вещи, на образованіе, на нее самое. Я, действительно, считаю наилучшимъ тотъ путь, который я ей указывалъ.

Но не ошибался ли я самъ?

Мне очень отрадно сознавать, что вотъ уже несколько летъ, какъ французская женщина, въ особенности молодая девушка, заметно развивается, что съ каждымъ днемъ она меняется и что эта перемена для нея благотворна. Мне кажется, чтъ она яснее понимаетъ свои права и свое назначеніе, что она срываетъ повязки, которыми ее стягивали, какъ мумію, что она стала серьезнее и трудолюбивее, что она освобождается отъ исключительной заботы о нарядахъ и удовольствіяхъ. Мне кажется, что эта перемена замечается во Франціи,

---

*) Урожденной Франциске Ле-Кельепъ.

даже въ Парижѣ, съ недавнихъ поръ, съ десятокъ лѣтъ... Мнѣ кажется, что типъ притворно-невинной дѣвушки является теперь исключеніемъ въ буржуазіи, что онъ удержался только въ мірѣ космополитовъ, въ тѣсномъ кругу «курортныхъ барышенъ».

Такъ ли это?

Можетъ быть, это только моя иллюзія? Можетъ быть, я вижу это только потому, что мнѣ хочется это видѣть? Можетъ быть, я ошибаюсь такъ же, какъ ошибается пассажиръ, который изъ своего поѣзда видитъ поѣздъ, стоящій на параллельномъ пути? Можетъ быть, двигается не тотъ поѣздъ, который я вижу, а тотъ, въ которомъ я нахожусь? Однимъ словомъ, можетъ быть, мое развитіе я принимаю за развитіе молодой дѣвушки.

Постараемся еще разъ заняться этимъ вопросомъ, по примѣру химика, дѣлающаго анализъ и не имѣющаго предвзятаго желанія найти при этомъ анализѣ тѣ или другія простыя тѣла.

На чемъ основано мое убѣжденіе—на разсужденіи, на наблюденіи?

Посмотримъ... Существуетъ прежде всего великая общая причина, которая управляетъ соціальными движеніями такъ же, какъ механическими явленіями. Въ послѣднюю четверть XIX столѣтія, — я говорю только о томъ времени, свидѣтелемъ котораго я былъ,—въ основѣ женскаго воспитанія лежало запрещеніе молодой дѣвушкѣ быть личностью. При такомъ давленіи молодой дѣвушкѣ оставалось только быть ничтожной или лицемѣрной. Посмотрите въ литературу: у Дюма, Ожье, Фелье и др., нѣтъ ни одной правдивой дѣвушки, ни одной!... Реакція противъ такой системы была неизбѣжна, какъ неизбѣжно появленіе солнца послѣ дождя. Родители, воспитатели, а также молодыя дѣвушки должны были, наконецъ, сломать эту преграду и сдѣлать воспитаніе болѣе свободнымъ.

Кромѣ этой общей причины (противодѣйствіе равно дѣйствію) есть причина, спеціальная для нашего времени: стремленіе всего женскаго пола къ свободѣ, инициативѣ, къ равенству съ мужчиной въ правахъ и обязанностяхъ. Можно о немъ сожалѣть, можно надъ нимъ смѣяться. Отрицать его нельзя. Женщина хочетъ быть самостоятельной личностью. За границей и у насъ законъ даетъ ей все больше и больше правъ. Естественно, что молодая дѣвушка также стремится заявить о своей личности, имѣть свой собственный характеръ, свою собственную мораль, что раньше ей запрещалось.

Итакъ, «a priori» можно предположить, что молодая дѣвушка измѣнилась, развилась. Подтверждается ли это предположеніе наблюденіями надъ фактами, напримѣръ, моими наблюденіями?

Увы! одному наблюдателю отведено слишкомъ мало мѣста и вре-

мени для изученія его современниковъ. А молодыхъ дѣвушекъ особенно трудно узнать, такъ какъ онѣ еще принимаютъ мало участія въ окружающей ихъ жизни.

Франциска—единственная дѣвушка, которую я видѣлъ близко и за которой не переставалъ слѣдить. Въ ней я увѣренъ. Это не голубица, не дурочка изъ комедій Лабиша. Это не маленькій гусаръ (выраженіе Тэна) изъ комедій Ожье или Дюма. Это и не фальшивая Агнеса. Это новый типъ, котораго литература еще не изображала, типъ переходный. Подчиняясь безропотно старинному воспитанію, она не переставала заботиться о своемъ духовномъ освобожденіи. Воспитанная въ одномъ изъ самыхъ старинныхъ, самыхъ отсталыхъ учебныхъ заведеній, она никогда не пропускала случая поучиться чему-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Между тѣмъ какъ мать предполагала выдать ее замужъ за человѣка съ положеніемъ и состояніемъ, какъ это принято во французской буржуазіи, она сама выбрала мужа, немного старше себя и небогатаго. Она не ищетъ въ бракѣ ни денегъ, ни положенія, ни свободы. Она хочетъ только быть супругой и матерью. Нѣкоторыя ея движенія еще связаны. Въ этой привлекательной личности есть еще и кокетство, и хитрость, и притворная чувственность. Это не ея вина: она типъ переходный. И какъ далеко она ушла!

А другія молодыя дѣвушки?

Я думаю въ настоящую минуту о двухъ сестрахъ, дочеряхъ важнаго государственнаго чиновника, который разсказалъ мнѣ слѣдующее. Недавно обѣ дочери пришли къ нему и сказали: «Папа, одной изъ насъ ужъ двадцать пять лѣтъ минуло, другой скоро будетъ. Возможно, что мы никогда не выйдемъ замужъ, такъ какъ мы небогаты и никогда не рѣшились бы соединить свою жизнь съ человѣкомъ, котораго не могли бы полюбить... Молодость наша проходитъ... Намъ надоѣла ложная, безполезная и безцѣльная жизнь, которую мы ведемъ. Позвольте намъ научиться какому-нибудь ремеслу и жить трудомъ»... Отецъ позволилъ.

Другой фактъ, лично меня касающійся. Два года тому назадъ, послѣ появленія въ свѣтъ одной моей книги, я получилъ письмо, подписанное незнакомымъ именемъ, приблизительно такого содержанія:

«Милостивый государь, мнѣ восемнадцать лѣтъ, я живу вдвоемъ съ матерью. Подобно вашимъ Фридерикѣ и Леѣ, я хочу освободиться, стать личностью, трудиться (въ этомъ всегда заключается суть вопроса). Что мнѣ дѣлать?...»

Я посовѣтовалъ ей заняться стенографіей и дактилографіей. Черезъ три мѣсяца ко мнѣ явилась пожилая дама въ сопровожденіи прелестной молодой дѣвушки. Это была моя незнакомая кореспондентка.

«Я послѣдовала вашему совѣту. Благодарю васъ. Вотъ мои дипломы»...

Мнѣ удалось помѣстить ее въ управленіе одного крупнаго промышленнаго предпріятія. Черезъ годъ она по собственному желанію уѣхала въ Англію, чтобъ усовершенствоваться въ англійскомъ языкѣ. Недавно она вернулась оттуда съ женихомъ, котораго сама выбрала; но, будучи невѣстой, она продолжаетъ работать. Она поступила недавно въ парижскую контору одного богатаго американскаго страхового общества, гдѣ получаетъ 250 франковъ въ мѣсяцъ... Это прекрасная молодая дѣвушка, изъ хорошаго общества, красивая, изящная, занимающаяся для своего удовольствія живописью, музыкой, пѣніемъ...

Еще одинъ примѣръ. Недалеко отъ меня живетъ одна молодая учительница, которая также, не зная меня, пришла со мной однажды посовѣтоваться. Она зарабатываетъ семьдесятъ пять франковъ въ мѣсяцъ! Она ничего не ждетъ отъ брака, на который даже не разсчитываетъ. Окончивъ уроки, она находитъ удовольствіе въ чтеніи, въ театрѣ, въ той свободѣ, которой она пользуется. Время отъ времени она навѣщаетъ меня: она утверждаетъ, что ничего не желаетъ, что счастлива, потому что свободна, потому что представляетъ изъ себя опредѣленную личность.

«Это исключительные случаи!» скажутъ, пожалуй.

Почему же они сгруппировались на моихъ глазахъ за послѣднія нѣсколько лѣтъ?

А въ такъ называемомъ свѣтскомъ обществѣ, гдѣ обыкновенно дольше придерживаются старой системы воспитанія, почему тамъ молодыя дѣвушки отвѣчаютъ мнѣ, что онѣ сами хотятъ выбирать себѣ образъ жизни и мужа? Почему фальшивая наивность ужъ не въ модѣ? Почему флиртирующія барышни не такъ ужъ смѣлы и все больше и больше падаютъ во мнѣніи общества?

Если я ошибаюсь, то ошибаюсь искренно, и мотивы моего заблужденія обманули бы человѣка болѣе дальновиднаго. Да я и не ошибаюсь! Зачѣмъ не вѣрить своему разуму и глазамъ? Вырабатывается, дѣйствительно, что-то новое: французская дѣвушка перерождается. Если она еще несетъ на себѣ слѣды прежняго гнетущаго воспитанія, то взоръ ея уже устремленъ въ будущее. Преобразованіе продолжается. Дѣвушки ближайшаго будущаго, можетъ быть, не будутъ имѣть двоякой прелести Франциски, воспитанной въ традиціяхъ и всетаки свободной. Онѣ будутъ безъ труда, естественнымъ образомъ и въ полномъ смыслѣ слова «личностями»... Будущіе мужчины, измѣнившись вмѣстѣ съ ними, будутъ любить и уважать въ нихъ эту личность».

А. М.

МАЛЕНЬКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Слѣпой.

Онъ ослѣпъ. Ослѣпъ въ полѣ, на бороздѣ, идя за сохой. Ему еще мерещилось: налѣво лежали взрыхленные имъ пласты земли, направо желтѣло жнивье. Впереди онъ видѣлъ свою сивую кобылу, съ ввалившимися боками и вздутымъ животомъ, старательно изо всѣхъ силъ тянувшую соху; за нею, на пригоркѣ, деревушку; а еще дальше—тамъ уже все сливалось. И онъ не разбиралъ, что это было. И такъ онъ шелъ за сохою, понуривъ голову, затаивъ въ себѣ ужасъ. Порою, какъ бы собираясь отогнать отъ себя, побороть приливавшую къ его глазамъ темноту, онъ встряхивалъ головою и поднималъ ее, въ порывѣ жажды свѣта. Но ему все мерещилось... И онъ остановился... Внутри поднялась дикая и грозная сила физически здороваго человѣка;онъ рванулся всѣмъ своимъ большимъ тѣломъ впередъ и со всего размаха ринулся на землю... катался по землѣ и рычалъ, и проклиналъ кого-то... проклиналъ жизнь, рожденіе. Притихалъ, и опять бился головою о землю, и кричалъ на все поле не своимъ голосомъ.

А когда онъ, измученный, поднялся, онъ уже ничего не видѣлъ... ни земли, ни убогой деревушки, ни лошади, понуро стоявшей на недопаханной полосѣ.

Его привезли и положили дома на печку. И, ослѣпнувъ навсегда, онъ мысленно продолжалъ видѣть все то же, вспаханное его отцами и дѣдами, поле; все тѣхъ же мужиковъ, изъ своей деревни; тѣ же убогія избы, свою ригу, дворъ, обнесенный плетнемъ, сивую лошадь; видѣлъ свою бабу, въ темной паневѣ, въ самотканной рубахѣ, съ красными затканными полосами на рукавахъ и груди. Лицо ея онъ уже забылъ, а баба была. Каждый день онъ слышалъ ея голосъ, ея вознюа «по домашности» и поскрипываніе колеса ея самопрялки по ночамъ. Съ третьими пѣтухами прялка умолкала и баба ложилась къ нему подъ бокъ, на печь.

И такъ шли мѣсяцы. Онъ по цѣлымъ днямъ не слѣзалъ съ печи, боясь еще болѣе почувствовать свою слѣпоту, отъ соприкосновенія съ міромъ. Баба еще до свѣта топила кизяками эту печь, на которой онъ лежалъ, и подавала ему туда похлебку: жиденькую размазню, изъ свареннаго въ водѣ, протертаго, картофеля, съ приправою изъ толченаго коноплянаго сѣмени «для духу», вмѣсто масла. Протопивъ печь, баба закутывала тряпкою плетневую трубу, обмазанную глиной, ставила въ печь сваренную къ обѣду картошку, посыпавъ ее сверху крупною солью, чиркала по земляному полу «голикомъ», и садилась за прялку. Изба наполнялась тепломъ и угаромъ. Одинарныя оконца, намерзавшія за ночь, начинали оттаивать.

Прялка жужжитъ безъ перерыва.

— Надо помолотиться,—послѣ долгой работы начинаетъ баба,—хлѣбушекъ исходитъ.

Слѣпой лежитъ на горячей печи, книзу животомъ, и молчитъ.

Баба возвышаетъ голосъ:—Слязай съ печи-то,—радъ брюхо парить!... Пойдемъ молотить!...

«Таперь ейная воля, — думаетъ про себя слѣпой, ничѣмъ не выдавая своихъ мыслей,—что хошь таперь надо мной сдѣлаетъ. Кака тиханька бабочка-то была. Бывал-ча, пьяный кады,—слова сказать не моги, а не то што. Каки-таки разговоры?... а то и за косы. Не супротивная была; хорошая баба».

— Чаво-жъ ты молчишь. Слязай, што ли,—кричитъ баба,—чаво ѣсть-то будешь, сляпой чортъ!

— Ну, слѣзу... пойду,—отвѣчаетъ съ печи мужикъ;—вѣдь я не вижу; взмахну цѣпомъ, да тебѣ-жъ по мордѣ имъ; не равенъ часъ, и переносье перешибу.

Въ тихомъ голосѣ его слышится злобная придавленность и заискиваніе передъ женой. Онъ слышитъ, какъ она, одѣваясь, шуршитъ заскорузлымъ полушубкомъ.

— Глазъ-то нѣтъ... а то бъ я те показалъ, какъ съ мужемъ. Я бъ те поучилъ, по-своему.

И, въ безсильномъ сознаніи своего права, онъ зажимаетъ большую лохматую голову между ладонями, и тяжело дышитъ, уткнувшись носомъ въ горячіе кирпичи.

Баба одумывается и, ни слова не говоря, натягиваетъ на себя старый полушубокъ. Слѣпой слышитъ, какъ хлопаетъ за нею дверь.

Онъ перевертывается на спину, подкладываетъ подъ голову сильныя мускулистыя руки и, не моргая слѣпыми глазами, смотритъ передъ собою въ темное пространство съ красновато-кровавымъ пятномъ отъ двухъ оконъ, въ которыя свѣтитъ солнце. Пятно это рас-

плывается все больше, стирая изъ памяти видѣнное когда-то солнце, ясное весеннее утро, росистую зеленую траву.

Слѣпой тоскливо отворачивается къ стѣнѣ и красное пятно превращается опять въ темное пространство, колеблющееся темными волнами. Волны эти словно отдѣляютъ слѣпого отъ печи. Онъ инстинктивно протягиваетъ руку, ощупываетъ стѣну и успокаивается—все на своемъ мѣстѣ: его изба, въ два оконца, подъ соломенной крышей; улица съ такими же, обмазанными глиной, избами, по обѣ стороны; мужики и бабы; вся жизнь деревни, заключенная въ заботы о днѣ, изъ котораго не выходила и его жизнь. Разница теперь только въ томъ, что въ цѣлой жизни дней было больше; но все это были только дни, дни, дни... иногда и много дней кряду, но, всетаки, не больше какъ дни, съ ихъ заботами о кускѣ хлѣба.

И онъ думаетъ о своей недопаханной полосѣ, о лошади, которую теперь придется продать, о разваливающейся ригѣ, о капустѣ, которой не наквасили на зиму: «плохо безъ капусты». Потомъ вспоминаетъ дни большихъ праздниковъ, «пироги», свѣжину, накрошенную на деревянномъ блюдѣ, баранину... пьянство... и забвеніе всѣхъ дней, вмѣстѣ взятыхъ. А теперь ему и этого не будетъ.

Слѣпому становится особенно тоскливо и онъ дѣлаетъ попытку думать еще о чемъ нибудь, но онъ не знаетъ ничего: есть начальство, есть подати, есть какой-то законъ. Мысли его тутъ нѣтъ. И слѣпой старается вспоминать прошлое, но и тутъ думать нечего: оно ушло съ памятью дѣдовъ и отцовъ, а ему, слѣпому, остался только день, который поглотилъ въ себя цѣлыя столѣтія, выстраданную народомъ силу духа, вѣру, творчество, всѣ прежнія сказанія... и все-жъ остался днемъ, будничнымъ и скучнымъ.

Слѣпой лежалъ на печи, а день тянулся долго... долго.

Пришла баба, подала ему опять большой ломоть чернаго хлѣба, картошекъ, покраснѣвшихъ и высохшихъ въ печи, кваса сыровца, и слѣпой ѣлъ: ѣлъ медленно, серьезно, съ сознаніемъ непреложнаго закона, дающаго ему этотъ хлѣбъ. Потомъ онъ опять легъ, вглядываясь въ темноту, словно хотѣлъ вызвать изъ нея что-то такое, чего онъ и самъ не зналъ, но что тяготѣло надъ нимъ смутною, безсознательною тоской.

Потомъ наступили сумерки и когда вздремнувшая на лавкѣ баба встала, для того чтобы уже не ложиться всю ночь, и зажгла маленькую жестяную лампочку, слѣпой оживился. Почти всякій вечеръ къ нему заходили мужики. Заходили потому, что въ зимніе вечера дома нечего было дѣлать: кто заваливался спать съ сумерекъ, кто разбре-

дался по сосѣдямъ. Изба же слѣпого была просторная, да и самъ онъ упрашивалъ ихъ всегда заходить.

Первымъ вошелъ въ избу большой, черный, бородатый мужикъ, съ крѣпкими бѣлыми зубами и покойнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ. Онъ снялъ большую тяжелую шапку и, не обращая никакого вниманія на бабу, поздоровался со слѣпымъ.

— Лежишь?—спросилъ онъ, взглядывая на печку, откуда изъ темноты поднималась на его голосъ большая фигура слѣпого, въ холщевой рубахѣ.

— Лежу; что будешь дѣлать,—отвѣчалъ подавленно-—Лежу, братъ.

Онъ сѣлъ и спустилъ съ печи ноги, обутыя въ лапти.

— Такъ плохо, братъ, дѣло?—окидывая его пытливымъ взглядомъ, повторилъ черный мужикъ, и въ тонѣ его голоса было сознаніе неизбѣжности для слѣпого высказаннаго имъ мнѣнія, была правда.— Не миновать тебѣ, видно, въ старчики итить.

Слѣпой поднялъ голову и, словно видя передъ собой чернаго мужика, остановилъ на немъ свои каріе, мертвенно неподвижные глаза. По лицу его прошла затаенная боль, придавая крупнымъ и грубымъ чертамъ этого лица мягкое, вдумчивое выраженіе.

— Я ужъ и самъ такъ думаю—не миновать, видно.

— Не миновать тебѣ и лошади рѣшаться: тебѣ ужъ не пахать.

Слѣпой молчалъ.

— Лошадь-то, пожалуй, я бъ у тебя купилъ, хошь и стара она,— не спѣша, съ остановками, продолжалъ мужикъ;—што—ништо, заработалъ бы на ей въ зиму; все бъ не задарма кормъ ѣла.

Слѣпой попрежнему не отвѣчалъ.

Дверь снова отворилась; въ избу вошли еще два мужика. Одинъ, маленькій, удушливый, съ рыженькою рѣдкою бородкой и голубыми, словно отъ слезъ влажными, глазами; другой, высокій и молодой, съ черными бровями и желтоватымъ румянцемъ на красивомъ, исхудавшемъ, лицѣ.

— Здорово, Проня,—хрипло дыша, проговорилъ рыженькій.

— Здорово, здорово. А это еще кто-жъ съ тобой взошелъ?

— Солдатъ!—отвѣчалъ за себя чернобровый.

— А, Семуха!—улыбнулся слѣпой.

— Онъ самый, — довольнымъ тономъ проговорилъ солдатъ и сталъ крутить цыгарку, поплевывая и заворачивая кончики.

— Поди-жъ ты, не призналъ, было, тебя по голосу.

— У меня голосъ питербургскій,—засмѣялся солдатъ,—не сразу признаешь... Четыре года чего-нибудь стоитъ въ гвардіи прослужить.

Солдатъ остановился посреди избы, въ распахнутомъ коротенькомъ овчинномъ полушубкѣ и, между разговоромъ, спѣшно затягивался цыгаркой. Черный мужикъ и маленькій сидѣли на лавкѣ.

— Хоть отдышаться-то у тебя въ избѣ,—проговорилъ удушливый, переводя дыханіе.—У меня баба почала въ избѣ канапи трепать. веревочки ни одной въ домѣ нѣтъ; кастрики этой, пыли—на всю избу понапустила. Таперь пойдетъ на недѣлю цѣлую кастрика эта; никуда отъ неё ни схоронишься. На печь къ ребятишкамъ влѣзу—хуже удушье давитъ, отъ духоты... Таперь и сплю на полу, головой къ порогу — вольготнѣй мнѣ... А то положу на порогъ голову, ну, кашель и уймется... Съ натуги это у мине, а то, думается, больше съ пожара: какъ о зимнемъ Миколѣ тогда погорѣли.

— Да,—сказалъ черный мужикъ,—ловко тебя тогда обчистило.

— Скажи—все до званья,—отвѣчалъ удушливый.—Всю ночь на морозѣ пробылъ; ноги пожегъ и застудился, знать. Такъ, хрипѣть да хрипѣть съ тѣхъ поръ...

Дверь снова растворилась; вошли еще три мужика.

— А, кумъ Ликсаха!

— Миронъ!

— Петруха!—слышались восклицанія.

— Что давно не были,—спрашивалъ съ печи слѣпой.

— На мельницу ѣздилъ,—отвѣчалъ кумъ Ликсаха, небольшой, коренастый мужикъ, лѣтъ тридцати, съ круглымъ румянымъ лицомъ. — Сегодня мы гречишные блины пекли; хозяйка тутъ и тебѣ завернула,—подалъ онъ слѣпому въ грязной тряпочкѣ блины, колючіе отъ попадавшей въ нихъ шелухи, не обдирая которую, мололи всегда гречиху.

— Ну, дай тебѣ Богъ,—перекрестился слѣпой.

Самъ онъ никогда и ни у кого не просилъ, сохраняя еще гордость хорошаго мужика; но когда ему приносили что-нибудь, въ голосѣ его уже слышались какія-то фальшивыя, приниженныя нотки. «Спаси Господи»,—говорилъ онъ, принимая блины и какъ бы заранѣе уже приготовляясь понемногу къ той роли—старчика, которой, ему казалось, не миновать.

Когда-то онъ и самъ подавалъ старчикамъ мучицы, ржи или кусокъ хлѣба, и этимъ кончалось все его отношеніе къ нимъ: старчики уходили, получивъ милостыню, а онъ, сильный и здоровый, покойно смотрѣлъ на нихъ. А потомъ онъ сталъ бояться ихъ; боялся стука въ оконце и голоса нараспѣвъ: «Пода-а-йте, правосл-а-авные христіане, Христа-а ради!»

— Дай, дай имъ поскорѣе,—говорилъ онъ бабѣ, и когда та, не

слушая его, поднимала оконце и сурово отказывала: «Богъ подастъ!» слѣпой блѣднѣлъ, чуя неизбѣжность такого же приговора для себя, и молчалъ.

Кумъ Ликсаха, довольный благодарностью и собой, отошелъ къ сидѣвшимъ у стола мужикамъ и опять заговорилъ о блинахъ.

— Нонѣ и греча-то съ захватомъ: кожуха одна,—замѣтилъ черный мужикъ.

— Легка-то, легка, а все блины. Ее у меня и было-то — такъ усыночекъ махонькій. Опять всю жаромъ схватило. Совсѣмъ отъ рукъ отбилась...

— Это вѣрно; хушь не сѣй совсѣмъ,—подтвердили другіе.

— Да увидѣли ребятки, што на мельницу сбираюсь—блинковъ запросили. Вотъ и свезъ мѣшокъ. Типерь и на всю масляну хватитъ:

— Завтра и мнѣ на мельницу ѣхать; нынче рожь молотили,—отозвался солдатъ.

— Ну, какъ, братъ Сеня, послѣ Питера-то, съ цѣпомъ управлялся? Небось, крылья-то и по сичасъ болятъ?

— Это—ништо; это—пустое дѣло, еслибъ не ноги. Ноги вотъ замучили; нагнусь, такъ и саднятъ.

— Все не заживаютъ, раны-то?

— Нѣтъ; одѣлъ валеные, и валеные трутъ.

— А ты обуй лапти; въ лаптѣ куда способнѣй. Ни, тебѣ, портянка не подвернется, ни што... Въ лаптяхъ скорѣй заживутъ.

— Поддорожника теперь нѣтъ; поддорожникъ—первое дѣло; што хошь затянетъ, съ коровьимъ ежели масломъ, — съ непоколебимою вѣрою въ подорожникъ проговорилъ кумъ Ликсаха.

— Вотъ развѣ поддорожникъ,—соглашается солдатъ,—а то чего, чего я только не пыталъ: и конопное-то масло съ солью, и березкой, и паутиной. Кто што ни присовѣтуетъ—ништо не беретъ.

— Съѣздилъ бы ты въ Вавилово,—прохрипѣлъ удушливый.—Знахарка тамъ одна есть. Многимъ отъ нея легчаетъ. И лѣчитъ не то штобъ какъ, а все съ молитвою...

— Былъ я у ей, — уныло отозвался съ печи слѣпой, — все тоже... Да развѣ у ей одной только... почитай, верстъ на шестьдесятъ всю округу изъѣздилъ — и по знахаркамъ, и по дохторямъ, и по бабкамъ разнымъ. Куды, куды я только не кидалси, ничего по̀моги нѣтъ... никакого облегченья... Вѣдь не сразу же я ослёпъ; спе́рва все къ головѣ приваливало; потемнѣетъ въ глазахъ: я и гасъ въ уши, и горшки-то на спину, и на каменьяхъ меня парили, и грымза вотъ какая-то есть, въ аптекѣ продается, ее мнѣ въ глаза сыпали... А одна, такъ купороснаго масла съ желткомъ къ глазамъ присовѣто-

вала. Дала это мнѣ, да какъ взорвало ихъ—спасибо сбросилъ скоро, а то бы вытекли... Теперь и не знаю, куда и кинуться... Говорятъ: «темная вода у тебя»... А може это такъ, на роду было мнѣ написано—слѣпымъ быть,—продолжалъ онъ послѣ долгаго раздумья.—Отъ Бога никуды не уйдешь.

— Никуды — это вѣрно,— повторили мужики.— Съ Богомъ не заспоришь...

— Ничаво не подѣлаешь; другихъ глазъ, видно, не вставишь... Ништо, какъ Богъ.

— Дѣти вотъ у меня таперь третью недѣлю хвораютъ,—заговорилъ Ликсаха, — всѣ въ лежку. Выведетъ ихъ баба на дворъ — «до вѣтру» — и опять на печь... Она это имъ и капуски кисленькой къ головкамъ, и хрѣнку, и то, и се... Не трожь, говорю; коли Богъ захочетъ, само пройдетъ, а не дастъ—ничѣмъ не улѣчишь... Што ты подѣлаешь?...

— Это вѣрно—все Богъ...

— Таперь, благодаренье Богу, стали, кабысть, мало - маленько подниматься: блинковъ вотъ сегодня поѣли, грешневенькихъ...

— А у мене такъ всѣ на одной недѣлѣ сгасли, — отозвался съ печи слѣпой.

Жена его, услышавъ о дѣтяхъ, пріостановила колесо пряхи и тупо уставилась на темные, закопченые образа въ углу. Черезъ минуту колесо опять завертѣлось попрежнему.

— Вотъ и у насъ, — вставилъ Миронъ, — позалѣтошній годъ, какъ Демьяновы горѣли, кабы вынесли мы перво-наперво икону, пожалуй, и ничаво-бъ не было, а то замстило всѣмъ: я—кашный горшокъ схватилъ, хожу съ нимъ, какъ съ золотомъ; бабы кинулись куръ ловить — такъ до-чиста все и смахнуло... И хлѣбъ весь погорѣлъ,—добавилъ онъ черезъ минуту тѣмъ же убѣжденнымъ тономъ.

— Знамо Богъ—все Богъ...

Наступило общее молчаніе. Всѣ чувствовали смутное сознаніе какой-то большой силы, проявляющей надъ ними во всемъ свою мощь и власть: «все Богъ—вездѣ Богъ». Именемъ Его прикрывалось все—и хорошее и дурное, и добрые поступки и побужденія, и лѣнь и безсердечіе, и нежеланіе подумать: «все Богъ—вездѣ Богъ»... Они чувствовали свое полное безсиліе во всемъ и, какъ дѣти, прятались за всеспасающее имя Бога: «Онъ, батюшка, все видитъ».

Слѣпой думалъ.

Запросившая отвѣта мысль его безсильно билась, путалась въ какихъ-то неясныхъ представленіяхъ. Какая-то мягкая, растерянная,

улыбка бродила вмѣстѣ съ ней по лицу его. Но вотъ мысль остановилась на праздникахъ. Слѣпой поднялъ голову.

— А скоро и «Веденьё»—большой праздникъ,—медленно проговорилъ онъ...—А вѣдь Веденѣй-то, говорятъ, овечій пастухъ былъ,—добавилъ онъ, помолчавъ.

Ему никто не возражалъ.

— Эхъ! книжички бы... теперь... почитать!—раздается съ печи голосъ слѣпого.

— Да-а, хорошо бы...

— Да гдѣ ее достанешь?...

— У насъ и читать-то никто не горяздъ...

И опять молчаніе... Только прялка гудитъ свою унылую пѣснь.

— Ну, разскажи хоть ты што-нибудь, Сеня; ты въ Питербурхѣ служилъ, може еще што припомнишь, новенькое скажешь?...

— Вотъ ликтричество тамъ,—начинаетъ, охорашиваясь, солдатъ,—какъ днемъ. Вездѣ это шары горятъ, по Невскому; въ окнахъ свѣтъ, народу тьма тьмущая и день и ночь... Одѣты всѣ, разряжены какъ; у барынь на головахъ што понаверчено... Богатство вездѣ... А въ магазинахъ этихъ—и чево только нѣтъ: и яблоки тебѣ, и виноградъ, и арбузы. Одёжины всякой понавалено... Офицеровъ, генераловъ: и въ каскахъ, и въ лентахъ—не успѣваешь честь отдавать, рука устанетъ.

— Эхъ, Господи,—слышится вздохъ,—вѣдь живутъ же!... Знать за нихъ замолено кѣмъ, али еще какъ?... А мы-то тутъ, грѣшные!...

— А вотъ теперь и живи тутъ съ вами,—заканчиваетъ солдатъ.—Если бы не болѣзнь эта, проклятая, тамъ ко мнѣ привязалась, ей-Богу, на повторительную бы остался.

Опять всѣ притихли на минуту.

— Ну, братцы, придетъ нашъ «пристольный», тогда и мы по-питерски заживемъ,—засмѣялся Ликсаха.

— Еще какъ!—отозвались мужики.

И по лицамъ всѣхъ прошло оживленіе.

— Да ежели ищо по прошлогоднему выдетъ!

Послышался дружный, здоровый смѣхъ.

— Да, ловко вышло!... Скажи, братцы мои,—всей улицей дрались... А!

— Нечего сказать!

— Диствительно!

И всѣ мужики заговорили, наперебой другъ другу, вспоминая подробности драки.

— Бью я, братцы, и не знаю кого, и за што,—кто попàнется. Размахнусь, размахнусь, хочу вдарить, а народъ упрашиваетъ: «Миронъ Иванычъ, не дерись, у тебя рука очень чижолая»,—самодовольно разсказываетъ плечистый Миронъ.—А я, знай, ворочаю...

— Да ужъ гдѣ тамъ!

— Пора разбирать...

— Тутъ гляди только—самому бы поменьше влетѣло... ха-ха-ха,—слышатся сочувственныя восклицанія.

— Вѣдь и зачалось-то все изъ ничаво, можно сказать. Асевъ Семенъ сына сталъ учить, выпимши, значитъ, и давай къ ему лѣзть, а тотъ не поддался, вовсе тверёзый былъ. А Андрюшка Панферовъ подскочилъ, это, да к-а-къ дасть Петькѣ въ ухо, тотъ—сибѣ... А отецъ кричитъ: «Бей его, бей подлеца!...» Ну, и пошли...

— Та-а-къ, та-а-къ.

— И то...

— А мнѣ, черти, рукавъ въ свитѣ весь какъ есть отполосовали,—вставляетъ Ликсаха.—Опосля, Фетисовъ смѣялся: «Пришили, говоритъ, тебѣ бабы рукавъ-то?» Онъ, должно, и отодралъ его.

— Видно, онъ... Ха-ха-ха...

— А Минавыхъ, дядю Савелья, да Царёнковыхъ, свата Терентья, кто-то борода съ бородой связалъ. У обоихъ—по колѣно... Должно, изъ парней кто подшутилъ? Какъ ползли, это, они вмѣстѣ отъ Миколки, изъ гостей, такъ и уснули рядомъ. Проснулись, да сгоряча было и себѣ въ драку...

— О, го-го-го!...

Слѣпой сидитъ, свѣсивъ съ печи ноги, весь подавшись впередъ согнутымъ туловищемъ, зажавъ между колѣнъ большія, жилистыя руки. Темные волосы непослушно падаютъ ему на лицо. Каріе глаза смотрятъ, не моргая, безъ всякаго отраженія мысли, точно мертвые, тогда какъ все лицо живетъ и смѣется. Широкая улыбка расплылась по немъ.

— А меня черезъ эту самую водку чуть тогда отецъ не побилъ,—разсказываетъ солдатъ.—Пошли мы съ нимъ, да съ бòльшимъ братомъ, къ тестю въ гости... Идемъ по улицѣ, а отецъ все мнѣ наказываетъ: «Смотри, говоритъ, Сенька, поставитъ сватъ четверть, ты съ него и другую требуй; онъ для тебя и другую подастъ, потому ты—гость питерскій»... А я тогда всего три дня, какъ на побывку пришелъ... «Ну, ладно, говорю»... Раза три онъ, это, про четверть-то помянулъ, какъ шли... Приходимъ; сичасъ насъ за столъ. Глядимъ: четверть, свѣжины накрошили, баранины... угощаютъ... Дѣвокъ понабилось въ избу, бабъ... на меня смотрятъ... А я, это,

съ красной грудью сижу, съ шнурками... Закусываемъ... Только, слышу, отецъ меня,—толкъ подъ бокъ... Взглянулъ я, а въ четверти-то—на донышкѣ... Я молчу... Онъ меня въ другой, въ третій... Выпили четверть, вылѣзаемъ изъ-за стола.

— Такъ и не попросилъ?—перебиваютъ его.

— Нѣтъ.

— Да чаво-жъ ты молчалъ-то? Онъ бы поставилъ.

— Бизпримѣнно бы постановилъ, ему никакъ отказаться нельзя,—слышатся еще голоса.—Эхъ, ты!

— Вышли мы на улицу, отецъ и привязался ко мнѣ—зачѣмъ про четверть не сказалъ. Братъ тоже: «Што тебѣ стоило?...» Замолчатъ, замолчатъ, пройдемъ шаговъ двадцать, опять про четверть. Ужъ они меня гоняли, гоняли за нее, а отецъ такъ и норовитъ, какъ бы прицѣпиться; крѣпко осерчалъ тогда.

«Раньше и у меня на худой конецъ полведра на «пристольный» выходило,—думаетъ слѣпой,—а теперь, поди, и не позовутъ, пожалуй»...

Съ драки разговоръ переходитъ на балагурство, подшучиванія надъ другими.

Всѣ смѣются. Смѣются громко, всѣмъ нутромъ; смѣются тому, что было переговорено уже сотни и тысячи разъ; тому, въ чемъ, зачастую, нельзя было бы найти и тѣни чего-либо смѣшного.

И смѣхъ этотъ былъ какой-то вязкій, долгій, словно мужикамъ жаль было разстаться съ нимъ; словно иначе они уже не знали бы, чѣмъ заполнить удѣленное отдыху время.

Лицо слѣпого опять слегка туманится и застываетъ, смягченное какой-то особой вдумчивостью, налагаемою слѣпотою.

— И неужли-жъ мнѣ, братцы, такъ-таки и не видать свѣта... А?...

Тоскливый вопросъ его долго остается безъ отвѣта.

— А Богъ-то?

Слѣпой молчалъ.

— Въ воскресенье становой пріѣдетъ, скотину продавать,—проговорилъ удушливый.

Опять молчаніе.

Лица у всѣхъ какъ-то вытянулись; что-то суровое проступило въ глазахъ; мужики словно уже не видѣли больше другъ друга.

— Подходилъ даве къ окошку сборшыкъ,—началъ слѣпой,—«подати сбивать»... А што я ему дамъ?... Вотъ теперь все и думаю: тянуть мнѣ душу, али ужъ тягло сдать кому?...

— Нѣтъ, Проня, видно какъ ты ни удумывай, а землю тебѣ бросать надо...

— Твое дѣло... Какъ знаешь, смотри самъ.

— Не миновать тебѣ видно въ старчики.

— Не миновать,—повторилъ и слѣпой.

Онъ не ждалъ никакихъ совѣтовъ, никакой помощи и зналъ, что всякому изъ нихъ только въ пору о себѣ. Законъ былъ для всѣхъ одинаковъ; и онъ также молча смотрѣлъ бы на погибающаго брата, какъ это теперь другіе дѣлали надъ нимъ.

Мужики стали расходиться.

— Ну, прости Проня,—говорили они, подымаясь.

— Простите и вы,—односложно провожалъ ихъ слѣпой.

— Ну, а лошадку-то, чѣмъ до станового, видно мнѣ отдашь,—обратился опять черный, уходя послѣднимъ изъ избы.—Тебѣ все равно—не миновать... Я зайду завтрева.

Слѣпой остался одинъ и долго молча сидѣлъ на печкѣ, не перемѣняя положенія: согнувшись, со свѣсившимися на глаза волосами, съ безпомощно лежавшими на колѣняхъ могучими руками.

— Не миновать,—повторилъ онъ, послѣ раздумья, опять влѣзая на печь съ ногами, и медленно опускаясь на ней всею своею бѣлѣвшейся фигурой въ темноту.

Въ избѣ стало еще тише. Гудѣло только колесо пряхи, равномѣрно похлопывая деревянной подножкой. Гудѣло долго, долго...

Баба, въ полусонномъ покоѣ, съ тупымъ, остановившимся взглядомъ, продолжала крутить между одеревенѣвшими пальцами свою безконечную нитку.

Ночь шла...

Въ избѣ становилось все холоднѣе. Плохо вставленныя въ косяки, и ничѣмъ не замазанныя въ нихъ, одинарныя оконца намерзали все больше и больше, толстымъ слоемъ льда.

Слѣпой лежалъ и думалъ о жизни, въ которой много дней; думалъ, и опять старался вызвать изъ окружавшей его тьмы то, что тяготѣло надъ нимъ смутною, безсознательною тоской.

Ночь шла...

Нянька.

Синій чадъ наполнялъ большую кухню, съ трескомъ и шипѣньемъ поднимаясь отъ топившейся плиты; вспыхивалъ около нея красноватымъ отблескомъ пламени, выбивавшимся изъ комфорки, и застилалъ ровною синею дымкой все кругомъ.

Какъ сижу я во яру-у,

прозвучалъ въ чаду старческій, скорбный голосъ.

Думу дума-а-а-ю,

и въ его тонѣ слышались слезы, рыданія, безысходная печаль.

Какъ бы мнѣ Господь послалъ...
Да голубицу-у,
Да, голубицу-у, сизокрылую.

Голосъ на послѣднихъ ноткахъ дрожалъ и кому-то жаловался, умолкая, и снова начиналъ твердо звучать силою торжественной правды.

Написалъ бы я письмо,
Да на крылі-і-і-яхъ...
Да на крыліяхъ ея,
Къ отцу Якову...

— Ну, ужъ нянька, не люблю я этого,—послышался отъ плиты грубоватый женскій голосъ кухарки, толстой сорокалѣтней женщины, съ рыжими завитушками на лбу.—Тоску наводишь; да и господа сердятся.

Голосъ изъ угла задрожалъ и оборвался.

Кухарка отошла отъ плиты и распахнула настежь дверь, въ сѣни. Въ нее потянулся синій, заволновавшійся смрадъ, перемѣшиваясь съ бѣлыми клубами холоднаго пара, который перебирался черезъ высокій порогъ кухни и расходился волнами по полу. Въ противоположномъ плитѣ углу вырисовалась кровать, съ краснымъ ситцевымъ одѣяломъ, и на ней сидящая старуха, въ унылой, задумчивой позѣ, съ заплаканными глазами, полными упорной, тоскливой мысли.

— Домнушка,—проговорила старуха,—Домнушка!... Какъ подумаю я, подумаю: скоро мнѣ умирать, а какой я отвѣтъ дамъ Господу?...

Домна молча чистила картофель и думала о именинахъ у генераловой кухарки, она была приглашена на сегодняшній вечеръ.

— Скажу я ему: «Господи, прослужила я господамъ семьдесятъ лѣтъ—одно мое оправданіе...» Такъ и то взыщется: бываетъ, плохо служила; не радѣла, бываетъ... Какъ вспомню, вспомню свою жизнь; есть надъ чѣмъ подумать, Домнушка... А тутъ еще нынче сонъ такой мнѣ приснился ночью.

— Сны-то ты горазда видѣть,—отозвалась Домна.

— Сижу, будто, я на стулѣ и помираю... Тѣло на мнѣ чижолое, и словно его книзу все тянетъ; только на костяхъ и держится. Не могу ни пошевельнуться, ни руки поднять... И дышу рѣдко, рѣдко... Вздохну и жду: придетъ еще разъ духъ или ужъ смерть это... А тамъ опять вздохну и жду... Только съ каждымъ вздохомъ какъ буд-

то што выходитъ изъ меня, и становлюсь я все меньше, и что ни меньше, все легче... И сдѣлалась я ребеночкомъ; поднялась я, будто, на воздухъ и полетѣла... И все по-о-ле, и все по-о-ле... Ничего на немъ не растетъ—темное такое, а по немъ все трещины, зеленымъ огнемъ свѣтятся... и неба будто нѣту; тоже што-то темное—ни звѣздъ, ни мѣсяца, ничего нѣтъ; потемки одни... Только вижу, освѣтилась большая дыра и оттуда смрадомъ вдарило. Закружилъ меня тутъ вихоръ, какъ перышко, и потянуло въ эту дыру—ажно сейчасъ сердце замираетъ,—закачала старуха головою. И встрѣтилъ меня тамъ нечистый. Охъ и скверенъ же!... Туловища большая, длинная; на тоненькихъ маленькихъ ножкахъ, и голова большая, а лицо безъ шерсти, зеленое. Не могу тебѣ, Домнушка, и сказать какое лицо, такое ужасное: глаза огромные, зеленымъ огнемъ горятъ; злобы што въ нихъ, и конца нѣтъ... Увидала я его, и бросилась въ сторону, штобъ мимо прошмыгнуть, а онъ какъ взмахнетъ чернымъ хвостомъ, вродѣ змѣи, и обвилъ имъ меня: «Нѣтъ, говоритъ, отъ меня никуда не уйдешь...» А чертенятъ этихъ, маленькихъ, и не перечтешь; и все изъ этой ямы лѣзутъ, прямо сотнями... Схватилъ меня одинъ и повелъ по подземелью: жара, пекло, скрежетъ, стоны стоятъ, смола кипитъ, костры полыхаютъ... Женщины голыя, за косы привязаны къ желѣзнымъ столбамъ, въ огнѣ мучаются... Я отъ ужаса, да отъ жары, все лицо себѣ руками закрываю, штобъ всего-то и не видѣть... Только открыла я лицо и вижу—кого же?... Анисью. Стоитъ она, тоже голая, а изъ живота у нея всѣ нутренности вывалились, висятъ.

— Значитъ, правда, думаю, што это она старую барыню испортила: еще въ крѣпостное время заболѣла и заболѣла барыня; не встаетъ съ постели. Вздулся у ней животъ: у-гу, у-гу—гудетъ. И разныя-то снадобья, и припарки, и заговоры,—ништо ей не помогало... Только смотримъ, выбѣгаетъ къ намъ изъ барыниной спальни Анисья—она при барынѣ такъ всегда и находилась; плачетъ, въ грудь себя бьетъ. Обступили мы ее въ дѣвичьей: «Что такое, что?» А у барыни въ спальной перину распарываютъ; баринъ тамъ, родня... И, штобъ ты думала, Домнушка?—нашли вѣдь порчу-то! Въ перину была зашита: волосы колечкомъ свиты, и въ немъ коготь собачій, и ногти человѣчьи... Стали Анисью пытать, допрашивать; баринъ по щекѣ ее вдарилъ—не призналась... Ну, вотъ Анисью, эту самую, я и видѣла—нутренности у ней выпали.

— А барыни-то своей старой не видала тамъ, на томъ свѣтѣ?—спросила Домна.—Небось, тоже въ аду горитъ?

— Нѣтъ. Она умерла хорошо: пріобщилась, пособоровалась,—отвѣтила старуха. Правда, если вспомнить—много отъ нея потер-

пѣли, и биты бывали, и хуже того было, ну, а умерла хорошо; хорошо умерла, нечего говорить... Постояла я надъ Анисьей, посмотрѣла, какъ она мучается: на камнѣ, опустивши руки стоитъ, только головой изъ стороны въ сторону качаетъ, а глаза какъ безумные... И повели меня дальше. И ужъ гдѣ, гдѣ только не водили... Только чувствую, будто, стала жара спадать; открылась я и вижу: ведутъ насъ куда-то въ гору—много, много людей разныхъ: и цари, и архиреи, и господа, и мы, простой народъ,—всѣ вмѣстѣ идемъ... И всѣ съ листами въ рукахъ. Взглянула это я, а у меня этой самой отпускной-то съ этого свѣта и нѣтъ: безъ покаянія, значитъ. Испугалась я, и припомнилась мнѣ тутъ, по дорогѣ, вся жизнь моя, всѣ мои грѣхи.

— Ишь ты, нянька, какіе все сны-то видишь. А мнѣ плетется—такъ разное.

— И старую барыню какъ я обманывала; какъ хитрила, сердила ее; вспомнила, какъ меня барыня на мѣсто Анисьи взяла, за собой ходить, а я злилась на нее за это: никуда отъ нея отойти было нельзя... Вспомнила холеру; валился тогда народъ, какъ скотина, а барыня въ спальной заперлась. Ставни наглухо закрыли, занавѣски спустили; притихла, стонетъ, Богу молится; со всѣми родными помирилась, съ кѣмъ и по году не говорила,—такой у нея карахтеръ былъ; а тутъ и у тѣхъ прощенья просила... Только въ меня тогда—какъ бѣсъ вселился: кипитъ злоба, и страхъ меня не беретъ. А тутъ въ скорости умерла ея дочь, невѣста, и въ залѣ ее на столѣ положили. Попы шепотомъ ее отпѣвали; отъ барыни все въ тайнѣ сохранялось... А я возьми потихоньку, да двери-то всѣ къ ней и раствори настежъ—три дня крикомъ кричала, прости Господи мои великія прегрѣшенія!... А какъ кончилась холера, вышла она изъ спальной и опять прежняя стала.

— Что-жъ, вышла она къ дочери-то проститься?

— Нѣтъ, очень ужъ смерти боялась. Вспомнила я, какое у насъ смутьянство было; всѣ передъ барыней выслуживались, другъ дружку поѣдомъ ѣли; неправда шла... А барыня, бывало, пошлетъ меня: «Иди, подслушай, подсмотри, что дѣлается, что говорятъ». Скажешь—грѣхъ, и утаить боязно. «Я, крикнетъ бывало, всю твою душу изъ тебя вытащу»... И сколько грѣха было, теперь и не перескажешь всего.

Старуха помолчала, разбираясь въ прошломъ.

— Вспомнила я и свой дѣвичій грѣхъ: какъ любились мы съ Иваномъ. Тоже и онъ молодой былъ, красивый... Все вспомнила... И какъ его барыня, за грубіянство, въ солдаты приказала отдать, а онъ изъ-подъ запора убѣжалъ. Я ему на дорогу бариновъ пистолетъ

со стѣны украла, отдала, да ножъ... Темная ночь была, и молонья сверкала... Освѣтитъ, освѣтитъ, это кругомъ—и бѣлый домъ на горѣ, и садъ, и рѣку, съ двумя перекладинками, и лѣсъ... а мы съ Иваномъ стоимъ обнявшись у воды, прощаемся. «Убѣжимъ, говоритъ, Ариша вмѣстѣ». «Аль, говорю, и впрямь, соколъ ты мой ясный, убѣжать?» А молонья тутъ—какъ освѣтитъ, я и испугаюсь—увидятъ. «Нѣтъ, говорю, нѣтъ; куда отъ нихъ уйдешь?» А потомъ опять къ нему... Такъ онъ и ушелъ; пропалъ безъ вѣсти.

Нянька задумалась и долго молчала.

— Иду, это, я въ гору, на томъ свѣтѣ, и думаю: зачѣмъ я ему на свою жизнь жаловалась, про свою муку разсказывала и ножъ дала; можетъ, теперь тамъ за это меня большой грѣхъ наверху дожидается... Родился у меня потомъ ребеночекъ въ погребѣ, подъ барскимъ домомъ. Отъ стыда, да отъ страха, я туда забилась... Родился онъ и закричалъ, я и обезумѣла; вылѣзла съ нимъ изъ погреба, и гдѣ только я ни ходила: и по оврагамъ, и по полямъ... Думала и придушить, и въ воду бросить. Огляжусь, огляжусь—мерещатся мнѣ вездѣ люди: нѣтъ, думаю, близко; найдутъ, узнаютъ; и дальше съ нимъ бѣгу... Ужъ не помню, какъ назадъ пришла, опять на господскій дворъ; какъ барыня его отъ меня взяла. Ничего не помню... А когда я спросила про него—сказали, что померъ... Долго я потомъ тосковала; укачиваю, бывало, барскихъ дѣтей, пѣсни имъ пою, а сердце такъ и рвется—жалко; а еще погубить хотѣла... Все это мнѣ во снѣ представилось: какъ пьяная я напивалась, какъ разъ на чердакѣ повѣситься хотѣла; всѣ грѣхи... Только вижу вверху, на горѣ, большіе вѣсы стоятъ и около нихъ ангелъ, большой такой, и во всемъ бѣломъ; и сатана—дѣла вѣшаютъ... А за вѣсами ангеловъ—безъ числа; безъ конца ихъ... межь облаковъ. И что ни выше, облака все свѣтлѣй... сіяніе такое... Только боюсь я туда присмотрѣться; знаю, что тамъ Господь... Подхожу я къ вѣсамъ, а сатана суетится, мои грѣхи на чашку наваливаетъ... а ангелъ стоитъ, грустный: видно, что и положить ему нечего. Всплеснула я руками: «Господи! да неужли-жъ за мною никакихъ добрыхъ дѣловъ нѣтъ!...» И припомнилось мнѣ тутъ: подавала я и милостыньку когда—нищему, убогому, страждущему... Разъ даже барскіе сапоги теплые изъ кладовой стащила... Пришелъ зимой — больной, кашляетъ; разутъ, раздѣтъ... Какъ, думаю, не подать: у барина всего этого много. И отдала ихъ этому человѣку, а онъ мнѣ еще сказалъ: «Штобъ твоей душенькѣ на томъ свѣтѣ такъ тепло было, какъ ты моимъ ногамъ сдѣлала»... Да, опять думаю: «Нѣтъ, не буду я этимъ спасена; вѣдь это все барское было—за нихъ и теперь должно итить...» И такъ я пригорюнилась.

— А сатана-то радуется, сатана-то радуется... И вдругъ—протягивается рука и кладетъ на мою пустую чашку бумагу, и сразу она все перетянула, что на другой чашкѣ было наложено...

— И вотъ я все думаю, Домнушка,—что только въ этой бумагѣ было написано?... Можетъ, правда какая?... И есть ли такая бумага на бѣломъ свѣтѣ?... Пойтить, разѣ, у господъ спросить?... Да, нѣтъ; не скажутъ; засмѣютъ только... Не то это за мою службу у нихъ,—што крѣпостной была,—не то еще за что?... Только взялъ тутъ меня ангелъ за руку и отвелъ въ сторону. Скрылись отъ меня вѣсы, за облаками, и вижу я поле; трава на немъ зеленая, росистая; солнце играетъ... И стоитъ тутъ криничка, а около нея древо растетъ, да ужъ такое ли тѣнистое, да развѣсистое... Вокругъ цвѣты разные, и тутъ же столъ стоитъ, бѣлой, какъ снѣгъ, скатертью накрытъ... Лежитъ на немъ хлѣбъ цѣльный и соль. Подошла я къ криничкѣ, нагнулась, а въ ней вода чистая, пречистая, какъ слеза, и небо голубое свѣтится... Гдѣ-то ангелы поютъ... И слышу я голосъ: «Не будешь ты знать ни жажды, ни глада; вѣчно будетъ сыта твоя душенька»...

— Ну, вотъ видишь,—какой сонъ хорошій, а ты все тоскуешь,—замѣтила Домна.—Чево тебѣ еще надо?

— Ничево съ собой не подѣлаю,—произнесла послѣ раздумья старуха, и умиленная улыбка исчезла съ ея лица.—Вѣдь это только сонъ былъ, а отвѣтъ-то Господу надо готовить... Тоскуетъ мое сердце: куда я свою жизнь потратила?... Что я сдѣлала?... А тутъ еще обида эта привязалась ко мнѣ: умирать-то меня, видишь, куда сослали—въ дымъ, въ чадъ, изъ дѣтской-то... Вѣдь всю жизнь ихнему роду служила; померли старые господа, къ сыну ихъ жить перешла, а теперь вотъ ужъ у внука служу, его вынянчила, и дѣтей его: старшіе-то барчуки въ Петербурхѣ учатся; образованные...

— Ты, словно, и на волю не отходила, нянька?

— Пробовала, было. Собралась, и не знаю—куда итить... Пошла, перво-наперво, по святымъ угодникамъ; стала присматриваться—вездѣ люди, вездѣ господа... Я, было, и нанялась за деньги, да и затосковала: и дѣти-то у новыхъ господъ не тѣ, што тутъ остались, и все не то. Что, думаю, искать мертваго отъ живого; и пришла обратно. Съ тѣхъ поръ и никуда... А теперь стара стала; глупой, вишь, стала; не нужна. Вотъ и кровать приказали изъ дѣтской вынести. «Тебѣ, говорятъ, няня, отдохнуть нужно, полежать»... А какой тутъ отдыхъ?... И лежи тутъ одна, умирай... Вотъ и дѣти третій день ко мнѣ не идутъ; знать, не велѣно. Видно, какъ ни служи, а все у господъ чужой останешься...

И старуха опять пригорюнилась, и заученнымъ движеніемъ подперла ладонью правой руки щеку.

Какъ взойду я на высокую гору,
И увижу тамъ гробе мой...

запѣла она безстрастно суровымъ голосомъ.

Ужъ ты гро-о-бе, гробе мой,
Ты предвѣчный доме мой!
А сырая земля—постеля моя...
А каменіи—подушка моя.

— Ну, вотъ, опять завыла; еще лучше нашла,—съ неудовольствіемъ проговорила Домна.—Нянька, а нянька, да замолчи же!

Но та ее не слушала...

Дверь изъ сосѣдней комнаты тихо отворилась, и въ ней показались двѣ русыя головки, съ темными большими глазками. Постоявъ въ нерѣшительности у двери, дѣти не выдержали и бросились къ нянькѣ; обняли ее и сѣли съ ней рядомъ на кровать.

— О чемъ ты все плачешь, няня?—спрашиваютъ дѣвочки, прижимаясь къ ней, и засматривая ей въ глаза.

— Да такъ—ноги болятъ, я и плакала. Вотъ и прошло.

— Ты все скрываешь отъ насъ, няня; скажи намъ.

— Вотъ придетъ весна, уйду я отъ васъ съ полою водой,—задумчиво проговорила старуха.

— Куда, няня?... Зачѣмъ?...

Старуха молчала и чему-то улыбалась... Успокоенная близостью дѣтей, она словно видѣла теперь только ихъ молодую жизнь, а не свою близкую смерть; и эта жизнь въ ея представленіи переходила на жизнь безконечную, загробную... И тотъ часъ, когда она перейдетъ туда, терялся гдѣ-то—не то тутъ, еще въ этой жизни, не то еще гдѣ-то, уже дальше ея.

— Ужъ ноги стали пухнуть,—проговорила она, но уже безо всякой боязни, и опять задумалась...

Молчали и дѣти, смутно чувствуя настроеніе своей няни, и думали—куда это она хочетъ уйти отъ нихъ съ полою водою.

И неслась передъ ними какая-то сказочная даль, уходящая въ прошлое, и та даль, куда собирается уходить ихъ няня... Поднимались какіе-то образы, навѣянные ею, какіе она, въ тихіе часы вечера, рисовала имъ своими разсказами: вотъ онѣ, злыя и добрыя волшебницы, огненныя рѣки, непроходимые лѣса, окіянъ-море, лебеди бѣлые... Вотъ она, живая и мертвая вода, клады и тайны, вѣщій воронъ черный, степь и курганы... А вотъ вырисовались изъ тумана

и три могучихъ русскихъ богатыря на распутьи, надъ горючимъ бѣлымъ камнемъ, задумавшіеся надъ разгадкой: «Куда идти, куда ѣхать»... Одинъ опустилъ копье, другой поднялъ забрало, а тотъ, что посрединѣ, приложилъ руку къ глазамъ и словно всматривается, зорко и пристально, во что-то грядущее впереди... И все это обвѣяно духомъ няньки... И опять встаетъ ихъ дѣтская, освѣщенная неугасимой лампадкой; нянька въ очипкѣ; ея тихій говоръ... Немного темно, жутко и хорошо... Вотъ онѣ, раздѣтыя, въ своихъ бѣлыхъ кроваткахъ, слѣдятъ за темною фигурою няньки, безшумно ступающей по полу...

«Матерь Божья придетъ ночью,—говоритъ нянька, прибирая комнату,—у насъ все хорошо будетъ, все чисто. Соръ никогда не надо на ночь оставлять, а то Матерь Божья придетъ и ножку наколетъ... Ангелы свѣтлые,—слышатъ дѣти уже въ сладкомъ полузабытьѣ,—хранители душъ нашихъ»... И темная фигура няньки опускается въ глубокомъ земномъ поклонѣ передъ образами...

И дѣтямъ безконечно жаль чего-то; жаль таинственнаго полумрака своей дѣтской; жаль темной фигуры въ очипкѣ; жаль няньки, уходящей отъ нихъ съ полою водою.

Е. М. Милицына.

ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЕЦЪ *).

Романъ въ двухъ частяхъ Вильгельма фонъ-Поленца.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XV.

Новый годъ бывалъ прежде для Эриха Крибова самымъ оживленнымъ временемъ: начинались придворныя торжества, визиты, первые балы. Въ этомъ году, напротивъ, мертвая тишина въ занесенномъ снѣгомъ помѣщичьемъ домѣ. Даже въ охотѣ насталъ перерывъ. Въ Новый годъ помѣщикъ сидитъ за письменнымъ столомъ и подводитъ счета.

Для помѣщичьяго обихода наступали многознаменательныя недѣли. Дѣлался подсчетъ кассѣ, подводился балансъ, провѣрялись итоги послѣднихъ лѣтъ. Для многихъ наступало разочарованіе: оказывалось, что вложено денегъ болѣе, чѣмъ извлечено. Въ результатѣ: вытянутыя физіономіи, ропотъ на порядокъ вещей, проклятія труднымъ временамъ.

Годъ выдался плохой, урожай посредственный. Къ тому же сильное пониженіе цѣнъ. Большая часть помѣщиковъ принуждена была еще осенью сбыть хлѣбъ за безцѣнокъ, чтобы раздобыть денегъ. На убойномъ скотѣ также нажили мало, вслѣдствіе паденія цѣнъ на мясо. Шерсть на рынкахъ совсѣмъ не шла съ рукъ, даже молочные продукты не дали большихъ прибылей. Сѣно и солома не пошли въ продажу: вслѣдствіе плохого урожая, ихъ оставили для собственнаго употребленія. Большіе дивиденды дали сахарныя фабрики, но главный директоръ общества потребовалъ добавочныхъ суммъ для расширенія дѣла, такъ что и здѣсь прибыль оказалась значительно урѣзан-

---

*) *Русская Мысль*, кн. III, 1903 г.

ной. Только продажа лошадей ремонтерамъ принесла крупные барыши, но одна эта статья не могла покрыть всѣхъ убытковъ.

Эриху Крибову итогъ этого года принесъ также непріятный сюрпризъ. Раньше онъ не утруждалъ себя счетами; его личное счетоводство отличалось необычайной простотой: когда являлась нужда въ деньгахъ, онъ писалъ Гейльману.

Поэтому у него никогда не было яснаго представленія о состояніи финансовъ. Онъ считалъ себя очень богатымъ человѣкомъ. У него было большое, прекрасное, хорошо управляемое имѣніе. Можно ли себѣ представить лучшее обезпеченіе, чѣмъ земельная собственность. Всѣ другія цѣнности могутъ пролетѣть: дома горятъ, бумаги падаютъ, суда тонутъ, рудники истощаются; земли же у человѣка никто не можетъ отнять. Никакія силы земныя не прогонятъ его изъ Грабенхагена. Имѣніе родовое, кому вздумается оспаривать у единственнаго наслѣдника по старшей линіи его права на наслѣдство?

Съ такимъ убѣжденіемъ вступилъ Крибовъ въ бракъ. Онъ гордился, что не нуждается въ приданомъ. Ему не было надобности, подобно многимъ знакомымъ, осложнять себѣ существованіе вопросомъ о выгодной женитьбѣ.

Впервые мысль о томъ, что не все обстоитъ такъ благополучно, какъ онъ воображалъ, запала ему, когда пришлось подводить итоги холостой жизни въ Берлинѣ. Надо было уплатить кой-какія старыя обязательства; сумму, которая на этотъ разъ потребовалась, Гейльманъ не могъ раздобыть такъ быстро, какъ обыкновенно. Молодому помѣщику казалось смѣшно, что изъ-за какихъ-то пустяшныхъ тридцати тысячъ марокъ могутъ встрѣтиться затрудненія.

Денегъ однако добыли, а положеніе жениха помогло забыть встрѣтившееся затрудненіе.

Въ числѣ массы добрыхъ намѣреній, преисполнявшихъ молодого человѣка, было также желаніе остепениться и стать практичнымъ.

Цѣлый годъ изучалъ онъ сельское хозяйство, значитъ, нельзя было ждать неудачи! Онъ намѣревался увеличить доходность имѣнія, по возможности даже удвоить. Конечно, хозяйство потребуетъ нѣкоторыхъ усовершенствованій, но они-то и дадутъ доходъ.

Управляющій по-своему смотрѣлъ на вводимыя помѣщикомъ реформы. Онъ предсказывалъ близкую гибель хозяйства. Но Крибовъ приписывалъ его предсказанія и вѣчную воркотню природному пессимизму: «извѣстно, Гейльманъ все видитъ въ мрачномъ свѣтѣ».

Въ концѣ осени управляющій по обыкновенію подвелъ итоги протекшаго года, составилъ смѣту на слѣдующій, различные проекты, между прочимъ, проектъ улучшенія финансоваго положенія. Въ ре-

зультатѣ получилось необъятное количество бумагъ и документовъ. Помѣщику при одномъ видѣ безконечныхъ рубрикъ и столбцовъ цифръ стало жутко. И онъ откладывалъ съ недѣли на недѣлю скучную работу.

Но рано или поздно надо было приняться за дѣло; онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и засѣлъ за сухую матерію.

Однако, по мѣрѣ того, какъ ему уяснялась связь, усиливался и интересъ къ дѣлу. Крибовъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что имѣетъ дѣло съ строго обдуманной и серьезно обоснованной системой, гдѣ одна статья провѣрялась другою, одно колесо сцѣплялось съ другимъ, точно въ хорошо налаженномъ часовомъ механизмѣ. И мало-по-малу передъ нимъ возникла полная картина хозяйства.

Наибольшій интересъ представлялъ для Крибова финансовый вопросъ. Онъ просмотрѣлъ приходъ и расходъ, вычислилъ, сколько приблизительно останется на его личные и семейные расходы.

Получилась совсѣмъ ничтожная сумма. Какъ? Жить на такія крохи! Въ Берлинѣ лейтенантомъ онъ проживалъ втрое больше, а тогда онъ не былъ женатъ. Нѣтъ, это невозможно! Что, въ самомъ дѣлѣ, воображаетъ Гейльманъ.

Крибовъ пригласилъ къ себѣ управляющаго и объявилъ, что не можетъ принять его смѣты. Доходы съ Грабенхагена должны быть больше.

Гейльманъ пожалъ плечами и саркастически замѣтилъ: ему самому было бы пріятнѣе, чтобы господинъ былъ правъ, но, къ сожалѣнію, счета его вѣрны.

Тогда они начали разсматривать отдѣльныя статьи: доходы съ полей, съ убойнаго скота, мелкой скотины, лошадей, свекловицы, въ итогѣ получалась очень внушительная цифра. Но что стояло противъ нея въ расходѣ? Плата и содержаніе рабочихъ, искусственное удобреніе, сѣмена, кормъ скоту. Затѣмъ страховыя, подати и, наконецъ, проценты.

Гейльманъ настаивалъ, что въ расходахъ сократить нечего, онъ еще ничего не поставилъ на случай непредвидѣнныхъ несчастій. Значитъ избытокъ, который кажется господину такимъ ничтожнымъ, можетъ получиться только при благопріятныхъ условіяхъ.

Когда Крибовъ продолжалъ настаивать на неправильности смѣты, управляющій принесъ еще письменныя доказательства: дневники, разсчетныя книжки, кассовую книгу, инвентарь и всѣ записи, какія только могутъ существовать въ большомъ хозяйствѣ. Пусть господинъ самъ все провѣритъ, тогда можетъ быть онъ убѣдится, что требуетъ невозможнаго. Откуда взять то, чего нѣтъ? Расходы не подле-

жать сомнѣнію, а доходы очень сомнительны. Какъ покупателей, насъ будутъ торопить съ расплатой, какъ продавцовъ—прижимать съ цѣнами. Колдовать онъ не умѣетъ! Какъ получать большіе доходы при неблагопріятномъ положеніи дѣлъ?

Послѣ разговора съ управляющимъ Крибовъ снова взялся за книги. Ему не хотѣлось разставаться съ розовыми мечтами. Онъ рѣшилъ основательно познакомиться съ дѣломъ.

До глубокой ночи сидѣлъ теперь помѣщикъ за письменнымъ столомъ, едва находя время для ѣды и сна.

Настроеніе духа становилось все мрачнѣе и мрачнѣе. Дѣло не принимало другого оборота, несмотря ни на какіе счеты.

Наконецъ, онъ сравнилъ свои личные счеты со счетами имѣнія, тогда обнаружилось колоссальное несоотвѣтствіе. Расходъ далеко превышалъ приходъ. Уже много лѣтъ проживался капиталъ.

Тяжелое открытіе. Что осталось отъ широкой жизни въ Берлинѣ? Что пріобрѣлъ онъ на колоссальныя суммы, выброшенныя тамъ за окно? Ничего, ровно ничего! Ни одна живая душа не вспомнитъ о немъ съ благодарностью.

Въ свѣтѣ его считали богатымъ, потому что онъ жилъ какъ богачъ. Ему даже завидовали!

Многіе смотрѣли на него какъ на своего кормильца. Всѣ дворовые, семейства рабочихъ, которымъ онъ давалъ заработокъ. Можно ли урѣзывать въ этомъ направленіи?

А родственники? Одна вѣтвь семьи Крибовыхъ обѣднѣла и жила въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Они привыкли смотрѣть на Грабенхагенъ, какъ на послѣднее прибѣжище. Владѣлецъ Грабенхагена всегда считался главою рода.

Одинъ изъ этихъ родственниковъ, кузенъ Адальбертъ Морицъ, жилъ въ Берлинѣ. Ему приходилось службой зарабатывать кусокъ хлѣба. Единственную его гордость составляло сознаніе, что онъ принадлежитъ къ роду Крибовыхъ.

Невольно вспомнился Эриху Адальбертъ Морицъ. Сколько въ немъ благородства? Онъ геройски стоитъ за свой родъ, несмотря ни на какія невзгоды.

Но тяжеле всего была мысль о Клерхенъ. До сихъ поръ онъ говорилъ о средствахъ только мимоходомъ. Образомъ жизни и отношеніемъ къ деньгамъ онъ создалъ у нея увѣренность, что они вполнѣ обезпечены. Онъ радовался, что ей не придется экономить. Ему хотѣлось, чтобы жена ни въ чемъ себѣ не отказывала. Все вокругъ нея должно быть изящно, удобно и изыскано.

И вдругъ теперь сказать ей: я ошибся, я не богатый человѣкъ, какимъ ты меня считала.

Въ настоящее время онъ менѣе всего былъ расположенъ дѣлать признанія. Послѣдствія размолвки въ рождественскій сочельникъ еще не изгладились, супруги не примирились.

Клара видѣла, что Эрихъ озабоченъ. Она скоро доискалась, что его угнетаетъ. Онъ постоянно сидѣлъ за книгами и счетами. По сердитому лицу послѣ каждаго посѣщенія Гейльмана можно было догадаться, что не все обстоитъ благополучно. Заботы о благахъ земныхъ наименѣе безпокоили Клару. Послѣднее, о чемъ она думала, выходя замужъ, богатъ или бѣденъ человѣкъ, которому она отдаетъ свою руку.

Ей было пріятно, что Эрихъ, будучи женихомъ, избавилъ ее отъ разговоровъ о состояніи; она была ему благодарна, считая это доказательствомъ искренности его чувства.

Но теперь другое дѣло. Какъ жена, Клара хотѣла раздѣлять его заботы. Со свойственнымъ ей чутьемъ, она отчасти догадывалась, что онъ живетъ не по средствамъ и старалась, по возможности, сократить хозяйственные расходы. Но она не знала въ точности, сколько можно проживать со спокойной совѣстью. Необходимо выяснить этотъ вопросъ съ Эрихомъ.

Клара сознавала, что отчужденіе послѣдняго времени становилось невыносимо. Мужъ и жена жили врозь. Точно у нихъ нѣтъ ничего общаго: не о чемъ говорить, нечѣмъ подѣлиться. За обѣдомъ оба сидѣли чинно, навытяжку; Эрихъ отъ времени до времени произносилъ незначащія слова, чтобы Круке не догадался о ссорѣ господъ и не разнесъ объ этомъ сплетенъ. Главнаго недоразумѣнія ни тотъ, ни другой не хотѣли касаться изъ упрямства, точно злорадно наслаждаясь своей неуступчивостью. Въ глубинѣ души каждый пламенно желалъ примиренія. Эрихъ съ страстнымъ нетерпѣніемъ ждалъ ничтожнаго признака уступчивости со стороны жены; ему надоѣло одиночество; онъ, какъ женихъ, ждалъ момента, когда она придетъ къ нему. Клара видѣла въ такомъ положеніи дѣлъ глупую, недостойную ихъ обоихъ комедію и порѣшила положить ей конецъ.

По вечерамъ они сидѣли врозь: онъ въ своей комнатѣ, она въ своей и въ разное время шли спать. Сегодня Клара позднимъ вечеромъ вошла къ мужу. Эрихъ сидѣлъ у камина, погруженный въ думы, и сначала не замѣтилъ ея. Онъ только что съ горечью дѣлалъ сравненіе между прежними и настоящими вечерами. Пойдетъ ли когда-нибудь все попрежнему?

На него напало отчаяніе; теперь именно Клерхенъ такъ нужна ему, такъ нужна! И мысли снова вернулись къ предмету, мучившему его послѣднее время: къ вопросу о матеріальномъ положеніи.

Въ эту минуту легкая рука легла ему на голову. Крикъ искренней радости вырвался изъ груди молодого человѣка; когда, оглянувшись, онъ увидѣлъ Клерхенъ, глаза ея говорили, что все пойдетъ попрежнему.

Они не объяснялись, не просили извиненія; имъ было все равно, кто оказался правъ и кто не правъ.

Въ этотъ моментъ все было забыто.

Когда прошелъ первый порывъ нѣжности, Клара принесла стулъ и сѣла возлѣ мужа. Онъ понялъ, что она хочетъ спокойно поговорить съ нимъ.

Клара облегчила ему признаніе. Она явилась не судьей, а другомъ, товарищемъ, который хочетъ раздѣлить заботы.

Сколько въ ней нѣжности; онъ не заслужилъ такого отношенія. Давно слѣдовало поговорить съ женой, прибѣгнуть къ ея помощи. Тогда многое устроилось бы гораздо лучше.

А какъ она мужественна и великодушна! Она вовсе не испугалась, когда онъ изложилъ ей настоящее положеніе дѣла. Повидимому, ее совсѣмъ не безпокоило, что отъ этого ей придется страдать.

Эрихъ со стыдомъ долженъ былъ сознаться, что не зналъ цѣны своей женѣ. Въ каждомъ дѣлѣ она умѣла найти существенное и оставить въ сторонѣ мелочи.

Говоря съ ней, онъ все болѣе уяснялъ себѣ, что надо дѣлать; онъ чувствовалъ, какъ крѣпла рѣшимость вступить на настоящій путь.

Нужно сократить расходы; въ сельскомъ хозяйствѣ порѣшили ничего не урѣзывать, потому что всякое улучшеніе влечетъ за собой приростъ дохода; надо сузить свои личныя потребности и привычки.

Разсмотрѣли основательно расходы по дому. Эрихъ всегда относился нѣсколько небрежно къ такимъ пустякамъ и не разъ подтруниваль надъ экономіей Клары; но теперь ему пришлось сознаться, что есть нѣкоторая разница, когда все идетъ безъ мѣры или съ хозяйственнымъ разсчетомъ.

Клара заявила, что обойдется съ половиною того, что онъ отпускалъ на хозяйство. Но онъ этого и слышать не хотѣлъ. Лучше продать пару лошадей, курить худшія сигары, пить посредственное вино, чѣмъ сокращать ея расходы! На что ему такая масса газетъ? Газеты спорта совсѣмъ не нужны. Членскій взносъ въ клубѣ,—также брошенныя деньги! Можно сократить расходы на охоту, верховую ѣзду и костюмы. Надо съэкономить нѣсколько тысячъ въ годъ.

Клару трогало, съ какимъ рвеніемъ принялся Эрихъ за осуществленіе реформъ. Онъ безъ сожалѣнія урѣзывалъ себя: отказывался отъ самыхъ любимыхъ привычекъ. Только она могла оцѣнить, какую онъ приноситъ жертву. Эти лишенія требовали силы воли, и она не удерживала его.

Въ эту ночь матеріалъ для разговора у молодыхъ супруговъ не изсякалъ. Они перешли, наконецъ, въ спальню и потушили огонь. Отъ времени до времени наставала тишина,—только вѣтеръ порывисто шумѣлъ вокругъ стараго дома,—но сонъ не являлся. Снова то одинъ, то другой принимались разговаривать. Супруги точно старались воспользоваться счастливой минутой, которая сблизила ихъ больше прежняго.

Эрихъ испугался смѣлости собственныхъ помысловъ, когда ему пришло въ голову воспользоваться благопріятнымъ настроеніемъ для откровеннаго признанія.

Надо, наконецъ, рѣшиться! Должна же она когда-нибудь узнать всю его жизнь. Лучшаго момента для ознакомленія ея съ темными сторонами его жизни трудно ожидать.

Въ безпокойствѣ метался онъ изъ стороны въ сторону: рѣшаться или нѣтъ? Или отложить, какъ онъ уже не разъ дѣлалъ? Жаль нарушать такимъ образомъ гармонію настоящей минуты. Только что примирились и опять ставить миръ на карту.

Но его тянуло заговорить. Тайна бременемъ лежала на сердцѣ. Можно ли, горячо любя человѣка, обманывать его. Въ данномъ случаѣ молчать, значило обманывать.

Его честь требовала объясненія. Находиться вѣчно подъ страхомъ, что случай выдастъ тайну. И что тогда сказать, какъ оправдаться? Постоянное сознаніе преступности стало почти невыносимо!

Оставалось только собраться съ духомъ и разсказать женѣ все.

Но какъ начать? Нельзя же заговорить такъ, здорово живешь. Между тѣмъ всякое вступленіе придаетъ дѣлу слишкомъ торжественную окраску. Если бы Клерхенъ спросила, дала бы малѣйшій поводъ къ чему прицѣпиться. Но ничего подобнаго съ ея стороны нельзя было ждать. Эрихъ прекрасно зналъ, какой ужасъ, какое глубокое инстинктивное отвращеніе чувствовала она ко всякой грязи и двусмысленности.

Темнота придала ему рѣшимость сдѣлать то, на что онъ не рѣшался при дневномъ свѣтѣ. Онъ крѣпко прижалъ къ себѣ жену, плотно приложилъ губы къ ея уху и прошепталъ: «Я долженъ сдѣлать тебѣ признаніе».

Она сразу поняла, что дѣло идетъ о чемъ-то незаурядномъ. Серд-

це забилось сильнѣе, дыханіе стало порывистѣе; она догадалась, о чемъ будетъ рѣчь.

Ея испугъ отнялъ у него увѣренность. Ему снова показалось, что лучше подготовить ее исподволь; онъ началъ подробно разсказывать о своей берлинской жизни; упомянулъ, что въ качествѣ холостяка дѣлалъ многое, о чемъ теперь сожалѣетъ.

Но она не позволила продолжать, зажала ему рукой ротъ и прошептала: «Молчи, молчи, я не хочу ничего слышать!»

Ради ихъ любви просила она никогда не заговаривать о такихъ вещахъ. Она не въ состояніи выслушивать такого рода признанія.

На нее напала лихорадка. Онъ чувствовалъ, что она вся дрожитъ. Крибовъ въ смущеніи замолчалъ. Какъ нервно относится Клара къ попыткамъ подобнаго рода. Чтò бы она сказала, узнавъ истину?

Его берлинская связь была въ сущности пустякомъ. Но другая, другая лежала бременемъ на его совѣсти.

Что же, отступить послѣ неудачной попытки? Или принудить ее выслушать? Вѣдь онъ съ своей стороны сдѣлалъ все! Если современемъ что - нибудь выплыветъ на свѣтъ Божій, онъ можетъ сказать въ свое оправданіе: «Ты сама не хотѣла меня слушать».

Нѣтъ, молчаніе было бы трусостью; особенно въ тотъ моментъ, когда онъ рѣшилъ говорить. Если нельзя иначе, надо заставить ее выслушать.

Трудно начать: всѣ слова кажутся слишкомъ грубыми. Чувство не позволяло облечь такого рода предметъ въ обычныя, простыя, удобопонятныя слова. Начать съ Іохена Тулевейта? Клара интересовалась старикомъ. Еще недавно она спрашивала о немъ. Или лучше начать съ мальчика? Нѣтъ, его лучше приберечь къ концу, потому что это самый тяжелый ударъ, поразившій всего сильнѣе его самого.

Надо начать съ чего-нибудь другого; съ чего-нибудь, что могло бы оправдать его поступокъ. Онъ рѣшился нарисовать ей живую картину случившагося совершенно просто, ясно, какъ было. Есть же обстоятельства, смягчающія его вину.

И вотъ Эрихъ началъ исповѣдь. Онъ говорилъ поспѣшно, боясь, чтобы она не остановила. На этотъ разъ Клара дала ему высказаться.

Затаивъ дыханіе, неподвижно, точно оцѣпенѣлая, слушала она его разсказъ. Щеки пылали, но Эрихъ чувствовалъ, какъ коченѣли ея конечности. Онъ съ безпокойствомъ спросилъ, чтò съ ней. Хриплымъ, не своимъ голосомъ Клара просила продолжать.

Когда онъ кончилъ, оба довольно долго молчали. Мучительныя минуты! Боязливо ожидалъ онъ какого-либо проявленія съ ея сто-

роны. Она освободилась отъ его объятій. Что это—выраженіе враждебныхъ чувствъ? Онъ ей страшенъ, противенъ?

Какъ глупо было разсказывать ей всю эту исторію! Что творится теперь въ ея душѣ? Онъ навсегда уронилъ себя въ ея глазахъ! Глупецъ, глупецъ!

Или это ревность? Возможно. Онъ чувствовалъ, какъ она вздрогнула при словѣ «ребенокъ». О немъ-то надо было, по крайней мѣрѣ, промолчать; все остальное можно было разсказать, а о немъ промолчать!

Такъ боязливо прислушиваясь, перебиралъ Эрихъ въ умѣ всевозможныя предположенія относительно настроенія Клары. Хоть бы заговорила! Пусть будутъ упреки и жалобы, онъ все готовъ снести. Только бы не молчаніе, которое не знаешь, какъ объяснить.

Наконецъ, послышалось всхлипываніе. Она плакала. Клара, такъ хорошо владѣвшая собой, плакала!

Слезамъ не было конца. Страшную пытку пришлось пережить Эриху, прислушиваясь къ отчаяннымъ рыданіямъ жены.

Онъ въ темнотѣ гладилъ ее, называлъ самыми нѣжными именами. Она лежала, уткнувшись лицомъ въ подушки, и всѣ его попытки привлечь ея вниманіе оставались тщетными.

Вдругъ, точно принявъ твердое рѣшеніе, Клара сѣла, перестала плакать и заговорила.

Прежде всего она спросила, что сталось съ дѣвушкой?

Эрихъ мало зналъ о настоящей жизни Греты. Она вышла замужъ и уѣхала съ мужемъ и дѣтьми въ другое мѣсто. Больше онъ ничего не могъ сказать. Ребенокъ остался у дѣдушки съ бабушкой.

Снова молчаніе. Точно нужно было время, чтобы пережить слышанное. Эрихъ съ чувствомъ подсудимаго ждалъ новыхъ вопросовъ.

Глубокій вздохъ! Такого вздоха онъ еще никогда не слыхалъ отъ Клары.

Потомъ, заикаясь и прерывая рѣчь, изъ чего видно было, какъ дорого стоилъ ей вопросъ, она вымолвила:

— Ребенокъ—мальчикъ или дѣвочка?

Когда Эрихъ отвѣтилъ, снова наступило продолжительное молчаніе.

Она погрузилась, повидимому, въ размышленіе. Несмотря на темноту, Эрихъ могъ различить на просвѣтѣ окна ея силуэтъ. Она сидѣла, обхвативъ руками колѣни, неподвижно, склонивъ голову. О чемъ она думала? Какіе строила планы?

Вдругъ Клара заговорила своимъ прежнимъ голосомъ: она просила разсказать ей о мальчикѣ.

Вотъ, что ее интересовало! Ему казалось неприличнымъ говорить съ женой о такомъ ребенкѣ. Онъ коротко отвѣтилъ, что мальчику хорошо живется у стариковъ.

Неужели Эрихъ самъ совершенно не заботился о воспитаніи ребенка?—спросила Клара. Объ этомъ онъ совсѣмъ не думалъ и избѣгалъ даже встрѣчи съ ребенкомъ, что вполнѣ естественно!

Ему хотѣлось, какъ можно скорѣе, прекратить непріятный разговоръ. Однако, Клара замѣтила, что онъ виляетъ. Разъ рѣшившись коснуться непріятнаго вопроса, она хотѣла его исчерпать. Въ концѣ-концовъ ей удалось узнать отъ мужа все, что она считала нужнымъ.

Клару, повидимому, огорчило то, что она узнала. Все готова бы она простить, но какъ можно совсѣмъ не позаботиться объ участи дѣвушки, которую сдѣлалъ несчастной, хуже того, отречься отъ собственнаго ребенка; это для нея вполнѣ непостижимо.

Эриха изумляло, что жена становится на сторону дѣвушки и ребенка! Онъ ожидалъ упрековъ совсѣмъ съ другой стороны.

Крибовъ старался оправдать свое поведеніе:

— Понятно, я съ удовольствіемъ взялъ бы на себя все, что въ этихъ случахъ предписываетъ законъ, и даже больше того! Но добиться чего-нибудь было очень трудно. Съ людьми подобными Тулевейтамъ невозможно придти къ соглашенію.

Онъ умолчалъ, что предоставилъ другимъ распутывать послѣдствія своего поступка, и какъ тѣ дѣйствовали. Ему стыдно было сознаться: слишкомъ позорно велъ онъ себя.

— Я еще недавно пробовалъ исправить бѣду; не моя вина, что изъ попытки примириться ничего не вышло

Эрихъ разсказалъ Кларѣ о томъ, что пережилъ недавно на «Старостиномъ дворѣ». Онъ вкратцѣ передалъ сцену съ Тулевейтомъ; ему непріятно было вспоминать о ней; кровь бросилась въ лицо, когда онъ вспомнилъ о нанесенномъ ему тамъ оскорбленіи.

— Я считаю это дѣло поконченнымъ,—сказалъ онъ съ дрожью въ голосѣ.—Я сдѣлалъ первые шаги къ примиренію; идти дальше мнѣ запрещаетъ честь. Я протянулъ руку, ее отвергли, меня оскорбили; мнѣ остается только повернуть спину и забыть случившееся. Мы находимся въ неловкомъ положеніи по отношенію къ такого рода людямъ; съ равными себѣ я бы стрѣлялся. А какія у меня средства удержать въ границахъ крестьянина Тулевейта?

До сихъ поръ Клара слушала молча, но здѣсь вступилась и объявила, что онъ совершенно искажаетъ положеніе дѣла. Обиженъ старикъ Тулевейтъ, а не Эрихъ. Что значитъ его обида въ сравне-

нія съ безчестіемъ дѣвушки. Посѣщеніе стариковъ—наименьшее, что онъ могъ сдѣлать. Но вѣдь оно не поправило дѣла? Примиренія не послѣдовало?

Слова ея звучали рѣзко. Эрихъ никогда не слыхалъ отъ нея такого сухого, суроваго тона. Откуда взялась такая строгость?

— Что, по ея мнѣнію, слѣдовало ему дѣлать? Можетъ быть, она желаетъ, чтобы онъ еще разъ пошелъ на «Старостинъ дворъ» и далъ возможность старику Тулевейту воспользоваться своими правами хозяина?—спросилъ съ горечью Эрихъ.

Ея упреки задѣли его за живое. Онъ готовъ былъ все допустить, кромѣ вмѣшательства жены въ вопросы чести. Она можетъ быть вдвое умнѣе и обладать тонкимъ чутьемъ, но тутъ она ничего не понимаетъ. Ей даже трудно объяснить, что въ данномъ случаѣ предписываетъ ему честь; вѣдь она—женщина!

Здѣсь онъ наткнулся на то же самое, изъ-за чего они поссорились въ вопросѣ о Дюртенъ и Францѣ. Они не могли понять другъ друга; ихъ воззрѣнія были діаметрально противоположны. Когда они говорили о серьезныхъ вещахъ, какъ сегодня, то всегда доходили до извѣстнаго пункта, гдѣ наступало полное непониманіе. Что же это такое? Вѣдь они любятъ другъ друга! Возможно ли, чтобы мужъ и жена до такой степени расходились въ основныхъ воззрѣніяхъ? Можетъ ли быть что-нибудь важнѣе чести. Для Эриха выше чести не было ничего на землѣ.

Клара также чувствовала несогласіе во взглядахъ и чувствовала съ большею горечью, чѣмъ Эрихъ. Она снова убѣдилась, что онъ совершенно равнодушенъ къ тому, что она считаетъ самымъ существеннымъ. Онъ легко проходитъ мимо того, что глубоко потрясаетъ ея нравственное чувство. Она ясно поняла изъ словъ мужа, что ему непріятны только послѣдствія поступка.

Да, они совершенно чужды другъ другу! Такъ чужды, что изъ отчужденія можетъ вырасти вражда, если они не найдутъ путей къ сближенію.

Молодая женщина вдругъ очутилась передъ пропастью, которая со временъ Адама и Евы зіяетъ между мужчиной и женщиной; впервые стояла она передъ ней съ открытыми глазами.

Помочь могло одно: взяться за дѣло самой.

Она должна дѣйствовать. Побороть отвращеніе къ грязи, броситься въ мутный потокъ, внушавшій ей страхъ. Жизнь точно старается закалить ее, ставя лицомъ къ лицу съ противными ея природѣ вопросами!

Отъ нея требуютъ жертвы. Проступокъ, совершонный Эрихомъ за много лѣтъ до ихъ знакомства и оставшійся не искупленнымъ она должна искупить. Въ этомъ ея ближайшій долгъ.

XVI.

Мальтіецъ Пантенъ пригласилъ сосѣдей къ себѣ на охоту. Пантенъ не заботился о сохраненіи дичи: это было ему не по карману. Кромѣ того Лангендамъ принадлежалъ къ числу благословенныхъ мѣстъ, гдѣ вопреки старанью дичь прибывала сама собою. На границѣ имѣнія, вдоль владѣній графа Витена, тянулась узенькая полоска лѣса, болотистая, поросшая камышомъ и хвойной зарослью, съ сырыми луговинками—наилучшее прибѣжище для дичи. Сюда отправлялся старикъ Ганнигъ, фактотумъ Мальтійца, когда надо было къ столу жареное. Ему было приказано не очень придерживаться установленныхъ для охоты закономъ сроковъ. Военные нимвроды при случаѣ также заглядывали сюда, и Мальтіецъ разрѣшалъ имъ бить своихъ козъ и отдавалъ стрѣлкамъ рога, подъ условіемъ, чтобы мясо исправно доставлялось къ нему на кухню.

Въ прежніе годы случались порой и охотничьи конфликты. За Пантеномъ была слава, что онъ всякаго звѣря, убитаго въ окрестности, считалъ уроженцемъ своего парка. Одинъ изъ сосѣдей, теперь уже умершій, не всегда строго держался границы во время охоты. Майоръ Пантенъ давно подкарауливалъ его, но до сихъ поръ не могъ поймать.

Однажды вечеромъ Мальтіецъ услыхалъ выстрѣлъ, какъ ему показалось, въ его владѣніяхъ. Онъ пошелъ по направленію звука и накрылъ сосѣда съ большой серной. Невдалекѣ стоялъ экипажъ. Мальтіецъ, не говоря ни слова, прицѣлился и мѣткимъ выстрѣломъ въ голову убилъ лошадь наповалъ.

Сосѣдъ нигдѣ не похвастался этимъ приключеніемъ и никогда больше не переходилъ границы Лангендама.

На этотъ разъ приглашали охотиться въ поляхъ. Великое событіе для Лангендама! Изъ Берлина выписали закуски, вина, шампанское, ликеры. Кари, какъ единственная дама, должна была принимать гостей.

По приготовленіямъ къ этому торжеству трудно было судить о тяжелыхъ обстоятельствахъ, о которыхъ Мальтіецъ трубилъ всѣмъ и каждому.

Финансовое положеніе семьи Пантеновъ представлялось для многихъ загадкой. Всѣмъ было извѣстно, что, когда майоръ Пантенъ оставилъ военную службу и занялся имѣніемъ, у него ничего не

было, кромѣ долговъ, а теперь оба сына служатъ въ кавалеріи, Ванда вышла замужъ за небогатаго человѣка, а жизнь Миры и Ульриха въ Берлинѣ поглощаетъ колоссальныя суммы. Откуда же все берется?

Надо правду сказать, Мальтіецъ былъ ревностнымъ хозяиномъ. Въ пять часовъ утра онъ уже садился на лошадь и объѣзжалъ свои обширныя владѣнія. Онъ не держалъ управляющаго. Наемъ рабочихъ, присмотръ за полевыми работами, расплаты — все производилъ самъ.

Не было работы, которой онъ не сумѣлъ бы выполнить. Если ему казалось, что рабочій неправильно ѣдетъ, майоръ выталкивалъ его изъ сѣдла и показывалъ, какъ слѣдуетъ ѣздить.

Майоръ Пантенъ не сѣялъ хлѣба на продажу, экономя на рабочихъ и сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ. Искусственнаго удобренія его поля и не видывали. Молочнаго скота онъ держалъ мало. Мальтіецъ утверждалъ, что цѣны на молоко и масло гораздо ниже, чѣмъ обходится кормъ и уходъ за скотомъ. Онъ откармливалъ скотину на убой, скорѣй получая такимъ образомъ деньги. Овецъ, наоборотъ, у него было много. Коннозаводство давало прибыль. Землю онъ засѣвалъ клеверомъ и кормовыми травами или оставлялъ подъ паромъ; незначительная часть засѣвалась хлѣбомъ.

За послѣдніе годы сильно развилась культура свекловицы, но Пантенъ не поддался общему увлеченію. Онъ не хотѣлъ, по его выраженію, заражаться «модной сахарной горячкой». Мальтіецъ любилъ пророчествовать.

И тогда онъ предсказывалъ: «Сельскіе хозяева, разводящіе свекловицу, черезъ нѣсколько лѣтъ будутъ глодать побѣги».

Хотя сахарная фабрика, основанная товариществомъ помѣщиковъ, съ каждымъ годомъ увеличивалась и давала все большіе дивиденды, Мальтіецъ продолжалъ стоять на своемъ—сознаваться въ ошибкахъ онъ не любилъ — но втихомолку сталъ подумывать, не развести ли у себя свекловицу. Затрудненіе состояло въ томъ, что требовалось много рабочихъ рукъ, а Мальтіецъ держался принципа, обходиться съ небольшимъ количествомъ рабочихъ.

Такъ же своеобразно, какъ и все хозяйство, было его отношеніе къ рабочимъ. Мальтіецъ съ гордостью утверждалъ, что Лангендамъ— единственное имѣніе въ округѣ, гдѣ сохранились патріархальныя отношенія между помѣщиками и рабочими. Въ дѣйствительности «патріархальное отношеніе» состояло въ томъ, что брань и проклятія, составляющія обыкновенно привилегію ревностныхъ управляющихъ, онъ взялъ на себя. Въ довершеніе «патріархальности» онъ не забывалъ и хлыста. «Добрыя старыя времена», о которыхъ Маль-

тіецъ говорилъ съ большой теплотой, дѣйствительно царили въ его имѣніи, такъ какъ никто не помнилъ, чтобы тамъ когда-нибудь починялись постройки. Крыши избъ грозили рухнуть вслѣдствіе старческой слабости. Мальтіецъ былъ сторонникомъ военной дисциплины; оборотная сторона его строгости состояла въ томъ, что внѣ служебныхъ обязанностей онъ распускалъ людей. Въ нравственномъ отношеніи рабочіе Лангендама пользовались самой плохой репутаціей въ окрестности. Не удивительно, что у майора происходила постоянная смѣна рабочихъ. У него выдерживали только самые закаленные.

По внѣшнему виду хозяйство шло гладко. Благодаря собственному участію, личному надзору и вмѣшательству, Пантену удавалось съ небольшимъ числомъ батраковъ достигнуть того, чего другіе менѣе дѣятельные и аккуратные хозяева достигали съ помощью большого количества дорого оплачиваемыхъ рабочихъ.

Его хозяйственная система отличалась однимъ преимуществомъ, которое въ глазахъ многихъ покрывало всѣ ея недостатки—дешевизной. Искусство дешево нанимать рабочихъ возбуждало изумленіе. Мальтіецъ слылъ практичнымъ хозяиномъ. Кромѣ того, онъ принадлежалъ къ числу людей, которые настойчиво и во всеуслышаніе восхваляютъ себя и свою дѣятельность, такъ что слушатели, оглушенные громомъ его словъ, наконецъ, начинаютъ имъ вѣрить.

Лангендаму недоставало хозяйки. Госпожа Пантенъ была энергичная женщина. Въ домѣ, во дворѣ и въ семьѣ поддерживала всегда строгій порядокъ. Къ числу ея заслугъ надо отнести перерожденіе пламеннаго Мальтійца въ солиднаго человѣка. Укротить его вполнѣ ей не удалось; но она достигла, по крайней мѣрѣ, того, что онъ бросилъ азартную игру и сталъ умѣреннѣе пить. Его обычное многословіе и широкій размахъ передъ женой совсѣмъ не проявлялись. Ей удалось также внести нѣкоторый порядокъ въ его денежныя дѣла.

Жена умерла слишкомъ рано: она была еще нужна мужу и дѣтямъ. Ульриха только что произвели въ офицеры, Ванда незадолго передъ тѣмъ вышла замужъ за Рентеля, младшій сынъ учился въ кадетскомъ корпусѣ, а Кари была шаловливымъ подросткомъ, которому необходима была материнская забота.

Лучше всего было бы отдать Кари въ пансіонъ или взять для нея воспитательницу въ домъ, но майоръ и слышать не хотѣлъ о новыхъ затратахъ. Образованіе считалъ онъ чѣмъ-то излишнимъ. Мысль истратить на воспитаніе дѣтей больше самаго необходимаго представлялась ему непозволительной глупостью.

Такъ и росла Кари въ Лангендамѣ подъ надзоромъ отца, который могъ быть всѣмъ, чѣмъ угодно, только не воспитателемъ молодой дѣ-

вушки. Училъ ее сельскій учитель, человѣкъ старой школы, знавшій самъ не особенно много. Въ Лангендамѣ не было церкви; онъ былъ приписанъ къ Эрнстгофу, пасторъ котораго и конфирмовалъ Кари.

Знакомство съ людьми и свѣтомъ дѣвушка почерпала изъ листковъ спорта и сельско-хозяйственныхъ газетъ, которыя получались майоромъ. Объ обществѣ она получала по временамъ свѣдѣнія отъ брата, который, между прочимъ, женился и пріѣзжалъ на время отпуска съ женою изъ Берлина въ Лангендамъ. Мира была идеаломъ Кари. Молодая дѣвушка до самозабвенія привязалась къ красивой, изящной belle soeur. Мира задавала тонъ въ Лангендамѣ.

Жизнь Кари была бы совершенно безсодержательной, если бы не близость деревни. Кумовство и сплетни бабъ, общеніе съ дѣвушками, бывшими раньше подругами, наполняли жизнь Кари. Она прекрасно ладила съ крестьянками, которыя выкладывали ей всѣ свои горести и радости. Нерѣдко своимъ добродушіемъ Кари сглаживала безтактности отца.

Такимъ путемъ пріобрѣла она житейскій опытъ и правильный взглядъ на вещи, что дѣвушкѣ въ ея положеніи далеко не всегда удается. Хотя Кари приходилось иной разъ слышать и видѣть на конюшняхъ, въ людскихъ и избахъ многое совсѣмъ не подходящее для молодой дѣвушки, но женскій тактъ и природное цѣломудріе охраняли ее отъ бѣды. Плохія сѣмена попадали на неблагопріятную почву: у Кари была натура достаточно здоровая, чтобы переварить грубую пищу и выбросить непригодное.

Итакъ, изъ Кари выработалось оригинальное, нѣсколько двойственное существо: крупная, здоровая дѣвушка, простая и естественная, какъ полевой цвѣтокъ, нѣсколько неловкая, безъ выправки и манеръ, но при этомъ нелишенная особой женственной прелести, которой недоставало только ухода, чтобы распуститься въ роскошный цвѣтокъ.

Отецъ развивалъ въ ней мужскія наклонности; обходился съ дочерью, какъ съ мальчикомъ, бралъ съ собой на охоту, заставлялъ объѣзжать верховыхъ и выѣздныхъ лошадей. Ни ему, ни Кари до сихъ поръ въ голову не приходило, что она уже дѣвушка въ полномъ расцвѣтѣ.

Мира со свойственной ей безцеремонностью въ одинъ прекрасный день открыла свекру глаза.

По ея мнѣнію, Кари походила на переодѣтаго мальчишку и въ такомъ видѣ никуда не годилась. Прежде всего ее слѣдуетъ одѣть въ длинное платье, чтобы закрыть икры ногъ, затѣмъ надо позаботиться о таліи. Она должна выучиться ходить, ѣсть, справляться съ

своими красными руками и неуклюжими ногами,—однимъ словомъ, держать себя барышней. Лучше всего это достигается съ помощью уроковъ танцамъ. Не мѣшало бы также немного французскаго языка и музыки.

Мальтіецъ сначала возсталъ противъ такихъ затѣй, потому что онѣ предвѣщали расходы, но Мира сумѣла доказать ему, что если Кари останется дикаркой, то надо отложить всякое попеченіе о возможности прилично выдать ее замужъ.

Аргументъ подѣйствовалъ.

Кари отправили въ уѣздный городъ для довершенія образованія. Она поселилась у сестры Ванды. Съ дочками офицеровъ и помѣщиковъ дѣвушка проходила курсъ танцовальнаго искусства. Въ частномъ англо-французскомъ кружкѣ ей представилась возможность пополнить знаніе языковъ; позаботились также и о томъ, чтобы впослѣдствіи на вопросъ: «вы музыкантша?» она могла отвѣтить «да!»

Цѣлую зиму занималась Кари искусствами и науками, а на слѣдующій годъ снова вернулась въ Лангендамъ.

Она стала серьезнѣе на видъ, осанкой болѣе походила на барышню, но въ глубинѣ души осталась все той же безпечной, добродушной, простой дѣвушкой, какъ и раньше.

Понятно, что пріобрѣтенныя познанія надо было пустить въ оборотъ. Молодую дѣвушку стали вывозить.

Начался рядъ скучныхъ обѣдовъ у сосѣдей; по временамъ гарнизонъ устраивалъ танцовальныя вечеринки, скачки, пикники. Дѣвушка скоро сдружилась съ драгунскимъ полкомъ, гдѣ служилъ ея младшій братъ. Она съ искреннимъ увлеченіемъ отдалась веселью.

Знакомство съ Джономъ Катценбергомъ оказалось многозначительнымъ событіемъ въ жизни Кари.

Онъ съ перваго раза обратилъ на нее вниманіе и не скрывалъ, что она ему нравится. Ничего нѣтъ удивительнаго, что у восемнадцатилѣтней дѣвушки закружилась голова. И всѣ точно сговорились подтверждать ей, что переживаемое ею—не мечта. Мира покровительствовала сближенію молодыхъ людей; братья дразнили, что «господинъ Катценбергъ въ нее врѣзамшись», отецъ безъ стѣсненія заявлялъ, что не откажетъ асессору, если тотъ попроситъ ея руки.

И вдругъ произошла совершенно неожиданная и вполнѣ непонятная для Кари перемѣна.

Съ того момента, какъ Катценбергъ считалъ мѣсто ландрата обезпеченнымъ, онъ пересталъ посѣщать Лангендамъ, гдѣ раньше бывалъ почти ежедневно. Майоръ при случаѣ упрекалъ Катценберга, что тотъ совсѣмъ забылъ его домъ. Молодой человѣкъ, нимало не

смущаясь, отвѣчалъ съ любезной улыбкой, что у него, какъ ландрата, очень много дѣла и нѣтъ возможности разъѣзжать по гостямъ.

Мальтіецъ догадывался, что все это штуки, но не зналъ, какъ удержать увертливаго молодца. Хитрецъ такъ обставилъ дѣло, что не было возможности поймать его на словѣ.

Кари переживала тяжелое испытаніе. Не такъ трудно было переносить отсутствіе Катценберга изъ Лангендама, какъ встрѣчи съ нимъ въ знакомыхъ домахъ. Онъ сталъ относиться къ ней холодно и офиціально. Если же заговаривалъ, то всегда въ шутливомъ тонѣ, такъ что у нея являлось чувство, что онъ надъ ней насмѣхается. Она не знала, что дѣлать, смущалась и нерѣдко готова была заплакать.

Кари не умѣла найтись въ новомъ положеніи. Ей не приходило въ голову, что молодой человѣкъ забавлялся ею. Сама не способная на притворство, она и въ другихъ не подозрѣвала его.

Бѣдная дѣвушка чувствовала себя совершенно безпомощной.

Кому довѣрить тайну? Матери нѣтъ; Ванда, которой она хотѣла излить свое сердце, умоляла ее молчать, чтобы не вышло скандала, и братья не вздумали стрѣляться съ Катценбергомъ. Впрочемъ, Ванда утверждала, что во всемъ виновата Мира.

Но Кари была окончательно оскорблена и поругана въ лучшихъ чувствахъ, когда въ одинъ прекрасный день майоръ спросилъ ее, какъ далеко зашли у нея дѣла съ Катценбергомъ. Она не знала что̀ отвѣтить. Тогда Мальтіецъ разсвирѣпѣлъ, назвалъ ее «гусыней» и упрекнулъ, что она не сумѣла удержать молодого человѣка и оттолкнула своей глупостью.

Настроеніе Мальтійца значительно улучшилось, когда ландратъ принялъ приглашеніе на охоту въ Лангендамъ. Теперь все можно поправить. Надо только умно начать дѣло; молодой человѣкъ долженъ открыть свои карты. Объ этомъ майоръ позаботится самъ.

Онъ велѣлъ выписать для дочери новый туалетъ изъ Берлина, болѣе роскошный, чѣмъ у нея бывали раньше. Потомъ принялся за дѣвушку. Онъ умолялъ ее быть любезной, предупредительной; отдавать предпочтеніе передъ всѣми ландрату; не стоять передъ нимъ съ такимъ глупымъ лицомъ, какъ сейчасъ. Главнымъ образомъ она должна подтянуться и держать ухо востро! вотъ его первая просьба.

Выслушавъ такую нотацію, Кари со страхомъ ждала дня охоты.

Эрихъ не въ первый разъ охотился въ Лангендамѣ. Онъ зналъ приблизительно, чего можно тамъ ожидать.

Дичи всегда было порядочно, но загонщиками руководили плохо.

Распоряжался ими Ганнингъ, но хозяинъ постоянно мѣшалъ ему своими приказаніями и контръ-приказаніями, вслѣдствіе чего загонщики не знали, кого слушаться и совсѣмъ сбивались съ толку.

Послѣ охоты Мальтіецъ критиковалъ стрѣльбу гостей, объяснялъ каждому, какъ ему слѣдовало поступать. А за обѣдомъ хозяинъ такъ разгорячался виномъ и собственными рѣчами, что къ концу вечера становился невмѣняемымъ.

Празднество кончалось карточной игрой, которая подъ утро переходила въ азартную.

Раньше Крибовъ съ удовольствіемъ ѣздилъ на охоту въ Лангендамъ; ему нравилось тамошнее безшабашное веселіе. Но въ своемъ настоящемъ настроеніи, находясь еще всецѣло подъ впечатлѣніемъ пережитыхъ въ новый годъ непріятностей, онъ безъ удовольствія ждалъ охоты. Только въ силу старинной дружбы съ Пантенами поѣхалъ онъ въ Лангендамъ.

Ульрихъ исключительно ради этой охоты пріѣхалъ изъ Берлина. Младшій Пантенъ, только что произведенный въ лейтенанты, былъ тутъ также съ нѣсколькими полковыми товарищами. И зять Мальтійца, майоръ Рентель, пріѣхалъ къ тестю. Свѣжеиспеченный ландратъ Катценбергъ явился на новенькихъ съ иголочки саняхъ, съ роскошной полостью, самъ и кучеръ—въ дорогихъ мѣхахъ.

Крибовъ, стоявшій съ Ульрихомъ въ пріемной и наблюдавшій за пріѣздомъ гостей, разсердился при видѣ нарядной упряжки. Кромѣ того, ему было обидно смотрѣть, съ какой исключительной любезностью хозяинъ принималъ Катценберга; значитъ, культъ еще во всемъ разгарѣ!

Сосѣди съѣхались всѣ до одного, не исключая тѣхъ, которые недавно перессорились съ безпокойнымъ Мальтійцемъ. Послѣ всѣхъ подъѣхали соломенныя санки, запряженныя парой сильныхъ лошадокъ въ деревенской упряжкѣ.

— Это кто еще?—спросилъ Крибовъ Ульриха. Ему казалось, что онъ никогда еще не видалъ человѣка, который сидѣлъ въ саняхъ закутавшись въ барашковую шубу.—Что это—помѣщикъ?

Ульрихъ отвѣтилъ, точно извиняясь, что это ихъ ближайшій сосѣдъ Клавенъ изъ Рагацина.

Теперь Крибовъ сразу вспомнилъ Клавена. Зимній костюмъ сдѣлалъ его неузнаваемымъ. Эрихъ возразилъ, что совсѣмъ не находитъ Клавена непріятнымъ.

Ульрихъ пожалъ плечами и сказалъ:

— При видѣ его испытываешь всегда желаніе дать ему пятьдесятъ пфенниговъ на бритье.

Крибовъ расхохотался. Правда, у Клавена была ужасная борода, которой давно не касались ножницы.

Въ глубинѣ души Крибовъ былъ радъ повидаться съ владѣльцемъ Рагацина. Тотъ былъ ему особенно симпатиченъ съ тѣхъ поръ, какъ на выборахъ выступалъ соперникомъ Катценберга. У Эриха была и другая причина благоволить къ сосѣду: сознаніе, что есть люди въ болѣе стѣсненномъ положеніи, чѣмъ онъ, дѣйствовало на Крибова успокоительно.

Пріятно было чувствовать, что у Клавена также есть матеріальныя заботы. Это сближало ихъ, и Эрихъ готовъ былъ простить ему внѣшнюю грубость и самые крупные недочеты въ туалетѣ

Мальтіецъ пригласилъ гостей ѣхать. Подкрѣпившись коньякомъ и закуривъ сигары, компанія вышла на дворъ.

Ближайшая засада была устроена тотчасъ же за деревней.

— Крибовъ, занимайте первое мѣсто! — закричалъ Мальтіецъ своимъ рѣзкимъ голосомъ.

Эрихъ поклонился и пошелъ за послѣднимъ загонщикомъ, по дорожкѣ, проторенной въ снѣгу передовыми.

Когда раздался сигналъ, Крибовъ невольно оглянулся по сторонамъ: его сосѣдями оказались—справа Джонъ Катценбергъ, слѣва—Клавенъ.

Снѣгъ покрытъ былъ настомъ, на которомъ виднѣлись слѣды зайцевъ. Холодъ заставилъ ихъ двигаться, и они скоро появились передъ охотниками.

Крибову не было удачи, ему приходилось наблюдать, какъ стрѣляютъ другіе. У Катценберга было превосходное ружье: оно било поразительно далеко. Кромѣ того, за нимъ стоялъ кучеръ, который держалъ запасное оружіе. Ландратъ считался отчаяннымъ стрѣлкомъ, по временамъ онъ выбѣгалъ даже изъ цѣпи за зайцами, которые иначе достались бы сосѣду. А то выходилъ за черту, образуя такимъ образомъ нѣчто вродѣ западни. Зайцы попадали туда съ разбѣгу, и Катценбергъ безъ передышки стрѣлялъ.

Отношеніе Крибова къ ландрату такимъ образомъ не улучшалось. Онъ рѣшилъ послѣ охоты отчитать сосѣда за «неблаговидный образъ дѣйствій».

Клавенъ подстрѣлилъ много зайцевъ.

«Его ружье даетъ маху,—думалъ Крибовъ, пристрѣливая раненыхъ звѣрковъ.—Бѣднякъ, онъ не можетъ купить себѣ лучшаго».

Послѣ охоты былъ сдѣланъ привалъ. Мальтіецъ привелъ въ извѣстность, сколько убито каждымъ охотникомъ. Большая часть зайцевъ приходилась на долю Катценберга. Крибовъ сказалъ, намѣренно

возвышая голосъ, что въ здѣшней мѣстности не въ обычаѣ стрѣлять дичь сосѣда. Катценбергъ бросилъ испытующій взглядъ въ сторону Крибова, точно соображая, стоитъ ли отвѣчать на его замѣчаніе. Затѣмъ поклонился съ любезной улыбкой и поблагодарилъ «за урокъ».

Пока намѣчали вторую цѣпь, охотники, синебагровые отъ холоду, съ заиндевѣлыми бородами, усѣлись на краю поля на жерди, вытянувъ впередъ ноги и запрятавъ руки въ охотничьи муфты. Ульрихъ разсказывалъ привезенныя изъ столицы самоновѣйшія скандальныя исторіи. По временамъ раскатистый смѣхъ прерывалъ разсказчика.

Крибовъ, не особенно давно покинувшій столицу, нашелъ, что онъ еще всецѣло въ курсѣ дѣла относительно людей, о которыхъ идетъ рѣчь. Все тѣ же старыя исторіи: ухаживаніе, связи, придворныя интриги, клубные скандалы, банкротства, выгодныя женитьбы, дуэли, подозрѣваемыя и явныя супружескія измѣны. Ульрихъ разсказывалъ намѣренно-равнодушнымъ тономъ, небрежно, точно дѣло шло о самыхъ заурядныхъ дѣлахъ. При этомъ легко было замѣтить, что ему доставляетъ удовольствіе, сообщая сплетни послѣдняго сезона, задавать тонъ среди провинціаловъ.

Каждый дѣлалъ видъ, что хорошо знаетъ лицо, о которомъ идетъ рѣчь. Особенно Джонъ Катценбергъ обнаруживалъ близость съ этимъ кругомъ. Когда его спрашивали: «Вы знаете графа Зундзо?» «Котораго,—отвѣчалъ онъ,—Удо или Бото?» Онъ, между прочимъ, не приминулъ разсказать самъ, какъ «недавно «подъ Липами» проѣзжалъ князь X., увидалъ меня, велѣлъ остановиться...» Настоящіе знатоки общества улыбались на такое хвастовство, но были люди, которымъ его вранье импонировало.

Въ слѣдующей цѣпи у Крибова были другіе сосѣди. Онъ могъ издали наблюдать, какъ Катценбергъ, стоявшій теперь между Мальтійцемъ и Ульрихомъ, продолжалъ стрѣлять съ тѣмъ же рвеніемъ, какъ и раньше. Крибову было все равно, но какъ позволяютъ это Пантены.

Охотничій завтракъ, по обыкновенію, происходилъ среди чистаго поля, возлѣ сарая. На открытомъ воздухѣ были разставлены столы и стулья; невдалекѣ разведенъ костеръ, на которомъ разогрѣвались кушанья и грѣлись вина. Крѣпкій грогъ, сваренный Ганнингомъ, доставлялъ особенное удовольствіе прозябшимъ охотникамъ. За завтракомъ позасидѣлись. Никому не хотѣлось уходить. Вблизи пылающаго костра, защищенные сараемъ отъ вѣтра, въ пріятномъ обществѣ, подъ оживленные разсказы объ охотничьихъ приключеніяхъ, помѣщики благодушествовали.

Послѣ завтрака для разнообразія хозяинъ распорядился пустить въ лѣсу гончихъ. Выгнали кроликовъ, сернъ и даже лисицу.

Въ опредѣленномъ заранѣе мѣстѣ охотниковъ поджидали сани, и вся компанія съ веселымъ смѣхомъ двинулась въ Лангендамъ.

Крибову для переодѣванія была отведена комната вмѣстѣ съ Клавеномъ. Одѣваясь къ обѣду, онъ невольно заговорилъ о сельскомъ хозяйствѣ. Крибовъ слышалъ много похвалъ Клавену, какъ дѣльному хозяину. Тотъ получилъ Рагацинъ совершенно разореннымъ, вслѣдствіе плохого хозяйничанія и варварскаго истощенія почвы, и за десять лѣтъ поднялъ его на высокую степень культуры.

Крибовъ спросилъ Клавена, какъ удалось ему ввести у себя нѣкоторыя усовершенствованія. Объясненія Клавена были вполнѣ убѣдительны. Помѣщикъ зналъ свое дѣло до мелочей, это обнаруживалось изъ каждаго его слова, и при томъ не хвасталъ своими знаніями, какъ Мальтіецъ.

Слово за слово, Крибовъ разсказалъ о Грабенхагенѣ. Ему хотѣлось отвести душу.

— Что за удовольствіе владѣть большимъ, хорошимъ имѣніемъ, когда оно даетъ плохіе доходы!

— У васъ управляющій?—спросилъ Клавенъ.

Крибовъ отвѣтилъ утвердительно.

— Тогда отъ васъ не зависитъ поставить имѣніе такъ, какъ вамъ хочется.

Крибовъ отвѣтилъ, что у него, къ счастію, опытный и дѣльный человѣкъ, на котораго можно вполнѣ положиться.

— И всетаки между вами и имѣніемъ стоитъ чужой,—сказалъ Клавенъ.—Тонъ въ имѣніи задаетъ онъ, а не вы. Я такого положенія никогда не могъ выносить. Рагацинъ и я составляемъ нераздѣльное цѣлое, и никто посторонній не смѣетъ мѣшаться въ наши дѣла.

Такой взглядъ нѣсколько удивилъ Крибова. Немного спустя, онъ спросилъ:

— А что вы скажете о людяхъ, арендующихъ вашу землю?

— Я просто не понимаю, какъ можно допустить аренду. Мнѣ представляется это аналогичнымъ тому, какъ если бы человѣкъ продалъ свою невѣсту съ аукціона.

Крибовъ разсмѣялся его парадоксальному сравненію.

— Торгашество, къ сожалѣнію, мало-по-малу пускаетъ корни. Люди перестали считать неестественнымъ передачу своихъ обязанностей постороннему. Обработка земли—исконная обязанность землевладѣльца, а не коммерческое дѣло. Раньше помѣщики это сознавали, гордились своимъ занятіемъ и ни за какія деньги не уступили бы его

другому. Чѣмъ держались мы, мелкопомѣстные дворяне? Что составляло нашу силу, болѣе крупную, чѣмъ оружіе? Наше право на ленъ, право владѣть клочкомъ родной земли. Нѣтъ выше и благороднѣе призванія, и потому тѣ, которые его исполняли, и носили названіе благородныхъ.

— Но вѣдь это было въ средніе вѣка, нельзя же возстанавливать прежній порядокъ вещей.

— Мы смѣло могли бы сохранить хорошее и справедливое. Я не желаю переживать временъ феодализма: они разъ навсегда погребены. Только намъ не мѣшало бы сохранить лучшія стороны ленныхъ отношеній: вѣрность и сознаніе долга. Но всего важнѣе продолжать дѣло, которое надѣлило мощью и силой нашихъ предковъ: обрабатывать землю, унаслѣдованную отъ отцовъ. Землею силенъ нашъ классъ, безъ нея онъ не имѣетъ смысла. Стоитъ намъ только оторваться отъ земли, и мы смѣшаемся съ сѣрой массой, изъ которой вышли наши предки.

Клавенъ стоялъ передъ Эрихомъ и сопровождалъ свои слова характерными движеніями рукъ. Онъ, повидимому, весь поглощенъ былъ разговоромъ.

— А что мы вмѣсто этого дѣлаемъ!—продолжалъ онъ.—Мы сложили оружіе передъ своимъ смертельнымъ врагомъ, капитализмомъ. На чемъ сосредоточился весь интересъ нашего класса въ настоящее время? На деньгахъ, деньгахъ и деньгахъ! Вотъ ядъ, отравляющій намъ кровь. Въ пляскѣ передъ золотымъ тельцомъ утрачиваются честь и достоинство. Земля становится предметомъ спекуляціи. Наслѣдственныя земли покупаютъ и продаютъ точно акціи. Лишь бы получить побольше процентовъ! Землей спекулируютъ, какъ капиталомъ, не желая при этомъ ударить палецъ о палецъ. Я не могу простить людямъ, что они забываютъ свой долгъ, что пренебрегаютъ данными отъ Бога обязанностями.

Крибовъ слушалъ съ возрастающимъ изумленіемъ. Удивительный человѣкъ этотъ Клавенъ! Эрихъ поближе разсмотрѣлъ сосѣда. Приземистый, широкоплечій, съ круглымъ черепомъ и голубыми оживленными глазами, съ лицомъ, обрамленнымъ рыжеватой гривой, Клавенъ дѣлалъ неимовѣрныя усилія, чтобы пристегнуть крахмальный воротникъ. Дѣйствительно, онъ былъ далекъ отъ свѣтскаго шика. Крибовъ съ ужасомъ замѣтимъ, что къ фрачной парѣ сосѣдъ надѣваетъ высокіе сапоги. Къ крахмальнымъ воротничкамъ и манжетамъ онъ также, очевидно, не привыкъ.

Но тѣмъ не менѣе Клавенъ и на этотъ разъ произвелъ на Крибова сильное впечатлѣніе. Въ его словахъ былъ виденъ цѣльный человѣкъ.

— Вы, повидимому, много занимаетесь такого рода вопросами, я хочу сказать, тѣми, которые мы только что затронули; читаете и, можетъ быть, пишете о нихъ!

— Сохрани Боже! Для писанія у меня нѣтъ ни секунды свободной. Читать еще туда-сюда! Но знаете ли, Крибовъ, такимъ вещамъ нельзя научиться изъ книги, это надо самому пережить. Я прошелъ хорошую школу, могу сказать!

Эрихъ охотно узналъ бы еще многое отъ своего оригинальнаго сосѣда, но пора было идти обѣдать. Уже старикъ Ганнингъ приходилъ приглашать ихъ.

Въ гостиной Кари, какъ единственная хозяйка дома, принимала гостей. На ней было темное платье съ вырѣзомъ на груди, открывавшимъ прелестный цвѣтъ ея кожи и нѣжное очертаніе бюста. Дѣвушка была смущена, Крибовъ ясно чувствовалъ, пожимая ей руку, что она дрожитъ.

Онъ нашелъ это естественнымъ: для молодой дѣвушки совсѣмъ не легкое дѣло быть единственной представительницей слабаго пола среди большого количества нимвродовъ.

— На охоту за кушаньями, милостивые государи!—закричалъ Мальтіецъ.—Пусть каждый выберетъ себѣ даму!—и онъ взялъ подъ руку молоденькаго лейтенанта.

— А ты, Кари, выбери себѣ кавалера! Кто тебѣ больше всѣхъ по душѣ? Ну же, Кари!

Многіе засмѣялись при видѣ смущенія молодой дѣвушки. Кари стояла, вся пылающая, не зная, чтò дѣлать.

Ландратъ Катценбергъ воспользовался моментомъ и вѣжливо раскланиваясь, подошелъ къ ней съ побѣдоносной миной. Молодая дѣвушка, миновавъ однако ландрата, поспѣшно взяла подъ руку младшаго брата.

— Браво!—не удержавшись, воскликнулъ Крибовъ. Онъ ненавидѣлъ дерзкаго нахала Катценберга.

За столомъ размѣщались, какъ хотѣли. На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ Мальтіецъ, противъ него, на противоположномъ концѣ стола—Кари. Ландратъ всетаки усѣлся возлѣ хозяйки.

Разговаривали громко и безъ стѣсненія. Несмотря на оживленный разговоръ двадцати мужчинъ, голосъ хозяина покрывалъ всѣхъ. Онъ разсказывалъ анекдоты далеко не перваго сорта. Кричалъ дочери черезъ столъ, что у ея сосѣдей нѣтъ вина, а кромѣ того она должна поддерживать разговоръ на своемъ концѣ.

Эрихъ до глубины души сожалѣлъ несчастное существо. Легко было замѣтить, какъ она то краснѣла, то блѣднѣла, страдая отъ без-

тактности отца. А тутъ еще по сосѣдству Катценбергъ. Крибовъ съ удовольствіемъ надавалъ бы пощечинъ нахалу, который, съ моноклемъ въ глазу, нагло разсматривалъ дѣвушку.

— Новое платье!... Съ большимъ вкусомъ!... Изъ Берлина?... Выбирала, конечно, Мира; сейчасъ видно! Въ немъ видна, наконецъ, ваша шейка. Къ вамъ очень идетъ, когда вы краснѣете. Отъ затылка до корня волосъ... Вотъ опять и опять!...

Кари едва удерживалась отъ слезъ.

За жаркимъ поднялся хозяинъ и объявилъ Катценберга королемъ охоты. Въ своемъ тостѣ онъ восхвалялъ его, какъ стрѣлка и ландрата, который всегда попадаетъ въ цѣль. И они, избравъ его, также попали въ цѣль. Однимъ словомъ, округъ можетъ поздравить себя съ такимъ ландратомъ. Теперь недостаетъ только одного; онъ долженъ какъ можно скорѣе представить своимъ избирателямъ молодую ландратшу. Съ этимъ пожеланіемъ хозяинъ поднялъ бокалъ.

Джонъ Катценбергъ сейчасъ же поднялся съ отвѣтной рѣчью. Онъ отклонилъ отъ себя всѣ незаслуженныя похвалы. Недостатка въ добрыхъ намѣреніяхъ у него, конечно, нѣтъ, это онъ можетъ съ увѣренностью сказать. Кромѣ того, такъ какъ они теперь «въ своемъ кругу», здѣсь все люди изъ настоящей помѣстной аристократіи, къ которой принадлежитъ и его семья, ему хотѣлось бы сказать, что отнынѣ его завѣтное, пламенное желаніе стать достойнымъ своего положенія.

— Браво!—закричалъ Мальтіецъ.

— Что же касается сердечнаго пожеланія любезнаго хозяина,— продолжалъ Катценбергъ, то и съ этой стороны онъ постарается современемъ удовлетворить округъ.—Теперь же позволяетъ себѣ сдѣлать переходъ къ дамамъ и предложить тостъ за очаровательную дочку хозяина, которая выказала себя сегодня опытной хозяйкой.

Кари снова покраснѣла; съ опущенными глазами поднялась она съ мѣста и чокалась съ мужчинами, которые съ шумомъ обступили ее. Мальтіецъ былъ внѣ себя отъ восторга.

— Чертовски уменъ этотъ Катценбергъ!—кричалъ онъ.—Его мѣсто въ ландтагѣ! Въ будущемъ году пошлемъ его въ ландтагъ.

Во время рѣчи Катценберга взглядъ Крибова случайно упалъ на Клавена, сидѣвшаго отъ него наискосокъ.

Онъ прочелъ на лицѣ того выраженіе сильнаго неудовольствія.

Крибовъ съ сочувствіемъ поглядѣлъ на него, и они чокнулись.

Разговоръ становился все шумнѣе, жара въ низенькихъ комнатахъ сдѣлалась невыносимой, шампанское лилось рѣкою. Вѣроятно, и въ людской было весело; Эрихъ замѣтилъ, что его Францъ, помо-

гавшій прислуживать за столомъ, все время улыбался. Онъ зналъ Франца: это былъ вѣрный признакъ, что тотъ выпилъ. Крибовъ сообразилъ, что на обратномъ пути придется самому править, чтобы не вылетѣть.

Послѣ пирожнаго Мальтіецъ закричалъ черезъ столъ, что дамы могутъ встать. Кари не заставила повторять предложенія; она прошла мимо поднявшихся съ мѣста мужчинъ и исчезла за дверями.

— Ну, теперь можно поговорить на свободѣ!—заявилъ хозяинъ.

Порядокъ нарушился. Разсѣлись группами. Мальтіецъ наливалъ старый портвейнъ.

Крибовъ стоялъ въ дверяхъ между столовой и кабинетомъ и наблюдалъ общество. Къ нему подошелъ Ульрихъ. Сдѣлавъ нѣсколько незначительныхъ замѣчаній, очевидно, служившихъ вступленіемъ къ чему-то болѣе важному, онъ сказалъ, близко подойдя къ Крибову:

— Эрихъ, на пару словъ! Я говорилъ съ тобой недавно о нашемъ матеріальномъ положеніи; мнѣ хотѣлось попросить тебя, чтобы это оставалось между нами.

— Само собой разумѣется,—сказалъ Крибовъ,—да вѣдь ты ужъ тогда просилъ меня объ этомъ.

— Да, я хотѣлъ только напомнить. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось сообщить тебѣ, что теперь многое измѣнилось! Дѣла отца пошли за послѣднее время лучше. Мы выпутались изъ бѣды. Я считалъ своимъ долгомъ подѣлиться съ тобой.

— Радуюсь за тебя. Что же, старикъ удачно продалъ лошадей ремонтерамъ?

— Да,—поспѣшилъ отвѣтить Ульрихъ—вообще за послѣднее время дѣла пошли лучше. Отецъ сумѣлъ справиться.

— Поздравляю. Хотѣлось бы мнѣ то же самое сказать о своихъ дѣлахъ. Надо спросить у твоего отца рецептъ, какъ это дѣлается?

Въ глубинѣ души Крибовъ усомнился. Невѣроятно, чтобы стѣсненныя обстоятельства, въ которыхъ, по собственнымъ словамъ Ульриха, находились Пантены, могли измѣниться вслѣдствіе удачной продажи лошадей.

Гораздо правдоподобнѣе было то, что все громче и громче говорили кругомъ: Мальтіецъ сторговалъ для коммерціи совѣтника за дешевую цѣну Гроссъ-Подаръ и получилъ за труды благодарность. Крибовъ изъ дружбы къ Пантенамъ энергично возставалъ всюду, гдѣ могъ, противъ этой сплетни. Ему не хотѣлось вѣрить, что Мальтіецъ дошелъ до такого униженія.

Но улики все накоплялись. Уже энергичныя хлопоты Мальтійца о кандидатурѣ Джона казались подозрительными, затѣмъ бьющее въ

глаза покровительственное отношеніе Миры ко всей семьѣ Катценберговъ и, наконецъ, противорѣчивыя показанія Ульриха.

Зачѣмъ онъ все это разсказываетъ? Крибовъ совсѣмъ не спрашивалъ его о матеріальномъ положеніи семьи. Очевидно, Ульрихъ подозрѣвалъ, что въ обществѣ злословятъ и хотѣлъ оправдать себя въ глазахъ пріятеля; но онъ не привыкъ еще нахально лгать прямо въ лицо. Смущеніе выдавало его.

Старый портвейнъ допили; хозяинъ пригласилъ въ гостиную пить кофе.

Проходя въ двери послѣднимъ, мальтіецъ взялъ подъ руку Ульриха и жалобно пропищалъ ему на ухо:

— Какъ думаешь, Джонъ Катценбергъ возьметъ Кари? Замѣтилъ, какими влюбленными глазами смотрѣлъ онъ на дѣвчонку?

— Гдѣ же Кари?—спросилъ Ульрихъ, оглядывая комнату.— Развѣ она не будетъ разливать кофе?

— Конечно, она должна разливать! Куда спряталась глупая дѣвчонка?

Кофейный приборъ и ликеры стояли на столѣ, но Кари не было.

Дѣвушка изъ-за стола ушла къ себѣ въ комнату и тутъ дала волю долго сдерживаемымъ слезамъ.

Она поспѣшно сорвала съ себя новый туалетъ; бѣдняжка ненавидѣла платье, которому сначала такъ радовалась.

Ужасно, выносить такія вещи! Какъ онъ на нее смотрѣлъ! Она впервые замѣтила, какіе у него гадкіе глаза! До сихъ поръ она не знала, что можно такъ смотрѣть. Ей казалось, что онъ мысленно раздѣваетъ ее.

Дремавшій доселѣ стыдъ пробудился въ молодой дѣвушкѣ со всей силой, а съ нимъ вмѣстѣ явилось сознаніе, что она въ опасности и должна защищаться.

Кари не сумѣла бы точно выразить этого словами, но у нея было инстинктивное чувство, что дѣло идетъ о чемъ-то важномъ и очень крупномъ.

У нея никого не было, кто бы помогъ и посовѣтовалъ ей. Родной отецъ въ этой борьбѣ былъ врагомъ. Она чувствовала, что тысячу разъ права. Если бы жива была мать, она навѣрно, не позволила бы такъ издѣваться надъ дочерью.

Дѣвушка ни за что не хотѣла возвращаться въ общество мужчинъ.

Она надѣла простое, доверху застегнутое платье, вытерла слѣды слезъ и пошла хозяйничать. Сегодня было не мало дѣлъ на кухнѣ и въ кладовыхъ. Подвязавъ фартукъ, Кари принялась убирать съ ку-

харкой остатки кушаній. Несложное занятіе благотворно подѣйствовало на нее.

За этимъ дѣломъ засталъ сестру прибѣжавшій въ кухню Дидрихъ.

— Кари, гдѣ ты? отецъ тебя ищетъ.

Она вышла съ нимъ въ коридоръ, чтобы люди не слыхали ихъ разговора.

— Старикъ въ бѣшенствѣ!—объявилъ лейтенантъ, старавшійся стоять твердо на ногахъ, такъ какъ чувствовалъ себя далеко не трезвымъ.—Я хотѣлъ предупредить тебя, Кари! Какъ бы онъ съ тобой чего не сдѣлалъ! Иди, дитя мое, наливай кофе. Онъ ругается и говоритъ, чтобы я притащилъ тебя. Знаешь, мнѣ кажется, онъ съ мухой.

— Милый Дидрихъ,—сказала она, кладя своему любимцу руку на плечо, оставь меня, я не пойду къ вамъ.

— Кари, не глупи! Сегодня все такъ мило! Пойдемъ, дитя.

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу! Въ другой разъ скажу тебѣ, почему! А теперь иду къ себѣ въ комнату.

— Но вѣдь старикъ разсвирѣпѣетъ! Слушай, я скажу ему, что ты заболѣла. Хорошо, не правда ли?

На томъ и порѣшили. Кари въ этотъ вечеръ не появлялась. Мальтіецъ разозлился, когда сынъ сообщилъ ему, что Кари нездоровится, и она раздѣлась. Сначала старикъ объявилъ, что хлыстомъ пригонитъ ее къ гостямъ, но потомъ раздумалъ.

Эрихъ рѣшилъ на этотъ разъ не оставаться играть. Все въ этомъ домѣ стало ему противно. По угламъ уже разсаживались игроки.

— Велите подавать мнѣ лошадей,—сказалъ Крибовъ Ганнингу.

— И мнѣ также,—закричалъ слугѣ вслѣдъ Клавенъ.

Мальтіецъ ругался. Вотъ такъ сосѣди: портятъ игру, маменькины сыночки, торопятся къ женѣ подъ башмакъ.

Онъ наговорилъ бы еще болѣе, но Ульрихъ и майоръ Рентель угомонили хозяина и попросили у гостей извиненія.

Крибовъ и Клавенъ пошли въ свою комнату переодѣться. Ночь была холодная. Охотничьи костюмы могли пригодиться для обратнаго пути.

— Я сюда больше ни ногой! — заявилъ Клавенъ, отпирая сундукъ.

— Прежде я охотно бывалъ въ Лангендамѣ, — отвѣтилъ Крибовъ.—Но съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось. Жаль!

— Отвратительно смотрѣть на такое униженіе. Когда истые ари-

стократы доходятъ до паденія, немудрено, что выскочки вродѣ Катценберга забираютъ силу. Тьфу, чортъ возьми!

Эрихъ покосился на Клавена: «Неужто онъ знаетъ, что здѣсь происходитъ?»

— До свиданья, господинъ Крибовъ! Счастливаго пути!

Съ этими словами они пожали другъ другу руки.

— Счастливаго пути!

XVII.

Между тѣмъ какъ Эрихъ былъ на охотѣ въ Лангендамѣ, Клара отправилась къ своей пріятельницѣ пасторшѣ.

Пасторъ Грютцингеръ по дѣламъ отлучился изъ дома. Дамы занялись серьезными дѣлами: основательно пересмотрѣли дѣтскій гардеробъ. Отчаянные мальчишки все перервали. Задача предстояла нелегкая. Въ семьѣ пастора было заведено передавать костюмы по наслѣдству отъ старшихъ дѣтей къ младшимъ. На долю старшаго выпадала по временамъ честь донашивать истрепанное платье отца.

Такъ переходили фамильныя вещи отъ одного къ другому, пока младшій получалъ, наконецъ, нѣчто эфемерное. Заплаты и штопка играли немаловажную роль при такой системѣ. Заплаты не всегда подходили цвѣтомъ и матеріей къ разорванной вещи; пасторша въ этомъ отношеніи совсѣмъ не стѣснялась.

Такимъ образомъ пасторскія дѣтки пестротою своихъ шкурокъ могли поспорить съ козлятами, телятами и котятами.

Румяная пасторша въ увѣренности, что никто ее сегодня не потревожитъ, разложила передъ Кларой цѣлую корзину дѣтскаго бѣлья и платья. Рѣшался вопросъ, отдать ли блузку, изъ которой выросъ Куртъ, Эбергарту, слѣдующему за нимъ по возрасту, и тѣмъ соблюсти порядокъ, установленный семейными традиціями, или нарушить обычай, сдѣлавъ изъ костюма два платьица—для Карлуши и Генички, которые въ нихъ очень нуждались. Первое казалось болѣе справедливымъ, второе практичнымъ.

Со смѣхомъ и шутками, которыми скрашивалось неинтересное занятіе, женщины обсуждали вопросъ.

Клара обдумывала, нельзя ли помочь затрудненію, испросивъ у пасторши разрѣшенія подарить двумъ младшимъ дѣтямъ по новому платьицу. Она только что хотѣла предложить щекотливый вопросъ, когда въ дверь постучали.

— Войдите! — закричала пасторша недовольнымъ тономъ. Непріятно, когда мѣшаютъ въ такомъ интимномъ дѣлѣ.

На порогѣ показался красный, запыхавшійся ребенокъ. Онъ спросилъ, дома ли пасторъ?

Клара любовалась свѣженькимъ, открытымъ личикомъ мальчугана, его ясными, блестящими глазками. Что онъ изъ ихъ деревни? Она бы замѣтила его среди крестьянской дѣтворы.

Она хотѣла обратиться за разъясненіями къ пасторшѣ, но ей бросилась въ глаза какая-то странная перемѣна, происшедшая вдругъ съ пріятельницей: пасторша поблѣднѣла, страшно смутилась и казалась сильно сконфуженной. Женщина, ко всему относившаяся привѣтливо, сдѣлалась вдругъ ужасно суровой.

Клара въ изумленіи смотрѣла на нее. Что съ ней?

Пасторша сдѣлала знакъ ребенку, чтобы онъ уходилъ. Но мальчикъ не понялъ ея и вошелъ въ комнату.

— Дѣдушкѣ плохо,— сообщилъ ребенокъ.— Докторъ говоритъ, что онъ не переживетъ вечера. Бабушка велѣла во всю мочь бѣжать къ пастору и просить его придти на «Старостинъ дворъ».

Теперь Клара знала, откуда ребенокъ.

Она поблѣднѣла, потомъ покраснѣла и принуждена была сѣсть. Страшное волненіе охватило ее при видѣ дѣтскаго личика. «*Его* глаза! *Его* волосы! *Его* манера держать себя!»

Она глядѣла, глядѣла и не могла оторваться. Ей хотѣлось подозвать ребенка, взять его за руки, близко, близко посмотрѣть въ глаза, убѣдиться, что это дѣйствительно такъ! Такимъ представляла она себѣ неоднократно *его* въ дѣтствѣ. Вотъ стоялъ онъ добрый и жизнерадостный, съ открытымъ, честнымъ взоромъ, не подозрѣвая, сколько причинилъ горя.

Между тѣмъ пасторша посовѣтовала маленькому посланцу бѣжать въ Гроссъ-Подаръ къ учителю, гдѣ долженъ быть пасторъ.

Мальчикъ повернулся и побѣжалъ прочь.

Съ озабоченнымъ лицомъ обернулась пасторша къ Кларѣ. Та молча уставилась въ дверь, за которой исчезъ мальчикъ.

Подруга не проронила ни слова о случившемся. Опустивъ голову, съ полными слезъ глазами, собирала веселая пасторша по столу платьица, тряпочки, заплатки. Она понимала, что тутъ безполезно утѣшать, слова не помогутъ.

Немного спустя, Клара поднялась съ мѣста; ей удалось овладѣть собой. Пожавъ пріятельницѣ руку, она вышла вонъ.

Пасторша долго смотрѣла ей вслѣдъ. Чтобы попасть домой, Клара должна была повернуть въ паркъ. Но она пошла другой дорогой, свернула въ поля. Куда это? Тамъ нѣтъ даже избъ. Возможно ли? Неужели госпожа Крибова пошла на «Старостинъ дворъ».

Принявъ твердое рѣшеніе, Клара стала спокойнѣе. Хорошо, что такъ случилось, и мальчикъ напомнилъ ей о долгѣ. Больше уклоняться нельзя. До сихъ поръ ложный стыдъ удерживалъ ее отъ исполненія давно рѣшеннаго плана, пойти на «Старостинъ дворъ». Чего же теперь стыдиться? Никто не можетъ ложно истолковать ея намѣренія? не вымогать чего-нибудь идетъ она къ смертному одру. Тамъ ждетъ ее нѣчто важное, необходимое. Люди должны это понять! Она ускорила шаги, опасаясь, чтобы не придти слишкомъ поздно. Ей необходимо застать старика въ живыхъ; если онъ умретъ не примирившись, она вдвойнѣ будетъ упрекать себя за колебаніе. Клара почти бѣжала.

Наконецъ, она достигла одиноко лежащаго строенія, не останавливаясь перешла черезъ дворъ и вошла въ домъ. Послѣ минутнаго колебанія Клара постучала въ первую попавшуюся дверь.

Изнутри доносились подавленные голоса. Потомъ отворилась дверь, и вышелъ молодой человѣкъ, приблизительно одного возраста съ Эрихомъ. Онъ смутился, увидавъ передъ собою незнакомую даму. Когда Клара назвала себя, онъ окончательно смутился и сказалъ, что позоветъ мать.

Клара съ бьющимся сердцемъ дожидалась въ сѣняхъ. Въ комнатѣ слышался возбужденный шепотъ; очевидно, тамъ обсуждали, какъ поступить. Наконецъ, дверь снова отворилась, и вошла старая крестьянка.

Госпожа Тулевейтъ низко присѣла помѣщицѣ и попросила ее войти. Въ жилой комнатѣ собрался народъ: взрослые и дѣти. Крестьянка даже въ такую минуту считала долгомъ показать, что знаетъ приличія: она поочередно представила помѣщицѣ всѣхъ членовъ семьи, называя ихъ по именамъ. Здѣсь были оба сына, жена и дѣти старшаго.

Торжественныя лица присутствующихъ и подавленные голоса свидѣтельствовали, что смерть носится надъ домомъ.

Клара спросила, каково положеніе больного? Дѣло идетъ къ развязкѣ, отвѣтила хозяйка; она сдѣлала знакъ сыну, чтобы подалъ помѣщицѣ стулъ. Клара поблагодарила. Присутствіе постороннихъ, любопытные взоры дѣтей снова повергли ее въ смущеніе. Не могла же она при такомъ количествѣ людей высказать, что у нея на сердцѣ.

Старушка догадалась, что нѣчто необычайное привело сюда помѣщицу въ такой часъ. Она вполголоса сказала что-то сыновьямъ, послѣ чего всѣ вышли изъ комнаты, оставивъ мать съ госпожею Крибовой.

Оставшись безъ зрителей, Клара поспѣшно подошла къ старушкѣ, взяла ее за руки и дрожащимъ голосомъ изложила свою просьбу.

Потребовалось немного словъ, чтобы госпожа Тулевейтъ догадалась, въ чемъ дѣло. Она пожала Кларѣ руки и нѣжно погладила ее.

— Это хорошо съ вашей стороны, госпожа Крибова, очень хорошо! Но вы дрожите! Успокойтесь! Не робѣйте! Все давно забыто. Я простила господина Крибова. Только старикъ не могъ и не хотѣлъ забыть. Теперь Господь смягчитъ его сердце. Онъ всегда былъ упрямъ, но сегодня тихъ и податливъ. Входите спокойно, госпожа Крибова; попробуемъ!

Слова ея звучали успокоительно. Клара шла за старушкой, которая безъ умолку говорила. Онѣ вошли въ комнату умирающаго.

Вытянувшись во весь ростъ, лежалъ на постели Іохенъ Тулевейтъ, съ высоко приподнятой на подушкахъ головой, закрытыми глазами и вытянутыми вдоль одѣяла руками. Щеки ввалились, носъ заострился.

Клара испугалась. Живъ ли онъ?

— Вотъ такъ лежитъ съ утра, — сказала старушка. — Онъ не умретъ, пока не придетъ господинъ пасторъ, потому что не хочетъ отходить безъ причастія. Правда, отецъ!—и она поправила ему подушки.

— Лучше бы онъ остался здѣсь или ужъ взялъ меня съ собой!— она вытерла глаза рукой; но больше не дала горю овладѣть собой.— Я дамъ ему капель,—сказала она Кларѣ,—чтобы немного подкрѣпить его.

Пока она капала лѣкарство въ стаканъ, больной открылъ глаза, потомъ провелъ руками раза два по одѣялу.

— Смотрите, смотрите, ужъ обирается! — зашептала старушка съ испуганнымъ лицомъ. Потомъ все затихло; она не рѣшалась мѣшать ему.

— Теперь онъ лежитъ тихо и спокойно, а если бы видѣли, что дѣлается ночью. О, Господи, какъ трудно умирать! Чего, чего только не придетъ ему въ голову. Разговариваетъ съ покойнымъ бариномъ, точно тотъ тутъ, возлѣ него. «Не уступлю свой дворъ!» потомъ опять: «Не уступлю «Старостинъ дворъ!» и все рѣзче, рѣзче! А потомъ точно заговорилъ съ вашимъ супругомъ. И такъ одно за другимъ. Всѣ старыя исторіи пережилъ снова. Но сегодня утромъ онъ совсѣмъ затихъ. Потомъ подъѣхали изъ города дѣтки; онъ со всѣми прощался. А потомъ потребовалъ господина пастора.

Старушка нагнулась къ больному.

— Отецъ, — позвала она и провела рукой по лысой головѣ. — Отецъ, посмотри, у насъ гости. Угадай, кто? Ни за что не угадаешь!

Она сдѣлала Кларѣ знакъ подойти ближе, чтобы больной могъ увидѣть ее, не поворачивая головы.

Іохенъ Тулевейтъ уставился на Клару. Повидимому, онъ не узналъ ея.

— Мать,—спросилъ онъ едва слышнымъ голосомъ,—кто это?

— Госпожа Крибова, супруга господина Эриха Крибова. Она пришла узнать о твоемъ здоровьѣ. Видишь, какая добрая. Протяни ей руку, Іохенъ.

Старикъ широко открылъ глаза. Его застывшее лицо оживилось, когда крестьянка произнесла имя помѣщика. Онъ безпокойно задвигалъ руками и нѣсколько разъ пытался заговорить. Наконецъ, медленно, съ усиліемъ, но совершенно отчетливо сказалъ:

— Нѣтъ, мать, не хочу! Пусть они оставятъ меня въ покоѣ... Кри... Крибовы!

Съ этими словами больной повернулся къ стѣнѣ.

Старушка хотѣла уговорить его.

— Отецъ, послушай, что было, то быльемъ поросло. Надо когда-нибудь простить. Мы христіане, надо прощать во имя Христа. Такъ велитъ священное писаніе.

Іохенъ ничѣмъ не обнаруживалъ, что слышитъ ея слова.

Клара попросила не мучить его болѣе. Она собралась уходить. Больше ей нечего было дѣлать.

Старушка предложила ей подождать пастора; можетъ быть, ему удастся уговорить Іохена.

Но Клара отказалась. Нѣтъ, если прощеніе не исходитъ отъ чистаго сердца, по собственной волѣ, тогда оно ничего не стòитъ.

Она вышла изъ комнаты. Госпожа Тулевейтъ провожала ее.

Ей казалось, что помѣщица обидѣлась, и она старалась оправдать поведеніе умирающаго.

— Онъ, вѣдь, добрый человѣкъ, незлобивый, какъ ребенокъ, повѣрьте мнѣ, госпожа Крибова!—Но исторія съ Гретой ужъ очень его оскорбила. Онъ страшно любилъ дѣвочку, больше чѣмъ меня и остальныхъ дѣтей. Вотъ и не можетъ забыть.

А у молодой женщины все звучали въ ушахъ слова умирающаго. Іохенъ Тулевейтъ требовалъ, чтобы его оставили въ покоѣ; онъ не желалъ на смертномъ одрѣ ничего слышать ни о ней, ни объ Эрихѣ, ни о всемъ ненавистномъ родѣ Крибовыхъ.

Унизительно, ея гордость была оскорблена. Но имѣла ли она право оскорбляться?

XXVIII.

Ночью Iохенъ Тулевейтъ умеръ. Онъ успѣлъ еще причаститься. Но съ этого момента ничѣмъ не обнаруживалъ, что сознаетъ происходящее около него. Онъ окончилъ счеты съ жизнью. Подъ утро жена хотѣла поправить ему голову и замѣтила, что тѣло уже коченѣетъ.

Въ послѣдніе дни жизни старикъ примирился со старшимъ сыномъ.

Произошло это довольно странно: Iохенъ не любилъ вообще говорить о смерти; онъ даже съ женой никогда не заговаривалъ о томъ, что будетъ послѣ его смерти. Подобно многимъ крестьянамъ, онъ думалъ, что завѣщаніемъ можно накликать смерть. Никто не рѣшался предложить ему вопроса, что станется со «Старостинымъ дворомъ», когда онъ навѣки закроетъ глаза.

Однажды пріѣхалъ изъ города Исидоръ Фейге, чтобы освѣдомиться, что возьметъ Тулевейтъ за свое владѣніе. Фейге утверждалъ, что одинъ молодой сельскій хозяинъ просилъ его подыскать въ этой мѣстности небольшой клочокъ земли.

Онъ коснулся больного мѣста старика. Всю свою жизнь боролся тотъ со страстью къ пріобрѣтенію своихъ сильныхъ сосѣдей, крупныхъ землевладѣльцевъ, всю жизнь былъ на-сторожѣ. Много другихъ огорченій претерпѣлъ отъ нихъ Iохенъ. И вотъ теперь сразу открылись старыя раны.

Попытки Исидора Фейге склонить старика къ продажѣ не удались, но дали совсѣмъ неожиданный результатъ: Iохенъ понялъ, какая опасность грозитъ владѣніямъ послѣ его смерти. Онъ уже видѣлъ, какъ поля отходятъ къ помѣщику, дворъ обращается въ хуторъ Грабенхагена, ненавистный сосѣдъ хозяйничаетъ его добромъ.

Такая перспектива пробудила энергію старика.

Случилось то, чего никто не ожидалъ: онъ самъ протянулъ старшему сыну руку примиренія. Собрался семейный совѣтъ. Съ обѣихъ сторонъ произошло откровенное объясненіе.

Обнаружилось, что раньше многое было упущено изъ виду, и годы продолжительнаго разрыва принесли немало вреда обѣимъ сторонамъ. Карлъ попалъ въ матеріальную зависимость къ торгашу Фейге. Долгъ его былъ настолько значителенъ, что нельзя было разсчитывать на скорую расплату.

Положеніе будущаго владѣльца «Старостина двора» было не изъ легкихъ. Онъ могъ выпутаться только въ томъ случаѣ, если бы остальные сонаслѣдники уступили ему дворъ на особенно льготыхъ условіяхъ. Мать и братъ Отто соглашались на всякія уступки, отъ Греты ожидали того же.

Такъ передалъ Тулевейтъ свой домъ. Ему посчастливилось въ послѣдніе дни жизни собрать вокругъ себя умиротворенную семью. Недоставало только Греты; не пришлось старику проститься съ своей любимицей.

Похороны должны были происходить на кладбищѣ Грабенхагена, гдѣ у семьи Тулевейтъ было фамильное мѣсто. Ожидалась многолюдная процессія. Тулевейтъ далеко въ округѣ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Въ немъ община теряла почетнаго члена, какъ бы часть самой себя.

Пасторъ Грютцингеръ предложилъ церковному совѣту во всемъ составѣ присутствовать на похоронахъ своего члена. Крибову, какъ патрону, было также послано приглашеніе.

Онъ отказался. Собственное чувство и уваженіе къ семьѣ Тулевейтъ не позволило ему идти за гробомъ человѣка, съ которымъ онъ находился въ непримиримой враждѣ.

Непріятный день пережилъ Эрихъ. Съ утра онъ метался отъ одного дѣла къ другому, не желая даже передъ самимъ собою сознаться въ истинной причинѣ безпокойства.

Клара видѣла, что онъ мучается; она догадывалась о причинѣ. Но помочь было нечѣмъ; онъ долженъ пережить трудныя минуты.

Рабочимъ на этотъ день данъ былъ отдыхъ, чтобы они могли присутствовать на похоронахъ. Гейльманъ утверждалъ, что они идутъ изъ духа противорѣчія, такъ какъ прекрасно знаютъ, въ какихъ отношеніяхъ былъ покойникъ съ помѣщикомъ. Управляющій предлагалъ не отпускать рабочихъ на похороны, но Крибовъ отвергъ его предложеніе.

Эриху непріятно было сознаніе, что его служащіе будутъ тамъ. Снова всплыветъ старое. Пасторъ воспользуется случаемъ излить на него свое недовольство.

Надгробная рѣчь, удобный для этого поводъ. Вытащутъ на свѣтъ Божій всѣ старыя исторіи и пойдутъ судачить.

Чтобы избѣжать непріятныхъ впечатлѣній, Крибовъ рѣшилъ, несмотря на выпавшій снѣгъ, поѣхать верхомъ.

Направляясь къ конюшнѣ, онъ увидалъ около дома управляющаго элегантно одѣтаго господина въ бесѣдѣ съ Гейльманомъ. Незнакомецъ въ цилиндрѣ и мѣховомъ пальто стоялъ къ нему спиною, но, по манерѣ подымать во время разговора плечи и усиленно жестикулировать, Эрихъ тотчасъ же узналъ Исидора Фейге.

Что ему здѣсь нужно? Крибовъ увидалъ на дворѣ сани безъ лошадей, около которыхъ хозяйничалъ чужой кучеръ. Значитъ, лошади Фейге стоятъ въ конюшнѣ.

Крибова разсердила безцеремонность; онъ хотѣлъ сказать Гейльману, что здѣсь не постоялый дворъ для господъ Фейге и имъ подобныхъ.

Помѣщикъ сѣлъ уже на лошадь, когда Фейге, снявъ шляпу, приблизился къ нему. Фейге съ печальнымъ лицомъ заявилъ, что его привели сюда въ высшей степени грустныя обстоятельства, смерть почтеннаго господина Тулевейта. Но въ сущности покойникъ былъ старъ и немощенъ, такъ что надо радоваться его «освобожденію».

Потомъ онъ заговорилъ о своей близости къ усопшему и дѣловыхъ отношеніяхъ къ сыну, о томъ, что онъ пріѣхалъ отдать послѣдній долгъ «прекрасному, достойнѣйшему» человѣку.

Все это говорилось елейно-печальнымъ тономъ, безъ малѣйшаго усилія скрыть нахальную усмѣшку, которая ясно говорила: мы понимаемъ другъ друга!

Помѣщику противенъ былъ его тонъ. Для довершенія сегодняшняго дня недоставало только Фейге.

Заглянувъ въ лукавые глаза еврея, Эрихъ понялъ, зачѣмъ тотъ пріѣхалъ. Его манило наслѣдство Тулевейта.

Крибовъ поклонился и проѣхалъ мимо. Но Фейге пошелъ съ нимъ рядомъ.

— На пару словъ, господинъ баронъ, наше общее дѣло—вы понимаете о чемъ я говорю—со смертью Тулевейта вступаетъ въ новую стадію. Теперь мы, по крайней мѣрѣ, узнаемъ, что у старика было. Когда быка освѣжуютъ, тогда и видно, сколько на немъ сала.

И Исидоръ Фейге многозначительно осклабилъ зубы.

— О чемъ вы говорите?—спросилъ Крибовъ съ лошади.

— Но, уважаемый господинъ баронъ! вѣдь вы сами дали мнѣ порученіе въ гостиницѣ «Слонъ». Развѣ вы забыли?

— Помню! Я поддался тогда вашей болтовнѣ. Послѣ мнѣ было очень досадно. Я беру свое порученіе назадъ.

— Господинъ баронъ! Теперь самое благопріятное время. У насъ на рукахъ всѣ козыри. Скажу вамъ по секрету, дѣла Тулевейтовъ очень неважныя.

— Оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ, господинъ Фейге.

— Понимаю! господинъ баронъ не желаютъ принимать личнаго участія въ дѣлѣ. И ненужно! Я беру на себя всѣ хлопоты и ручаюсь, что не выйдетъ ничего компрометирующаго. Все будетъ сдѣлано на законномъ основаніи. Дѣло вполнѣ чистое. Господину барону нечего опасаться.

На этихъ словахъ Крибовъ, весь побагровѣвъ отъ гнѣва, оборвалъ еврея.

— А я вамъ говорю, что не хочу вмѣшиваться въ какія-то двусмысленныя исторіи. Разъ навсегда заявляю вамъ, что не желаю имѣть съ вами никакихъ дѣлъ. Надѣюсь, вы меня поняли!

Съ этими словами Крибовъ поѣхалъ дальше.

Исидоръ Фейге остался въ очень плохомъ настроеніи; онъ почти что сознавалъ себя обиженнымъ.

Онъ зналъ аристократовъ, зналъ ихъ высокомѣріе и горячность.

Немало доставалось ему отъ товарищей въ школѣ, и всетаки, когда они нуждались въ деньгахъ, онъ ссужалъ ихъ.

Плохіе они дѣльцы. Вотъ и этотъ тоже! Ужъ, кажется, обстоятельно растолковалъ ему дѣло, и онъ, повидимому, понялъ, и вдругъ перемѣна!

Ну, да еще не все потеряно! У господина Крибова есть управляющій, человѣкъ съ толкомъ и пониманіемъ дѣла. Здѣсь, вѣроятно, обстоитъ такъ же, какъ у всѣхъ другихъ: несмотря на высокомѣріе и самомнѣніе помѣщика, управляющій держитъ его въ рукахъ.

Зато Крибовъ былъ собою доволенъ. Онъ сорвалъ сердце и ему стало легче. Тягостный день! пора было и освѣжиться.

Когда Крибовъ уѣхалъ, Клара пошла въ паркъ. И ее тянуло на воздухъ. Мрачное настроеніе мужа отозвалось также и на ней.

Въ паркѣ было непривѣтливо: дорожки занесены снѣгомъ, деревья безъ листьевъ; сквозь оголенныя вѣтки смотритъ хмурое небо на грустный ландшафтъ. Казалось невѣроятнымъ, что весною верхушки деревьевъ снова одѣнутся густою зеленью. Безнадежно покоилась лѣтняя краса подъ покровомъ снѣга и льду.

На церкви зазвонилъ колоколъ. Кларѣ знакомъ былъ мрачный, протяжный звукъ: то былъ похоронный звонъ.

Похороны! Она видѣла, какъ черезъ покрытыя снѣгомъ поля двигалась похоронная процессія отъ «Старостина двора» къ парку, который съ трехъ сторонъ охватывалъ кладбище.

Печально неслся въ морозномъ воздухѣ заунывный напѣвъ похоронной пѣсни!

Невольно скрестивъ руки, остановилась Клара у изгороди, отдѣлявшей кладбище отъ парка. Старикъ, котораго хоронили, прогналъ ее отъ своего смертнаго одра; но онъ не могъ помѣшать ей за себя молиться.

Пѣніе приближалось. Передъ ней лежало кладбище съ запорошенными снѣгомъ холмиками. Каждый крестъ былъ въ снѣжномъ уборѣ. Пѣніе кончилось, слышенъ былъ только шумъ шаговъ прибли-

жавшейся къ оградѣ толпы. Вотъ въ воротахъ кладбища показалось начало процессіи.

Вся деревня была налицо; Клара знала многихъ. Люди, которыхъ приходилось всегда видѣть въ рабочемъ костюмѣ, въ черныхъ сюртукахъ и высокихъ шляпахъ, казались чужими. Носильщики опустили гробъ около открытой могилы.

Нѣсколько поодаль сталъ Клингутъ со школьниками и роздалъ имъ листки съ нотами похороннаго пѣснопѣнія.

Вблизи стояли родственники: два сильныхъ, здоровыхъ сына и между ними сгорбленная старушка Тулевейтъ; тутъ же виднѣлось свѣженькое личико ребенка. Клара снова содрогнулась при видѣ мальчика. Она хотѣла не глядѣть на него, но непреодолимая, тайная сила не давала ей оторвать отъ него глазъ.

И она вся отдалась созерцанію ребенка.

Какое счастіе было бы имѣть такого малютку. Отъ одной мысли у Клары закружилась голова. Она должна была прислониться, потому что чувствовала, какъ земля уходитъ у нея изъ-подъ ногъ. Уже тогда, когда она увидала впервые ребенка, ее охватилъ какой-то загадочный страхъ. Точно стихійная сила, налетѣло на нее мучительное чувство страха, проникшее въ самыя сокровенныя тайники души.

Она таила въ себѣ это желаніе, скрывая его отъ постороннихъ.

Она знала, что Эрихъ пламенно желаетъ имѣть наслѣдника своего имени и владѣній. Ея мать занимала та же самая мысль. Еще надняхъ, въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ, госпожа Ленкштедтъ освѣдомлялась, нѣтъ ли видовъ на внучка. Кларѣ это было непріятно; ей казалось, точно оскверняютъ священную тайну. Она стыдилась самой себя, когда мысли ея принимали такое направленіе.

До сихъ поръ это страстное желаніе сдерживалось, но теперь прорвалось съ непреодолимой силой. Точно при видѣ ребенка у нея открылись глаза, и она поняла, чего ей недостаетъ.

Похоронное пѣніе школьниковъ замолкло. Пасторъ началъ рѣчь. Сначала Клара почти не слушала его. Она не спускала глазъ съ группы возлѣ могилы. Какъ мальчуганъ прильнулъ къ бабушкѣ. Старушка обвила рукой его плечики и прижала къ себѣ, точно изъ оставшагося на землѣ онъ ей всего дороже.

Пасторъ Грютцингеръ нарисовалъ образъ покойнаго; онъ ставилъ въ примѣръ его честность, прямоту и справедливость; не впадалъ въ сантиментальный паѳосъ, обычный у открытой могилы, не касался скорби близкихъ; онъ разсматривалъ смерть старика, какъ естественный, Богомъ установленный конецъ земной жизни, «достойной» жизни, потому что вся она посвящена была «труду и заботѣ». Бывали

у покойнаго тяжелыя сердечныя огорченія, но на нихъ, избѣгая личныхъ намековъ, пасторъ не остановился.

Клара и не ожидала отъ Грютцингера ничего иного; она лучше Эриха знала его.

На Клару спокойныя, но сердечныя слова священника подѣйствовали успокоительно. Ей казалось, точно желанное, но отвергнутое примиреніе въ этотъ моментъ совершилось.

Она ушла, когда церемонія уже близилась къ концу. Ея душевное равновѣсіе было возстановлено. Умершій почилъ въ мирѣ, съ нимъ погребена и вражда.

Возвратясь съ прогулки домой, она нашла въ своей комнатѣ письмо. Клара обрадовалась, увидавъ почеркъ матери.

Но уже съ первыхъ строкъ радости какъ не бывало.

Госпожа Ленкштедтъ писала, чтобы Клара не пугалась; она должна сообщить ей непріятность: у отца былъ ударъ. Онъ неожиданно потерялъ сознаніе и упалъ у себя въ комнатѣ. Поврежденій не произошло, но внѣшній видъ и рѣчь измѣнились. Опасаются повторенія. Больной слабъ, но въ полномъ сознаніи. Его, повидимому, преслѣдуетъ мысль о смерти. Онъ спрашивалъ о Клерхенъ.

Клара стояла, какъ пораженная громомъ, и сначала не могла привести въ порядокъ мыслей.

Отецъ боленъ? тяжело боленъ!

Ей никогда не представлялось это возможнымъ. И вотъ страшная минута настала.

Она перечитывала письмо еще и еще разъ, старалась читать между строкъ, вникать въ смыслъ отдѣльныхъ словъ; не скрываетъ ли мать чего-нибудь? Смягчаетъ, щадя ее! Невыразимый страхъ охватилъ ее. Можетъ быть, самое ужасное уже случилось. Что ей дѣлать? Оставаться здѣсь, одной, далеко отъ родины! Необходимо ѣхать въ Бургверду, чтобы самой увидать, въ какомъ положеніи дѣло.

Между тѣмъ вернулся Эрихъ. Она слышала, какъ, насвистывая и звеня шпорами, онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ.

Ее это огорчило. Она не сообразила, что мужъ ничего еще не знаетъ о ея несчастіи.

Войдя въ комнату, Эрихъ по заплаканнымъ глазамъ Клары догадался, что произошло что-то необычайное. Онъ въ безпокойствѣ спросилъ, что съ ней.—«Читай самъ!»—сказала она, протянувъ письмо.

Крибовъ прочелъ.—«Печально, ужасно печально!»—повторялъ

онъ. Что можно было еще сказать. Онъ испытывалъ смущеніе отъ того, что не чувствовалъ большого горя. Отнестись къ случившемуся такъ, какъ Клара, онъ не могъ.

Его больше всего занималъ вопросъ, поѣдетъ Клара домой или нѣтъ? Онъ опасался этого, хотя она еще ничего не говорила. Зимой ѣхать такую даль. А онъ, несчастный, одинъ въ Грабенхагенѣ. Нѣтъ, Клерхенъ такъ съ нимъ не поступитъ!

Съ часъ оставался вопросъ нерѣшеннымъ. Крибовъ слышалъ, какъ Клара ходила по своей комнатѣ, перекладывая вещи.

Онъ подозрѣвалъ, что она готовится къ отъѣзду, но боялся войти и спросить ее прямо.

Немного спустя она сама пришла къ нему, положила руки на плечи и сказала:

— Эрихъ, я хочу тебя кой о чемъ попросить.

— Знаю, знаю! Тебѣ хочется въ Бургверду.

— Я должна ѣхать! Ты самъ читалъ, какъ боленъ отецъ.

— Въ письмѣ нѣтъ намека на то, чтобы мать ждала тебя теперь. Если тебѣ хочется ѣхать, я, конечно, не стану мѣшать тебѣ, но на мой взглядъ, твое мѣсто здѣсь, возлѣ меня.

Клара, широко раскрывъ глаза, взглянула на него. Онъ видѣлъ, что глаза ея полны слезъ. Онъ пожалѣлъ о сказанномъ. Молчаливый упрекъ сильнѣе словъ далъ ему понять, какой онъ эгоистъ.

За обѣдомъ оба молчали.

— Я посмотрю въ путеводителѣ для тебя поѣзда, — сказалъ Эрихъ, давая ей понять, что онъ одумался.

Немного спустя онъ спросилъ ее:

— Хочешь, Клерхенъ, я провожу тебя?

— Въ Бургвердѣ ты намъ не поможешь, дорогой, и это было бы слишкомъ большой жертвой съ твоей стороны. Отпусти меня одну!

— А сколько времени я тебя не увижу?—спросилъ онъ прерывающимся голосомъ.

Его охватила тоска при мысли о разлукѣ.

Новое доказательство его сильной любви пріятно отозвалось у нея въ сердцѣ. Она поцѣловала мужа и провела рукой по волосамъ.

— Можетъ быть, вернусь очень скоро, дорогой мой! Будемъ надѣяться, что скоро увидимся! Но, какъ знать!

— Что я безъ тебя стану дѣлать!?

— Знаешь ли, что,—сказала Клара, стараясь придать веселый тонъ своимъ словамъ:—уѣзжай и ты также! До Берлина доѣдемъ вмѣстѣ, и ты тамъ останешься.

— А что мнѣ дѣлать въ Берлинѣ, Клерхенъ?

— Дѣло найдется! Ты заслужилъ отдыхъ!

Что за странный народъ женщины. Она дѣлаетъ ему такое предложеніе. Понимаетъ ли она, что такое Берлинъ?

До вечера Эрихъ размышлялъ; въ сущности предложеніе Клары было ему по душѣ. Въ Берлинъ! Снова въ свѣтъ! Освѣжить прежнія воспоминанія!

Вечеромъ Эрихъ сообщилъ женѣ, что поѣдетъ провожать ее до Берлина.

Н. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАЗНАЧЕНІЕ.

Очеркъ.

Николай Николаевичъ служилъ въ полицейскомъ управленіи второго участка города N.

Поступилъ онъ на службу, когда ему было съ небольшимъ двадцать лѣтъ, и съ тѣхъ поръ сидѣлъ все за тѣмъ же столомъ, противъ того же окна, до сорокалѣтняго возраста.

За это время самъ Николай Николаевичъ, разумѣется, измѣнился: полысѣлъ, покрылся морщинами, отпустилъ себѣ окладистую бороду, на которой съ одного боку стала уже выбиваться сѣдина; но жизнь его изо дня въ день текла своимъ обычнымъ порядкомъ, не позволяя замѣчать даже тѣхъ внѣшнихъ перемѣнъ, которыя происходили въ ней.

Николай Николаевичъ какъ-то не замѣчалъ движенія своей жизни.

Все, что окружало его, измѣнялось постепенно, точно такъ же, какъ постепенно измѣнялась его внѣшность; и точно такъ же, какъ онъ не замѣчалъ, что его розовыя полныя щеки мало-по-малу стали желтыми и покрылись морщинами, не замѣчалъ онъ и перемѣны начальниковъ, смерти сослуживцевъ и другихъ событій, такъ или иначе измѣнявшихъ его жизнь.

И не то, чтобы онъ не замѣчалъ ихъ, но они казались ему чѣмъ-то такимъ логичнымъ, неизбѣжнымъ; онъ какъ бы предчувствовалъ ихъ и, когда они наступали, онъ ужъ не чувствовалъ ихъ новизны.

Николай Николаевичъ почти никогда самъ не вспоминалъ прошедшаго, хотя любилъ послушать, какъ его сослуживецъ, пьяный и неряшливый Кривцовъ, разсказывалъ что-нибудь смѣшное изъ прошлаго, которое уже давно и забылось Николаемъ Николаевичемъ.

Николай Николаевичъ не вспоминалъ о прошломъ потому, что не жалѣлъ о немъ: оно ничѣмъ не было лучше настоящаго и ожидаемаго будущаго.

Столъ, за которымъ столько лѣтъ просидѣлъ Николай Николаевичъ, стоялъ противъ широкаго, свѣтлаго окна. Подъ окномъ была посажена молоденькая липка, успѣвшая вырасти въ большое дерево съ толстымъ, чернымъ стволомъ и пахучими листьями. Николай Николаевичъ любилъ или, лучше, привыкъ къ этому дереву и къ этому окну. Весной окно растворялось, молодые листья заглядывали въ комнату, и Николай Николаевичъ, когда уставалъ писать, облокачивался на спинку стула и смотрѣлъ, какъ медленно покачивались они. Онъ въ это время ни о чемъ не думалъ, но ему было пріятно смотрѣть на свѣтло-зеленые листья, которые шевелились, какъ живые.

Липу эту посадилъ давно уже умершій приставъ, при которомъ Николай Николаевичъ поступилъ на службу. Единственный, кажется, приставъ, котораго онъ помнилъ,—потому, можетъ быть, что это былъ его первый начальникъ, а можетъ быть потому, что его особенно часто изображалъ Кривцовъ.

Приставъ этотъ очень любилъ Николая Николаевича и былъ большой весельчакъ, шутникъ.

Николай Николаевичъ часто вспоминалъ, какъ бывало его первый начальникъ подойдетъ въ упоръ и огорошитъ вопросомъ:

— Почему попы покупаютъ шляпы съ широкими полями?

И не дожидаясь отвѣта, сквозь громкій, оглушительный хохотъ, наклоняясь къ самому уху Николая Николаевича, добавляетъ:

— Потому, что даромъ имъ шляпъ не даютъ.

Хохочетъ приставъ, хохочутъ и всѣ подчиненные.

— А что будетъ съ голубой лентой,—спрашиваетъ онъ далѣе,— если ее бросить въ Ледовитый океанъ?

Оказывалось, что лента потонетъ.

Въ саду, кромѣ липы, росло много другихъ деревьевъ, разведенныхъ тѣмъ же приставомъ. Садъ былъ темный, тѣнистый, въ немъ пѣли соловьи. И Николай Николаевичъ любилъ слушать ихъ, но никогда это пѣніе не мѣшало ему переписывать бумаги. Онъ начиналъ слушать только тогда, когда уставала рука. А уставала у него только рука, да иногда еще спина. Писалъ онъ механически, по навыку, образовавшемуся за долгую службу, внося разнообразіе въ свое писаніе только по требованію начальства.

— Пишите помельче, на васъ бумаги не напасешься,—говорилъ одинъ приставъ.

И Николай Николаевичъ выводилъ мелкія четкія буквы.

— Что вы бисеръ нижете, у васъ ничего не разберешь, пишите покрупнѣе,—говорилъ другой.

И онъ начиналъ ставить крупныя, разгонистыя буквы.

Черезъ два-три дня ему всякій разъ начинало казаться, что это именно его собственный почеркъ и что онъ пишетъ имъ съ самаго своего поступленія на службу, которое терялось въ туманномъ прошломъ, и что будетъ онъ такъ писать до конца своей службы.

Изрѣдка, лѣтомъ, происходилъ ремонтъ. Войдетъ Николай Николаевичъ въ заново оклеенную комнату, съ чистымъ потолкомъ и выкрашеннымъ поломъ. Комната совсѣмъ чужая; ему какъ-то неловко, и чувство это забавляетъ его. Николай Николаевичъ усаживался за свой обычный столъ, смотрѣлъ на липу, слушалъ, какъ поетъ соловей, и черезъ три дня уже не могъ вспомнить, какія были въ комнатѣ прежніе обои.

Онъ нигдѣ не бывалъ, ему не зачѣмъ было ходить въ гости: со всѣми сослуживцами онъ утромъ и вечеромъ видѣлся на службѣ. Сходились обыкновенно за полчаса до присутствія и тутъ успѣвали переговорить обо всемъ, что интересовало ихъ.

Кривцовъ обыкновенно изображалъ какое-нибудь начальство, умершее или существующее.

Петровъ донималъ французскимъ діалектомъ мрачнаго, сосредоточеннаго сторожа-раскольника, который обыкновенно отмалчивался и на всѣ назойливыя приставанія угрюмо ворчалъ:

— Этого ничего я не знаю, а съ истинной вѣры ты меня не сковырнешь.

— Команъ сова!—въ упоръ спрашивалъ его Петровъ.

— Не сковырнешь, говорю.

— Команъ сова!—еще настойчивѣе спрашивалъ Петровъ.

— Не сковырнешь и баста!

— Команъ сова,—наступалъ Петровъ.

— Тьфу! Нехристи...—отплевывался сторожъ, выходя изъ терпѣнія.

Послѣ этого начинали говорить о вопросахъ серьезныхъ. О томъ, что Фирсовъ награды къ Рождеству не получилъ; Семеновъ жениться хочетъ на племянницѣ Дементьева и уже переѣхалъ на новую квартиру; у Трифонова убѣжала кухарка и утащила новый самоваръ.

А черезъ полчаса въ полиціи начиналась толкотня, приходили дворники, кухарки, ночные сторожа.

За длинными столами скрипѣли перья, и Николай Николаевичъ, наклонивъ набокъ свою бородатую голову, выводилъ мелкія или крупныя буквы, сообразно съ тѣмъ, кто былъ въ данный моментъ начальникомъ.

Почти вся жизнь Николая Николаевича проходила на службѣ. Дома онъ ночевалъ, пилъ утренній чай, обѣдалъ и спалъ послѣ обѣда.

Больше десяти лѣтъ жилъ онъ на одной и той же квартирѣ у Аграфены Ивановны, которая при немъ овдовѣла, оставшись съ двумя маленькими дѣтьми, Машей и Колей; при немъ же дѣти подросли и стали ходить въ школу; при немъ же и Аграфена Ивановна изъ цвѣтущей проворной женщины превратилась въ усталую осунувшуюся старуху.

Кромѣ Николая Николаевича, у нея было еще нѣсколько жильцовъ-приказчиковъ, но тѣ часто мѣнялись, и одинъ только Николай Николаевичъ былъ, какъ свой человѣкъ.

Онъ сжился со стѣнами низенькаго домика, гдѣ жила Аграфена Ивановна, со своей комнатой, съ палисадникомъ, въ которомъ росли тощія вишни, съ болѣзненными и молчаливыми ребятишками Аграфены Ивановны, и точно такъ же не могъ себѣ представить другой квартиры и обстановки, въ которой ему пришлось бы жить, какъ у самого себя—другой физіономіи.

Все, что окружало его, органически срослось съ нимъ и измѣнялось лишь вмѣстѣ съ нимъ.

Выходя утромъ пить чай, Николай Николаевичъ уже зналъ, что онъ увидитъ на столѣ налитой стаканъ чаю и обычную «подковку», обсыпанную макомъ.

За обѣдомъ Аграфена Ивановна разскажетъ ему что-нибудь о своемъ хозяйствѣ, а за вечернимъ чаемъ Николай Николаевичъ разскажетъ ей какой-нибудь случай изъ своей полицейской жизни.

— Старуха у насъ живетъ,—разсказываетъ онъ,—на улицѣ подняли, думали пьяная, а она нѣмая ли, сумасшедшая ли, Богъ ее знаетъ... Выпустятъ ее изъ полиціи, выйдетъ и ляжетъ... что ты будешь дѣлать? Такъ три мѣсяца и живетъ.

— Три мѣсяца!—удивляется Аграфена Ивановна.

— Три мѣсяца. Такъ и живетъ...

По праздникамъ Николай Николаевичъ ходилъ гулять, одинъ или съ Аграфеной Ивановной; и рѣдко-рѣдко когда заходилъ къ кому-нибудь въ гости.

Въ гостяхъ онъ чувствовалъ себя неловко. Чужая жизнь, чужая обстановка, чужіе интересы непріятно дѣйствовали на него. Онъ приходилъ въ какое-то безпокойство, былъ молчаливъ, неловокъ и старался поскорѣе выбраться домой.

Въ этотъ день онъ испытывалъ особенное удовольствіе при видѣ знакомыхъ стѣнъ, знакомаго самовара, у котораго одна сторона была немного вдавлена, и засиживался съ Аграфеной Ивановной дольше обыкновеннаго.

Такъ однообразно изо дня въ день текла маленькая, сѣренькая жизнь Николая Николаевича.

Онъ не былъ доволенъ ею, но не чувствовалъ и неудовольствія. Въ немъ никогда не возникала мысль о томъ, что онъ, большая ли, маленькая, но самостоятельная единица. Онъ чувствовалъ себя всегда плюсъ полиція, плюсъ столъ, за которымъ онъ работаетъ, плюсъ начальникъ, который ему приказываетъ, и всякій разъ, когда ему приходилось отрываться отъ этихъ плюсовъ, онъ испытывалъ болѣзненное ощущеніе безпомощности.

Однообразные сѣренькіе дни слились у него въ какую-то сплошную прямую линію, одинъ конецъ которой терялся въ прошломъ, а другой убѣгалъ въ будущее.

Когда-то въ молодости у Николая Николаевича было нѣчто вродѣ романа, именно вродѣ, потому что героиня его была очень пожилая женщина, которая покорила Николая Николаевича своей скромностью и умѣніемъ вести хозяйство. Но выйти замужъ за него она не пожелала; Николай Николаевичъ съѣхалъ съ квартиры и забылъ о ней.

Будничные, сѣренькіе дни Николая Николаевича, наполненные тысячью повторяющихся мелочей, равномѣрно зачѣмъ-то шли впередъ, никогда не возбуждая въ немъ протеста противъ своего однообразія, противъ своей жестокой закономѣрности, никогда не возбуждая вопроса, зачѣмъ идутъ они и почему идутъ такъ, а не иначе.

Онъ жилъ, лысѣлъ, старился и зачѣмъ-то все жилъ и жилъ,— гдѣ-то въ сторонкѣ, гдѣ-то въ полутемномъ переулкѣ, далеко отъ жизни большого города.

Та, другая жизнь и не манила его и не отталкивала,—онъ просто не зналъ ея или не хотѣлъ знать. И каждый разъ, гуляя по шумнымъ улицамъ, онъ чувствовалъ себя чужимъ, но не одинокимъ, какъ будто вмѣстѣ съ нимъ двигалось все то, что окружало его и составляло его жизнь.

Кто знаетъ, можетъ быть Николай Николаевичъ такъ и умеръ бы, ни разу не выбившись изъ своей узкой колеи, съ гордымъ сознаніемъ, что онъ хорошо и спокойно прожилъ свой вѣкъ,—но случилось одно очень незначительное обстоятельство...

Была весна.

Послѣ цѣлой недѣли проливныхъ дождей погода сразу перемѣнилась, небо стало синимъ, какъ будто нарисованнымъ, деревья зазеленѣли нѣжной, почти желтой листвой; мостовыя обсохли, на улицахъ закипѣла жизнь; все стало ярче, моложе, наряднѣй...

Пришлось это какъ разъ въ праздникъ.

Николаю Николаевичу тоже надоѣли дожди, и онъ съ особеннымъ удовольствіемъ отправился гулять.

Шелъ онъ медленно, не торопясь, останавливаясь у витринъ магазиновъ, особенно у фотографическихъ, хотя карточки были выставлены давно и онъ помнилъ всѣ лица.

Доходя до перваго переулка, онъ обыкновенно сворачивалъ, такъ какъ не любилъ толкотни, но на этотъ разъ прошелъ нѣсколько дальше и свернулъ не направо, а налѣво. Тамъ было больше зелени, по немощенной улицѣ идти было мягче. Съ шумной «главной» улицы доносился веселый гулъ, но онъ становился все тише и тише... Народу никого не было. Безжизненно и пусто было кругомъ. Непосредственно послѣ шума и жизни эта тишина непріятно подѣйствовала даже на Николая Николаевича. Онъ постоялъ, послушалъ и повернулъ назадъ. Вдали опять зашумѣлъ городъ. Все сильнѣй и сильнѣй. Николай Николаевичъ почувствовалъ что-то непріятное отъ этого растущаго шума и хотѣлъ опять идти переулкомъ, но въ это время мимо него, по направленію къ главной улицѣ, прошла парочка.

Это были гимназистъ и гимназистка.

Гимназистка несла въ рукѣ какую-то папку, которой она размахивала и слегка даже задѣла Николая Николаевича.

Они громко говорили о чемъ-то, хохотали. Гимназистка отъ хохота даже останавливалась и вся подавалась впередъ. Было слышно одно только слово: привидѣніе!

Николаю Николаевичу вдругъ, почему-то, стало любопытно знать, о чемъ они разговариваютъ. И онъ, не давая себѣ отчета, быстро пошелъ вслѣдъ за ними.

Онъ такъ привыкъ, что все совершалось «какъ нужно», что сначала и въ этомъ любопытствѣ не замѣтилъ ничего особеннаго. Раньше никогда не казалось любопытнымъ, что̀ говорятъ прохожіе, а теперь стало—вотъ и все.

Гимназистъ и гимназистка вышли на главную улицу и повернули влѣво. Николай Николаевичъ пошелъ за ними.

Они попрежнему весело болтали, не обращая на него никакого вниманія.

Не совсѣмъ еще длинное форменное платье гимназистки ловко обхватывало ея тоненькую полудѣтскую фигурку. Темные волосы выбились изъ-подъ соломенной шляпы и закрывали уши. Она почти не поворачивала головы, и Николаю Николаевичу былъ виденъ только край розовой щеки, на которой отъ солнца золотился пушокъ.

Гимназистъ повернулся почти въ профиль: лицо у него было молодое, улыбающееся, худощавое, но энергичное и смѣлое.

Николай Николаевичъ совершенно не могъ разобрать, о чемъ они говорили, но когда гимназистка смѣялась и отворачивалась отъ своего собесѣдника, а Николай Николаевичъ видѣлъ, какъ вздрагивала отъ смѣха ея щека, онъ тоже улыбался и безсознательно вытягивалъ шею, какъ будто желая заглянуть имъ обоимъ въ лицо.

Они перешли на другую сторону. Гимназистка почти перебѣжала, чтобы не попасть подъ лошадь и, стоя на другой сторонѣ, улыбалась и ждала своего кавалера.

Николай Николаевичъ такъ обрадовался, увидавъ ея лицо, точно оно заключало въ себѣ что-то очень нужное и важное для него; даже сердце забилось какъ-то непривычно, быстро, но пріятно, такъ что онъ остановился, а потомъ тоже почти бѣгомъ перебѣжалъ улицу.

На этой сторонѣ народу было меньше, и Николай Николаевичъ могъ ближе идти за ними и слушать.

— Вы съ нами поѣдете?—спросила гимназистка, повернувшись лицомъ къ своему кавалеру. Она улыбалась и готова была смѣяться.

— Нѣтъ, не поѣду,—отвѣчалъ онъ. Но лицо его такъ и сіяло, такъ и улыбалось навстрѣчу ей.

Она удерживалась, чтобы не смѣяться, и щурилась отъ солнца.

— Ну, хорошо, я Лукашевича приглашу.

— А я Нину Ивановну.

Это, очевидно, было страшно смѣшно, потому что оба они такъ и прыснули.

— Мы до завода поѣдемъ.

— Кто «мы»?

— Я и Лукашевичъ.

И оба они опять смѣялись, глядя въ сіяющіе глаза другъ другу.

— А мы до мельницы,—сказалъ гимназистъ.

— Кто «мы?»—со смѣхомъ передразнила она, махая папкой и задѣвая его.

— Я и Нина Ивановна.

И снова хохотали они звонко и радостно.

Николай Николаевичъ, осторожно ступая, шелъ сзади нихъ.

Когда улыбались они,—улыбался и онъ, когда они смѣялись,—онъ тоже смѣялся,—тихо, неслышно, закрываясь рукой.

Ему было тоже очень смѣшно, что вдругъ гимназистъ поѣдетъ съ Ниной Ивановной, а она съ Лукашевичемъ; и ему было такъ хорошо на душѣ, потому что онъ тоже отлично зналъ, что этого никогда не будетъ, и что они поѣдутъ вмѣстѣ, будутъ переглядываться и смѣяться до упаду, вспоминая свой теперешній разговоръ, возбуждая общее недоумѣніе.

Вдругъ гимназистка остановилась около подъѣзда.

— Спасибо. Прощайте,—сказала она.

Николай Николаевичъ сразу не понялъ, въ чемъ дѣло, и такъ растерялся, что тоже остановился.

Онъ какъ-то не думалъ, что они могутъ уйти отъ него и такъ скоро. Ему жалко и тяжело стало разставаться съ ними.

Онъ прошелъ немного, но вернулся назадъ, чтобы еще хоть разъ пройти мимо нихъ.

А они все еще стояли, держа другъ друга за руку.

— Я теперь догадался, кто вамъ сказалъ,—говорилъ онъ.

— Честное слово нѣтъ... я сама узнала. На кого вы думаете?

— Я не скажу.

— Вы не знаете,—смѣясь говорила она, не отнимая своей руки.

— Нѣтъ, знаю. Хотите скажу?

— Ну, скажите.

— А если вѣрно, вы скажете, что «да?»

— Скажу.

— Честное слово?

Дальше Николай Николаевичъ не слыхалъ. Когда онъ оглянулся, гимназистка уже вбѣжала по каменной лѣсенкѣ и захлопывала за собой дверь.

Гимназистъ пошелъ обратно. Проходя мимо Николая Николаевича, онъ мелькомъ взглянулъ на него. Лицо гимназиста уже не улыбалось, но было радостное и возбужденное.

А Николай Николаевичъ еще нѣсколько разъ прошелъ мимо этого подъѣзда, посмотрѣлъ на коричневую дверь и, быть можетъ, въ первый разъ за всю свою жизнь почувствовалъ себя среди идущей и ѣдущей толпы не только чужимъ, но и одинокимъ.

Ему было какъ-то и странно, и обидно, что жили эти гимназистъ и гимназистка до сихъ поръ и онъ ничего не зналъ о нихъ. Гдѣ-нибудь они познакомились, каждый день видѣлись, разговаривали, смѣялись, и теперь будутъ видѣться, поѣдутъ на лодкѣ, и все это безъ Николая Николаевича, и нѣтъ имъ до Николая Николаевича никакого дѣла. Они даже не замѣтили его.

Глядя на домъ, въ который ушла гимназистка, онъ необыкновенно ясно представлялъ себѣ, какъ она пришла, бросила папку, какъ она теперь сидитъ, разговариваетъ. Это ощущеніе чужой жизни и какъ бы участіе въ ней было до такой степени ново и непривычно для Николая Николаевича, что онъ какъ-то преобразился весь.

Сосредоточенный, низко наклонивъ голову, ходилъ онъ около крыльца, точно дожидаясь чего-то. Какъ будто здѣсь именно онъ

могъ получить разрѣшеніе своихъ недоумѣній и покой отъ тѣхъ чувствъ, которыя всколыхнулись въ немъ, когда онъ не только узналъ, но и сердцемъ почувствовалъ, что есть другая, совсѣмъ особенная жизнь, къ которой онъ, Николай Николаевичъ, не имѣетъ никакого отношенія.

Онъ былъ не только пораженъ, но и подавленъ мыслью, что до сихъ поръ никогда ему не приходило въ голову, какъ живутъ всѣ тѣ тысячи людей, которыхъ онъ встрѣчалъ на своихъ прогулкахъ, и что такое его жизнь у Аграфены Ивановны въ сравненіи съ ихъ жизнью? Такъ ли они живутъ? И зачѣмъ, наконецъ, нужна его маленькая жизнь, когда кругомъ никто не знаетъ о ней и всѣ живутъ по-своему, не обращая на него никакого вниманія?

Послѣдній вопросъ совершенно ошеломилъ Николая Николаевича.

Быстро, но съ непривычки неуклюже, неслись въ головѣ его мысли. Это были даже не мысли, а рядъ тяжелыхъ, странныхъ и мучительныхъ вопросовъ, которые еще больше заставляли Николая Николаевича чувствовать, что онъ остался на улицѣ совершенно одинъ, что его никто не знаетъ, что нѣтъ до него никому никакого дѣла, что гимназистка совсѣмъ чужая ему, и что жизнь его тамъ, у Аграфены Ивановны и въ канцеляріи, вмѣстѣ со всей полиціей совершается гдѣ-то не здѣсь, въ этомъ шумномъ городѣ, а далеко-далеко отсюда, и что Николай Николаевичъ никогда не зналъ этого.

Медленно, весь отдавшись своимъ новымъ открытіямъ, шелъ онъ, но не домой, а дальше, вдоль главной улицы. Ему хотѣлось уйти куда-нибудь, но не какъ раньше, чтобы его не задѣвала окружающая жизнь, а такъ, чтобы гдѣ-нибудь, въ сторонѣ и отъ своей и отъ чужой жизни, рѣшить, наконецъ, что̀ же съ нимъ случилось и что онъ узналъ.

Онъ свернулъ съ главной улицы и пошелъ въ городской садъ.

Въ «городскомъ саду» все зеленѣло и было полно пробуждающейся жизни.

Мягкая, густая трава, яркіе желтые цвѣты, молоденькіе кустики съ такими же молоденькими, остренькими листиками, тоненькія березки, ослѣпительно бѣлыя, точно вымытыя дождемъ, коренастые дубы, едва распустившіе красноватыя почки, нарядные и благоухающіе тополя, желтыя, залитыя солнцемъ дорожки,—все это слилось во что-то одно цѣлое, свѣжее, яркое и молодое.

Птицы щебетали наперебой другъ передъ дружкой; слышались и трели, и свистъ, и щелканье,—всѣ пѣли по разному; но и въ пѣніи ихъ слышалось что-то одно, общее, до того радостное, даже ликующее, что казалось и солнце потому свѣтило такъ радостно и тепло.

И солнце, и садъ, и тысячи поющихъ на разные лады птицъ,— все жило одной радостной жизнью, всюду была весна!

Только что вошелъ Николай Николаевичъ въ садъ, какъ его окрикнулъ Кривцовъ.

— Эй, Николай чудотворецъ, гуляешь, а? Весна-то, братъ!... Пойдемъ, выпьемъ.

Въ первый моментъ, при звукѣ знакомаго голоса Николай Николаевичъ почувствовалъ совершенно такое же чувство досады, какое онъ испытывалъ раньше въ гостяхъ, когда чужая жизнь пыталась ворваться въ его жизнь; но потомъ ему стало пріятно. Знакомая, смѣшная фигура Кривцова и все, что съ ней было связано, быстро охватило его своей привычной атмосферой.

— Ты куда же?—спросилъ онъ Кривцова.

— Въ кабакъ... Весну встрѣчаю. Ну, день! Сверхъестественный день! Пойдемъ, право, выпьемъ? Былъ уже одинъ Николай святой,— будетъ, смѣясь сказалъ онъ, скаля зубы и передразнивая околоточнаго Буракова.

Николай Николаевичъ почувствовалъ такую близость къ Кривцову, и такъ ему хорошо было съ нимъ, что онъ хотѣлъ уже согласиться съ нимъ пройтись, какъ вдругъ Кривцовъ сказалъ:

— Знаешь новость?

— Какую новость?—встревожился Николай Николаевичъ.

— Фирсова переводятъ въ Т.

— Какъ переводятъ? Зачѣмъ?

— Повышеніе, братъ,—становымъ назначили... Пойдемъ, выпьемъ. Весна, птицы поютъ, Фирсова переводятъ, право!...

— А почему, когда идетъ дождь, всѣ распускаютъ зонты?

Кривцовъ быстро надулся, вытаращилъ глаза и растопырилъ руки.

Но Николай Николаевичъ не замѣтилъ шутки.

Съ нимъ произошло что-то странное. Когда Кривцовъ сказалъ о назначеніи Фирсова, онъ быстро вспомнилъ сегодняшнюю молодую парочку, и ему показалось, что между тѣмъ и другимъ есть какая-то связь... Онъ не думалъ этого, а скорѣе почувствовалъ, и ему стало страшно-страшно, какъ будто вотъ-вотъ должно что-то случиться невѣроятное, нелѣпое, противъ чего онъ, Николай Николаевичъ, ничего не можетъ сдѣлать.

— Такъ его переводятъ? — сказалъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Да, братъ, переводятъ. Десять лѣтъ служилъ, все время на одной и той же квартирѣ жилъ, и вдругъ тащись Богъ знаетъ зачѣмъ!

А онъ, чудакъ, прыгаетъ отъ радости, какъ заяцъ. Съ радости запилъ, говорятъ. Такъ пойдемъ, что ли, а?

— Нѣтъ, я погуляю, — задумчиво сказалъ Николай Николаевичъ,—погуляю,—повторилъ онъ.

— Ты сегодня чудной какой-то, точно подстрѣленный тетеревъ. Ну, прощай, а я братъ сегодня лихо... Завтра службу къ чорту!— и онъ, поправляя накинутое пальто, которое съѣхало съ одного плеча, посвистывая, пошелъ къ выходу.

Такъ называемый «Городской садъ» больше былъ похожъ на паркъ или даже на лѣсъ. Въ самомъ началѣ его были еще понадѣланы дорожки, скамейки, кое-гдѣ посажены цвѣты, но дальше, за оврагомъ, начинался уже настоящій лѣсъ, который безо всякаго забора крутымъ обрывомъ спускался къ рѣкѣ. Около этого обрыва тоже была сдѣлана скамейка, потому что сюда часто ходили смотрѣть на открывавшійся видъ.

На первомъ планѣ была рѣка, не широкая, но глубокая и быстрая.

Рѣзкими зигзагами обвивала она городъ, то глубоко врѣзываясь въ него, то, словно испугавшись, убѣгая и прижимаясь къ обрыву сада. Дальше начинался городъ. Онъ возвышался полукруглымъ амфитеатромъ и былъ похожъ на крѣпость, каменную и нѣмую, которая вся, безъ стѣсненій, сознавая свою силу, открывалась передъ взоромъ.

Мелкіе, по преимуществу бѣлые дома плотно-плотно жались одинъ къ другому, издали сливаясь въ сплошныя, полукругомъ идущія линіи. Садовъ почти не было видно, они были на другой сторонѣ.

Много народу смотрѣло отсюда на городъ, и обыкновенно всѣ задумывались. Городъ производилъ впечатлѣніе чего-то суроваго, враждебнаго и чужого. Не вѣрилось, что именно здѣсь живутъ такъ хорошо знакомые Иванъ Ивановичъ и Анна Ивановна, что въ этомъ большомъ цѣломъ происходятъ всѣ, такъ хорошо знакомыя мелочи. Городъ казался торжественнымъ и важнымъ.

А вечеромъ, когда зажигались огни, онъ былъ страшенъ своей темнотой, едва бѣлѣющей громадой, тысячью огней, угрюмо и пристально смотрящихъ изъ темноты, и какимъ-то блѣднымъ, мерцающимъ свѣтомъ, который разливался подъ нимъ.

Рѣка была видна только около самаго сада и, казалось тогда, будто она, испуганная и слабая, близко-близко прижимается къ обрыву, испугавшись темнаго города...

Николай Николаевичъ не любилъ этого обрыва, но теперь его тянуло къ нему. Онъ дошелъ до скамейки, сѣлъ и даже съ любопытствомъ сталъ всматриваться въ даль.

Новымъ, какъ и все сегодня, казалось ему то, что онъ видѣлъ.

Онъ ни о чемъ опредѣленномъ не думалъ, но въ немъ, въ глубинѣ души, что-то происходило, сложное, большое... Оно все сильнѣй и сильнѣй наполняло его, и онъ уже не противился, а отдавался весь этому растущему чувству—слабый, сгорбленный, не привыкшій ни о чемъ разсуждать или думать...

Онъ посмотрѣлъ на рѣку и вдругъ вспомнилъ гимназистку. И не только вспомнилъ, а увидалъ ее всю, какая она есть, въ коричневомъ полудѣтскомъ платьѣ, въ соломенной шляпѣ, съ выбившимися волосами, съ папкой въ рукахъ, которой она задѣвала гимназиста, и съ розовой, дрожащей отъ смѣха, щекой.

Николай Николаевичъ сталъ мечтать,—мечтать или даже фантазировать, какъ мечтаютъ и фантазируютъ только очень молодые люди и какъ онъ не фантазировалъ никогда во всю свою жизнь. Этотъ новый неожиданный процессъ, возможность котораго онъ не подозрѣвалъ не только у себя, но и вообще у кого бы то ни было изъ людей, такъ захватилъ его, что ужъ ничего не видалъ онъ передъ собой: и рѣка, и городъ слились въ какое-то сплошное расплывшееся пятно. Сердце рѣзко, до боли сильно колотилось въ груди, а онъ напряженно, задыхаясь, слѣдилъ, какія странныя, невѣроятныя вещи представляются ему. Онъ слѣдилъ за ними, какъ будто не онъ самъ представлялъ себѣ все это, а кто-то другой показывалъ ему.

Ему представлялось, что гимназистка не чужая ему, а что это—его родная, собственная дочь, но что она гораздо моложе, носитъ совсѣмъ коротенькое платье, не учится въ гимназіи, что шляпа у ней съ длинными лентами и что она, такая же веселая, улыбающаяся, съ темными, пышными волосами, бѣгаетъ по берегу рѣки и рветъ цвѣты. А онъ, Николай Николаевичъ, идетъ сзади подъ руку со своей женой. Онъ боится, чтобы дочка не замочила ногъ, а та нарочно близко-близко подбѣгаетъ къ водѣ, которая почти касается ея.

Рѣка эта не здѣсь, и городъ не такой большой и страшный, гдѣ столько чужихъ, гдѣ каждый живетъ своей особенной жизнью.

Эта рѣка и городъ гдѣ-то очень далеко. Николай Николаевичъ никогда и не видалъ такихъ рѣкъ. Она—широкая, тихая. А городъ—маленькій, съ тремя церквами, и весь расположенъ по ея берегамъ.

Николай Николаевичъ пришелъ въ себя и тяжело вздохнулъ.

«Господи, что это со мной?»—подумалъ онъ.

Нервная дрожь пробѣгала по его тѣлу. Ему было холодно. Кружилась голова.

И ему уже хотѣлось вернуться назадъ, ни о чемъ подобномъ не думать, какъ раньше, успокоиться и жить изо дня въ день по при-

вычкѣ... Онъ дѣлалъ страшныя усилія вспомнить своихъ товарищей, свою низенькую комнату. Но деревья, на которыя онъ смотрѣлъ, расплывались, уходили куда-то въ сторону, и передъ нимъ прыгала маленькая, совсѣмъ маленькая дѣвочка, очень похожая на гимназистку. Она лепетала что-то непонятное слабенькимъ дѣтскимъ голоскомъ, шлепала пухленькими, кругленькими ручками и тянулась къ нему.

У Николая Николаевича сердце замирало въ груди; ему чудилось, что все это наяву. И нѣжное, непривычное чувство охватывало его къ этой слабенькой, начинающейся жизни. Хотѣлось ему качать ее; высоко, высоко поднять ее на своихъ рукахъ, прижаться къ ней, къ тепленькой, маленькой всей своей грудью и лицомъ...

И казалось ему, что она на его рукахъ, что она гладитъ ему бороду и лицо и заливается-смѣется беззубымъ ротикомъ.

Николай Николаевичъ опять спохватился.

«Да что же это такое, наконецъ? Откуда это?... А все это могло быть»,—весь проникнутый новой жизнью, подумалъ онъ.—«Можетъ быть, и будетъ?—неожиданно промелькнуло у него въ головѣ».

Раньше онъ мечталъ, переживая мучительное болѣзненное чувство, которое терзало его. Онъ видѣлъ свою дочку, какъ видѣлъ бы ее, еслибъ она умерла, и онъ сталъ вспоминать о ней. Теперь онъ сталъ фантазировать радостно, охотно отдаваясь своимъ мечтамъ.

«Вдругъ меня назначатъ въ какой-нибудь уѣздный городъ,—мечталъ онъ,— встрѣчусь я съ какой-нибудь дѣвушкой. Она меня полюбитъ. Любятъ же другихъ. Начнется у меня новая, совсѣмъ новая жизнь»...

Николай Николаевичъ всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ эту новую жизнь.

Уставшему отъ сѣраго однообразія жизни, почти старому человѣку, такъ хотѣлось этого новаго, молодого счастія, о которомъ еще никогда не мечталъ онъ. Рисовался ему и удобный домикъ съ садомъ, и все хозяйство, и дочка, и хорошіе знакомые люди. Хотѣлось ему увидать около себя не женщину, а любящую и жалѣющую его жену, чтобы зналъ онъ, хоть разъ въ жизни, что кому-то не безразлично— ушелъ онъ или нѣтъ, боленъ онъ или здоровъ, что есть человѣкъ, который живетъ съ нимъ одной жизнью, радуется и страдаетъ вмѣстѣ съ нимъ, что онъ не одинокъ.

«Развѣ это такъ невозможно?—снова думалъ Николай Николаевичъ.—Только бы назначили куда-нибудь въ другой городъ. Назначили же Фирсова?»

И ему все возможнѣй и возможнѣй казалось такое назначеніе.

Тогда онъ началъ съ особеннымъ удовольствіемъ представлять

себѣ каждую мелочь своей новой жизни. Всѣ эти мелочи были такъ очевидны, такъ близки и такъ возможны, что назначеніе,—отъ котораго все это зависѣло, — начинало казаться ему не только возможнымъ, но неизбѣжнымъ.

Весь взволнованный, съ трясущимися руками, всталъ Николай Николаевичъ и пошелъ въ глубь сада.

«Послѣ обѣда я буду ходить гулять,—думалъ онъ,—а не спать, какъ теперь. Заведу собаку, буду охотиться: стрѣлять очень легко можно выучиться. Лѣтомъ буду приглашать къ себѣ Кривцова».

Вниманіе его чѣмъ-нибудь отвлекалось; онъ видѣлъ тогда, что идетъ по городскому саду, въ которомъ бывалъ почти каждое воскресенье въ теченіе семнадцати лѣтъ, и скорѣе снова спѣшилъ отдаться мечтамъ.

— Вѣдь назначеніе обязательно будетъ,—почти въ слухъ говорилъ онъ, быстро идя по дорожкѣ.—Не можетъ быть, чтобы все это не сдѣлалось.

И назначеніе придвигалось все больше. Николаю Николаевичу казалось, что вотъ онъ придетъ домой и найдетъ бумагу. Насчетъ Фирсова вышла ошибка, это Николай Николаевичъ назначенъ становымъ приставомъ, такъ какъ онъ дольше его служитъ и числится самымъ исправнымъ чиновникомъ.

— За семнадцать лѣтъ я мѣсяца не пропустилъ и никогда не бралъ отпуска.

И тутъ же подумалъ: «А вдругъ назначенія не будетъ?»

— Да будетъ же, будетъ! — съ отчаяніемъ, трясясь какъ въ лихорадкѣ, твердилъ онъ.

И ему хотѣлось сдѣлать что-нибудь такое, что̀ бы окончательно прогнало сомнѣніе и заставило повѣрить, что назначеніе будетъ.

— Вѣдь оно будетъ, нужно только не мучить, *покуда* оно не пришло.

Это «покуда» страшно обрадовало Николая Николаевича.

— Покудова, именно покудова! Но потомъ оно придетъ, непремѣнно придетъ.

Навстрѣчу Николаю Николаевичу опять показался Кривцовъ. Пальто его совсѣмъ сползло. Онъ былъ пьянъ и сильно пошатывался.

Николай Николаевичъ почти побѣжалъ ему навстрѣчу. Ему хотѣлось сейчасъ же разсказать все, что онъ пережилъ и передумалъ.

— А, Николай-угодникъ!—улыбался ему навстрѣчу Кривцовъ.— Выпьемъ, братъ... Право...

— Выпьемъ, — согласился Николай Николаевичъ, тряся его руку.

— Правда?...—уставился на него Кривцовъ, удивленный необычнымъ отвѣтомъ.

— Разумѣется... Я, братъ, назначеніе получаю... я, понимаешь... приставомъ...

Николай Николаевичъ задыхался.

Кривцовъ вытаращилъ глаза.

— Ты?... Врешь!...

— Вѣрно... Честное слово... Выпьемъ? Напьемся съ радости...

— Что-жъ это ты давеча не того, братъ?...

— Нарочно я, понимаешь... Честное слово... Ну, выпьемъ!...

— Выпьемъ... Конечно... Уррра!...—заоралъ Кривцовъ:—Николка, братъ... Семнадцать лѣтъ вмѣстѣ были... разстанемся, значитъ... Ну, чортъ съ тобой... Семнадцать лѣтъ... А я опять останусь... Пить буду... Весна... Жизнь, братъ... Эхъ, братъ, Николка!...

— Идемъ, идемъ,—торопилъ Николай Николаевичъ и тянулъ его за рукавъ.

— Идемъ, вѣрно... Семнадцать лѣтъ, братъ... это... это цѣлая жизнь!...

Николай Николаевичъ два дня не ночевалъ дома.

Аграфена Ивановна сначала перепугалась, не случилось ли съ нимъ какое-нибудь несчастіе, но потомъ пошла въ полицію и узнала, что онъ запилъ.

Въ первый моментъ это ее поразило, какъ совершенная неожиданность, но потомъ, не вдаваясь въ изслѣдованіе, почему произошло такое необыкновенное явленіе, она, тоже привыкнувшая, что если что-нибудь случается, то значитъ, такъ и нужно,—покорно помирилась съ фактомъ.

Каждый день накрывала она приборъ и ждала своего жильца къ чаю, къ обѣду и къ ужину.

На третій день, только что всѣ поужинали, и Аграфена Ивановна убрала со стола, оставивъ одинъ накрытый приборъ, въ стеклянную входную дверь съ улицы постучались.

Аграфена Ивановна, съ лампой въ рукахъ, пошла отворять.

Это былъ Николай Николаевичъ.

Когда дверь распахнулась, Аграфена Ивановна, при свѣтѣ лампы, увидала около крыльца телѣгу, возлѣ которой возилась чья-то темная фигура.

— Чья это лошадь-то?—спросила она, запирая дверь.

Николай Николаевичъ молчалъ и тяжело отдувался, снимая пальто.

Онъ раздѣлся и пошелъ въ столовую. При входѣ въ нее онъ сильно покачнулся, но удержался за край стола и грузно сѣлъ на стулъ.

Аграфена Ивановна молча поставила на столъ лампу и сѣла противъ него.

Николая Николаевича трудно было узнать. Онъ былъ грязный, растрепанный. Галстукъ развязался, и измятая манишка наполовину разстегнулась. На одной щекѣ было круглое синее пятно, отчего глазъ сталъ больше и смотрѣлъ какъ-то необычно серьезно.

— Батюшка, Николай Николаевичъ, что это съ вами,—проговорила Аграфена Ивановна, съ любопытствомъ и внутренней тревогой осматривая его:—я ужъ думала, несчастіе какое не случилось ли. Въ полицію бѣгала.

Онъ молчалъ и въ упоръ смотрѣлъ на нее.

— Ужинать будете, Николай Николаевичъ?

— До свиданія,—тихо сказалъ онъ.

— Поужинаете, выспитесь и пройдетъ все.

— До свиданія!...—угрюмо повторилъ онъ.

— Что вы, Николай Николаевичъ, Господь съ вами!

— Уѣзжаю я... Прощайте, Аграфена Ивановна.

— Уѣзжаете! Куда? Господи помилуй...

— Въ Березово... Переводятъ... Спасибо вамъ за все, спасибо, Аграфена Ивановна, за все... Лихомъ меня не помяните... Здоровы будьте.

— Повышеніе, значитъ?

— Да... Секретаремъ полиціи... Хорошенькій городокъ, маленькій, всего десять тысячъ жителей... Рѣчка... Весело будетъ...

И онъ тихо засмѣялся, а изъ глазъ его по осунувшимся щекамъ побѣжали слезы.

Теперь Николай Николаевичъ уже не могъ вѣрить собственной своей лжи, какъ въ Городскомъ саду при разговорѣ съ Кривцовымъ. За эти дни непривычнаго пьянства онъ чувствовалъ, что эта мечта, дѣлавшая его счастливымъ, — безповоротно ускользаетъ отъ него. И чѣмъ яснѣе сознавалъ онъ это, тѣмъ дальше шелъ въ своихъ желаніяхъ поддержать иллюзію. Онъ сходилъ на постоялый дворъ, нанялъ ломовика увезти вещи отъ Аграфены Ивановны, чтобы все было такъ, какъ онъ сдѣлалъ бы, если бы получилъ настоящее назначеніе. Это было послѣднее, самое крайнее средство еще хоть на одинъ мигъ сдѣлать мечту дѣйствительностью. Что будетъ дальше—онъ не хотѣлъ думать.

Аграфена Ивановна сидѣла, опустивъ руки.

Налетѣло это такъ неожиданно. Она, какъ и Николай Николае-

вичъ, привыкла, чтобы жизнь шла по опредѣленному руслу, и теперь сразу не умѣла сообразить, что такое происходитъ. Она чувствовала себя беззащитной и слабой, какъ не чувствовала себя давно, со времени смерти своего мужа.

— Ужинать-то будете?—сказала она, торопливо вставая.

— Спасибо... Не буду я, вещи помогите вынести... къ Кривцову свезу... Сегодня уѣзжаю я...

Они помолчали.

За окномъ фыркала лошадь. Черезъ полуотворенную дверь было слышно, какъ въ кухнѣ возились ребятишки.

— Нѣтъ, мнѣ начинать,—говорилъ Коля.

— Ты уронилъ мячикъ, уронилъ,—спорила съ нимъ сестра.

Николай Николаевичъ всталъ и пошелъ въ свою комнату. Аграфена Ивановна тихо пошла за нимъ помогать уложить вещи. Оба они молчали и были сосредоточены. Аграфена Ивановна аккуратно укладывала всякую мелочь, чтобы ничего не разбилось и не испортилось. Въ полчаса совершенно разорили они маленькую комнатку Странный, непривычный видъ приняла она,—точно состарилась.

— Выносить?—спросила Аграфена Ивановна.

Николай Николаевичъ молча взялъ подушки и понесъ ихъ въ прихожую. Аграфена Ивановна взяла остальное.

Въ прихожей Николай Николаевичъ надѣлъ пальто. Потомъ вошелъ въ столовую и снова сѣлъ.

— Прощайте, Аграфена Ивановна,—сказалъ онъ,—теперь навсегда... можетъ, никогда не увидимся!...

— Кто знаетъ...—вздохнула Аграфена Ивановна,—можетъ, и пріѣдете какъ-нибудь.

— Прощайте... лихомъ не поминайте...

Слезы уже не текли по щекамъ Николая Николаевича, онѣ капали тяжелыми каплями на его руки и бороду.

— Привыкъ я,—заговорилъ онъ, глотая слезы и трясущейся рукой утирая лицо:—привыкъ... Десять лѣтъ жили душа въ душу... родные мнѣ всѣ... Ну, прощайте,—рѣшительно сказалъ онъ вставая.—Жалко мнѣ... всѣхъ васъ, и комнатку, и подковку,—почти шепотомъ добавилъ Николай Николаевичъ.

Изъ кухни вышли Маша съ Колей.

— А! дѣтки!... прощайте, голубчики. Николку будете помнить? Милыя... прощайте...—Несчастный я!—вдругъ почти крикнулъ онъ.

И, подойдя къ Аграфенѣ Ивановнѣ, взялъ ее за плечи, хотѣлъ нагнуться, чтобы поцѣловать ее, но вмѣсто этого прижался головой къ ней и сталъ рыдать, трясясь всѣмъ своимъ костлявымъ тѣломъ.

— Николай Николаевичъ, дорогой, полно, что это?... Вы назначеніе получили, радоваться надо. Новыхъ людей найдете... Привыкнете снова,—сквозь слезы говорила Аграфена Ивановна.

— Голубушка... несчастный я... — лепеталъ онъ, судорожно прижимаясь къ ней: —голубушка, Аграфена Ивановна... жаль, родная моя... не могу я...

Дѣти съ недоумѣніемъ смотрѣли на Николая Николаевича; изъ за двери выглянулъ другой жилецъ, молодой приказчикъ; съ улицы къ темному окну прижималось широкое лицо извозчика: ему, видно, наскучило ждать.

Николай Николаевичъ сразу притихъ. Поцѣловалъ Аграфену Ивановну, обоихъ дѣтей. Молча взялъ шляпу и, сильно шатаясь, отворилъ входную дверь. Аграфена Ивановна съ лампой вышла на крыльцо провожать его.

Вещи уложили на телѣгу. Николай Николаевичъ сѣлъ на задокъ.

— Прощайте, Николай Николаевичъ, спасибо вамъ,—сказала Аграфена Ивановна.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— А то остались бы, поужинали...

Телѣга, поскрипывая, медленно задребезжала по двору.

Аграфена Ивановна постояла на крыльцѣ, покуда сторожъ не затворилъ ворота, потомъ заперла дверь, прошла въ пустую комнату Николая Николаевича и отворила окно.

Долго сидѣла она тамъ, подавленная тяжелой, темной, непонятной для нея силой.

И за окномъ было темно и тихо...

Черезъ мѣсяцъ Николай Николаевичъ снова поселился у Аграфены Ивановны.

Въ полиціи никто, кромѣ Кривцова, не зналъ объ его приключеніи.

Но Кривцовъ, любившій посмѣяться и позубоскалить, ни разу не напомнилъ ему этого случая.

Самъ Николай Николаевичъ, сидя за своимъ столомъ у открытаго окна, часто задумывался о томъ, что такое произошло съ нимъ, и никакъ не могъ понять этого. И всякій разъ, глядя на качающуюся вѣтку липы, онъ испытывалъ какое-то странное, тревожное чувство.

«Какія-то фантазіи все являются»,—думалъ онъ, ниже нагибаясь надъ бумагой и особенно старательно выводя мелкія или крупныя буквы...

Вал. Свенцицкій.

УМРУ Я СКОРО!...

Разсказъ.

I.

Старый лѣсникъ и рыбакъ Ѳома былъ веселъ послѣ большого улова. Онъ стоялъ въ лодкѣ, немного согнувшись, по волчьи выставилъ впередъ большую кудлатую голову, ловко гребъ весломъ, постукивая о борта, и приговаривалъ съ передышками:

— Отхватывай... на кобылѣ на сватовой... третій день, значитъ... девятую версту ѣдемъ.

Рыжій до зеленоватости картузъ его взъѣхалъ на лобъ, и надорванный козырекъ покачивался отъ каждаго взмаха надъ глазами; отъ этихъ покачиваній на глаза Ѳомы часто падала тѣнь, и они то темнѣли, то поблескивали. На густой рыжей бородѣ его ярко свѣтились пятна, — отблески догоравшей зари. Круто очерченныя плечи точно вырывались изъ худой поддевки на волю. Спина была сутулая, но крѣпкая.

Рядомъ съ нимъ сидѣла жена Ѳедосья, баба съ толстымъ, рябымъ, коричневымъ отъ загара лицомъ. Изъ-подъ желтаго платка на лобъ у нея выбилась косица жесткихъ на взглядъ волосъ и тоже ярко блестѣла, а руки ея, мокрыя и красныя, стягивали бечевкой дыры въ зеленоватомъ отъ тины бреднѣ.

Широкая рѣка въ этомъ мѣстѣ была разорвана на двѣ части длиннымъ островомъ и, точно сердясь на это, катилась быстрѣе, замѣтно шевеля тонкую рогозу у берега.

Островъ заросъ ольхою, и прямыя, сухія на видъ деревья съ темной кожистой листвой тоже горѣли, зажженныя лучами заката, и смотрѣли въ воду, яркія и веселыя.

— Бредень-то какъ исполосовали, страсть!—скрипнулъ по вечерней тишинѣ визгливый голосъ Ѳедосьи.

— Ништо... Вѣдь старый. Сколько ему не мокнуть...—басови-

то отозвался Ѳома.—Каку щуку выхватили, а тебѣ бредня жалко,—добавилъ онъ съ укоризною.

— Жалко... Пожалѣешь, — еще глубже рѣзанула вдругъ Ѳедосья.—Новый вязать надоть.

— Ну, и новый... Что-жъ ему сто годовъ жить? Онъ свое отслужилъ.

Ѳома пріостановился немного, сдвинулъ со лба картузъ, обтерся рукавомъ и снова, врѣзаясь въ середину воды длиннымъ самодѣльнымъ весломъ, весело заговорилъ съ передышкой:

— Отхватывай... на кобылѣ на сватовой...

Ѳома служилъ лѣсникомъ въ архіерейскомъ лѣсу; такъ называлась большая лѣсная дача, имѣвшая столько владѣльцевъ, сколько смѣнялось архіереевъ въ епархіи. Лѣсъ тянулся по обоимъ берегамъ большой сплавной рѣки, и на обязанности Ѳомы лежало допускать въ лѣсъ только монаховъ немноголюднаго, тоже «архіерейскаго» монастыря, а весь прочій людъ изгонять безъ милосердія. И онъ, насколько хватало его на двѣсти десятинъ лѣсу, свято исполнялъ свои обязанности: вытуривалъ бабъ, приходившихъ за грибами и ягодой, безжалостно гонялся за мальчишками, вырѣзавшими удилища изъ черемухи, и вдохновенно ругалъ мужиковъ, если захватывалъ ихъ за порубкой. За все это онъ получалъ отъ стараго монастырскаго игумена о. Никона четыре рубля въ мѣсяцъ деньгами и необходимые для жизни припасы натурой.

Жилъ онъ въ лѣсу лѣтъ пятнадцать, привыкъ къ нему, и если ходилъ изъ него въ сосѣднее село Загрядчину, то только за тѣмъ, чтобы выпить водки.

Теперь онъ тоже былъ немного навеселѣ, но на самомъ законномъ основаніи: развѣ можно было брести въ холодной водѣ и не согрѣться водкой? Онъ ѣхалъ, ощущая пріятную теплоту въ желудкѣ, и думалъ, что когда они пріѣдутъ домой, то рыбу онъ отнесетъ къ о. Никону и получитъ за это гривенъ восемь; половину онъ отдастъ по обыкновенію Ѳедосьѣ, а половина будетъ всетаки его и пригодится для Загрядчины.

И оттого, что онъ думалъ нѣчто пріятное, толстое и рябое лицо Ѳедосьи казалось ему тоже пріятнѣе, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, и онъ съ большимъ хладнокровіемъ слушалъ, какъ она пилила воздухъ скрипучими звуками своего ворчанья.

Наклонившіеся надъ водой камыши недовольно шуршали длинными листьями, когда Ѳома задѣвалъ ихъ весломъ, примостившіяся между ними лягушки опрометью кидались въ воду, краснозобая тростянка, начинавшая было свою немудрую мелодію, перелетала даль-

ше, а лодка высоко забраннымъ посомъ бойко подвигалась впередъ, и вода мѣрно хлопала, ударяясь объ ея дно.

Заря уже догорѣла и облака покрылись пепломъ. Искристый бликъ на носу Ѳомы тоже потухъ.

Теперь Ѳома стоялъ большой, темный и сутулый, и отраженія въ водѣ отъ кряжистыхъ матерыхъ дубовъ были тоже темныя и большія.

Однимъ взмахомъ весла онъ встряхивалъ задумавшіяся красивыя пятна, и они дрожали и морщились отъ недовольства и испуга. Проѣзжала по нимъ и далеко уходила лодка, а пятна все тревожно колыхались и никакъ не могли найти своего прежняго мѣста въ водѣ.

Ѳедосья бросила уже бредень и перебирала плещущуюся въ ведрѣ рыбу. Подъ корявыми руками ея копошились скользкіе лини, пузатые рѣчные караси, щурята. Большая, фунтовъ въ десять, щука лежала отдѣльно, перекрученная подъ жабрами бечевкой.

— А вѣдь онъ восемь гривенъ-то, пожалуй, не дастъ?—скрипнулъ по воздуху, какъ кремень по стеклу, тонкій голосъ Ѳедосьи.

— И думать не моги, — торопливо отозвался Ѳома. — Полтинникъ дастъ.

— Подавиться ему полтинникомъ! — вознегодовала Ѳедосья.— Фунтовъ семь мелочи одной, да щука... Щука-то она вѣдь не какая-нибудь!... Ты ее отдѣльно клади... Тоже сказалъ: полтинникъ!

— Можетъ, и больше дастъ,—добродушно согласился Ѳома.

— Нешто изъ-за полтинника мокли-то цѣльный день?

— Ну, ладно, можетъ, и шесть гривенъ дастъ.

— Ты позгоди, давай сочтемъ,—заволновалась Ѳедосья..—Если щука сорокъ? — тутъ она посмотрѣла испытующе на Ѳому; Ѳома качнулъ утвердительно головой.—Щука сорокъ, а мелочь, ну, скажемъ, тридцать, это сколько будетъ?

— Ну, семь гривенъ,—отвѣтилъ Ѳома.

— Вотъ тебѣ, значитъ, меньше и не бери. Это и то задарма отдаемъ.

— Не дастъ, такъ отдашь... Куды-жъ ее къ лѣшему?

— Въ Загрядчину отнесешь, въ городъ можешь отнесть.

— Въ Загрядчину-то можно, въ городъ шутъ его не ходилъ! Да и въ Загрядчинѣ, кому же тамъ? Попу если, такъ онъ пшшо меньше дастъ...—раздумывалъ вслухъ Ѳома.

Ѳедосья увидѣла въ этомъ нежеланіе нести рыбу и завизжала, перегибаясь.

— Ну, и не надо, когда такъ! Ну, и не надо! Сами слопаемъ!

— Что-жъ, и слопаемъ,—отозвался Ѳома.

Сумерки наступали быстро.

Дальній планъ лѣса, открывавшійся за изгибомъ рѣки, уже помутнѣлъ, посѣрѣлъ, точно закрылъ глаза и щурился отъ одолѣвавшаго сна.

Посинѣли камыши, почернѣла вода.

Мелкая рыбешка лѣниво поплескивала еще на ея поверхности, потомъ юркнула на дно.

Ѳедосья ворчала. Ворчала о томъ, что это не жизнь, а каторга, что съ такимъ лодыремъ мужикомъ платка себѣ не наживешь и что она сама понесетъ рыбу и къ о. Никону, и въ Загрядчину, и въ городъ.

— Глянь-ка-сь! А вѣдь у насъ костеръ,— остановилъ ее Ѳома, вглядываясь въ противоположный берегъ.

— Горимъ! Изба горитъ! Батюшки!—всполыхнулась Ѳедосья.

— Фу-т-ты, чортъ оглашенный! — не выдержалъ, наконецъ, Ѳома. — Ей говорятъ: костеръ, нѣтъ, она свое: горимъ! Ты разуй глаза-то.

Они подъѣзжали къ стоявшей на самомъ почти берегу избѣ, и дѣйствительно, шагахъ въ десяти отъ избы виденъ былъ небольшой костеръ, а около него — ярко окрашенная оранжевымъ свѣтомъ фигура.

— И то костеръ,—успокоилась Ѳедосья.

— Охотникъ, должно, какой пришелъ,—соображалъ Ѳома.

Ѳедосья приглядѣлась.

— Да вѣдь это никакъ Никишка пришелъ, право слово, Никишка! — и, не дожидаясь реплики мужа, Ѳедосья приподнялась и вытянула высокимъ острымъ фальцетомъ:—Никишка-а!

— А-а? — глухо отозвалась съ берега фигура и, отойдя отъ костра, остановилась надъ самой рѣкой.

Лодка причалила.

— Отмолился?—съ добродушной ироніей спросилъ Ѳома.

— А похудѣлъ-то какъ! — одновременно съ нимъ вскрикнула Ѳедосья.

Никишка стоялъ на берегу и молча и грустно улыбался.

Ѳедосьѣ онъ приходился роднымъ сыномъ, Ѳомѣ — пасынкомъ. Темный и тонкій силуэтъ его, съ широко разставленными ногами, напоминалъ сажень, воткнутую въ землю. Глаза у него были впалые, лицо безкровное и точно стянутое въ нѣсколькихъ мѣстахъ узлами; по щекамъ и подбородку кустилась тощая бѣлесая растительность. Было ему лѣтъ 27—28 на видъ.

— Гдѣ же былъ-то хоть? Далёко, небось, ушелъ? — опять съ

усмѣшечкой спросилъ Ѳома, когда втащилъ лодку на берегъ и поцѣловался съ Никишкой.

— Куды-жъ ему далеко уйтить? Тоже сказалъ! Парень хворый,—вступилась за сына Ѳедосья и покачала сокрушенно головой.

— Въ Кіевѣ былъ,—отвѣтилъ Никишка.

Голосъ у него былъ слабый, сдавленный, но въ тонѣ отвѣта чувствовался задоръ: онъ хотѣлъ, очевидно, поразить Ѳому, и Ѳома дѣйствительно поразился.

— Глянь-ка-сь, малый! — крикнулъ онъ изумленно. — Тыщу верстъ отшлепалъ! Это за мѣсяцъ-то? Врешь,—усомнился онъ, подумавъ:—Куды-те грѣшному.

— А ей-Богу былъ, да еще дня четыре тамъ жилъ! Чего же мнѣ врать?—обидѣлся Никишка.

— Хорошо тамъ, небось,—мечтательно протянула Ѳедосья.

— Хо-ро-шо! Теплынь какая... дома богатые... — въ тонъ матери заговорилъ Никишка.—Никогда бы и не ушелъ, да вѣдь жить-то чѣмъ? Жить нечѣмъ... А хорошо тамъ люди живутъ! Зима тамъ теплая, говорятъ... Деревья каштановыя прямо на улицахъ растутъ, воздухъ легкій.

— А угодниковъ видѣлъ?—полюбопытствовалъ Ѳома.

— Мощи-то? Видѣлъ мощи, какъ же не видать? Въ пещерахъ былъ... Духота тамъ только, въ пещерахъ.

— Духота? Ишь ты! Съ чего-жъ бы это?—любопытствовала Ѳедосья.

— Кто ее знаетъ—отчего... Должно, мѣсто такое.

— Въ землѣ вѣдь пещеры-то, дура! Извѣстно, не свѣжій воздухъ... А духота потому, что лѣто,—вотъ-те и все,—разрѣшилъ недоумѣніе Ѳома.

Когда первый голодъ любопытства былъ утоленъ, старики рѣшили изъ мелочи сварить уху, а къ о. Никону на утро отнести только щуку. Щуку пустили въ сажалку, а остальную рыбу начали чистить всѣ втроемъ подъ монотонное повѣствованіе Никишки.

Костеръ ярко горѣлъ, вырывая изъ темнаго пространства ночи то вѣтку орѣшника съ крупными круглыми листами, то посѣдѣвшій отъ времени стволъ липы, то корявый узловатый дубовый сучокъ, похожій на крѣпкую жилистую лапу.

Растительность кругомъ была мощная, буйная; изъ-за костра чернѣла изба, съ серьезно нахлобученной крышей, изба основательная, прочно вросшая въ землю толстыми дубовыми бревнами; около самаго костра, тепло свѣщенные языками пламени, сидѣли Ѳома и Ѳедосья, онъ—богатырски сложенный старикъ, съ русыми несѣдѣ-

ющими волосами, она—толстая, крупнолицая баба изъ тѣхъ, которымъ износа нѣтъ.

Изба подходила къ лѣсу, старики—и къ лѣсу, и къ избѣ, только худой, узкій парень съ напряженно-усталымъ лицомъ не шелъ ни къ старикамъ, ни къ избѣ, ни къ лѣсу, казался здѣсь страннымъ, нелѣпымъ и ненужнымъ, и недоумѣло косились на него врывавшіяся въ полосу свѣта деревья.

II.

Никишка не былъ грѣшникомъ и не давалъ обѣта молиться. Ему просто тяжело было жить, тяжело не годъ не два, а всю жизнь.

Онъ думалъ, что ему тяжело потому, что наскучило одно и то же мѣсто, и вотъ онъ пошелъ на богомолье; онъ думалъ, что ему тяжело отъ холоднаго климата, и онъ пошелъ не на сѣверъ, а на югъ, гдѣ теплѣе.

Какая-то болѣзнь съ дѣтства засѣла въ него и начала сверлить, какъ червякъ яблоко; отъ этой болѣзни у него то ныла грудь, то болѣла спина, то ломило поясницу, а въ головѣ постоянно что-то стучало, когда онъ нагибался.

Ѳома звалъ его «дохлымъ», Ѳедосья—«дрыхлымъ», такъ какъ онъ много спалъ, а загрядчинскій фельдшеръ изъ солдатъ съ непоколебимымъ апломбомъ опредѣлялъ его болѣзнь, какъ «мозговую сухотку спины».

Никишка по хозяйству не могъ ничего дѣлать. Онъ плелъ иногда кошелки изъ бересты, но и это его утомляло; тогда онъ ложился и лежа читалъ книги. Грамотѣ онъ научился еще въ дѣтствѣ при отцѣ-сапожникѣ, а книги бралъ въ городѣ въ безплатной читальнѣ. До города было верстъ семь ходьбы, но Никишка шагалъ туда каждое воскресенье. Духовныхъ книгъ онъ не любилъ и читалъ свѣтскія—романы, повѣсти.

Его занималъ вопросъ, какъ другіе люди живутъ, и въ этихъ книгахъ онъ находилъ отвѣты.

Когда люди, по книгамъ, жили плохо, онъ былъ доволенъ, точно получалъ облегченіе, когда же хорошо, онъ завидовалъ, злился, и если было лѣто, уходилъ въ лѣсъ отъ тоски, если же стояла зима и было холодно, онъ забирался на печь въ темный уголъ, накрывался тулупомъ съ головою и способенъ былъ пролежать такъ цѣлыя сутки не подымаясь.

Никишка не любилъ людей, потому что люди смѣялись надъ нимъ, смѣялись и въ дѣтствѣ, смѣялись и тогда, когда онъ выросъ.

Почему это такъ было, Никишка не представлялъ себѣ ясно. Онъ зналъ, пожалуй, что на другихъ не похожъ,—какъ-то слишкомъ вытянутъ и сжатъ, длиннорукъ, длинноногъ и неловокъ, но смѣшного въ этомъ ничего не находилъ. «Такъ Богъ уродилъ,—думалъ Никишка,—хотя могъ бы уродить и лучше».

Это сознаніе, что онъ не по своей винѣ, а по какому-то странному капризу судьбы вышелъ никуда негоднымъ въ жизни, озлобляло Никишку. Какъ человѣкъ незанятый физически, жившій на готовомъ хлѣбѣ, пріучившійся читать книги, онъ привыкъ думать. Дѣлиться своими мыслями ему было не съ кѣмъ, соприкосновеніе его съ жизнью другихъ людей было невелико, поэтому думалъ онъ только про себя и о себѣ. И за что ни брался онъ, думая,—все выходило обидно и непонятно.

Когда у него сильно начинала болѣть грудь или спина, онъ притихалъ, мало ходилъ, лежалъ гдѣ-нибудь въ углу избы и говорилъ матери увѣреннымъ шепотомъ:

— Умру я скоро!

— Ну, что это ты!—протестовала мать:—авось годокъ-то еще прочàвришь.

Никишка «чàврилъ», лежа и жалуясь, недѣлю, двѣ, потомъ подымался и попрежнему плелъ кошелки изъ бересты, ловилъ чижей западкомъ и ходилъ за книгами въ читальню.

Странные сны видѣлъ иногда Никишка. Во время этихъ сновъ онъ какъ-то смутно сознавалъ, что спитъ и не гдѣ-нибудь, а въ лѣсу, въ избѣ Ѳомы, что въ избѣ холодно, темно, сыро и тяжело пахнетъ, и въ то же время видѣлъ себя то рыцаремъ въ латахъ съ золотыми насѣчками, въ богато-убранномъ залѣ, гдѣ вездѣ колонны и многое множество блестящихъ пажей и дамъ, то атлетомъ въ циркѣ, затянутымъ въ трико, то богатымъ бариномъ, обѣдающимъ въ гостиницѣ: вокругъ него суетятся лакеи, а онъ сидитъ, подвязавшись салфеткой, и у него толстый животъ и бритый тройной подбородокъ.

Конечно, сны эти создавала его фантазія, черпая матеріалъ изъ прочитанныхъ книгъ, но для Никишки они составляли всетаки лучшее время его жизни, и когда на него находила полоса такихъ сновъ, онъ веселѣлъ, едва могъ дождаться ночи и спалъ запоемъ къ удивленію Ѳедосьи и къ восхищенію Ѳомы.

— Вотъ это ловко! Вваливай во всѣ ноздри!—говорилъ въ такихъ случаяхъ Ѳома, прислушиваясь къ заливному храпу Никишки.

Никишка пробовалъ наниматься на мѣста въ городъ, но выжить тамъ не могъ.

Недѣли черезъ три, когда его достаточно расшевеливали, заста-

вляя бѣгать по хозяйскимъ надобностямъ или выполнять непосильную работу, онъ увольнялся, приходилъ снова въ избу вотчима, ложился и говорилъ неизмѣнное и унылое:

— Умру я скоро!

— Подождемъ, авось оживешь,—шутилъ Ѳома.

И, отлежавшись, Никишка дѣйствительно оживалъ.

Постоянно напряженно думающій, Никишка отнюдь не былъ философомъ, способнымъ забыть про ѣду. Ѣлъ онъ много и жадно, съ завистью глядя на того, кто забиралъ лучшіе куски обѣда. Чаще всего это дѣлалъ вотчимъ Ѳома, и за это, а также за его вѣчныя остроты надъ нимъ Никишка не любилъ Ѳому.

Почему-то во время обостренія болѣзни онъ и среди бѣла дня видѣлъ въ избѣ кучу летучихъ мышей; онѣ вились надъ нимъ, отвратительно пищали ему въ уши, раскрывая зубатые рты, и стучали въ сизыя маленькія стекла оконъ перепончатыми крыльями.

— Мышей-то летучихъ сколько, страсть!—говорилъ онъ матери, копавшейся гдѣ-нибудь у печки.

— Ну, мышей! Выдумывай шутъ-те што! Ты съ головой накройся, вотъ все и пройдетъ,—совѣтовала Ѳедосья.

Никишка накрывался, но всетаки слышалъ пискъ и трепетанье крыльевъ.

Зачѣмъ онъ жилъ, Никишка никакъ не могъ понять, но жить ему страстно хотѣлось, жить полной, здоровой, заказанной ему жизнью,—и больше ничего онъ не хотѣлъ и больше ни о чемъ онъ не думалъ.

III.

Ѳома самъ не охотился, хотя ружье, какъ лѣсникъ, имѣлъ. Зато къ нему часто приходили охотники, доставляя ему небольшой доходъ.

Онъ угощалъ ихъ молокомъ, ставилъ для нихъ самоваръ, показывалъ мѣста съ дичью, причемъ всегда говорилъ, что это строго запрещено, и онъ боится, какъ бы не «нагорѣло».

Охотники платили ему и за молоко, и за самоваръ, и за показываніе мѣстъ, и, наконецъ, самое главное, за то, что ему могло изъ-за нихъ нагорѣть. Почти всегда убивали они мало, потому что хорошихъ мѣстъ для охоты въ архіерейскомъ лѣсу не было, но Ѳома послѣ ихъ посѣщенія былъ очень доволенъ судьбою и всегда ругался съ Ѳедосьей изъ-за дѣлежа.

Кромѣ городскихъ охотниковъ къ Ѳомѣ заходили и мѣстные; этихъ онъ не любилъ: они ничего ему не давали, а норовили еще и

наѣсться на его счетъ. Зато они были необходимы ему, какъ собесѣдники: покалякать Ѳома любилъ, но въ лѣсу калякать было не съ кѣмъ.

Чаще всѣхъ изъ охотниковъ заходилъ къ нему старичокъ заградчинскій фельдшеръ, тотъ самый, который далъ мудреное названіе Никишкиной болѣзни.

На другой день послѣ прихода Никишки, когда щука была уже продана о. Никону (за нее Ѳома взялъ 45 коп., но женѣ сказалъ, что 34, и далъ ей ровно 17), послѣ обѣда прибрелъ и фельдшеръ.

Былъ онъ маленькій, сѣденькій старичокъ,—лѣтъ подъ семьдесятъ, но замѣчательно сохранившійся и бодрый. Весело говорилъ, еще веселѣе смѣялся, сверкая обломками зубовъ, и поводя по окружающимъ маленькими, лукавыми глазками, и всегда приносилъ съ собой на охоту бутылку водки.

Ходилъ онъ въ картузѣ съ ремешкомъ и пуговкой наверху, въ сѣромъ замызганномъ пиджакѣ и личныхъ сапогахъ. Собаки у него не было и охотился онъ больше по сухопутью.

Когда онъ приходилъ, то обыкновенно сообщалъ съ перваго же слова о какомъ-нибудь своемъ охотничьемъ подвигѣ за послѣдніе дни, подвигѣ большей частью фантастическаго свойства.

Такъ и теперь. Увидѣвъ возившагося около избы Ѳому, онъ закричалъ ему безъ предисловія:

— Вотъ штука-то! Вѣрь не вѣрь, а истинная правда! Прямо хоть въ *Природу-Охоту* посылай. Иду это надъ Лучковымъ болотомъ,—два черныга взмыло... Я это взялъ одного на прицѣлъ,—здоровенный черныгъ!—кэ-экъ звиздилякну! Понимаешь?! Голова—дрр... на траву, а черныгъ летитъ. Тотъ летитъ, и этотъ летитъ, безъ головы-то, понимаешь? Смотрю я, ротъ разинулъ... Да что-жъ это такое, думаю!... Шаговъ тридцать онъ такъ летѣлъ... Здравствуешь! Ей-Богу, не вру.

— Когда же это ты такъ? Я и выстрѣла-то не слыхалъ,—недовѣрчиво отвѣтилъ Ѳома.

— Вотъ, не слыхалъ! Надъ Лучковымъ болотомъ. Вчера дѣло было.

— Съѣлъ, что ли?

— Кого?

— Да черныга-то этого?

— А то ты думаешь тебѣ оставлю.

— Хоть бы лапку заднюю, посмотрѣть, что въ ёмъ за скусъ.

— Скусъ-то, братъ, обыкновенный, утиный. Ну, и здоровый, идолъ,—фунтовъ восьми!

— А вѣшалъ-то на какихъ вѣсахъ? на аптешныхъ?

— Ты не ерунди, я вѣдь правду говорю, самъ диву дался.

— Что-жъ, и я вотъ щуку вчерась пымалъ... Фунтовъ тридцать щука.

— Ишь ты? Это ты ужъ, должно, врешь,—усомнился фельдшеръ.—Чѣмъ поймалъ-то?

— Бреднемъ поймалъ, чѣмъ же ее таку махину?

— Пожалуй, что бреднемъ выцапаютъ и похлеще.

— Да хлеще-то куды ужъ! Отецъ Никонъ и тотъ сажени на двѣ руки распялъ, глазамъ не вѣрилъ.

Заслышавъ голосъ фельдшера, Никишка высунулся изъ избы. Онъ только что доѣлъ вчерашнюю рыбу и теперь жевалъ хлѣбъ. Ему нравилось, когда приходилъ фельдшеръ, потому что онъ усердно говорилъ съ нимъ о болѣзни; онъ понималъ, положимъ, что фельдшеръ говоритъ больше наобумъ, чѣмъ дѣйствительно что-нибудь знаетъ, но онъ его успокаивалъ, утѣшалъ, и Никишка это цѣнилъ.

— Здравствуй, Абрамъ Иванычъ,—протянулъ онъ фельдшеру узкую ладонь.

— А! И ты объявился! Давно съ богомолья пришелъ?—спросилъ Абрамъ Иванычъ.

— Да вчера только,—застѣнчиво улыбнулся Никишка.

— Это не тебя ли отецъ-то поймалъ? Говоритъ щуку въ тридцать фунтовъ... Въ тебѣ вѣдь какъ разъ тридцать?—лукаво подмигнулъ на Ѳому фельдшеръ.

— Нѣтъ, правда, фунтовъ десяти щуку пымали,—отвѣтилъ Никишка.

— А тебя спрашиваютъ,—шутя осерчалъ Ѳома.

— Такъ, значитъ, полпудика скостишь?—обратился къ Ѳомѣ фельдшеръ.

— Ты съ черныга-то фунтовъ восемь скости, тогда ужъ и я,—отпарировалъ Ѳома.

Никишка увязался идти на охоту вмѣстѣ съ Абрамомъ Иванычемъ. Ему хотѣлось подѣлиться впечатлѣніями съ образованнымъ человѣкомъ и попросить совѣта насчетъ одного рѣшенія, которое прочно засѣло въ его узкой головѣ.

IV.

Въ глубину лѣса вела слабо утоптанная тропинка, а по бокамъ ея, между высокими прямыми березками, пріютившись около корней и кочекъ, мягко чернѣла вода. Мѣсто было торфяное, низкое.

Фельдшеръ юрко шелъ впереди, а сзади него, еле поспѣвая за нимъ въ хлопающихъ опоркахъ, плелся Никишка.

— Мѣсто здѣсь низменное, Абрамъ Иванычъ, самъ видишь,— говорилъ, задыхаясь отъ ходьбы, Никишка.—Сырость здѣсь, воздухъ тяжелый, какъ не болѣть. Поневолѣ заболѣешь... Да и рѣка близко... Съ рѣки тоже тянетъ... Мга, туманъ... Отъ лѣсу темень всегда.

— Что и говорить! Больному здѣсь арестъ, и толковать нечего,— поддакивалъ фельдшеръ.

— Былъ это я въ Кіевѣ,—продолжалъ Никишка,—вотъ гдѣ рай-то, вотъ гдѣ теплынь! Красивое мѣсто!

— Кіевъ-то! Еще бы! Сказано—мать городовъ русскихъ.

— Хорошо вѣдь тамъ жить будетъ, а?

— Чего лучше.

— Вотъ я туда и махну опять,—понизивъ голосъ до шепота, проговорилъ Никишка.

— Жить, что ли, тамъ хочешь?

— Ну, да, жить.

— Дура ты,—оцѣнилъ его проектъ фельдшеръ.—Какъ же это ты тамъ жить-то будешь? Кто тебя даромъ кормить станетъ?

— А я, первымъ дѣломъ, приду туда, да въ больницу лягу, понялъ?—волнуясь и спѣша сталъ излагать Никишка.—Въ больницѣ тамъ народъ все кіевскій,—лягу это, поправлюсь, да и выспрошу, какъ и что. Вѣдь мнѣ какое мѣсто? Я вѣдь за харчъ одинъ жить стану... Мнѣ, главное, воздухъ тамъ легкій... А кормятъ тамъ хорошо, что и говорить... Работу если легкую, такъ я что же? Я вѣдь могу. Окромя того, поправлюсь вѣдь я тамъ, въ больницѣ-то? И Никишка заискивающе посмотрѣлъ на фельдшера.

— Ишь ты какой!—похвалилъ фельдшеръ.—Это ты, пожалуй, правильно. Только знаешь, какъ вѣрнѣе будетъ? Поди ужъ ты дальше, въ Крымъ... Гдѣ пойдешь, а гдѣ и на машинѣ—доѣдешь... Есть тамъ городъ одинъ, Ялта. Вотъ это городъ! Это, братъ, не что-нибудь! Тутъ тебѣ и море будетъ и горы, всякая штука. Господа всѣ туда лѣчиться ѣздятъ. Поѣдетъ какой—щепка-щепкой, а пріѣдетъ, во-онъ его какъ раздуетъ!—боровъ-боровомъ! Право слово, не вру. Главное, воздухъ тамъ полезный, ну и море тоже. У докторовъ это первое обыкновеніе: чахоточный, скажемъ, или еще тамъ съ какой тяжелой болѣзнью, куда?—въ Ялту.

— Ну?—радостно дрогнувшимъ голосомъ спросилъ недоумѣвающій Никишка.

— Право слово, не вру! Сейчасъ въ Ялту!

— Что же ты мнѣ раньше не сказалъ?—укоризненно и вмѣстѣ радостно спросилъ Никишка.

— Да вѣдь какъ раньше-то... Не приходилось все. Въ Ялту, въ Ялту! Тамъ, главное, море, а кругомъ горы, и самое, значитъ, важное,—воздухъ очень полезенъ: такой воздухъ, что и обѣдать не захочешь, какъ молоко парное пьешь.

— Да вѣдь я теперь что? Я теперь вѣдь житель, Абрамъ Иванычъ!—вскрикнулъ Никишка.

— И очень просто,—сочувственно замѣтилъ ему тотъ, но тутъ же зашикалъ, согнулся и замахалъ сзади рукой: на ближайшей березѣ чокалъ, пугливо прыгая, сѣрый дроздъ.

Никишка присѣлъ. Абрамъ Иванычъ выстрѣлилъ. Дроздъ свалился, цѣпляясь крыльями за сучья.

— Есть!—удовлетвореннымъ шепотомъ сказалъ фельдшеръ, и доставая упавшаго въ воду дрозда, прибавилъ недоумѣло:—И какъ это я вчера въ черныговъ промазалъ, придумать не могу: ближе этого билъ.

Но Никишку черныги совсѣмъ не занимали: мысли его были далеко, въ Крыму, въ сказочной Ялтѣ, куда уѣзжаютъ щепка-щепкой и откуда пріѣзжаютъ боровъ-боровомъ. «Вѣдь это что? Вѣдь это мнѣ просто Богъ послалъ. Ходилъ я въ Кіевъ, не думалъ, что награда отъ Него будетъ, а Онъ вотъ и послалъ».

Никишка былъ такъ взволнованъ и обрадованъ открывшейся перспективой здоровья, что, отвернувшись тихонько отъ фельдшера за кустъ, истово перекрестился три раза на городъ, гдѣ было много церквей.

Тропинка раздвигалась все шире и шире. Скоро пропали болота и кочки. Освѣщенныя солнцемъ, ярко зазеленѣли поляны, закраснѣли жесткія ягоды бересклета, зашелестѣли подъ ногами еще не сгнившіе прошлогодніе дубовые листья.

Повѣяло тепломъ, ароматомъ мелкихъ лѣсныхъ цвѣтовъ, и все это какъ-то тѣсно перемѣшалось въ душѣ Никишки съ надеждой на жизнь, на счастіе. Онъ подпрыгивалъ, поспѣвая за фельдшеромъ, улыбался правымъ краемъ рта и не замѣчалъ хлеставшихъ его по лицу вѣтвей.

Уже стемнѣло, когда Абрамъ Иванычъ съ Никишкой пришли къ сторожкѣ Ѳомы.

Одинъ сіялъ отъ маячившаго впереди исцѣленія, другой—отъ удачной охоты: кромѣ дрозда онъ убилъ двухъ дергачей и курочку.

Теперь, сидя у костра, на которомъ варился ужинъ, фельдшеръ пилъ водку и угощалъ ею Ѳому, Ѳедосью и даже Никишку.

— Плесни-ка рюмашку,—нетвердымъ голосомъ говорилъ онъ, протягивая Никишкѣ дрожавшую рюмку.

— Да вѣдь ты же самъ всегда говорилъ: не пей!—удивился Никишка.

— То я тебѣ говорилъ: не пей, ну, значитъ, и не пей; а теперь говорю: пей, ну, значитъ, и пей,—качалъ отяжелѣвшей головой фельдшеръ.

Никишка выпилъ, но съ непривычки его чуть не стошнило.

А фельдшеръ, войдя въ азартъ, сипло кричалъ:

— Ты, главное, не робь! Гдѣ-нибудь твоя линія должна быть, ну, и ищи! Я вѣдь тоже такой щуплый былъ, и въ солдатахъ былъ такой же. Ну, тамъ видятъ, куда меня? въ строй—жидковатъ, а парень грамотный, ну, меня—въ фельдшера. Вотъ она и линія, вотъ и кормлюсь всю жизнь... Точь-въ-точь я такой же былъ, ни дать ни взять, какъ ты. Въ кавалеріи служилъ, а лошади удержать не могъ. Разъ это на царскомъ смотру,—государь Николай Павловичъ тогда былъ, строгій государь!... Онъ такъ около меня на строй смотритъ, а моя-то лошадь, молодая была, сперва, съ норовомъ,—такъ впередъ и претъ, такъ и претъ, весь строй гадитъ, и сижу я, какъ собака на заборѣ, посадка плохая... Какъ воззрился на меня! Благодѣтели!... Глаза-то огромные, во! (онъ показалъ на раздвинутыхъ пальцахъ отверстіе съ блюдечко величиной). Какъ крикнетъ на меня: «Эт-то что такое? Ты откуда взялся, а?» «Ротный фельдшеръ, говорю, Ваше Императорское Величество!—«Убрать этту клистирную трубку!» Какъ закричалъ... мамочки! Чуть я съ сѣдла не слетѣлъ съ перепугу. Право слово, не вру! Грудь была здоровенная! Какъ крикнулъ, братъ ты мой! На весь плацъ было слышно... Прямо труба архангельская. «Уббрать эту клистирную тррубку!...» Помру не забуду. Вотъ государь былъ! Воинъ! Куда!... Меня это, раба Божія, сцапали за загривокъ и прямымъ ходомъ на абвахту. Сидѣлъ ужъ я тамъ, сидѣлъ, сидѣлъ, сидѣлъ, насилу выпустили... А развѣ я что? Начальство приказываетъ на смотръ,—ну, значитъ, и на смотръ, и не ослушайся. Начальство вѣдь тогда тоже строгое было.

Ѳома покатывался, глядя на «клистирную трубку», визгливо, съ затяжками смѣялась Ѳедосья и Никишка противъ обыкновенія тоже былъ веселъ и беззвучно хихикалъ.

Ночью онъ долго ворочался и никакъ не могъ заснуть. Онъ уже не видѣлъ летучихъ мышей, потрясенное воображеніе его рисовало большой городъ, море и горы, о которыхъ онъ столько читалъ, но которыхъ никогда не видѣлъ. Вездѣ большіе дома, чистыя, какъ

стекло, улицы, а воздухъ такой густой и легкій, что прямо пьешь его какъ молоко, и напиться не можешь.

V.

Никишка повеселѣлъ и ожилъ.

— Ты бы, малый, почаще въ Кіевъ-то ходилъ, ей-Богу!—говорилъ ему Ѳома.

Никишка ухмылялся.

Теперь ему все представлялось ясно. Онъ придетъ въ Ялту этимъ же лѣтомъ, проживетъ тамъ сколько надо, поправится, и тогда начнетъ жить.

И когда онъ видѣлъ, какъ легко и просто отецъ сдвигаетъ съ берега въ воду грузную лодку, онъ уже не завидовалъ.

Черезъ недѣлю онъ началъ собираться.

— Никакъ и вправду итить хочешь?—спросилъ его Ѳома.

— А то, что же намъ?—лихо тряхнулъ головою Никишка.

— Куды-те несетъ къ лѣшему въ омутъ головой, прости Господи!—отозвалась Ѳедосья.—И думать не моги! Сковырнешься гдѣ поди въ чужихъ людяхъ,—ходить за тобой, что ли, будутъ? Жди! Тутъ все какъ-ни-какъ при матери, при отцѣ живешь.

— Да вѣдь ты то пойми: поправлюсь вѣдь я тамъ,—убѣждалъ Никишка.

— И-и! Поправлюсь! Тоже дуракъ умнаго учитъ, отколь солнце всходитъ. Послушался брехуна-то! Поправитъ тебя доска сосновая, пра-аво!... Что же это въ Ялтѣ въ этой самой народъ не помираетъ, что ли? Да это со всего бы свѣта понашли-понаѣхали! Одинъ, что ли, ты такой?—кричала Ѳедосья.

— Пущай погуляетъ, ему что? Все одно безъ дѣла болтается,—отстаивалъ его Ѳома.

И Никишка пошелъ.

Пришелъ онъ обратно черезъ четыре дня, синій, страшный, худой. На дорогѣ онъ попалъ подъ дождь, промочившій его до нитки, заболѣлъ лихорадкой, схватилъ кашель, увидѣлъ, что не дойти ему до Ялты, и повернулъ назадъ.

Онъ улегся на печь, укрылся тулупомъ, слушалъ однообразное, какъ лязгъ желѣзныхъ цѣпей, ворчанье матери, кашлялъ и думалъ, что теперь ему не жить.

— Будетъ ужъ тебѣ, не долдо̀нь!—хрипло кричалъ онъ матери изъ-подъ тулупа.—Все равно ужъ теперь!... Умру я скоро!

VI.

Это было въ ясное погожее утро, часовъ въ девять.

Ѳома только что вернулся съ обхода лѣса и, снявъ картузъ, сидя на бревнѣ около избы, глубокомысленно разглядывалъ рыжіе сапоги, на которыхъ остались отъ росы черныя мокрыя пятна.

Ѳедосья полоскала бѣлье на рѣкѣ, и стукъ ея валька круглыми упругими волнами далеко расходился надъ водою.

Никишка по обыкновенію лежалъ, но не въ избѣ, а на «нашестѣ». Онъ пристроилъ къ солнечной сторонѣ крыши скатъ изъ досокъ, настелилъ туда соломы, накрылъ ее одёжей и, забравшись туда, вылеживалъ тамъ цѣлые дни. А дни наступили сухіе и жаркіе: былъ конецъ іюля.

Ѳома думалъ, стоитъ ли сегодня ѣхать осматривать вчера поставленные вентеря, или не стоитъ; Никишка думалъ, удастся ли ему дойти до Ялты, или не удастся; вдругъ издали, изъ кустовъ тальника, донесся до нихъ молодой сочный женскій голосъ и раскатистый мужской смѣхъ. Ѳома насторожился. Раздвинулись ближайшія вѣтки, и на поляну выбѣжала одѣтая по городскому дѣвушка, а за ней мужчина въ формѣ почтоваго чиновника изъ начинающихъ.

«Мамашенька бранится,
Зачѣмъ дочка грустна,
Она того не знаетъ,
Въ кого я влюблена»...

бойко запѣла дѣвушка и, докончивъ куплетъ, звонко кинула Ѳомѣ:

— Дрожайшему родителю наше почтеніе!

— А, дочка! Въ кои-то вѣки пожаловать изволили?—въ тонъ ей отвѣтилъ Ѳома, подымаясь и снимая картузъ.

Она была вся свѣжая, молодая, красивая и гибкая, на ней было свѣтлое платье съ кружевными оборками и шнурками, на головѣ—размашисто спущенный на ухо вязаный красный платокъ и въ рукахъ маленькій цвѣтной зонтикъ.

Это была уже родная дочь Ѳомы отъ Ѳедосьи. Вышла она вся въ него, веселая, живая, краснощекая, съ сѣрыми задорными глазами, рыжеватыми волосами и прямымъ носомъ.

Жила она съ пятнадцати лѣтъ въ городѣ въ горничныхъ, теперь ей было около двадцати.

— Ѳедосья!—закричалъ Ѳома въ сторону рѣки.—Мотя пришла.

Онъ расцѣловался съ дочерью и недоумѣло протянулъ руку чиновнику; тотъ приподнялъ фуражку и поздоровался.

— Ты, папаша, его не бойся, это ему въ лѣсу жутко стало, а то вѣдь онъ не кусается. Это женихъ мой,—отрекомендовала она чиновника.

Женихъ былъ крѣпко сложенный, обрубковатый парень съ необросшимъ толстымъ лицомъ и красными руками, выходившими изъ короткихъ рукавовъ тужурки.

— Ишь ты!—одобрительно потянулъ Ѳома; онъ хотѣлъ добавить: «какого подцѣпила!» но удержался.

— Пришли мы за родительскимъ благословеніемъ навѣки нерушимымъ,—продолжала бойко отчеканивать Мотя, играя смѣшливыми глазами,—только это ты намъ послѣ дашь, а теперь чаемъ напой, а то шли мы долго и заморились.

— Ишь ты, дѣло-то какое!—довольнымъ тономъ замѣтилъ Ѳома, и по лицу его, теряясь въ густыхъ усахъ и бородѣ, поползла дѣтски-блаженная улыбка: женихъ съ кокардой и серебряными наплечниками ему положительно нравился.

Никишка лежалъ наверху и наблюдалъ, какими здоровыми и жизнерадостными были Мотя съ женихомъ. «Сто лѣтъ проживутъ», подумалъ онъ про нихъ, и ему стало больно отъ зависти и хотѣлось провалиться куда-нибудь, чтобы его никто не замѣтилъ.

Но его замѣтили.

— Больной, что ли?—тихо спросилъ, кивая на него головой, женихъ у Моти.

— А, братецъ мой любезный!—направилась къ нему Мотя.—Умирать собираетесь?

Никишка грустно улыбнулся, потомъ худыми узкими руками поднялся на «нашестѣ» и привычными движеніями длинныхъ ногъ спустился внизъ.

— Въ Кіевѣ-то былъ?—безжалостно иронически спросила Мотя.

— Въ Кіевѣ былъ, а вотъ въ Ялту хотѣлъ дойти, не дошелъ, простудился,—глухо отвѣтилъ Никишка, глядя въ землю

— Въ Ялту! Тоже губа не дура, ишь куда захотѣлъ! У насъ въ прошломъ годѣ барышню тоже въ Ялту возили, чахотка была такая, какъ ты,—подбрасывая зонтикомъ, припомнила Мотя.

— Ну? А оттуда какая пріѣхала?—спросилъ Никишка съ живѣйшимъ участіемъ.

— Оттуда?—переспросила съ усмѣшкой Мотя.—Оттуда не повезли, тамъ и схоронили.

Никишка больше ничего не спрашивалъ: для него теперь сразу стало ясно, что онъ умретъ, и, съ ненавистью взглянувъ исподлобья

на краснаго, крѣпкаго жениха Моти, онъ повернулся, кашлянулъ въ руку и побрелъ по узкой тропинкѣ въ глубь лѣса.

Безъ шапки, въ опоркахъ, надѣтыхъ на босыя ноги, длинный, узкій, жалкій, окончательно пришибленный, онъ шелъ среди роскошныхъ отъ дождей зеленыхъ кустовъ орѣшника и черемухи, шелъ и тупо глядѣлъ въ землю.

Кіевъ, Ялта,—все, отъ чего онъ ждалъ спасенія, разлетѣлось прахомъ. Точно это былъ грибъ-дождевикъ, круглый и полный, но ударили по грибу палкой, и онъ превратился въ душную пыль.

Теперь уже ничего не оставалось у Никишки, никакихъ надеждъ.

Ему представилось, какъ лежитъ онъ въ гробу мертвый, но чувствующій, какъ на немъ кишатъ черви, обгладывая кости, и онъ все это слышитъ, и ему больно и душно, но онъ не можетъ пошевельнуться.

Почти на самой тропинкѣ лошадиный черепъ, съ длинными желтыми зубами и черными впадинами глазъ, мирно покоился подъ кустомъ смородины. Онъ видѣлъ этотъ черепъ и прежде, но теперь ему показалось, что въ черепѣ сидитъ смерть и стережетъ каждый его шагъ, глядя сквозь темныя впадины.

Онъ похолодѣлъ, остановился и несмѣло толкнулъ черепъ ногой; черепъ лѣниво перевернулся, сверкнулъ оскаленными зубами, а подъ нимъ на мокрой землѣ закопошились козявки. Смерть глядѣла теперь на него черезъ одну глазницу и какъ бы говорила: «Оттолкнуть меня хочешь, нѣтъ, не оттолкнешь! И мать, и вотчимъ, и сестра, и женихъ ея будутъ жить, а ты умрешь».

Ему сдѣлалось страшно и хотѣлось уйти, но кругомъ былъ лѣсъ. За передними дубами и кленами виднѣлись сквозь зелень еще другіе, потоньше, за этими еще и еще...

Никишкѣ показалось, что онъ въ клѣткѣ, и что деревья—спицы клѣтки, что сколько бы онъ ни шелъ, онъ не уйдетъ. Поэтому онъ безнадежно оглянулся кругомъ и сѣлъ на упавшую отъ бури ветлу. Ветла была старая, наполовину гнилая, такъ что отъ ствола въ нижней части остался только тонкій слой коричневой древесины, прикрытый корою. Но ветла хотѣла еще жить; она вцѣпилась въ землю жидкими сучьями и, шурша бѣлесыми повисшими листьями, не сдавалась. Соки шли еще по тонкому слою древесины, ихъ было мало для всѣхъ вѣтвей, но они были, и дерево жило, жило, готовясь къ смерти.

Никишкѣ это показалось слишкомъ похожимъ на него самого. Ему стало непріятно и досадно; онъ всталъ съ ветлы и пошелъ по тропинкѣ дальше, пока не наткнулся на широкій почернѣвшій дубовый пень.

Передъ самыми глазами его проскользнула въ воздухѣ съ громкимъ пискомъ синица; кругомъ раздавались тоже какіе-то лѣсные голоса: шумъ листьевъ, гудѣніе пчелъ, и все это въ общемъ отразилось въ его душѣ, какъ досадная стая летучихъ мышей.

Онъ сѣлъ на пень, и руки его опустились между колѣнъ, костлявыя, узкія, нерабочія.

Внимательно и долго разсматривалъ Никишка свои руки. Ему было противно все его худое, истощенное тѣло, но руки больше всего: онѣ лишали его возможности работать, жить такъ, какъ другіе. Чѣмъ больше онъ смотрѣлъ на нихъ, тѣмъ больше накоплялось въ немъ жалкой слезливой злобы, и, откачнувшись, онъ неожиданно для самого себя плюнулъ на нихъ сразмазу.

Онъ сидѣлъ, нагнувши голову, смотрѣлъ, какъ съ пальцевъ стекала, вытянувшись въ нитку, слюна, и думалъ: «Почему я умру, а они будутъ жить?»

Передъ нимъ выросла, играя красными тонами щекъ, обрубковатая крѣпкая фигура жениха Моти. Въ ней все было плотно прилажено и сбито: и широкая грудь, распиравшая тужурку, и бычья шея, и мускулистыя руки, выходившія изъ рукавовъ.

Отчего же одному дано много, а другому ничего?

Исподлобья взглянулъ онъ вверхъ, точно желая тамъ найти отгадку; но тамъ зеленѣли листья и синѣло небо; и листья и небо были далеки отъ него, полны собою и безучастны.

Никишка почувствовалъ, что онъ одинъ, что онъ никому и никуда не нуженъ, и что онъ неминуемо скоро умретъ.

Это было прежде всего непонятно и обидно, и отъ обиды въ Никишкѣ подымалась сдавленная безсильная злость.

VII.

Онъ пришелъ къ избѣ вечеромъ. Раньше онъ не хотѣлъ идти, несмотря на голодъ: онъ боялся, что Мотя будетъ надъ нимъ смѣяться, а женихъ ея смотрѣть на него недоумѣло-презрительными и самодовольными глазами.

Но подойдя, онъ засталъ всѣхъ дома.

Женихъ стоялъ безъ фуражки на берегу и курилъ, блестя широкимъ стриженымъ подъ польку затылкомъ, Ѳома прилаживалъ сидѣнья въ лодкѣ, нагнувшись такъ, что была видна только его новая кумачевая завороченая рубаха, а Ѳедосья добродушно говорила дочери:

— Затѣйница, право слово, затѣйница! И чего не выдумаетъ? На тотъ бокъ кашу варить. Что она тамъ скуснѣе будетъ?

Глаза у нея были масляннистые, и все лицо сіяло однимъ простымъ и пріятнымъ сознаніемъ: дочь была пристроена и помолвка справлена.

— Нѣтъ ужъ, мамочка милая, здѣсь кашу варить, это къ моей физикѣ не подходитъ,—бойко отозвалась Мотя и свѣжей зеленой вѣткой хлестнула жениха по спинѣ.

Тотъ обернулся и степенно, съ папиросой въ зубахъ, смѣющійся и довольный, протянулъ руки, чтобы вырвать вѣтку, но она извивалась, какъ у́жъ, била его по протянутымъ рукамъ, визжала и хохотала отъ удовольствія и отъ избытка жизни.

— Ну, что она выдумываетъ, что выдумываетъ, срамница,— широко улыбаясь, качала головой Ѳедосья.—Вотъ, смотри, надоѣстъ она тебѣ,—обратилась она къ жениху,—болтаетъ день-деньской, угомону нѣтъ.

— Пускай болтаетъ,—отозвался женихъ,—я вотъ это-то и люблю, что веселая. Работа-то у насъ скучная, да если еще и жена попадетъ скучная, куда-жъ тогда дѣваться?

— А я буду звонить, звонить языкомъ, пока въ гробъ не вгоню!—смѣялась Мотя.—Господи! Выдумали дураки будильники какіе-то! Изъ меня вотъ бы какой будильникъ вышелъ, просто прелесть. Никому бы покою не дала!

— Жениха-то пожалѣй, что-жъ ты его такъ охаживаешь,—смѣялся и Ѳома изъ лодки.

— Нужно его, ишь онъ недоимщикъ какой!—притворно-сердитымъ голосомъ отозвалась Мотя и посмотрѣла на жениха букой.

Никишка все это видѣлъ и слышалъ изъ-за кустовъ. Опять въ тысячный разъ онъ почувствовалъ себя лишнимъ и тихо усѣлся подъ орѣшникомъ, выжидая, когда они уѣдутъ.

Вотъ Ѳедосья вынесла прикрытый грязной тряпкой самоваръ, котелокъ для каши, пучокъ сухой лучины и стала укладывать все на днѣ лодки, неуклюже поворачиваясь въ ней тучнымъ тѣломъ.

Ѳома, взявъ у будущаго зятя папироску, съ наслажденіемъ, закрывая глаза, затягивался «турецкимъ» и вспоминалъ, какъ одинъ разъ на охотѣ купецъ Зязинъ угощалъ его сигарой.

— Вотъ это такъ штука! Толстенная! Курилъ я ее, курилъ почесть день цѣльный... И дымъ сладкій, какъ сахарный, — говорилъ Ѳома.

— А какъ лодка-то? Спокойная? Не потечетъ? —спросилъ женихъ

— Да не должна бы течь... Пока не текла... Я вѣдь ее смолилъ эту весну, гудрономъ, всю чисто... — не спѣша отвѣчалъ Ѳома въ промежуткахъ между затяжками.

— Лодка крѣпкая,—добавила и Ѳедосья.

— А четверыхъ-то подыметъ?—снова справился женихъ.

— Семерыхъ подыметъ, не токма четырехъ,—самодовольно отвѣтилъ Ѳома.

— Ну, и потонешь, эка штука! Невидаль какой... мужъ!—протянула Мотя.

— Мужъ-то, можетъ, и не потонетъ, а вотъ какъ жена,—засмѣялся чиновникъ.

— Жена-а! Подумаешь! Жена тебѣ не рожена, а теща въ пеленкахъ!—и Мотя снова ударила его вѣткой.

Никишка видѣлъ, какъ они усѣлись въ лодку, причемъ женихъ Моти все пробовалъ, крѣпки ли сидѣнья и нѣтъ ли щелей въ бортахъ, а подвыпившій Ѳома съ Мотей надъ нимъ смѣялись.

Ѳома сталъ на кормѣ, отпихнулся отъ берега и повернулъ лодку.

Сѣрая, большая, некрашеная лодка, грузно усѣвшись въ воду, покачнулась и повернулась лѣниво, точно не хотѣла уходить отъ берега. Борта ея подымались надъ водой вершка на два, и женихъ снова опасливо заговорилъ:

— Какое тамъ семерыхъ, она и четверыхъ едва держитъ.

— И то правда,—поддержала Ѳедосья.—Вы ужъ сидите-то поскромнѣе.

Мотя звонко разсмѣялась и шутя начала раскачивать лодку изъ стороны въ сторону.

— Ну, ты, озорница!—прикрикнула на нее Ѳедосья.

Никишка смотрѣлъ на нихъ завистливыми глазами: «Небось обо мнѣ и не вспомнилъ никто, и повѣсься я сейчасъ на дубу, скажутъ: хорошо сдѣлалъ».

Широкая рѣка была спокойна; по ея темной спинѣ скользили розовые отблески зари. На другомъ берегу подымалась темная зелень сплошного дубоваго лѣса. Краснымъ яркимъ пятномъ на медленно движущейся лодкѣ выдѣлялась стоячая фигура Ѳомы: изъ-за него блестѣли серебрёные погоны жениха Моти и бѣлѣла ея кофточка, и до Никишки долеталъ съ рѣки ея визгъ и смѣхъ.

Они были уже на серединѣ, когда случилось что-то непонятное, страшное, жестокое и совершенно ненужное.

Мотя шалила. Она зачерпнула рукой воды и плеснула въ лицо жениха. Тотъ не хотѣлъ остаться въ долгу, онъ тоже наклонился зачерпнуть воды, но не соразмѣрилъ силы. Низко сидѣвшая лодка накренилась, опустилась лѣвымъ бортомъ въ рѣку, и широкимъ каскадомъ въ нее хлынула желтая вода.

Ѳедосья испуганно взвизгнула и всѣмъ тяжелымъ тѣломъ ин-

стинктивно бросилась вправо. Правый бортъ такъ же, какъ и лѣвый, ушелъ въ воду.

Еще не успѣлъ никто опомниться, какъ лодка, наполовину полная водою, стала тихо опускаться подъ ними.

Выбѣжавшій изъ-за кустовъ Никишка, испуганно расширивъ глаза и застывъ на берегу отъ ужаса, смотрѣлъ, какъ они тонули.

Женщины не умѣли плавать, и громкій безпомощный крикъ ихъ двойнымъ потокомъ ворвался въ дремавшій воздухъ.

Но кругомъ все было тихо.

Также темно-зеленой неподвижной стѣной стоялъ дубовый лѣсъ на той сторонѣ, также спокойно протянулись надъ водой длинные, корявые сучья на этой; также, свѣсивъ узкіе листья, любовался собою въ водѣ камышъ; сіяла заря, розовѣли весело тучки, а на серединѣ рѣки небольшая кучка людей тонула. Быстро намокшая одежда давила ихъ и тащила внизъ; отъ безпорядочной возни ихъ на поверхности въ разныя стороны тихо покатились грядками мелкія круглыя волны: точно улыбнулась насмѣшливо рѣка.

Красная кумачевая рубаха Ѳомы почернѣла отъ воды и надулась пузыремъ, а кудлатая голова отчаянно вертѣлась изъ стороны въ сторону, въ тактъ неуклюже высовывавшимся изъ воды рукамъ.

Ѳедосья барахталась и кричала: «Спасите, батюшки!» Потомъ надъ водой осталась только ея голова съ упавшимъ на шею платкомъ, и вмѣсто словъ въ воздухѣ надъ самой водой стонало одно захлебывающееся, замирающее: «А-а-а!»...

Потомъ и голова скрылась подъ водою.

Никишка видѣлъ уже теперь только два пятна: одно впереди, черное съ бѣлымъ — это женихъ Моти, обхвативъ ее поперекъ лѣвой рукой, гребъ правой, а сзади его другое пятно, темное, мелькающее надъ водой—это вотчимъ.

Ему было страшно жаль ихъ, и онъ метался по берегу и кричалъ. Но онъ зналъ, что не поможетъ, и что кругомъ никого нѣтъ, и дрожалъ всѣмъ своимъ худымъ тѣломъ и отъ жалости, и отъ страха, и отъ безсилія помочь.

— Никишка! Родной!—донесся вдругъ до него сдавленный хриплый голосъ Ѳомы.

Онъ уже выбился изъ силъ: тяжелые новые сапоги, въ которыхъ онъ вздумалъ пощеголять ради помолвки, сковывали его ноги; руки сводило судорогой.

Никишка вздрогнулъ и прыгнулъ съ берега въ воду. Съ дѣтства онъ боялся воды и плавать не умѣлъ. Прыгая въ воду, онъ зналъ, что никому и ничѣмъ не поможетъ, но стоять на берегу въ то время,

когда тонутъ его родные, близкіе ему люди, стоять и только смотрѣть — было ужъ слишкомъ невыносимо. Никишка бросился даже вплавь, часто и ненужно болтая ногами; но въ двухъ шагахъ отъ берега дно переходило въ обрывъ. Онъ хотѣлъ стать здѣсь, но окунулся съ головой. Испуганный и дрожащій, кое-какъ докарабкался онъ до мелкаго мѣста и, тяжело отдуваясь, сталъ.

Головы вотчима уже не было видно.

Шагахъ въ двадцати медленно и тяжело плылъ женихъ Моти.

Ея голова съ блѣднымъ, чѣмъ-то обрѣзаннымъ, мокрымъ лицомъ и закрытыми глазами безжизненно кивала при каждомъ его взмахѣ, а онъ молча гребъ правой рукой, ежесекундно выплевывая воду.

— Скорѣй, скорѣй! Еще немножко осталось,—сквозь слезы кричалъ ему Никишка, но онъ уже захлебывался и опустился глубже.

Никитка видѣлъ, какъ силился онъ оторвать рукой обхватившія его за шею и окостенѣвшія руки Моти, но не могъ.

— Какъ же это? Господи!—кричалъ на берегу Никишка.

Онъ видѣлъ, какъ отчаянно билось надъ водой тѣло жениха Моти, и потомъ торжественно и тихо опустилось на дно вмѣстѣ съ ней.

По рѣкѣ поплыло нѣсколько бѣлыхъ пузырей, и, спокойная, она попрежнему уходила куда-то вдаль, а камыши у берега попрежнему любовались въ ней своимъ отраженіемъ.

По лицу Никишки текли слезы и останавливались въ сѣрыхъ впадинахъ щекъ.

Онъ никакъ не могъ обнять и понять всего, что случилось сейчасъ передъ его глазами.

Онъ стоялъ и широкими глазами все смотрѣлъ туда, гдѣ исчезли всѣ такъ недавно еще веселые, полные жизни люди. Но тамъ плавала только грязная тряпка съ самовара и фуражка Ѳомы, да торчалъ уголъ высунувшейся лодки.

Никишка закрестился испуганно и часто и, забывъ свою хворь, обдирая локти о кусты, опрометью бросился за версту черезъ лѣсъ къ монастырю.

VIII.

Наступила ночь. Въ лѣсной сторожкѣ горѣла маленькая жестяная лампочка, а около нея за столомъ сидѣлъ Никишка и жевалъ хлѣбъ.

Человѣкъ пять монаховъ вмѣстѣ съ сѣдымъ о. Никономъ приходили, осмотрѣли мѣсто катастрофы, вытащили затонувшую, но опрокинувшуюся лодку и ушли, разсудивъ, что тѣла дня черезъ три вскроются сами, а искать ихъ теперь безполезно.

Никишка остался одинъ съ огромной непосильной для него задачей: почему погибли такіе здоровые, какъ вотчимъ съ матерью, такіе цвѣтущіе, какъ сестра съ женихомъ, а онъ, никому и ни на что ненужный, давно обреченный на смерть, остался?

Этого онъ не могъ понять. Прежде ему было завидно и досадно, теперь страшно. Страшно было оставаться наружи около рѣки, страшно и въ избѣ. Закопченая печь мрачно глядѣла на него черной открытой пастью, по законопаченнымъ стѣнамъ на паклѣ висѣла копоть, и прусаки молчаливо шныряли по столу, шевеля усиками.

Все кругомъ было тихо, точно задумалось, и надо всѣмъ висѣла тайна. Никишкѣ теперь казалось, что онъ не одинъ, что кругомъ торчитъ что-то между столомъ и печкой, между печкой и потолкомъ, торчитъ что-то невидимое, но тяжелое и мѣшаетъ жить.

Передъ нимъ развернулась рѣка, а на ней голова матери, вотчима, Моти, жениха. Они всѣ хотѣли жить, но надъ ними нависло это тяжелое и вдавило ихъ въ воду. Онъ чувствовалъ, какъ давно уже виситъ оно и надъ нимъ и все давитъ, не давая опомниться, и все ближе пригибаетъ къ землѣ.

Стекло лампочки было засижено мухами и закопчено; свѣтъ отъ нея былъ тусклый, непріятный для глазъ, и въ углахъ избы чернѣло что-то жуткое.

Никишка привыкъ видѣть въ избѣ мать у печки или у корыта, вотчима—на лавкѣ, и теперь то, что никого кругомъ не было, казалось ему страннымъ и непонятнымъ, онъ никакъ не могъ освоиться съ мыслью, что ихъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ на землѣ.

Ему вспомнился лошадиный черепъ съ черными впадинами глазъ, а рядомъ съ нимъ отдувающееся красное лицо жениха Моти. Черныя впадины глядѣли на это лицо и оскаленные зубы смѣялись.

Никишка не могъ усидѣть въ избѣ. Ему сдѣлалось тамъ такъ душно и страшно, что онъ вышелъ на воздухъ.

Сквозь деревья бѣлѣла рѣка, а на небѣ, задѣвая за облачко, плыла луна и мерцали звѣзды.

Никишка несмѣло взглянулъ на рѣку, и ему показалось, что на самой серединѣ шевелятся темныя головы и мелькаютъ руки, и чуть слышно доносится вмѣстѣ съ плескомъ:

— Никишка! Родной!

— Ахъ, ты, Господи! Да какъ же это!—вслухъ спросилъ Никишка.—За что же это Ты ихъ такъ?

Всю жизнь ему казалось несправедливымъ то, что онъ созданъ уродомъ, что онъ не такой, какъ всѣ. Но и уродъ, онъ всетаки остался жить, а неуроды погибли.

Кругомъ была тишина, но худое, напряженное тѣло Никишки дрожало въ каждомъ суставѣ, и ему казалось, что темные кусты и деревья кругомъ тоже дрожали и зловѣще кивали головами.

Чтобы согрѣться, онъ хотѣлъ развести костеръ, поднялъ валявшіеся около три сучка, но тутъ же бросилъ ихъ: онъ представилъ трескъ дерева въ красномъ огнѣ и это его испугало.

Отъ рѣки несло сыростью и жутью, и крадучись онъ вошелъ опять въ избу.

Ему показалось, что кто-то тихо идетъ за нимъ, почти вровень съ его плечами, и пробуетъ его обогнать. Онъ замеръ на мѣстѣ, потомъ оглянулся, испуганными глазами впился въ темноту и торопливо задвинулъ на засовъ двери.

Въ избѣ было теплѣе, но удушливѣе.

По привычкѣ Никишка забрался на печь и накрылся тулупомъ. Но въ темнотѣ подъ тулупомъ онъ увидѣлъ то, что часто видѣлъ и прежде: стая летучихъ мышей пищала и билась перепончатыми крыльями; головы у нихъ были похожи на головы утонувшихъ, а пискъ отдавался въ ушахъ, какъ предсмертный крикъ матери: «Спасите! Батюшки!... А-а-а!...»

Никишка отбросилъ тулупъ, свѣсилъ ноги съ печки и, тяжело дыша, началъ креститься на чернѣвшій въ темномъ углу образъ.

— Упокой, Господи, рабовъ твоихъ,—Ѳому, Ѳеодосью, Матрену и того (онъ не зналъ, какъ звали жениха Моти)... Дай имъ, Господи, мѣсто покойное!

Больше онъ ничего не могъ придумать. Онъ сидѣлъ, и въ головѣ его, вытѣснивъ рѣшительно все, какъ остріе, торчалъ большой, больной вопросъ:

— Какъ же это? Вѣдь имъ сколько вѣку оставалось, а вотъ ихъ ужъ нѣтъ... а онъ живъ!

Еще разъ онъ осмотрѣлъ избу.

Маленькая лампочка горѣла, не освѣщая дальнихъ угловъ, и углы мрачно чернѣли, но недалеко отъ стола подъ лавкой искрился какой-то металлическій предметъ. Никишка вглядѣлся и увидѣлъ, что это пустой патронъ, оставленный недавно бывшимъ охотникомъ и никѣмъ не поднятый. И вотъ, неизвѣстно почему, передъ нимъ выросъ шагающій съ ружьемъ по болоту загрядчинскій фельдшеръ, а за нимъ впереди блеснуло широкое море, засинѣли горы, забѣлѣла Ялта.

И вдругъ ему стало ясно: онъ остался въ живыхъ, чтобы жить.

Эта мысль сперва ошеломила его, и онъ съ открытыми глазами долго сидѣлъ, осваиваясь съ нею. Почему же именно нужно жить

ему, никуда негодному въ жизни, и не нужно было жить тѣмъ четверымъ? Но на помощь ему пришла новая мысль: вѣдь онъ могъ бы придти изъ лѣсу и раньше, еще къ обѣду, могъ бы выйти изъ-за кустовъ, когда пришелъ,—тогда изъ жалости его, можетъ быть, посадили бы тоже въ лодку, и онъ утонулъ бы прежде всѣхъ.

Тутъ только онъ припомнилъ не приходившій раньше на память случай изъ дѣтства.

Ему было тогда лѣтъ двѣнадцать. Бродя по лѣсу, онъ вздумалъ поставить нырето въ одно озеро, гдѣ подъ широкими листами кувшинокъ билась карпія. Ѳома нырета не далъ, и онъ взялъ его самъ, ночью; ночью же онъ пошелъ въ лѣсъ, раздѣлся около озера и полѣзъ въ воду.

Ночь была мѣсячная, росистая, жуткая; вода въ озерѣ холодная, прикрытая густой ряской.

Онъ шелъ, дрожа отъ холода и увязая почти до колѣнъ въ тинѣ. Ему казалось, что дальше на серединѣ будетъ песокъ, и онъ все шелъ, таща за собой тяжелое нырето, пока не провалился въ яму. Тогда, бросивъ нырето, онъ испуганно повернулъ назадъ, но попалъ не на прежній путь, а въ самую чащу водяныхъ лилій и кувшинокъ. Цѣпкія и длинныя, онѣ охватили его со всѣхъ сторонъ, и чѣмъ больше онъ выбивался изъ нихъ, тѣмъ больше запутывался, какъ въ сѣти. Онъ не кричалъ о помощи, понимая, что въ лѣсу его некому услышать, но соображалъ, что нужно оборвать охватившія его водоросли постепенно, и началъ обрывать ихъ руками и зубами, барахтаясь въ вонючей, грязной водѣ. Какъ онъ выбрался оттуда, онъ ясно не помнилъ; помнилъ только, что на слѣдующій день вотчимъ остервенѣло билъ его и таскалъ за волосы, а за ныретомъ и самъ не полѣзъ въ озеро, считая его бездоннымъ.

Итакъ, не умѣя плавать, онъ свободно могъ утонуть еще тогда, лѣтъ пятнадцать назадъ, но не утонулъ; могъ утонуть и теперь, но тоже не утонулъ,—значитъ, его кто-то берёгъ, а если берёгъ, значитъ, затѣмъ, чтобы онъ отстрадалъ сколько нужно, а потомъ жилъ.

И когда Никишка пришелъ къ такой мысли, ему вдругъ стало легко.

Прежде въ избѣ было тѣсно отъ чего-то невидимаго и тяжелаго, теперь—просторно.

Онъ соскочилъ съ печки, досталъ блестѣвшій предметъ, повертѣлъ его въ рукахъ и бросилъ въ уголъ. Патронъ ударился о большой кованый сундукъ и глухо звякнулъ.

Никишка подошелъ къ сундуку и радостно вспомнилъ, что въ немъ заячья шубка матери, еще новая, тряпье, приготовленное въ

приданое для Моти, и деньги. Сколько этихъ денегъ, онъ не зналъ, но онъ видѣлъ нерѣдко, какъ послѣ каждой получки мать прятала ихъ туда, завязывая въ мѣшочекъ.

Онъ не дошелъ до Ялты, потому что далеко, потому что ему трудно, но доѣхать до нея легко, были бы деньги.

Деньги были въ этомъ сундукѣ; онъ оставался въ избѣ полнымъ хозяиномъ, никто не могъ запретить ему взять ихъ, только сундукъ былъ запертъ, а ключъ висѣлъ всегда у Ѳедосьи на шеѣ.

Волнуясь, пугливо, Никишка сѣлъ на корточки передъ сундукомъ и сталъ ломать замокъ.

Онъ дѣлалъ это неумѣло и робко, какъ неопытный воръ, долго возился, вспотѣвшій отъ усталости, наконецъ, поддѣлъ кольцо желѣзнымъ ухватомъ, и оно отскочило.

Мѣшочекъ съ деньгами лежалъ почти сверху, чуть прикрытый рукавомъ шубки. Никишка жадно схватилъ его, развязалъ и высыпалъ деньги на столъ. Онъ пересчиталъ ихъ разъ, другой, третій,—вышло 37 руб. 20 коп.

Лампочка едва горитъ и чадитъ; въ подслѣповатыя оконца вливается блѣдный утренній свѣтъ, а Никишка сидитъ за столомъ и грезитъ.

Синѣютъ горы, синѣетъ море... По улицамъ Ялты движется нарядная толпа вродѣ той, какую онъ видѣлъ въ Кіевѣ на Крещатикѣ...

Всѣ довольны, всѣ счастливы, а въ толпѣ вмѣстѣ съ другими и онъ,—статный, красивый, здоровый.

На безкровныхъ сухихъ губахъ Никишки застыла улыбка, костлявыя, узкія руки подперли голову, а сверху, съ оконной рамы на него недоумѣвающе глядятъ два большихъ степенныхъ и угрюмыхъ черныхъ таракана.

С. Сергѣевъ-Ценскій.

Изъ Анни Виванти.

(Съ итальянскаго.)

Судьба.

Онъ мнѣ сказалъ: «Какъ ты перемѣнилась!
Какъ ты печальна! Какъ ты исхудала!
Скажи скорѣе, что съ тобой случилось?»
— Люблю тебя!—я отвѣчала.

«А помнишь ли,—онъ продолжалъ со смѣхомъ—
Какой другъ къ другу страстью мы пылали?
Тѣ дни прошли; конецъ былымъ утѣхамъ—
Подкрались тихо дни печали!»

«А помнишь ли,—онъ засмѣялся снова—
Какъ я тебѣ сталъ измѣнять сначала,
А ты тогда мнѣ предпочла другого?»
— Люблю тебя!—я отвѣчала.

Онъ мнѣ сказалъ: «Прощай! Не спорь съ судьбою.
Навѣкъ разстаться намъ пора настала.
Пускай въ аду лишь встрѣчусь вновь съ тобою!»
— Люблю тебя!—я прошептала.

Онъ мнѣ сказалъ: «Прочь, адское созданье!
Будь навсегда ты проклята отнынѣ!
Пусть насъ обниметъ вѣчное молчанье
За поруганіе святыни!»

«Тебя зову я, сладкое забвенье!
Набрось свое на сердце покрывало,
Чтобы погасло въ немъ любви волненье!»
— Люблю тебя!—я отвѣчала.

Онъ въ страшномъ гнѣвѣ подавилъ проклятья,
Вдругъ поднялъ руку и, куда попало,
Хлестнулъ меня въ лицо!.. Раскрывъ объятья,
— Люблю тебя!—я простонала.

И вотъ, мы обнялись, въ нѣмомъ сознаньи:
Избѣгнуть гибели—не въ нашей власти.
И вновь въ глазахъ, исполненныхъ желанья,
Горитъ огонь кипучей страсти.

Порой онъ смотритъ на меня съ испугомъ:
«Какъ ты печальна! Какъ ты исхудала!»
А я, томясь любовнымъ злымъ недугомъ,
— Люблю тебя!—шепчу устало.

Возвращеніе.

Твое лицо залито моремъ свѣта!
Какъ ты красивъ! Какою дышишь силой!
Какъ ласковы твои слова привѣта,
О, братъ мой милый!

А безъ тебя такъ долго время длилось!
Душа томилась грустью безнадежной.
Ты здѣсь, со мной,—и сердце вновь забилось,
О, другъ мой нѣжный!

Смотри: я опускаюсь на колѣни.
Дай отдохнуть отъ скорби непрестанной,
Припасть къ тебѣ въ истомѣ сладкой лѣни,
О, мой желанный!

Вѣдь я одна, совсѣмъ одна на свѣтѣ.
Я не хочу вновь потерять тебя!
Цѣлуй меня! Лови мгновенья эти,
О, жизнь моя!

Ник. Алябьевъ.

Марія Конопницкая.

Когда раздавался погребальный звонъ надъ могилою послѣдняго изъ трехъ великихъ польскихъ поэтовъ эпохи романтизма, Красинскаго, умершаго въ 1858 г., лишь нѣсколькими годами позднѣе двухъ другихъ, Словацкаго и Мицкевича, тогда, казалось, хоронили и самую польскую поэзію. На первыхъ порахъ послѣ ухода со сцены Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго новые таланты не появлялись, а старые либо вовсе замолкли, какъ Винцентъ Поль, Корнель Уейскій, либо пѣли старыя пѣсни на давно избитые мотивы, какъ Богданъ Залѣскій и Теофиль Ленартовичъ. Въ это время въ самомъ польскомъ обществѣ, въ его воззрѣніяхъ и настроеніи произошли серьезныя измѣненія; цѣлый рядъ крупнѣйшихъ явленій политическаго и соціальнаго характера не могли пройти безслѣдно, не могли не оставить за собою извѣстнаго отпечатка. Неудачное возстаніе 63 года со всѣми тяжелыми его послѣдствіями, разбитыя надежды и упованія существенно повліяли на измѣненіе господствующихъ въ то время взглядовъ. Освобожденіе крестьянъ, новыя экономическія условія, закрытіе на родинѣ служебной карьеры заставили обратиться къ самостоятельной, вполнѣ независимой дѣятельности. Стали раздаваться голоса противъ господства чувствъ, экзальтаціи; стали слышны призывы къ разумной трудовой работѣ на почвѣ подъема общаго благосостоянія края, умственнаго и нравственнаго его развитія. Всѣ эти новые призывы, извѣстные подъ общимъ названіемъ «працы органичной», органической работы, менѣе всего способствовали развитію поэзіи, и дѣйствительно, индиферентное, подчасъ даже и насмѣшливое отношеніе къ поэзіи, отсутствіе прежнихъ столь благодарныхъ темъ романтизма—все это повлекло за собою полный застой въ польской поэтической литературѣ. Еще въ 1868 году извѣстный польскій критикъ, тогда начинающій писатель, Петръ Хмѣлевскій отмѣтилъ отсутствіе вдохновенныхъ поэтовъ, указывалъ на то, что общество не живетъ одними чувствами и фантазіями, а ищетъ реальныхъ осуществимыхъ темъ и настроеній, что первое требованіе, предъявляемое нынѣ къ поэзіи—это возсозданіе въ творческомъ произведеніи трехъ главныхъ факторовъ человѣческой цивилизаціи: справедливости, правды и красоты. И въ нашъ

вѣкъ,—говоритъ Хмѣлевскій,—въ вѣкъ господства ума, поэзія должна подчиниться прежде всего уму, должна удовлетворять его требованіямъ,—иначе поэзія будетъ пустымъ, оторваннымъ, ничего не говорящимъ звукомъ. Слова эти выражали господствовавшія въ тогдашнемъ обществѣ убѣжденія о задачахъ поэзіи. При такихъ условіяхъ поэзія своимъ девизомъ поставила общественный трудъ и умъ и осуществленіе, при помощи этой спокойной работы, своихъ національныхъ идеаловъ. Но измѣнившіяся соціальныя условія выдвинули въ обществѣ другіе вопросы. Освобожденіе крестьянъ, появленіе, съ возникновеніемъ промышленности, новаго класса рабочихъ, уменьшеніе значенія прежняго шляхетства—все это обратило на себя вниманіе литературы и такимъ образомъ наступила какъ бы демократизація литературы. Насколько раньше въ эпоху романтизма всѣ сословія объединялись одной общей идеей, идеей политической свободы, причемъ въ первомъ ряду всетаки стояла шляхта,—настолько теперь соціальная разница классовъ населенія, различныя экономическія условія, а главное та громадная внутренняя сила, какую представляетъ собою народная масса,—сосредоточиваетъ на этой массѣ вниманіе писателей. Движеніе это въ польской литературѣ можно сравнить съ народничествомъ у насъ. Во главѣ этой новой литературы стали Элиза Ожешкова, Болеславъ Прусъ, Адольфъ Дыгасинскій и, наконецъ, Сенкевичъ въ своихъ дивныхъ первыхъ произведеніяхъ: «Эскизы углемъ», «За хлѣбомъ», «Бартекъ побѣдитель» и др. Народническое движеніе въ поэзіи также съ 70-хъ годовъ имѣетъ своихъ представителей: уже умершаго блестящаго лирика Адама Асныка, Виктора Гомулицкаго и Марію Конопницкую. Движеніе это продолжается до нашихъ дней, только слышны уже и тѣ новыя вѣянія мистическаго и символическаго направленія, которыя дали одно изъ блестящихъ произведеній современной польской литературы, «Свадьбу» Выспянскаго.

Литературная дѣятельность Маріи Конопницкой началась съ 70-хъ годовъ, и не сразу опредѣлилось то направленіе, которому впослѣдствіи было посвящено ея творчество. Начавъ писать въ то переходное отъ романтизма къ новымъ вѣяніямъ время, она стояла посрединѣ между отзвукомъ давно сыгранныхъ мелодій «Пана Тадеуша» и «Баллядыны» и трудовымъ маршемъ новой жизни. Какъ всѣ современные Юліану Словацкому поэты, она находилась подъ сильнымъ его вліяніемъ, пользуясь его блестящимъ языкомъ, иногда даже сочиняя стихи въ его вкусѣ, какъ, напримѣръ, «Весенній романъ». Но затѣмъ дѣйствительность, то трезвое настроеніе, которое въ ту пору господствовало среди польской интеллигенціи, не прошли безъ вліянія для творчества Конопницкой и направили его въ другое русло.

По характеру, по сюжету, произведенія Конопницкой можно раздѣлить на три категоріи: общественно-тенденціозныя, имѣющія своимъ предметомъ несправедливость современнаго строя и тяжелыя условія жизни низшихъ классовъ населенія; чисто лирическія произведенія и, наконецъ, символическія и эпическія. Но прежде чѣмъ перейти къ обозрѣнію каждой изъ

указанныхъ категорій, необходимо выяснить воззрѣнія самой поэтессы на свое назначеніе, необходимо выяснить ея личное настроеніе. На самомъ порогѣ своей дѣятельности она такъ опредѣляетъ свое призваніе:

Пѣсни пѣть, соловьи, прихожу я не съ вами,
Не съ тобою расти при дорогѣ, цвѣтокъ,
Въ полѣ гибнете сотнями вы подъ вѣтрами,
Не щадитъ васъ безжалостный рокъ.
Не съ тобой просыпаться, о солнце, съ зарею,—
Ровный свѣтъ твой равно и горячъ, и далекъ,
Гибнутъ люди, иль бой начинаютъ съ судьбою,
Лишь съ тобой я рыдать прихожу, человѣкъ.

Но чувство горя, тоски, неудовлетворенности, господствующее въ произведеніяхъ Конопницкой, не стоитъ въ зависимости отъ ея личнаго счастія; свои личныя и душевныя настроенія она раскрываетъ меньше всего; не вызывается оно и горечью личной жизни, какъ отчасти у Надсона, а зависитъ отъ ея взгляда на современный строй, отъ той несправедливости, къ которой поэтесса такъ чутка, которую такъ близко принимаетъ къ сердцу.

Чувствуя свое безсиліе измѣнить существующія условія, помочь обездоленнымъ, наша поэтесса взываетъ къ Всевышнему иногда съ горечью, съ укоромъ, а иногда съ мольбой и нѣжной просьбой: но не за себя она проситъ, не объ утраченномъ личномъ счастіи, подобно Конраду Валенроду, молитъ она Бога:

О, еслибъ хотя на одно лишь мгновенье
Ты, Боже, спустился на землю къ намъ снова,
Родимой страны увидалъ бы селенія
Въ нуждѣ и подъ гнетомъ суровымъ;
Зловѣщаго холода злые туманы,
И голода съ тьмой безысходное горе,
И въ каждой груди—незажившія раны
И скрытыя слезы во взорѣ,
И бѣднаго сердца разбитыя грезы,
Печаль, стерегущую каждый порогъ,—
Ты лилъ бы кровавыя, горькія слезы,
Ты плакалъ бы, праведный Богъ.

Въ другомъ мѣстѣ Конопницкая такъ рисуетъ свое отношеніе къ людямъ:

Раненой птицей я буду летать,
Надъ изнывающей въ мукахъ землею;
Какъ бы мнѣ къ сердцу хотѣлось прижать
Всѣхъ, кто обиженъ судьбою.
Соберу я слезы горькою росою
И въ рукахъ я слезы эти понесу
Къ тѣмъ лучамъ далекимъ, что всегда зарею
Зажигаютъ въ небѣ чудную красу.

Но пессимизмъ Конопницкой рѣзко отличается отъ настроенія современныхъ поэтовъ, отъ того безнадежнаго пессимизма, которому нѣтъ на-

чала и конца, отъ котораго нѣтъ спасенія. Свои сомнѣнія Конопницкая умѣетъ побороть; иногда она впадаетъ даже въ доктринерскій тонъ, вредящій поэтическому достоинству ея произведеній: таковы ея «Credo», «Будь сильнымъ», «Къ женщинѣ», гдѣ указывается цѣлая программа, гдѣ въ то же время открываются свѣтлые горизонты надежды на лучшее будущее:

Зачѣмъ благодатный разсвѣтъ такъ далекъ?

спрашиваетъ поэтесса.

Иль, вѣчно тоскливые взоры маня
Невѣрнымъ сіяніемъ, онъ только обманетъ,
И солнце навстрѣчу счастливаго дня
Не скоро надъ тучами слезъ нашихъ встанетъ?

Въ другомъ мѣстѣ мы уже видимъ надежду на измѣненіе къ лучшему:

О, ясное солнце, зачѣмъ такъ несмѣло
Ты всходишь въ туманѣ надъ бездной нѣмой.
Спѣши же, чтобъ утро нашъ холодъ согрѣло,
Чтобъ свѣтъ воцарился надъ тьмой.

Такимъ образомъ, чувство сомнѣнія не остается навсегда, оно не расплывается, по выраженію критика Конопницкой Мякотина, въ неопредѣленную тоску, оно вполнѣ понятно, его причины вполнѣ извѣстны; видны средства къ его устраненію. Постоянное стремленіе къ познанію сущности жизни, исканіе правды приводитъ Конопницкую въ состояніе сомнѣнія, душевной борьбы, внутренняго разлада и полной неудовлетворенности, а существующая вѣковая несправедливость еще больше усиливаетъ это настроеніе, и она съ тоскою говоритъ: «Я буду низко летать надъ землею, умирающей въ горѣ-несчастіи, чтобъ простереть свои объятія милліонамъ несчастныхъ». Въ минуты сильнѣйшей душевной тоски и волненія она съ возбужденіемъ обращается къ Создателю: «Прости меня, о Боже! Ты—Богъ, Великій Богъ, а слезы людскія—капли росы, но вѣдь Ты ихъ всѣхъ знаешь, онѣ всѣ у Тебя сосчитаны,—какъ сосчитаны?—и Ты ихъ не осушилъ». Въ другомъ мѣстѣ въ стихотвореніи подъ заглавіемъ «Я не жалуюсь» она опять скорбитъ по поводу несчастія людского, идущаго вразрѣзъ съ величіемъ неба.

«Я не жалуюсь, хотя солнце не свѣтитъ въ хатѣ бѣдняка, въ темницѣ преступника, хотя поколѣнія угрюмыхъ столѣтій пропадаютъ въ мрачной тоскѣ, хотя столько грусти и слезъ на этой землѣ, столько несчастія, ахъ, и столько вины, хотя надъ блѣдными толпами народовъ бьютъ ужасные часы... Я не жалуюсь... И чѣмъ помогу я свѣту, хотя бы и потрясла его ураганомъ моихъ жалобъ... Мнѣ грустно только, что Ты, Великій Боже,—властелинъ всей этой скорби».

Но отъ этого мрачнаго настроенія она переходитъ къ болѣе радостному, и весьма остроумно замѣчаетъ современный польскій критикъ Галль, что Конопницкую удерживаютъ отъ полнаго отрицанія всего, отъ подчи-

ненія Нирванѣ—ея фантазія и сердце. Съ грустью, съ тоскою въ душѣ Конопницкая смотритъ на людскія печали, на міръ съ его нравственнымъ паденіемъ, возмущается всѣмъ этимъ—иногда слова ея звучатъ горькой ироніей, но всетаки она сохраняетъ въ себѣ жажду лучшаго будущаго и даже больше: надежду и вѣру въ то, что оно придетъ.

Въ цѣломъ рядѣ маленькихъ произведеній «Образковъ» мы встрѣчаемъ ярко написанную картину современнаго строя съ его дѣленіемъ людей на униженныхъ и унижающихъ, на сытыхъ и голодныхъ, и слышится призывъ судьбы къ улучшенію людей. Таково, въ прелестномъ стихотвореніи «Ласточка» описаніе прилета первой ласточки и того возбужденія, которое вызывается имъ въ деревнѣ. Далѣе слѣдуетъ картина нищеты деревни, у обитателей которой на лицахъ усталость, недоброжелательство и заботы, а на устахъ—пѣсня несчастія; а дѣти растутъ, какъ колосья заброшенные—безъ мысли, безъ дѣла, безъ воли.

И вотъ ласточка напрасно бьется въ окна панскаго дома, стараясь пробудить въ его хозяинѣ и женѣ состраданіе къ деревнѣ; напрасно кличетъ она: бросьте зерна просвѣщенія, маленькія крошки своихъ достатковъ, и эти головы, какъ цвѣты, поднимутся къ солнцу и пробудится въ нихъ духъ мысли. Окна закрыты, отвѣта нѣтъ! Свѣти же яснѣе, о солнце, такъ какъ земля не можетъ пробудиться отъ сна. «Глубокая мысль—говорится въ одномъ изъ изслѣдованій ея поэзіи,—облеченная въ простые, но высоко художественные образы, горячая любовь къ изображаемой деревенской жизни, къ сѣрому забитому люду, сильная вѣра въ лучшее будущее, не затемняющая однако печальнаго настоящаго, не придающая ему фальшиваго, розоваго освѣщенія,—вотъ главное достоинство этого рода ея небольшихъ произведеній».

Какъ сказано уже выше, несправедливость общественнаго устройства, неравномѣрность распредѣленія между людьми земныхъ благъ глубоко волнуетъ писательницу, останавливаетъ ея вниманіе, и она тщетно ищетъ выхода изъ этого положенія. Это положеніе ей представляется глубокой пропастью, которая

Мрачнѣе и глубже открытаго гроба,
Страшнѣе заразы, чернѣе тюрьмы...
Народы не могутъ залить ее кровью.
Въ угрюмую пропасть летятъ—что ни день—
И доблесть, и зависть, и дружба съ любовью,
И слезы, и клятвы и гибнутъ, какъ тѣнь.

Стремленіе заполнить эту пропасть, т.-е. служить современнымъ общественнымъ идеаламъ, требующимъ уравновѣшанія интересовъ отдѣльныхъ классовъ народа,—это стремленіе оживляетъ большинство лирическихъ произведеній Конопницкой и наводитъ на мысль о сходствѣ нашей поэтессы съ Надсономъ. Но если дѣйствительно у нихъ обоихъ оказывается чуткость къ нравственнымъ идеаламъ, горячая любовь къ ближнему, неудовлетворенность существующимъ міромъ, то есть между ними и большое

различіе: Конопницкая почти не открываетъ своей личной души, страдающей или радующейся, по поводу событія ея личной жизни. Но сомнѣніе, овладѣвающее Конопницкой, приводитъ ее къ тому же настроенію, которое господствуетъ и въ стихотвореніяхъ Надсона. «Гдѣ домъ мой—спрашиваетъ писательница—иль тамъ, гдѣ льется свѣтъ волнами, гдѣ правда вѣчная себѣ воздвигла тронъ, иль тамъ гдѣ розы слезы льютъ, гдѣ грустенъ листьевъ шепотъ. Какъ одинокій челнъ стремится по теченію, какъ вьется ласточка въ безоблачной дали, такъ мнѣ судьба велитъ среди жильцовъ земли блуждать унылою и безпокойною тѣнью. Гдѣ голову склоню, гдѣ думы успокою, гдѣ слезы потекутъ несдержаннымъ ручьемъ, гдѣ жъ правды свѣтъ найду, чтобъ душу озарило?» Тяжелое сомнѣніе, овладѣвающее душой писательницы, иногда заставляетъ ее задумываться—стоитъ ли жизнь тѣхъ жертвъ, которыя ей приносятся. «Не лучше ли бы было положить навѣкъ на сомкнутые глаза земли смертельную печать ничтожества?» (Лѣтнія ночи). Подъ вліяніемъ этого скептицизма у нея вырываются протестъ возмущенной души, вопль отчаянія, навлекшіе на нее столько жестокихъ критикъ и несправедливыхъ обвиненій клерикаловъ.

Вотъ еще нѣсколько произведеній, рисующихъ современныя картины. Въ бѣдной душной хатѣ умираетъ Ясь, онъ лежитъ подъ образами; и умирающій Ясь въ своихъ думахъ спрашиваетъ, изъ какой страны плывутъ тѣ звуки, что онъ слышитъ. Мать отвѣчаетъ: «тише, Ясь, то сверчокъ заводитъ пѣсню голоскомъ своимъ.—Нѣтъ, не сверчокъ, то органы стройныхъ звуковъ разлили потокъ по тѣмъ тропинкамъ, по которымъ я отхожу совсѣмъ». «То хата плачетъ надо мною, то кукушка мнѣ вѣщаетъ часъ послѣдній мой, это крыша мнѣ пророчитъ близкую судьбу, что другая будетъ крыша у меня въ гробу». Нѣкоторой искусственностью, скажемъ—нѣкоторымъ мелодраматизмомъ отличается другое ея произведеніе «Безъ крова», гдѣ мальчикъ въ большомъ богатомъ городѣ въ морозную ночь тщетно ищетъ пріюта, но сторожъ заперъ дверь—«еще замерзнетъ онъ, ну—слѣдствіе сейчасъ, допросъ, свяжись-ка только съ ними—и мальчикъ отошелъ рыдая. Въ дали бѣлѣлъ высокій храмъ, сирота склонился предъ порогомъ, хотѣлъ войти въ храмъ,—но храмъ былъ затворенъ и не было доступа къ Богу.

О если бы Христосъ здѣсь съ нами вмѣстѣ жилъ,
Я вѣрю—по землѣ ненастными ночами
Искалъ бы бѣдныхъ онъ, озябшихъ находилъ
И грѣлъ бы сирыхъ онъ во храмѣ.

«Ребенокъ хотѣлъ заплакать, но не къ кому прильнуть, и сталъ онъ шептать молитву «Отче Нашъ». Писательница спрашиваетъ, «какъ, дитя? Царь неба твой отецъ. Кого весь міръ зоветъ великимъ сильнымъ Богомъ, а ты безъ крова гибнешь подъ порогомъ. Ты шепчешь Отче Нашъ, а кто, скажи, твой братъ, не тѣхъ ли сытыхъ баръ и знатныхъ милліоны, что въ роскоши живутъ и звономъ чашъ глушатъ твоей мольбы живые стоны».

Этими двумя произведеніями лучше всего характеризуются благородные

порывы и чуткость сердца нашей писательницы. Во всѣхъ подобныхъ вещахъ («Подъ судомъ», «Мужицкое сердце») замѣчается сильная тенденція, которая иногда вредитъ красотѣ изложенія, но которая неуклонно свидѣтельствуетъ о той задачѣ, какую поставила себѣ въ своей поэтической дѣятельности Марія Конопницкая. Благодаря этому, благодаря отличительнымъ чертамъ творчества Конопницкой, необычайной глубинѣ и жизненности темъ ея произведеній она сразу была поставлена въ ряду первыхъ поэтовъ, признана бардомъ позитивной и либеральной партіи польскаго общества. Первымъ, отмѣтившимъ ея творческій талантъ, былъ Іосифъ Крашевскій, который еще въ 1881 году далъ восторженный отзывъ о ней.

Вторая группа ея произведеній проникнута лирическими настроеніями; она воспѣваетъ красоту природы, непосредственныя душевныя движенія; наконецъ, часть этихъ произведеній имѣетъ баталистическій характеръ.

Изъ баталистическихъ произведеній мы отмѣтимъ «Разсказъ раненаго», написанный подъ вліяніемъ выдающагося художественнаго произведенія — трагическихъ Картоновъ Гротгера, подъ заглавіемъ «Война». И дѣйствительно, тяжелое содержаніе картинъ Гротгера великолѣпно воспроизведено Конопницкой; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со всей силой своего таланта и вдохновенія она бросаетъ вызовъ всему человѣчеству». «О, родъ людской, отродіе Каина, ты вѣчный братоубійца, что у подножія священныхъ алтарей убиваешь невинныя истекающія кровью жертвы, ты вѣчно тотъ же, въ гнѣвѣ и ненависти зачатый, тебя родная мать-земля проклинаетъ». Другое въ этомъ родѣ произведеніе, написанное по поводу картины извѣстнаго польскаго художника Яна Матейки «Битва подъ Грюнвальдомъ», воспроизводитъ историческій моментъ польской побѣды надъ крестоносцами. Сжатость стиля, энергичность языка, сила темперамента, согрѣтая чувствомъ національнаго патріотизма—вотъ отличительныя черты этого произведенія.

Конопницкая достигаетъ необыкновенно художественной красоты въ описаніи природы. Карпатскія горы, родные Татры съ ихъ населеніемъ, родная степь—все это одинаково вдохновляетъ писательницу; здѣсь впервые уже замѣчается проявленіе символическихъ формъ,—тѣхъ формъ, которыя впослѣдствіи играютъ видную роль въ ея творчествѣ. Но сколь ни впечатлительна Конопницкая къ красотѣ природы, она не остается въ ея исключительной власти, и присущее ей сантиментальное настроеніе рисуетъ ей другіе образы, необыкновенно художественные, навѣваетъ ей чувства тоски и грусти. На Фуярцѣ, Пястова Хата, прелестныя «пѣсни о раннемъ утрѣ» — все это лучшія изъ произведеній по красотѣ формъ, по нѣжности настроенія, и всѣ они характеризуютъ необыкновенную любовь къ родинѣ, къ народу и ту тоску чисто мечтательнаго свойства, отъ которой писательница не можетъ отрѣшиться. «Ахъ ты, степь широкая, зеленая, Развернись, раскинься предо мной, Полечу какъ птица окрыленная въ твоей тиши тоскою, Пусть береза зашумитъ плакучая, Пусть мнѣ ландышъ бѣлый улыбнется, Заструится травъ волна пахучая, Нѣжной пѣснью вѣтеръ пронесется. Ахъ ты, степь привольная, безбрежная, Ты развѣй мою

тоску тревогу, Пусть помчится тучка бѣлоснѣжная, Полечу на ней я къ солнцу-Богу». А вотъ еще одно, еще лучше: «Ой пошла бъ я жить на волю. Словно вихрь, что свищетъ въ полѣ, только сердцу жаль той хаты, Гдѣ разросся дубъ косматый, Гдѣ сверкаетъ садъ росою, Гдѣ луга звенятъ косою, Только сердцу жаль орленка, что въ степи клокочетъ звонко, Что надъ лѣсомъ птицу гонитъ, Молодыя перья ронитъ. Только сердцу жаль». Стихъ этотъ, напоминающій собою Кольцовскій, повторяется во многихъ пѣсняхъ и пѣсенкахъ этого жанра. Но поэтесса наша не можетъ совсѣмъ забыться, ее постоянно занимаетъ существующая несправедливость на землѣ и уже въ одномъ изъ этихъ произведеній она говоритъ:

Пусть забуду, что вѣка кровавые
Трауромъ нависли надо мною,
Разорву я цѣпи жизни ржавой,
Перестану быть самимъ собою,
Пусть не знаю я святынь поруганныхъ,
Дикихъ битвъ, безсильнаго проклятія,
Пусть не вижу рабства душъ запуганныхъ
И какъ братьевъ обираютъ братья.

И эта вѣчная неудовлетворенность, эта міровая скорбь составляетъ отличительную черту поэзіи Конопницкой; но въ отличіе отъ безысходной и безграничной грусти Надсона, грусть Конопницкой открываетъ свѣтлые горизонты. Идея всемірной братской любви, идея восторжествованія ея надъ міромъ весьма занимаетъ поэтессу; такъ, напримѣръ, «На порогѣ» она призываетъ современниковъ къ прощенію всѣхъ обидъ, къ всеобщему примиренію:

О братья, если есть въ чемъ повиниться намъ,
Сейчасъ, теперь простимъ—
Раздоровъ, слезъ довольно—

и на возникающее поэтому сомнѣніе мы находимъ отвѣтъ въ другомъ мѣстѣ—

Броню боязни тупой, враждебной
Любовь прожгла ли стрѣлой волшебной,
Несущей людямъ небесъ богатства
Во имя братства?
Коль нѣтъ—огонь свой разложимъ шире,
Пусть больше дастъ онъ тепла и свѣта
И блещетъ ярко въ застывшемъ мірѣ
Какъ вѣсть разсвѣта,
Коль нѣтъ—знамена поднимемъ выше.
Пусть братья видятъ залогъ сраженія
И вѣрятъ въ утро, во тьмѣ услыша
Призывъ движенія.

Но отъ несбыточныхъ желаній, отъ разыгравшихся фантазій писательница предостерегаетъ—она указываетъ и путь, по которому люди должны идти: трудъ, постоянный трудъ, довѣріе къ собственнымъ силамъ, къ собственной дѣятельности.

Нельзя обойти молчаніемъ отношенія нашей писательницы къ дѣтскому вопросу; дѣти—живые цвѣты земли, по выраженію Горькаго, и дѣйствительно, Конопницкая, какъ съ нѣжнымъ цвѣткомъ, обращается съ дѣтской душой, открываетъ ее, даетъ почувствовать всю свѣжесть и благоуханіе неиспорченности и простоты. Но какъ скорбитъ она, какъ душа ея болѣетъ, когда ребенокъ уже испилъ отравы жизни, съ какой силой бросаетъ она обвиненіе всему обществу! «Дитя породила нужда, нужда воспитала его, улица была его школой. Жизнь безстыдна передъ бѣдняками. Скажите же откровенно, нѣтъ ли нашей вины?»

Въ творчествѣ Конопницкой серьезное мѣсто занимаютъ ея беллетристическія произведенія въ прозѣ. Въ одной изъ поэмъ «Имагина», она говоритъ: «Что бы я дѣлала на свѣтѣ, если бы не нашла васъ, о, души простыя и непосредственныя».

Сѣрыя будни этихъ людей, ихъ психологія, ихъ мысли и страданія составляютъ предметъ ея маленькихъ разсказовъ.

Ганка оказалась выброшенной за бортъ общественнаго корабля. Тотъ, кого она любила, за кого она собиралась выйти замужъ, обокралъ ея господъ; она взяла вину на себя, и, когда отбыла въ тюрьмѣ свое наказаніе, ей дали волчій паспортъ, и съ этого момента начинается ея мытарство. Отовсюду гонятъ, никуда не принимаютъ, никто ей не вѣритъ, нигдѣ она не можетъ достать работы; что ей, бѣдной, остается дѣлать, спрашиваетъ себя Ганка? Пойти ли, какъ Манька Черкасъ, въ какой-нибудь притонъ или найти успокоеніе на днѣ рѣки?

«Ультимусъ»—это старый полуслѣпой журавль, такъ названный старымъ воиномъ франко-прусской кампаніи. Бѣдный журавль еще стремится къ небу, къ солнцу, но увѣчье приковываетъ его къ землѣ; иногда товарищи его, другіе журавли, окружаютъ, зовутъ его летѣть въ даль, въ широкую даль, но, увидѣвъ его безпомощность, съ презрѣніемъ покидаютъ, и тогда у Ультимуса въ послѣднемъ глазу собирается большая кровавая слеза, которая понемногу гаснетъ.

Въ разсказѣ «Nature morte», хоронятъ бѣднаго разсыльнаго; похороны самыя нищенскія. Если ты долженъ,—говоритъ писательница,—родиться—рождайся, долженъ умереть—умирай, а если хочешь быть погребеннымъ, то сейчасъ же, потому, что тамъ десятки другихъ рождаются и умираютъ. Спѣшатъ хоронить разсыльнаго; вдругъ, постукивая палочкой, приходитъ старушка-мать, она принесла подъ голову единственному сыну подушку, на послѣдніе гроши заказала ему похороны; «возьми меня съ собою, говоритъ мать, возьми въ вѣчный домъ, все тебѣ отдала, ничего не оставила; гдѣ бляха, бляху прибейте, и чтобъ лента была видна, вѣдь за все заплачено».

А вотъ еще одна картина. Мендель Гданскій—старый, вѣкъ свой прожившій въ родномъ городѣ, еврей-переплетчикъ. Всѣ его знаютъ, всѣхъ онъ знаетъ, онъ не стыдится того, что онъ еврей; онъ говоритъ своему внуку: ты въ этомъ городѣ родился, ты не чужой ему, тебя никто не

смѣетъ назвать чужимъ, ты имѣешь право любить этотъ городъ, пока живешь честной жизнью. И старый Мендель любилъ, онъ думалъ, что честная трудовая жизнь дала ему право любить, но онъ заблуждался. Пришли безпорядки, и его бѣдный домъ разорили. Съ какой горечью и болью онъ послѣ этого говоритъ: «У меня сердце умерло для этого города».

Такимъ образомъ поэтесса яркими красками — какъ въ прозѣ, такъ и въ поэзіи—рисуетъ, какъ нужда и невѣжество приводятъ однихъ къ позору, другихъ—къ преступленію, третьихъ—къ преждевременной смерти. Если отмѣтить нѣсколько эпическихъ стихотвореній, написанныхъ на историческіе библейскіе сюжеты, какъ-то: «Склявусъ Сальтансъ», «Молитва Эздры», «Янъ Гуссъ» и написанную въ послѣдніе годы «Серію итальянскихъ сонетовъ», то въ бѣгломъ очеркѣ будутъ обняты почти всѣ произведенія Конопницкой.

Благодарная тема для поэтическаго творчества, — описанія личныхъ впечатлѣній, полученныхъ самой поэтессой отъ поѣздки по Италіи, претворилась у Конопницкой въ превосходныя произведенія.

Въ нихъ замѣчается преобладаніе начала красоты красочной и пластичной надъ музыкальной. Всѣ эти сонеты имѣютъ болѣе яркія краски, чѣмъ мелодичные звуки, и видно только, что кисть художника работала во всю. Описаніе знаменитыхъ картинъ Рафаэля, Ботиччели, Корреджіо занимаютъ выдающееся мѣсто въ поэзіи Конопницкой.

Въ ряду символическихъ произведеній прежде всего необходимо отмѣтить прекрасно переведенную на русскій языкъ В. М. Лавровымъ поэму «Прометей и Сизифъ». Предметъ поэмы составляетъ вѣчное проклятіе вражды и раздѣла между бездной и вершиной. Прометей, на вершинѣ скалъ достигающій небесъ, мечтаетъ о похищеніи у Зевса огня. Огонь—это цѣль его жизни; этотъ огонь — сила, это вѣчное исканіе правды, закрытой отъ людей. Сизифъ на глубинѣ пропасти мечетъ скалу къ верхушкамъ и упадаетъ подъ тяжестью этой вѣковѣчной, никогда нескончаемой работы, которой онъ не знаетъ ни начала, ни конца, ни причины, ни цѣли. Въ первомъ дѣйствіи, до начала вѣковъ, Прометей и Сизифъ не видятъ другъ друга; они не только не видятъ другъ друга, они не понимаютъ, и когда Прометей говоритъ Сизифу: «братъ», то онъ съ ироніей возражаетъ: «Какой ты мнѣ братъ, ты былъ бы здѣсь при мнѣ, если бы былъ мнѣ братомъ». Сизифъ смотритъ вверхъ и думаетъ, что можетъ тамъ этотъ орелъ въ выси поднебесной дѣлать, и когда Прометей скорбитъ, что онъ правды не обрѣлъ, что онъ ея не знаетъ, что ему это причиняетъ боль, Сизифъ понять не можетъ, какъ можно страдать отъ того, чего не знаешь, отъ жажды знанія. «Когда у меня спина изранена, кожа въ ссадинахъ—это причиняетъ мнѣ боль, я знаю хорошо, что у меня болитъ, знаю мою боль, по имени могу назвать ее». Въ началѣ поэмы поставлена эпиграмма, «Abyssus abyssum vocat», бездна бездну зоветъ; это два орла, которые парятъ подъ разными небесами, двѣ пропасти, которыя никогда не могутъ соединиться, потому что себя не понимаютъ. Это два начала

жизни, сомнѣнія и борьбы, свѣта и тьмы, счастія въ несчастіи и несчастія въ счастіи. Прометей идетъ за свѣтомъ для людей и вещей. Сизифъ понять не можетъ, какъ это идти за свѣтомъ: это значитъ идти безъ свѣта, свѣтъ самому нужно себѣ высѣкать, ударить скалу о скалу, вещь о вещь, подобную ей, и добудешь свѣтъ! Прометей говоритъ: «родъ мой несчастливъ, онъ бѣденъ и униженъ», «Онъ также вскатываетъ камни?»—спрашиваетъ Сизифъ. «Онъ вскатываетъ мысли свои, звучитъ отвѣтъ Прометея, а мысли его скатываются на дно, онъ вскатываетъ волю, а воля скатывается на дно, онъ вскатываетъ духъ свой, а духъ скатывается на дно».

Вторая часть, черезъ вѣка: Прометей, окрыленный геній, озаренный свѣтомъ, досталъ огонь. «Ты у меня,—въ восторгѣ восклицаетъ Прометей,—искра жизни и безсмертья, ты у меня, пламя всесуществованія, вседѣянія и всемогущества. Въ когтяхъ своихъ тебя несу; я, орелъ земли, въ стальныхъ когтяхъ несу тебя и не ощущаю боли, ибо моя боль — это жизнь милліоновъ, ибо моя боль—это освобожденіе милліоновъ и тріумфъ рода человѣческаго. Я несу огонь во мракъ и холодъ и окаменѣніе смерти. Въ города, въ жилища людей, на четыре стороны свѣта я раздѣлю его, по четыремъ вѣтрамъ раздую, распалю его въ четыре солнца. Я вижу людей и вѣка, люди и вѣка идутъ, арфа свѣта звучитъ повсюду и всегда, отъ ночи до разсвѣта, отъ утренней зари до вечерней, отъ восхода до захода солнца».

Свѣтлѣе, все свѣтлѣе,—уступаетъ ночная мгла и обманчивый туманъ. Но въ мечтахъ своихъ Прометей видитъ очертаніе Кавказа, и онъ видитъ тѣнь свою, прикованную къ скалѣ, и коршуна, кружащагося надъ его головой. Прометей боится, что Зевсъ отниметъ у него огонь, оставшуюся искру, и Прометей хочетъ скрыть эту искру. А Сизифъ, передъ тѣмъ проклинавшій Прометея за то, что онъ открылъ ему понятіе свѣта, стремленіе искать его, тоже увидѣлъ всю неволю, все принужденіе своей работы, повелѣніе, и онъ беретъ эту искру и зажигаетъ ею землю. И когда черезъ вѣка Прометей встрѣчаетъ Сизифа, то Сизифъ говоритъ, что искра ему больше не нужна: онъ замѣтилъ, что тò, что считалъ за камни—была «нужда моя, тò, что казалось мнѣ вершиной, было моимъ неразуміемъ, а что казалось мнѣ пропастью, была моя обида». Но огонь не облагородилъ Сизифа, не разжегъ въ немъ стремленій къ правдѣ и къ красотѣ,—наоборотъ, онъ разбудилъ въ немъ дремавшую до тѣхъ поръ силу разрушенія.

Если жизнь только пыль камня, который вскатываютъ милліоны людей, и если эти милліоны падаютъ и гибнутъ, думая, что камень этотъ долетитъ куда-нибудь, цѣлятъ въ небо, а камень не долетитъ и долетѣть не можетъ,—то не лучше ли, говоритъ Сизифъ, весь этотъ хлѣвъ низвергнуть? Прометей, узнавъ о потерѣ искры, съ олимпійскимъ величіемъ восклицаетъ:

«За то, что ты не воспринялъ въ свою грудь божественную искру, а зажегъ ею землю... за то, что ты не росъ кверху за свѣтомъ, но возвы-

шенныя вещи низводилъ до уровня своего ничтожества... на вѣкъ... на два... на дважды тысячу лѣтъ, я обрекаю тебя на неподвижность и сонъ камней».

Въ чемъ же значеніе этого символическаго произведенія? Сизифъ—это вѣковое горе людское, это человѣчество, которое въ войнѣ убиваетъ тысячи жертвъ во имя любви къ ближнему, это стремленіе къ истинѣ, которое въ горилѣ сомнѣній утратило свой блескъ и лучезарность и превратилась въ жалкій скептицизмъ. Сизифъ это — цивилизація, что новообращеннымъ народамъ несетъ трофеи своей науки, оружіе огнестрѣльное, огненную воду и заразныя болѣзни, Сизифъ это — свобода, превращающаяся въ анархію, Сизифъ, наконецъ, это—идея націонализма, побуждающая во имя этой любви причинять горе, страданія, совершать насилія надъ такими же людьми, надъ своими же братьями. Сизифъ это — всяческое искаженіе всякой благородной великой идеи, это вѣчная борьба добра со зломъ, свѣта съ тьмою, правды съ неправдою.

Но Прометей не проклинаетъ Сизифа навсегда, онъ ввергаетъ его въ каменный сонъ, убѣжденный, что блестящіе лучезарные идеалы человѣчества воцарятся на землѣ, и камни оживутъ.

Въ заключеніе мнѣ слѣдуетъ еще упомянуть о самомъ крупномъ произведеніи Конопницкой: «Панъ Бальцеръ въ Бразиліи». Безспорно, это самое выдающееся ея произведеніе. Берлинскій критикъ, проф. Брюкнеръ ставитъ поэму эту на-ряду съ «Паномъ Тадеушемъ», отдавая ей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже предпочтеніе. И дѣйствительно, все, что было до сихъ поръ въ творчествѣ Конопницкой благороднаго и возвышеннаго, наболѣвшаго и прочувствованнаго,—все это нашло отзвукъ въ «Панѣ Бальцеръ въ Бразиліи». Панъ «Бальцеръ»—это эпопея польскаго народа, яркими красками рисующая ту нищету, которая выгнала изъ насиженныхъ гнѣздъ родимыхъ, то горе, которое, какъ вѣтеръ разноситъ листья, сорванные съ дерева, разнесъ людей по бѣлу свѣту, ту, наконецъ, тоску, которая всюду сопровождаетъ бѣдныхъ скитальцевъ.

Много общаго какъ въ происхожденіи, такъ и во всемъ остальномъ между великой поэмой Мицкевича и «Паномъ Бальцеромъ» Конопницкой, только съ той разницей, что въ первомъ преобладаютъ краски свѣтлыя, спокойныя, которыя служатъ источникомъ надежды и утѣшенія, а второе это—горе, горе безысходное, терзающее душу и сердце. Мицкевичъ,—говоритъ Галль,—какъ отецъ, всѣхъ этихъ Бартковъ и Мацьковъ, прижимаетъ къ своей груди, а Конопницкая это—мать, видящая, какъ ея птенчики летятъ на нужду и горе, на муку и смерть, и не могущая ни ихъ остановить, ни имъ помочь.

Панъ Бальцеръ—кузнецъ, бросившій изъ-за нужды родную страну, человѣкъ бывалый, многое видѣвшій и многое слышавшій. Но въ то же время это полный наивности и простоты крестьянской, думающій, что архангелъ Михаилъ заряжаетъ пушки, которыя разряжаются громомъ и молніею, и вотъ этотъ Бальцеръ—какъ «за хлѣбомъ» у Сенкевича—попавшій

въ Бразилію въ ея первобытные лѣса, мечтаетъ о родной странѣ, о томъ, что̀ дома тамъ подѣлываютъ, и онъ никакъ не можетъ свыкнуться съ новыми условіями жизни, все время мечтаетъ о возвращеніи домой и съ большимъ удивленіемъ смотритъ на нѣмцевъ-колонистовъ, какъ они приспособились къ новой жизни.

Чудное описаніе природы, блестящій языкъ, тонкое знаніе крестьянской психологіи,—все это выдвигаетъ «пана Бальцера» на первый планъ.

Безспорно, Марія Конопницкая принадлежитъ къ разряду тѣхъ избранныхъ натуръ, которыя какъ Прометей, все ищутъ свѣта, все ищутъ правды, для человѣчества и во имя человѣчества? Въ горечи ея больной души нѣтъ ни доли эгоизма, нѣтъ ни жалобъ на неблагодарность людей, на отсутствіе успѣха или духовное одиночество. Вездѣ, во всѣхъ ея произведеніяхъ, вы слышите и благородныя мысли, и гармонирующія съ ними возвышенныя чувства, затрогивающія лучшія стороны души человѣка.

Въ тайникахъ своей благородной души она находитъ отвѣтъ на всѣ запросы современной жизни; всякое горе людское, несчастіе, общественное зло ей близки, ее волнуютъ и отъ матери, потерявшей сына, отъ бѣднаго Менделя, потерявшаго вѣру въ людей, до тюремныхъ казематовъ, до «Дна», гдѣ полное паденіе человѣка, его позоръ и униженіе, она спѣшитъ съ одинаково любящимъ, восторженнымъ сердцемъ и расточаетъ утѣшеніе отъ щедротъ своего богатѣйшаго таланта.

По полямъ и долинамъ въ холодныя морозныя ночи, точно фея волшебная, она собираетъ слезы людскія, слезы мужицкія, слезы дѣтей, забитыхъ и брошенныхъ. Съ самаго начала своей дѣятельности она стоитъ въ рядахъ борцовъ за идею прогресса, за равенство людей, за ихъ братскую всеобщую любовь.

Вотъ почему ея пѣсня громкимъ эхо раздается въ ея родной странѣ, но она проникаетъ и во всѣ цивилизованныя общества, всюду, гдѣ чувствуютъ и понимаютъ призывы мирной борьбы во имя правды и справедливости. Въ «Имагина» она такъ о себѣ говоритъ: «Ахъ, меня тотъ знаетъ, кому ночи безсонныя извѣстны, кто темные безсолнечные дни проводитъ, кто знаетъ, какъ птица бьется въ клѣткѣ, кто капли горя въ морѣ сосчиталъ».

Конопницкая въ этомъ году была предметомъ восторженныхъ овацій со стороны польскаго общества (родилась она въ 46 году) по поводу двадцатипятилѣтія ея литературной дѣятельности. Можно съ увѣренностью сказать, что это первая изъ живущихъ польскихъ поэтессъ, что талантъ ея хотя и достигъ своего апогея, но литература еще обогатится не однимъ ея произведеніемъ и что оцѣнка ея творчества теперь не можетъ еще быть ни полной, ни вполнѣ справедливой.

Мнѣ помнится мѣткое сравненіе, сдѣланное Спасовичемъ. Когда вы стоите на борту парохода, удаляющагося отъ берега, то вамъ кажется, что это берегъ отъ васъ отходитъ, а не вы отъ него, и на извѣстномъ разстояніи многіе предметы получаютъ иныя очертанія, иное освѣщеніе.

Такъ и съ писателемъ: только слѣдующія поколѣнія вполнѣ и всесторонне оцѣнятъ творчество Конопницкой, а мы должны отмѣтить, что главное значеніе Конопницкой въ ея лирическихъ стихотвореніяхъ, въ воспроизведеніи народной жизни и души; въ нихъ наиболѣе ярко выступаютъ основныя свойства ея таланта, глубина и серьезность вдохновляющихъ ее идей, свѣжесть и искренность ея чувства и совершенство формы. Для насъ же польская поэтесса служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніемъ, что работающія на разныхъ полюсахъ русская и польская мысль, работающія въ разныхъ условіяхъ, охвачены однимъ и тѣмъ же великимъ началомъ демократическаго движенія, подчиняющаго съ большей и большей силой весь цивилизованный міръ.

А. Ледницкій.

О пріемахъ изученія финансовой науки.

Союзы публичнаго характера — государства, общины—для выполненія лежащихъ на нихъ задачъ нуждаются въ матеріальныхъ средствахъ, и они добываютъ себѣ эти матеріальныя средства, а съ другой стороны затрачиваютъ ихъ па тѣ или другія цѣли, однимъ словомъ, ведутъ свое хозяйство. Послѣдній вопросъ т.-е. о тѣхъ цѣляхъ, на которыя государства и общины затрачиваютъ свои средства, составляетъ предметъ науки объ управленіи, другая же сторона хозяйствованія упомянутыхъ организмовъ составляетъ содержаніе финансовой науки. Итакъ, финансовая наука изучаетъ финансовое хозяйство, т.-е. совокупность отношеній, которыя возникаютъ на почвѣ добыванія союзами публичнаго характера матеріальныхъ средствъ: она изучаетъ тѣ способы, посредствомъ которыхъ эти союзы добываютъ себѣ нужныя средства и какъ эти способы отражаются на другихъ сторонахъ жизни, почему въ одну эпоху преобладаютъ одни способы, а въ другую—другіе. Вопросы финансоваго хозяйства—вопросы о питаніи союзовъ публичнаго характера, какъ они получаютъ эти средства, какъ послѣднія растекаются по всему тѣлу (движеніе государственныхъ суммъ), какъ они претворяются въ услуги, полезныя для государства (составленіе бюджета), какіе интересы при этомъ оказываютъ вліяніе (но безъ анатоміи народнаго хозяйства нельзя понять физіологіи его, поэтому изученіе политической экономіи предшествуетъ изученію финансоваго хозяйства).

Если мы будемъ вглядываться въ этотъ калейдоскопъ формъ, въ которыхъ союзы публичнаго характера добываютъ себѣ средства, то мы подмѣтимъ строгую послѣдовательность, извѣстную закономѣрность: при извѣстныхъ условіяхъ преобладаютъ въ бюджетѣ государства доходы отъ государственныхъ земель, затѣмъ выступаютъ на сцену пошлины, наконецъ налоги и т. д... Всѣ эти измѣненія въ *формѣ* находятся въ тѣсной зависимости отъ развитія хозяйства: формы обложенія слѣдуютъ за диффеpенціацiей доходныхъ источниковъ (Ротбертусъ), но еще интереснѣе для насъ другая задача,—это разсмотрѣніе этихъ способовъ полученія средствъ съ точки зрѣнія ихъ матеріальнаго содержанія, т.-е. на какія плечи падаетъ это бремя благодаря введенію той или другой формы полученія средствъ.

И съ этой стороны мы можемъ подмѣтить строгую закономѣрность—извѣстное соотношеніе между общественными отношеніями данной эпохи и тѣми масштабами, которые выбираются въ данное время для распредѣленія налогового бремени, и здѣсь финансовая наука показываетъ намъ, почему въ данную эпоху плечи такой-то группы пригибаются подъ налоговой тяжестью, тогда какъ другая группа почти ничего не несетъ.

Въ науку финансоваго права входитъ изученіе хозяйства не только государства, но и общинъ, городовъ, сложныхъ государствъ и т. д. Задача ея—изученіе причинной связи этого круга явленій съ точки зрѣнія ихъ формальнаго и матеріальнаго развитія.

Финансовая наука принадлежитъ къ циклу экономическихъ наукъ одной стороной, другой—къ правовымъ, и есть наука о хлѣбѣ насущномъ, о томъ, почему населеніе сыто или голодно, почему оно имѣетъ хлѣбъ или не имѣетъ его.

Что касается изученія формъ, то, какъ мы убѣдимся далѣе, форма полученія средствъ союзами публичнаго характера обусловливается формой хозяйства: при натуральномъ хозяйствѣ преобладаютъ налоги въ натуральной формѣ; при маломъ развитіи частной собственности государство удовлетворяетъ свои потребности отъ эксплоатаціи своихъ земель, при чемъ или обрабатываетъ ихъ само за свой счетъ, или отдаетъ въ аренду—краткосрочную, но когда развивается интенсивное сельское хозяйство, на мѣсто краткосрочной аренды, какъ формы эксплоатаціи, выступаетъ долгосрочная аренда, или даже вѣчнонаслѣдственная. На первыхъ порахъ, когда имущественная масса не была дифференцирована, мы видимъ господство общеимущественнаго обложенія, но когда отсюда стали выдѣляться отдѣльные источники дохода: торговля и промышленность, земля и т. д. то появились и разныя формы обложенія: промысловой налогъ, поземельный, подомовый, а затѣмъ съ развитіемъ категоріи движимыхъ цѣнностей (цѣнныхъ бумагъ) налогъ на капиталъ, съ развитіемъ заработной платы, какъ особой формы полученія дохода, и доходовъ отъ либеральныхъ профессій явились новыя формы обложенія... такъ, въ Римѣ подъ вліяніемъ дифференціаціи источниковъ дохода появились и новыя формы обложенія. Промысловой налогъ явился первоначально для обложенія чистильщиковъ отхожихъ мѣстъ и проститутокъ.

Эта связь формы обложенія съ хозяйствомъ подмѣчена еще Родбертусомъ. Съ другой стороны, огромное вліяніе на форму оказываетъ и податная техника: такъ, при низкой техникѣ преобладаютъ распредѣлительныя формы налоговъ, круговая порука: такъ какъ у фиска руки еще коротки, то ему собственными силами не добраться до плательщиковъ, и онъ бываетъ вынужденъ опредѣлять извѣстную сумму и предоставлять плательщикамъ самимъ раскладывать ее между собой съ обязательствомъ только взноса ея въ полномъ размѣрѣ, связывая поэтому эти группы плательщиковъ отвѣтственностью передъ собой.

Итакъ, за развѣтвленіемъ источниковъ дохода развѣтвляются формы

обложенія... Развитіе синдикатовъ выдвигаетъ теперь въ сферѣ финансовъ новую форму—государственныя предпріятія (желѣзныя дороги) въ государственномъ бюджетѣ и муниципальныя предпріятія — въ городскомъ хозяйствѣ.

Развитіе городской жизни въ Америкѣ, Англіи и Пруссіи создаетъ особую форму т. н. спеціальное обложеніе.

Развитіе хозяйства не только оказываетъ вліяніе въ верхнемъ покроѣ этихъ формъ, но и внутри нихъ: такъ, при маломъ развитіи экономической жизни обложеніе торговли и промышленности можетъ совершаться путемъ «внѣшнихъ признаковъ» т.-е. по количеству служащихъ, по наемной платѣ за помѣщенія и т. д.; но съ усложненіемъ торговли и промышленности эти признаки становятся недостаточными: чтобы уловить ихъ доходъ, приходится вводить все новые и новые признаки и наконецъ переходить къ обложенію чистаго дохода... То же самое мы имѣемъ съ подомовымъ, подоходнымъ налогомъ и т. д...

Изученіе этой внутренней конструкціи имѣетъ не только формальное значеніе, но важно и съ матеріальной стороны, такъ какъ разные способы конструкціи того или другого налога даютъ возможность улавливать имущество плательщика въ разной степени, и это равносильно переложенію налогового бремени съ плечъ одной группы на другую...

Другая важная задача—это вопросъ о причинахъ перемѣщенія налогового бремени съ плечъ однихъ на плечи другихъ. Мы говоримъ, что эти плечи, на которыя падаетъ въ данное время налоговое бремя, намѣчаются общественными отношеніями.

Третья задача финансовой науки—это задача аналитическая: изслѣдователь ставитъ себѣ задачей изслѣдовать, какъ распредѣляется налоговое бремя при посредствѣ того или другого масштаба, напр. обложенія чая, сахара, подушнаго налога и т. д. и какъ эти формы отражаются на экономической жизни. Напр. та или иная форма акциза можетъ вести къ концентраціи промышленности (обложеніе пива у насъ, табаку, спичекъ), можетъ оказывать извѣстное вліяніе на технику производства, напр. обложеніе спирту или сахару по работоспособности снарядовъ вездѣ содѣйствовало улучшенію техники, обложеніе сахара по свекловицѣ во Франціи содѣйствовало поднятію качества выращиваемой свекловицы...

При изслѣдованіи вопроса, какъ распредѣляется налоговое бремя подъ вліяніемъ того или иного масштаба, изслѣдователь не долженъ останавливаться на названіи масштаба и предполагать, что если налогъ носитъ ярлыкъ общеподоходности, то онъ будетъ всѣхъ облагать равномѣрно,— далеко нѣтъ: одни ярлыки здѣсь не причемъ, они часто фальсифицируются, и потому нерѣдко ихъ можно сравнить съ фальшивыми этикетками на бутылкахъ съ фальсифицированнымъ виномъ: группы нерѣдко такъ плетутъ налоговую систему, что сами ускользаютъ, и только детальный анализъ конструкціи налога можетъ намъ показать, на какія группы населенія онъ

упадетъ... По аналитической части уже довольно много сдѣлано, чего далеко нельзя сказать о первыхъ двухъ задачахъ...

Вотъ задачи чистой финансовой науки: мы изслѣдуемъ въ ней, что есть, и почему, и оставляемъ за дверями науки наши симпатіи и антипатіи. Не вырабатывать финансовые рецепты мы призваны въ храмѣ науки, а установить закономѣрность явленій, подмѣтить извѣстные эмпирическіе законы явленій, опираясь на которые мы могли бы затѣмъ проводить наши пожеланія. Стряпать финансовые рецепты гораздо легче, для этого надо немного знанія; но подставлять желаемое, вмѣсто объясненія существующаго, какъ это нерѣдко дѣлается, это значитъ фальсифицировать науку. Конечно, изслѣдователь, прежде чѣмъ установлять закономѣрность, долженъ точно описать факты, и только затѣмъ уже онъ будетъ искать единства въ разнообразіи этихъ явленій, а этотъ ключъ находится въ экономикѣ и въ движеніи соціальныхъ группъ.

Разъ наука найдетъ эмпирическіе законы, управляющіе смѣной формъ финансоваго хозяйства, она вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ намъ и матеріалъ для обсужденія нашихъ идеаловъ въ области финансовой политики, она можетъ намъ властно сказать, что такой-то идеалъ при существующихъ отношеніяхъ не можетъ разсчитывать на осуществленіе; и роль науки относительно нашихъ идеаловъ—это роль пробирной палатки, она опредѣляетъ степень годности и осуществимости нашихъ пожеланій.

Институтъ финансоваго права—продуктъ коллективной человѣческой работы: человѣкъ—творецъ права; онъ ткетъ право, но кто руководитъ его рукой на этомъ станкѣ?

Въ человѣкѣ много побужденій эгоистическихъ, альтруистическихъ. Въ обыденной, частной жизни человѣкъ нерѣдко руководится альтруистическими побужденіями, но еще Спенсеръ подмѣтилъ, что чѣмъ кругъ лицъ болѣе расширяется, и болѣе теряется наше личное соприкосновеніе съ другими индивидами, тѣмъ болѣе эти альтруистическія побужденія теряютъ свою интенсивность. Въ узкомъ кругу близкихъ намъ лицъ мы являемся со всѣми аттрибутами человѣческой личности--съ любовью и расположеніемъ, и готовностью помочь нашему ближнему, но это—въ семьѣ, въ тѣсномъ кругу нашихъ близкихъ, но за эту черту эта наша сторона не переходитъ, и на широкомъ полѣ жизни мы выступаемъ въ качествѣ представителей интересовъ широкихъ группъ—аграріевъ, промышленниковъ, рабочихъ, стремясь проводить эти интересы: такъ, землевладѣльцы стремятся къ пониженію земельнаго налога, промышленники—промысловаго и т. д. Конечно, при этомъ альтруистическія побужденія не исчезаютъ вовсе, и иногда кое-что дѣлается одной группой въ пользу другой (см. далѣе), но въ общемъ и цѣломъ мы можемъ сказать, что на широкомъ полѣ жизни люди дѣйствуютъ болѣе подъ вліяніемъ интересовъ, альтруистическія побужденія туда врываются лишь въ качествѣ пертурбаціоннаго элемента, но ничего не видоизмѣняютъ: такъ, на землѣ есть горы и холмы, но все-таки земля остается шаромъ,—на небольшомъ пространствѣ горы могутъ

затуманивать намъ шарообразность земли, онѣ выступаютъ тогда выпуклѣе, ярче, на большомъ пространствѣ—это ничто. То же самое, если мы остаемся въ сферѣ близкихъ намъ лицъ, то альтруистическія побужденія, царящія тамъ, затуманиваютъ намъ общую идею интереса, господствующаго въ жизни... Мы вовсе не игнорируемъ этихъ другихъ побужденій, но учитываемъ это вліяніе лишь путемъ позднѣйшаго ихъ введенія, какъ элемента пертурбаціоннаго; правильнѣе же исходить при анализѣ творчества финансовыхъ институтовъ изъ интереса и затѣмъ учитывать роль другихъ моментовъ.

Въ маломъ кругу между людьми больше точекъ соприкосновенія; но чѣмъ шире союзъ, тѣмъ меньше этихъ точекъ: два круга пересѣкаются въ двухъ точкахъ, десять пересѣкаются только въ одной, такъ и съ людьми: чѣмъ шире ихъ кругъ, тѣмъ болѣе выступаютъ они, какъ экономическія категоріи, скрещиваясь въ одной точкѣ—интересѣ...

Альтруистическія же побужденія какъ будто бы испаряются въ пространствѣ. Итакъ, интересъ выпуклѣе отражается въ общественной жизни, а потому при анализѣ институтовъ мы прежде всего начнемъ съ опредѣленія той роли, какую интересъ могъ оказать на нихъ. Если бы я сталъ изучать внутренній строй семьи, кассъ взаимопомощи, вообще небольшихъ группъ, то, такъ какъ тамъ доминируютъ альтруистическія побужденія, я, быть можетъ, сталъ бы исходить изъ анализа ихъ, и интересъ явился бы какъ нѣчто добавочное, но при изслѣдованіи широкихъ группъ приходится идти обратнымъ путемъ. Въ человѣческихъ желаніяхъ, въ борьбѣ людей мы должны искать корни финансовой структуры: она не изъ земли выростаетъ, не падаетъ съ неба, какъ готовый даръ небесъ, а выплетается какъ паутина, но не однимъ, а многими пауками, и работаютъ онѣ въ разныхъ направленіяхъ: нерѣдко одинъ плететъ, а другой расплетаетъ, каждый приходитъ со своимъ узоромъ къ станку, гдѣ творится финансовая структура; такъ, аграріи не прочь, чтобы промышленность была болѣе обложена, промышленники не прочь сложить налоговое бремя на землевладѣльцевъ и т. д.

Но какъ понять этотъ процессъ творчества финансовыхъ институтовъ? Нужно исходить здѣсь, какъ мы уже говорили, изъ интереса: съ этого пункта мы въ состояніи будемъ уяснить себѣ бо̀льшее количество явленій и мы беремъ интересъ за исходную точку изслѣдованій, какъ методологическій пріемъ; исходя изъ другихъ точекъ зрѣнія, мы могли бы нѣкоторыя группы явленій объяснить, но далеко меньшія, и не получилось бы такой картины, какую мы имѣемъ, разсматривая финансовые институты съ вершины человѣческихъ интересовъ. Но люди имѣютъ разные интересы, каждый идетъ со своимъ интересомъ и въ результатѣ борьбы получается извѣстная конструкція финансоваго института, и потому финансовые институты, какъ продуктъ борьбы разныхъ интересовъ, не отличаются послѣдовательностью и логичностью.

Итакъ, много интересовъ многихъ людей участвуетъ въ процессѣ твор-

чества финансовыхъ институтовъ, но какъ прослѣдить за работой милліоновъ рукъ, которыя ткутъ полотно финансовой структуры. Для удобства обозрѣнія процесса работы надо разбить эти руки, эти интересы на группы: при обозрѣніи города мы дѣлимъ его на участки, улицы; изучаемъ, слѣдовательно, его по этимъ группамъ зданій, искусственно объединенныхъ на участки и улицы, и это облегчаетъ намъ познавательный процессъ, точно такъ же и въ финансовой наукѣ мы объединяемъ эти интересы въ группы; намъ легче тогда слѣдить, чѣмъ за каждой рукой въ отдѣльности: конечно, группа состоитъ изъ индивидовъ, работаютъ въ ней индивиды, и группа есть только методологическій пріемъ въ цѣляхъ познанія; мы прибѣгаемъ къ нему только потому, что нашъ познавательный механизмъ не совершененъ, и мы не можемъ объять чрезмѣрно большое количество интересовъ, а должны соединить ихъ въ немногія группы, иначе мы потерялись бы. Итакъ, группа—методологическій пріемъ и необходимость оперированья ею вызывается интересами познаванія *).

Какъ же разнести теперь интересы по группамъ, по какому признаку? Интересъ и содержаніе его опредѣляются экономической обстановкой; вѣдь налогъ имѣетъ своимъ источникомъ доходные источники, и при одинаковости формъ обложенія лица однихъ и тѣхъ же доходныхъ источниковъ имѣютъ сходные интересы: на почвѣ этихъ интересовъ люди объединяются и выступаютъ въ защиту ихъ не одиночно, а группой. Итакъ, группы опредѣляются экономикой, такъ какъ источники дохода намѣчаются экономической обстановкой. Индивидъ въ группѣ теряетъ свои индивидуальныя черты и входитъ въ группу только чертами общими со всѣми другими этой послѣдней—онъ является здѣсь какъ бы просѣяннымъ.

Группа ярче, прозрачнѣе, такъ какъ въ каждой группѣ заключены сѣмена одного и того же типа, и работа индивидовъ, объединенныхъ одной группой, идетъ въ одномъ и томъ же направленіи и слѣдовательно намъ, если мы возьмемъ за исходный пунктъ группу, нѣтъ уже нужды слѣдить за работой каждаго индивида въ отдѣльности,—его работа опредѣляется работой группы, точно такъ же, какъ при ознакомленіи съ распланированіемъ города по улицамъ намъ нѣтъ необходимости знакомиться съ расположеніемъ каждаго дома: они тонутъ въ улицахъ и участкахъ, идутъ по линіямъ улицъ,—такъ и индивиды одной и той же группы тянутъ въ одномъ направленіи сознательно или безсознательно. Конечно, возможны и здѣсь пертурбаціонные элементы, но они подлежатъ особому учету.

Итакъ, если мы возьмемъ за исходный пунктъ группу, то это намъ облегчитъ работу прослѣживанія вліянія интересовъ на строеніе финансовыхъ институтовъ. Разъ намъ удалось правильно намѣтить группы,—а это намѣчаніе стоитъ въ зависимости отъ экономической обстановки,—то тѣмъ самымъ для насъ теряютъ значеніе многія индивидуальныя чувства и пожеланія, а важны лишь тѣ, которыя сдѣлались общими и одинаковыми и стоятъ подъ

---

*) См. *Simmel:* „Die Sociale Differenzierung". Leipzig, 1890.

покровомъ группы, иначе они будутъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Конечно, носителями этихъ желаній въ концѣ-концовъ являются люди же, но лицо здѣсь уже находится подъ властью группы, и содержаніе финансовой политики данной группы есть извѣстный минимумъ интересовъ, который всѣмъ членамъ данной группы общъ, и высоко развитыя личности, разъ онп принадлежатъ къ извѣстной группѣ, должны нисходить до этого минимума чувствъ и понятій. Итакъ, соціальная группа—это экономически-обособленная группа лицъ, обладающая извѣстнымъ комплексомъ общихъ желаній и стремленій: для насъ не важно, фигурируютъ ли въ жизни эти группы въ видимой формѣ, наприм., организованные рабочіе, крупные землевладѣльцы, но группа можетъ выступать и безъ формальной юридической санкціи, что нерѣдко и имѣетъ мѣсто.

Итакъ, интересъ, группа, вотъ исходный пунктъ изслѣдованія. Это облегчаетъ намъ работу, такъ какъ фактически нѣтъ возможности слѣдить за работой отдѣльныхъ индивидовъ.

Группы выступаютъ со своими отдѣльными интересами, и въ результатѣ движенія, борьбы этихъ группъ получается та или иная организація финансоваго хозяйства. Эта организація закрѣпляется въ нормы—и мы имѣемъ финансовое право. Итакъ, финансовое право есть кристаллизовавшійся результатъ движенія (борьбы) соціальныхъ группъ въ извѣстномъ кругѣ явленій при данномъ экономическомъ строѣ.

То, что является теперь передъ нами къ формѣ финансовыхъ институтовъ, уже сложившихся, къ которымъ мы приступаемъ съ нашимъ анализомъ, то прежде было только требованіемъ финансовой политики той или иной общественной группы. Каждая группа выставляетъ свои собственныя требованія относительно финансовой организаціи хозяйства, государства и другихъ союзовъ публичнаго характера: такъ, группа, живущая трудомъ (рабочіе), выступаетъ съ требованіемъ уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, пониженія налоговъ на потребленіе предметовъ первой необходимости (на соль, хлѣбъ) и замѣны ихъ налогами общеподоходнымъ и общепоимущественнымъ. Эта же группа требуетъ, чтобы бо̀льшая роль была отведена въ бюджетѣ налогу съ наслѣдства.

Но нельзя разсматривать напр. трудящуюся массу, какъ одну группу, приходится и ее подраздѣлять на подгруппы съ усложненіемъ экономической жизни. Усложняющаяся экономическая жизнь дробитъ большія группы на подгруппы; такъ, рабочій классъ, какъ цѣлое, стоитъ за золотую валюту, а англійскіе ланкаширскіе рабочіе подъ вліяніемъ развитія хлопчато-бумажной промышленности въ Индіи—за серебро: въ Индіи—серебряная валюта, и это создаетъ какъ бы нѣкоторую премію въ пользу тамошней хлопчато-бумажной промышленности, и ланкаширскіе рабочіе начинаютъ чувствовать эту конкуренцію, и по этому вопросу они выдѣляются въ самостоятельную подгруппу.

Аграрная партія выступаетъ съ требованіемъ пониженія поземельнаго

налога или даже уничтоженія его, повышенія ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ, а это вѣдь опять является формой покрытія бюджета и т. д.

Итакъ, каждая группа выступаетъ со своей собственной программой, со своимъ знаменемъ и тотъ или иной финансовый институтъ является результатомъ компромисса между этими группами. Итакъ, финансовая структура—результатъ борьбы разныхъ общественныхъ группъ.

Какъ геологическія наслоенія отражаютъ въ себѣ жизнь своихъ эпохъ, такъ и финансовая структура отражаетъ въ себѣ общественныя отношенія своего времени.

Такъ, стóитъ посмотрѣть на финансовую структуру Англіи XVII и XVIII вв. (отсутствіе переоцѣнокъ по поземельному обложенію, хотя законъ этого и требовалъ, сильное развитіе косвенныхъ налоговъ) и мы можемъ сказать, что здѣсь отразились интересы землевладѣльческой группы Англіи. Остроумно было замѣчено: «перенесите финансовый кодексъ Англіи на луну, и тамъ скажутъ, что она управляется землевладѣльцами». Въ Америкѣ усиленный протективный тарифъ, общепоимущественный налогъ, при которомъ крупныя состоянія, особенно движимыя цѣнности, ускользаютъ отъ обложенія (поимущественный налогъ здѣсь дурно организованъ, потому и говоримъ мы, что ярлыками нельзя увлекаться), и можно сказать, что здѣсь группа представителей движимаго капитала наложила свою печать на финансовую структуру.

Въ Австраліи: подоходный налогъ, прогрессивное обложеніе земли, высокіе наслѣдственные налоги, лучшее въ свѣтѣ фабричное законодательство, и вы видите, что здѣсь на строеніе финансовой системы оказала крупное вліяніе рабочая партія.

Итакъ, финансовая структура даннаго публичнаго союза учитываетъ, такъ сказать, удѣльный вѣсъ каждой общественной группы, выступающей на борьбу за новую финансовую структуру: каждая группа добивается удовлетворенія своихъ требованій пропорціонально своему вліянію (особенно это ярко видно въ конституціонныхъ странахъ, и финансовое право, кристаллизировавшись, является результатомъ взаимныхъ уступокъ, высокія вывозныя пошлины, требуемыя аграріями, умѣряются подъ вліяніемъ другихъ группъ (трудящихся) и т. д.

Не вслѣдствіе теоретическихъ соображеній движется финансовая жизнь, нѣтъ, она складывается подъ вліяніемъ интересовъ группъ... Въ борьбѣ опредѣляются тѣ плечи, на которыя падаетъ несеніе расходовъ союзовъ публичнаго характера.

Каждая группа приходитъ со своей мѣркой, со своими вѣсами и гирями... Нѣтъ безпристрастнаго судьи, который бы смотрѣлъ за правильностью развѣшиванія налогового бремени. Все опредѣляется борьбой, а здѣсь не только развѣшиваютъ, но и обвѣшиваютъ *) (см. далѣе о пріемахъ борьбы). Безъ момента борьбы мы не поймемъ финансоваго права.

*) См. нашу брош. „Рѣчь на диспутѣ". Петерб., 1901 г.

Итакъ, для интересовъ, между которыми идетъ конкуренція по поводу правообразованія и финансоваго права въ частности, дѣйствующее въ данный моментъ право имѣетъ значеніе мирнаго договора, все равно въ какой бы формѣ ни былъ онъ закрѣпленъ; притомъ такого мирнаго договора, который отражаетъ въ себѣ отношеніе тѣхъ силъ, какія могли выставить на арену борьбы враждующія стороны въ тотъ моментъ, когда право получало реальное бытіе. Такъ какъ отношеніе этихъ силъ измѣняется, то и содержаніе договора не можетъ разсчитывать на продолжительное значеніе (Меркель *). Развитіе общества развиваетъ въ немъ противоположности, создаетъ новыя и обостряетъ старыя.

«Стоитъ сравнить,—говоритъ Меркель,—жизнь племенъ, стоящихъ на низкой ступени развитія, съ жизнью культурныхъ народовъ. Какъ несложны противоположности тамъ сравнительно съ тѣмъ, какъ многочисленны и обострены онѣ здѣсь». При данной экономической структурѣ подъ вліяніемъ отношеній группъ финансовое хозяйство слагается извѣстнымъ образомъ, но экономика мѣняется, одна хозяйственная система смѣняется другой, вырастаютъ новыя группы, и поднимается новая борьба за перераспредѣленіе налогового бремени, за реорганизацію финансоваго хозяйства.

Если финансовое право—результатъ борьбы, то оно не можетъ быть строго систематично: финансовая структура напоминаетъ намъ картину, писанную разными художниками, гдѣ не только каждый вносилъ свои пріемы работы, но и свои краски, а главное, каждый хотѣлъ писать то, что ему нравилось, одинъ—лѣсъ, другой—горы, третій—мадонну и т. д. и наша задача опредѣлить, кому и что принадлежитъ и по этимъ фрагментамъ выяснить, что такой-то художникъ думалъ нарисовать.

Чтобы понять финансовое хозяйство, мы должны ознакомиться со стремленіями и идеалами разныхъ общественныхъ группъ, съ ихъ программами, но здѣсь нужно быть очень осторожнымъ, нужно отличать то, что группа говоритъ о себѣ, отъ того, какъ она это формулируетъ и *чего она на самомъ дѣлѣ желаетъ* (*Жизнь*, 1900 г., *Кистяковскій*: «Категорія необходимости», № 5, 6). Но этого мало: чтобы опредѣлить дальнѣйшую жизнь права, которая развивается по равнодѣйствующей всѣхъ этихъ тенденцій, мы должны знать удѣльный вѣсъ каждой группы, участвующей въ процессѣ образованія финансоваго права, какова роль той или иной группы, каково ея вліяніе на матеріальное содержаніе права. Кромѣ того, для насъ важно еще для пониманія процесса движенія права опредѣлить, въ какомъ направленіи идетъ развитіе этихъ группъ, т.-е. будетъ ли относительная сила данной группы падать или развиваться, что въ значительной степени лежитъ въ экономикѣ данной страны: такъ, на дальнѣйшее развитіе финансоваго хозяйства будетъ имѣть вліяніе, развивается ли группа мелкихъ или группа крупныхъ производителей; слѣдовательно, и

---

*) *Меркель*: „Элементы общаго ученія о правѣ“. Харьковъ, 1896 г.

съ этой стороны изученіе экономическихъ отношеній чрезвычайно важно, не говоря уже о томъ, что экономика опредѣляетъ формы, въ которыхъ вращается добываніе союзами публичнаго характера матеріальныхъ средствъ для себя, т.-е. ею очерчивается, напр., сфера примѣненія доменнаго хозяйства, той или иной формы эксплоатаціи доменъ, сфера примѣненія пошлинъ, налоговъ (даже и самой формы ихъ, т.-е. въ видѣ ли натуральныхъ приношеній, или въ денежной формѣ), выборъ самаго масштаба для налоговой раскладки—общепоимущественный налогъ или спеціальная форма обложенія (поземельный, подомовой, промысловой), наконецъ, и самый объемъ пользованія кредитомъ и т. д.

Поскольку экономическія отношенія продуцируютъ общественныя группы, постольку они опредѣляютъ и распредѣленіе налогового бремени въ населеніи.

Одна, двѣ или болѣе группъ не всегда и далеко не всегда идутъ разрозненно, часто ихъ интересы сходятся при конструкціи того или другого акта, онѣ могутъ идти совмѣстно, повинуясь общему ихъ интересу, наоборотъ, тотъ или иной вопросъ можетъ иногда разъединить группу, которая до сихъ поръ представляла нѣчто цѣлостное.

Новыя экономическія отношенія иногда выдвигаютъ такіе интересы, которые ведутъ къ сегментаціи цѣлыхъ группъ: подъ вліяніемъ новыхъ отношеній старая группа сегментируется по тому или другому вопросу, и, наконецъ, происходитъ процессъ распаденія на нѣсколько новыхъ группъ, и тогда каждая изъ нихъ можетъ явиться носительницей совершенно самостоятельной политики. Уже при частичной сегментаціи по тому или другому вопросу, часть одной группы можетъ идти рука объ руку съ другой группой. Такъ, прежде буржуазія представляла одну группу, теперь она распалась на двѣ—крупную и мелкую—съ ярко противоположными интересами.

Дифференціація группъ создала и нейтральныя группы *), умѣряюще вліяющія на борьбу группъ, эта дифференціація даже содѣйствуетъ такой конструктивной работѣ въ области финансоваго хозяйства, такъ какъ иначе группа наиболѣе сильная, обезпечивъ себѣ наиболѣе выгодную финансовую структуру, весь свой raison d'être будетъ видѣть въ удержаніи этой структуры, такъ какъ она не будетъ встрѣчать противодѣйствія—таково положеніе вещей во Франціи: сравнительно меньшее во Франціи вліяніе аграрной партіи, и потому здѣсь ничто не сдерживаетъ одностороннаго хозяйничанья буржуазіи, потому мы видимъ здѣсь страшный застой: отсталое фабричное законодательство, старая система обложенія, здѣсь было 46 проектовъ подоходнаго налога съ 50-хъ годовъ, и ни одному не удалось пройти.

Не то мы видимъ въ Германіи: здѣсь болѣе сложный составъ обще-

*) См. мою брош. „Итоги экономическаго развитія". Пет., 1902 г. Здѣсь я разъяснялъ, какое значеніе имѣютъ т. н. нейтральныя группы.

ства, болѣе уравновѣшены группы и болѣе сплочены—сильная рабочая группа, между тѣмъ какъ во Франціи она расколота на много оттѣнковъ, и въ Германіи мы видимъ сильный прогрессъ въ организаціи финансоваго хозяйства.

Разъ нѣтъ нейтральныхъ группъ, то господствующая группа такъ конструируетъ финансовую систему, что она использует при этомъ все свое вліяніе и затѣмъ уже только сохраняетъ этотъ порядокъ вещей: ей нѣтъ интереса къ дальнѣйшей работѣ; но разъ есть нейтральныя группы, то онѣ могутъ и не позволить эксплоатировать одной группѣ другія въ такой степени, въ какой эта группа могла бы эксплоатировать, если бы она явилялась исключительнымъ властелиномъ, а затѣмъ, нейтральныя группы могутъ вмѣшаться въ борьбу и регулировать отношенія, руководствуясь или интересами цѣлаго, или лишь чтобы пріобрѣсти себѣ такимъ путемъ мантель святости. Итакъ, вмѣшательство нейтральныхъ группъ въ борьбу является коррективомъ эгоистическихъ побужденій борющихся группъ.

Но и помимо этого, группа, сильная своимъ вліяніемъ, иногда не вполнѣ использует свою побѣду: она вынуждена бываетъ отказываться отъ части своей побѣды, чтобы тѣмъ продолжительнѣе обезпечить себѣ пользованіе ею, не раздражая другія группы черезчуръ большими притязаніями. Этотъ отказъ отъ части побѣды аналогиченъ съ уплатой преміи, когда страхующее лицо отказывается отъ части своего имущества, чтобы тѣмъ болѣе обезпечить себѣ владѣніе имъ (страховка интересовъ). Такъ, Рудини въ итальянской палатѣ заявлялъ: «если консерваторы хотятъ сохранить основу существующаго строя, они должны подняться до высокихъ понятій справедливости и гуманности, чтобы добровольно и во-время сдѣлать тѣ уступки, которыя успокаиваютъ души и укрѣпляютъ современный строй». А Гаммерштейнъ говорилъ: «мы должны идти навстрѣчу времени, если хотимъ предупредить взрывъ негодованія въ массахъ». Такія уступки не безкорыстны: они подсказываются простымъ благоразуміемъ, тѣмъ благоразуміемъ, которое заставляетъ насъ жертвовать частью имущества при страхованіи всего имущества *).

Итакъ, каждый классъ стремится наложить свою печать, и финансовое право, образуясь изъ водоворота интересовъ, носитъ слѣды антагонизма: въ немъ отражается относительный вѣсъ борющихся группъ. Съ измѣненіемъ ихъ мѣняется и право. Какъ только группы почувствуютъ свою мощь, онѣ поднимаютъ боевой кличъ за видоизмѣненіе права, невыгоднаго для нихъ. Новыя же силы появляются подъ вліяніемъ измѣненія экономическихъ отношеній, подъ вліяніемъ этого же фактора являются и новые интересы: такъ, страшная гипотечная задолженность—продуктъ послѣдняго времени, создала новые интересы среди землевладѣльцевъ: они превращаются изъ сторонниковъ старой земельной формы обложенія по кадастру безъ вычета долговъ въ адептовъ новой: обложенія по доходу съ вычетомъ долговъ...

*) См. нашу кн. „Главнѣйшія теченія въ развитіи прямого обложенія въ Германіи“.

Развитіе крупнаго производства и паденіе мелкаго обострило среди представителей послѣдняго инстинктъ самосохраненія, и мы видимъ сильное развитіе такъ называемой политики поддержанія средняго класса (Mittelstands—politik), которая теперь проходитъ красной нитью чрезъ финансовые институты: особые высокіе налоги на универсальные магазины въ цѣляхъ борьбы съ ними, введеніе прогрессивнаго налога для крупныхъ предпріятій, подлежащихъ акцизу (обложеніе сахара въ Германіи, табаку у насъ по послѣднему закону) и т. д.

Но эта борьба совершается не силой оружія, а въ парламентахъ при помощи прессы, вмѣсто меча служатъ голоса избирателей и депутатовъ.

Экономика намѣчаетъ группу, объединяетъ ее для борьбы: сначала интересы неопредѣленны, неясны, но затѣмъ они выступаютъ все яснѣе и яснѣе, и группы ярко обособляются другъ отъ друга.

Существуютъ извѣстныя организаціи этихъ группъ, посредствомъ которыхъ онѣ проявляютъ свое вліяніе на направленіе государственной воли (парламентскія партіи).

Итакъ, финансовое право родится не въ заоблачныхъ сферахъ, а въ борьбѣ, и является результатомъ равнодѣйствующей борющихся силъ, но отдѣльныя личности—вожаки группъ—оказываютъ, конечно, крупное вліяніе на исходъ борьбы; вожаки группъ—фокусъ, въ которомъ отражаются желанія группъ, и отъ ихъ умѣнья склонить нейтральную группу на свою сторону, умѣнья ударить по струнамъ, общимъ группѣ, сплотить послѣднюю, освѣтить общіе интересы—много зависитъ. Борьба при лучшемъ вожакѣ даетъ побѣду съ меньшимъ напряженіемъ силъ: хорошій вожакъ сумѣетъ лучше организовать и утилизировать силы. Сила рѣшаетъ на полѣ битвы, но и значеніе полководца никто не будетъ отрицать. Интересы создаются экономическими отношеніями, но вожакъ можетъ пробудить къ борьбѣ, разъ есть наличныя условія въ экономикѣ, иначе могутъ оставаться огромныя силы пассивными; наприм., хотя бы въ Баваріи, такой спящей силой и до сихъ поръ остаются крестьяне, мелкіе землевладѣльцы, и только за послѣднее время они начинаютъ выступать со своими программами. То же самое во Франціи.

Итакъ, вожакъ можетъ сплотить силы только при извѣстной обстановкѣ. Мѣняется послѣдняя, мѣняется и группировка силъ: люди тогда какъ бы перемѣщаются, смотрятъ на міръ подъ другими углами; это перемѣщеніе порождаетъ въ нихъ другіе интересы, перетасовываетъ ихъ.

Теперь для соціологическаго изученія финансовъ и экономической политики на Западѣ съ развитіемъ парламентскаго режима мы имѣемъ прекрасный матеріалъ, который ждетъ своей разработки: печатные парламентскіе отчеты вскрываютъ намъ группировку партій, роль вожаковъ, нейтральныхъ группъ—мы можемъ наблюдать, какъ подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ факторовъ развиваются экономическіе институты. Анализъ программъ даетъ намъ богатый матеріалъ къ характеристикѣ группъ, хотя къ этимъ программамъ нужно относиться съ большой осторожностью,

такъ какъ нерѣдко въ нихъ прокламируется не то, что партія въ дѣйствительности желаетъ. Широковѣщательныя программы нерѣдко разсчитаны на ловлю голосовъ. Мы видимъ здѣсь, какъ въ Германіи торгуетъ центръ и идетъ то съ одной партіей, то съ другой *); вопросъ о коалиціи партій—одинъ изъ существенныхъ вопросовъ парламентской жизни, и попытка прослѣдить сдѣлки партій пролила бы много свѣта на роль нейтральныхъ инстанцій, чему я приписываю огромное значеніе въ образованіи финансовыхъ институтовъ; это выводитъ государство изъ узкаго, рабскаго подчиненія болѣе сильной группѣ, воля государства тогда направляется не исключительно болѣе сильной группой, а въ построеніи ея участвуютъ и нейтральныя группы, выступающія или во имя своихъ отдаленныхъ интересовъ, или во имя цѣлаго (такъ какъ это имъ притомъ ничего не стоитъ), и государство такимъ образомъ все болѣе и болѣе можетъ возвышаться до роли моральной силы, и, быть можетъ, справедливо, что въ государствѣ прежде видѣли организацію защиты со стороны владѣющихъ противъ невладѣющихъ,—государство однимъ покровительствовало, изъ другихъ высасывало (Штирнеръ: Der Einzige und sein Eigenthum),—но съ развитіемъ нейтральныхъ группъ такое одностороннее направленіе воли государства будетъ затруднено, и государство будетъ равномѣрнѣе всѣхъ прикрывать своимъ покровомъ.

Пора соціологіи бросить безплодныя разсужденія: мы имѣемъ богатѣйшій матеріалъ въ парламентскихъ отчетахъ и слѣдуетъ приняться за ихъ фактическую разработку.

Итакъ, мы должны изучать финансовую структуру хозяйства, какъ она слагается на данномъ экономическомъ фонѣ подъ вліяніемъ движеній соціальныхъ группъ. За отправную точку мы беремъ соціальную группу. Это методологическій пріемъ: не столько отдѣльныя лица для насъ важны, сколько строеніе общества въ данную минуту. Только опираясь на соціальную группу, мы можемъ подмѣтить нѣкоторую закономѣрность въ сферѣ финансовыхъ явленій, исходя же изъ анализа индивидуальныхъ стремленій, мы рисковали бы совершенно потеряться въ развертывающемся предъ нами хаосѣ фактовъ. Соціальныя группы покоятся на общности производственныхъ отношеній и связаны единствомъ дохода, основной мотивъ ихъ движенія—самосохраненіе: каждая группа хочетъ какъ можно меньше участвовать въ несеніи налогового бремени и, наоборотъ, сбросить какъ можно больше на другія; но это стремленіе умѣряется другими мотивами, другими группами.

Такъ совершалось бы построеніе налоговой системы, если бы мы имѣли fair play, какъ англичане говорятъ, т.-е. если бы всѣ силы, имѣющіяся въ обществѣ и въ которыхъ пробудилось сознаніе желанія наложить свою

*) См. Die Social-Demokratie im Bayerischen Landtag 1893—99. Handbuch für Landtagswähler. Nürnberg 1899. Die Bayerische Steuer-Reform v. 1899 v. Eugen Iäger. Speyer 1900. Radikalmittel zur Hebung d. Notstandes d. bayer. Bauern v. Ritlinger. Münch. 1896.

печать на финансовую структуру, могли принимать участіе въ борьбѣ, но дѣло далеко не такъ: движеніе группъ совершается въ рамкахъ права, и не всѣ силы выступаютъ на арену борьбы (напр. въ парламентѣ), а только тѣ, которымъ это позволяетъ данный общественный и политическій строй, а отсюда видно огромное значеніе для финансоваго права государственнаго права: силы могутъ быть уже созданы, но онѣ не вполнѣ проявляются въ борьбѣ или проявляются, но не въ достаточной степени, такъ какъ государственное устройство стягиваетъ ихъ проявленіе.

Итакъ, вслѣдствіе того или иного государственнаго устройства (наприм. организаціи избирательнаго права), силы данной группы могутъ далеко не соотвѣтствовать тѣмъ силамъ, которыя данной группой будутъ выставлены па арену борьбы: эти 2 момента могутъ далеко расходиться. Одна группа можетъ быть представлена въ парламентѣ непропорціонально больше своему численному составу въ населеніи, другая—непропорціонально меньше, напримѣръ, въ Германіи *), когда намѣчались избирательные округа, то городскіе центры еще мало были развиты; теперь городское населеніе сильно возросло, и оно главнымъ образомъ посылаетъ въ рейхстагъ представителей лѣвой партіи, и мы видимъ, что самое большое количество голосовъ подается въ пользу соціалъ-демократіи, но вслѣдствіе прежняго дѣленія на округа эта группа въ рейхстагѣ пропорціонально далеко менѣе представлена, чѣмъ въ населеніи. Та или иная организація избирательнаго права въ городахъ оказываетъ крупнѣйшее вліяніе на финансовое хозяйство этихъ послѣднихъ: такъ, домовладѣльческій составъ нашихъ думъ, при томъ рекрутируемый преимущественно изъ центра города, оказываетъ крупное вліяніе на финансовую и экономическую политику нашихъ городовъ **).

Въ западныхъ конституціонныхъ странахъ легче изучать процессъ развитія финансовыхъ институтовъ, потому что интересы, которыми движется право, получаютъ здѣсь извѣстную организацію: мы видимъ здѣсь лиги защиты интересовъ домовладѣльцевъ, лиги держателей цѣнныхъ бумагъ, фермеровъ, разныхъ группъ промышленности, а слѣдовательно намъ легче уяснить себѣ интересы этихъ группъ, а слѣдовательно и то, что онѣ вносятъ въ налоговую систему—способъ распредѣленія налогового бремени.

---

*) См. хотя бы Ad. Braun „Die Parteien d. Deutschen Reichstags“. Stuttg. 1893.

**) Въ Великобританіи на одного депутата приходится 62,310 человѣкъ населенія, а избирателей—10,285, причемъ въ Англіи избирателей приходится 11,081, въ Ирландіи—7,006, см. Popul., number of electors and representat. Lond. 1902.

Но есть округа, гдѣ на одного члена парламента приходится по 20,000 избирателей (Нортумберландія), по 22,000 и даже 35,940 (Эссексъ), зато есть избирательные округа, гдѣ количество избирателей на 1 парламентское мѣсто падаетъ до минимума: 1,553 (Килкенни), 2,246 (Дублинскій университетъ), 2,799 (Пенринъ)...

Въ Лондонѣ—4.898,000 жителей, и онъ посылаетъ въ парламентъ 61 члена, а Ирландія съ населеніемъ въ 4.279,000 посылаетъ 103 члена. (См. The House of Commons in 1902 г. изд. Pall Mall gazette office. См. по этому же вопросу интересныя данныя въ книгѣ Meuriot „Les agglomèrations urbaines“ 1898.

Жизнь здѣсь сама создаетъ болѣе благопріятныя условія изученія развитія финансовыхъ институтовъ. Дѣлаетъ прозрачнѣе самую борьбу. Надо замѣтить, что политическія партіи не вполнѣ совпадаютъ съ экономическими группами: въ объединеніи политическихъ партій играетъ роль не только экономическій моментъ, но онъ осложняется и другими моментами: національнымъ, религіознымъ (наприм., центръ: онъ защищаетъ и аграрные и промышленные интересы и проводитъ политику среднихъ классовъ, но все это окрашено религіознымъ оттѣнкомъ). При изслѣдованіи это надо помнить.

Нужно съ большей осторожностью оперировать программами партій: въ программы часто вставляются не реальные, а фиктивные пункты съ единственной цѣлью ловить голоса; такіе пункты играютъ роль удочки, особенно для ловли крестьянскихъ голосовъ (Bauernfang): такъ, нерѣдко группа крупныхъ землевладѣльцевъ выставляетъ пункты вредные себѣ и выгодные для мелкихъ крестьянъ, но она заранѣе знаетъ, что никогда не будетъ отстаивать эти пункты, а выставляетъ она ихъ лишь для пріобрѣтенія себѣ голосовъ; иногда, впрочемъ, и въ парламентахъ группы выставляютъ пожеланія, идущія вразрѣзъ со своими дѣйствительными интересами, но это тогда дѣлается, когда онѣ знаютъ, что нѣтъ надежды на осуществленіе этихъ пожеланій, а между тѣмъ этимъ нерѣдко безъ лишнихъ расходовъ пріобрѣтается ореолъ среди своихъ кліентовъ (такъ нерѣдко поступаетъ центръ). Поэтому партійныя программы для научнаго изслѣдованія должны быть подвергаемы детальному анализу, и было бы чрезвычайно легкомысленно, когда пожеланія отдѣльныхъ партій, выставляемыя ими въ программахъ, принимаются за чистую монету, какъ это нѣкоторые и дѣлаютъ. Затѣмъ нужно имѣть въ виду, что въ самыхъ партіяхъ происходитъ постоянная эволюція: теперешніе консерваторы Англіи не тѣ уже, что были 20—30 лѣтъ тому назадъ, многіе промышленники перешли въ консервативную партію, и въ свою очередь представители поземельной собственности стали помѣщать свои средства въ промышленныя предпріятія и, слѣдовательно, имъ стали не чужды интересы промышленности. Въ то же время началъ развиваться особый видъ эксплоатаціи капиталовъ—помѣщеніе его въ иностранныя предпріятія, наприм., многіе англійскіе промышленники помѣщаютъ свои капиталы въ Индіи въ хлопчато-бумажную промышленность, въ Россію, въ колоніи Англіи, и это создаетъ противоположность интересовъ между англійскими промышленниками въ собственномъ смыслѣ этого слова, и лицами, вывозящими капиталы для помѣщенія въ промышленныя предпріятія за границу, и вторая категорія достигла въ Англіи того, что англійскія хлопчато-бумажныя ткани при ввозѣ ихъ въ Индію стали облагаться 5% ввозной пошлиной.

При этомъ надо имѣть въ виду, что законы для Индіи санкціонируются англійскимъ парламентомъ, такъ что этотъ послѣдній затруднилъ ввозъ своихъ собственныхъ произведеній въ Индію подъ вліяніемъ интересовъ англійскихъ промышленниковъ, помѣстившихъ крупные капиталы въ Индіи.

Если такъ, то движеніе линій, характеризующее ростъ разныхъ партій, характерно для налоговой системы. Мы нерѣдко видимъ, какъ съ измѣненіемъ избирательнаго права при сохраненіи въ томъ же положеніи всѣхъ остальныхъ условій финансовая структура претерпѣваетъ крупныя измѣненія: такъ, демократизація мѣстнаго управленія въ Англіи повела къ введенію тамъ спеціальнаго обложенія. Но если русло общественной жизни слишкомъ узко, чтобы дать должное вліяніе новымъ силамъ, то эти послѣднія стараются расширить его себѣ, но пока этотъ моментъ не наступилъ, финансовая структура можетъ далеко не соотвѣтствовать соотношенію группъ, какъ онѣ представлены въ населеніи, и можетъ отражать собой соотношенія этихъ послѣднихъ въ давно минувшее время, въ то время, когда еще складывалась данная конструкція финансоваго хозяйства.

Итакъ, я хочу только показать, что финансовая структура не есть что-либо растущее изъ себя, строго развивающее какую-нибудь одну идею, не есть что-либо гармонически построенное во всѣхъ своихъ частяхъ, нѣтъ, надъ ней работали разныя руки, въ разныхъ направленіяхъ и въ разное время. Это объясняетъ намъ, почему мы находимъ много архаизмовъ въ налоговой системѣ: здѣсь борются разные стили, какъ въ вѣковыхъ постройкахъ храма св. Петра въ Римѣ. Современныя финансовыя организаціи напоминаютъ новый музей, построенный недавно въ Мюнхенѣ,—въ немъ стремились представить всѣ стили: вы видите тутъ и готику, ренессансъ и средневѣковой рыцарскій и средневѣковой городской стиль и т. д. Только въ налоговой системѣ это сплетеніе разныхъ формъ и стилей еще причудливѣе, еще капризнѣе: тамъ выдержаны отдѣльныя части въ какомъ-нибудь одномъ стилѣ, а въ налоговой системѣ разныя идеи воплощались въ одномъ и томъ же институтѣ; новый институтъ выдвигается какой-нибудь группой, другая группа, нерѣдко исходя изъ противоположнаго интереса, вплетаетъ въ этотъ новый институтъ кое-что отъ себя, устраиваетъ себѣ лазейку, чрезъ которую она будетъ ускользать отъ обложенія, наприм., общеимущественный налогъ въ Америкѣ такъ построенъ, что представители движимаго капитала легко могутъ ускользать отъ него. Напомнимъ попытку австрійскихъ землевладѣльцевъ при введеніи подоходнаго налога вмѣсто деклараціи чистаго дохода ввести для себя декларацію кадастральнаго дохода, далеко отстоящаго отъ дѣйствительнаго. Итакъ, въ налоговой системѣ видны не только разные мастера, но и разныя эпохи: однѣ части построены уже въ ближайшее къ намъ время, другія—въ далеко отдаленное, и такъ какъ въ одной и той же странѣ нерѣдко сосуществуетъ нѣсколько хозяйственныхъ системъ: натуральная, товаро-мѣновая, и представители этихъ хозяйственныхъ системъ идутъ въ своемъ развитіи неровнымъ темпомъ, то различные фрагменты финансовыхъ системъ могутъ надолго сохраняться и поддерживать ту пестроту, которую мы обычно наблюдаемъ въ налоговой системѣ. Однимъ словомъ, финансовая организація даннаго момента нарисована не одной краской, а разными, и разными тонами.

Между тѣмъ нерѣдко изслѣдователи ограничиваются только описаніемъ

явленій, при этомъ чисто догматическомъ направленіи все сводится къ конструкціямъ, къ установленію фактовъ, что тогда-то такой-то предметъ начали облагать, потомъ понизили размѣры обложенія, затѣмъ повысили, затѣмъ снова понизили, потомъ совсѣмъ отмѣнили, и все безъ объясненія причинъ, отчего зависитъ это измѣненіе обложеній. Иногда, впрочемъ, дѣлаются ссылки на дефициты въ бюджетѣ, но почему для покрытія ихъ выбирается одинъ источникъ, а не другой? На эти вопросы характеризуемое нами направленіе не даетъ отвѣта, и такія экскурсіи въ область исторіи для насъ совершенно безполезны, но тогда «какая выгода для насъ знать,— справедливо говоритъ Іерингъ,—что право съ теченіемъ времени мѣняется, что законъ слѣдуетъ за закономъ» *). Въ результатѣ мы получимъ голый фактъ, что право, какъ и все на свѣтѣ, испытываетъ перемѣны, что оно движется; но вотъ часы, и они идутъ, а что же намъ извѣстно о ихъ ходѣ, если мы знаемъ только одинъ фактъ, что часовая стрѣлка передвигается съ мѣста на мѣсто. «Исторія финансоваго права нерѣдко ограничивается только знаніемъ циферблата часовъ, не имѣя понятія объ ихъ механизмѣ. Она не касается зачастую вопроса о скрытой силѣ, которая приводитъ въ движеніе стрѣлку, и исторія обращается тогда въ музей поношенныхъ вещей, или лучше, она напоминаетъ намъ при такомъ чисто описательномъ направленіи архивъ какого-нибудь департамента, заваленнаго старыми дѣлами въ синихъ обложкахъ съ однообразными надписями: «дѣло началось тогда-то, кончилось тогда-то»; здѣсь стòитъ только устанавливать законы другъ за другомъ въ ихъ хронологическомъ порядкѣ съ лаконическими надписями и получится исторія, а если присоединить сюда краткія біографіи благородныхъ и неблагородныхъ джентельменовъ, составлявшихъ эти акты, а главное, архивныхъ регистраторовъ, творцовъ всевозможныхъ учебниковъ (manuel, traité, Handbuch), то мы получимъ обычное содержаніе науки финансоваго права у лицъ, держащихся этого направленія. Другія области правовѣдѣнія уже перешагнули эту стадію, но финансовое право, какъ наука молодая, далеко отстала въ своемъ развитіи, между тѣмъ задача историка финансовъ—вывести структуру финансоваго права изъ экономическихъ и общественныхъ отношеній. Такъ геологъ, изслѣдуя направленіе данной рѣки, разсматриваетъ геологическія наслоенія, чрезъ которыя она должна была прокладывать себѣ путь,—она пролагаетъ себѣ дорогу по линіямъ наименьшаго сопротивленія,—точно также при изученіи финансоваго права мы должны знакомиться прежде всего съ тѣмъ, какіе интересы и какія группы составляли ложе даннаго акта или данной страны, и съ этой точки зрѣнія мы поймемъ, почему финансовая организація Франціи XVIII столѣтія отлична отъ финансовой организаціи Америки, а организація послѣдней отлична отъ финансоваго хозяйства Австраліи и т. д. Объясненіе здѣсь лежитъ въ органическомъ строеніи общества, которое даетъ направленіе финансовому законодательству **).

---

*) *Ж. М. Юст.* 1896 г.: „О задачахъ и методѣ исторіи права".

**) Ср. для Англіи: „Акцизы". Ч. I, 1872 г., акад. И. И. Янжула и нашъ „По-

Конечно, собираніе финансовыхъ фактовъ — почтенная работа, но работа предварительная, подготовительная, безъ нея мы шагу не можемъ ступить, но и останавливаться на ней нельзя; эту стадію пора перешагнуть.

Нерѣдко финансовая наука сводится къ догматическому изложенію финансоваго права, къ догмѣ, въ лучшемъ случаѣ съ болѣе или менѣе подробнымъ изложеніемъ. Все дѣло сводится здѣсь къ конструкціи, къ классификаціи, просто перечисляются разныя формы обложенія, даются подробныя описанія, которыя никакая память не въ состояніи удержать. Такое отношеніе къ матеріалу напоминаетъ, по выраженію Іеринга, сказанному имъ относительно догмы римскаго права, систематику счета прачки: сорочки, воротнички, носовые платки Leges, Senatus consulta, а у насъ— поземельный налогъ, промысловой, табачный. Конечно, опять-таки догматика имѣетъ свое значеніе, но постольку, поскольку она облегчаетъ намъ процессъ познаванія, а когда она заслоняетъ намъ собой другія болѣе важныя задачи, она безусловно вредна. Хорошая классификація имѣетъ серьезное значеніе, но вспомогательное, и это надо помнить.

Правда, аналитическая часть финансовой науки болѣе развита, и результаты ея болѣе богаты, чѣмъ результаты по изслѣдованію развитія финансовыхъ институтовъ *). Мы знаемъ теперь, на какой классъ ложится налоговое бремя при той или другой формѣ обложенія, какъ отражается оно на народномъ хозяйствѣ, производствѣ, распредѣленіи (наприм., обложеніе земли просто по количеству послѣдней или обложеніе только ренты). Этой части болѣе посчастливилось.

Когда же изслѣдователи приступаютъ къ объясненію причинъ, то нерѣдко даются самыя фантастическія объясненія, зачастую объясняется введеніе новой формы обложенія интересами общаго блага или справедливости, но почему государство захотѣло, почему та или иная мѣра признана общимъ благомъ, что заставило это сдѣлать,—на это нерѣдко не находили отвѣта.

Греческая мифологія плѣняетъ нашъ умъ, нашу фантазію: громъ, молнія—Зевесъ сердится, пускаетъ стрѣлы. Чарующей прелестью вѣетъ отъ этихъ объясненій. Но въ области естествознанія эти объясненія оставлены, но аналогичныя объясненія общественныхъ явленій удерживаются: тамъ Зевесъ, здѣсь «государство», но эти объясненія—свинцовая крышка для

доходный налогъ въ Англіи", для Франціи: „Противорѣчія классовыхъ интересовъ". Каутскаго (въ переводѣ В. Водовозова) и „Происхожденіе современной демократіи" М. М. Ковалевскаго (т. I и II), для Австраліи нашу статью въ *Р. М.* 1898 года: „Одинъ изъ экспериментовъ въ англійскихъ колоніяхъ Австраліи" и *Р. Эк. Обозр.* 1898 г. № 9, „Рабочее законодательство австралійскихъ колоній Англіи". Мижуевъ: „Передовая демократія" и Леруа-Болье „Новыя англо-саксонскія общества: Австралія и Новая Зеландія", для Соед. Штатовъ Америки, *Р. Эк. Обозр.* 1898 г. № 5: „Современныя теченія въ сферѣ прямого обложенія въ Соед. Штатахъ въ связи съ интересами общественныхъ группъ".

*) Мы здѣсь выдѣляемъ такихъ изслѣдователей, какъ Clamageran, Stourm и нѣкоторыхъ другихъ.

науки. Объяснить возникновеніе какого-либо института общимъ благомъ, понятіемъ справедливости—это то же, что объяснить происхожденіе права народнымъ духомъ, и опять рѣзко критикуетъ это направленіе Іерингъ: «Какъ,—говоритъ онъ,—напасть на мысль прослѣдить основаніе юридическихъ положеній, если онѣ заключены въ недоступныхъ тайникахъ народнаго духа. Съ точки зрѣнія этой теоріи на всѣ вопросы одинъ отвѣтъ: народный духъ, національно-правовое чувство. Такъ отнесся къ этому народъ... Эта теорія (эманаціи) служитъ подушкой, на которой спитъ наука» (*Іерингъ:* «О задачѣ и методѣ исторіи права», сокр. перев. въ *Ж. М. Ю.* 1896 г., № 2). Такое направленіе и въ финансахъ, только съ замѣной народнаго духа волей государства (общимъ благомъ) избавляетъ изслѣдователя отъ лишнихъ хлопотъ, здѣсь не изслѣдуются условія образованія того или другого явленія. Задача изслѣдователя—насколько можно—разложить понятіе и самого государства, хотя, конечно, и само оно является въ ряду другихъ факторовъ особымъ факторомъ, но не единичнымъ, а конкурирующимъ съ другими. Несомнѣнно государство и фискъ выступаютъ зачастую въ качествѣ самостоятельныхъ факторовъ, но все нельзя объяснять ими, какъ это нерѣдко дѣлается.

Но самый крупный недостатокъ современнаго состоянія финансовой науки — это смѣшеніе науки съ политикой. Финансисты считаютъ своей обязанностью по каждому поводу выступать съ похвалой или осужденіемъ, и въ этомъ отношеніи учебники, держащіеся этого направленія, нерѣдко напоминаютъ книгу хорошаго тона: земли прежде отдавали большими участками государства, продавали ее, а теперь такъ дѣлать нехорошо; желѣзныя дороги были въ частныхъ рукахъ, а теперь оставлять ихъ въ этомъ положеніи нехорошо, прежде были подушные налоги, а теперь финансистъ не рекомендуетъ ихъ придерживаться, — однимъ словомъ, учебники этой категоріи учатъ, какъ человѣкъ *долженъ* относиться къ тѣмъ или другимъ явленіямъ, чтобы получить кличку воспитаннаго ученаго финансиста. Эти учебники напоминаютъ письмовники съ массой формулъ на разные случаи жизни. Выводъ одинъ: разные обычаи существовали, теперь отчасти завелись другіе, а отчасти нужно еще завести.

Конечно, это смѣшеніе съ финансовой политикой объясняется исторіей развитія нашей науки—это еще наука молодая, и какъ всякая наука, она возникла изъ стремленія удовлетворить практическіе запросы жизни, т.-е. указать въ данномъ случаѣ, какъ государство можетъ лучше обезпечить себя матеріальными средствами, а государства обычно страдали отсутствіемъ средствъ и, конечно, было не мѣсто у постели больного заниматься научными изслѣдованіями. Но финансовая наука и до сихъ поръ еще не успѣла сбросить съ себя слѣдовъ своего историческаго происхожденія. Между тѣмъ это смѣшеніе чрезвычайно вредно отражается на наукѣ; наука заполняется чуждымъ ей содержаніемъ: вмѣсто нея даются груды кабинетныхъ или партійныхъ рецептовъ, гдѣ авторы оперируютъ лишь съ повелѣніями или пожеланіями, иногда совершенно забывая о чисто-научныхъ

задачахъ финансоваго права—установлять закономѣрность явленій. Рецепты составляются наобумъ, и авторы, описывая рожденіе новой формы или отмираніе старой, сопровождаютъ это соотвѣтственными привѣтствованіями или некрологами.

Насколько мы еще далеки отъ пониманія финансовой науки, какъ чистой науки, можно сослаться на Менгера. Менгеръ, проводя строгое различіе между теоретической и практической политической экономіей (народно-хозяйственная политика), финансовую науку всецѣло относитъ къ практическимъ наукамъ, «между тѣмъ ошибка смѣшенія,—говоритъ самъ Менгеръ,—теоретической и практической политической экономіи не менѣе, чѣмъ если бы стали смѣшивать химію съ химической технологіей и физіологію и анатомію съ терапіей и хирургіей».

Вредное вліяніе въ этомъ смыслѣ смѣшеніе чистой науки съ политикой оказало и этическое направленіе политической экономіи. Такъ, по Кауцу, политическая экономія есть наука историческая о законахъ развитія хозяйства и въ то же время этико-философская. Преслѣдуя первую свою задачу, она должна показать, въ чемъ состоятъ эти явленія и какъ они образовались, въ качествѣ же этико-философской науки она занимается изслѣдованіемъ того, что еще не осуществлено въ данный моментъ въ хозяйственномъ быту, но что должно быть осуществлено по требованію нравственнаго сознанія. Въ первомъ качествѣ она — отраженіе (Abbild), а во второмъ Vorbild, и онъ — рѣшительный сторонникъ того, чтобы обѣ эти части составляли одно цѣлое. Политическая экономія, по его мнѣнію, не только анатомія и физіологія, но и гигіена и терапія, не только патологія, но и народно-хозяйственная діэтетика. Отдѣленіе теоріи отъ политики, по мнѣнію Кауца, можетъ привести къ крайне несовершеннымъ результатамъ, но авторъ сознаетъ, что для той и другой части способы познанія различны: для чистой науки — наблюденіе хозяйственной жизни въ прошломъ и настоящемъ, для практической—идеалы соціальной и хозяйственной жизни. Въ первой мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, во второй мы оперируемъ внѣ дѣйствительности и ея реальныхъ фактовъ, оперируемъ съ тѣмъ, чего еще нѣтъ и чего нельзя ожидать отъ предоставленнаго самому себѣ хода вещей; тѣмъ не менѣе авторъ сливаетъ эти обѣ части въ одну и говоритъ, что національная экономія должна охватывать экономическую жизнь не только какъ предметъ теоріи, но и имѣя въ виду государственное воздѣйствіе на нее для преобразованія существующихъ условій,—однимъ словомъ, наука должна возвыситься до соціальной экономіи (Kunstlehre).

Подъ этимъ терминомъ онъ понимаетъ совокупность опредѣленныхъ правилъ и максимъ, которыми пользуются при достиженіи опредѣленной цѣли.

Національная экономія, какъ теорія, имѣла бы только дѣло съ установленіемъ, объясненіемъ и изложеніемъ экономическихъ фактовъ въ народной жизни, она была бы только анатоміей и физіологіей, но одновременно она должна участвовать и въ реализаціи соціальныхъ и практическихъ задачъ, т.-е. быть гигіеной и терапіей (*Кауцъ*, т. I, § 107).

Того же воззрѣнія о невозможности отдѣлить чистую науку отъ политики держится и Конъ. То, что теперь есть, прежде являлось въ формѣ, какъ должно быть. Существующія хозяйственныя отношенія — это уже пріобрѣтенный капиталъ въ области общественной этики, та часть, долженствующая быть, которая перешла въ общія убѣжденія, и потому также невозможно отдѣлить, что «должно быть, отъ того, «что есть», какъ невозможно раздѣлить на двѣ части теченіе быстро несущейся рѣки.

Между тѣмъ такое смѣшеніе чрезвычайно вредно отразилось на наукѣ: изслѣдователи, вмѣсто того, чтобы заниматься установленіемъ закономѣрности финансовыхъ явленій, предпочитали заниматься болѣе легкимъ дѣломъ: изготовленіемъ рецептовъ на разные случаи жизни, и потому обратили финансовую науку въ рецептурную кухню.

Каждый изъ насъ имѣетъ свои идеалы и *долженъ* ихъ имѣть, если только живое сердце бьется въ его груди, но эти идеалы опредѣляются нашими симпатіями или антипатіями, больше психологіей, чѣмъ головой.

Не съ осужденіемъ или порицаніемъ мы должны выступать въ область финансовой науки, а холодно и безпристрастно.

Не воскурять ѳиміамъ предъ той или другой формой и обдавать презрѣніемъ другія—наша задача, а изслѣдовать, что̀ есть и почему.

Мы не въ правѣ ставить вопросы, справедливо ли прогрессивное обложеніе или пропорціональное. Это—неправильная постановка, извращающая науку, а должны ставить вопросъ такъ: чѣмъ обусловливается въ данное время прогрессивность формъ обложенія, какъ вліяетъ та или иная форма на народное хозяйство и въ частности на финансовое. Мы не въ правѣ въ сферѣ *чистой* науки говорить о томъ, какія формы обложенія справедливѣе, а должны изучать, чѣмъ вообще обусловливается равномѣрность распредѣленія налогового бремени, мы можемъ изслѣдовать, есть ли наличность факторовъ, которые бы гарантировали намъ въ будущемъ болѣе равномѣрное распредѣленіе налогового бремени. Точно также мы изучаемъ историческія причины, обусловливающія въ данный моментъ общность обложенія всѣхъ гражданъ, или уклоненіе отъ него цѣлыхъ группъ.

И относительно эластичности налоговой системы мы опять задаемся вопросомъ, какими причинами вызывается стремленіе бюджетовъ къ приданію этимъ послѣднимъ этого качества.

Конечно, это даетъ богатый матеріалъ для построенія финансовой политики, но содержаніе политики можетъ быть разное: такъ Леруа-Болье *) и Вагнеръ, исходя изъ однихъ и тѣхъ же фактовъ, приходятъ къ разнымъ выводамъ: первый къ пропорціональному обложенію, а второй—къ прогрессивному, исходя изъ своихъ соціальныхъ воззрѣній. Одинъ считаетъ прогрессивное обложеніе справедливѣе, а другой—пропорціональное. Уже эти выводы—дѣло личное: при указанномъ смѣшеніи наука заполняется

---

*) См. *Русское Эконом. Обозр.*, 1901 г., янв.

негоднымъ содержаніемъ, политика лишается нужнаго ей матеріала и строится на пескѣ, переходитъ въ область мечтаній.

Главное въ наукѣ—это умѣнье поставить вопросъ, найти правильный путь, а то вѣдь можно блуждать годами и не подвинуться ни на шагъ. И это смѣшеніе чистой науки съ политикой заводитъ насъ въ безплодную пустыню. Итакъ, не съ порицаніемъ или осужденіемъ приступаемъ мы къ обсужденію вопросовъ финансоваго хозяйства, а изслѣдуемъ условія развитія и примѣненія, наприм., прогрессивнаго налога, системъ торговли (протекціонизмъ и фритредерство): какое вліяніе они имѣютъ на разныя группы населенія, на развитіе промышленности и т. д. Правильное разграниченіе между финансовой наукой и политикой было бы слѣдующее: наука изучаетъ условія развитія и примѣненія той или другой формы, даетъ анализъ этихъ формъ, изслѣдуетъ ихъ многообразныя вліянія на разныя стороны жизни. А политика ставитъ идеалы, которые диктуются нашимъ сердцемъ, нашей принадлежностью къ той или другой группѣ, нашей психологіей, слѣдовательно, они строятся внѣ науки и только затѣмъ мы уже передаемъ эти идеалы въ лабораторію науки, которая говоритъ намъ, могутъ ли быть эти идеалы осуществлены и въ какихъ границахъ и если—да, то какими средствами въ данное время наука располагаетъ. Милль прекрасно поясняетъ это отношеніе: искусство (политика) пролагаетъ себѣ цѣль, опредѣляетъ ее и передаетъ наукѣ. Наука принимаетъ ее, разсматриваетъ, какъ явленіе или дѣйствіе, которое надо изучить, и, изслѣдовавши всѣ причины или условія, возращаетъ ее назадъ искусству, вмѣстѣ съ теоремой того сочетанія обстоятельствъ, которыми она можетъ быть произведена. Тогда искусство разсматриваетъ это сочетаніе обстоятельствъ, и смотря по тому, находятся они или нѣтъ въ человѣческой власти, рѣшаетъ, достижима ли эта цѣль, или нѣтъ.

Итакъ, единственная посылка, которую даетъ намъ искусство, есть первоначальная большая посылка, утверждающая, что достиженіе данной цѣли желательно. Тогда наука предлагаетъ искусству положеніе, полученное рядомъ дедукцій или индукцій, и при исполненіи извѣстныхъ дѣйствій цѣль будетъ достигнута (*Милль,* «Логика», т. II, стр. 448—9).

Итакъ, финансовая наука даетъ намъ матеріалъ, пользуясь которымъ мы можемъ очертить границы достижимаго, она показываетъ намъ вѣхи съ надписью: «Оставь здѣсь всякую надежду, смертный!» Такъ, наука намъ говоритъ, что въ настоящее время бороться путемъ обложенія съ крупными магазинами невозможно, а это намъ показываетъ, что финансовая политика, преслѣдующая эту цѣль, не раціональна.

Изслѣдуя экономическую структуру и исходя изъ воззрѣнія, что финансовое хозяйство—рефлексъ экономическихъ отношеній, мы должны будемъ убѣдиться, что только тѣ наши стремленія могутъ имѣть успѣхъ, которыя имѣютъ подъ собой почву. «Какъ милліоны зародышей,—говоритъ Гумпловичъ,—безполезно погибаютъ въ природѣ, также точно милліоны свободныхъ человѣческихъ поступковъ пропадаютъ безслѣдно для соціаль-

наго развитія, потому что они не отвѣчаютъ его направленію, не способствуютъ его ускоренію и безполезно гибнутъ, задавленные прогрессомъ, не имѣя силъ его тормозить» («Соціологія и политика», 1895 г., стр. 94), потому-то мы и видимъ, что съ крупными магазинами—продуктомъ общаго экономическаго развитія—нельзя бороться путемъ обложенія: ихъ развитія нельзя задержать *).

Не зная тенденцій въ развитіи экономической и финансовой жизни и не опираясь на нихъ, мы будетъ только растрачивать наши силы. Правда, фактъ наличности предвидѣнія развитія въ данномъ направленіи меня далеко не всегда пріостановитъ отъ работы въ противоположномъ духѣ, разъ это въ интересахъ той группы, къ которой я принадлежу, такъ какъ наши симпатіи и антипатіи диктуются не разумомъ, а инстинктомъ;—зная діэту, я всетаки могу нарушать ее, но во всякомъ случаѣ, наука можетъ оказывать нѣкоторое сдерживающее вліяніе на постановку нераціональныхъ задачъ, а главное, она указываетъ средство для осуществленія нашихъ задачъ. Однимъ словомъ, наука даетъ намъ критерій для сужденій о степени раціональности той или иной финансовой политики: такъ, если при помощи послѣдней поддерживаются такіе классы или такія формы промышленности, которыя не имѣютъ подъ собой почвы и, слѣдовательно, не жизнеспособны, напримѣръ, искусственно поддерживается мелкая розничная торговля, — то такая политика безплодна, она только тормозитъ колесо исторіи, и мы нерѣдко убѣждаемся, что для серьезнаго воздѣйствія на финансовую структуру нерѣдко нужно воздѣйствовать предварительно на строеніе общества, когда это возможно,—на ослабленіе или усиленіе соотвѣтствующихъ группъ.

Изученіе почвы, на которой развивается финансовое хозяйство, показываетъ намъ, почему оно принимаетъ ту или иную форму, почему сѣмя на одной почвѣ восходитъ, на другой—глохнетъ.

Налоговая флора обусловливается этой почвой: въ городахъ съ другимъ экономическимъ строемъ вырастаютъ иныя формы, чѣмъ въ деревнѣ.

Геологическая почвенная карта даетъ намъ представленіе, какой флоры мы можемъ ждать на данной почвѣ, такъ и карта общественныхъ отношеній европейскихъ странъ даетъ намъ представленіе о налоговыхъ образованіяхъ, которыхъ мы въ правѣ ждать, и нерѣдко, прежде чѣмъ задаваться измѣненіемъ налоговой флоры, пересаживать чужія растенія, быть можетъ, и пріятныя нашему сердцу, нужно произвести тѣ или другія конституціональныя измѣненія, измѣненія почвы. Въ области финансоваго хозяйства есть свои географическія линіи, и подъ разными широтами одинъ и тотъ же институтъ можетъ принять разную окраску.

Даже самые принципы финансовой политики, такъ называемые высшіе, отражаютъ въ себѣ экономическія и общественныя отношенія своего вре-

---

*) См. *Русское Эконом. Обозр.*, 1902 г., янв. „Универсальные магазины". и Р. М. 1902 авг.

мени, наприм., воззрѣніе Адольфа Вагнера, что налогъ долженъ быть коррективомъ неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ, несомнѣнно отражаетъ въ себѣ результаты современнаго экономическаго развитія за послѣднее время, потому-то мы и видимъ, что эти принципы мѣняются въ исторіи, они идутъ по равнодѣйствующей общественныхъ тенденцій своего времени.

Надо замѣтить, что финансы—молодая наука, но едва ли въ какой области происходитъ столько реформъ за послѣднее время, какъ въ области финансоваго хозяйства. Наше время—время финансовой ломки, и еще остается много архаическихъ формъ, а это заставляетъ дѣятелей науки покидать свои кабинеты и идти на поле битвы. Шумъ борьбы проникаетъ и въ науку. Мы всѣ слишкомъ люди, чтобы, слыша шумъ борьбы, не отворить кабинета. Наука тогда начинаетъ играть не только роль магазина, гдѣ люди всѣхъ оттѣнковъ запасаются оружіемъ, но она сама вовлекается въ борьбу и занимаетъ то или иное боевое положеніе. И многія теоріи только съ этой точки зрѣнія и можно объяснить.

Такимъ образомъ и наша психологія, и особыя условія нашего времени, и молодость науки, и вліяніе этическаго направленія,—все это до сихъ поръ поддерживаетъ смѣшеніе финансовой науки съ политикой.

Итакъ, шумъ борьбы проникаетъ и въ науку, и потому здѣсь нерѣдко мы видимъ теоріи, созданныя подъ вліяніемъ минуты для защиты тѣхъ или другихъ интересовъ, такъ называемыя цѣлевыя теоріи,—такова, напримѣръ, теорія низкаго уровня поземельнаго обложенія въ Англіи, которою англійскіе землевладѣльцы защищались отъ высокаго поземельнаго обложенія; таковы же многія теоріи, отрицающія умѣстность прогрессивныхъ налоговъ. Такихъ теорій мы можемъ много насчитать, и при оцѣнкѣ ихъ этотъ боевой характеръ нужно имѣть въ виду. Такъ, прежде косвенные налоги восхвалялись, особенно въ XVII в. въ Англіи, теперь—обратное отношеніе къ нимъ, и это объясняется вліяніемъ новыхъ общественныхъ отношеній. Итакъ, разбивъ скорлупу теоріи, этого плода якобы спокойной кабинетной мысли, вы нерѣдко находите въ ней завернутой пулю, направленную въ грудь противника, и при анализѣ теорій мы нерѣдко слышимъ отголоски борьбы сложныхъ интересовъ.

Конечно, теорія можетъ быть и чистымъ продуктомъ спокойной кабинетной работы лицъ, стоящихъ внѣ партій, но степень распространенія ея зависитъ опять-таки отъ общественной психологіи, отъ іерархіи общественныхъ силъ: если она тамъ найдетъ для себя благопріятную почву, она будетъ повторяться въ десяткахъ тысячъ памфлетовъ, брошюръ, въ устахъ всѣхъ и каждаго, въ противномъ случаѣ—она можетъ остаться мертвымъ фактомъ, курьезомъ, но не факторомъ. Такъ, въ исторіи мы видимъ теоріи въ пользу прогрессивнаго обложенія, но когда онѣ возникали въ то время, когда не могли найти еще себѣ поддержки въ общественной психологіи того времени, то и оставались онѣ только гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а между тѣмъ въ настоящее время эти теоріи получаютъ

огромное распространеніе: общность обложенія, прогрессивность, высокіе наслѣдственные налоги переходятъ изъ устъ въ уста.

Ради цѣли этой же борьбы нерѣдко заинтересованными группами составляются избирательныя программы, не соотвѣтствующія ихъ дѣйствительнымъ желаніямъ, какъ объ этомъ мы уже упоминали, исключительно въ цѣляхъ ловли себѣ сторонниковъ. Затѣмъ въ тѣхъ же цѣляхъ борьбы нерѣдко такъ конструируются новые финансовые институты, что заинтересованныя группы оставляютъ себѣ петли, чрезъ которыя онѣ могутъ проскочить (аграріи въ Австріи; см. мои «Главнѣйшія теченія въ развитіи прямого обложенія въ Германіи»); освобожденіе отъ обложенія въ Соединенныхъ Штатахъ боновъ федеральнаго американскаго правительства даетъ возможность состоятельнымъ лицамъ ускользать отъ поимущественнаго налога, превращая на извѣстное время свое состояніе въ эти бумаги (см. «Современное теченіе въ сферѣ прямого обложенія въ Соединенныхъ Штатахъ», *Русское Экономическое Обозрѣніе*, 1898 г., № 5).

Первымъ, установившимъ связь между структурой налоговъ и экономикой, является Родбертусъ: налоговая система—рефлексъ экономическихъ отношеній.

Въ этомъ же отношеніи многое уже сдѣлали Вагнеръ, Лоренцъ Штейнъ и нѣкоторые другіе, особенно первый. Въ научной разработкѣ Вагнеру вредитъ то этическое и соціально-политическое направленіе, котораго онъ придерживается, и нерѣдко, поставивъ правильно вопросъ, Вагнеръ вдругъ мѣняетъ свою роль ученаго на роль политика и начинаетъ говорить о желаемомъ, но заслуги его здѣсь очень велики.

Особенно же рѣзко подчеркнулъ зависимость финансовой структуры отъ общественныхъ отношеній Лоріа въ своей «Les Bases économiques». Лоріа устанавливаетъ, что финансовое хозяйство, особенно распредѣленіе налогового бремени, зависитъ отъ общественныхъ отношеній, и онъ даетъ анализъ общественныхъ силъ, но этотъ анализъ крайне одностороненъ. Заслуга Лоріа въ томъ, что онъ правильно поставилъ задачу вопроса, поставилъ рѣзко и опредѣленно, но далъ слишкомъ упрощенный анализъ. Въ этомъ отношеніи ввелъ существенныя поправки другой итальянскій профессоръ Уго Матцоле.

Отсюда мы видимъ, что для финансистовъ огромное значеніе имѣетъ политическая экономія, теоретическая и прикладная. Такъ, нельзя понять переложенія налоговъ, не зная теоріи ренты, или нельзя понять такъ называемой муниципализаціи, т.-е. перехода предпріятій въ руки городовъ, не будучи знакомымъ съ синдикатами, нельзя составить себѣ вѣрнаго представленія о соціально-политическомъ направленіи въ финансахъ, если изучающій хорошо не знакомъ съ фактическимъ положеніемъ распредѣленія богатствъ и т. д. Нельзя трезво отнестись къ такъ называемой «политикѣ поддержанія среднихъ классовъ», не будучи знакомымъ съ формами предпріятій, съ условіями развитія крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ единицъ.

Для финансиста очень важно, какъ мы уже видѣли, знакомство съ государственнымъ правомъ, особенно сравнительнымъ, такъ какъ отъ того или другого государственнаго устройства зависитъ количество силъ, которыя могутъ принимать участіе въ борьбѣ за право, мы это уже достаточно иллюстрировали, и на важности этой отрасли знанія я останавливаться не буду.

Крупное значеніе имѣетъ и статистика, такъ какъ она даетъ количественный учетъ того фона (промышленная и сельско-хозяйственная статистика), на которомъ развертывается финансовая жизнь.

Въ особенности важна прикладная экономика: она насъ знакомитъ съ состояніемъ промышленности или сельскаго хозяйства въ странѣ, съ организаціей трудящихся массъ, а степень объединенія этихъ массъ оказываетъ крупнѣйшее вліяніе на финансовое хозяйство, на налоговую систему.

Итакъ, предметъ нашего изученія—жизнь финансовыхъ институтовъ.

Ботаникъ, чтобы понять жизнь растенія, долженъ изучить всѣ условія, которыя могутъ оказать вліяніе на него: почва, влага, температура, склонъ поверхности и т. д., и есть особая наука—почвовѣдѣніе; но предъ этими искусственными рамками ботаникъ не долженъ останавливаться, онъ не долженъ отстранять отъ себя задачи изученія почвы, температуры, такъ какъ безъ рѣшенія этихъ вопросовъ онъ не получитъ ключа къ интересующему его вопросу: почему въ данной мѣстности преобладаетъ такая флора, почему она имѣетъ такую окраску и т. д. Нерѣдко намъ можетъ казаться, что ботаникъ не своимъ дѣломъ занимается, когда онъ тратитъ много времени на опредѣленіе почвы, уклона, а между тѣмъ онъ только раціонально и вѣрно подходитъ къ своему дѣлу, и мы при нашемъ изслѣдованіи вовсе не должны стѣсняться экскурсіями иногда весьма продолжительными въ другія области знанія, разъ только мы не упускаемъ изъ виду конечной цѣли. Для финансовой флоры такое значеніе имѣетъ общественное строеніе данной страны, развитіе народнаго хозяйства, государственнаго устройства, особенно организація избирательнаго права, народный характеръ, положеніе среди другихъ странъ, историческія воспоминанія и переживанія, наприм., оставившія глубокіе слѣды во Франціи и оказывающія вліяніе и до сего времени (*Рус. Эк. Обозрѣніе*, № 1900: «Эпизодъ изъ исторіи борьбы въ сферѣ обложенія»), степень культуры, наприм., въ Индіи на неуспѣхъ подоходнаго обложенія оказала сильное вліяніе низкая культура (см. «Подоходный налогъ въ Англіи»), политическія условія, партикуляризмъ нѣмецкихъ государствъ, препятствующій введенію однообразнаго прямого имперскаго обложенія, расовая борьба (спеціальные налоги на китайцевъ въ Америкѣ и Австраліи съ цѣлью ослабленія ихъ притока сюда); степень политическаго развитія и общаго образованія: чѣмъ они шире, тѣмъ болѣе возможна и сфера примѣненія подоходнаго обложенія и т. д.

Стоитъ ли заниматься финансами? Какую роль они играютъ въ жизни?

Финансы являются могущественнымъ факторомъ въ экономической и

политической жизни. Едва ли можно найти что-нибудь, что болѣе взбудораживало бы головы людей, чѣмъ налоги. Одинъ авторъ говоритъ, что если бы мы могли пробудить усопшихъ людей, то первое, что услыхали бы мы отъ нихъ — это проклятіе налогамъ, подъ тяжестью которыхъ сгибались ихъ плечи. Разсматривая средневѣковые налоги, мы попадаемъ какъ бы въ музей орудій, которыми пытали людей; но вмѣстѣ съ тѣмъ налоги же принесли людямъ и свободу: развѣ политическій строй Англіи не выросъ на почвѣ борьбы противъ произвольныхъ налоговъ, развѣ свободная жизнь Сѣверной Америки не была вскормлена англійскимъ произволомъ въ сферѣ обложенія, а во Франціи развѣ не налоговой гнетъ и финансовыя неурядицы внесли въ головы французскаго населенія идеи свободы? Налогъ—это закоренѣлый смутьянъ, проникнутый мятежнымъ духомъ подстрекателя, источникъ свободы, но и орудіе пытки.

Въ финансахъ мы находимъ ключъ къ пониманію исторіи: такъ, у насъ закладничество монастырямъ и боярамъ развивалось отчасти потому, что земля заложенная облагалась болѣе легко, чѣмъ крестьянская... Налогъ сближаетъ народы (дифференціальныя ставки желѣзнодорожнаго тарифа, позволяющія перевозить хлѣбъ на огромныя пространства), онъ же разъединяетъ націи (высокія таможенныя ставки), налогъ—орудіе техническаго прогресса (особая форма обложенія по орудіямъ или работоспособности побуждаетъ заводчиковъ вырабатывать какъ можно больше продуктовъ и тѣмъ она содѣйствуетъ прогрессу техники), налогъ—школа клятвопреступленія (Америка, гдѣ въ день оцѣнки имущества для обложенія почти всѣ совершаютъ клятвопреступленія), онъ же—радость контрабандистовъ (нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскіе контрабандисты поднесли одному министру, стороннику высокихъ таможенныхъ пошлинъ, золотую медаль). Да, при помощи налоговъ совершена въ мірѣ масса добра, но и масса зла, пролиты рѣки крови, моря слезъ, но и пріобрѣтено лучшее достояніе человѣка—свобода, и этому учителю лжи и клятвопреступленія благодарное человѣчество могло бы воздвигнуть памятникъ съ надписью: «Источнику человѣческой свободы».

Та или другая система обложенія содѣйствуетъ развитію крупной или мелкой промышленности; у однихъ она уноситъ изъ кармановъ, а другимъ приноситъ (мы имѣемъ въ виду переложеніе налоговъ, повышеніе таможенныхъ ставокъ и ихъ пониженіе, и тѣ пертурбаціи, которыя подъ вліяніемъ этого совершаются въ жизни).

Тѣ или иныя условія аренды на государственныя земли могутъ уронить арендныя цѣны на частно-владѣльческія земли. Та или другая политика относительно лѣсовъ можетъ оказать крупное вліяніе на климатъ, рѣки. Желѣзнодорожная политика можетъ возстановить таможенныя заставы, болѣе крѣпкія, чѣмъ въ средніе вѣка: она же можетъ создать насосъ для выкачиванія продуктовъ изъ страны, наприм., хлѣба, путемъ введенія низкихъ дифференціальныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Она же можетъ парализовать высокія таможенныя ставки путемъ пониженныхъ

желѣзнодорожныхъ тарифовъ, какъ это и было у насъ, когда желѣзнодорожные тарифы стояли внѣ контроля государства. Обложеніе можетъ суживать и расширять емкость рынка, наприм., высокій сахарный акцизъ суживаетъ рынокъ, такъ же какъ и высокое обложеніе нефти и т. д. Извѣстная организація обложенія можетъ содѣйствовать концентраціи землевладѣнія, а можетъ, наоборотъ, вести къ раздробленію его (Австралія).

Какое вліяніе система обложенія имѣла въ исторіи, можетъ показать богатый опытъ XVII вѣка въ Россіи (см. труды Милюкова).

Приведемъ нѣсколько примѣровъ: такъ, французскіе крестьяне въ XVIII вѣкѣ говорили: если бы смѣли, мы насадили бы виноградныя лозы на нашихъ поляхъ, но мы такъ угнетены и измучены акцизными чиновниками, что намъ скорѣе придетъ мысль повырвать эти лозы, которыя уже посажены нами издавна, такъ какъ все добытое нами вино пойдетъ на пользу этимъ чиновникамъ, на нашу же долю достанется одинъ только трудъ (*Ковалевскій:* «Происхожденіе современной демократіи»). Французскій крестьянинъ пряталъ свое вино изъ опасенія акциза, свой хлѣбъ изъ опасенія подати, будучи убѣжденъ, что онъ долженъ считать себя потеряннымъ человѣкомъ съ того момента, когда начальство усомнится въ томъ, что онъ не умираетъ съ голода (стр. 431). Крестьяне боялись, чтобы сборщикъ налоговъ не нашелъ перьевъ домашней птицы на порогахъ ихъ жилищъ, такъ какъ это могло бы повести къ увеличенію обложенія.

Ив. Озеровъ.

О внѣбрачныхъ дѣтяхъ по новому закону (3 іюня 1902 г.), въ связи съ постановленіями о нихъ западно-европейскихъ гражданскихъ кодексовъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ бракъ, существуетъ и понятіе о внѣбрачномъ рожденіи и проводится въ юридическомъ быту различіе между законными и внѣбрачными дѣтьми.

Однако же въ древнее время, когда половыя связи не имѣли прочности и постоянства, когда существовало многобрачіе, когда заключеніе браковъ не подчинялось опредѣленному порядку, а расторжимость ихъ была легкая, частая и слабо регулировалась, различія между законными и незаконными дѣтьми или совсѣмъ не существовало, или же оно было незначительное. Такое явленіе мы наблюдаемъ у древнихъ восточныхъ народовъ (у египтянъ, китайцевъ, персовъ и евреевъ).

Наоборотъ, когда полигамія смѣняется моногаміей, заключеніе браковъ упорядочивается и они дѣлаются устойчивѣе, когда слагается прочная семья, когда въ основу ея кладутся патріархальныя начала, тогда устанавливается, въ той или другой мѣрѣ, и различіе между брачными и внѣбрачными дѣтьми.

У древнѣйшаго изъ классическихъ народовъ,—у грековъ, незаконныя дѣти были внѣ семьи и домашняго культа, а потому не имѣли права наслѣдованія послѣ своихъ родителей, сохраняя только право на полученіе отъ нихъ содержанія.

У римлянъ внѣбрачнымъ дѣтямъ не было мѣста въ агнатической семьѣ ихъ отца. «По закону природы» (lex naturae) они зачислялись за матерью. Она обязана была давать имъ содержаніе, а затѣмъ они могли ей и наслѣдовать.

Расшатанность нравовъ подъ конецъ республики и въ началѣ Имперіи и участившіяся незаконныя сожительства вынудили римскихъ законодателей полупризнать юридическую силу такихъ сожительствъ (конкубината), а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлить юридическое положеніе дѣтей, происшедшихъ отъ конкубината.

Эти «естественныя дѣти» (liberi naturales) получили право на содержаніе отъ обоихъ родителей, а равно и право наслѣдованія, хотя и въ неравной мѣрѣ, послѣ отца и матери.

Дальнѣйшее благотворное вліяніе на судьбу внѣбрачныхъ дѣтей имѣло каноническое право, которое, не допуская ихъ къ пользованію семейными правами, вслѣдствіе происхожденія внѣ брака—единственнаго источника законной семьи, стояло за назначеніе имъ содержанія какъ отъ матери, такъ и отъ отца. Оно же поддерживало еще примѣнявшійся въ Римѣ гуманный институтъ узаконенія внѣбрачныхъ дѣтей черезъ послѣдующій бракъ ихъ родителей.

Къ сожалѣнію, это благодѣтельное вліяніе, на положеніе внѣбрачныхъ дѣтей, права римскаго и каноническаго встрѣтило на своемъ пути жестокіе законы варваровъ и несочувствующее этимъ дѣтямъ національное обычное германское право, ставившее ихъ не только внѣ семьи, но и внѣ семейной опеки (mundium) и лишавшее и правъ алиментарныхъ, и правъ наслѣдственныхъ. Они не имѣли защиты и въ лицѣ королей, заинтересованныхъ въ безправіи внѣбрачныхъ дѣтей, дабы пользоваться послѣ нихъ наслѣдственными правами (droit de bâtardise). Въ особенности это безправіе усилилось подъ конецъ средневѣковаго времени.

Постановленія дѣйствующихъ законодательствъ сложились или подъ преимущественнымъ вліяніемъ римскаго права (группа законодательствъ романскихъ), или подъ вліяніемъ каноническаго права (законодательства германскія).

И у насъ въ первое время нашей исторіи различіе между брачными и небрачными дѣтьми, полагать надо, было слабое, такъ какъ и у насъ вначалѣ дѣйствовали тѣ же причины, что и у другихъ народовъ: многобрачіе, безпорядочность при заключеніи браковъ и своеволіе, при ихъ расторженіи. Насколько снисходительно въ старину относились у насъ къ незаконнымъ дѣтямъ, показываетъ то, что имъ не закрытъ былъ путь даже къ великокняжескому престолу. Можно полагать, что впослѣдствіи они могли наслѣдовать въ движимости отцовской и въ благопріобрѣтенныхъ имуществахъ материнскихъ.

Проникшее къ намъ черезъ Византію римское право хотя и не столь льготное для внѣбрачныхъ дѣтей, какъ послѣдней формаціи (имѣвшее въ виду дѣтей отъ конкубины), но все же дававшее внѣбрачнымъ дѣтямъ опредѣленныя права, алиментарныя послѣ матери и отца и наслѣдственныя послѣ матери, поддержанное постановленіями восточной церкви (которая подтверждала сейчасъ указанныя права внѣбрачныхъ дѣтей), претворяясь и видоизмѣняясь подъ вліяніемъ національныхъ воззрѣній, могло бы современемъ развиться въ цѣльное законодательство о внѣбрачныхъ дѣтяхъ; но подчиненіе со времени Петра В. семейныхъ отношеній свѣтской власти, не имѣвшей общаго руководства, при разсмотрѣніи дѣлъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, внесло случайность и неустойчивость въ судебную и адми-

нистративную практику по этому предмету, а равно и въ законодательныя распоряженія.

Съ Петра В. замѣчается иноземное вліяніе, выводится право на полученіе содержанія незаконнымъ ребенкомъ отъ своего отца изъ совершоннаго послѣднимъ преступленія, вмѣсто общихъ узаконеній издаются отъ времени до времени сепаратные указы, которыми рѣшаются отдѣльные спорные случаи о правахъ внѣбрачныхъ дѣтей ad hoc, иногда глядя по ходатаю и ходатайству.

Наслѣдственныя права этихъ дѣтей суживаются, и въ общемъ законодатель старается не столько разрѣшить вопросъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, сколько обойти его, какъ неудобный *).

Начало дѣйствительному улучшенію легальной судьбы внѣбрачныхъ дѣтей положено было закономъ 12 марта 1891 года, когда дозволено было узаконеніе ихъ черезъ послѣдующій бракъ.

Дальнѣйшій шагъ сдѣланъ закономъ 3 іюня 1902 г., который представляетъ собою первый цѣльный законодательный актъ объ этихъ дѣтяхъ. Въ немъ впервые у насъ замѣняется легальный терминъ—«незаконнорожденные» болѣе мягкимъ—«внѣбрачные».

Понятіе о внѣбрачныхъ дѣтяхъ.

Внѣбрачными дѣтьми, какъ самое слово показываетъ, признаются вообще дѣти, прижитыя внѣ брака. Слѣдовательно, къ нимъ принадлежатъ:

1. Рожденныя незамужней (зак. гр. ст. 132, п. I).

2. Происшедшія отъ прелюбодѣянія (п. 2).

Однако же одной доказанности факта прелюбодѣянія и даже расторженія брака на этомъ основаніи еще не достаточно для признанія ребенка, родившагося послѣ совершенія этого факта, незаконнымъ, если только въ то время, къ которому нужно отнести зачатіе ребенка, мать его продолжала сожительствовать съ мужемъ.

Такъ, наши гражданскіе законы говорятъ: дѣти, рожденныя отъ брака, расторгнутаго по причинѣ прелюбодѣянія матери, признаются, однако же, законными, если рожденіе ихъ прежде расторженія брака не было сокрыто отъ мужа и если нѣтъ другихъ доказательствъ ихъ незаконности (ст. 135).

Въ этомъ случаѣ нашъ законъ совпадаетъ съ французскимъ и итальянскимъ закономъ, тоже требующимъ совмѣщенія трехъ причинъ для признанія незаконнорожденности дитяти по разсматриваемому поводу: прелюбодѣянія, утайки дитяти и наличности обстоятельствъ, доказывающихъ, что мужъ не отецъ дитяти. (Фр. ст. 312, 313. Итал. ст. 162).

---

*) См. историческій очеркъ о положеніи внѣбрачныхъ дѣтей въ моихъ изслѣдованіяхъ: 1) „Незаконнорожденные по саксонскому и французскому гражданскимъ кодексамъ, въ связи съ принципіальнымъ рѣшеніемъ вопроса о незаконнорожденныхъ вообще“. Кіевъ, 1879 г. 2) „О незаконныхъ дѣтяхъ по русскому законодательству“ (*Вѣстникъ Европы*, 1882 г., № 3) и 3) „Курсъ семейнаго права“. Одесса, 1902 г.

Почему законъ требуетъ наличности этихъ трехъ условій, понятно: ни прелюбодѣяніе само по себѣ, ни утайка не доказываютъ, что ребенокъ не принадлежитъ мужу, такъ какъ жена (какъ уже было упомянуто) можетъ, находясь въ связи съ другимъ, продолжать въ то же время и сожительство съ мужемъ, и такъ какъ утайка можетъ быть вызвана побочными обстоятельствами (напр., желаніемъ предотвратить скандалъ, вслѣдствіе неосновательнаго подозрѣнія въ невѣрности жены), а не фактомъ дѣйствительной непринадлежности дитяти мужу. Не то, если оба эти обстоятельства дѣйствуютъ совмѣстно и подкрѣпляются сверхъ того третьимъ—невозможностью отцовства и по другимъ причинамъ; тогда незаконнорожденность дитяти, родившагося при указанныхъ обстоятельствахъ, не можетъ подлежать сомнѣнію.

Въ частности—прелюбодѣяніе должно соотвѣтствовать эпохѣ зачатія родившагося ребенка, а утайка должна быть сокрытіемъ рожденія ребенка, а не одной лишь беременности (такъ понималъ это нашъ законъ, а равно французскій и итальянскій; выше привед. ст.). Что касается третьяго условія, которое нашъ X томъ называетъ «другими доказательствами незаконности» (ст. 135), то они могутъ заключаться какъ въ физическихъ причинахъ—болѣзнь мужа, старость, долговременное отсутствіе, такъ и моральныхъ—ссора супруговъ и тому подобныхъ фактахъ, выборъ и оцѣнку которыхъ законодатель передаетъ въ руки суда.

Нѣмецкія законодательства постановленій, подобныхъ сейчасъ приведеннымъ романскихъ законодательствъ, не имѣютъ и самому по себѣ факту прелюбодѣянія жены не придаютъ значенія въ вопросѣ о законнорожденности дитяти, родившагося въ бракѣ (австр. § 158; сакс. § 1773; общегерм. §§ 1592 и 1593. См. также Endemann, Lehrbuch d. bürgerlichen Rechts. II в., стр., 837 и сл.).

Зачатый и родившійся во время брачной жизни супруговъ ребенокъ можетъ быть признанъ незаконнорожденнымъ, если мужъ докажетъ, что, въ періодъ, соотвѣтствующій зачатію ребенка, ему было физически невозможно сожительствовать съ своею женою (l'impossibilité physique).

Сюда должна быть отнесена прежде всего «разлука съ женой», какъ выражается нашъ законъ (Уст. гр. суд. ст. 1348, или по прежней редакціи «по отсутствію». Зак. суд. гражд. ст. 463; par cause d'éloignement, по опредѣленію французскаго кодекса ст. 312).

Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ не имѣетъ значенія разстояніе, раздѣляющее супруговъ, а вообще физическая невозможность сожительства. Если супруги живутъ и въ одномъ и томъ же домѣ, но если лишены возможности видаться другъ съ другомъ, то они считаются удаленными одинъ отъ другого,—наприм., если оба супруга находятся въ заключеніи въ зданіи одной и той же тюрьмы. Но если мужъ живетъ въ одной части свѣта, а жена въ другой, но тѣмъ не менѣе для нихъ была возможность хотя кратковременнаго свиданія, то они не считаются нахо-

дящимися въ разлукѣ въ смыслѣ этого закона. Вообще, дѣло суда рѣшить вопросъ о возможности встрѣчи супруговъ, хотя бы и удаленныхъ.

Но и при доказанности разлуки, въ періодъ, соотвѣтствующій зачатію ребенка, мужъ теряетъ право иска, если онъ раньше призналъ ребенка своимъ, расписавшись въ записи о рожденіи его въ метрической книгѣ (Уст. гр. суд. ст. 1349).

Физическая невозможность сожительства бываетъ еще результатомъ *случая* (par l'effet de quelque accident — Франц. ст. 312; итал. ст. 162), какого-нибудь наружнаго страданія мужа: раны, поврежденія на тѣлѣ или произведенной операціи, лишающей возможности сожительства съ женою.

Эту причину, оправдывающую оспариваніе законорожденности дитяти, считаютъ основательной и усматриваютъ въ общегерманскомъ и прусскомъ уложеніяхъ и комментаторы ихъ (Endemann: «Lehrbuch des bürgerlichen Rechts», II B., стр. 837, прим. 17. Dernburg: «Lehrbuch des Preussischen Privatrechts», III B., стр. 130).

Французскіе ученые цивилисты не согласны между собою, слѣдуетъ ли отнести къ этой причинѣ и неспособность, происшедшую отъ болѣзни, истощенія силъ или старости. Проф. Демоломбъ полагаетъ, что болѣзнь внутренняя можетъ быть такимъ же нагляднымъ доказательствомъ неспособности мужа (impotentia), какъ и внѣшнее поврежденіе («Cours de Code Napoléon», t. V, p. 36, 37). Проф. Лоранъ, основываясь на исторіи кодификаціи, приходитъ къ заключенію, что редакторы имѣли въ виду только неспособность отъ наружнаго поврежденія *).

Но что касается природной неспособности къ брачному сожитію мужа, то законодательства французское (ст. 313) и итальянское (ст. 164) отвергаютъ возможность оспариванія мужемъ законорожденности дитяти по этой причинѣ **).

Мотивы такого постановленія закона заключаются въ мысли, что мужъ, обманувшій жену, долженъ поплатиться за свою вину тѣмъ, что онъ принуждается нести обязанности отца и не будучи въ дѣйствительности таковымъ. «Какъ понять,—говоритъ трибунъ Дювейрье,—безстыдный цинизмъ человѣка, который могъ бы выставлять свою срамоту и свой позоръ, чтобы обезчестить свою подругу и свою жертву ***).

Къ этому присоединяютъ еще процессуальныя причины: трудность доказывать наличность неспособности, не говоря уже о томъ соблазнѣ, который могутъ породить подобные процессы ****).

---

*) Laurent. Principes de droit civil, t. III, p. 447, 448. Tronchet говорилъ: la loi doit s'expliquer de manière à faire comprendre qu'elle veut parler d'une impuissance coidente et materielle et non de celle qui pourrait être la suite d'une maladie.

**) Впрочемъ, итальянскій законъ допускаетъ возможность спора и при явной очевидной неспособности (ст. 164, тоже усматриваютъ и въ прусскомъ правѣ. См. Dernburg, l. c.).

***) Demolombe: „Cours“, t. V, p. 39.

****) Demolombe, t. V, p. 35—43. Laurent: „Principes“, t. III, p. 445—449.

Конечно, возможна и вина на сторонѣ мужа: если онъ зналъ о своей неспособности, но можетъ вины и не быть, если она ему была неизвѣстна.

Что касается процессуальныхъ трудностей, то они не непреодолимы: экспертизѣ помогаетъ срокъ испытанія, и, только послѣ истеченія его, юридически констатируется неспособность.

Нашъ законъ держится какъ разъ противоположнаго воззрѣнія. У насъ дѣти, рожденныя при существованіи брака, по совершенной надлежащимъ образомъ доказанной неспособности мужа къ брачному сожитію (если такая неспособность природная или началась до вступленія въ бракъ) признаются незаконными (ст. 134, 48, 49).

Романскія законодательства, сверхъ перечисленныхъ основаній, для опроверженія мужемъ законнорожденности дитяти, родившагося въ періодъ брачной жизни, причисляетъ еще случай рожденія его спустя 300 дней послѣ постановленія суда о раздѣльной жизни супруговъ (франц. ст. 313, итал. ст. 163).

3. Внѣбрачными дѣтьми признаются дѣти, родившіяся хотя и въ бракѣ, но ранѣе самаго кратчайшаго срока беременности (по нашему закону—180 дней), если мужъ отрицаетъ ихъ законнорожденность, т.-е. не признаетъ своими (зак. гражд. ст. 119, 125, 132; фр. ст. 314; итал. ст. 161; сакс. § 1776; австр. § 156, пр. II, 2, § 1; общегер. § 1591).

Отсутствіе такого отрицанія, исключающаго возможность спора противъ законнорожденности, усматривается въ томъ случаѣ, если мужъ зналъ о добрачной беременности жены (сакс. ул. § 1777, австр. § 156), присутствовалъ при рожденіи дитяти и подписался въ актѣ о рожденіи (фр. ст. 314, итал. ст. 161) *).

По нашему законодательству, кромѣ подписи мужа въ метрической книгѣ, доказательствомъ, что онъ не отрицалъ законности рожденія дитяти въ разсматриваемомъ случаѣ, признаются показанія или письма его или удостовѣреніе, что онъ обращался съ нимъ, какъ съ своимъ сыномъ, или дочерью и посему заботился о его содержаніи и воспитаніи и что оно всегда безпрекословно пользовалось фамильнымъ именемъ отца (Уст. гр. суд. ст. 1349, зак. гр. ст. 119, 125).

4. Къ внѣбрачнымъ дѣтямъ причисляются рожденныя по смерти мужа или по расторженіи брака разводомъ, или же послѣ признанія брака недѣйствительнымъ, когда со дня этихъ событій до дня рожденія ребенка протекло болѣе 306 дней, т.-е. истекъ самый продолжительный срокъ беременности, принятый нашимъ законодательствомъ (ст. 132 п. 3).

Но нѣкоторыя законодательства находятъ возможнымъ допустить исключенія изъ этого правила. Такъ, по общегерманскому уложенію, если будетъ твердо установлено, что ребенокъ зачатъ раньше, чѣмъ за 302 дня (самый

*) По французскому (ст. 314) и итальянскому (ст. 161) кодексамъ не можетъ быть также оспариваема законнорожденность дитяти, родившагося не жизнеспособнымъ, потому что такой споръ безполезенъ.

продолжительный срокъ беременности по общегерманскому уложенію), то въ интересахъ законности его и это болѣе отдаленное время причисляется къ періоду беременности (§ 1592), основываясь на справедливой оцѣнкѣ чести и поведенія жены и на всемъ нравственномъ образѣ жизни ея (Endemann: вышеуказан. соч., стр. 837). Подобнаго взгляда держится и австрійское уложеніе, допускающее возможность опроверженія силы законныхъ сроковъ беременности чрезъ экспертовъ (§ 157). Нашъ законъ твердо держится установленнаго имъ предположенія (презумпціи) зачатія и никакихъ отклоненій отъ даннаго имъ правила не допускаетъ.

Дѣти отъ недѣйствительнаго брака.

До изданія закона 3 іюня 1902 г. къ незаконнымъ дѣтямъ причислялись также всѣ прижитыя въ бракѣ, который по приговору надлежащаго суда признанъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ (ст. 132, п. 4). Но, согласно этому закону, такія дѣти сохраняютъ права законныхъ дѣтей (ст. 131[1]).

Какіе же браки признаются недѣйствительными? Вопросъ о недѣйствительности брака находится въ ближайшей связи съ вопросомъ объ условіяхъ его заключенія, являясь какъ бы санкціею послѣднихъ. Недѣйствительными признаются браки, заключенные: 1) при существованіи прежняго не расторгнутаго (прусск. Dernburg: «Lehrbuch des Preussischen Privatrechts», III, стр. 45; сакс. § 1590; общегерм. § 1326; австр. § 62; франц. ст. 184, 147; итал. ст. 56); 2) въ запрещенныхъ степеняхъ родства или свойства (прусск. Dernburg: вышеук. соч., стр. 43 — 45; сакс. § 1608 — 1611; общегер. § 1327; австр. § 66; франц. ст. 160—163; итал. ст. 58, 59); 3) при недостиженіи кѣмъ-либо изъ супруговъ законнаго совершеннолѣтія (прусск. Dernburg, стр. 43; фр. ст. 144; итал. ст. 55); 4) между соучастниками въ прелюбодѣяніи (прусск. Dernburg, стр. 46; сакс. 1616; общегерм. § 1312; австр. § 67); 5) при отсутствіи согласія на бракъ (общегерм. § 1325; австр. §§ 55, 56; фр. ст. 180; итал. ст. 184); 6) при нарушеніи предписанной закономъ формы (сакс. § 1620; австр. § 75; фр. ст. 75; итал. ст. 104).

По австрійскому (§ 68) и итальянскому уложеніямъ (ст. 62) въ случаѣ доказаннаго злоумышленія на жизнь одного изъ супруговъ по соглашенію съ другимъ лицомъ, съ цѣлью потомъ вступить съ нимъ въ бракъ, такой бракъ злоумышленниковъ признается недѣйствительнымъ.

По итальянскому кодексу недѣйствителенъ бракъ въ случаѣ постоянной, до заключенія его существовавшей неспособности къ половому сожитію (ст. 107), а по австрійскому—бракъ христіанина съ нехристіанкой и наоборотъ (§ 64).

Наше законодательство не даетъ общихъ для всѣхъ вѣроисповѣданій правилъ относительно недѣйствительности брака; но, сводя относящіяся сюда узаконенія, надо признать слѣдующіе браки недѣйствительными между лицами христіанскихъ исповѣданій: 1) браки, заключенные съ насиліемъ

(относя сюда и принужденіе или въ сумасшествіи одного изъ супруговъ); 2) бигамическіе; 3) браки, заключенные въ запрещенныхъ степеняхъ родства; 4) браки съ язычниками; 5) браки, совершонные съ несоблюденіемъ предписанной закономъ формы.

Кромѣ того въ православной церкви и въ протестантскихъ исповѣданіяхъ, недѣйствительны браки лицъ, которымъ по расторженіи брака возбранено вступленіе въ новый. Затѣмъ въ православной и римско-католической церквахъ недѣйствительны браки, заключенные ранѣе наступленія церковнаго совершеннолѣтія и браки монашествующихъ и священнослужителей (зак. гражд., ст. 37, Уст. дух. конс. ст. 205; Полож. о союзѣ брачн. ст. 8, 85, 86, 132, 23, Уст. иностр. исп. ст. 364). Недѣйствительны только по правиламъ православной церкви браки лицъ, имѣющихъ болѣе 80 лѣтъ и четвертые и послѣдующіе браки (Зак. гражд. ст. 37, п. 5). На раскольниковъ распространяются правила православной церкви (ст. 78). Недѣйствительны только въ римско-католической церкви: браки, совершонные не надлежащимъ священникомъ (Полож. о союзѣ брачн. ст. 91).

Лицо, виновное въ двоебрачіи, не въ правѣ, даже послѣ смерти его законнаго супруга, вступить въ бракъ съ лицомъ, съ которымъ оно состояло въ незаконномъ бракѣ (Полож. о союзѣ брачн. ст. 26). Супругъ, виновный въ прелюбодѣяніи, не можетъ вступить въ бракъ съ соучастникомъ въ прелюбодѣяніи, если невиновный супругъ былъ убитъ однимъ изъ нихъ. Равнымъ образомъ супругъ, виновный въ прелюбодѣяніи не можетъ вступить въ бракъ съ соучастникомъ въ прелюбодѣяніи, если послѣднее сопровождалось взаимнымъ обѣщаніемъ вступить въ бракъ въ случаѣ смерти невиновнаго супруга (тамъ же, ст. 28). Лицо, умышленно лишившее своего супруга жизни или подстрекнувшее къ тому другое лицо, не можетъ вступить въ бракъ ни съ виновникомъ сего преступленія, ни съ соучастникомъ въ немъ (тамъ же, ст. 29).

Относительно юридическаго положенія дѣтей, происшедшихъ отъ недѣйствительныхъ браковъ, большинство западно-европейскихъ законодательствъ держится правила, что такія дѣти приравниваются къ законнымъ, если по крайней мѣрѣ одинъ изъ родителей былъ въ добросовѣстномъ заблужденіи относительно существованія препятствій къ заключенію его (австр. § 160, саксон. § 1771, общегерм. § 1699, франц. ст. 201, 202, итал. ст. 116).

Но прусское Уложеніе предоставленіе законныхъ правъ дѣтей не ставитъ въ зависимость отъ добросовѣстности или недобросовѣстности заблужденія родителей. Но однако же, если хотя одинъ изъ родителей недобросовѣстно заключилъ недѣйствительный бракъ, то родители лишаются родительской власти. Дѣти отъ недѣйствительныхъ браковъ не вступаютъ въ семью ни одного изъ родителей (фамилію носятъ матери) и не пользуются правомъ наслѣдованія ни въ восходящей, ни въ боковой линіи (II, 2, § 50—55). Только швейцарскій союзный законъ о гражданскомъ состояніи 24 декабря 1874 г. (ст. 55, ч. 3) и цюрихское гражданское уложеніе (ст.

645 въ изд. 1887 г.) предоставляютъ дѣтямъ отъ браковъ, признанныхъ недѣйствительными, всѣ права законныхъ дѣтей, хотя бы оба родителя вступили въ бракъ недобросовѣстно (см. Проектъ семейств. права объясн. т. 1, стр. 551).

Обращаемся къ нашему законодательству.

Послѣдствія расторженія незаконнаго брака по русскимъ законамъ,— говоритъ Неволинъ,—не могли быть другія, какъ тѣ же, что и по греческимъ законамъ, т.-е. лица, состоявшія въ немъ, не пріобрѣтали посредствомъ его никакихъ правъ, возникающихъ изъ законнаго брака. Исключеніе, постановленное греко-римскими законами въ пользу лицъ, вступившихъ въ незаконный бракъ неумышленно, по извинительной ошибкѣ, не находится въ источникахъ греческаго законодательства, дѣйствовавшихъ въ Россіи. По этой причинѣ и вообще по недостатку извѣстій, нельзя сказать, было ли у насъ въ древнія времена оказываемо какое-нибудь снисхожденіе лицамъ этого рода («Исторія росс. гражд. зак. полн. собр. соч.» т. III, стр. 231, 239 и 240). Такимъ образомъ Неволинъ полагаетъ, что въ прежнее время дѣти отъ такихъ браковъ признавались незаконными. Дѣйствительно, по Уложенію дѣти отъ четвертой жены считались незаконными. Однако же бывали и уклоненія отъ правила о незаконности дѣтей, происшедшихъ отъ недѣйствительныхъ браковъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, такъ, напримѣръ, дѣти двоеженцевъ допускались къ наслѣдству послѣ отца (дѣло Лазарева 1763 г. Пол. собр. зак. № 11893 и дѣло Апухтина—1788 г. Пол. св. зак. № 16627).

Въ 1836 г. было постановлено въ видѣ общаго правила: участь дѣтей невиннаго мужа или невинной жены, обманомъ вовлеченныхъ въ противозаконный бракъ, можетъ быть передаваема, по усмотрѣнію обстоятельствъ дѣла, Монаршему милосердію. Впослѣдствіи это правило было распространено и на случай вовлеченія въ бракъ насиліемъ.

Закономъ 12 марта 1891 г. такое право ходатайства предоставлено суду относительно дѣтей, происшедшихъ вообще отъ недѣйствительныхъ браковъ, совершонныхъ съ записью въ метрическія книги; причемъ и независимо отъ такого ходатайства на родителей возложена обязанность давать пропитаніе и воспитаніе такимъ дѣтямъ (т. X, ч. 1, ст. 133 и 172).

Проектировавъ улучшеніе участи внѣбрачныхъ дѣтей, редакціонная коммиссія по сост. Гражд. Улож. находила, что было бы несправедливо оставить in statu quo дѣтей, родившихся отъ недѣйствительнаго брака. Они происходятъ отъ брака, повѣнчаннаго по чиноположенію церкви, записаннаго въ метрическія книги и признававшагося законнымъ во время рожденія или зачатія дѣтей. Самая недѣйствительность брака, совершоннаго законнымъ порядкомъ, можетъ быть установлена только по рѣшенію суда, такъ что какъ супруги, такъ и дѣти до постановленія суда о недѣйствительности брака пользуются всѣми правами, вытекающими изъ законнаго брака. Все это указываетъ на разницу въ положеніи ихъ и внѣбрачныхъ дѣтей и все это побудило коммиссію проектировать приравненіе дѣтей, происшедшихъ

отъ недѣйствительныхъ браковъ, къ законнымъ (Объясн. т. I, стр. 554, и сл.). Проектъ сталъ закономъ, къ разсмотрѣнію котораго и перейдемъ.

Нашъ законъ даруетъ права законнорожденности дѣтямъ, происшедшимъ отъ всѣхъ недѣйствительныхъ браковъ, каковъ бы родъ этой недѣйствительности ни былъ и притомъ независимо отъ добросовѣстности или недобросовѣстности родителей, проявленной ими при заключеніи брака. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, нашъ законъ пошелъ дальше большинства западно-европейскихъ законодательствъ, придающихъ важное значеніе добросовѣстности или отсутствію ея при рѣшеніи вопроса о законнорожденности или незаконнорожденности дѣтей.

Но для того, чтобы можно было говорить о недѣйствительности брака, необходимо, чтобы бракъ былъ совершонъ, чтобы супруги были повѣнчаны, чтобы былъ исполненъ церковный обрядъ, какъ то требуется по нашему закону. Поэтому русскіе подданные, заключившіе гражданскимъ порядкомъ бракъ за границей, должны быть признаны живущими внѣ брака и, слѣдовательно, дѣти, происшедшія отъ такого брака—внѣбрачными.

Такъ какъ законная форма какъ бы покрываетъ, такимъ образомъ, беззаконность содержанія независимо отъ наличности убѣжденія у вступающихъ въ бракъ о законности его, то отсюда возможны и такіе результаты. Внѣ брака живущимъ лицамъ и законный бракъ для которыхъ невозможенъ, что̀ имъ вполнѣ извѣстно (потому, напримѣръ, что кто-нибудь изъ нихъ уже обязанъ другимъ бракомъ) удается отыскать священника, который соглашается ихъ повѣнчать. Они вѣнчаются у него единственно для того, чтобы дитя ихъ, рожденіе котораго ожидается въ близкомъ будущемъ, не было незаконнымъ, и такимъ образомъ обходится законъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ. Разумѣется, двоебрачникъ понесетъ наказаніе.

Законъ говоритъ: дѣти отъ брака признаннаго недѣйствительнымъ, сохраняютъ права дѣтей законныхъ (ст. 131[1]). Вполнѣ ли, и съ пріобрѣтеніемъ правъ законныхъ дѣтей налагаются ли на нихъ и обязанности этихъ дѣтей? Изъ категорическаго предписанія закона о сохраненіи правъ законныхъ дѣтей надо заключить, что всѣ права за ними сохраняются. Поэтому дѣти пріобрѣтаютъ право на фамильное имя родителей (отца), права состоянія, слѣдуютъ мѣсту жительства ихъ и религіи.

Что касается правъ и обязанностей дѣтей, вытекающихъ изъ родительской власти надъ ними, то вопросъ этотъ находится въ зависимости отъ того, кому изъ родителей будетъ предоставлена эта власть. Дѣло въ томъ, что недѣйствительный бракъ не образуетъ семьи. Напротивъ, лица, которыхъ бракъ надлежащимъ духовнымъ судомъ будетъ признанъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ, немедленно по сношенію епархіальнаго начальства съ мѣстнымъ гражданскимъ, разлучаются отъ дальнѣйшаго сожитія (ст. 38) и такимъ образомъ естественно возникаетъ вопросъ, при комъ же изъ родителей должны быть дѣти?

Новый законъ даетъ относительно этого такія правила. Прежде всего это предоставляется урегулировать самимъ родителямъ. Если соглашенія объ

этомъ не послѣдуетъ и со стороны одного изъ родителей вступленіе въ бракъ было недобросовѣстно, то другой имѣетъ право требовать оставленія у него всѣхъ дѣтей. Но если соглашеніе не состоялось и притомъ оба родителя дѣйствовали недобросовѣстно или оба добросовѣстно, вступая въ бракъ, или благо дѣтей потребуетъ отступленія отъ преподанныхъ (сейчасъ указанныхъ) закономъ правилъ, то опекунское установленіе опредѣляетъ, у кого изъ родителей должны оставаться несовершеннолѣтнія дѣти (ст. 132^{2}). Тогда и родительская власть принадлежитъ тому родителю, у котораго они оставлены (ст. 131^{3}). Слѣдовательно, этотъ родитель представительствуетъ за дѣтей (ст. 175), онъ имѣетъ право требовать дѣтей къ себѣ отъ другихъ (ст. 164, 172, 173, 178), отъ дѣтей требовать послушанія (ст. 177); принимать по отношенію къ нимъ дисциплинарныя мѣры (ст. 165), разрѣшать или не разрѣшать вступленіе въ бракъ (ст. 6), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обязанъ давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе и воспитаніе (ст. 172).

Но и при неимѣніи родительской власти родителемъ, которому не отданы дѣти, онъ не лишается права свиданія съ послѣдними. И здѣсь, относительно времени и способа осуществленія этого права предоставляется прежде всего родителямъ согласиться, а если согласія не послѣдуетъ, то этотъ вопросъ рѣшается мѣстнымъ мировымъ, либо городскимъ судьей или земскимъ начальникомъ (ст. 131^{4}). Имѣетъ ли право судья или земскій начальникъ отказать родителю въ правѣ свиданія? Едва ли: онъ опредѣляетъ только время и способъ свиданія, а не рѣшаетъ—быть ему или не быть.

Равно такой родитель не освобождается отъ обязанности участвовать въ издержкахъ на содержаніе и тѣхъ дѣтей, которыя оставлены у другого родителя (ст. 131^{5}).

Такъ какъ постановленія объ имущественныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми понимаются нашимъ закономъ какъ «власть родительская по имуществу» (отд. II, гл. II, кн. 1), то слѣдовательно только тотъ родитель, кому предоставлена родительская власть имѣетъ право «выдѣлять ихъ» (ст. 190), т.-е. только къ прижизненнымъ выдачамъ такого родителя будутъ примѣнимы правила о выдѣлѣ.

Равно только такой родитель будетъ имѣть право на полученіе содержанія отъ дѣтей въ старости, такъ какъ и это право ставится нашимъ закономъ въ связь съ родительскою властью (ст. 194).

Каковы наслѣдственныя права дѣтей отъ недѣйствительныхъ браковъ? Послѣ родителей такія дѣти несомнѣнно наслѣдуютъ какъ законныя дѣти и на-ряду съ прочими законными дѣтьми (ст. 131^{1}). Но едва ли имъ предоставляется право законнаго наслѣдованія и послѣ родственниковъ, такъ какъ къ роду причисляются тѣ только члены его, которые рождены въ законномъ бракѣ (ст. 1113).

Наша исторія по отдѣльнымъ случаямъ приравненія дѣтей отъ недѣйствительныхъ браковъ къ законнымъ не знаетъ примѣровъ предоставлені

такимъ дѣтямъ наслѣдственныхъ правъ послѣ родственниковъ. Напротивъ, когда возникъ вопросъ о наслѣдованіи дѣтей Бахтеяровой съ двоеженцемъ Апухтинымъ въ дѣдовскомъ его имѣніи, оставшемся послѣ брата Апухтина, то Высочайше было разъяснено, что въ 1788 г. (когда состоялось Высочайшее повелѣніе рожденныхъ отъ Бахтеяровой дѣтей допустить къ наслѣдству, званію и достоинству наравнѣ съ прочими дѣтьми Апухтина), имѣлось въ виду допустить внѣбрачныхъ дѣтей къ наслѣдству послѣ ихъ отца, но они не властны простирать далѣе фамильное право наслѣдія и на остающіяся послѣ отцовыхъ родственниковъ имѣнія, и верховная власть не соизволяетъ дать сіе право въ обиду другихъ законнорожденныхъ родственниковъ отца (именные указы 16 февр. 1788 г., 1. П. С. З., № 16627 и 6 марта 1800 г., № 19310. См. Проектъ. Объясн., т. I, стр. 552—553).

Родительская власть надъ дѣтьми отъ недѣйствительныхъ браковъ можетъ перейти отъ того родителя, которому она предоставлена, къ другому—въ случаѣ смерти, лишенія родительской власти (что̀ наступаетъ вслѣдствіе лишенія всѣхъ правъ состоянія, если дѣти за родителемъ не послѣдуютъ въ мѣсто ссылки) или невозможности осуществленія имъ этой власти (напримѣръ вслѣдствіе объявленія сумасшедшимъ). Впрочемъ, опекунское установленіе, если признаетъ нужнымъ для блага дѣтей, можетъ, не передавая родительской власти другому родителю, назначить малолѣтнему опекуна (ст. 131[6]).

Установленіе происхожденія (сыновства) внѣбрачныхъ дѣтей.

Покончивъ съ вопросомъ о дѣтяхъ отъ браковъ недѣйствительныхъ, возвращаемся къ изложенію постановленій о внѣбрачныхъ дѣтяхъ. Эти постановленія опредѣляютъ права внѣбрачныхъ дѣтей по отношенію къ ихъ родителямъ. Но прежде чѣмъ говорить объ этихъ правахъ, надо указать, какія существуютъ правила для удостовѣренія происхожденія ихъ отъ данныхъ лицъ, для признанія этихъ лицъ родителями ихъ, иначе для установленія ихъ сыновства (filiation).

Обращаясь къ разсмотрѣнію этого вопроса, надо замѣтить, что рѣшеніе его законодательствами вызываетъ нѣкоторое затрудненіе, порождающее извѣстную рознь между ними. Это затрудненіе возникаетъ вслѣдствіе того, что, при внѣбрачномъ происхожденіи, нѣтъ мѣста тому предположенію, которое создаетъ рожденіе въ бракѣ. Дѣти, родившіяся отъ женщины, состоящей въ бракѣ, считаются дѣтьми ея мужа. Это предположеніе имѣетъ твердый характеръ и лишь въ точно опредѣленныхъ закономъ случаяхъ можетъ быть опровергаемо, да и надобность въ такомъ опроверженіи возникаетъ рѣдко: дѣти, родившіяся въ бракѣ, обыкновенно дѣти мужа.

Не то при внѣбрачныхъ рожденіяхъ. Того предположенія (презумпціи), которое создаетъ бракъ, здѣсь не можетъ быть. Тутъ надо доказательства происхожденія. Но наблюденіе показываетъ, что при незаконныхъ рожденіяхъ весьма нерѣдко существуютъ побужденія у того или другого родителя, а

иногда и у обоихъ, скрыть свое отцовство или материнство, что затрудняетъ судъ при установленіи перваго и второго. Между тѣмъ законодатель не можетъ надѣлять дѣтей правами по отношенію къ ихъ родителямъ, не имѣя твердаго основанія для опредѣленія ихъ родительства, если можно такъ выразиться. Это затрудненіе привело законодательства романскихъ народовъ (французское, итальянское, бельгійское) и тѣ, которыя усвоили себѣ кодексъ Наполеона цѣликомъ или съ измѣненіями (куда должно быть причислено и наше гражд. уложеніе для Царства Польскаго), къ сознанію необходимости отказаться, за самыми немногими исключеніями, отъ установленія незаконнаго сыновства, если сами родители добровольно не признали дитя своимъ. Напротивъ, законодательства германскихъ народовъ допускаютъ какъ добровольное, такъ и принудительное судебное признаніе.

Обратимся сначала къ изложенію относящихся сюда постановленій романскихъ законодательствъ. Внѣбрачное сыновство этими законодательствами, какъ сейчасъ сказано было, устанавливается главнымъ образомъ добровольно, т.-е. посредствомъ признанія, и по исключенію принудительно—посредствомъ розыска. Итакъ, сначала о признаніи.

Признаніе (la reconnaissance, il riconoscimento).

Признаніе внѣбрачнаго дитяти есть заявленіе со стороны отца о своемъ отцовствѣ или со стороны матери о своемъ материнствѣ. Признаніе имѣетъ характеръ строго личный: признаніе, сдѣланное отцомъ, устанавливаетъ только отцовство, признаніе матери—только материнство (франц. ст. 336; итал. ст. 182).

Признаніе есть актъ безповоротный (irrenocable), какъ создающій право состоянія для признаваемаго, не допускающій ни срочности, ни условій. Важность его того требуетъ. Въ виду этого же онъ долженъ быть опредѣленнымъ (ясно выраженнымъ, спеціальнымъ, т.-е. такимъ, изъ котораго видно было бы, что участники его (признающій, чиновникъ и свидѣтели) именно имѣли въ виду признаніе. Но не будучи договорнымъ актомъ (отчего и не требуется согласія признаваемаго), онъ можетъ быть совершонъ и тѣми лицами, которыя и не обладаютъ общедоговорной дѣеспособностью *), а именно: замужней женщиной безъ авторизаціи мужа или суда, малолѣтнимъ не эмансипированнымъ—безъ согласія опекуна, малолѣтнимъ эмансипированнымъ—безъ участія попечителя, лицомъ, находящимся подъ надзоромъ семейнаго совѣта—безъ согласія этого совѣта, а равно находящимся подъ судебнымъ прещеніемъ. Соображенія той пользы, которую приноситъ признаніе, требуетъ этой льготности. Впрочемъ, есть по этому поводу и мнѣнія противоположныя.

---

*) См. мое изслѣд. „О незаконнорожденныхъ по саксонскому и французскому гражданскимъ кодексамъ въ связи съ принципіальнымъ рѣшеніемъ вопроса о незаконнорожденныхъ“, стр. 96, и сл. и „Laurent. Cours élémentaire de droit civil.“, t. I, p. 284.

Но не всѣ внѣбрачныя дѣти могутъ воспользоваться признаніемъ. Этого права лишены дѣти, происшедшія отъ прелюбодѣянія и кровосмѣшенія (франц. ст. 335; итал. ст. 180). Почему? Потому, говорятъ французскіе юристы, что рожденіе дитяти, составляющаго плодъ прелюбодѣянія или кровосмѣшенія, есть чистое несчастіе для нравовъ. Поэтому не только не надлежитъ сохранять какой бы то ни было слѣдъ существованія такого рожденія, но было бы желательно изгладить даже всякую память о немъ (слова Lahari въ его рапортѣ трибунату) *).

Однако есть немногіе случаи, когда сыновство дѣтей отъ прелюбодѣянія можетъ быть установлено и независимо отъ признанія: когда мужъ не признаетъ своимъ дитя, зачатое въ бракѣ, и состоится объ этомъ постановленіе суда (ст. 312—313), или когда дитя доказываетъ свою законнорожденность, а судъ на основаніи доказательствъ, представленныхъ заинтересованными въ этомъ искѣ лицами, постановитъ, что дитя не принадлежитъ мужу матери (ст. 325).

Признаніе можетъ быть сдѣлано не только въ теченіе всей жизни незаконнаго дитяти, но даже и до рожденія его, когда оно находится въ утробѣ матери. Равносильно признанію и объявленіе женщиной объ ея беременности, сдѣланное ею передъ компетентнымъ офиціальнымъ лицомъ. Даже признаніе послѣ смерти дитяти, оставившаго потомство, по мнѣнію французскихъ ученыхъ, имѣетъ силу. Это мнѣніе основывается на томъ, что кодексъ дозволяетъ узаконеніе въ пользу потомства умершихъ дѣтей (ст. 332), а узаконеніе предполагаетъ наличность признанія ихъ (ст. 331). Таковъ же взглядъ и итальянскихъ ученыхъ **).

Признаніе имѣетъ силу только подъ условіемъ совершенія его въ формѣ публичнаго акта (acte authentique, фр. ст. 334; итал. ст. 188), если оно не было сдѣлано въ актѣ о рожденіи. Этимъ требованіемъ предполагается, съ одной стороны, обезпечить свободу и искренность воли участниковъ акта, а съ другой — сообщить ему достовѣрную дату и свойство неотмѣняемости.

Всякое признаніе можетъ быть оспорено заинтересованными въ томъ лицами (франц. ст. 339; итал. ст. 188).

Возможны случаи, когда вполнѣ дѣйствительное признаніе не произведетъ всѣхъ своихъ послѣдствій. Это именно бываетъ тогда, когда признаніе будетъ сдѣлано женатымъ или замужней женщиной дитяти, прижитаго до брака отъ другого лица, а не отъ супруга. Такое дитя не можетъ считаться происшедшимъ отъ прелюбодѣянія, потому что оно родилось до брака; но супругъ, чужой по отношенію къ этому дитяти, могъ быть обманутъ, вступая въ бракъ, полагая, что его женихъ или невѣста не имѣютъ внѣбрачныхъ дѣтей. Нельзя допустить, чтобы по этой ошибкѣ потерпѣлъ онъ лично или его законныя дѣти.

---

*) См. Laurent: „Principes de droit civil“, t. IV, p. 206.

**) Prof. Gianturco: „Istituzioni di diritto civile italiano 4 ed.“, p. 72.

Цѣль достигается тѣмъ, что такое признаніе не должно причинять вреда ни супругу, ни его брачнымъ дѣтямъ, т.-е. что такое признанное дитя не можетъ пользоваться наслѣдственными правами во вредъ законнымъ дѣтямъ. Но это признаніе можетъ оказать свое дѣйствіе послѣ прекращенія брака, если отъ него не останется законныхъ дѣтей (франц. ст. 337; ср. итал. ст. 183).

Розыскъ родителей (la recherche de la paternité et de la maternité; le indagini sulla paternità e sulla maternità).

Если родители не хотятъ добровольно признать дитя своимъ, то приходится добиваться судомъ этого признанія. Это называется разыскивать родителей. Къ этому способу установленія незаконнаго сыновства разсматриваемыя законодательства относятся крайне несочувственно. Разысканіе отца ими запрещается (фр. ст. 340; итал. ст. 189) и притомъ абсолютно какъ противъ него дитятею для полученія содержанія, такъ и противъ дитяти съ цѣлью воспрепятствовать, напримѣръ, получить что-либо даромъ отъ своего незаконнаго отца (ст. 338), а разысканіе матери хотя и дозволено, но обставлено значительными затрудненіями.

Почему запрещается разысканіе отца? Главная причина, которая выставляется комментаторами романскихъ кодексовъ, заключается въ трудности доказывать такіе иски и въ опасности для общественныхъ нравовъ, которая можетъ возникнуть изъ подобныхъ процессовъ: они легко могутъ сдѣлаться предметомъ спекуляціи со стороны недобросовѣстныхъ женщинъ, которыя угрозой процесса могутъ заставить невинныхъ откупаться отъ него. Кромѣ того, сюда присоединяется и общее несочувствіе къ внѣбрачнымъ дѣтямъ, какъ къ «видимому отрицанію семьи».

Изъ абсолютнаго запрещенія розыска отца сдѣлано исключеніе: если ребенокъ рожденъ похищенною или изнасилованною (на послѣднюю исключеніе распространяетъ практика) и если время похищенія или изнасилованія совпадаетъ со временемъ предполагаемаго зачатія дитяти, то розыскъ дозволяется, такъ какъ онъ имѣетъ основаніе, дѣлающее отцовство вѣроятнымъ (фр. ст. 340 ит. ст. 189).

Несоотвѣтствіе закона потребностямъ жизни побудило практику (французскихъ и итальянскихъ судовъ), которая поддерживается и нѣкоторыми учеными [1]), отыскать какъ бы обходъ закона о воспрещеніи розыска отца. Практика эта, основываясь на общемъ постановленіи, что всякій виновный въ причиненіи кому-нибудь вреда обязанъ вознаградить понесшаго вредъ (фр. ст. 1382; ит. ст. 1151), пришла къ воззрѣнію, что женщина, обольщенная мужчиной, имѣетъ право требовать отъ него удовлетворенія. Надо только, чтобы въ своемъ искѣ она не касалась вопроса объ обезпеченіи родившагося отъ отвѣтчика дитяти, такъ какъ это будетъ воспрещенный закономъ искъ о розыскѣ отца.

---

[1]) Laurent, Principes. IV, 133.

Разысканіе матери дозволяется потому, что «мать извѣстна», т.-е что материнство можетъ быть установлено какъ и другіе спорные факты.

Для доказательства происхожденія лица отъ данной женщины требуется доказать: 1) разрѣшеніе ея отъ бремени въ то время, когда родился внѣбрачный ребенокъ, и 2) надо сверхъ того доказать, что она именно *его* родила, т.-е. тожество его съ родившимся.

Оба эти факта могутъ быть доказываемы свидѣтелями, но прежде надо представить «начало письменнаго доказательства» (commencement de preuve par écrite ст. 341) съ цѣлью гарантировать семьи отъ процессовъ, возбуждаемыхъ безъ всякихъ доказательствъ, или выставляя лжесвидѣтелей съ единственною цѣлью скандала... Но это «начало письменнаго доказательства» представляетъ собою актъ, исходящій отъ того, противъ кого возбужденъ искъ. Слѣдовательно, дитя должно представить письменный актъ, исходящій отъ его матери. Но большинство незаконныхъ матерей принадлежитъ къ низшему и слѣдовательно неграмотному классу, да и грамотныя матеріи, но не желающія признать своего материнства, повоздержатся писать, дабы не дать доказательства материнства. Словомъ, требовать отъ дитяти представленія письменныхъ актовъ матери—это значитъ требовать признанія, исходящаго отъ того, который не согласенъ его дать [1]).

Что касается дѣтей отъ прелюбодѣянія и кровосмѣшенія, то розыскъ какъ отца, такъ и матери имъ вполнѣ воспрещенъ (фр. ст. 342; итал. ст. 182) по тѣмъ же причинамъ, что и добровольное признаніе.

О способахъ установленія внѣбрачнаго происхожденія (сыновства) по уложеніямъ германскихъ народовъ.

Добровольное *признаніе* внѣбрачныхъ дѣтей своими, какъ самый естественный и нормальный способъ удостовѣренія происхожденія дитяти отъ своихъ родителей, допускается всѣми германскими законодательствами, какъ и романскими. Но при этомъ, какъ и въ послѣднихъ, требуется, чтобы признаніе было сдѣлано публичнымъ актомъ (Имперскій законъ 6 февраля 1875 г., § 25; общегерманское гражданское уложеніе § 1718).

Но германскія законодательства, на ряду съ добровольнымъ признаніемъ, допускаютъ и принудительное, въ видѣ розыска родителей. Однакоже вслѣдствіе того, что каноническое право (началамъ котораго въ разсматриваемомъ вопросѣ слѣдовали германскія законодательства) не давало отвѣта, какими средствами должно быть удостовѣрено происхожденіе дитяти отъ извѣстнаго мужчины (оно надѣляло внѣбрачныхъ дѣтей опредѣленными правами, требуя при этомъ извѣстности отцовства, а какъ оно должно быть установлено—этого канонисты не касались), то вопросъ этотъ приводилъ нѣмецкихъ юристовъ въ большое затрудненіе и порождалъ между ними разногласіе.

---

[1]) Laurent, Cours élémentaire. I, 291.

Въ одномъ отношеніи, именно что касается опредѣленія времени зачатія, т.-е. относительно вычисленія сроковъ беременности, они воспользовались аналогіей съ законными рожденіями. Но въ вопросѣ о родахъ и способахъ доказательствъ внѣбрачнаго отцовства мнѣнія юристовъ были весьма различны.

Разногласіе между юристами отразилось и на законодательствахъ.

Такъ, въ древнѣйшемъ нѣмецкомъ кодексѣ—Прусскомъ земскомъ уложеніи, вопросу этому было дано рѣшеніе въ смыслѣ особенно благопріятномъ для матерей внѣбрачныхъ дѣтей, допуская въ качествѣ доказательства отцовства присягу матери и при этомъ совершенно не обращая вниманія на безупречность ея поведенія.

Дѣйствующія нѣмецкія законодательства не знаютъ предустановленныхъ доказательствъ въ этомъ случаѣ. Общіе способы доказательствъ приложимы и къ искамъ этого рода. Если доказанъ фактъ незаконной связи мужчины съ женщиной въ періодъ, соотвѣтствующій зачатію ребенка, то это порождаетъ предположеніе въ пользу того, что онъ—отецъ этого ребенка. Въ этомъ въ общемъ всѣ нѣмецкія законодательства согласны между собою (австр. § 136; сакс. § 1859; прусскій законъ 24 апр. 1854 г. общегерм. улож. § 1720). Но разногласіе существуетъ по поводу тѣхъ возраженій, которыя могутъ быть допущены въ разрушеніе этого предположенія (презумпціи). Такъ, прусское уложеніе (какъ полагаетъ Дернбургъ вопреки мнѣнію высшаго суда) допускаетъ возможность опроверженія этого предположенія на томъ основаніи, что состояніе ребенка—зрѣлость или незрѣлость его—не позволяетъ отнести зачатіе къ предполагаемому времени (Dernburg, Lehrbuch des Preussischen Privatrechts, III, стр. 192, 193), чего не допускаетъ австрійское уложеніе (§ 163 и приведенное подъ нимъ рѣшеніе верховнаго суда въ 4 изд. Manz'а съ прим. проф. Шея—v. Schey) и саксонское; какъ равно первое не допускаетъ возраженій, основанныхъ на сходствѣ дитяти съ предполагаемымъ отцомъ (ibid.), а второе—на томъ, что въ предполагаемый срокъ зачатія женщина была уже беременна отъ другого, слѣдовательно, только alibi мужчины и impotentia снимаютъ съ него отвѣтственность *).

Но общегерманское уложеніе пошло въ этомъ отношеніи дальше своихъ предшественниковъ: оно допускаетъ всякія возраженія, очевидно доказывающія невозможность зачатія отъ данной связи (§ 1720), напримѣръ, если во время связи женщина была уже беременна.

Объ установленіи внѣбрачнаго происхожденія (сыновства) по русскому праву.

Доселѣ дѣйствовавшій законъ указывалъ прямо на одинъ только способъ установленія внѣбрачнаго сыновства—чрезъ уголовный судъ. Нынѣ отмѣненная 994 ст. Улож. о наказ., назначая за противозаконное сожи-

---

*) Siebenhaar. Commentar zu dem bürgerlichen Gesetzbuches für. d. K. Sachsen. B. III, §§ 1859 и 1771.

тіе неженатаго съ незамужней, если они христіане, церковное покаяніе, по распоряженію своего духовнаго начальства, постановляла: «но когда послѣдствіемъ такой порочной жизни было рожденіе младенца, то отецъ обязанъ, сообразно съ состояніемъ своимъ, обезпечить приличнымъ образомъ содержаніе младенца и матери». Статья эта позаимствована изъ уст. воинск. артикуловъ (ст. 176, 1716 г. марта 30), представляющаго собою иноземное компилятивное право и примыкаетъ къ такъ называемой теоріи деликта, т.-е. теоріи, ищущей оправданія для привлеченія незаконнаго отца къ обязанности давать содержаніе своему дитяти въ проступкѣ, совершонномъ отцомъ. Незаконное сожительство есть проступокъ. Результатъ этого проступка есть появленіе ребенка на свѣтъ. За проступокъ долженъ отвѣчать виновникъ его, т.-е. отецъ. Отвѣтственность эта можетъ быть уголовная и сверхъ того гражданская—содержать незаконное дитя.

Теорія эта (ей слѣдуютъ законодательства, прусское—до закона 24 апрѣля 1854 г., саксонское, баденское, мекленбургское) не имѣетъ за себя ни историческаго, ни логическаго оправданія.

Исторія показываетъ, что право на содержаніе отъ отца получили первоначально дѣти конкубины и основаніемъ для такой обязанности выставляется несовершонный отцомъ проступокъ, а человѣчность и справедливость (humanitas и caritas), да и конкубинатъ считался не преступной, а легальной связью.

Трудно согласиться съ мыслью, что внѣбрачный сынъ имѣетъ право требовать отъ своего отца содержаніе потому, что послѣдній совершилъ по отношенію къ первому преступленіе: дарованіе жизни не есть преступленіе. Къ тому же если считать его преступленіемъ, то соучастницей этого преступленія надо считать и мать. Но никто изъ юристовъ пока не утверждалъ, что мать должна кормить и вообще содержать своего ребенка, потому что она преступница по отношенію къ нему.

Тутъ, очевидно, смѣшиваются два различныхъ факта: фактъ незаконнаго сожительства, который, дѣйствительно, прежде считался преступленіемъ, и фактъ рожденія дитяти, который, конечно, не можетъ быть признанъ преступленіемъ, какъ актъ природы.

Въ конечномъ результатѣ, разъ одинъ фактъ сожитія мужчины съ женщиной въ періодъ, соотвѣтствующій зачатію впослѣдствіи родившагося ребенка, есть рѣшающее обстоятельство для привлеченія этого мужчины къ обязанности содержать этого ребенка, то здѣсь устанавливается только возможность, вѣроятность отцовства.

Практическія послѣдствія этого принципа, между прочимъ, таковы: если проступокъ есть причина обязанностей, налагаемыхъ на совершившаго его, то совершеніе и другими такого же проступка съ той же женщиной въ періодъ, соотвѣтствующій зачатію ребенка, не снимаетъ отвѣтственности съ перваго, хотя это обстоятельство, очевидно, сильно подрываетъ отцовство перваго. Онъ отвѣчаетъ какъ «возможный» отецъ и даже всѣ отвѣчаютъ какъ «возможные отцы»—солидарно (одинъ за всѣхъ и всѣ за каж-

даго), какъ многіе соучастники въ причиненіи вреда (Виндшейдъ); но нѣкоторые готовы допустить здѣсь обязательство долевое—по соразмѣрности вреда. Вотъ къ какимъ результатамъ можетъ привести ложное въ основѣ начало.

Второе слѣдствіе: если изъ проступка возникаетъ алиментарная обязанность отца по отношенію къ своему дитяти, то вопросъ о переходѣ ея на наслѣдниковъ долженъ быть рѣшенъ иначе, нежели тогда, когда она основывается на родствѣ.

Наконецъ, деликтная теорія будетъ имѣть рѣшающее значеніе и при такъ называемомъ столкновеніи разномѣстныхъ законовъ. По законамъ того мѣста, гдѣ совершенъ былъ проступокъ (фактъ сожительства) будутъ обсуждаться вопросы о правѣ на содержаніе, родѣ его, размѣрѣ и т. п.

Наша старая практика показала, насколько слабо обезпечивала внѣбрачныхъ дѣтей ст. 994 ул. о наказ., выросшая на началахъ этой теоріи. Иски такіе могла возбуждать мать, обвиняя отца ребенка въ незаконномъ сожительствѣ, но, обвиняя отца, она должна была обвинять и себя. Легко понять, сколь много должно было обнаружиться рѣшимости или ожесточенія при предъявленіи подобныхъ исковъ и сколь многихъ матерей удерживалъ этотъ порядокъ процесса отъ разысканія отца для своего дитяти.

Современная доктрина и законодательства слѣдуютъ другому началу, при установленіи обязанностей отца внѣбрачнаго дитяти. Обязанности эти онъ долженъ нести въ силу родства, въ силу того, что онъ отецъ. Отцовство, а не проступокъ, совершонный по отношенію къ дитяти, есть причина, устанавливающая юридическую связь между нимъ и дитятей. Отсюда естественное слѣдствіе—если есть причина, разрушающая предположеніе объ отцовствѣ, отцовство считается не установленнымъ, и обязанностей не возникаетъ.

Руководствуясь этимъ соображеніемъ, слѣдующія законодательства отрицаютъ наличность отцовства, при доказанности возраженія о связи матери съ другими мужчинами въ періодъ, соотвѣтствующій зачатію дитяти (exceptio congressus cum pluribus): прусское (законъ 24 апрѣля 1854 г., § 9, № 1), виртембергское (законъ 3 сентября 1839 г., Art. 28, № 4), австрійское (§ 163 и рѣш. суда подъ нимъ, привед. по вышеук. изд.) и общегерманское уложеніе (§ 1720) въ противоположность законодательствамъ — саксонскому, по которому нѣсколько мужчинъ, сожительствовавшихъ съ женщиной въ періодъ зачатія, отвѣчаютъ какъ нѣсколько содолжниковъ, т.-е. солидарно (§ 1872; ср. § 1019), баденское (законъ 21 февраля 1851 г., §§ 2, 5) и мекленбургское (расп. 23 іюня 1847 г., § 16).

Новый законъ 3 іюня 1902 г. совершенно умалчиваетъ о способахъ доказательствъ отцовства, предоставляя, такимъ образомъ, полную свободу суду: свидѣтельскія показанія, подтверждающія происхожденіе дитяти отъ даннаго лица, письменные акты какъ публичные, такъ и домашніе, частная переписка съ матерью дитяти или съ посторонними лицами, въ которой отвѣтчикъ называлъ ребенка своимъ, наконецъ, обращеніе съ нимъ, какъ

съ сыномъ или дочерью, забота объ его содержаніи и т. п.,—все это какъ въ отдѣльности, такъ и въ своей совокупности можетъ и должно быть принято во вниманіе при постановленіи рѣшенія по иску объ отцовствѣ.

Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, гражданскій судъ такъ же свободенъ въ оцѣнкѣ доказательствъ, какъ былъ свободенъ судъ уголовный, рѣшавшій дѣла этого рода до изданія новаго закона.

Проектъ коммиссіи даетъ по этому поводу нѣкоторое руководство. Въ немъ сказано: отцомъ внѣбрачнаго ребенка признается мужчина, который въ промежутокъ времени, когда должно было произойти зачатіе ребенка, имѣлъ съ матерью его незаконное сожитіе, развѣ бы судъ по обстоятельствамъ дѣла призналъ, что ребенокъ могъ произойти отъ сожитія въ указанное время съ другимъ мужчиною (ст. 316). Статья эта въ законъ не вошла. Но слѣдуетъ ли отсюда, что, руководствуясь новымъ закономъ, судъ долженъ игнорировать, «если по обстоятельствамъ дѣла ребенокъ могъ произойти отъ сожитія съ другимъ мужчиною», иначе: допустимо ли съ точки зрѣнія этого закона возраженіе о соучастіи (exceptio congressus cum pluribus) или нѣтъ? Полагаю, нѣтъ. Если дѣйствующій законъ отвергъ теорію деликта, если онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія родства, на точкѣ зрѣнія дѣйствительнаго происхожденія дитяти отъ предполагаемаго отца, то одновременное сожитіе нѣсколькихъ мужчинъ въ періодъ зачатія ребенка съ матерью его исключаетъ достовѣрность отцовства. Слѣдовательно, разъ такое возраженіе будетъ представлено и доказано, искъ объ отцовствѣ долженъ быть отвергнутъ.

Вообще въ пользу необходимости допущенія въ искахъ объ отцовствѣ возраженія о соучастіи приводятся слѣдующія соображенія:

1. Въ искѣ объ отцовствѣ и помимо этого возраженія дѣлается отступленіе отъ строгой системы доказательствъ: здѣсь отъ факта половой связи лица съ женщиной въ періодъ зачатія ребенка дѣлается заключеніе, что это лицо—отецъ ребенка, т.-е. съ истца снимается обязанность доказать, что въ этотъ же періодъ никто другой не имѣлъ такой связи, иначе снимается вся отрицательная сторона доказыванія и такимъ образомъ вѣроятное принимается за достовѣрное. Этого снисхожденія достаточно: дальше этого законъ и по правиламъ логики, и по чувству справедливости идти не долженъ, т.-е. не долженъ лишать отвѣтчика возможности доказывать противное—разрушить направленное противъ него предположеніе, а, слѣдовательно, и представлять возраженіе о томъ, что не онъ одинъ находился въ связи съ матерью внѣбрачнаго дитяти въ періодъ зачатія послѣдняго.

2. Искъ незаконнаго дитяти объ отцовствѣ его основанъ на одномъ предположеніи происхожденія его отъ даннаго лица; но возраженіе о соучастіи разрушаетъ такое предположеніе, а при такихъ условіяхъ и самому иску не должно быть мѣста.

3. Съ точки зрѣнія справедливости и нравственности нельзя устранять возраженія о соучастіи. Если несправедливо взваливать всю тягость содержанія внѣбрачнаго дитяти на соблазненную и, быть можетъ, обманутую

мать, то женщина, одновременно сожительствовавшая съ нѣсколькими мужчинами и, слѣдовательно, безнравственная, не заслуживаетъ снисхожденія.

4. Исключеніе изъ кодекса этого возраженія легко можетъ привести къ самымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ. Безнравственныя женщины намѣренно будутъ искать связи съ нѣсколькими, чтобы имѣть больше выбора при искѣ объ отцовствѣ.

5. Интересы той же общественной морали говорятъ противъ предоставленія дитяти права искать себѣ отца между нѣсколькими сожителями матери *).

Обращаясь къ вопросу о доказательствахъ материнства по нашему новому закону, надо сказать, что, разрѣшая разысканіе матери, законъ этотъ весьма суживаетъ кругъ доказательствъ, допускаемыхъ для сего. Доказательствомъ происхожденія ребенка отъ матери служитъ метрическая запись объ его рожденіи, а если въ этой записи не поименована мать или если невозможно представить эту запись, то въ доказательство происхожденія его отъ матери принимаются только исходящія отъ нея самой письменныя о семъ удостовѣренія (ст. 132^{15}).

Статья эта есть воспроизведеніе выше упомянутаго постановленія французскаго кодекса по этому предмету, но съ тѣмъ, къ невыгодѣ нашего закона, отступленіемъ, что тамъ, сверхъ этихъ «письменныхъ удостовѣреній», допускаются и свидѣтели (ст. 341 фр. код.). Поэтому все сказанное о неудобствахъ постановленія французскаго кодекса вполнѣ приложимо и къ нашему закону. Если тамъ выражается опасеніе, что законъ, требующій непремѣнно письменныхъ актовъ, исходящихъ отъ матери, затруднитъ доказательство материнства многихъ женщинъ, имѣющихъ внѣбрачныхъ дѣтей, въ виду того, что грамотность далеко не есть удѣлъ всѣхъ женщинъ и что внѣбрачныя рожденія распространены больше именно среди малообразованныхъ низшихъ классовъ, то все это еще въ бо̀льшей степени приложимо и къ намъ, такъ какъ грамотностью мы похвалиться не можемъ, а внѣбрачныя дѣти и у насъ чаще всего рождаются тоже среди такъ называемыхъ податныхъ классовъ.

Что касается грамотныхъ и вообще образованныхъ матерей, то это требованіе письменности материнской, при нежеланіи признать материнство, послужитъ хорошимъ средствомъ избавиться отъ него: ничего не писать, что̀ давало бы поводъ заподозрить это материнство, и что бы ни показывали, напримѣръ, въ пользу его свидѣтели, судъ признать его не въ правѣ.

Между тѣмъ въ проектѣ редакціонной коммиссіи этихъ ограничительныхъ постановленій не было (см. ст. 314), кромѣ предположенія ввести пятилѣтнюю давность для погашенія исковъ этого рода, что̀ съ основаніемъ отвергнуто государственнымъ совѣтомъ: незаконное происхожденіе само по себѣ есть умаленіе въ правахъ, нѣтъ основанія его усиливать затрудненіемъ разыскивать мать. Но, помимо этого, едва ли слѣдовало въ

*) См. „Курсъ семейнаго права“, стр. 326 и сл.

данномъ случаѣ отступить отъ проекта. Повидимому, здѣсь приняты были во вниманіе тѣ соображенія коммиссіи, которыя она проводитъ подъ статью, хотя и критикуетъ ихъ, а именно: что предъявленіе и удовлетвореніе подобныхъ исковъ, когда ребенокъ родился отъ дѣвушки, принадлежащей къ образованнымъ классамъ общества и его рожденіе было скрыто, для матери и ея семьи несомнѣнно будетъ сопряжено съ значительными нравственными страданіями. Возможность предъявленія такихъ исковъ, когда фактъ разрѣшенія дѣвушки отъ бремени сталъ извѣстенъ хотя бы ограниченному кругу лицъ, можетъ служить средствомъ къ вымогательству (объясн., т. I, стр. 569). Если руководствоваться этими соображеніями, то надо всячески затруднить иски о материнствѣ «дѣвушекъ, принадлежащихъ къ образованнымъ классамъ». Соглашаясь, что носить это материнство тяжеле интеллигентной дѣвушкѣ, нежели простой, но зато предполагается у первой и большее сознаніе своихъ материнскихъ обязанностей, нежели у второй: выполнивъ эти обязанности, она избѣжитъ и иска о материнствѣ. Что касается шантажа, то отъ него долженъ гарантировать судъ. Кромѣ того, принимая во вниманіе интересы матери, нельзя упускать изъ виду и интересовъ дѣтей: если мать о нихъ не позаботится, то отъ кого ждать о нихъ заботы.

Эти опасенія возникали не только у насъ, но и въ Германіи, однако же германскія законодательства постановленій, подобныхъ нашему, у себя не ввели.

Само собою разумѣется, что слова статьи о «письменныхъ удостовѣреніяхъ, исходящихъ отъ матери», должны быть понимаемы въ смыслѣ всякихъ письменныхъ документовъ, идущихъ отъ матери, въ которыхъ прямо или косвенно есть указаніе на рожденіе дитяти, или даже только на беременность, притомъ все равно, къ кому и по какому поводу это было написано. Законъ ограниченій въ этомъ случаѣ не ставитъ, не должна ставить ихъ и практика.

Итакъ, законъ нашъ какъ будто говоритъ только о судебномъ пути для установленія незаконнаго сыновства какъ по отношенію къ отцу, такъ и по отношенію къ матери.

Въ проектѣ коммиссіи предполагалось ввести у насъ институтъ добровольнаго признанія по примѣру французскаго законодательства и былъ проектированъ рядъ постановленій (ст. 325—336), въ значительной степени позаимствованныхъ изъ этого законодательства.

Германскія законодательства, разрѣшая, какъ и наше законодательство, розыскъ родителей, не воспрещаютъ и добровольныхъ признаній.

Правда, что законъ 3 іюня 1902 г. разрѣшилъ родителямъ усыновлять своихъ внѣбрачныхъ дѣтей, но усыновленіе не всегда возможно тамъ, гдѣ возможно признаніе. Иногда признаніе по особымъ обстоятельствамъ представляется единственнымъ средствомъ дать права дитяти. Мать смертельно больна. Не только подвергнуться розыску, но и усыновить ей не подъ силу. Но нотаріусъ, явившись на домъ къ больной матери, далъ

бы ей возможность составить актъ о признаніи ея внѣбрачнаго дитяти и такимъ образомъ не лишить этого дитяти наслѣдственныхъ правъ послѣ матери (ст. 132[12]).

Впрочемъ, если въ законахъ нашихъ нѣтъ особаго института добровольнаго «признанія» и вообще не указанъ порядокъ его, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы у насъ игнорировалось такое признаніе, разъ оно было установлено.

Доказательствомъ происхожденія отъ матери служитъ метрическая запись о рожденіи ребенка (ст. 132[13]), но если мать не пожелаетъ, она не назоветъ себя при составленіи этой записи, и наоборотъ, называя, *признаетъ* дитя *своимъ*. Отецъ разыскивается судомъ, но онъ, явившись въ засѣданіе суда, представляетъ удостовѣреніе о томъ, что онъ возбудилъ ходатайство объ усыновленіи своего незаконнаго дитяти, т.-е. призналъ его. Розыскъ будетъ излишнимъ *).

О правахъ внѣбрачныхъ дѣтей.

Хотя положеніе внѣбрачныхъ дѣтей въ современныхъ кодексахъ далеко отъ того безправія, въ которомъ они находились въ средніе вѣка, тѣмъ не менѣе права ихъ и въ настоящее время значительно умалены сравнительно съ правами законныхъ дѣтей. Причина заключается какъ въ незаконности сожительства родителей ихъ, изъ котораго они происходятъ, такъ и въ трудности установить дѣйствительность происхожденія внѣбрачныхъ дѣтей отъ данной пары.

Эта послѣдняя причина привела романскія законодательства къ принятію подъ свое покровительство только дѣтей, добровольно признанныхъ родителями, и только такихъ дѣтей надѣляютъ эти законодательства опредѣленными правами. Здѣсь какъ бы отголосокъ римскаго конкубината и «натуральныхъ дѣтей».

Зато романскія законодательства нѣсколько смѣлѣе и щедрѣе въ надѣленіи внѣбрачныхъ дѣтей правами, нежели германскія.

Внѣбрачное дитя имѣетъ право на имя признавшаго его родителя, а если признали оба, то на имя отца (итал. ст. 185).

Дѣти эти поступаютъ подъ родительскую власть признавшаго родителя, а если признаніе сдѣлано обоими, то подъ власть отца (фр. ст. 383).

Отсюда родители имѣютъ права: 1) воспитанія своихъ внѣбрачныхъ дѣтей и надзора надъ ними; 2) исправленія и принятія по отношенію къ нимъ дисциплинарныхъ мѣръ.

По мнѣнію итальянскихъ ученыхъ, незаконному родителю принадлежатъ только опекунскія права по отношенію къ признанному имъ внѣбрачному

---

*) Ст. 136, по которой незаконныя дѣти, хотя бы они и были воспитаны тѣми, которые именуются ихъ родителями, не имѣютъ права на имя фамиліи отца и законное послѣ него и послѣ матери своей въ имуществѣ наслѣдство, не устраняетъ возможности и значенія признанія: она говоритъ о воспитаніи, а не о признаніи.

дитяти (ст. 184). Впрочемъ, полномочія опекуна почти такъ же широки, какъ и родительскія.

Наконецъ, родителямъ дано право давать или не давать согласіе на бракъ своихъ внѣбрачныхъ дѣтей (фр. ст. 148 и сл.; итал. ст. 63 и сл.).

Но признаніе (добровольное или недобровольное въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда оно допускается) устанавливаетъ родственную связь только между внѣбрачнымъ дитятей и его родителями. Они не входятъ въ семью своихъ родителей—въ этомъ сказывается покровительство законному потомству. Кромѣ того, сыновство, установленное посредствомъ признанія, имѣетъ только личный характеръ между признавшимъ и признаннымъ. Въ силу этого внѣбрачныя дѣти не имѣютъ никакихъ правъ по отношенію къ родственникамъ какъ отцовскимъ, такъ и материнскимъ (фр. ст. 757; итал. ст. 749).

Въ этомъ умаленіи семейныхъ правъ германскія законодательства идутъ еще дальше. По этимъ законодательствамъ внѣбрачныя дѣти не считаются въ родствѣ съ отцомъ (прусск. II, 2, § 639; австр. § 165; сакс. §§ 1858, 1874; общегерман. § 1705). Отсюда ему не предоставляется и отцовской власти надъ ними. Это естественное слѣдствіе непризнанія родства, а также недовѣрія законодателя къ незаконному отцу: законодатель опасается, что власть отцовская, дающая отцу большія полномочія, въ рукахъ человѣка, который большею часть признаетъ неохотно ребенка своимъ, не будетъ благодѣтельной для послѣдняго.

Впрочемъ, не только отцу, но и матери не предоставляется родительской власти надъ внѣбрачными дѣтьми; власть эта допускается лишь настолько, насколько это вызывается потребностями воспитанія (пр. II, 2, §§ 644, 645; австр. § 166; общегерм. § 1707). Власть родительская замѣняется опекой. (Тѣ же улож. и тѣ же §§ и сакс. улож. §§ 1865—1867).

Составители общегерманскаго уложенія, не предоставляя матери родительской власти надъ внѣбрачными дѣтьми (§ 1707), мотивируютъ это тѣмъ, что мать обыкновенно не имѣетъ прочнаго хозяйственнаго положенія и бываетъ вынуждена отдавать кому-нибудь постороннему свое дитя, а равно и тѣмъ, что ей неудобно было бы предоставить право иска отъ лица своего дитяти къ незаконному отцу.

Въ другихъ случаяхъ отношенія внѣбрачнаго дитяти къ матери опредѣляются германскими законодательствами неодинаково. Такъ, прусское уложеніе категорически говоритъ, что внѣбрачное дитя не принадлежитъ и къ семьѣ матери, точно также какъ оно не принадлежитъ и къ семьѣ отца (II, 2, § 639). Въ австрійскомъ уложеніи сказано: внѣбрачныя дѣти исключены вообще изъ семейныхъ правъ и правъ родства (§ 165). Снисходительнѣе саксонское и общегерманское уложенія, по которымъ внѣбрачныя дѣти въ отношеніи къ матери и родственникамъ ея занимаютъ то же положеніе, что и законныя дѣти (сакс. § 1874; общегерм. § 1705).

Внѣбрачныя дѣти носятъ фамильное имя матери (пр. II, 2, § 640; австр. § 165; сакс. § 1874 и общегерм. § 1706), но сословными преиму-

ществами матери не пользуются (дворянскимъ званіемъ, правомъ на гербъ. Пр. §§ 640, 641; австр. § 165).

Обращаемся къ *нашему законодательству.*

Еще раньше выработавшееся правило о зачисленіи внѣбрачныхъ дѣтей (незаконнорожденныхъ) въ податные классы остается и доселѣ.

Незаконнорожденные, къ какому бы званію ни принадлежали ихъ матери, приписываются къ податнымъ обществамъ до совершеннолѣтія. По достиженіи совершеннолѣтія, они могутъ оставаться въ томъ званіи, въ какое приписаны воспитателями, или же избрать по собственному усмотрѣнію другое званіе (т.-е. приписаться къ мѣщанскому или цеховому обществу т. Ѵ уст. о прям. нал., прилож. къ ст. 482 ст. 46, 47). Внѣбрачныя дѣти казачьихъ вдовъ, женъ и дѣвицъ зачисляются въ казачье сословіе (ст. 140, I ч., X т.).

Такимъ образомъ, внѣбрачное дитя дворянки и дворянина къ дворянамъ причислено быть не можетъ. Внѣбрачное рожденіе влечетъ за собою какъ бы умаленіе въ правахъ состоянія.

Въ нашихъ законахъ нѣтъ постановленій о юридическомъ значеніи внѣбрачнаго родства, но практика какъ гражданскихъ, такъ и духовныхъ судовъ въ извѣстной мѣрѣ, не взирая на молчаніе закона, считается съ этимъ родствомъ.

Внѣбрачное родство принимается во вниманіе по прямому предписанію закона, для опредѣленія семейнаго положенія лица, призываемаго къ отбыванію воинской повинности (льготой перваго разряда пользуется незаконнорожденный, на попеченіи котораго находится мать, не имѣющая способныхъ къ труду сыновей, или сестра, или же неспособный къ труду братъ (т. IѴ уст. о воинской повинности изд. 1897 г. ст. 48, п. д).

Нашъ законъ, насколько можно уловить его общія начала въ виду скудости и нѣкоторой неясности постановленій, какъ при установленіи внѣбрачнаго сыновства, такъ и при вопросѣ о правахъ внѣбрачныхъ дѣтей, придерживался начала материнства (ср. ст. 140). Теперь это начало выражено опредѣленно. Родительская власть надъ этими дѣтьми принадлежитъ матери, а не отцу (ст. 132^1). Слѣдовательно, ей предоставлено представительство за дѣтей, право требовать ихъ отъ другихъ, завѣдывать воспитаніемъ, примѣнять дисциплинарныя мѣры, давать согласіе на бракъ.

Независимо отъ родительской власти, по мѣстужительства матери должно опредѣляться мѣстожительство внѣбрачныхъ дѣтей, по ея вѣроисповѣданію—ихъ вѣроисповѣданіе (см. Курсъ семейн. права, стр. 233 и сл.).

Что касается *фамильнаго имени* внѣбрачныхъ дѣтей, то оно имъ дается или по отчеству, или по фамильному имени матери, принадлежащему ей по рожденію, но съ согласія ея отца, если онъ находится въ живыхъ (а если нѣтъ въ живыхъ, то, слѣдовательно, при согласіи одной матери ст. 132^3).

По проекту предполагалось, въ видѣ общаго правила, присваивать внѣ-

брачному ребенку фамилію матери, принадлежащую ей по рожденію и только при неизвѣстности матери—давать фамилію, одинаковую съ отчествомъ (ст. 313). Вѣроятно, въ интересахъ матерей, не желающихъ оглашать своего незаконнаго потомства, эта статья проекта, въ сейчасъ изложенномъ видѣ, не принята.

Отчество внѣбрачнаго ребенка, если оно не было присвоено ему при совершеніи метрической записи о немъ (вѣроятно, имѣется въ виду, что при совершеніи этой записи было указано имя отца) именуется по отчеству сообразно имени своего воспріемника (ст. 132^2).

Затрудненіе о присвоеніи отчества можетъ возникнуть, если внѣбрачное дитя нехристіанки или же если воспріемника не было, а только воспріемница (при крещеніи дѣвочки).

Отецъ, какъ было указано, устраняется отъ участія въ родительской власти и правахъ, съ нею связанныхъ. Но если онъ доставляетъ средства на содержаніе внѣбрачнаго ребенка, то онъ имѣетъ право надзора за содержаніемъ и воспитаніемъ ребенка. Въ случаѣ разногласія по этимъ предметамъ (а они возможны) между нимъ и матерью или опекуномъ ребенка они рѣшаются подлежащимъ опекунскимъ установленіемъ (сиротскимъ судомъ или сельскимъ сходомъ). Слѣдовательно, отцу предоставляется только право надзора, а не опредѣленіе, напримѣръ, способа воспитанія, избранія воспитателей и т. п.

Равно такой же доставляющій средства отецъ, въ случаѣ учрежденія надъ внѣбрачнымъ ребенкомъ опеки, можетъ быть назначенъ, по желанію, опекуномъ предпочтительно передъ другими лицами (ст. 132^{11}).

Само собою разумѣется, что кромѣ желанія должна быть на его сторонѣ и годность, предписанная закономъ для принятія на себя опекунскихъ обязанностей. Извѣстно, что въ этомъ случаѣ предоставляется большой просторъ усмотрѣнію опекунскихъ учрежденій (Зак. гр. ст. 254, 256). Осторожность здѣсь, при утвержденіи такого опекуна, въ особенности умѣстна, если отцовство ему присуждено судомъ и когда, слѣдовательно, особеннаго благорасположенія къ опекаемому ожидать трудно.

Но самое существенное право внѣбрачныхъ дѣтей—есть право на полученіе содержанія отъ родителей, или такъ называемая алиментарная обязанность ихъ, къ разсмотрѣнію которой мы и перейдемъ.

А. Загоровскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей.

Въ настоящее время отзывы уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, со всѣми къ нимъ матеріалами, уже разсмотрѣны въ губернскихъ комитетахъ и представлены съ заключеніями послѣднихъ въ Особое Совѣщаніе. Большинство уѣздныхъ комитетовъ центръ тяжести въ рѣшеніи предложенныхъ вопросовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности видѣло въ поднятіи крестьянскаго населенія въ умственномъ, матеріальномъ и правовомъ отношеніяхъ и, въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ—въ нормальной постановкѣ и дальнѣйшемъ развитіи земскаго самоуправленія; предсѣдатель Высочайше учрежденнаго особаго совѣщанія, министръ финансовъ Витте, открывая засѣданіе, высказалъ, что «не подлежитъ сомнѣнію, что совѣщаніе должно изслѣдовать нужды и потребности сельско-хозяйственной промышленности во всей ихъ совокупности, не дѣлая никакого различія между отдѣльными группами занимающагося земледѣльческимъ промысломъ населенія и, слѣдовательно, наряду съ заботами объ улучшеніи сельско-хозяйственныхъ условій на частновладѣльческихъ земляхъ, оно въ той же мѣрѣ должно войти въ разсмотрѣніе и хозяйственныхъ нуждъ крестьянства, численность котораго достигаетъ почти $^4/_5$ всего населенія европейской Россіи и которое собираетъ съ своихъ и арендуемыхъ ими земель болѣе $^2/_3$ всего производившагося Россіей хлѣба» *).

*) Также въ привѣтственной рѣчи своей по случаю 100-лѣтія министерства внутреннихъ дѣлъ министръ В. К. фонъ-Плеве отмѣтилъ, „что превыше всѣхъ заботъ нашего времени являются заботы объ упорядоченіи крестьянскаго дѣла со всѣми привходящими сложными вопросами сельскаго быта. Было бы легкомысленнымъ самомнѣніемъ полагать, что съ этими вопросами министерство внутреннихъ дѣлъ можетъ справиться своими силами... Мы уповаемъ также, что съ созданіемъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности многія стороны крестьянскаго дѣла получатъ необходимыя выясненія. Наконецъ, еще недавно мы слышали Монаршую волю, чтобы къ нынѣшнимъ трудамъ по крестьянскому преобразованію, по образцу, завѣщанному намъ эпохою составленія крестьянскаго Положенія 1861 г., были бы привлечены лучшіе знатоки крестьянскаго дѣла на мѣстѣ“.

Уѣздные комитеты съ ихъ случайнымъ составомъ, не выражавшимъ мнѣній всего населенія—земства, безъ подготовки, не имѣя въ распоряженіи матеріала по исторіи вопроса и не зная работъ другихъ комитетовъ, должны были много тратить труда и времени, и такъ крайне мало отведеннаго имъ, непроизводительно, спѣшить, намѣчать нужды въ общихъ чертахъ, многое существенное пропускать.

Губернскимъ комитетамъ еще болѣе спѣшно пришлось работать и, по своей организаціи, еще менѣе имѣть возможность выразить мнѣніе земства и только успѣть выполнить редакціонно-цензурную роль или только роль передаточной инстанціи работамъ уѣздныхъ комитетовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имъ въ данный моментъ естественнѣй всего было бы примѣнить образцы, завѣщанные намъ эпохою составленія крестьянскаго Положенія 1861 г. 19 февраля.

Бросить взглядъ на то, что сдѣлано законодательствомъ по крестьянскому вопросу, и отмѣтить всѣ выдающіяся пожеланія и нужды мѣстныхъ людей: земства и мѣстныхъ управленій, въ этомъ дѣлѣ крайне необходимо, тѣмъ болѣе, что матеріалы, отпечатанные въ официальныхъ изданіяхъ въ небольшомъ числѣ, мало доступны интересующимся и отдѣльныя неполныя свѣдѣнія разбросаны въ періодической печати за послѣднія 30 лѣтъ.

Мѣстные люди въ лицѣ земства и мѣстныхъ управленій неминуемо должно принять самое живое участіе въ предстоящей реформѣ крестьянскаго вопроса въ самой широкой степени, иначе пробовать рѣшить такой жизненный вопросъ, какъ указываетъ ясно вся исторія (и что подтвердилъ въ своей рѣчи министръ внутреннихъ дѣлъ), было бы «легкомысленнымъ самомнѣніемъ».

Въ Положеніе 19 февраля 1861 г. легли основанія независимости въ устройствѣ и управленіи крестьянъ своими мірскими дѣлами; мѣстныя общинныя дѣла, сельское и волостное управленіе и судъ были поставлены внѣ вліянія полиціи, администраціи и разныхъ инстанцій. Новаго суда и земства еще не явилось, дореформенныя же всѣ управленія такъ были пропитаны крѣпостническимъ духомъ, что неестественно было тогда связать и сочетать освободительныя начала съ обветшалыми формами. Отсюда рѣзко обособленное сословное положеніе едва освободившихся крестьянъ, подъ защитой и покровительствомъ главнаго комитета отъ возможнаго вліянія и подчиненія ихъ помѣщичьей власти. Этого вліянія такъ боялись, что прилагали даже особыя старанія къ такому опредѣленію территоріальнаго состава волостей, при которомъ волость не совпадала бы съ помѣщичьими вотчинами и стояла бы внѣ воздѣйствія со стороны одного помѣщика.

Призракъ крѣпостничества былъ такъ силенъ, что даже 10 лѣтъ послѣ освобожденія въ печати при поднятіи вопроса о всесословной волости «въ сліяніи подозрѣвали опеку» (*Отеч. Зап.*, 1872 г.); «подъ предлогомъ единства и безсословности тенденціи чисто аристократическія и поползновенія къ чему-то вродѣ патримоніальной власти» (*Совр. Лѣт.*, 1864 г.).

Послѣдующія реформы: положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ

учрежденіяхъ 1 января 1864 г. и судебные уставы 20 ноября 1864 г. не стали въ органической связи съ крестьянскимъ управленіемъ и обособленность поддерживалась все болѣе и болѣе развивающейся административной опекой, и на мѣстѣ исчезнувшихъ призраковъ крѣпостного помѣщичьяго права создались государственныя формы, строго регламентирующія умственную, нравственную стороны, семейный и экономическій строй крестьянской жизни, давшія земскому самоуправленію сословный отпечатокъ.

Значительная доля нижеперечисленныхъ законоположеній направлена была къ этой цѣли и громадное число ихъ съ 1858—97 гг., съ постоянными добавленіями и разъясненіями, свидѣтельствуетъ, что крестьянское управленіе и устройство создано и созидалось непланомѣрно, поспѣшно, съ многочисленными искусственными придатками, не соотвѣтствующими жизненнымъ требованіямъ; на это еще въ 1881 г. указано кахановской коммиссіей въ предисловіи къ программѣ. «Мѣстныя учрежденія,—говорится въ ней,—не составляя въ своей совокупности ни плода правильнаго, самобытнаго развитія общественной жизни, ни теоретически созданнаго цѣлаго, представляютъ пестрое наслоеніе болѣе или менѣе случайныхъ остатковъ, какъ попытокъ теоретическаго построенія всего управленія или части онаго, такъ и долговременной борьбы различныхъ началъ управленія и даже временно преобладавшихъ почему-либо потребностей».

По единогласному взгляду земствъ въ 1880 г. о положеніи уѣзднаго управленія, самый существенный порокъ въ нихъ: отсутствіе руководящей системы, въ спутанности между собой вѣдѣній различныхъ учрежденій, отсутствіе связи и единства между ними, въ неудовлетвореніи учрежденіями всѣхъ обывателей безъ различія сословій.

Перечисленіе узаконеній, относящихся къ устройству крестьянъ, изданныхъ въ добавленіе положеній 1861 г. и новыхъ, занимаетъ въ указателѣ министерства внутреннихъ дѣлъ цѣлый томъ; приведемъ здѣсь общіе итоги этихъ узаконеній въ формѣ именныхъ указовъ, положеній главнаго комитета, комитета министровъ и мнѣній государственнаго совѣта. (Указатели узаконеній изд. М. В. Д. 1897 г.).

Узаконенія о главномъ комитетѣ, губ. комитетахъ и редакціонныхъ и иныхъ коммиссіяхъ по крестьянскому дѣлу	22
Положенія 19 февр. 61 г. и узаконенія, относящіяся до обнародованія и приведенія въ дѣйствіе сихъ положеній	35
Узаконенія, изданныя въ дополненіе и измѣненіе положеній 19 февраля 61 г. Права крестьянъ личныя и по состоянію (Общ. Пол. ст. 21—39)	16
Права имущественныя	15
Пріобрѣтеніе и арендованіе крестьянской земли	20
О крестьнскомъ банкѣ	19
По разнымъ предметамъ	32
Объ общественномъ устройствѣ и управленіи (ст. 40—129); о преобразованіи госуд. крестьянъ, сельскихъ сходахъ и обществахъ	20

Учрежденія межевыя	7
» по переселенческимъ дѣламъ	3
» » управленію колоніями иностранныхъ поселенцевъ .	11
» » устройству башкиръ и прочихъ инородцевъ	13
Расходы по содержанію кр. учрежденій	60
Медали, знаки и печати	17
Итого по всѣмъ отдѣламъ, относящимся къ устройству сельскаго состоянія, издано за 40 лѣтъ узаконеній . .	1589

Кромѣ того, 1,474 рѣшеній и толкованій правительствующаго сената по поводу разныхъ дѣлъ по кр. землепользованію и управленію. (Кр. право по рѣш. Пр. Сен. К. Г. Абрамовичъ).

Взгляды на этотъ вопросъ мѣстныхъ людей: земства и мѣстнаго управленія можно прослѣдить по слѣдующимъ даннымъ: 1) заключеніямъ земствъ, поступившихъ въ кахановскую коммиссію 81 г.; 2) земскимъ ходатайствамъ съ 64 г. и по настоящее время; 3) заключеніямъ губернскихъ совѣщаній на циркуляръ мин. вн. дѣлъ въ 94 г. и опубликованныхъ въ 97 г. въ сводѣ этихъ заключеній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательствъ о крестьянахъ; 4) отзывамъ губернскихъ собраній въ 94—98 по запросамъ мин. земледѣлія о нуждахъ сельскаго хозяйства и мѣрахъ ихъ удовлетворенія; 5) матеріаламъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, учрежденныхъ особымъ совѣщаніемъ подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ 1902 г. 22 января.

Особая коммиссія для составленія проектовъ мѣстнаго управленія учреждена была на основаніи Высочайше одобреннаго, 4 сент. 1881 г. всеподданнѣйшаго доклада мин. вн. дѣлъ, гр. Игнатьева, подъ предсѣдательствомъ ст.-секр. М. С. Каханова, взамѣнъ существовавшей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ съ 59 г. коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Работы коммиссіи начались въ небольшомъ составѣ 1881 г. 2 ноября. Учрежденіе этой коммиссіи было вызвано ревизіей сенаторовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, обнимавшей изслѣдованіе всѣхъ нуждъ мѣстнаго населенія, общихъ и частныхъ, и заключенія земствъ и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ на предложенный циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ 22 декабря 1880 г. въ министерство Лорисъ-Меликова о пересмотрѣ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, объ измѣненіи которыхъ указывалось представленіями губернскихъ начальствъ и ходатайствами земствъ нѣкоторыхъ губерній.

Приложенъ былъ къ вопросамъ сводъ ходатайствъ земствъ и представленій губернаторовъ по сему предмету, причемъ предоставлялось право представить соображенія и о другихъ мѣрахъ по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, которыя земства или присутствія сочтутъ полезными для дѣла. Циркуляръ требовалъ особой спѣшности въ доставленіи отвѣтовъ, указывая, что исполненіе этого важнаго дѣла «ожидается въ возможно скорѣйшемъ времени».

Особое совѣщаніе коммиссіи подъ предсѣдательствомъ М. С. Каханова, «ничего не предрѣшая, намѣтило общія основныя начала реформы», и выработало проектъ его, состоящій изъ семи отдѣловъ: а) о сельскомъ обществѣ и поземельной общинѣ; б) о волости; в) о городѣ; г) о полиціи; д) объ уѣздномъ управленіи съ земствомъ; е) о губернскомъ управленіи, и ж) о надзорѣ и отвѣтственности, т.-е. о надзорѣ за проектируемыми установленіями, объ отчетности ихъ и общемъ порядкѣ привлеченія къ отвѣтственности должностныхъ лицъ мѣстнаго управленія.

Къ веснѣ 84 года коммиссія уже выполнила свою работу, выводы ея были изложены въ видѣ отдѣльныхъ статей съ объяснительными записками. Этотъ сводъ «помѣтокъ не составлялъ окончательно выработаннаго законопроекта, а требовалъ дальнѣйшихъ разработокъ, а главное провѣрки со стороны практической примѣняемости».

Въ ноябрѣ 84 г. коммиссія была созвана въ усиленномъ составѣ съ 15 «свѣдущими людьми»; мнѣнія ея рѣзко раздѣлились по взгляду на крестьянскую реформу; большая часть стояла за расширеніе крестьянскаго и земскаго самоуправленія, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, на почвѣ безсословности; другія двѣ партіи—бюрократическая и дворянская—стояли на принципѣ опеки и крѣпкой власти извнѣ надъ сельской общиной, волостью и земствомъ, осуществившихся въ послѣдующихъ въ 1889 году 12 іюля положеніяхъ о земскихъ начальникахъ и новомъ земствѣ 1890 г. іюня.

Въ 1884 году въ должность вступилъ министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой, которымъ 11 апрѣля 1885 г. коммиссія была закрыта и проектъ переданъ въ подвѣдомственныя канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ для дальнѣйшей разработки.

Взглядъ въ общихъ чертахъ на крестьянскую реформу кахановской коммиссіи слѣдующій: строй сельскаго и волостного управленія нуждается въ коренной реформѣ.

Сельско-общественное управленіе было создано сословнымъ съ тѣсно соединенными общественно-административными и хозяйственными основаніями, причемъ первыя не дали возможности развиваться послѣднимъ.

Еще въ большей степени подавила административно-полицейская сторона общественно-хозяйственную въ волости, въ волостномъ сходѣ и волостномъ правленіи.

Проектъ кр. реформы Кахановская коммисія сводитъ къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ: отдѣленіе общественно-административнаго управленія сельскаго общества отъ чисто хозяйственныхъ дѣлъ земельной общины и устраненія сословности въ сельскомъ и волостномъ управленіи; коммиссія считаетъ несправедливымъ обложеніе однихъ только крестьянъ мірскими сборами и считаетъ нужнымъ уравнять въ этомъ отношеніи всѣхъ другихъ живущихъ въ волости и пользующихся ея услугами; дать право устанавливать свободный пріемъ и выходъ членовъ въ сельскія общества, разрѣшить всѣмъ лицамъ въ селеніи участвовать въ выборѣ должностныхъ лицъ и въ участіи въ управленіи.

Ст. 4. «Сельское общество признается юридическимъ лицомъ съ характеромъ государственнымъ, т.-е. общественной единицей, вѣдающей чрезъ свои выборные органы дѣло благоустройства и благочинія по отношенію къ своимъ членамъ, въ указанныхъ закономъ предѣлахъ и дѣла по выполненію обязанностей общаго управленія, особо на нее возложенныхъ закономъ и административнымъ распоряженіемъ подлежащихъ установленій и получающей право по отправленію тѣхъ или другихъ дѣлъ устанавливать общественные сборы и повинности и имѣть самостоятельныя имущественныя права».

Ст. 5. Каждое селеніе, какъ мѣстный центръ общественной жизни, аналогичный съ городомъ и отличающійся отъ послѣдняго главнѣйшимъ образомъ только составомъ своихъ обывателей, образуетъ самостоятельное сельское общество.

Ст. 8. Въ составъ членовъ сельскаго общества входятъ всѣ постоянные обыватели селенія и приписанныхъ къ нему поселковъ, а равно и всѣ допущенные въ селеніи и этихъ поселкахъ союзы и установленія и всѣ лица, имѣющія недвижимое имущество или какое-либо заведеніе на правахъ собственности или иномъ долгосрочномъ правѣ въ чертѣ селенія и поселковъ.

Волости, по проекту коммиссіи, «не представляютъ достаточныхъ внутреннихъ условій для самостоятельнаго существованія, — составленныя изъ разрозненныхъ полосъ, обнимающихъ собою лишь болѣе или менѣе значительную часть входящей въ данныя границы территоріи, — не могли образовать, и въ дѣйствительности не образовали, живыхъ и цѣльныхъ самоуправляющихся единицъ; не удовлетворяютъ нуждамъ крестьянъ, дорого стоятъ и плохо выполняютъ функціи административнаго характера, имѣя большею частью во главѣ малограмотнаго старшину, являющагося покорнымъ орудіемъ въ рукахъ заправляющаго волостью писаря».

Ст. 1. Волость, какъ единица крестьянскаго общественнаго управленія, упраздняется.

Ст. 3. Вновь предположенная волость составляетъ «административно-территоріальное дѣленіе уѣзда». Она имѣетъ права юридическаго лица и никакихъ имущественныхъ правъ и право по самообложенію имѣть не можетъ. (Ст. 8). Содержится на счетъ уѣздныхъ земскихъ учрежденій и находится въ управленіи избираемаго уѣзднымъ земскимъ собраніемъ «волостеля».

Къ предметамъ вѣдомства волостеля относятся: завѣдываніе имуществами, принадлежащими уѣзднымъ земскимъ установленіямъ, и распоряженіе ихъ суммами въ предѣлахъ ими указанныхъ; утвержденіе приговоровъ сельскихъ сходовъ; всѣ исполнительныя дѣйствія въ чертѣ волости, наблюденіе за управленіемъ входящихъ въ составъ волости городскихъ поселеній, сельскихъ обществъ и сельскихъ кредитныхъ установленій и пр. Проектъ всесословной волости большинство коммиссіи безусловно считало нужнымъ отвергнуть, основываясь на затруднительности или даже

совершенной невозможности уравновѣсить интересы разныхъ группъ общинниковъ и крупныхъ владѣльцевъ, потребовало бы значительные расходы, непосильные для небольшой единицы, на управленіе и превышала бы силы уѣзднаго земства для наблюденія за ихъ дѣятельностью.

Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія изложены ярко и подробно въ извѣстной книгѣ В. Ю. Скалона, и сводъ земскихъ ходатайствъ въ трудѣ проф. Н. Карышева, и поэтому мы не будемъ останавливаться на этомъ обзорѣ, а только перечислимъ ходатайства, относящіяся до сельскаго устройства и управленія, до улучшенія матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго состоянія крестьянина.

Земства ходатайствовали объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ въ уѣздахъ съ большимъ процентомъ кр. населенія, объ исключеніи старшинъ, старостъ и писарей изъ числа лицъ, обладающихъ правомъ быть избранными въ гласные, объ освобожденіи навсегда гласныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, о запрещеніи наложенія на такихъ же гласныхъ взысканій властью исправника и ихъ ареста, о сокращеніи вліянія на кр. выборы непремѣнныхъ членовъ присутствій по кр. дѣламъ, объ облегченіи для грамотныхъ срока воинской повинности и уничтоженіи для нихъ тѣлеснаго наказанія, о привлеченіи штрафныхъ денегъ патентовъ и пр. на улучшеніе народной школы; по вопросамъ объ улучшеніи и расширеніи кр. землевладѣнія и друг. вопросамъ народнаго хозяйства ходатайствовали: о прикупкѣ дополнительныхъ надѣловъ, объ отмѣнѣ 165 ст., о мелкихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, объ отмежеваніи кр. угодій, объ оказаніи матеріальной помощи кр. внѣнадѣльнымъ арендамъ и переселеніямъ, объ открытіяхъ провинціальныхъ отдѣленій кр. банка, объ отмѣнѣ соляного акциза, о взаимномъ страхованіи скота, о разрѣшеніи совѣщаній земствъ (изъ коихъ разрѣшено только одно для борьбы съ вредными насѣкомыми и животными) о созданіи и расширеніи кредита, объ усиленіи контроля надъ ссудосберегательными товариществами, о временномъ перераспредѣленіи хлѣбныхъ запасовъ, сообразно большей или меньшей надобности въ нихъ той или другой мѣстности, о введеніи разнообразныхъ, приспособленныхъ къ мѣстнымъ требованіямъ измѣненій къ засыпкѣ магазиновъ, о контролированіи правильности выдачи ссудъ, о замѣнѣ хлѣбныхъ запасовъ денежными, находя послѣдніе лучшей гарантіей цѣлости продовольственныхъ капиталовъ, имѣть болѣе широкое право разсрочки ссудъ; по реформѣ мѣстныхъ кр. учрежденій земства заявляли, что мѣстныя управленія, основанныя на сословныхъ различіяхъ, не соотвѣтствуютъ болѣе условіямъ времени, что оно должно быть преобразовано на началахъ безсословности—общій судъ въ судебно-мировыхъ учрежденіяхъ, общее хозяйственное самоуправленіе въ земствѣ. До запроса м. в. д. о пригодности положенія 1874 г. 27 іюня большая часть земствъ ходатайствовала сперва объ исправленіяхъ, затѣмъ объ его уничтоженіи, при чемъ выражалось желаніе, для лучшаго успѣха реформы, привлечь земства къ выработкѣ новой организаціи мѣстнаго управленія.

Большое вниманіе въ ходатайствахъ земствъ обращала на себя реорганизація волости и волостного управленія или по типу административной единицы, безъ хозяйственныхъ задачъ и съ участіемъ въ управленіи общественнаго представительства, или всесословной волости—какъ мелкой земской единицы. Нѣкоторыя земства въ подобныхъ ходатайствахъ указывали, что «по всѣмъ вопросамъ, непосредственно касающимся крестьянъ, полезно было бы прежде всего знать ихъ собственное мнѣніе (Херс., Ковров.). Волостныя управленія въ настоящее время, потеряли то значеніе, которое имъ дано была пол. 19 февр. 61 г. и сдѣлались исполнительными органами всѣхъ возможныхъ финансовыхъ, полицейскихъ, административныхъ, судебныхъ и земскихъ учрежденій. Масса возложенныхъ на нихъ дѣлъ имъ не подъ силу, и это есть главная причина волостной безурядицы» (Херс. 82 г.).

Далѣе въ своихъ ходатайствахъ земства домогались сдѣлать правосудіе, нотаріатъ и размежеваніе болѣе доступными и удобными массѣ населенія.

Заботясь о матеріальныхъ интересахъ населенія, земство указывало и стремилось въ своихъ ходатайствахъ достигнуть установленія контроля церковными попечительствами надъ храненіемъ и расходованіемъ суммъ, собираемыхъ въ церквахъ; имѣть голосъ въ перераспредѣленіи и сокращеніи числа приходовъ, въ способахъ и размѣрахъ обезпеченія духовенства, въ урегулированіи отношеній духовенства къ прихожанамъ путемъ установленія таксъ за требы и право избранія священниковъ; указывалось на убытки населенія при лагерныхъ сборахъ вокругъ столицъ; объ этапной, подводной и постойной повинностяхъ при движеніи войскъ; объ облегченіи подводной повинности для передвиженія разныхъ государственныхъ чиновниковъ; на небходимость уравнительности затратъ на дорожную повинность: сдѣлать обязательнымъ участіе волостей, церковныхъ попечительствъ, частныхъ владѣльцевъ, казны и удѣла въ ремонтѣ такихъ дорогъ, разрѣшить самому земству производить въ помощь крестьянамъ расходы на тотъ же предметъ, объ освобожденіи несостоятельныхъ сельскихъ обществъ отъ уплаты за лѣченіе ихъ членовъ въ больницахъ другихъ земствъ. Останавливаясь на перечисленіи, по числу занимающихъ первое мѣсто, ходатайствъ земствъ, непосредственно относящихся къ крестьянскому вопросу, надо сказать, что далеко еще не исчерпываются ими всѣ нужды, такъ какъ и всѣ другія ходатайства по правамъ земствъ, по реформѣ мѣстныхъ управленій близко затрогиваютъ и крестьянское населеніе; общее число отклоненныхъ ходатайствъ составляютъ за время 1865—82 г. 52,4%, при чемъ по принципіальнымъ вопросамъ процентъ такихъ доходитъ до 86; многія изъ получившихъ удовлетвореніе разрѣшены были спустя 10—14 лѣтъ.

Послѣ изданія новаго 1890 г. Полож. о земск. учрежд. право возбуждать ходатайства предоставлено непосредственно только губернскимъ земствамъ. По ст. 87 губернаторамъ предоставлено право пріостанавливать постановленія земскихъ собраній какъ уѣзднаго, такъ и губернскихъ, когда усмотрятъ, что постановленіе собранія не согласно съ закономъ или на-

рушаетъ «кругъ вѣдомства, предѣлы власти, либо порядокъ дѣйствій земскихъ учрежденій» или «не соотвѣтствуетъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, либо ясно противорѣчитъ интересамъ мѣстнаго населенія». Отъ такой неясной и растяжимой редакціи весьма часто требовались разъясненія правител. сената о превышеніи власти губернаторовъ, не дававшихъ хода земскимъ ходатайствамъ, основываясь на вышеприведенной 87 ст. и циркулярѣ м. вн. д. 95 г. 10 февраля, что «всякое постановленіе, хотя бы и относящееся до предмета земскаго и городского вѣдѣнія, но имѣющее своею цѣлью установленіе порядка внѣ предѣловъ упомянутой территоріи или затрогивающее интересы всего государства, не можетъ почитаться законнымъ и дозволеннымъ».

Правител. сенатъ разъяснилъ (въ указѣ 72 г. 14 марта), что постановленіе земскаго собранія о принесеніи правительству ходатайства, какъ фактъ, независимо отъ содержанія ходатайства, не можетъ быть признано незаконнымъ, разсмотрѣніе же существа каждаго ходатайства земства и опредѣленіе, насколько предметъ этого ходатайства относится къ кругу дѣлъ, земству ввѣренныхъ, и соотвѣтствуетъ ли выражаемое земствомъ желаніе общимъ государственнымъ пользамъ, относится къ обязанности не губернскаго начальства, а тѣхъ высшихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій, къ коимъ обращено самое ходатайство».

Далѣе по поводу пріостановленія ходатайства тамбовскаго уѣзднаго земства объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ ученія въ земской школѣ, правител. сенатъ на жалобу тамбовской уѣздной управы постановилъ, что «разрѣшеніе вопроса о недѣйствительности и о признаніи неподлежащими дальнѣйшему исполненію и производству постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній о возбужденіи черезъ губернское земское собраніе предъ правительствомъ того или другого ходатайства, какъ относящихся къ категоріи постановленій, имѣющихъ своимъ предметомъ мѣстныя пользы и нужды, отъ усмотрѣнія губернатора не зависитъ».

Правит. сенатъ, своимъ указомъ 96 г., 11 окт. постановилъ: предписать губернатору направить дѣло въ установленномъ закономъ порядкѣ.

Также указомъ 98 г. 11 мая по жалобѣ на губернское присутствіе уфимскаго земскаго собранія за остановку его ходатайства, постановилъ: «Точный смыслъ постановленій земск. Полож. не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что губернатору не дано право собственною властью останавливать ходатайства земскихъ собраній и не представлять таковыя по назначенію, такъ какъ обсужденіе и разрѣшеніе вопросовъ о томъ, насколько ходатайства эти относятся къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ и заслуживаютъ ли они по существу своему уваженія—зависитъ отъ правительственныхъ лицъ и учрежденій, къ которымъ обращаются самыя ходатайства земскихъ собраній».

Ходатайства земскихъ собраній, исходя изъ насущныхъ требованій жизни, повторялись по всѣмъ вопросамъ, близко ихъ касавшимся, въ разныхъ концахъ Россіи, и не получая большею частью удовлетворенія или даже

отвѣта, не вызывали желанія у другихъ съ тѣми же нуждами заявлять свои требованія; въ общей сложности за всѣ 38 лѣтъ существованія земства они даютъ опредѣленную картину ихъ нуждъ и направленія ихъ желаній на принципѣ справедливости, внѣ сословныхъ и другихъ особыхъ привилегій.

Останавливаясь на исторіи земскихъ ходатайствъ, рузскій уѣздный комитетъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Замѣчается отсутствіе тѣсной связи и довѣрчивыхъ отношеній между правительствомъ и земствами.

2. Почти нѣтъ вопроса, возбуждаемаго теперь особымъ совѣщаніемъ и комитетами о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, котораго бы уже ранѣе не возбуждали различныя земства въ своихъ ходатайствахъ.

Согласно съ этими выводами рузскій комитетъ, по предложенію своего предсѣдателя, кн. П. Д. Долгорукова, постановилъ:

1. Довести до свѣдѣнія правительства, что въ интересахъ сельско-хозяйственной промышленности необходимо болѣе тѣсное взаимодѣйствіе и установленіе болѣе довѣрчивыхъ отношеній между правительствомъ и земствомъ, но чтобы послѣднее могло правильнѣй функціонировать и было бы дѣйствительно выразителемъ передъ правительствомъ мнѣнія земской Россіи, необходимо возстановить принципъ безсословности.

2. Если земства не будутъ запрошены особымъ совѣщаніемъ, то выразить пожеланіе, чтобы оно выдѣлило отдѣльную коммиссію, *пригласивъ въ нее представителей земствъ*, для пересмотра земскихъ ходатайствъ, не получившихъ удовлетворенія и имѣющихъ отношеніе до сельско-хозяйственной промышленности.

По этимъ ходатайствамъ особое совѣщаніе получитъ освѣщеніе многихъ помѣстныхъ нуждъ населенія, болѣе правильное, чѣмъ по спѣшнымъ работамъ комитетовъ съ ихъ случайнымъ составомъ.

Теперь мы перейдемъ къ подробному изложенію матеріаловъ губернскихъ совѣщаній, собранныхъ въ 1894 г. мин. внутр. дѣлъ и изданныхъ земскимъ отдѣломъ этого министерства въ 4 объемистыхъ томахъ, съ томомъ указателя узаконеній, относящихся къ устройству сельскаго состоянія съ 58—96 гг. Данныя губернскихъ совѣщаній собраны по программѣ, выработанной въ мин. внутр. дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго товар. мин. внутр. дѣлъ Сипягина, отъ мѣстныхъ совѣщаній—подъ предсѣдательствомъ начальниковъ губерній, изъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій, земскихъ начальниковъ и соотвѣтствующихъ имъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, а также другихъ лицъ, которыя могли бы оказаться полезными своими познаніями и опытомъ въ дѣлѣ.

«Предпринятая затѣмъ (*Правительственный Вѣстникъ,* № 12, 1902 года) въ центральномъ управленіи министерства подготовительная работа

была пріостановлена вслѣдствіе возникшихъ предположеній относительно новаго порядка этого дѣла».

«Въ 1900 г. Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть мин. внутр. дѣлъ егермейстеру Сипягину представить Его Императорскому Величеству соображенія о дальнѣйшемъ движеніи пересмотра узаконеній о крестьянахъ. По обсужденіи сего вопроса, признано необходимою задачей такой законодательной работы поставить измѣненіе въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства, лишь тѣхъ изъ существующихъ узаконеній о крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тѣмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался на почвѣ основныхъ началъ положенія 19 февраля 1861 г. и представлялъ собою дальнѣйшее ихъ развитіе.

«При этомъ, порядокъ выполненія упомянутаго законодательнаго труда установленъ, согласно Высочайше преподаннымъ Государемъ Императоромъ министру внутреннихъ дѣлъ указаніямъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) разработка законодательства о крестьянахъ возлагается на особыхъ должностныхъ лицъ центральнаго управленія мин. внутр. дѣлъ и распредѣляется по слѣдующимъ 4 отдѣламъ: а) общественнаго крестьянскаго управленія; б) землепользованія и гражданскихъ правъ сельскихъ обывателей; в) общественнаго хозяйства крестьянъ; г) волостного суда.

Затѣмъ въ пунктахъ 2—5 слѣдуютъ указанія порядка разработки законопроекта о крестьянахъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ мин. внутр. дѣлъ, особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ и въ государственномъ совѣтѣ.

На Высочайшее благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества подлежатъ представленію: а) программы, утвержденныя мин. внутр. дѣлъ для каждаго изъ указанныхъ въ 1 п. отдѣловъ, по мѣрѣ ихъ утвержденія и б) Всеподданнѣйшіе отчеты о ходѣ работъ отдѣловъ, редакціонныхъ коммиссій и особаго совѣщанія по истеченіи каждаго полугодія съ 1 января 1902 г.».

Хотя это офиціальное сообщеніе издано было въ январѣ 1902 г. за 10 дней до опубликованія открытія Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности мин. фин. и въ одинъ и тотъ же 1894 годъ опрошены были земства мин. землед. о нуждахъ сельскаго хозяйства, но въ сообщеніи ничего не отмѣчается о взаимной ихъ работѣ и о значеніи не менѣе цѣннаго матеріала 2-хъ послѣднихъ министерствъ по крестьянскому вопросу, получившихъ его отъ мѣстныхъ людей матеріалъ этотъ хотя и не такой детальный, но онъ болѣе широко захватываетъ предметъ; особенно это надо сказать о матеріалѣ только что окончившихъ свою работу уѣздныхъ комитетовъ о сельско-хозяйственной промышленности. Въ вопросахъ программы мин. внутр. дѣлъ нѣтъ намека о реорганизаціи губернскихъ и уѣздныхъ управленій, ни вопроса о всесословной волости и волостномъ судѣ, не говоря уже до относящихся сюда общихъ правовыхъ финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ.

Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній заключаетъ въ себѣ 66 вопросовъ, касающихся: узаконеній о сельскомъ и волостномъ управленіи (25 вопросовъ); правилъ о пріемѣ новыхъ членовъ и объ увольненіи ихъ изъ общества (5 вопросовъ); закона о семейныхъ раздѣлахъ (2 вопроса); постановленій объ опекахъ (4 вопроса); объ общественномъ призрѣніи (3 вопроса); о мірскихъ сборахъ и капиталахъ (7 вопросовъ); о землепользованіи (19 вопросовъ) и нотаріальной части въ селеніяхъ (1 вопросъ).

Сельское общество. При введеніи въ дѣйствіе Полож. 19 февраля образованіе сельскихъ обществъ обусловливалось сельскими грамотами, составленными помѣщиками и удѣльнымъ вѣдомствомъ и владѣнными записями управл. госуд. имущ. (ст. 40, 41 общ. Полож.). Слѣдовательно, въ основу раздѣленія сельскаго населенія на общества была положена принадлежность селенія или части его, или нѣсколькихъ смежныхъ селеній одному владѣльцу, и всѣ такимъ образомъ записанные въ одномъ выкупномъ актѣ, для удобства счета выкупныхъ платежей, образовали нераздѣльныя хозяйственно-административныя единицы.

Исходя изъ того положенія, что сельское общество совпадаетъ съ земельною общиной, Общ. Полож. (п. 6, ст. 51) предоставило вѣдѣнію сельскаго схода и дѣла, относящіяся до общиннаго пользованія мірской землей; такимъ образомъ, по буквѣ закона, право распоряженія мірской землей селенія, имѣющаго отдѣльное землевладѣніе, принадлежитъ въ одинаковой мѣрѣ и другимъ селеніямъ, входящимъ въ составъ общества.

Невѣдомый закону селенный сходъ, выдвинутый самой жизнью, былъ санкціонированъ многократно прав. сенатомъ по рѣшеніямъ отдѣльныхъ дѣлъ: 1) право распоряженія мірской землей въ тѣхъ селеніяхъ или отдѣльныхъ частяхъ одного и того же селенія, которыя, входя въ составъ одного сельскаго общества, владѣютъ землею не сообща, а по особымъ документамъ, принадлежитъ частному сходу тѣхъ крестьянъ, которымъ земля отведена въ надѣлъ, безъ всякаго участія остальныхъ односельцевъ и однообщественниковъ, имѣющихъ отдѣльное землевладѣніе (рѣш. пр. сен. 1884 г., Ѵ/1, Ѵ/22, XII/21); 2) отдѣльнымъ общинамъ должна быть предоставлена раскладка между своими домохозяевами всѣхъ земельныхъ повинностей (правит. сен. 1886 г., IѴ/22), и 3); отдѣльныя общины имѣютъ право уполномочивать повѣреннаго своимъ собственнымъ приговоромъ помимо сельскаго схода (прав. сен. 1875 г., III/20, II/8).

Благодаря неясности и неполнотѣ закона, произвольно толкуется, какія дѣла должны разсматриваться на частномъ, какія на общемъ сходѣ, и, несмотря на всѣ разъясненія, происходитъ отъ этого масса неудобствъ, частью сломанныхъ самой жизнью, частью до сихъ поръ составляющихъ неразрѣшимыя задачи.

При соединеніи совершенно различныхъ функцій сельскаго общества, общественно-хозяйственныхъ и административныхъ рѣдко можно найти удовлетворительное положеніе и распредѣленіе селеній, нормальныхъ по величинѣ.

Относительно большихъ сельскихъ обществъ, находящихся въ одномъ селеніи, губ. совѣщанія даютъ яркія картины безпорядка и даже полной невозможности рѣшать дѣла сельскимъ сходомъ.

Во многихъ губерніяхъ имѣется много селеній, въ которыхъ число домохозяевъ, съ правомъ голоса на сходѣ, простирается до нѣсколькихъ тысячъ. Наприм., въ Воронежской губ. есть уѣзды, гдѣ 91% всего числа государственныхъ крестьянъ живетъ въ сельскихъ обществахъ, имѣющихъ каждое болѣе 1,000 двор., а 43% крестьянскаго населенія Воронежской губерніи распредѣлены въ громадныхъ селахъ, начиная отъ 3,000 душъ обоего пола въ каждомъ и кончая Бутурлинскимъ сельскимъ обществомъ, Бобруйскаго у., въ которомъ 10,188 рев. д., а наличныхъ болѣе 30 тысячъ. Между тѣмъ Общ. Пол. о кр. 1861 г. и не предполагало возможности существованія обществъ въ 1,000 и болѣе душъ обоего пола; по его опредѣленію волость состоитъ отъ 300—2,000 душъ муж. п. (ст. 43 Общ. Пол.).

Ясное дѣло, что созывъ такихъ многолюдныхъ сходовъ и обсужденіе и разрѣшеніе въ такой толпѣ немыслимо. Зимой на морозѣ ждутъ по нѣсколько часовъ прихода отдаленно живущихъ (есть села до 9 верстъ въ длину—въ Тамбовской, Воронежской и др. губ.), и, конечно, въ селѣ нѣтъ помѣщенія для нѣсколькихъ сотъ и тысячъ народу. При слабомъ участіи въ дѣлѣ хозяевъ, тамъ оно попадаетъ въ руки міроѣдовъ.

Бываетъ такъ, что крестьяне одного и того же селенія составляютъ нѣсколько обществъ, причемъ нерѣдко случается, что часть селенія входитъ въ составъ другого селенія; одно и то же селеніе бываетъ причислено не только къ различнымъ волостямъ и къ различнымъ земскимъ участкамъ (Влад. г.), но и уѣздамъ (Самар. г.).

Въ Казанской губ. 54 сельскихъ общества, населеніе коихъ состоитъ изъ русскихъ и татаръ. Весьма часто бываютъ столкновенія при численномъ перевѣсѣ той или другой народности. Соединеніе въ одно общество крестьянъ разныхъ національностей вызываетъ часто затрудненія вслѣдствіе не только религіозныхъ, но и расовыхъ особенностей, преимущественно въ отношеніи пользованія мірской землей; такъ, наприм., татары крайне плохіе земледѣльцы и охотнѣе всего занимаются скотоводствомъ, для чего нужны обширныя пастбища; русскіе же, стремясь увеличить площадь запашки, постоянно встрѣчаются съ несогласіемъ татаръ. Коллизіи бываютъ и при выборѣ должностныхъ лицъ, такъ какъ отдѣльныя національности желаютъ имѣть старостой одного изъ своихъ.

Кромѣ недоразумѣній на почвѣ національности и вѣроисповѣданія, можно указать еще на другія обстоятельства, доказывающія, что образованіе очень большихъ сельскихъ обществъ вредно отражается на отдѣльныхъ его группахъ, не связанныхъ между собой общностью интересовъ; тогда общество состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ, какъ, наприм., владѣльцевъ общиннаго и подворнаго владѣнія.

По отношенію неудобствъ слишкомъ мелкихъ сельскихъ обществъ надо отмѣтить, что имъ затруднителенъ: выборъ должностныхъ лицъ, отправле-

ніе натуральной повинности; пополненіе особыхъ денежныхъ сборовъ, какъ, наприм., при выселеніи порочныхъ членовъ; исполненіе обязанностей призрѣнія, уплата за лѣченіе въ больницу (Ковенской, Костромской, Курской губ.); содержаніе народныхъ училищъ, подворныя повинности и пр.

Раскинутость селеній часто мѣшаетъ своевременному собранію общихъ сельскихъ сходовъ, и самые сходы отнимаютъ много времени у членовъ общины. Дѣла, касающіяся интересовъ отдѣльныхъ селеній и домохозяевъ, на общемъ сходѣ часто рѣшаются несправедливо и разсматриваются большинствомъ незнакомыхъ съ дѣломъ (Новг. г.).

Въ сельскихъ обществахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ селеній, но владѣющихъ землей по общему акту земельнаго устройства, главнымъ неудобствомъ является несправедливое распредѣленіе угодій, такъ какъ часто одно селеніе захватываетъ лучшія земли и угодья, а равнымъ образомъ селенія, ближайшія къ лѣсу, болѣе имъ пользуются, что ведетъ къ безконечнымъ спорамъ. Во многихъ случаяхъ селенія такого общества владѣютъ фактически землею особо и, съ обособленными совсѣмъ хозяйственными интересами, связаны съ остальными круговою порукой. Это естественно ведетъ къ накопленію недоимокъ, падающихъ на все общество. Самое большое неудобство еще представляютъ общества, сложившіяся изъ частей нѣсколькихъ деревень, не имѣющихъ, въ силу принадлежности въ былое время одному помѣщику, ни территоріальной связи, ни общихъ хозяйственныхъ интересовъ и часто далеко отстоящихъ другъ отъ друга— 12 верстъ (Новг., Тамб. г.).

Принимая въ соображеніе всѣ неудобства какъ мелкихъ, такъ и слишкомъ большихъ сельскихъ обществъ, губернскія совѣщанія, при соединеніи функцій административныхъ и хозяйственныхъ у сельскихъ обществъ, устанавливаютъ слѣдующія, наприм., нормы: Астр.—не болѣе 50 дв.; Волог.— 80—150 дв.; Вилен.—100 дв.; Ворон.—200 дв.; Вятск.—300 дв.; Гродн.— не менѣе 20 дв.; Минск.—300—350 душъ; Новгор.—40—100 двор. и 150—300 душъ, и Тамб. 400—500 душъ и т. п.

Нѣкоторыя губернскія совѣщанія распредѣленіе селеній, независимо отъ согласія сельскаго общества, считаютъ нужнымъ предоставить утвержденію губернскаго присутствія по представленію земскаго начальника, долженствующаго при этомъ принимать въ условіе разныя хозяйственныя, національныя и религіозныя особенности (Симб., Пск., Новг., Бессар. г.).

Бо̀льшая же часть губернскихъ совѣщаній къ устраненію неурядицы въ этомъ дѣлѣ предоставляетъ возможно бо̀льшую свободу самимъ сельскимъ обществамъ и считаетъ нужнымъ, упрощающимъ дѣло строгое различіе хозяйственной и административной сторонъ и считаетъ излишнимъ всякую нормировку: требуютъ непремѣнно иниціативы сельскаго общества и считаютъ допустимымъ раздѣленіе при желаніи даже одного селенія или нѣкоторой части его. Вотъ соображенія многихъ губернскихъ совѣщаній по этому дѣлу: сельское общество есть единица прежде всего хозяйственная, административное значеніе ея второстепенное. Принудительное перераспредѣленіе

сельскихъ обывателей на сельскія общества не могло бы быть осуществлено безъ существеннаго нарушенія ихъ имущественныхъ интересовъ и значительной хозяйственной неурядицы и несправедливости. Полезно предоставить самимъ сельскимъ обществамъ съ общаго согласія и съ утвержденія губернскаго присутствія соединяться въ одно сельское общество или раздѣляться на нѣсколько таковыхъ, при этомъ едва ли есть надобность (по ст. 41 Общ. Пол.) ограничивать образованіе особаго сельскаго общества извѣстнымъ минимальнымъ числомъ душъ. Бываютъ слишкомъ разнообразныя обстоятельства и мѣстныя потребности для этого (Харьк., Тульск., Сам., Ниж. г.).

Оставляя иниціативу раздѣла за самимъ обществомъ или частью его, правительственныя учрежденія избѣгнутъ всегда рискованнаго и нежелательнаго вмѣшательства въ хозяйственныя условія сельскаго быта, вопреки желанію самихъ крестьянъ (Сам. г.).

Въ Пермской губ., какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ сѣверо-восточной полосы Россіи, общинная жизнь, стѣсненная въ своемъ теченіи громадными размѣрами сходовъ, находитъ себѣ естественный выходъ въ образованіи болѣе мелкихъ хозяйственныхъ единицъ, такъ называемыхъ «десятенъ», «сотенъ».

Этотъ фактъ раздробленія крупныхъ сельскихъ обществъ, хотя и связанныхъ однимъ актомъ поземельнаго устройства, приводитъ къ давно сознанной необходимости отдѣлить, наконецъ, понятіе объ общинѣ земельной, каковою по преимуществу является сельское общество, отъ административной единицы (Перм. г.). Въ Псковской губ. сельскіе сходы на практикѣ уже выдѣлили изъ себя особые селенные сходы, которые вѣдаютъ все, касающееся хозяйственныхъ распорядковъ внутри даннаго селенія, слѣдовательно, оставалось бы узаконить то, что уже установила сама жизнь, и съ этой цѣлью необходимо было бы разграничить компетенцію сельскихъ и селенныхъ сходовъ.

Въ Тамбовской губ. для земельныхъ дѣлъ практика выработала въ крупныхъ (болѣе 1,000 душъ) обществахъ дѣленіе на части, называемыя сотнями или концами. Хотя по ст. 47 Общ. Пол. всѣ земельные дѣла установлено рѣшать на сельскомъ сходѣ и эти сотенные сходы закономъ не предусмотрѣны, такъ какъ они не относятся ни къ виду такъ называемыхъ селенныхъ сходовъ, допускаемыхъ для частей общества, пользующагося своими надѣлами по особымъ отъ прочихъ частей документамъ, ни къ виду такъ называемыхъ участковыхъ сходовъ, допускаемыхъ тогда, когда участокъ распоряжается своей землей съ самаго введенія Полож. 19 февраля.

Ярославское и нижегородское губернскія совѣщанія для селенныхъ обществъ допускаютъ какой бы то ни было размѣръ—въ 2—3 двора, minimum по сенатскому указу. Тульское губернское совѣщаніе считаетъ желательнымъ облегчить образованіе новыхъ сельскихъ обществъ, съ согласія на выселеніе не менѣе 10 дворовъ, съ утвержденія губернскаго присутствія,

съ отведеніемъ имъ соразмѣрнаго количества земли въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла.

Дѣла, которыя должно предоставить въ самостоятельное завѣдываніе селенныхъ сходовъ, слѣдующія:

а) всѣ дѣла, возникающія изъ землепользованія и связанныя съ нимъ права и обязанности каждаго крестьянина по отношенію къ общинѣ; передѣлы, скидка, накидка, распоряженіе вымороченными участками, семейные раздѣлы; раздѣлы на постоянные участки;

б) пріемъ новыхъ членовъ въ составъ населенія съ надѣленіемъ землей;

в) сборы хозяйственныя, учеты сборщиковъ; принятіе мѣръ къ предупрежденію недоимокъ и взысканій, гдѣ существуетъ круговая порука; опека надъ сиротами, разверстка натуральной повинности;

г) назначеніе сборщиковъ податей, смотрителя хлѣбнаго магазина, выборныхъ на сельскій сходъ;

д) дѣла по благоустройству селенія: ночные караулы, устройство пожарной части, разрѣшеніе винной торговли;

д) принесеніе жалобъ и ходатайства по дѣламъ общины (Волог., Минск., Ряз., Тамб., Яросл., Олон. и др.).

Вѣдѣнію сельскаго общества подлежатъ:

а) выборы сельскихъ должностныхъ лицъ и выборныхъ на волостной сходъ;

б) назначеніе и раскладка мірскихъ сборовъ и другихъ, не касающихся непосредственно земельныхъ общинъ, входящихъ въ составъ административной единицы сельскаго схода;

в) совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи, обученіи грамотѣ, по устройству и поддержкѣ церковныхъ зданій;

г) учетъ должностныхъ лицъ, выбранныхъ сельскимъ обществомъ (Волог., Яросл., Витеб.)

Ярослав. губ. сов. пришло къ тому заключенію, что административное общество должно утратить существующій нынѣ въ сельскихъ обществахъ сословный характеръ и должно превратиться въ территоріальную единицу, имѣющую строго опредѣленныя границы; причемъ въ составъ общества входили бы не только крестьяне, но и прочіе сельскіе обыватели, перечисленные въ п. 8 мн. госуд. сов. 89 г. VI—12, постоянно проживающіе въ обществѣ: мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, такъ какъ лица эти наравнѣ съ крестьянами пользуются услугами общественнаго сельскаго управленія и волостного суда, а съ другой стороны, по своему образу жизни, по своимъ нуждамъ и интересамъ не отличаются отъ окружающаго ихъ крестьянскаго населенія. Вполнѣ справедливо было бы, какъ привлечь ихъ къ несенію мірскихъ сборовъ и повинностей, такъ и предоставить имъ то право участія въ раскладкѣ этихъ сборовъ и въ рѣшеніи тѣхъ общественныхъ вопросовъ, которые входятъ въ кругъ вѣдѣнія административныхъ обществъ.

Волость. Образованіе волостей обусловлено: 1) указаніемъ закона (ст. 43 общ. Полож.), опредѣлившаго минимальное и максимальное число душъ въ волости 300—2,000 душъ, 2) тѣмъ соображеніемъ, чтобы селенія временно обязанныхъ крестьянъ включить въ одну волость, удѣльныхъ—въ другую, а государственныхъ—въ третью; по ст. 44 того же Положенія имѣлось въ виду совпаденіе волости съ церковными приходами. Большинство волостей оказалось образованными въ составѣ, значительно превышающемъ эту норму; съ увеличеніемъ же населенія и съ приходомъ другихъ элементовъ несоотвѣтствіе состава волостей съ положеніемъ закона—служить волости только приписному крестьянскому населенію,—стало еще значительнѣе.

Губер. совѣщанія указываютъ на слѣдующіе недостатки образованія волостей: прежнія волости бывшихъ временно обязанныхъ, удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ во многихъ уѣздахъ безполезно и неправильно растянулись, причемъ вовсе не принималось въ разсчетъ географическое положеніе, равномѣрность, центральность путей сообщенія, хозяйственные и торговые интересы (Черн., Вил., Сам.).

По пространству и плотности населенія волости встрѣчаются въ 10 и болѣе разъ одна другой, также по числу сельскихъ обществъ; мірской сборъ въ одномъ уѣздѣ на волости колеблется на душу въ отношеніи 1:4.

Далѣе губ. совѣщ. останавливаютъ вниманіе на удобствахъ и неудобствахъ малаго и большого размѣра волостей при настоящемъ ихъ положеніи—низшаго органа въ іерархіи мѣстныхъ государственныхъ учрежденій—и тщетно ищутъ норму. Одни не болѣе 2,000—3,000 душъ (Оренб., Уфим., Тульск., Гродн., Витеб.), другія 10—20 тыс. (Ворон., Черн., Курск.) указываютъ нормальные радіусы ея 10—15 в. (Кур., Черн.) отъ волостного правленія въ видахъ удобства надзора и сношеній съ нимъ. Мелкія волости, при настоящемъ ихъ полицейско-административномъ характерѣ, и менѣе всего общественно-хозяйственномъ, обременяютъ для населенія содержаніе управленія, берущаго часто съ обязательными повинностями до 80% всѣхъ волостныхъ (по закону 12 іюля 1889 и 93 гг. 1 ноября фиксація жалованья сельскимъ и волостнымъ должностнымъ лицамъ).

При большаго размѣра, по населенію и объему, волостяхъ замѣчается медленность и упущеніе въ дѣлахъ по приведенію въ исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ, собранія схода, сбора денегъ и проч. Нерѣдко встрѣчаются волостныя правленія, расположенныя на далекомъ разстояніи отъ торговыхъ и другихъ дорогъ, а также становыхъ квартиръ, такъ что кромѣ подводной повинности, отбываемой при волостномъ правленіи, крестьяне ставятъ еще подводы на извѣстныхъ проѣздныхъ пунктахъ и становыхъ квартирахъ, что также вызываетъ непосильные для нихъ расходы (Твер.).

Управленіе крупными волостями, съ 5 и болѣе тыс., не подъ силу малограмотнымъ должностнымъ лицамъ, обсужденіе дѣлъ на многолюдныхъ сходахъ нерѣдко отражается на правильности рѣшенія дѣлъ и такіе сходы часто дѣлаются слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ низшихъ органовъ управленія.

(Примѣръ: предписаніе, вопреки сходу, завести при волостномъ правленіи племенныхъ быковъ въ Могил. губ.).

Не можетъ старшина выполнить свои обязанности и близко стоять къ нуждамъ и интересамъ входящихъ въ составъ волости сельскихъ обществъ; учрежденіе должности помощника старшины не можетъ устранить этого неудобства, ибо главные функціи вол. старшины должны быть сосредоточены въ одномъ лицѣ.

Указанныхъ неудобствъ, при организаціи сельскихъ обществъ, разныя народности и религіи въ волости, по многочисленнымъ заявленіямъ губернскихъ совѣщаній, неудобствъ не представляютъ (Гродн., Оренб., Уфим.).

По вопросу о порядкѣ измѣненія размѣровъ волости одни губернскія совѣщанія не усматриваютъ поводовъ къ измѣненію для сего закона, такъ какъ это можно упорядочить согласно ст. 42—44 общ. Полож. и п. 7 ст. 54.

Еще 2 мнѣнія губернскихъ совѣщаній: 1), что, помимо инціативы волостныхъ сходовъ, предоставить губернскому присутствію производить раздѣлъ и соединеніе волости; 2), что непремѣнно нужна иниціатива и приговоръ тѣхъ сельскихъ обществъ, которыя живутъ въ волости, такъ какъ крайне затруднительно опредѣленіе нормальной величины волости и всѣхъ мѣстныхъ условій, ликвидированіе дорого стоящихъ построекъ волостного правленія и проч.

Сельскій сходъ. Вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ дѣла, касающіяся общественнаго землевладѣнія и благоустройства. По Положенію 19 февраля, какъ это видно изъ трудовъ редакц. коммиссіи, признано «образовать сходы изъ всѣхъ домохозяевъ, а не выборныхъ, имѣя въ виду дарованіе обществамъ возможно полнаго и дѣйствительнаго самоуправленія общественнаго и возможно большаго устраненія вліянія администраціи на мірскія дѣла», и предоставленія сельскому сходу полной самостоятельности, установивъ кассацію только тѣхъ приговоровъ ихъ, которые по содержанію своему выходятъ изъ круга дѣлъ, предоставленныхъ пр. 3 ст. 51 общ. Полож.

Затѣмъ законами 1866 г., 1874 г. и 1889 г. 12 іюля Полож. о земск. нач. ст. 25, 30, 31 требуется обязательное утвержденіе земскимъ начальникомъ и уѣзднымъ съѣздомъ всѣхъ приговоровъ, касающихся взиманія, храненія и расходованія сборовъ, учета должностныхъ лицъ, передѣловъ земли, удаленія порочныхъ членовъ и вообще всѣхъ приговоровъ, нарушающихъ законъ и права членовъ общества или же клонящихся къ явному ущербу общества (ст. 31).

Губерн. сов. даютъ яркую картину большого безпорядка, постоянныхъ недоразумѣній и нарушеній закона въ составѣ и организаціи сельскаго схода.

Въ законѣ (ст. 47 общ. Полож.) нѣтъ опредѣленнаго понятія—крестьянинъ-домохозяинъ. Эта неопредѣленность повела толкованіе правительствующаго сената 84 г. 30—V, что подъ словомъ домохозяинъ слѣдуетъ понимать главу семьи, независимо отъ его земельнаго владѣнія въ обществѣ.

Затѣмъ ни въ сельскихъ обществахъ, ни въ волостномъ правленіи не ведется списковъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сельскихъ сходахъ, и въ законѣ не указано порядка веденія такихъ списковъ.

По отношенію состава сходовъ губернскія совѣщанія отмѣчаютъ, что часто участвуютъ не домохозяева, а члены ихъ семействъ, не достигшіе гражданскаго совершеннолѣтія, участвуютъ опороченные судомъ, недоимщики, становящіеся судьями самимъ себѣ и тормозящіе принятіе мѣръ по взысканію недоимокъ, далѣе пьяницы и сутяги (Арх., Волог., Пск.).

По возрасту—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 21 г., въ другихъ отъ 25 л. (Бес.).

Безземельные въ меньшей части губерній совсѣмъ не допускаются на сходъ (Арх., Астр., Бесс., Вил., Оренб., Перм., Тавр.), въ остальныхъ большею частью допускаются—по обсужденію раскладокъ натуральной повинности, при избраніи должностныхъ лицъ и опредѣленія той части мірскихъ сборовъ, которая ихъ, безземельныхъ, также касается: наемъ пастуха, карауловъ и т. п.

При отсутствіи домохозяевъ участвуютъ младшіе члены и даже малолѣтніе (Вил., Вол., Каз.), также въ приговоръ записываются отсутствующіе домохозяева и даже умершіе (Твер., Сам.).

Крестьяне смотрятъ на сходы, какъ на натуральную повинность, и не совсѣмъ охотно являются на нихъ, чѣмъ въ извѣстной степени и объясняется участіе лицъ, по закону не имѣющихъ права голоса на сходѣ (для счета голосовъ) (Смол. г.)

Обыкновенно списковъ могущихъ участвовать на сходахъ нѣтъ. На сходѣ крайне рѣдко повѣряютъ число и права домохозяевъ; сельскіе писаря знаютъ, что явилась $^1/_3$ или $^1/_5$ домохозяевъ, и всетаки пишутъ приговоръ отъ законнаго числа $^2/_3$ по требованію самого схода (Сам.).

Одни придерживаются числа дворовъ, показанныхъ по исправленнымъ уставнымъ грамотамъ, въ другихъ—нынѣ существующихъ дворовъ и даже самовольно раздѣлившихся (Мин., Тв., Вят., Екат.).

Такая неопредѣленность состава схода,—говоритъ полтавское губернское совѣщаніе,—ведетъ на практикѣ къ крайней безпорядочности, замѣчаемой при обсужденіи вопросовъ и постановленіи по нимъ приговоровъ.

Можно безошибочно сказать, что огромное большинство общественныхъ приговоровъ является не результатомъ сознательнаго и обдуманнаго рѣшенія большинства, а результатомъ вліянія немногихъ воротилъ, сумѣвшихъ повліять на большинство схода, а въ худшемъ случаѣ, сумѣвшихъ искусственно создать его. Нѣтъ ни одного общественнаго приговора, затрогивающаго какой-либо жизненный интересъ членовъ, чтобы на него не поступало массы жалобъ. Особенно это можно сказать про приговоры, кои, въ силу ст. 54 общ. Полож., должны быть постановлены $^2/_3$ голосовъ. (Полт.). Многія другія губернскія совѣщанія указываютъ также на вредное вліяніе міроѣдовъ, крикуновъ, «коштановъ» (Вят.), горлановъ, «глотовъ» (Ряз.). Требованіе участія всѣхъ домохозяевъ ведетъ къ фиктивнымъ при-

говорамъ, будто бы участвовало 400—500 членовъ, а между тѣмъ въ сущности были только тѣ, которые могли помѣститься въ тѣсной сборной избѣ, носящей названіе «шумовой» (Вол.).

Могил. губернское совѣщаніе считаетъ существеннымъ недостаткомъ то, что на обязанности сельскихъ сходовъ возлагается разрѣшеніе дѣлъ, которыя для схода не представляютъ интереса и значенія и потому рѣшаются на удачу, подъ вліяніемъ соображеній, чуждыхъ дѣлу; сходъ по такимъ дѣламъ собрать не легко, если не предложить ему угощеніе, и приговоръ составляется путемъ собранія подписей по домамъ.

Въ большихъ обществахъ созывъ схода составляетъ тяжелое бремя; зимою, осенью, не имѣя помѣщенія, употребляется на сходъ цѣлый день. Поэтому съ виновниковъ схода считаютъ въ правѣ крестьяне получить вознагражденіе за трудъ обыкновенно виномъ; отсюда привычка пить вино на сходѣ (Нпж., Перм.).

Половина губернскихъ совѣщаній видитъ главную причину безпорядочности сельскихъ сходовъ въ вѣчевой ихъ организаціи и предлагаетъ замѣнить ее выборною, ради большаго порядка и надзора на сходѣ, и оставить только общіе селенные сходы для дѣлъ, касающихся землепользованія. Другія еще меньше удѣляютъ выборнымъ лицамъ, представляя ихъ вѣдѣнію исключительно административныя дѣла; за предпочтеніе общаго схода выставляются слѣдующіе мотивы: болѣе разностороннее обсужденіе дѣлъ; принимаются тогда во вниманіе интересы всѣхъ, избѣгается вліяніе кулаковъ, легко попадающихъ въ выборные, при выборахъ могутъ быть подкупы, въ рукахъ старшинъ могутъ выборные быть орудіемъ, выборное начало не имѣетъ никакихъ основаній въ народныхъ обычаяхъ и воззрѣніяхъ, обратилось бы въ формализмъ и пр.; другія же совѣщанія, напротивъ, указываютъ на коренной обычай населенія рѣшать дѣла группой «стариковъ».

Еще губернское совѣщаніе останавливается на нѣкоторыхъ разнообразныхъ порядкахъ и чертахъ сельскихъ сходовъ: необходимости ограничить представительство 1 членомъ на сходѣ многотягольныхъ дворовъ во избѣжаніе преобладающаго вліянія зажиточныхъ крестьянъ (Волын., Нижег.) необходимости веденія и провѣрки списковъ членовъ схода и порядка передачи голоса, указаннаго въ законѣ, но не примѣняемаго.

Интересны взгляды губернскаго совѣщанія на вопросъ лишенія временнаго права голоса нѣкоторыхъ членовъ, предоставленнаго закономъ сходу, и на право участія женщинъ на сходѣ.

Правомъ устраненія вредныхъ лицъ со схода не пользуются обыкновенно крестьяне, боясь мести и дурныхъ отношеній (Астр., Влад., Новг., Орл., Смол.). Обычно не замѣчается стремленія къ умаленію правъ сочленовъ, а напротивъ, порядочные члены сами устраняются отъ сходовъ, не считается даже наказаніемъ эта мѣра, а напротивъ, сходы, особенно волостные — обременительной обязанностью. Большинство губернскихъ совѣщаній къ примѣненію этого права относится весьма осторожно: по мнѣнію орловскаго губернскаго совѣщанія, «всякая искус-

ственная мѣра является излишней и опасной, какъ почва для злоупотребленій. Одинъ законъ можетъ съ безпристрастностью исключить членовъ отъ участія на сходѣ».

Никакой регламентаціей устранить эти недостатки нельзя, такъ какъ обусловлено это низкой степенью умственнаго развитія народа (Перм.). «Замѣченные недостатки всѣхъ вообще крестьянскихъ сходовъ—извѣстная степень ихъ внѣшней безпорядочности, увлеченіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ «угощеніями» и вызываемыя этимъ обстоятельствомъ злоупотребленія, обусловливаются не столько недостатками дѣйствующаго закона, сколько самой природой крестьянской среды, измѣнить которую можетъ лишь сама жизнь, съ поднятіемъ уровня народнаго развитія. Въ виду сего, возможно рекомендовать лишь очень немногія законодательныя мѣры къ упорядоченію крестьянскихъ сходовъ. Съ этой цѣлью представляется желательнымъ ввести нѣкоторыя ограниченія права участія на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, не распространяя, однако, этихъ ограниченій на сходы селенные, вѣдающіе дѣла строго-хозяйственныя, непосредственно затрогивающія интересы и потому подлежащія обсужденію всякаго домохозяина» (Смол.).

Устраненіе недоимщиковъ повлечетъ за собой исключительное преобладаніе болѣе зажиточныхъ дворовъ (Смол., Тавр.).

«Непонятно крестьянамъ и данное имъ право лишать того или другого домохозяина права голоса на сходѣ на извѣстный срокъ. Къ чему это, когда можно просто не слушать, т.-е. не придавать его мнѣнію никакого значенія,—а если онъ особенно надоѣдаетъ, то просто выпроводить его со схода» (Самар.).

Хотя существующія законоположенія и не представляютъ и вѣрнѣй не опредѣляютъ права участія женщинъ, но такое участіе надо считать твердо установившимся и вполнѣ обычнымъ дѣломъ; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ допускаются женщины на сельскіе сходы съ ограниченіями правъ, въ другихъ—наравнѣ съ мужчинами. Напримѣръ, условіемъ допущенія служитъ веденіе полнаго хозяйства при надѣлѣ землей и отбываніе за долговременнымъ отсутствіемъ или смертью мужа, или отца—всѣхъ повинностей (Арх.); только по дѣламъ земскаго устройства и во время отсутствія домохозяина допускается въ большей части губерній, а во многихъ губерніяхъ по всѣмъ дѣламъ.

Безъ такого допущенія, въ большинствѣ случаевъ, за отлучкой на заработки почти круглый годъ большинства крестьянъ, не представилось бы возможнымъ составить сельскіе сходы исключительно только изъ крестьянъ, даже и при условіи передачи голоса однимъ домохозяиномъ другому (Влад.).

При обсужденіи дѣлъ на селенныхъ сходахъ участвуютъ и женщины-домохозяйки (вдовы), хотя по преимуществу по дѣламъ относительно передѣловъ земли, содержанія изгородей и раскладки повинностей, но всегда на правахъ полноправныхъ членовъ схода. Съ своей стороны женщины-домохозяйки, наравнѣ съ мужчинами, отправляютъ и всѣ натуральныя по своему селенію повинности: исправляютъ изгороди, несутъ службу ноч-

ныхъ караульщиковъ и деревенскихъ выборныхъ. На сельскихъ же сходахъ, за небольшими исключеніями, не участвуютъ, кромѣ случаевъ личныхъ о чемъ-либо передъ сходомъ ходатайствъ (Вятск., Яросл., Курс., Херс., Сам. и др.).

Указывается кромѣ того на пользу присутствія женщинъ на сельскихъ сходахъ, какъ элемента до нѣкоторой степени сдерживающаго пьянство и имѣющаго хорошее нравственное вліяніе на рѣшеніе дѣлъ. Поэтому въ интересахъ пользы и справедливости слѣдуетъ дополнить ст. 47 Об. Пол. правомъ участія женщинъ на сельскихъ сходахъ.

Волостные сходы мало остановили вниманіе губер. совѣщаній, главнымъ образомъ потому, что въ крестьянской жизни они играютъ второстепенную, больше формальную роль. По мнѣнію губер. совѣщаній, имъ свойственны тѣ общіе недостатки и характерныя черты, которыя носятъ сельскіе сходы.

Волостной сходъ состоитъ по закону изъ выборныхъ по 1 на 10 дворовъ и считается законнымъ, если $^2/_3$ выборныхъ и старшина налицо.

Вмѣсто выбора обыкновенно назначается очередь и отправленіе обязанности быть выборнымъ является во взглядахъ населенія тяжелой натуральной повинностью (Новг., Сам., Твер., Перм.) и бываютъ ими не лучшіе люди (Ков.).

Главный и самый существенный недостатокъ въ томъ, что выборные большею частію неграмотные, не усвоили до сихъ поръ—и едва ли когда усвоятъ—свои права и обязанности (Мин., Вол.).

Должностными лицами волостного правленія изъ личныхъ выгодъ приглашаются на волостные сходы не всѣ выборные, а законное число ихъ $^2/_3$; на приговоръ объ избраніи должностныхъ лицъ, назначеніе содержанія почти всегда вліяетъ угощеніе водкой и денежное вознагражденіе заправиламъ сходовъ—крикунамъ (Витеб.).

Принимая въ соображеніе, что волостной сходъ не имѣетъ большого значенія въ хозяйственной жизни крестьянства, ограничиваясь лишь выборомъ должностныхъ лицъ и раскладкой мірскихъ сборовъ, часть которыхъ идетъ не на спеціально-крестьянскія нужды, надлежитъ признать, что введеніе какихъ-либо измѣненій въ дѣйствующія постановленія о волостныхъ сходахъ едва ли необходимо (Екатер.).

Изъ мѣръ, упорядочивающихъ волостной сходъ, большинство губер. совѣщаній предлагаетъ уменьшеніе числа выборныхъ вдвое, втрое противъ настоящихъ требованій; нѣкоторые признаютъ желательнымъ назначеніе штрафа за неявку на сходъ, обязательное требованіе быть выборному грамотнымъ, освобожденіе ихъ, на все время нахожденія въ званіи выборнаго, отъ тѣлеснаго наказанія; еще является справедливымъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда устанавливается мірской сборъ съ внѣнадѣльной земли, организовать представительство на волостномъ сходѣ владѣльцевъ облагаемыхъ внѣнадѣльныхъ земель (Смол.).

Имѣя въ виду, что многія лица, подчиненныя по своей осѣдлости во

лостному правленію и суду, пользуются услугами этихъ учрежденій, не неся никакого расхода на ихъ содержаніе и не отбывая натуральныхъ повинностей, казалось бы совершенно правильнымъ привлечь ихъ къ участію въ расходахъ на эти и иныя учрежденія, находящіяся къ ихъ услугамъ въ волости, и въ такомъ случаѣ было бы весьма справедливо привлечь ихъ къ отбыванію обязанностей выборныхъ волостного схода. (Сар.).

Должностныя лица сельскаго и волостного управленія, имѣющія главное значеніе: 1) волостные старшины, 2) волостные писаря, 3) волостные судьи и 4) сельскіе старосты.

Губ. Сов. даютъ много данныхъ къ характеристикѣ положенія и организаціи этихъ должностныхъ лицъ и указаній многихъ ненормальностей, происходящихъ отъ неопредѣленности, крайней многосложности работы, порученной лицамъ съ ограниченнымъ развитіемъ, сильнаго преобладанія административныхъ функцій въ ихъ работѣ въ ущербъ общественно-хозяйственныхъ, сильной зависимости отъ крестьянъ и приниженности отъ разнаго рода начальствъ.

Тамб. губ. сов., какъ и другія, даютъ такую характеристику с. старосты, перваго лица въ деревнѣ. Ни одно событіе въ деревнѣ, мало мальски выходящее изъ обычной жизни, не обходится безъ участія старосты, да и обычная жизнь сельчанъ постоянно требуетъ его участія: ссора ли между сосѣдями изъ-за птицы или скотины; поврежденіе городьбы или огорода, производится ли опись должника, пожелало ли семейство дѣлиться, заѣхало ли въ деревню должностное лицо и проч. проч.,—все это не обходится безъ старосты. Словомъ перечислить всѣ обязанности сельскаго старосты не представляется ни малѣйшей возможности.

Очевидно, что при такой постоянной отвѣтственности и разносторонней дѣятельности весьма важно, чтобы личныя достоинства старосты были на довольно высокомъ уровнѣ и соотвѣтствовали бы предъявляемымъ къ нему со всѣхъ сторонъ требованіямъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы это было такъ на самомъ дѣлѣ: въ большинствѣ случаевъ—или по крайней мѣрѣ, нерѣдко,—на должность старосты избираются люди, негодные къ отправленію этихъ обязанностей, и они часто увольняются, да иначе и быть не можетъ.

На самомъ дѣлѣ, кто изъ независимыхъ, зажиточныхъ, авторитетныхъ крестьянъ, заслужившихъ уваженіе и почетъ въ своей средѣ (а такихъ именно и желательно видѣть въ средѣ старостъ), добровольно пойдетъ на эту должность? Во-первыхъ, она или вовсе не вознаграждается, или вознаграждается крайне скудно, а между тѣмъ убытки, и убытки немалые для домохозяина, попавшаго въ старосты, несомнѣнны, и вѣчно находится онъ подъ опасеніемъ административнаго взысканія».

Волостной старшина, блюститель порядка, спокойствія и благочинія въ волости (ст. 81 Общ. Пол.) и руководитель, такъ сказать, общественнаго самоуправленія въ дѣйствительности — рабъ произвола волостныхъ заправилъ.

Будучи поставленъ въ зависимость отъ волостного схода, какъ въ отношеніи избранія на новое 3-хлѣтіе, такъ равно и въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія, избранный сплошь и рядомъ не за личныя нравственныя качества, а изъ-за предложеннаго сходу угощенія, какъ это повсемѣстно практикуется въ волостяхъ, вол. старшина, хотя бы и самый распорядительный и энергичный въ началѣ своей службы, къ концу ея или дѣлается апатичнымъ къ своимъ обязанностямъ, не разсчитывая быть избраннымъ на новое трехлѣтіе въ должность, или мирволитъ заправиламъ и вожакамъ схода по разнаго рода дѣламъ, производящимся въ вол. правленіи, съ цѣлью заручиться ихъ содѣйствіемъ при новыхъ выборахъ. (Витеб., Бес., Вол., Нижег.). Лучшіе люди уклоняются (Гродн.). Ради безпристрастнаго и свободнаго выбора губ. сов. рекомендуютъ закрытую баллотировку при выборахъ старшинъ и другихъ должностныхъ лицъ.

Положеніе должностныхъ лицъ слишкомъ затруднительно вслѣдствіе многочисленныхъ обязанностей полицейскаго характера, на нихъ возложенными, и одновременной подчиненностью мѣстнымъ административнымъ и полицейскимъ властямъ (Орл.).

Наиболѣе существенные недостатки: подчиненіе въ дисциплинарномъ отношеніи двумъ властямъ—земскому начальнику и исправнику (Пен.).

Законъ 27 іюня 1874 г., замѣнившій единоличную власть мировыхъ посредниковъ учрежденіемъ уѣзднаго присутствія, предоставилъ уѣзднымъ исправникамъ, въ дѣлахъ по взысканію повинностей, дискреціонную власть надъ должностными лицами вол. и с. управленія. Озабоченные исключительно безнедоимочнымъ поступленіемъ повинностей, чины полиціи, упуская изъ виду другія не менѣе важныя обязанности, возложенныя на старшинъ и старостъ, требовали, чтобы они сосредоточили все свое вниманіе на возможно быстромъ сборѣ повинностей. Не соображаясь съ общими условіями дѣятельности этихъ дожностныхъ лицъ, пренебрегая даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ особенностями данной мѣстности, въ зависимости отъ которыхъ находится поступленіе повинностей, уѣздные исправники, по представленіямъ становыхъ приставовъ, въ случаѣ неудовлетворительнаго, по мнѣнію послѣднихъ, поступленія повинностей, широко пользовались своей властью, отправляя подъ арестъ цѣлыми десятками старшинъ и старостъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существовалъ даже такой порядокъ, что, находя усилія должностныхъ лицъ по взысканію податей недостаточно энергичными, становые пристава при рапортѣ отправляли вол. старшинъ въ полицейское управленіе, не дожидаясь распоряженія исправника. Бывали даже случаи отправки вол. старшинъ подъ арестъ въ городъ этапнымъ порядкомъ. Легко понять, насколько такія мѣры роняли достоинство должностныхъ лицъ въ глазахъ ихъ самихъ, такъ и въ особенности населенія (Перм.).

Въ особенности считается унизительнымъ для вол. старшинъ, предсѣдателей судовъ и вол. судей—заключеніе подъ арестъ при вол. правленіяхъ, становыхъ квартирахъ или въ арестантскихъ помѣщеніяхъ при поли-

цейскихъ управленіяхъ, совмѣстно съ крестьянами, забранными за пьянство или за проступки уголовнаго характера. Отбытіе подобныхъ арестовъ лицами волостого и сельскаго управленія по единоличному административному распоряженію начальства, не подлежащему обжалованію, дискредитируетъ ихъ въ глазахъ подвѣдомственнаго населенія (Смол.).

Волостные старшины сдѣлались, силою обстоятельствъ, низшими исполнительными агентами всѣхъ вѣдомствъ въ губерніи и уѣздѣ. Сколько-нибудь сознательное и активное участіе старшины въ дѣлахъ волости требовало бы отъ него выдающейся энергіи и административныхъ способностей. Неудивительно поэтому, если вол. писаря пріобрѣтаютъ вліяніе на дѣла волости, и вол. старшины, запутанные массой предписаній, запросовъ и другихъ бумагъ, превращаются въ простыхъ рукоприкладщиковъ (Перм.).

Кругъ вѣдомства вол. старшинъ настолько неопредѣленно широкъ, что въ немъ находятъ себѣ мѣсто всевозможныя порученія чуть ли не всѣхъ вѣдомствъ: старшину безпрестанно вызываютъ въ городъ—то полиція по предметамъ поступленія выкупныхъ платежей и засыпки хлѣбозапасныхъ магазиновъ, то земская управа по дѣламъ страхованія, то воинскій начальникъ по дѣламъ воинской повинности; старшина провѣряетъ права торговли, сопровождаетъ податного инспектора и страховыхъ агентовъ, исполняетъ порученія полиціи по взысканію гербовыхъ сборовъ, составляетъ призывные и страховые списки, производитъ статистическія изслѣдованія и метеорологическія наблюденія,—словомъ, старшина—низшій агентъ для исполненія порученій всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій и лишенъ возможности выполнять свои прямыя обязанности по кр. мірскимъ дѣламъ. Рѣшительно настало время вывести старшину изъ необъятнаго круга «усмотрѣній начальства» и поставить его на твердую почву точно опредѣленныхъ закономъ служебныхъ обязанностей, подчинивъ его исключительно одному ближайшему начальству въ лицѣ земскаго начальника (Смол. Екатер.).

Дискреціонная власть исправниковъ надъ должностными лицами сельскаго и вол. управленія уничтожилась теперь закономъ 23 іюня 1899 г. о взиманіи окладныхъ сборовъ, по которому податное дѣло передано земскимъ начальникамъ и податному инспектору. Надежды губ. совѣщаній на земскаго начальника какъ на коррективъ многихъ неурядицъ и безпорядка въ сельскомъ и вол. управленіи и какъ на опору для него, должны все уменьшаться съ возрастаніемъ у земскихъ начальниковъ формальныхъ дѣлъ.

Исторія земскихъ начальниковъ, съ изданія положенія 12 іюля 1889 г. по настоящее время, имѣетъ подобіе съ волостнымъ управленіемъ по тенденціи возложить на нихъ «обнять необъятное». Кромѣ слишкомъ большихъ полномочій и разностороннихъ дѣлъ, порученныхъ этой «крѣпкой и близкой къ народу власти», земскимъ начальникамъ поручается 1899 г. 12/I быть членами епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ; 1895 г. 11 /XII членами уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ; 1899 г. VI/23 вышеупомяну-

тыя податныя обязанности, 1900 г. VI/12 продовольственное дѣло, послѣ отнятія его у земства; 1901 г. IV/16, порученъ надзоръ за веденіемъ дѣлъ въ вол. правленіи по воинской и военно-конной повинностямъ по переписи, далѣе по лѣсохранительному комитету, въ дѣлахъ попечительства народной трезвости и проч.

Жалованье старостъ колеблется въ годъ отъ 5—80 руб., въ среднемъ 34 р.; старшинъ отъ 30—500 р., въ среднемъ 204 р.; служба по ст. 119 общ. пол. считается обязательной и законъ нояб. 1893 г. предоставляетъ губ. присутствію утверждать представленія земскихъ начальниковъ объ увеличеніи недостаточнаго содержанія должностныхъ сельскихъ лицъ.

Такой не окупающійся на службѣ трудъ заставляетъ смотрѣть на сельскія и вол. должности, какъ на натуральную повинность, какъ на наказаніе, и должностныя лица часто умышленно совершаютъ проступки, чтобы только добиться увольненія (Сарат.).

Если въ моментъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости возможно было для нихъ сохранить обязательную службу, то теперь таковая служба совершенно не соотвѣтствуетъ условіямъ, въ которыхъ выросло новое поколѣніе крестьянъ, привыкшихъ къ свободному труду и къ свободному ничѣмъ не стѣсненному избранію той профессіи, къ которой оно чувствуетъ призваніе (Сарат.).

Должность волостного писаря (по ст. 113 общ. пол.) относится въ тѣмъ, которыя назначаются по усмотрѣнію общества, либо по выбору, либо по найму; но обыкновенно никакого выбора не практикуется и не представляется даже ходатайства о томъ или другомъ кандидатѣ. Принимая же во вниманіе ст. 29 пол. з. нач., дающую дискреціонное право земскому начальнику удалять волостныхъ писарей отъ должности и по закону 1 ноябр. 1893 право учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ опредѣлять вол. писарямъ и помощникамъ ихъ жалованье,—усмотрѣнія и зависимости отъ общества по отношенію къ писарю не можетъ быть, и обыкновенно нанимаются вол. старшинами по указанію земскихъ начальниковъ или прямо послѣдними. Въ матеріальномъ отношеніи вол. писаря поставлены довольно хорошо: въ большихъ волостяхъ въ среднемъ получаютъ 326 р., часто при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи, огородѣ, даровыхъ разъѣздахъ по волости и ссыпкѣ хлѣбомъ и другихъ вошедшихъ въ обиходъ доходовъ, такъ что, переводя на деньги—не менѣе 500—600 руб. Въ небольшихъ же волостяхъ много меньше—240—200 р. въ годъ.

Волостному писарю приходится играть весьма выдающуюся роль въ ходѣ всего крестьянскаго управленія: волостномъ правленіи и вол. судѣ. Выполнителемъ и частн. вершителемъ всѣхъ указанныхъ выше многочисленныхъ дѣлъ, возложенныхъ на вол. старшину, является за малограмотностью послѣдняго вол. писарь.

На его же обязанности лежитъ веденіе счетоводства по взысканію повинностей, выкупныхъ и другихъ платежей, веденіе семейныхъ и призывныхъ списковъ, составленіе различныхъ проектовъ и сдѣлокъ по переустройкѣ зем-

ли, покупка черезъ крест. банкъ, выдача паспортовъ, составленіе приговоровъ по учету, все болѣе и болѣе усложняющаяся переписка по доставленію различныхъ статистическихъ свѣдѣній, за отсутствіемъ на мѣстѣ другихъ для этого органовъ. Все это требуетъ отъ вол. писаря не только нравственныхъ служебныхъ качествъ, письменныхъ способностей и трудолюбія, но и извѣстнаго знакомства съ законами, служебной опытности и, главное, умѣнья обращаться съ крестьянами (Могил.).

Но такъ какъ въ должности вол. старшины рѣдко идутъ дѣльные и самостоятельные люди, а обыкновенно сторонятся отъ этого, изъ боязни попасть подъ отвѣтственность по завѣдыванію тѣмъ, чего они вовсе не смыслятъ и что вовсе не относится къ крестьянскимъ дѣламъ, то власть попадаетъ въ руки писарей, нерѣдко недобросовѣстныхъ и невѣжественныхъ (Екатер.).

Губ. совѣщанія, ради упорядоченія состава вол. писарей, предлагаютъ ихъ служду сдѣлать лучшей въ матеріальномъ отношеніи, надѣлить ихъ правомъ государственной службы съ пенсіей,—частью изъ мірскихъ, частью изъ земскихъ суммъ, поставить увольненіе ихъ въ зависимости отъ губернатора, привлечь на эту службу людей съ лучшимъ образованіемъ.

Волостныя правленія *). Волостное правленіе вовсе не исполняетъ тѣхъ функцій, которыя указаны въ ст. 87—91 общ. пол., и замѣняется на дѣлѣ или вол. старшиной, или, нерѣдко, вол. писаремъ, который фактически является весьма часто главнымъ и единственнымъ распорядителемъ волости. Сельскіе старосты оставляютъ свои печати вол. писарю для того, чтобы онъ прикладывалъ ихъ, въ случаѣ надобности, къ постановленіямъ вол. правленія (Могил.).

Вол. правленія, какъ коллегіальныя учрежденія, строго говоря, никогда не существовали, и относящіяся къ нимъ постановленія закона всегда оставались мертвою буквою. Всѣ расходы производились единолично вол. старшиною (Перм. Олон.).

Нельзя не придти къ заключенію, что вол. правленія представляются совершенно излишними учрежденіями, такъ какъ для коллегіальныхъ обсужденій постояннаго органа вол. управленія не даетъ никакого матеріала, а въ совѣщательномъ органѣ вол. старшины совершенно не нуждается (Смол.).

Сарат. губ. сов., также какъ и другія, указываетъ на несправедливое обремененіе вол. правленія всѣми вѣдомствами безвозмездно. «Содержаніе канцелярій вол. правленій колеблется отъ 500—1,500 руб. и все болѣе за послѣднее время растетъ, достигая по всей губерніи 180,000 руб. Половина почти работы канцелярій вол. правленій тратится на земскія дѣла. Поэтому казалось бы, что оставлять все содержаніе канцелярій вол. прав-

---

*) Вол. правленіе составляется изъ старшины, всѣхъ сельскихъ старостъ или помощниковъ старшины и изъ сборщиковъ податей, тамъ, гдѣ есть особые сборщики (ст. 105 общ. пол. 61 г. ст. 87). Волостному сходу предоставляется избирать 1—2 засѣдателей для замѣны с. старостъ.

леній, служащихъ въ значительной, степени земству и разнымъ сословіямъ, проживающимъ въ волости, на обязанности исключительно кр. сословія—представляется несправедливымъ въ экономіи послѣдняго, и что возложеніемъ на земство обязанности участвовать въ содержаніи канцеляріи волостного правленія въ размѣрѣ 50% въ общей стоимости были бы, хотя въ нѣкоторой степени, привлечены къ вол. расходамъ лица не крестьянскаго сословія, проживающія въ волости и до сихъ поръ безвозмездно пользующіяся услугами вол. правленій.

Волостные судьи. Вол. крестьянскіе судьи въ мѣстностяхъ, гдѣ не введено въ дѣйствіе положеніе 12 іюля 1889 г., не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Низкій уровень нравственнаго развитія волостныхъ судей, склонность сельскаго населенія къ сутяжничеству, подкупъ и угощеніе судей при разсмотрѣніи тяжебныхъ дѣлъ, съ одной стороны, и вымогательство, съ другой,—обыденныя явленія въ вол. судахъ упоминаемыхъ выше мѣстностей (Витеб.).

По мнѣнію минск. губ. совѣщанія, желательно бы назначеніе вознагражденія вол. судьямъ за тѣ дни, когда они должны являться на суды, нерѣдко за 20 верстъ и пребывать на судѣ 2—3 дня. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ вол. судьи взимаютъ вознагражденіе съ тяжущихся сторонъ за каждое рѣшенное дѣло по таксѣ, установленной вол. сходомъ, а въ другихъ они вовсе не получаютъ вознагражденія за отправленіе судейскихъ обязанностей, что весьма вредно отражается на дѣлахъ вол. суда, такъ какъ дѣятельность вол. судьи представляетъ наиболѣе соблазна для полученія незаконныхъ вознагражденій, и тяжущіяся стороны, съ цѣлью достигнуть благопріятнаго для себя исхода дѣла на вол. судѣ, нерѣдко прибѣгаютъ къ подкупу вол. судей.

Рѣшенія вол. судовъ кр. учрежденіями разсматриваются не по существу, а въ кассаціонномъ порядкѣ, гдѣ не введено пол. о зем. нач.

Избраніе вол. судей совершается исключительно изъ числа выборныхъ, а не всѣхъ домохозяевъ волости; въ составъ послѣднихъ часто попадаютъ такіе крестьяне, которые не совмѣщаютъ въ себѣ хорошихъ нравственныхъ качествъ (Вилен.).

Въ мѣстностяхъ, гдѣ введено пол. о зем. нач., сельскія общества выбираютъ не менѣе 8 кандидатовъ, изъ которыхъ земскій начальникъ утверждаетъ четырехъ на 3 года въ должности волостныхъ судей, а 4-хъ кандидатами; одинъ изъ судей—по избранію уѣзднаго съѣзда, назначается предсѣдателемъ, которымъ можетъ быть и вол. старшина. Въ случаѣ рѣшенія вол. суда, нарушающаго предѣлъ его власти и ему неподсуднаго, земскій начальникъ представляетъ дѣло въ уѣздный судъ, во власти котораго какъ отмѣнить рѣшеніе подсудности, такъ и постановить новое рѣшеніе по существу.

Желательно, по мнѣнію многихъ губ. совѣщаній, было бы установить, чтобы волостные старшины, судьи и сельскіе старосты избирались преимущественно изъ числа людей грамотныхъ, и всю неурядицу въ сельской

жизни главнымъ образомъ губ. совѣщанія ставятъ въ зависимости отъ низкаго культурнаго развитія массы. По мнѣнію архангельскаго губ. совѣщанія, «представлялось бы полезнымъ назначать отъ правительства предсѣдателей въ волостные суды; такіе предсѣдатели могли бы имѣть въ своемъ районѣ нѣсколько волостей и переѣзжать изъ одной въ другую по мѣрѣ надобности и возвысить въ глазахъ населенія значеніе и достоинство волостного суда, какъ правительственнаго мѣста, первой судебной инстанціи по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ для сельскихъ обывателей.

Кромѣ этихъ частныхъ характеристикъ на неудовлетворительную постановку волостныхъ судовъ въ сводѣ губ. совѣщаній нѣтъ данныхъ къ рѣшенію вопроса о нормальной постановкѣ, да и въ вопросахъ минист. внутр. дѣлъ не было пункта, насколько вол. суды удовлетворительны и какая желательна въ этомъ направленіи коренная реформа.

М. Толмачевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Земство и торгово-промышленная дѣятельность.

Во внутреннемъ обозрѣніи послѣдней, мартовской книжки *Русской Мысли* было, между прочимъ, указано на одну изъ важнѣйшихъ, какъ намъ кажется, задачъ земства въ настоящее время, которую мы опредѣлили какъ установленіе прочной финансовой самостоятельности земства на почвѣ содѣйствія экономическимъ и культурнымъ потребностямъ населенія. Обращаясь опять къ этому вопросу, мы постараемся теперь нѣсколько подробнѣе развить высказанную нами мысль.

Въ дѣятельности земства, какъ и всякаго общественно-хозяйственнаго учрежденія, обладающаго нѣкоторой долей самостоятельности, помимо исполненія имъ различныхъ обязательныхъ требованій, возложенныхъ на него государствомъ, и по отношенію къ которымъ оно является не болѣе, какъ агентомъ государства, существуютъ еще двѣ стороны, въ которыхъ оно, хотя въ узкихъ предѣлахъ, можетъ проявлять свою собственную иниціативу. Мы назвали бы эти двѣ стороны земской дѣятельности культурною и экономическою. Къ первой изъ нихъ, какъ важнѣйшій ея отдѣлъ, должны быть отнесены: народное образованіе, школьное и внѣшкольное, народная медицина и санитарныя мѣропріятія, ветеринарное дѣло, общественное призрѣніе и, наконецъ, дорожное дѣло. Ко второй области относятся всѣ разнообразныя, по своимъ формамъ и внутреннему характеру, мѣропріятія, имѣющія своею непосредственною задачею улучшеніе экономическаго положенія населенія путемъ доставленія ему или недорогого кредита, или возможности выгоднѣе продавать произведенія своего труда и дешевле покупать необходимые для него предметы и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ эти стороны земской дѣятельности имѣютъ одну общую цѣль: улучшеніе благосостоянія населенія, причемъ и первая изъ нихъ даетъ въ результатѣ не только общій культурный подъемъ, но и прямую экономическую выгоду для населенія. Едва ли можно спорить противъ того, что умственное развитіе, хотя бы въ той незначительной степени, какая дается нашими земскими школами,—а при устраненіи внѣшнихъ препятствій оно могло бы быть и значительно больше,—представляетъ собою и нѣкоторый экономическій плюсъ въ смыслѣ большей воз-

можности, какъ для отдѣльной личности, такъ и для совокупности ихъ, приспособляться къ разнообразнымъ родамъ труда и къ измѣняющимся его условіямъ. Еще очевиднѣе, что сохраненіе и возстановленіе здоровья и продленіе средней жизни увеличиваютъ трудо-способность населенія, какъ во времени, такъ и въ силѣ и энергіи. То же самое можно сказать и о правильно поставленномъ общественномъ призрѣніи, не говоря уже о такихъ дѣлахъ, какъ ветеринарія и устройство дорогъ, имѣющихъ въ виду непосредственную экономическую выгоду населенія.

Такимъ образомъ, въ общеэкономическомъ смыслѣ увеличеніе расхода на всѣ такіе предметы, какъ школы, больницы, дороги и т. п. должно быть признано не только полезнымъ, но и прямо выгоднымъ, въ томъ смыслѣ, что денежныя затраты, произведенныя на всѣ эти предметы, должны съ избыткомъ окупиться для населенія тѣмъ увеличеніемъ силъ и средствъ, которыя должны получиться въ результатѣ этихъ мѣропріятій. Поэтому земство ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ основаній останавливаться въ дальнѣйшемъ развитіи своей дѣятельности въ этомъ направленіи тѣмъ соображеніемъ, что расходы на школы, больницы и т. д. могутъ наконецъ оказаться слишкомъ тяжелы для населенія, тѣмъ болѣе, что распредѣленіе этой тяжести, соотвѣтственно получаемой отъ производимаго расхода пользѣ, съ расширеніемъ дѣла становится постепенно равномѣрнѣе. Можно сказать даже, что полная равномѣрность въ этомъ дѣлѣ только тогда и можетъ быть достигнута, когда и самое дѣло устройства школъ, больницъ и дорогъ будетъ, по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи, закончено, такъ какъ только тогда всѣ платящіе за нихъ будутъ находиться въ условіяхъ, допускающихъ и пользованіе ими тоже для всѣхъ. По отношенію къ школьному дѣлу, эта конечная цѣль и есть всеобщее обученіе, къ которому въ настоящее время стремятся наиболѣе передовыя въ этой области земства.

Но если и нельзя не признать, что продолженіе и расширеніе земской дѣятельности въ области культурныхъ мѣропріятій экономически выгодно для населенія, то, съ другой стороны, нельзя не видѣть и того, что оно требуетъ постояннаго и значительнаго увеличенія земскихъ расходовъ. Между тѣмъ средства земства въ настоящее время почти совершенно истощены. Формально оно стѣснено закономъ о фиксаціи обложенія, который не только не позволяетъ ему расширять свою дѣятельность, но почти что не даетъ возможности удержаться и на достигнутомъ уже уровнѣ, такъ какъ сами потребности возрастаютъ, отчасти вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, отчасти вслѣдствіе вздорожанія многихъ предметовъ, нужныхъ для содержанія школъ и больницъ. Но даже если бы и не было этого формальнаго препятствія, то могло бы случиться, что, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстностяхъ, усиленное увеличеніе земскаго бюджета привело бы лишь къ усиленію земскихъ недоимокъ. Съ перваго взгляда кажется, что такое предположеніе какъ будто противорѣчитъ сейчасъ сказанному о томъ, что земскія культурныя мѣропріятія увеличи-

ваютъ производительность народнаго труда въ большей мѣрѣ, чѣмъ они сами стоятъ. Однако это противорѣчіе только кажущееся. Дѣло въ томъ, что возрастаетъ не одинъ земскій сборъ, расходуемый на школы, больницы и дороги, но и другіе сборы на предметы менѣе производительные, въ особенности же возрастаютъ государственные косвенные налоги. Такимъ образомъ доля того экономическаго улучшенія, которое получается отъ школъ, больницъ и дорогъ, расходуется на другіе предметы, можетъ быть и необходимые, каковымъ, наприм., признается оборона страны, но не возвращается земству, чтобы служить источникомъ для дальнѣйшаго развитія тѣхъ же культурныхъ мѣръ.

При такихъ условіяхъ можетъ конечно произойти и то, что число школъ и больницъ будетъ возрастать, а экономическое положеніе народа будетъ ухудшаться, вмѣстѣ съ чѣмъ для него естественно будетъ становиться все труднѣе давать средства на эти культурныя мѣропріятія; а это тѣмъ болѣе возможно и даже вѣроятно, что для государственнаго бюджета, какъ извѣстно, не существуетъ никакой фиксаціи. Такое положеніе вещей, конечно, могло бы быть измѣнено въ томъ случаѣ, если бы болѣе значительная часть государственнаго бюджета была направлена на удовлетвореніе тѣхъ же культурныхъ потребностей населенія, удовлетворить которыя въ полной мѣрѣ тщетно старается одно земство. На нѣчто подобное какъ будто бы указываетъ помѣщенная въ февральской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* статья В. И. Фармаковскаго «Къ вопросу о всеобщемъ обученіи». Какъ имя автора, занимающаго видный постъ въ учебномъ вѣдомствѣ, такъ и помѣщеніе статьи въ органѣ, издаваемомъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, даютъ полное основаніе приписывать этой статьѣ офиціозный характеръ. Сущность ея заключается въ томъ, что до сихъ поръ министерство въ дѣлѣ открытія школъ «почти устраняло собственную иниціативу, лишь удовлетворяя обращенныя къ нему требованія и оказывая поддержку начинаніямъ мѣстныхъ обществъ и земствъ».

Въ настоящее же время министерство «казалось бы имѣетъ полное основаніе дать болѣе простора собственной иниціативѣ и постепенно перейти къ иной системѣ дѣйствій, не стоящей въ столь тѣсной зависимости отъ сторонней иниціативы, какъ теперь, а истекающей изъ заранѣе предначертаннаго плана, обезпечивающаго послѣдовательное достиженіе цѣли всеобщаго распространенія начальнаго образованія въ народѣ. По исчисленію г. Фармаковскаго, для осуществленія составленнаго имъ плана потребовалось бы открытіе въ имперіи 150,000 новыхъ начальныхъ училищъ съ ежегоднымъ расходомъ въ 108.430,000 р. Такъ какъ «столь сложное предпріятіе не можетъ быть осуществлено повсемѣстно заразъ, ибо для этого не нашлось бы достаточно ни матеріальныхъ, ни нравственныхъ силъ», то предполагается осуществлять его постепенно, причемъ «наиболѣе цѣлесообразнымъ представляется идти отъ центра къ окраинамъ». Исходя изъ этихъ соображеній, г. Фармаковскій полагаетъ, что введеніе въ Россіи всеобщаго начальнаго обученія надлежитъ начать съ московскаго

учебнаго округа, причемъ на выполненіе этого дѣла назначается десятилѣтній срокъ. Потребный въ этомъ случаѣ общій расходъ, по разсчетамъ того же автора, равняется 12.060,295 р., что при разложеніи его на десятилѣтній срокъ дастъ на каждый годъ съ небольшимъ 1.200,000 руб. «Расходъ на введеніе всеобщаго обученія долженъ быть всецѣло принятъ на счетъ казны». Что же касается участія въ школьномъ дѣлѣ земства и обществъ, то имъ авторъ излагаемаго проекта отводитъ: «содержаніе открытыхъ до сихъ поръ училищъ, открытіе новыхъ училищъ въ количествѣ, соотвѣтствующемъ ежегодному приросту населенія, учрежденіе дополнительныхъ и профессіональныхъ курсовъ, развитіе внѣшкольныхъ и послѣшкольныхъ средствъ образованія, устройство и оборудованіе училищныхъ помѣщеній и т. д., и т. д.». Словомъ, на ихъ долю «останется еще очень и очень многое». Выдвигая на первый планъ роль министерства, г. Фармаковскій не отрицаетъ важности участія въ школьномъ дѣлѣ общества. «Возможно широкое участіе общественныхъ силъ въ заботахъ объ учрежденіи училищъ, ихъ благосостояніи и соотвѣтствіи потребностямъ населенія,—говоритъ онъ,—представляется безусловно желательнымъ».

Такое принятіе на себя государствомъ болѣе активнаго участія въ достиженіи цѣли всеобщаго начальнаго обученія,—если бы проектъ г. Фармаковскаго осуществился на дѣлѣ,—было бы конечно значительнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ народнаго образованія, и земство могло бы только привѣтствовать такую могущественную помощь себѣ въ достиженіи одной изъ важнѣйшихъ своихъ цѣлей, если только болѣе активное участіе министерства въ этомъ дѣлѣ не будетъ сопровождаться стремленіемъ монополизировать его въ своихъ рукамъ, т.-е. если учрежденіе министерскихъ школъ не будетъ служить препятствіемъ къ открытію школъ земскихъ, тамъ, гдѣ это по мѣстнымъ условіямъ окажется возможнымъ,—однимъ словомъ если министерство въ качествѣ учредителя школъ будетъ смотрѣть на земство какъ на союзника, а не какъ на конкурента, какъ это зачастую было съ духовнымъ вѣдомствомъ. Между прочимъ для насъ въ проектѣ г. Фармаковскаго не совсѣмъ ясно его отношеніе къ церковно-приходскимъ школамъ, т.-е. считаетъ ли онъ потребность начальнаго обученія въ данной мѣстности удовлетворенной существованіемъ въ ней церковно-приходской школы, такъ что въ этой мѣстности министерской школы уже будетъ не нужно.

Но каково бы ни было отношеніе государства къ тѣмъ потребностямъ народной жизни, удовлетвореніе которыхъ составляетъ въ настоящее время главнѣйшую задачу земства, возьметъ ли на себя правительство часть этой задачи, ограничивъ сферу земской дѣятельности выполненіемъ остальной ея части, или же оно будетъ въ той или иной формѣ субсидировать земство, при условіи, конечно, усиленнаго наблюденія и контроля за употребленіемъ этой субсидіи, или, наконецъ, земство, какъ и теперь, будетъ предоставлено своимъ собственнымъ силамъ и средствамъ, ограниченнымъ частію примѣненіемъ закона о фиксаціи обложенія, частію, что еще важ-

нѣе, усиленнымъ отвлеченіемъ народныхъ средствъ въ сторону выполненія государственнаго бюджета, въ послѣднемъ случаѣ земство окажется безсильнымъ передъ выполненіемъ своихъ задачъ и самыя задачи окажутся невыполненными; въ первыхъ случаяхъ задачи будутъ выполнены, но принципъ земскаго самоуправленія потерпитъ ущербъ. Можно, пожалуй, сказать: что за бѣда, если сами культурныя задачи будутъ выполнены, если, наприм., число школъ при содѣйствіи правительства будетъ доведено до того, что въ самомъ дѣлѣ станетъ возможнымъ всеобщее обученіе? Правда, задача будетъ выполнена, школы будутъ. Весьма возможно и вѣроятно, что въ матеріальномъ отношеніи онѣ будутъ даже лучше среднихъ земскихъ. Что касается до духовной ихъ стороны, то объ этомъ можно гадать разно: можетъ случиться, что онѣ получатъ такой же мертвящій бюрократическій характеръ, какой давно уже существуетъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, о чемъ было такъ много разговоровъ во время министерства генерала Ванновскаго; но можетъ быть и то, что учебное начальство будетъ менѣе не довѣрять своимъ собственнымъ учителямъ, чѣмъ теперешнимъ земскимъ, и предоставитъ имъ нѣсколько большую свободу въ преподаваніи, чѣмъ послѣднимъ.

Во всякомъ случаѣ, главный ущербъ отъ ограниченія земской дѣятельности въ области народнаго образованія выразится не въ сферѣ школьнаго воспитанія дѣтей, а въ сферѣ общественнаго воспитанія взрослаго населенія, у котораго, такимъ образомъ, будетъ изъята часть его иниціативы въ его мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ. Для воспитанія и развитія самостоятельности и самодѣятельности, о которой такъ много говорилось въ послѣднее время въ обществѣ и литературѣ, необходимо постоянное практическое ея примѣненіе какъ въ частныхъ, такъ и въ общественныхъ дѣлахъ. Нѣтъ ничего хуже для развитія какъ человѣка, такъ и общества, какъ если къ нему, сверху, безъ всякой иниціативы съ его стороны, падаютъ хотя бы и самые сладкіе и питательные плоды. Ожиданіе всѣхъ благъ только сверху входитъ, наконецъ, въ привычку, въ характеръ народа и усыпляетъ и разслабляетъ его естественныя способности. Даже относительно Бога существуетъ пословица: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай». И это требованіе самодѣятельности въ равной мѣрѣ должно относиться не только къ отдѣльнымъ личностямъ, но и къ общественнымъ учрежденіямъ, причемъ общественная дѣятельность не должна ограничиваться только ходатайствами, обращенными къ правительству, но выражаться и въ возможно большемъ проявленіи, въ предѣлахъ, указываемыхъ закономъ, собственной иниціативы и энергіи. Только при такихъ условіяхъ общественное учрежденіе можетъ пріобрѣсти необходимую для его прочности силу и авторитетъ. Все сказанное прежде всего относится, конечно, къ земству. И мы едва ли ошибаемся, думая, что въ настоящее время пріобрѣтеніе такой силы и авторитета всего возможнѣе для земства на почвѣ утвержденія своего финансоваго положенія и установленія солидарности своихъ финансовыхъ интересовъ съ таковыми же интересами, съ одной стороны, правительства,

а съ другой — мѣстнаго населенія. Выражаясь болѣе конкретно, *земство должно быть богато*, причемъ источникомъ этого богатства, какъ и всякаго богатства вообще, при существующемъ капиталистическомъ строѣ общества, могутъ быть только торгово-промышленныя или коммерческія предпріятія, не только полезныя по своему существу, но и выгодныя въ смыслѣ полученія отъ нихъ дохода предпринимателемъ. Высказывая эту мысль, мы хорошо сознаемъ, что большинству читателей и даже большинству общественныхъ дѣятелей она можетъ показаться еретической. Въ обществѣ распространено и крѣпко держится совершенно противоположное мнѣніе, согласно которому предпринимательская торгово-промышленная дѣятельность вообще не есть дѣло земства, а если и можетъ быть для него допущена, то лишь какъ необходимая иногда форма содѣйствія народному труду и, во всякомъ случаѣ, не съ цѣлью извлеченія изъ нея дохода самимъ земствомъ. Въ извѣстной мѣрѣ этотъ взглядъ отразился и въ слѣдующемъ разъясненіи правительствующаго сената по дѣлу Новооскольскаго земства (указъ I д-та 27 апрѣля 1902 г. № 3807). Сущность самаго дѣла не имѣетъ большой важности, и потому мы не будемъ останавливаться на немъ, а перейдемъ къ общимъ соображеніямъ, высказаннымъ правительствующимъ сенатомъ: «касательно общаго вопроса о предѣлахъ дѣятельности земства въ той области, которая указана въ п. XI, ст. 2 пол. о губ. и уѣзд. зем. учр., именно въ воспособленіи зависящими отъ земства способами мѣстному земледѣлію, торговлѣ и промышленности, нельзя не указать, что законъ, очевидно, не имѣлъ въ виду предоставить земству право какъ производить непосредственно всякія торговыя и промышленныя операціи, такъ и принимать въ нихъ участіе. Такое соображеніе истекаетъ, между прочимъ, и изъ того, что при изданіи положе́нія 12 іюня 1890 года, исключено предоставленное Положеніемъ 1 января 1864 года земскимъ учрежденіямъ право представлять на разрѣшеніе высшаго правительства предположенія объ учрежденіи кредитныхъ установленій, такъ какъ образованіе банковъ промышленнаго или спекулятивнаго характера должно быть предоставлено частной предпріимчивости, и вмѣстѣ съ тѣмъ признано, что участіе въ завѣдываніи какими-либо установленіями, равно какъ въ прибыляхъ и убыткахъ отъ ихъ операцій, не согласуется съ присвоеннымъ земскимъ учрежденіямъ характеромъ государственныхъ органовъ. Изъ этихъ соображеній слѣдуетъ, что если участіе и воспособленіе торговлѣ и промышленности и предоставлено земству, то лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые непосредственно соприкасаются съ кругомъ дѣятельности земства и при томъ служатъ къ удовлетворенію потребностей не отдѣльныхъ лишь малочисленныхъ группъ населенія».

Такимъ образомъ главнымъ мотивомъ ограничительнаго толкованія правъ земства на веденіе торгово-промышленныхъ предпріятій является отрицательный фактъ исключенія изъ новаго земскаго положенія предоставленнаго земству права представлять на разрѣшеніе высшаго правительства предположенія объ учрежденіи кредитныхъ установленій. Но если мы обра-

тимся къ редакціи статей прежняго земскаго Положенія, относившихся къ этому предмету, то увидимъ, что въ 1884 ст. говорилось о томъ, чтъ къ вѣдомству губернскихъ земскихъ собраній относятся... п. 12, учрежденіе кредитныхъ установленій на основаніи правилъ объ устройствѣ земскихъ кредитныхъ учрежденій... п. 15. Представленіе черезъ губернаторовъ на разрѣшеніе высшаго правительства предположеній объ учрежденіи губернскихъ земскихъ банковъ. Оба эти пункта въ новомъ земскомъ Положеніи дѣйствительно выпущены, но, какъ видно изъ буквальнаго ихъ текста, въ обоихъ рѣчь идетъ о правѣ земства учреждать особые земскіе банки на основаніи спеціальныхъ правилъ о такихъ банкахъ. Нигдѣ однако въ новомъ земскомъ Положеніи не говорится о томъ, чтобы земство лишено было права, наравнѣ съ частными лицами, товариществами или компаніями, устраивать кредитныя учрежденія на основаніи уставовъ, подлежащихъ законодательному разрѣшенію и утвержденію. Такъ, уже въ 1893 г. 8 іюня, слѣдовательно, при дѣйствіи новаго земскаго Положенія, послѣдовало Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о разрѣшеніи пермскому губернскому земству учредить кустарно-промышленный банкъ, и 17 августа 1893 года министръ финансовъ, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, утвердилъ уставъ банка, который и функціонируетъ съ того времени и до сихъ поръ. Изъ вышедшаго въ прошломъ году, составленнаго для с.-петербургской кустарно-промышленной выставки очерка дѣятельности банка за семилѣтній періодъ 1894—1901 г. мы видимъ, что по уставу своему банкъ имѣетъ цѣлью содѣйствіе кустарной промышленности Пермской губерніи путемъ доставленія ей доступнаго кредита, причемъ выдача ссудъ производится отдѣльнымъ кустарямъ, кустарнымъ артелямъ и кустарно-торговымъ складамъ, учреждаемымъ уѣздными земствами съ цѣлью облегченія сказаннымъ кустарямъ и артелямъ сбыта ихъ издѣлій и пріобрѣтенія матеріаловъ, нужныхъ для производства. Кромѣ выдачи ссудъ банкъ имѣетъ право принимать срочные вклады и дѣлать займы, послѣдніе на срокъ не болѣе одного года и при томъ условіи, чтобы итогъ вкладовъ и займовъ не превышалъ болѣе чѣмъ въ полтора раза основной и запасный капиталы банка. Первоначальный основной капиталъ банка образовался изъ фонда въ 90,000 р., образованнаго губернскимъ земскимъ собраніемъ въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II, съ наросшими процентами, всего въ суммѣ 114,202 р. Завѣдуетъ банкомъ правленіе, избираемое губернскимъ собраніемъ, подъ ближайшимъ наблюденіемъ имъ же избираемаго совѣта и подъ общимъ наблюденіемъ и контролемъ самого собранія. Изъ прибылей банка часть идетъ на составленіе запаснаго и пополненіе основного капитала, а часть на различныя мѣропріятія къ поддержанію и развитію кустарной промышленности въ губерніи, согласно постановленіямъ собранія. Такимъ образомъ, вотъ кредитное учрежденіе, основанное земствомъ по его иниціативѣ, получившее законодательную санкцію, дѣйствующее благополучно въ теченіе уже семи лѣтъ и дающее прибыль, часть которой употребляется

по усмотрѣнію самого земства. Изъ того же обзора видно, какъ дѣятельность банка мало-по-малу расширялась, могла бы быть расширена и значительно больше, если бы не ограниченность средствъ. Основной и запасный капиталы за семь лѣтъ возросли съ 114,202 р. до 126,457 р. (копейки вездѣ отброшены). Срочные вклады съ 16,500 р. къ началу 1896 г. дошли до 165,617 р. къ началу 1901 г., уменьшившись въ этомъ году снова до 127,127 р. Чистая прибыль колебалась по годамъ отъ 1,493 р. до 3,969 р., всего за семь лѣтъ чистой прибыли было получено 17,862 р. Общая сумма выданныхъ ссудъ возросла съ 32,972 р. въ 1894 г. до 206,561 р. въ 1900 г.; всего за семилѣтній періодъ выдано было 1.092,439 р., въ томъ числѣ 1.008,871 р. отдѣльнымъ кустарямъ, 51,630 р. артелямъ и 31,937 р. кустарнымъ складамъ. Послѣдній родъ ссудъ въ послѣдніе годы вовсе прекратился. Проценты за ссуду взимались съ артелей 7%, съ отдѣльныхъ кустарей 8% годовыхъ. Уплачивались ссуды вообще исправно, такъ что сумма безнадежныхъ долговъ для послѣднихъ трехъ лѣтъ составляетъ всего лишь 0,5%. Общее число ссудъ повышалось отъ 236 въ 1894 г. до 2,740 въ 1900 г., а всего за семь лѣтъ было выдано 13,040 ссудъ при среднемъ размѣрѣ ссуды въ 83 р. А такъ какъ все число кустарей въ Пермской губерніи, по свѣдѣніямъ «Обзора», состоитъ изъ 15,258 семействъ, то, очевидно, что банкъ по размѣру своей дѣятельности могъ удовлетворять лишь сравнительно небольшую часть всей потребности въ кустарномъ кредитѣ, что доказывается и тѣмъ, что сумма ежегодныхъ требованій значительно превышала сумму выданныхъ ссудъ. На ходатайство кустарнаго банка объ открытіи ему кредита въ размѣрѣ 75 тыс. въ формѣ спеціальнаго текущаго счета въ государственномъ банкѣ, совѣтъ послѣдняго, послѣ переписки, продолжавшейся болѣе двухъ лѣтъ, отвѣтилъ въ 1897 г. отказомъ и только благодаря содѣйствію предсѣдателя кустарнаго комитета министерства земледѣлія въ 1895 году кустарному банку былъ разрѣшенъ кредитъ на посредническихъ основаніяхъ въ 10 тыс., увеличенный впослѣдствіе до 15 тыс. руб.

Нѣкоторыя другія земства устраивали болѣе мелкія кредитно-торговыя учрежденія въ формѣ ссудныхъ складовъ, не требовавшихъ особаго законодательнаго разрѣшенія и дѣйствующихъ на основаніи вошедшаго въ законную силу постановленія собранія. Такъ, тверское губернское земство еще въ 1894 году учредило въ Тверской губерніи два хлѣбныхъ ссудныхъ склада, одинъ въ г. Красномъ Холму, Весьегонскаго уѣзда, другой въ селѣ Молодой Тудъ, Ржевскаго уѣзда. Задачею того и другого была выдача мелкихъ ссудъ подъ залогъ зернового хлѣба; впослѣдствіи къ этому была присоединена и выдача ссудъ подъ залогъ овчинъ, холста, сукна и разныхъ предметовъ домашняго обихода. Въ началѣ дѣятельность складовъ ограничивалась лишь очень небольшимъ, ближайшимъ къ нимъ райономъ, и размѣръ общей суммы ссудъ былъ настолько невеликъ, что получаемыми за нихъ процентами не оплачивалось самое содержаніе складовъ. Въ послѣднее время однако дѣятельность складовъ расширилась настолько,

что опи, вмѣсто убытка, стали давать небольшую прибыль. Изъ доклада губернскому земскому собранію конца 1901 года, въ которомъ имѣются цифровыя данныя за всѣ семь лѣтъ существованія складовъ, видно, что въ краснохолмскомъ складѣ общая сумма ссудъ съ 5,040 руб. (исключительно подъ хлѣбъ) въ 1894 — 95 году возросла до 22,287 руб. въ 1900—1901 г. (въ томъ числѣ 7,957 руб. подъ хлѣбъ, 5,052 подъ овчины и холстъ и 9,278 р. подъ вещи). Большая часть ссудъ—очень мелкія, такъ что средній размѣръ ихъ въ послѣдній годъ былъ 5 р. 24 к. Съ коммерческой стороны краснохолмскій складъ закончилъ послѣдній операціонный годъ съ прибылью въ 630 руб., достаточною на покрытіе процентовъ на вложенный въ него капиталъ. Въ молодотудскомъ складѣ обороты были меньше: общая сумма ссудъ, съ 1,821 рубля (исключительно подъ хлѣбъ) въ 1894—95 году возросла до 12,145 руб. въ 1900—901 году, (въ томъ числѣ подъ хлѣбъ 5,482 р., подъ овчины и холстъ 3,559 р. и подъ вещи 3,103 р.). Средній размѣръ ссудъ еще мельче—4 р. 11 к. Получено чистой прибыли въ послѣдній годъ 169 р., тогда какъ раньше складъ давалъ убытокъ.

Одновременно съ хлѣбными ссудными складами тверскимъ губернскимъ земствомъ былъ открытъ въ г. Осташковѣ кустарный сѣтной складъ. Задача этого склада была уже значительно сложнѣе и заключалась въ слѣдующемъ: въ Осташковѣ, а еще болѣе въ окрестныхъ деревняхъ по берегамъ озера Селигера, издавна существовалъ, какъ кустарный промыселъ, плетеніе рыболовныхъ сѣтей, которыя скупались у кустарей мѣстными скупщиками и продавались большею частію черезъ другихъ скупщиковъ и коммиссіонеровъ рыболовамъ Псковской губерніи, Балтійскаго побережья и Финляндіи. Пенька, т.-е. сырой матеріалъ для плетенія сѣтей, получалась кустарями вязальщиками частію отъ осташевскихъ торговцевъ, а большею частію отъ тѣхъ же скупщиковъ. Поэтому экономическое положеніе кустарей, занятыхъ этимъ промысломъ, было очень зависимое и заработокъ былъ доведенъ до невѣроятныхъ размѣровъ,—меньше 10 коп. за день. Тверское губернское земство задалось тѣмъ, чтобы стать на мѣстѣ скупщика, т.-е. покупать у кустарей сѣти и продавать ихъ туда, гдѣ въ нихъ имѣется надобность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и снабжать вязальщиковъ пенькой, покупая ее на мѣстахъ, въ Смоленской и Калужской губерніяхъ. Для успѣшнаго выполненія этого дѣла требовались и спеціально-техническія свѣдѣнія, такъ какъ сорта и достоинство сѣтей очень разнообразны, и торговыя, такъ какъ требовалось устроить прежде всего вполнѣ надежный сбытъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря удачному пріисканію завѣдующаго, дѣла склада вообще шли удовлетворительно. Обороты его постепенно расширялись, начиная съ 1894 г., когда изъ склада было отпущено сѣтей на 569 руб., до 1900 г., когда ихъ отпущено было на 17,185 руб. Для кустарей дѣятельность склада выразилась въ небольшомъ увеличеніи заработной платы и въ меньшей зависимости ихъ отъ скупщиковъ (хотя вслѣдствіе недостаточности оборотныхъ средствъ склада значительная часть кустарей и сейчасъ продолжаетъ

работать на скупщиковъ), давшей кустарямъ возможность получать пеньку по болѣе сходной цѣнѣ, слѣдовательно уменьшить расходъ производства. Въ то же время осташевскій складъ можетъ считаться и достаточно прочно поставленнымъ собственно съ коммерческой стороны, такъ какъ изъ послѣдняго отчета видно, что за 9 мѣсяцевъ отчетнаго года сѣтная операція дала чистой прибыли 1,326 руб., а всего за время существованія сѣтного склада получено прибыли 6,117 руб., которые и составляютъ собственный оборотный капиталъ склада.

Еще интереснѣе представляется ходъ дѣла въ кустарномъ отдѣлѣ, организованномъ Новоторжскимъ (Тверской губ.) земскимъ собраніемъ при уѣздной управѣ. Въ Торжкѣ, какъ извѣстно, со старины существовалъ мѣстный промыселъ: шитье золотомъ и разноцвѣтными шелками по бархату, сукну и сафьяну, а также плетеніе кружевъ. Тѣмъ и другимъ занимались городскія мѣщанки и ямщички, и въ послѣднее время цѣны на ту и другую работу мѣстными скупщицами этого товара были сбиты до невозможности, вмѣстѣ съ чѣмъ понизилось и достоинство работы, въ свою очередь вліявшее опять на пониженіе цѣнъ и заработка, такъ что оба эти промысла клонились къ полному упадку. Для поддержанія ихъ управа воспользовалась возможностью получить заказъ морского министерства на шитье знаковъ (погоновъ) для нижнихъ чиновъ морского вѣдомства. Такіе заказы выполнялись и ранѣе въ Торжкѣ мѣстными скупщиками; но въ 1894 году управа нашла возможнымъ взять это дѣло на себя по цѣнамъ гораздо болѣе выгоднымъ для морского министерства. Первый контрактъ былъ заключенъ на 6,300 рублей, при чемъ повысивши плату работницамъ, такъ что онѣ стали зарабатывать отъ 40 до 60 к. въ день,—управа въ первый же годъ получила прибыли 2,909 рублей. Въ такомъ же родѣ дѣло шло и въ послѣдующіе годы: ежегодно управа брала заказы отъ морского министерства и выручала на нихъ около 3,000 рублей. Полученный такимъ образомъ оборотный капиталъ былъ частію употребленъ на улучшеніе кружевного промысла, посредствомъ, съ одной стороны, обученія кружевницъ плетенію кружевъ лучшаго образца, а съ другой—подъема ихъ заработной платы. Сработанныя кружева продавались отчасти въ Торжкѣ и на Новоторжской станціи желѣзной дороги, отчасти черезъ коммиссіонеровъ въ Петербургѣ и за границей, даже въ Америкѣ; точно также и золотошвейныя работы. Вся эта торгово-промышленная операція велась такъ удачно, что по послѣднему имѣющемуся у насъ балансу на 1 января 1901 года безъ всякихъ затратъ со стороны земства, образовался капиталъ въ 25,652 руб. Часть его, до 10,000 руб., предположено было употребить на постройку помѣщенія для мастерскихъ.

Мы въ особенности привели дѣятельность новоторжскаго кустарнаго отдѣла, какъ примѣръ земскаго торгового предпріятія, веденнаго удачно не только въ смыслѣ пользы его для населенія, но и въ чисто-коммерческомъ смыслѣ. Можно, пожалуй, сказать, что въ основу выгодности этого дѣла была положена случайность,—заказъ морского министерства. Это, ко-

печно, вѣрно, но вѣдь такихъ случайностей можетъ быть много; надо только умѣть ими пользоваться. Существуетъ много примѣровъ подрядовъ, которые земство беретъ у казенныхъ управленій; наприм., содержаніе шоссе, содержаніе стоечныхъ лошадей на почтовыхъ трактахъ и т. п. Очень вѣроятно, что нашлись бы многіе другіе подряды и поставки, наприм., для интендантскаго вѣдомства, которыя земство могло бы взять на себя. Существуетъ, правда, извѣстное предубѣжденіе противъ такого рода подрядныхъ отношеній. Говоря о нихъ, сейчасъ воображенію представляются разныя темныя и подчасъ грязныя стороны, которыя несомнѣнно имѣли, а можетъ быть и теперь иногда имѣютъ мѣсто въ подобныхъ дѣлахъ. Но намъ кажется, что именно введеніе въ это дѣло земства можетъ быть не только выгодно для обоихъ контрагентовъ, т.-е. для земства и казны, но и въ значительной степени можетъ уяснить и, такъ сказать, облагородить самое дѣло. Какъ бы въ принципѣ ни относились къ земству въ высшихъ сферахъ, въ данномъ случаѣ, въ непосредственно-практическомъ дѣлѣ, едва ли есть основаніе предполагать, чтобы высшее начальство заинтересованныхъ вѣдомствъ отнеслось несочувственно къ такого рода подряднымъ отношеніямъ; а что касается до возможности прижимокъ со стороны низш. хъ агентовъ, то она въ значительной мѣрѣ имѣетъ свой коррелатив въ возможности злоупотребленій со стороны подрядчика и—разъ что не можетъ быть послѣднихъ, то не особенно страшны становятся и первыя.

Вопросу о коммерческихъ предпріятіяхъ въ земской литературѣ посвящены, между прочимъ, XVI и XVII главы весьма интересной статьи: «Изъ жизни земства», подписанной буквою Z. и напечатанной въ послѣдней книжкѣ *Вѣстника новгородскаго земства* за прошлый годъ и въ первой книжкѣ за нынѣшній. Авторъ этой статьи указываетъ на то, что пунктомъ XI ст. 2 земскаго положенія устанавливается въ ряду другихъ хозяйственныхъ обязанностей земства «воспособленіе зависящими отъ земства способами мѣстному земледѣлію, *торговлѣ и промышленности*». Тутъ же для поясненія роли земства въ торгово-промышленной области, указываются соотвѣтствующія статьи изъ свода законовъ и торговаго устава, которыя говорятъ о томъ, что открываемые земскими учрежденіями склады для продажи земледѣльческихъ орудій и машинъ, а также посѣвныхъ сѣмянъ, искусственныхъ удобреній и другихъ сельско-хозяйственныхъ принадлежностей, освобождаются отъ торговыхъ пошлинъ, и о томъ, что земства, наряду съ акціонерными компаніями, товариществами, купеческими и биржевыми обществами, имѣютъ право открывать товарные склады. Такимъ образомъ, по смыслу земскаго положенія, въ кругъ дѣятельности земскихъ учрежденій могутъ входить и торговыя предпріятія. Какого же характера должны быть этого рода предпріятія, какая ихъ конечная цѣль и задача и должны ли они стоять на общей почвѣ накопленія богатствъ? Авторъ отвѣчаетъ на это, что земскія торговыя предпріятія должны имѣть преимущественно коммиссіонный характеръ. Онъ указываетъ на то, что такого рода дѣятель-

ность уже въ настоящее время развита до значительныхъ размѣровъ и самое право открывать товарные склады было предоставлено земству именно въ тѣхъ видахъ, чтобы оно могло черезъ нихъ развить свою коммиссіонную дѣятельность. Кромѣ ранѣе бывшихъ ея формъ: сельско-хозяйственныхъ, книжныхъ и другихъ складовъ, она, вѣроятно, въ будущемъ найдетъ себѣ и новыя точки приложенія. Такъ, на съѣздѣ горнопромышленниковъ, въ Харьковѣ, былъ возбужденъ и рѣшенъ вопросъ объ участіи земства въ дѣлѣ снабженія населенія продуктами металлургическихъ заводовъ въ томъ смыслѣ, что «заводы будутъ давать земствамъ продукты въ кредитъ и на коммиссію; земства устроятъ сѣть складовъ, отдавая сельскому населенію товаръ безъ пользы для себя по цѣнамъ покупнымъ отъ завода». Далѣе указываются примѣры заведенныхъ земствомъ аптекарскихъ и книжныхъ складовъ, московскаго и вятскаго кустарныхъ складовъ и въ заключеніе дѣлается выводъ, что земство, по смыслу закона и по своимъ основнымъ общественнымъ задачамъ, имѣетъ полное право на вмѣшательство въ торгово-промышленную сферу въ качествѣ коммиссіонера. Иначе относится авторъ къ попыткамъ нѣкоторыхъ земствъ вступить въ эту сферу и въ качествѣ производителя. Какъ примѣръ приводится принадлежащій нижегородскому земству заводъ сухой перегонки дерева, куда принимается отъ кустарей спиртъ для очистки. Продукты, выработанные на заводѣ, земство сбываетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и даже за границу. Впрочемъ, въ основѣ организаціи завода лежитъ не коммерческая цѣль, а стремленіе земства поддержать кустаря. И съ коммерческой стороны дѣло поставлено еще неудовлетворительно. Такъ, въ 1900 году заводъ далъ убытокъ въ 1,085 р. Убытокъ же получился и отъ другихъ подобнаго же рода производительныхъ заведеній, вродѣ корзиночной и рогожной мастерской, а вообще кустарныя мѣропріятія нижегородскаго земства дали на 1 января 1900 г. дефицитъ въ 26,512 р. «Ясное дѣло,—говоритъ авторъ статьи,— что если и возможно увлеченіе земства, то именно въ этой области, въ стремленіи земства вступить въ ряды производителей». Поэтому авторъ совѣтуетъ земству «отказаться отъ участія въ кустарномъ производствѣ, ограничивъ свою задачу лишь... коммиссіонерскою дѣятельностью, которая совершенно по силамъ для него и нисколько не опасна въ смыслѣ риска».

Мы уже высказали выше, что наша точка зрѣнія иная. Мы полагаемъ, что для земства и законны, и дозволительны, и цѣлесообразны всякаго рода торгово-промышленныя предпріятія, даже съ коммерческою цѣлью, лишь бы они въ то же время отвѣчали основной задачѣ земства, увеличенію экономическаго и культурнаго благосостоянія населенія. Со стороны законности, и самъ правительствующій сенатъ въ вышеприведенномъ рѣшеніи, несмотря на его ограничительную тенденцію, все же высказываетъ въ резолютивной его части, что торговля и промышленность не составляютъ запретной области для земства, хотя лишь съ соблюденіемъ двухъ условій, чтобы въ этой своей дѣятельности земство оставалось въ кругу задачъ, непосредственно соприкасающихся съ общей его дѣятельстью, и чтобы пред-

пріятія его служили къ удовлетворенію потребностей всего населенія, а не отдѣльныхъ малочисленныхъ его группъ. Оба эти условія не представляютъ ничего несовмѣстнаго и съ нашей точкой зрѣнія. Мы также предполагаемъ, что земскія торговыя предпріятія будутъ заключаться въ сферѣ предметовъ, подлежащихъ по закону прямому вѣдѣнію земства и будутъ имѣть въ виду какъ непосредственную выгоду населенія, такъ и упроченіе финансоваго положенія самого земства; въ томъ и другомъ случаѣ это будетъ не польза только отдѣльныхъ, малочисленныхъ группъ населенія. Но едва ли можно безъ всякой оговорки принять высказанный въ томъ же разъясненіи правительствующаго сената,—высказанный, впрочемъ, лишь въ смыслѣ мотива, подлежащаго, конечно, критикѣ,—взглядъ, что «участіе въ въ завѣдываніи какими-либо установленіями, равно какъ въ прибыляхъ и убыткахъ отъ ихъ операцій, не согласуется съ присвоеннымъ земскимъ учрежденіямъ характеромъ государственныхъ органовъ».

Что можетъ быть государственнѣе самой государственной росписи и выполняющихъ ее органовъ, а между тѣмъ значительная часть этой росписи построена на операціяхъ, имѣющихъ всѣ признаки торгово-промышленныхъ предпріятій. Развѣ, напримѣръ, казенныя желѣзныя дороги въ рукахъ казны не суть точно такое же коммерческое предпріятіе, какъ частныя желѣзныя дороги въ рукахъ частныхъ лицъ и компаній, дающее точно также прибыли и убытки? Развѣ министерство государственныхъ имуществъ не было и не есть такой же сельскій хозяинъ, какъ и всякій крупный землевладѣлецъ, получающій прибыли и убытки отъ земледѣлія и лѣсоводства? Развѣ почтово-телеграфное дѣло не даетъ государству свыше пятнадцати милліоновъ чистаго дохода; наконецъ, операціи государственнаго банка, которыя, какое бы высокое положеніе онъ ни занималъ въ государствѣ, имѣютъ въ сущности тотъ же характеръ, какъ и операціи всякаго банка, съ возможностью прибылей и убытковъ, ежегодно даютъ государственному бюджету около десяти милліоновъ. Переходя отъ общегосударственныхъ учрежденій къ мѣстнымъ, мы видимъ, что городскія управленія ведутъ многія торгово-промышленныя предпріятія, дающія доходъ: упомянемъ хотя бы о городскихъ трамваяхъ, да и само земство на вполнѣ законномъ основаніи ведетъ такое сравнительно крупное дѣло, какъ добровольное страхованіе, имѣющее совершенно тотъ же коммерческій характеръ, какъ и дѣятельность частныхъ страховыхъ обществъ. Такимъ образомъ намъ кажется очевиднымъ, что характеръ государственныхъ органовъ, присвоенный земскимъ учрежденіямъ, нисколько принципіально не препятствуетъ ихъ коммерческой дѣятельности, съ правовой точки зрѣнія.

Могутъ быть, конечно, представлены возраженія и другого рода. Мы уже указывали на нѣкоторыя изъ нихъ въ помѣщенной въ январской книжкѣ *Русской Мысли* статьѣ: «Губернскія земскія собранія». Одно изъ этихъ возраженій заключается въ неспособности земства вести успѣшно торговыя дѣла. Къ этой точкѣ зрѣнія примыкаетъ отчасти и г. Z. въ вышеприведенной статьѣ *Вѣстника новгородскаго земства*, возражающій

однако лишь противъ производительныхъ, а не коммиссіонныхъ предпріятій земства. Но мы, правду сказать, не можемъ уяснить себѣ, почему производительныя предпріятія должны быть непремѣнно рискованнѣе коммиссіонныхъ; да, при томъ между тѣми и другими существуютъ всевозможные переходы. Такое дѣло, какое ведется, наприм., осташевскимъ сѣтнымъ или новоторжскимъ кружевнымъ складомъ, несомнѣнно представляетъ тоже извѣстный торговый рискъ: купленыя сѣти или кружева могутъ не найти себѣ сбыта и остаться на рукахъ земства, которое въ такомъ случаѣ, конечно, будетъ нести убытки, точно также какъ несетъ ихъ нижегородское земство отъ своего завода сухой перегонки. Однако есть и такого рода заводы, идущіе успѣшно, есть и неудачныя коммиссіонныя предпріятія. Удача или неудача зависитъ тутъ отъ условій каждаго отдѣльнаго случая: отъ болѣе или менѣе правильной постановки дѣла, отъ выбора завѣдующихъ, отъ характера контроля и т. п. Но относительно всѣхъ этихъ условій мы не видимъ основаній, почему бы земство должно было оказаться въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ какомъ находятся, съ одной стороны, правительственныя учрежденія, а съ другой,—частныя компаніи, ведущія дѣла такого же рода.

Гораздо важнѣе принципіальное возраженіе, высказываемое не столько противъ участія земства въ коммерческихъ предпріятіяхъ, сколько противъ того, чтобы земство, какъ учрежденіе, получало бы отъ нихъ денежную выгоду. Говорятъ, что земство во всей своей дѣятельности должно имѣть въ виду исключительно выгоду населенія, а не свою. Такъ, наприм., учреждая, положимъ, книжный, или аптечный складъ, оно должно ставить своею цѣлію не полученіе барыша отъ торговли этихъ складовъ, а только удешевленіе лѣкарствъ и книгъ. Еще болѣе, такъ сказать, неприличнымъ для земства кажется наживать барыши на эксплуатаціи народнаго труда, какъ это происходитъ, наприм., въ сѣтномъ и кружевномъ складахъ. По поводу послѣдняго, такого рода замѣчанія были высказываемы и въ самомъ новоторжскомъ земскомъ собраніи и, сколько намъ помнится, въ литературѣ. Но надо всмотрѣться въ дѣло нѣсколько глубже, отрѣшившись отъ перваго впечатлѣнія. Что касается до такихъ предпріятій, какъ наприм., книжные или сельско-хозяйственные склады, то они большею частію и ведутся именно такъ, чтобы черезъ нихъ достигалось только удешевленіе продаваемыхъ ими предметовъ. Но мы не видимъ основаній для того, чтобы считать такую постановку дѣла единственно правильной. Въ самомъ дѣлѣ, почему выгода, доставляемая какимъ-нибудь земскимъ предпріятіемъ, должна восприниматься населеніемъ непремѣнно въ сферѣ дѣятельности именно этого учрежденія, а не въ какой-нибудь другой области? Почему выгода земства отъ книжнаго склада должна идти именно на удешевленіе книгъ, а не лѣкарствъ, или вообще на потребность, признаваемую наиболѣе настоятельною, другими словами, почему она должна распредѣляться между покупщиками книгъ, а не между всѣмъ населеніемъ? Вѣдь, говоря о земскихъ предпріятіяхъ, надо помнить, что земство не есть какая-нибудь

частная компанія, имѣющая свои финансовые интересы, отдѣльные отъ интересовъ населенія, или даже противоположные имъ. Всякая прибыль, полученная земствомъ, имѣетъ своимъ непосредственнымъ результатомъ или уменьшеніе земскаго сбора, слѣдовательно освобожденіе населенія отъ нѣкоторой доли податной тягости, или же удовлетвореніе какой-нибудь потребности населенія, признаваемой въ данное время насущною и которая безъ полученія этой прибыли не была бы удовлетворена. Поэтому нельзя не принимать въ разсчетъ, что продажа изъ земскихъ складовъ по низкимъ цѣнамъ безъ пользы для себя даетъ выгоду покупателю за счетъ всего населенія, т.-е. приводитъ къ тому именно результату—пользѣ отдѣльныхъ, сравнительно немногочисленныхъ группъ населенія,—противъ котораго направлено вышесказанное разъясненіе сената, при чемъ эти группы состоятъ даже большею частію изъ лицъ болѣе состоятельныхъ, чѣмъ средній уровень населенія. Намъ кажется, что положеніе вещей получаетъ невѣрное освѣщеніе между прочимъ отъ того, что на земство смотрятъ въ данномъ случаѣ, какъ на филантропическое учрежденіе, вродѣ какого-то частнаго благотворительнаго общества, которое устрояетъ благополучіе общественное или частное за счетъ собственныхъ пожертвованій. Но земство не можетъ ничего жертвовать за счетъ населенія; въ его задачу входитъ лишь болѣе правильное распоряженіе общественнымъ достояніемъ, поэтому и дѣятельность его должна направляться не филантропическими побужденіями, а правильной и разсчетливой финансовой политикой. Съ точки зрѣнія этой политики слѣдуетъ судить и объ образованіи капиталовъ за счетъ рабочей платы. Теоретически справедливо было бы, конечно, всю прибыль, полученную, наприм., новоторжскимъ кустарнымъ отдѣломъ, распредѣлить между работницами, но было ли бы это цѣлесообразно въ интересахъ самого новоторжскаго рабочаго населенія? Едва ли. Извѣстная группа работницъ, случайно работавшихъ на земство, получила бы неожиданно невѣроятный заработокъ, тогда какъ остальныя, работавшія столько же и такъ же, остались бы на старомъ положеніи. Между тѣмъ, земство не имѣло бы средствъ продолжать дѣло улучшенія мѣстныхъ промысловъ и распространить его на большій кругъ населенія. И намъ кажется, что новоторжское земство не только было право передъ населеніемъ, употребивши часть вырученной прибыли на устройство мастерскихъ, но что оно осталось бы передъ нимъ право даже и въ томъ случаѣ, если бы оно употребило эту прибыль, наприм., на устройство народной читальни, или вообще на какое-нибудь дѣло, не столь непосредственно связанное съ развитіемъ промысловъ, давшихъ ему прибыль, но признаваемое еще болѣе необходимымъ для населенія.

Не надо, конечно, также забывать, что та проблема, которую мы ставимъ земству—сдѣлаться богатымъ и экономически самостоятельнымъ, имѣетъ также высшій смыслъ, который даетъ работѣ въ этомъ направленіи не только матеріально-меркантильное значеніе, но и принципіально-общественное содержаніе и достоинство. Пріобрѣтая финансовую самостоя-

тельность и обладая капиталами, земство можетъ расширить свою экономическую и культурную дѣятельность, такъ чтобы черезъ посредство мѣстныхъ мелкихъ хозяйственныхъ организацій тѣсно связать ее съ интересами глубокихъ слоевъ народа и тѣмъ упрочить свое положеніе и вліяніе. Съ другой стороны, распространивъ свою коммиссіонную и подрядную дѣятельность по отношенію къ выполненію потребностей государственнаго бюджета, земство и по отношенію къ государству и правительству явится элементомъ, играющимъ серьезную роль въ государственно-финансовой политикѣ.

Высказывая всѣ эти пожеланія, мы вовсе не предполагаемъ, чтобы намѣчаемая нами цѣль могла быть достигнута легко. И, конечно, на этомъ пути можетъ встрѣтиться много препятствій, зависящихъ не только отъ невыгодности общихъ экономическихъ условій, отъ неорганизованности нашей торговли вообще, или отъ неподготовленности и недостаточной энергіи самихъ земскихъ дѣятелей, но и отъ причинъ внѣшняго характера. Такъ, наприм., однимъ изъ самыхъ коммерчески-выгоднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ соотвѣтствующимъ общимъ культурнымъ задачамъ земства предпріятіемъ была бы издательская дѣятельность, въ особенности изданіе школьныхъ и народныхъ книгъ. Извѣстно, что нѣкоторыми земствами наприм., вятскимъ, были дѣлаемы попытки въ этомъ направленіи. Нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету сгруппированы въ статьѣ г. Е. Звягинцева, помѣщенной въ *Вѣстникѣ Воспитанія* за 1900 годъ № 8. Въ ней авторъ дѣлаетъ слѣдующій подсчетъ: по списку книгъ, вышедшихъ въ Россіи въ 1898 году, помѣщенному въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, однихъ только азбукъ и букварей вышло въ этомъ году 968,700 экз., общая оцѣнка которыхъ была 179,785 руб.; всѣхъ же учебныхъ книгъ для класснаго употребленія въ школахъ вышло приблизительно на 1.280,000 р. Если предположить заготовительную ихъ стоимость въ 60% (считая бумагу, типографскіе расходы и авторскій гонораръ), то остальные 40% или 432,000 рублей ежегодно переплачиваются школой разнымъ посредникамъ, а на эти деньги можно бы содержать почти тысячу лишнихъ народныхъ школъ. При томъ надо имѣть въ виду, что монополизація изданія учебниковъ дѣлаетъ ихъ гораздо дороже дѣйствительной ихъ цѣны. Переплата книгопродавцамъ нѣсколько сократилась со введеніемъ земскихъ книжныхъ складовъ; но какъ извѣстно, въ средѣ издателей-книгопродавцевъ въ послѣднее время былъ поднятъ и сильно дебатировался вопросъ о соглашеніи въ томъ смыслѣ, чтобы прекращены были всякія уступки земствамъ. Нельзя не согласиться со словами автора, что участіе земства въ книгоиздательствѣ много можетъ внести въ современную учебную литературу со стороны ея внутренняго достоинства и оживить книжный рынокъ общедоступныхъ изданій. По мнѣнію автора, слѣдующія задачи земства достигались бы собственнымъ земскимъ издательствомъ: a) самозащита школъ и народа отъ эксплуатаціи издателей, не знающихъ теперь конкуренціи, b) привлеченіе къ дѣлу составленія учебниковъ народныхъ учителей и вообще лицъ, которыя теперь, по многимъ условіямъ, стоятъ въ сторонѣ отъ

учебной литературы, хотя и могутъ быть для нея полезными, с) улучшеніе издаваемыхъ учебниковъ со внѣшней стороны: бумаги, шрифта и т. п. d) дешевое, но хорошее изданіе русскихъ и иностранныхъ классиковъ для народа; изданіе календарей и справочниковъ мѣстнаго характера и значенія (наприм., предположенные къ изданію полтавскимъ губернскимъ земствомъ «Очерки природы Полтавской губерніи»), е) изданіе наглядныхъ учебныхъ пособій для школъ.

Все это совершенно вѣрно и казалось бы, что земское издательство есть одно изъ самыхъ полезныхъ земскихъ предпріятій не только въ смыслѣ его выгодности, но и по существу дѣла, удовлетворяя перечисленнымъ сейчасъ несомнѣнно самымъ земскимъ задачамъ. И однако какъ разъ относительно его имѣются очень серьезныя препятствія въ видѣ слѣдующаго циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ. «Изъ имѣющихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній усматривается, что нѣкоторыя земства предпринимаютъ цѣлый рядъ изданій самыхъ разнообразныхъ сочиненій, съ цѣлью пополненія ими народныхъ и школьныхъ библіотекъ и читаленъ и распространенія въ средѣ народа. Въ виду сего г. министръ внутреннихъ дѣлъ предложеніемъ отъ 20 іюня сего года за № 24—5639 разъяснилъ, что, хотя, на точномъ основаніи п. 10 ст. 2 Полож. о зем. учрежд., земству предоставлено попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія и участіе въ завѣдываніи содержимыми на счетъ земства школами, но приведенный законъ устанавливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣлы означенной дѣятельности земства. Въ семъ отношеніи надлежитъ имѣть въ виду, что дѣятельность земства въ области народнаго образованія ограничивается, помимо территоріальныхъ предѣловъ уѣзда или губерніи, опредѣленно выраженной въ законѣ цѣлью—образованіемъ народа. Такъ какъ, между тѣмъ, существующія въ этихъ цѣляхъ народныя читальни, библіотеки и низшія учебныя заведенія могутъ имѣть у себя только тѣ книги и изданія, которыя одобрены для нихъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, то земскія учрежденія должны ограничиваться въ своей издательской дѣятельности—сверхъ періодическихъ изданій по разрѣшеннымъ программамъ и изданій спеціальныхъ, касающихся тѣхъ или иныхъ отраслей мѣстнаго земскаго хозяйства и управленія,—исключительно списками литературныхъ произведеній, допущенныхъ къ обращенію въ средѣ народа и указанныхъ въ каталогахъ названныхъ читаленъ, библіотекъ и училищъ.

Значеніе этого циркуляра, очевидно сводящаго издательскую дѣятельность земства исключительно на перепечатку одобренныхъ изданій, отчасти поясняется выраженіемъ, взятымъ изъ другого циркуляра того же министерства, въ которомъ говорится, «что въ издательской дѣятельности земствъ до сихъ поръ не проявлялось такихъ сторонъ, которыя побудили бы правительство поставить земство въ этомъ отношеніи въ льготныя условія».

Мы хотѣли бы еще указать на важное значеніе, которое земство могло бы имѣть въ дѣлѣ внутренней хлѣбной торговли, но предметъ этотъ столь обширенъ, что заслуживаетъ особаго обсужденія.

В. Линдъ.

Рабочій на службѣ у городской общины въ Германіи.

I. Городъ какъ предприниматель.

Нѣкоторое стремленіе къ самодѣятельности въ области хозяйственной германскія городскія общины начинаютъ проявлять только лишь въ послѣдніе годы. До недавняго времени онѣ ограничивались самымъ необходимымъ, предпочитая оставлять за собой только контроль, а веденіе самаго хозяйства, гдѣ это было возможно, отдавать въ руки частныхъ предпринимателей-концессіонеровъ, акціонерныхъ обществъ.

Такую отсталость въ области коммунальной политики при непомѣрно быстромъ ростѣ городовъ за послѣднія десятилѣтія можно свести къ двумъ кореннымъ причинамъ: внутренней—составу городскихъ думъ, и внѣшней—зависимому положенію, которое занимаютъ городскія общины по отношенію къ правительственной власти. Благодаря системѣ выборовъ, городское самоуправленіе находится почти всецѣло въ рукахъ средней и крупной буржуазіи, которая ни въ чемъ не проявляла своего манчестерскаго «нутра» въ такомъ объемѣ и съ такой послѣдовательностью, какъ въ веденіи городскихъ дѣлъ. Но въ послѣдніе годы жизнь пробила брешь и въ этомъ оплотѣ практическаго манчестерства. Съ одной стороны, въ городскія думы, особенно въ городахъ съ фабрично-рабочимъ населеніемъ, несмотря на препятствія, которыя ставитъ система выборовъ, начинаютъ проникать демократическіе элементы; они здѣсь еще слишкомъ слабы, чтобы играть положительную, творческую роль, но ихъ вліяніе сильно чувствуется. Съ другой стороны, быстрый ростъ городовъ выставилъ предъ городскимъ самоуправленіемъ новыя задачи, совершенно неразрѣшимыя на почвѣ манчестерскихъ традицій.

Болѣе упорнымъ задерживающимъ движеніе впередъ моментомъ является зависимое положеніе городовъ. Тамъ, гдѣ городъ начинаетъ уже проявлять стремленіе къ самодѣятельности, онъ сплошь и рядомъ наталкивается на упорное противодѣйствіе со стороны мѣстной администраціи. Достаточно упомянуть о препятствіяхъ, встрѣченныхъ Берлиномъ въ его стремленіи взять въ свои руки эксплуатацію городскихъ рельсовыхъ путей сообщенія. Предпріятіе могло бы быть осуществлено только при устра-

неніи самаго главнаго конкурента—«Большого берлинскаго общества трамвайныхъ дорогъ». Срокъ концессіи этого акціонернаго общества истекаетъ въ 1919 году. Уже въ 1901 г. дума выработала обширный проектъ развитія и эксплоатаціи трамвайныхъ городскихъ дорогъ и представила его на усмотрѣніе полицей-президента. Послѣдній «не нашелъ удобнымъ преждевременно утверждать», но выразилъ полное сочувствіе переходу трамваевъ въ руки города. Сообщившій объ этомъ журналъ выражаетъ величайшій восторгъ и «съ удовольствіемъ» прибавляетъ, что по заявленію шарлоттенбургскаго бюргермейстера участникомъ предпріятія будетъ и Шарлоттенбургъ: между магистратами граничащихъ другъ съ другомъ городовъ уже состоялось по этому поводу соглашеніе *). Радость муниципальныхъ политиковъ и публики была велика, но не продолжительна. Черезъ три мѣсяца стало извѣстнымъ, что министръ продлилъ концессію акціонернаго общества *еще на 50 лѣтъ*, т.-е. до 1969 г. На интерпелляцію по этому поводу въ парламентѣ прусскій министръ спокойно отвѣтилъ, что онъ не превысилъ своей компетенціи и что, впрочемъ, практическій интересъ вопросъ будетъ представлять только въ 1919 году. Въ болѣе еще затруднительное положеніе городъ попалъ при попыткѣ экспропріировать предпріятіе другого трамвайнаго общества (Сименсъ и Гальске). «Экспропріація» должна была совершиться путемъ закупки всѣхъ акцій общества. Предпріятіе пока не приноситъ, или приноситъ очень мало дохода. Выгоднымъ оно стало бы, еслибъ провести небольшую дополнительную линію черезъ Unter den Lieden. Когда городъ успѣлъ уже накупить акцій на громадную сумму, стало извѣстнымъ, что императоръ не разрѣшаетъ постройки необходимой дополнительной вѣтви. Городъ остался съ бездоходными акціями въ рукахъ ждать болѣе благопріятнаго настроенія.

Особенно тягостно отзывается зависимое положеніе муниципалитетовъ въ такомъ вопросѣ, какъ санитарный. Охрана здоровья населенія въ Германіи возложена на санитарную полицію (Gesundheitspolizei), составляющую отдѣленіе общей полиціи. Городскіе санитарные комитеты почти всюду пользуются только правомъ предлагать проекты и ассигновывать деньги. Рѣшающій голосъ и контроль за выполненіемъ постановленій принадлежитъ санитарной полиціи. Городскому санитарному врачу вмѣняется въ обязанность «быть иниціаторомъ всевозможныхъ санитарныхъ мѣропріятій, дѣлать предложенія, вырабатывать проекты» или предлагать ихъ на усмотрѣніе полицейскихъ чиновниковъ, въ лучшемъ случаѣ получившихъ нѣкоторое юридическое, но отнюдь не медицинское образованіе. Санитарная полиція имѣетъ, правда, и своего врача, но онъ тоже пользуется только *совѣщательнымъ* голосомъ. «Городъ Магдебургъ,—разсказываетъ Гуго,—раздѣляется на три медицинскихъ участка... Заявленія санитарнаго врача поступаютъ въ соотвѣтствующій полицей-комиссаріатъ (полицейская часть), отсюда переходятъ въ полицей-президіумъ (общее полицейское управленіе),

---

*) „Sociale Praxis", Jahrg. X, № 5, S. 102—103.

а оттуда препровождаются къ полицейскому врачу, который даетъ свой отзывъ и дѣлаетъ предложенія. Затѣмъ начинается обратное путешествіе. Сдѣланное распоряженіе идетъ изъ президіума въ комиссаріаты, а оттуда переходитъ въ руки шуцмановъ (городовыхъ), на которыхъ возложенъ контроль за исполненіемъ. Превосходный образчикъ путешествія по инстанціямъ, и въ заключеніе—шуцманъ» *). Другіе города немногимъ отличаются отъ Магдебурга. Но уже и теперь во многихъ мѣстахъ сильно возросло вліяніе городскихъ санитарныхъ коммиссій и муниципальныхъ врачей, и, вѣроятно, недалеко время, когда давно отжившая «санитарная полиція» должна будетъ уступить имъ мѣсто. Вытѣсняетъ городъ правительственное чиновничество и изъ другихъ мѣстъ. Но борьба нелегка, тѣмъ болѣе, что и сами городскіе дѣятели ведутъ ее пока безъ большого энтузіазма, часто противъ собственнаго желанія, въ силу необходимости.

Не совсѣмъ добровольно, какъ я уже говорилъ, городскія самоуправленія въ лицѣ своего большинства, вообще переходятъ къ раціональной, коммунальной политикѣ. Вотъ классическій примѣръ. До недавняго времени чистка улицъ и свозка нечистотъ, и сора со дворовъ составляли натуральную повинность (отчасти и привилегію—поскольку нечистоты представляли цѣнность, какъ матеріалъ для удобренія) домовладѣльцевъ: каждый домохозяинъ отвѣчалъ за чистоту своего двора и части улицы, лежащей предъ его домомъ. Но быстрый ростъ городовъ и увеличеніе населенія каждаго дома сдѣлали эту работу невыполнимой единичными силами отдѣльныхъ домовладѣльцевъ: для чистки улицъ потребовались цѣлыя артели рабочихъ, во многихъ городахъ ручной трудъ пришлось замѣнить машиннымъ, вмѣсто прежнихъ вѣниковъ—пустить въ дѣло особые приборы; собираніе и свозка нечистотъ тоже начали требовать сложныхъ приспособленій и усиленія перевозочныхъ средствъ. Съ домовладѣльцевъ сняли натуральную повинность, замѣнивъ ее денежной, въ чемъ домовладѣльцы, замѣчу мимоходомъ, часто видятъ посягательство на свои права: судебные процессы между домовладѣльцами и городскими домами изъ-за «права собственности на удобрительный матеріалъ» не прекращаются и до настоящаго времени **). Характеристично, что городъ, гдѣ только это возможно, не забираетъ сразу дѣла въ свои руки, а предоставляетъ его частнымъ предпринимателямъ. Въ послѣднихъ нѣтъ недостатка, пока дѣло приноситъ большіе барыши, т.-е. пока «удобрительный матеріалъ» находитъ хорошій сбытъ; концессіи добиваются иногда акціонерныя общества съ громадными капиталами. Но въ большихъ городахъ очень скоро начинаетъ замѣчаться

---

*) *Hugo*: „Deutsche Städteverwaltung". S. 13.

**) Гуго въ своей книгѣ приводитъ нѣсколько очень любопытныхъ процессовъ. Нѣкоторые проходятъ всѣ инстанціи, ставя судей въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ юридически обѣ стороны правы. Лейпцигскій высшій судъ вышелъ изъ затруднительнаго положенія, признавъ, что городъ былъ правъ, руководствуясь гигіеническими соображеніями, но домовладѣльцы имѣютъ право на вознагражденіе. *Hugo*: „Die deutsch. Städteverw".

перепроизводство удобрительнаго матеріала, потребленіе же сокращается, такъ какъ по мѣрѣ роста города, часто сокращается площадь обрабатываемой въ его окрестностяхъ земли. Вывозить же далеко—невыгодно. Дѣло перестаетъ представлять соблазнъ для частныхъ предпринимателей, и городу, волей-неволей, приходится забирать его въ свои руки. Дороговизна вывоза нечистотъ на далекое разстояніе заставила обратиться къ системѣ сжиганія и совершенствованію канализаціонной системы. Иногда и этотъ шагъ дѣлался не добровольно. Такъ, гамбургская дума къ системѣ сжиганія перешла только во время холеры 1892 г., когда населеніе окрестностей воспротивилось сбрасыванію городского мусора въ ихъ владѣніяхъ. Сначала соръ сжигали упрощеннымъ и очень убыточныхъ способомъ; потомъ выстроили спеціальный заводъ. Впослѣдствіи сдѣлали еще шагъ впередъ и начали эксплоатировать для промышленныхъ цѣлей тепловую и электрическую энергію, пропадавшую даромъ при сжиганіи сора. Въ настоящее время заводъ почти окупаетъ расходы и, по увѣреніямъ спеціалистовъ, при нѣкоторыхъ усовершенствованіяхъ могъ бы даже приносить доходы. Точно также въ связи съ канализаціонной системой возникли поля орошенія, а на нихъ нѣкоторыя, правда, немногія городскія общины начинаютъ заводить собственные огороды.

Я остановился такъ подробно на этомъ примѣрѣ, чтобы показать, какъ стихійно, часто противъ собственнаго желанія, городскія самоуправленія толкаются на путь предпринимателей. Ростъ городовъ выставилъ новыя задачи, новыя потребности, такъ настойчиво требующія удовлетворенія, что предъ ихъ властнымъ голосомъ оказываются безсильными и муниципальныя традиціи «невмѣшательства», и полицейскія традиціи «вмѣшательства». Не безъ вліянія остается и растущая культурность населенія. Появляются новыя потребности, а населеніе достаточно развито политически, чтобы ясно формулировать ихъ, настойчиво требовать удовлетворенія. Рядомъ съ предпріятіями и учрежденіями для удовлетворенія общественно-гигіеническихъ нуждъ начинаютъ развиваться и муниципальныя учрежденія просвѣтительныя, увеселительныя и друг.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ болѣе или менѣе полной статистики муниципальныхъ учрежденій и занятыхъ въ нихъ рабочихъ. Въ недавно вышедшей книгѣ Момберта *), изъ которой я, главнымъ образомъ, заимствую матеріалы для настоящей статьи, приводится слѣдующая офиціальная таблица:

Характеръ коммунальныхъ предпріятій.	Число предпріятій.	Число рабочихъ.
Денежныя и торгово-кредитныя учрежденія. . . .	859	2,220
Газовые заводы	363	11,692
Учрежденія для аукціоновъ и посредн. въ отыскиваніи работы	73	823

*) *Dr. Paul Mombert:* „Die deutschen Städtegemeinden und ihre Arbeiter“.

Приготовленіе и продажа напитковъ	51	453
Заводы глиняныхъ издѣлій	31	417
Заготовка дровъ и консервовъ	30	397
Обработка камня	25	580
Приготовленіе электрич. машинъ и приспособленій	20	243
Бани, купальни и т. п.	20	369
Цементъ, гипсъ, калькъ и т. п.	16	130
Всего. . . .	1,642	20,992

Сюда не вошли рабочіе по чисткѣ улицъ, занятые при городскихъ каналахъ, мостахъ, шлюзахъ; не вошли также рабочіе, занятые лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ году (наприм., починкой мостовыхъ, которая обыкновенно производится только въ лѣтніе мѣсяцы) и малолѣтніе. Дѣйствительное число рабочихъ должно быть много (въ 3 — 4 раза) больше указаннаго таблицей. Таблица страдаетъ еще тѣмъ недостаткомъ, что не показываетъ, какъ распредѣляются учрежденія и рабочіе по городамъ.

Послѣдній пробѣлъ отчасти заполнилъ Момбертъ, который по даннымъ, разбросаннымъ въ различныхъ офиціальныхъ изданіяхъ, и лично собраннымъ свѣдѣніямъ вычислилъ количество рабочихъ для слѣдующихъ городовъ:

Берлинъ. . . .	11—12,000	Мюнхенъ	2,075
Бреславль	1,432	Мюнхенъ-Геадбахъ .	223
Бохумъ	200	Мюнстеръ (въ Бав.) .	60
Бромбергъ	217	Нюрнбергъ	1,500
Галле.	520	Оснабрюккъ	100
Ганноверъ.	850	Позенъ	456
Данцигъ.	749	Пфорцгеймъ	235
Дармштадтъ	100	Ремшейдъ	150
Дессау	470	Страсбургъ	350
Дрезденъ	2,650	Франкфуртъ-н-М. . .	3,085
Дюссельдорфъ . . .	1,645	Фрейбургъ (въ Бр.) .	178
Карлсруэ	808	Хемницъ	750
Кассель	477	Цвикау	330
Кёльнъ	4,053	Шарлоттенбургъ . .	1,000
Людвигсгафенъ . . .	160	Шпандау	108
Магдебургъ	1,471	Штутгартъ.	650
Майнцъ	310	Эрфуртъ.	200
Маннгеймъ	995	Эссенъ	1,000

II. Положеніе рабочихъ.

Городская община не подходитъ ни подъ одну изъ извѣстныхъ германскому законодательству категорій работодателей. Отношенія между городомъ и его рабочими поэтому не регламентируются общими законодательными нормами. Промышленный уставъ не можетъ служить юридиче-

ской основой, такъ какъ онъ подъ «промышленнымъ заведеніемъ» понимаетъ такое, которое производитъ извѣстную опредѣленную работу «съ цѣлью получить матеріальную выгоду». Момбертъ приводитъ 4 случая, когда дѣла между городскими рабочими и городомъ попадали въ промышленный судъ: въ трехъ случаяхъ судъ отклонилъ дѣла «по неподсудности», въ четвертомъ разобралъ дѣло, но «только потому, что считали обыкновенный мировой судъ некомпетентнымъ».

Промысловый уставъ въ новеллѣ отъ 1 іюня 1891 г. требуетъ обязательнаго введенія Arbeitsordnung'овъ, регламентирующихъ работу, но не даетъ никакихъ руководящихъ нормъ, которыя должны лежать въ основѣ отношеній между городомъ и его рабочими. При такой неопредѣленности юридическаго положенія, не удивительно, что отношеніе городскихъ предпріятій къ занятымъ въ нихъ рабочимъ мѣняется съ каждымъ городомъ, очень часто даже въ одномъ и томъ же городѣ различно въ различныхъ предпріятіяхъ.

Насколько отношеніе города къ его рабочимъ вырисовывается въ Arbeitsordnung'ахъ, его можно свести къ двумъ типамъ: *старому*, при которомъ преобладаетъ патріархальный взглядъ на рабочихъ, какъ на опекаемыхъ, и *новому*, при которомъ рабочіе признаются, большею частію принципіально, равноправной стороной.

При старомъ типѣ отношеній почти повсемѣстно каждое предпріятіе имѣетъ свой спеціальный регламентъ, который болѣе похожъ на уставъ какого-нибудь богоугоднаго заведенія или даже рабочаго дома, чѣмъ на договорный актъ. Многіе Arbeitsordnung'ы даже сохранили соотвѣтствующія названія: Anordnung (Распорядокъ), Dienstanweisungen (Служебныя указанія), Vorschriften (Предписанія) и т. д. «Что—говоритъ Момбертъ— прежде всего бросается здѣсь въ глаза — это несоотвѣтствіе между мѣстомъ, отводимымъ *правамъ* и *обязанностямъ* рабочихъ. Обязанностямъ посвящается нерѣдко 30—40 страницъ; правамъ лишь нѣсколько скудныхъ страницъ, въ которыхъ заключается перечисленіе правъ рабочихъ по промысловому уставу». Но такъ какъ городскія предпріятія—не «промышленныя заведенія» въ смыслѣ устава, то и эти параграфы не имѣютъ обязательнаго характера: «ихъ перепечатка является скорѣе актомъ вѣжливости по отношенію къ закону, чѣмъ дѣломъ необходимости» *). Во всемъ, что касается взаимныхъ отношеній между предпріятіями и рабочими, первыя въ Arbeitsordnung'ахъ стараго типа неизмѣнно сохраняютъ позицію *предписывающей инстанціи*, а не *договаривающейся стороны*. При принятіи на службу городъ часто руководствуется соображеніями, которыя не могутъ имѣть значенія ни въ одномъ частномъ учрежденіи. Такъ, въ Майнцѣ ищущій работы подвергается медицинскому изслѣдованію, долженъ доказать, что прежнюю службу оставилъ, не нарушивъ контракта. Тоже и во Франкфуртѣ. Нерѣдко рабочій для принятія на городскую службу долженъ до-

*) P. Mombert. Die deutsch. Stadt., s. 31—32.

ставить свѣдѣнія о своемъ прошломъ и представить доказательства «своего хорошаго поведенія». Во многихъ мѣстахъ предпочтеніе отдается туземцамъ. Въ Карлсруэ только отдается предпочтеніе туземцамъ предъ пришлыми, но туземцы (при принятіи на службу по чисткѣ улицъ) должны представить удостовѣреніе полиціи въ томъ, что послѣдніе два года жили въ Карлсруэ. Нѣкоторые города ставятъ принятіе на службу въ зависимость отъ возраста (во Фрейбургѣ максимальный предѣльный возрастъ—35 лѣтъ, въ Карлсруэ 50). Но это меньшинство. Большая часть городовъ охотно принимаетъ и людей пожилыхъ, но лучшія мѣста отдаетъ молодымъ. Очень часто многосемейнымъ отдается предпочтеніе предъ малосемейными и холостыми; охотно принимаются и подростки.

Объясняется это тѣмъ, что громадное большинство городовъ при принятіи на службу рабочихъ руководствуется не исключительно хозяйственно-предпринимательскими соображеніями, а отчасти и филантропическими. Туземца, имѣющаго право поддержки со стороны городской общины, гораздо выгоднѣе принять на службу, чѣмъ содержать на благотворительныя средства города. Отсюда такое предпочтеніе туземцевъ и снисходительное отношеніе къ пожилымъ и слабосильнымъ. По вычисленіямъ Момберта въ Штутгартѣ вполнѣ *работоспособныя*—74,2%, работоспособныхъ на $^3/_4$—10,57%, на $^1/_2$—7,05%, на $^1/_4$—8,18% всего количества служащихъ у города рабочихъ. О семейномъ положеніи можно судить по слѣдующимъ даннымъ для нѣсколькихъ городовъ: Въ Мюнхенѣ семейныхъ—около 60%, въ Дюссельдорфѣ — 52%, въ Дрезденѣ — 58%. Причемъ дѣтей моложе 14 лѣтъ приходилось:

Въ Мюнхенѣ	на 1,996	семейныхъ рабочихъ	2,237 дѣтей
» Дюссельдорфѣ	» 1,084	» »	1,988 »
» Дрезденѣ	» 1,464	» »	2,458 »

Здѣсь—только дѣти «школьнаго возраста», т.-е. моложе 14 лѣтъ. Дѣйствительно, число дѣтей, которыхъ родителямъ-рабочимъ приходится содержать, всецѣло или отчасти, значительно больше. Въ Дюссельдорфѣ, напримѣръ, на тѣхъ же 1084 семейныхъ рабочихъ—дѣтей старше 14 лѣтъ—1,187.

По семьямъ дѣти распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Мюнхенъ:			Дрезденъ:		
Не имѣютъ дѣтей		966	Не имѣютъ дѣтей		487
Имѣютъ:	1	412	Имѣютъ:	1	311
»	2	295	»	2	265
»	3—5	299	»	3—5	355
»	6 и болѣе	24	»	6 и болѣе	46

То же число дѣтей школьнаго возраста приходится, слѣдовательно, на значительно меньшее число семей.

Высокъ и процентъ пожилыхъ коммунальныхъ рабочихъ, въ особенности въ сравненіи съ процентомъ рабочихъ тѣхъ же возрастовъ на другихъ предпріятіяхъ. По официальнымъ статистическимъ даннымъ въ трехъ

городахъ (Штутгартъ, Альтона, Нюрнбергъ) рабочіе старше 50 лѣтъ составляли: на городской службѣ—24,77%, на не городскихъ предпріятіяхъ—9,73%.

Среди чернорабочихъ на городской службѣ много профессіональныхъ рабочихъ, не способныхъ по слабосилію или другимъ причинамъ заниматься своей профессіей.

Такой составъ рабочихъ если не оправдываетъ, то объясняетъ патріархальность отношеній. Принятые на службу «изъ милости» (вѣрнѣе, изъ желанія облегчить благотворительный бюджетъ города), рабочіе не могутъ быть особенно привередливы. «Единственно рѣшающій» голосъ отводятъ Arbeitsordnung'ы городу (часто даже формально) при принятіи на службу; «единственно рѣшающей» инстанціей является городъ, если не всегда—de jure, то de facto, и при расторженіи договора, вѣрнѣе—при увольненіи рабочихъ. Большинство Arbeitsordnung'овъ, правда, цитируетъ статью устава, говорящую «объ одинаковыхъ правахъ сторонъ» при расторженіи договора. Но мы уже видѣли, что это—актъ вѣжливости по отношенію къ закону. Нѣкоторые города даже и этой вѣжливости не соблюдаютъ. Такъ, въ Бреславлѣ (на скотобойняхъ) рабочій не можетъ бросить взятой съ аккорда работы до ея окончанія. Но управленію скотобойнями принадлежитъ право прекращать договоръ и на аккордную работу въ двухъ случаяхъ: «1) Когда, *по единственно имѣющему значеніе* (allein massgebendes Urteil) мнѣнію управленія, начатая аккордная работа исполняется недостаточно быстро или недостаточно хорошо; 2) когда *по единственно имѣющему значеніе* мнѣнію управленія въ продолженіе начатой работы (аккордной) нѣтъ надобности» *).

Здѣсь слишкомъ уже откровенно подчеркнуто неравноправное положеніе договаривающихся сторонъ. Въ менѣе откровенной, но и менѣе дѣйствительной формѣ городскія самоуправленія оставляютъ за собой или за администраціей своихъ предпріятій полную свободу дѣйствій всегда.

Въ рѣдкихъ случаяхъ и для избранныхъ категорій рабочихъ увольненіе зависитъ отъ магистратовъ или ихъ уполномоченныхъ, какъ высшей инстанціи; обыкновенно это прерогатива дирекціи. Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочему предоставляется жаловаться, или когда увольненіе зависитъ отъ магистрата, фактически мнѣніе дирекціи, безъ сомнѣнія, является «единственно имѣющимъ значеніе».

Arbeitsordnung'ы дѣлятъ рабочихъ на *постоянныхъ* и *непостоянныхъ*. Но терминъ «постоянный» относится не къ продолжительности службы, а къ характеру работы или занимаемаго мѣста. *Постоянными* называются: 1) рабочіе тѣхъ отраслей городскихъ работъ, которыя производятся круглый годъ; 2) рабочіе, занимающіе штатное мѣсто съ постояннымъ, опредѣленнымъ заранѣе окладомъ. Увольняются «постоянные» рабочіе съ занимаемаго ими мѣста, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, на основаніи общихъ правилъ даннаго предпріятія или города.

*) *Mombert*: „Die d. St.“, S. 51.

Въ нѣкоторыхъ городахъ договоръ можетъ быть расторгнутъ обѣими сторонами во всякое время. Но такихъ городовъ немного. Большею частію, этотъ принципъ соблюдается по отношенію къ чернорабочимъ. По отношенію къ спеціализированнымъ рабочимъ соблюдается другой принципъ: между моментомъ объявленія договора расторгнутымъ и его фактическимъ прекращеніемъ, т.-е. прекращеніемъ работы, долженъ пройти извѣстный, заранѣе принятый обѣими сторонами, срокъ—«*Kündigungsfrist*». Обычный въ германскихъ промышленныхъ учрежденіяхъ Kündigungsfrist—14 дней. Въ коммунальныхъ учрежденіяхъ онъ колеблется отъ 1 до 14 дней. Но бываютъ и исключенія.

Нѣсколько примѣровъ. Во Франкфуртѣ на-Майнѣ Kündigungsfrist существуетъ только для прослужившихъ у города не менѣе 12 мѣсяцевъ. Kündigungsfrist здѣсь—14 дней. Въ теченіе 1 года отношенія могутъ быть *прерваны* обѣими сторонами въ каждую данную минуту. Въ Висбаденѣ не существуетъ Kündigungsfrist'а для рабочихъ «не постоянныхъ» и получающихъ низшую въ тарифѣ заработную плату. Въ Мюнхенѣ, Канштатѣ и Штутгартѣ Kündigungsfrist (14 дней)—только для «постоянныхъ» рабочихъ. Въ Магдебургѣ только для высшихъ категорій рабочихъ—надсмотрщиковъ, мастеровъ и т. д. Тамъ, гдѣ до принятія на службу рабочій долженъ нѣкоторое время работать «для испытанія», Kündigungsfrist часто равняется «пробному времени», обыкновенно 8—14 дней. Въ нѣкоторыхъ Arbeitsordung'ахъ о Kündigung'ѣ ничего не говорятъ. Это въ городахъ, гдѣ царитъ наиболѣе патріархальное отношеніе къ рабочимъ.

Ни въ чемъ «патріархальность отношеній» не проявляется такъ ярко, какъ въ *штрафованіи рабочихъ*, которое практикуется рѣшительно повсемѣстно,—даже въ городахъ съ самыми «соціально-политическими» думами. Въ нѣкоторыхъ Arbeitsordnung'ахъ находимъ очень широкую скалу наказаній, далеко не исчерпывающуюся денежными взысканіями *). Кромѣ денежныхъ штрафовъ, эти своеобразные кодексы грозятъ: переводомъ на низшее жалованье или болѣе тяжелую работу, наконецъ, удаленіемъ со службы на время или навсегда. Точнаго указанія наказуемыхъ проступковъ и соотвѣтствующихъ наказаній въ Arbeitsordnungen нѣтъ; они различаютъ только между легкими и тяжкими проступками. Только одно преступленіе пользуется особеннымъ вниманіемъ авторовъ Arbeitsordnung'овъ—опаздываніе на работу. И нѣкоторыя муниципальныя учрежденія точно опредѣляютъ и наказаніе. Такъ, въ Ганноверѣ:

За опозданіе	5 минутъ	полагается	20 пфениговъ штрафа
» »	10 »	»	50 » »
»	30 и болѣе »	»	$^1/_{10}$ дневного заработка за кажд. $^1/_4$ часа.

*) *Карлсруэ:* 1. Выговоръ. 2. Денежный штрафъ. 3. Отказъ отъ службы. 4. Немедленное увольненіе. *Майнцъ:* 1. Предостереженіе черезъ непосредственнаго начальника. 2. Выговоръ черезъ директора съ составленіемъ протокола. 3. Денеж. штрафъ до половины дневного заработка, наложенный директоромъ. *Висбаденъ:* 1. Денежный штрафъ до половины дневного заработка. 2. Устраненіе отъ работы на три дня. 3. Увольненіе.

Особенной суровостью отличается Любекъ: тамъ за каждое опозданіе налагается штрафъ въ 25 пф. и кромѣ того вычитывается сумма, равная заработку за полчаса, хотя бы опозданіе было только въ нѣсколько минутъ. При опозданіи болѣе чѣмъ на 30 мин. рабочій, по усмотрѣнію своего ближайшаго начальства, можетъ быть устраненъ отъ работы на цѣлый день. «Устраненіе отъ работы на одинъ день», т.-е. лишеніе соотвѣтствующаго заработка, практикуется во многихъ городахъ, между прочимъ, и въ Берлинѣ».

Любопытную систему наказаній примѣняетъ Карлсруэ къ своимъ рабочимъ, занятымъ чисткой улицъ. «Кромѣ денежныхъ штрафовъ, налагаемыхъ за болѣе легкіе проступки,—разсказываетъ Момбертъ, — рабочіе въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ могутъ быть назначаемы *внѣ очереди на тяжелую работу*, имъ можетъ быть на неопредѣленное время понижена заработная плата до минимальной; рабочіе, занимающіе высшія мѣста (Vorarbeiter), могутъ быть въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ разжалованы (degradiert). Большая патріархальность и въ наложеніи наказаній: за рѣдкими исключеніями право налагать наказанія предоставляется ближайшему, низшему начальству—надсмотрщикамъ, указателямъ, мастерамъ и т. д.; рѣже—директорамъ, еще рѣже, и только когда наказаніемъ является увольненіе,—дѣло передается на рѣшеніе магистрата или бюргермейстера.

Также рѣдко рабочимъ предоставлено право жаловаться по поводу несправедливаго штрафа или увольненія со службы. Да не такъ ужъ много можетъ дать это право рабочимъ, какъ думаютъ многіе (между прочимъ и Момбертъ), при существующихъ отношеніяхъ: высшей инстанціей все же остается работодатель въ лицѣ бюргермейстера или магистрата. Третейскаго же суда, суда смѣшанной коммиссіи изъ представителей городского самоуправленія и рабочихъ пока еще нѣтъ нигдѣ въ Германіи. Рабочіе комитеты (Ausschüsse) существуютъ лишь въ двухъ - трехъ городахъ, да и тамъ они играютъ роль скорѣе экспертовъ, чѣмъ судей. Объ Ausschüss'ахъ мнѣ еще, впрочемъ, придется говорить ниже.

По закону штрафныя деньги должны быть употреблены на нужды рабочихъ. Большею частію онѣ поступаютъ въ пенсіонныя или больничныя кассы городскихъ же рабочихъ. Въ Дрезденѣ на газовомъ заводѣ вопросъ объ употребленіи штрафныхъ денегъ рѣшаетъ рабочій Ausschüss этого завода; въ Дармштадтѣ штрафныя деньги въ концѣ года распредѣляются между рабочими тѣхъ категорій, съ которыхъ штрафы взысканы. Въ Дортмундѣ изъ штрафныхъ денегъ выдаются: пособія больнымъ и *новогоднія награды*. Распредѣляетъ награды городская коммиссія и, конечно, между рабочими «добраго поведенія». «Дешевый способъ награждать,—говоритъ Момбертъ,—трудно предположить, чтобы радость рабочихъ по поводу такого своеобразнаго выраженія благоволенія начальства была особенно велика».

Въ нѣсколькихъ Arbeitsordnung'ахъ (въ очень немногихъ) о штрафахъ ничего не говорится. Но Момбертъ не безъ основанія сомнѣвается въ томъ,

что въ соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ штрафы не практикуются. Судя по общераспространенному обычаю, кажется болѣе вѣроятнымъ, что штрафованіе рабочихъ только не регламентируется, а предоставляется на усмотрѣніе тѣхъ, чье «мнѣніе единственно имѣетъ значеніе».

Въ очень торжественной формѣ берлинская городская дума запрещаетъ штрафы для одной категоріи своихъ рабочихъ—водяныхъ сооруженій (водопроводъ и каналы). «Слѣдуетъ *пока* воздержаться отъ допускаемыхъ закономъ денежныхъ штрафовъ, такъ какъ поведеніе рабочихъ на болѣе старыхъ нашихъ предпріятіяхъ не дали никакого повода для введенія этой системы». Только ли отъ денежныхъ штрафовъ слѣдуетъ воздержаться или и отъ другихъ (напримѣръ, увольненія рабочихъ), неясно. Довольно угрожающе звучитъ и это «пока» (vorläufig). Энергично и сурово штрафуетъ сосѣдній съ Берлиномъ Шарлоттенбургъ.

Описанный типъ отношеній до сихъ поръ остается преобладающимъ. Но въ коммунахъ, гдѣ начинается переходъ къ болѣе раціональному веденію хозяйства, замѣчается и тенденція построить на новыхъ началахъ и отношенія къ рабочимъ. «По мѣрѣ того, какъ развивается самодѣятельность городскихъ общинъ,—говоритъ одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ изслѣдователей,—по мѣрѣ того, какъ нѣкоторыя отрасли хозяйства начинаютъ ставить работѣ болѣе высокія качественныя требованія, все болѣе обнаруживается несостоятельность рабочихъ, принимаемыхъ изъ милости (Armenpfleglinge). Стало насущно необходимымъ обезпечить такія отрасли хозяйства вполнѣ пригодными рабочими. Чтобы это осуществить, необходимо создать такія условія труда, которыя могли бы привлечь способныхъ рабочихъ» *). Новыя тенденціи проявляются робко, нерѣшительно—въ видѣ компромисса между патріархальностью и раціональной соціалъ-политикой. Яснѣе всего борьба между старымъ началомъ и новымъ отражается на регулированіи рабочаго дня и заработной платы.

III. Рабочій день и заработная плата.

Продолжительность рабочаго дня различна въ разныхъ городахъ и для различныхъ отраслей. Въ общемъ можно принять десятичасовый рабочій день за нормальный, не считая перерывовъ на завтракъ, обѣдъ и ужинъ. На завтракъ и ужинъ обыкновенно дается по $^1/_2$ ч., на обѣдъ $1^1/_2$ ч.; рѣже: на завтракъ и ужинъ по $^1/_4$ часа, на обѣдъ—2 часа. Для нѣкоторыхъ видовъ размѣры рабочаго дня мѣняются соотвѣтственно временамъ: зимой рабочій день короче на $1^1/_2$—2 часа, чѣмъ лѣтомъ **). Впрочемъ,

---

*) *Dr. Hugo Lindemann:* „Fortschritte der communalen Social-politik Soc. Monatshefte". 1903. Б. I. S. 66.

**) Въ Мюнхенѣ, напр., для рабочихъ коммунальныхъ предпріятій (за исключеніемъ работающихъ на свѣтильно-газовомъ заводѣ) рабочій день лѣтомъ (15 марта—15 октября) составляетъ 12 часовъ (отъ 6 утра до 6 вечера), зимой (15 октября—15 марта)—10 часовъ (7 утра—5 вечера), включая и паузы (лѣтомъ—2 часа, зимой $1^1/_2$ часа).

это бываетъ рѣдко; большею частію, мѣняются не размѣры рабочаго дня, а время начала и прекращенія работы. Для нѣкоторыхъ видовъ работъ хотя и существуетъ принципіально нормальный рабочій день, но фактически съ нимъ мало считаются. Такъ, напримѣръ, у рабочихъ, занятыхъ чисткой улицъ, для каждой группы работа заканчивается, когда она очистила указанный ей участокъ. Отчетъ шарлоттенбургской думы прямо говоритъ, что при очисткѣ улицъ «*въ дурную погоду* рабочій день можетъ быть нѣсколько *удлиненъ*, такъ какъ въ дурную погоду обыкновенно больше грязи, что требуетъ и больше работы при чисткѣ. Для многихъ работъ терминъ «рабочій день» не подходитъ: однѣ, какъ свозка нечистотъ, производятся только по ночамъ, другія—и днемъ и ночью. Поэтому мы въ такихъ случаяхъ будетъ употреблять терминъ «рабочее время» (Arbeitszeit). Въ учрежденіяхъ съ безпрерывной суточной работой рабочее время составляетъ 12 часовъ, очень рѣдко—и то больше на бумагѣ—8 часовъ. Двухсмѣнная система, т.-е. 12 часовый рабочій день, существуетъ при самыхъ тяжелыхъ отрасляхъ работы. Переходъ съ ночной на дневную работу можетъ совершаться различнымъ путемъ, но въ Германіи обычны два пріема: 1) заканчивающая очередь группа имѣетъ 1*8 часовъ безпрерывной работы*; 2) заканчивающая очередь группа имѣетъ *24 часа безпрерывной работы*. Въ первомъ случаѣ, она начинаетъ работу въ субботу въ 6 часовъ вечера и заканчиваетъ ее въ воскресенье въ 12 часовъ дня; во второмъ случаѣ, начинаетъ работу въ 6 часовъ утра и заканчиваетъ ее въ воскресенье въ 6 часовъ утра.

Переходъ отъ ночной къ дневной работѣ совершается разъ въ недѣлю или въ 2 недѣли. Разъ въ 14 дней или при каждомъ переходѣ отъ ночной къ дневной работѣ, заканчивающая ночную очередь смѣна имѣетъ «свободное воскресенье», но Момбертъ справедливо называетъ эту «свободу» чисто иллюзорной, такъ какъ ей предшествуетъ 18 или 24 ч. безпрерывной работы *). Среди работающихъ 12 часовыми смѣнами особенно тяжело положеніе низшей, и самой значительной категоріи рабочихъ на свѣтильно-газовыхъ заводахъ—т. н. Feuerhausarbeiter. Ихъ работа состоитъ въ накладываніи каменнаго угля въ печи для накаливанія, извлеченія изъ пылающей печи кокса и перевозкѣ послѣдняго на тачкахъ въ спеціальное складочное мѣсто. Среди этихъ рабочихъ начинается сильное движеніе въ пользу замѣны 12 часовыхъ смѣнъ 8 часовыми, но положительныхъ результатовъ оно пока нигдѣ не дало.

Объясняется это, главнымъ образомъ, неорганизованностью Feuerhausarbeiter, которые рекрутируются преимущественно изъ среды не спеціализировавшихся и, стало быть, не принадлежащихъ къ профессіональнымъ организаціямъ рабочихъ. Сама по себѣ работа не требуетъ никакой спе-

---

*) Въ Оффенбахѣ, гдѣ для болѣе тяжелыхъ группъ существуетъ 8 часовыя смѣны, каждая заканчивающая очередь группа тоже работаетъ безпрерывно 24 часа, но зато на одно занятое воскресенье она имѣетъ два свободныхъ.

ціализаціи: нужна только физическая сила и выносливость. Противники движенія утверждаютъ, что работа не такъ утомительна: при 12 часовой смѣнѣ рабочее время въ дѣйствительности составляетъ лишь 7—8 часовъ, такъ какъ между накладываніемъ угля въ печи и извлеченіемъ кокса проходитъ минутъ 20 (на берлинскомъ заводѣ даже цѣлый часъ) въ теченіе котораго рабочіе свободны. Но использовать этой свободы они, конечно, не могутъ, такъ какъ вынуждены оставаться въ мастерскихъ или по близости. На заводѣ эти «свободные» рабочіе вынуждены проводить 84 часа въ недѣлю *). Что работа очень нелегка, доказываетъ уже тотъ фактъ, что, несмотря на отсутствіе спеціальныхъ знаній и неорганизованность, Feuerhausarbeiter получаютъ высшій окладъ жалованія.

Относительно воскресныхъ и праздничныхъ дней имѣется мало свѣдѣній. Большинство Arbeitsordnungen, «изъ вѣжливости по отношенію къ промышленному уставу», говорятъ, правда, что работа по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ производится только въ случаѣ «настоятельной нужды». Нѣкоторые Arbeitsordnung'и, менѣе вѣжливы и просто требуютъ воскресной работы при обыкновенной платѣ». Зато всѣ цитируютъ статью пром. устава, гласящую, что по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ рабочіе могутъ быть назначаемы на работы, не допускающія по своему характеру перерывовъ **). Въ учрежденіяхъ съ непрерывающейся ночною работой рабочіе имѣютъ свободными 1—2 воскресенья въ мѣсяцъ. Во многихъ городахъ (Штеттинъ, Бохумъ, Дортмундъ) чистка улицъ производится въ зависимости отъ погоды также и по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Въ Берлинѣ воскресная работа по чисткѣ улицъ производится регулярно лѣтомъ и зимой. Офиціальный отчетъ берлинской думы старается изобразить положеніе рабочихъ Strassenreinigung въ очень розовомъ свѣтѣ,—между прочимъ, доказать, что они работаютъ только 8 часовъ ночью. Ночная работа, по этому отчету, производится отъ 12 час. ночи до 8 утра, «въ дурную погоду м. б. нѣсколько позже»; дневная работа отъ 7 утра до 7 вечера или отъ 8 до 8. «Если прибавить, что *по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ работаютъ обыкновенно лишь около 3-хъ часовъ*, то можно вывести, что средняя продолжительность работы—8 часовъ». Этому офиціальному отчету Момбертъ противопоставляетъ статью «Gewerkschaft», органа организованныхъ берлинскихъ муниципальныхъ рабочихъ—источникъ, во всякомъ случаѣ не менѣе надежный, чѣмъ «офиціальные» отчеты. По «Gewerkschaft» ночная работа начинается не въ 12, а въ $^3/_4$ 11-го, на завтракъ, обѣдъ и ужинъ дневной смѣнѣ дается не 3 часа, какъ утверждаетъ отчетъ, а лишь $2^3/_4$ часа. Относительно работы по праздникамъ газета говоритъ: «дневная смѣна работаетъ по воскресеньямъ: лѣтомъ отъ $6^3/_4$ до 12 утра, зимой—отъ $7^3/_4$ до 1 ч., а каждое 3-е и 4-ое воскре-

*) *Момбертъ* цит. стр. 78.

**) *Ernst Klien*: „Minimallohn und Arbeiterbeamtentum". Theil II S. 153, а также и цитированную книгу Момберта, S. 79.

сенье до 7 часовъ вечера. То же рабочее время и по праздникамъ. Для рабочаго этой категоріи совершенно исключена возможность хоть разъ въ году имѣть свободными полныхъ 24 часа»*). Въ Дюссельдорфѣ рабочіе городского трамвая имѣютъ въ мѣсяцъ 3 свободныхъ дня, въ томъ числѣ одно воскресенье.

Почти во всѣхъ муниципальныхъ учрежденіяхъ наканунѣ большихъ праздниковъ—которые обыкновенно подробно перечисляются въ Arbeitsordnung'ахъ — работы прекращаются на 1 — 1½ ч. раньше обыкновеннаго; нерѣдко это практикуется и по субботамъ.

О *формѣ* заработной платы въ муниципальныхъ учрежденіяхъ офиціальная статистика даетъ мало свѣдѣній; она говоритъ только о *размѣрахъ заработка* за извѣстное время—день, недѣлю, годъ. По косвеннымъ указаніямъ Arbeitsordnung'овъ можно съ увѣренностью сказать, что *всюду* еще сохранилась *аккордная система*, противъ которой болѣе сознательная часть рабочихъ давно уже ведетъ упорную борьбу, какъ противъ одной изъ самыхъ вредныхъ **).

Правда, она не является единственною, но играетъ все же видную роль. Даже въ Карлсруэ, одномъ изъ самыхъ прогрессивныхъ по коммунальной политикѣ городовъ, аккордная работа существуетъ для случайныхъ и временныхъ рабочихъ. Въ Мюнхенѣ въ 1898 году изъ 2913 рабочихъ 213 работали аккордно. Въ Магдебургѣ въ томъ же году изъ 1014 рабочихъ 132 работали аккордно. Много аккордныхъ рабочихъ и въ другихъ городахъ, между прочимъ, въ Берлинѣ. Обыкновенно аккордная система въ одномъ и томъ же городѣ существуетъ одновременно съ самыми разнообразными другими системами: для различныхъ категорій рабочихъ различныя формы заработной платы. Такъ, въ Дрезденѣ изъ 2530 рабочихъ въ 1900 г. и 2650—въ 1901 разсчетъ получили:

	въ 1900 г.	въ 1901 г.
поденно	500 рабоч.	289 рабоч.
почасно	1481 »	953 »
почасно и аккордно . .	321 »	968 »
аккордно	81 »	67 »
поденно и почасно . . .	16 »	14 »
понедѣльно	43 »	276 »
понедѣльно и аккордно .	89 »	83 »

Для постоянныхъ рабочихъ преобладающая форма разсчета—поденная, хотя во многихъ городахъ нерѣдко употребляется и смѣшанная система. Размѣры заработной платы такъ же разнообразны, какъ и форма. При

*) *Момбертъ*, стр. 83.

**) При этой системѣ рабочіе, соблазняемые возможностью больше заработать, часто переутомляются до полнаго изнеможенія. Вредна эта система и потому, что создаетъ конкуренцію среди самихъ рабочихъ.

чемъ высота заработка не всегда зависитъ отъ качества работы. «Коммунальное управленіе—говорится въ мотивировкѣ моннгеймскаго тарифа на 1901 г.—гораздо болѣе, чѣмъ частные предприниматели, должно, на-ряду съ финансовой точкой зрѣнія, руководствоваться и этическими мотивами». Многіе магистраты заходятъ, «руководствуясь этическими мотивами», такъ далеко, что придаютъ дѣйствительнымъ потребностямъ рабочаго, его семейному положенію, возрасту и т. д. менѣе значенія, чѣмъ его «доброму поведенію». Эти филантропическо-патріархальные принципы въ нѣкоторыхъ прогрессивныхъ городахъ начинаютъ уступать мѣсто болѣе раціоналистическимъ: «Высота заработной платы должна опредѣляться исключительно количествомъ труда и, у постоянныхъ рабочихъ, продолжительностью рабочаго времени. Женатъ ли рабочій, болѣе 30 лѣтъ ему отъ роду или менѣе—все это при оцѣнкѣ его труда не играетъ никакой роли» (Мюнхенъ). Иногда въ Arbeitsordnung'ахъ проявляется тенденція примирить оба начала. Такъ, общій Arbeitsordnung г. Карлсруэ говоритъ, что «при опредѣленіи высоты заработной платы должны приниматься въ соображеніе не только гуманитарные мотивы, но и интересы самого города. Сверхурочная работа (Ueberstunden) практикуется такъ же широко, какъ и работа по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Оплачивается она въ большинствѣ случаевъ по обычной таксѣ. Только въ нѣсколькихъ городахъ сверхурочная работа оплачивается по повышенной таксѣ. Разсчетъ производится обыкновенно по часамъ, и сверхурочные часы оплачиваются:

Въ Карлсруэ	minimum по	20%	дороже	урочныхъ
» Гейдельбергѣ	»	25%	»	»
» Фрейбургѣ	»	25%	»	»
» Франкфуртѣ н-М . . .	»	33⅓%	»	»
» Штутгартѣ	»	25%	»	»
» Дармштадтѣ (газов. зав.)	»	50%	»	»

Висбаденская строительная коммиссія назначаетъ повышенную плату за сверхурочную ночную и праздничную работу только въ тѣхъ случаяхъ, когда работа «связана съ опасностью, большими трудностями, когда она особенно непріятна или требуетъ особеннаго напряженія силъ. О назначеніи повышенной платы и размѣрахъ повышенія надсмотрщикъ въ каждомъ данномъ случаѣ справляется черезъ своего ближайшаго начальника у директора». Майнцъ постояннымъ рабочимъ, получающимъ годовое жалованіе, не платитъ никакихъ дополнительныхъ суммъ за сверхурочную работу; остальные рабочіе получаютъ повышеніе въ 35%. Шарлоттенбургъ за сверхурочную работу (болѣе *) одного часа въ день) платитъ добавочныхъ 40, 45 и 50 пфениговъ—смотря по классу, къ которому принадлежитъ рабочій.

Средній заработокъ рабочаго въ муниципальныхъ учрежденіяхъ прибли-

---

*) За сверхурочную работу *до одного часа* въ день рабочіе не получаютъ *никакого* вознагражденія.

зительно равенъ заработку рабочихъ частныхъ предпріятій. Въ большинствѣ городовъ плата повышается черезъ опредѣленные промежутки времени. Въ Шарлоттенбургѣ, напримѣръ, плата для постоянныхъ рабочихъ повышается черезъ каждые два года; во Франкфуртѣ-н-М. по истеченіи 1, 4, 7, 13, 14 года службы.

Въ Arbeitsordnung'ахъ новаго типа повышеніе платы связано съ переводомъ въ высшую категорію рабочихъ. Эти новые Ordnung'ы стараются уравнять рабочихъ всѣхъ отраслей городского хозяйства, для чего рабочихъ группируютъ не по предпріятіямъ, а по получаемой платѣ. Болѣе разумная группировка—по профессіямъ—очень рѣдко имѣетъ мѣсто. Зато и въ этихъ новыхъ Lohntarif'ахъ можно нерѣдко найти довольно замѣтные слѣды стараго воззрѣнія на рабочихъ: причисленіе рабочихъ къ высшей по окладу категоріи въ зависимости не отъ характера работы и продолжительности службы у города, а отъ принадлежности къ городской общинѣ (т.-е. права въ случаѣ нужды на матеріальную помощь съ ея стороны), отъ семейнаго положенія. Совершенно не примѣняются Lohntarif'ы къ временнымъ, «не постояннымъ», въ объясненномъ выше смыслѣ, рабочимъ и «ученикамъ», т.-е. малолѣтнимъ. У послѣднихъ продолжительность службы вообще не принимается въ разсчетъ. Тамъ, гдѣ плата періодически повышается, засчитываются только годы службы послѣ достиженія совершеннолѣтія.

Принципіально система тарифовъ представляетъ крупный шагъ впередъ въ томъ отношеніи, что устанавливаетъ минимальную плату, одинаковую для всѣхъ коммунальныхъ рабочихъ данной категоріи. Правда, тарифы регулируютъ положеніе только «постоянныхъ» рабочихъ, а на службѣ городовъ много непостоянныхъ рабочихъ и малолѣтнихъ; правда и то, что во многихъ городахъ минимальная плата на городскихъ предпріятіяхъ ниже минимальной частныхъ и казенныхъ предпріятій; правда, наконецъ, что введенія ко многимъ тарифамъ прямо говорятъ, что тарифы не должны обязательно примѣняться въ точности, а могутъ служить «лишь руководящей нитью», но важенъ принципъ. Важно, что города признаютъ необходимымъ установить минимальную плату: распространеніе тарифовъ на *всѣхъ* рабочихъ и повышеніе минимальной нормы—только вопросы времени. Особенно горячо дебатируется и, кажется, близокъ къ разрѣшенію вопросъ о повышеніи минимальной платы тамъ, гдѣ она въ коммунальныхъ учрежденіяхъ ниже, чѣмъ въ частныхъ. Противники повышенія ссылаются на то, что среди получающихъ низшій по тарифу окладъ значительный процентъ недостаточно работоспособныхъ. Но такъ какъ при принятіи на службу въ разсчетъ берется не только работоспособность, то на низшій окладъ, въ особенности въ первые годы службы, попадаетъ немало и вполнѣ работоспособныхъ. Штутгартъ вышелъ въ 1896 году изъ затруднительнаго положенія, рѣшивъ въ принципѣ совершенно выдѣлить неработоспособныхъ, создавъ для нихъ особую, такъ сказать, «минимальнѣйшую» норму платы. При всей несимпатичности такого рода рѣшенія, нельзя не указать

на одну его хорошую сторону: рѣчь идетъ о рабочихъ малоспособныхъ, которые безъ этой минимальнѣйшей *платы* вынуждены были бы пользоваться *вспомоществованіемъ* отъ города или частныхъ благотворительныхъ обществъ, что связано въ Германіи съ *лишеніемъ избирательнаго права*.

Въ странѣ, гдѣ бѣдность разсматривается какъ преступленіе, влекущее за собой лишеніе важнѣйшаго изъ гражданскихъ правъ, приходится привѣтствовать и такой пріемъ, какъ минимальнѣйшая плата, если она дастъ возможность сохранить всѣ права. Упомяну здѣсь кстати и о городѣ, который занимаетъ совершенно исключительное положеніе — Оффенбахѣ, гдѣ существуетъ тарифъ съ минимальной платой для *безработныхъ*. Рабочіе по этому своеобразному тарифу раздѣляются на 2 класса: первую категорію составляютъ взрослые рабочіе, вполнѣ пригодные къ работѣ (строительной); они получаютъ высшій окладъ—не менѣе 22 пфениговъ въ часъ. Второй классъ—мало приспособленные къ указанной имъ работѣ, малолѣтніе и вообще малоспособные—получаютъ 20, 18, 16 и 14 пф. въ часъ, глядя по работѣ *).

Вопросъ, конечно: спасаетъ ли фактически этотъ минимальнѣйшій тарифъ отъ «лишенія правъ безъ суда», даетъ ли эта нищенская плата возможность обходиться безъ помощи благотворителей? *Высшій* окладъ этого тарифа въ 2½—3 раза меньше обыкновеннаго оклада средняго рабочаго... Впрочемъ, не надо забывать, что эти тарифы пока еще вообще мало примѣняются на дѣлѣ, и говорить объ ихъ практическихъ изъянахъ немного преждевременно. Принципіально многіе города приняли тарифную систему. И не изъ одного только чувства справедливости, или «искренняго желанія обезпечить своихъ рабочихъ», какъ говорится въ нѣкоторыхъ введеніяхъ къ тарифамъ: появленію «искренняго желанія» предшествовало сильное движеніе коммунальныхъ рабочихъ въ срединѣ 90 годовъ, возникшее, главнымъ образомъ, на почвѣ требованія заранѣе установленной минимальной платы. Фактическіе результаты этого движенія ничтожны, но принципіальное значеніе оно имѣло громадное. Въ 1896 году во всѣхъ муниципалитетахъ былъ поднятъ вопросъ объ установленіи минимальной платы и съ тѣхъ поръ не сходитъ съ очереди. Тарифная система, въ томъ видѣ, какой она сейчасъ имѣетъ, и при той свободѣ, какую оставили за собою муниципалитеты въ примѣненіи этой системы, является временнымъ компромиссомъ, который несомнѣнно въ недалекомъ будущемъ долженъ будетъ уступить мѣсто чему-нибудь болѣе соотвѣтствующему современнымъ потребностямъ.

Съ точностью предсказать типъ будущихъ отношеній между городомъ и его рабочими чрезвычайно трудно. По крайней мѣрѣ, для ближайшаго будущаго. Дѣло въ томъ, что на-ряду съ остатками патріархальнаго отношенія къ рабочимъ, какъ опекаемымъ, и тенденціей видѣть въ нихъ равно-

---

*) Dr. *Ernst Klien:* „Minimallohn und Arbeiterbeamtentum“ S. 171.

правную сторону, у коммунъ замѣчается тенденція относиться къ нимъ, какъ своимъ *служащимъ*, къ своего рода *чиновничеству* (Beamtentum). Проявляется эта тенденція и въ тарифахъ, которые переводъ въ высшій разрядъ часто ставятъ въ зависимость отъ *продолжительности* службы (принципъ «старшинства по службѣ» для чиновниковъ) и, въ особенности, какъ увидимъ ниже, въ системѣ пенсіонированія рабочихъ. Съ нѣкоторою послѣдовательностью систему чиновничьяго отношенія пока проводятъ въ жизнь лишь два-три города. Большинство городовъ кое въ чемъ примѣняютъ ее на практикѣ, но признать ее, какъ общее начало, не рѣшаются. Даже этотъ типъ отношеній требуетъ отъ города значительныхъ уступокъ. Прежде всего, городъ долженъ будетъ себя сильно урѣзать въ правѣ увольненія рабочихъ: служащій у города, какъ и правительственный чиновникъ, можетъ быть уволенъ только за серьезные проступки по службѣ. Далѣе, *право* переводить въ высшій разрядъ «по выслугѣ лѣтъ», назначать пенсію и т. д., превратится для города въ *обязанность*, когда ему придется имѣть дѣло съ *рабочимъ-чиновничествомъ* (Arbeiterbeamtentum). Для самихъ рабочихъ такой типъ отношеній, несмотря на нѣкоторыя фактическія улучшенія и расширеніе правъ, тоже представляетъ мало соблазнительнаго, такъ какъ въ основѣ его лежитъ принципъ *строгаго подчиненія*, необходимость быть на хорошемъ счету у всякаго мелкаго и крупнаго начальства. Я упоминалъ уже, что и теперь вопросъ о «добромъ поведеніи» рабочихъ играетъ въ коммунальныхъ учрежденіяхъ гораздо бо̀льшую роль, чѣмъ въ частныхъ; при чиновничьей системѣ «доброе поведеніе», съ точки зрѣнія ближайшихъ начальниковъ, будетъ играть еще бо̀льшую роль. Врядъ ли поэтому для обѣихъ сторонъ можетъ быть желателенъ такой типъ отношеній *въ чистомъ его видѣ*. Но какъ элементъ, чиновничій принципъ, вѣроятно, будетъ присущъ и новымъ отношеніямъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока государственное страхованіе не распространится на *всѣхъ* рабочихъ страны, пока рабочимъ приходится дорожить службой у коммунъ, принимающихъ и «малоспособныхъ», дающихъ «лучшимъ», по истеченіи извѣстнаго срока, хоть нѣкоторое обезпеченіе.

IV. Мѣропріятія для улучшенія быта рабочихъ.

Большинство коммунъ обязываетъ своихъ рабочихъ вступать въ мѣстныя общія кассы страхованія отъ болѣзни. Но кромѣ государственныхъ и обще-промысловыхъ мѣстныхъ страховыхъ учрежденій, во всѣхъ почти городахъ существуютъ спеціальныя кассы для рабочихъ, состоящихъ на службѣ у коммунъ: кассы пенсіонныя, для оказанія помощи рабочимъ въ случаѣ болѣзни, семьямъ заболѣвшихъ и умершихъ рабочихъ, похоронныя кассы и т. д. За рѣдкими исключеніями, городъ содержитъ эти учрежденія на свой счетъ, не требуя съ рабочихъ никакихъ взносовъ.

Больнымъ коммунальныя кассы обыкновенно оказываютъ помощь съ перваго дня болѣзни (рѣже съ 3 или 8) въ теченіе нѣсколькихъ недѣль,

maximum до 26 недѣль. Пособіе, какъ и въ общихъ мѣстныхъ кассахъ, составляетъ $^1/_2$ средней мѣстной поденной платы, но нѣкоторые города выдаютъ больше: $^3/_5$—$^3/_4$, даже до полнаго размѣра дневного заработка. Во многихъ городахъ кассы оказываютъ помощь и заболѣвшимъ членамъ семьи рабочихъ, въ формѣ медицинской помощи и безплатныхъ лѣкарствъ. Въ случаѣ смерти рабочаго его семьѣ выдается на похороны сумма, въ 20—30 разъ превосходящая средній дневной заработокъ. Иногда рабочимъ выдается пособіе (Sterbegeld) въ случаѣ смерти члена его семьи *).

Въ Любекѣ въ случаѣ рожденія у рабочаго ребенка касса выдаетъ роженицѣ 1 м. 10 пф. ежедневно въ теченіе 3 недѣль.

Пенсіонныя кассы. Главной предпосылкой для полученія пенсіи является опредѣленный срокъ службы у города и, большею частію, неспособность къ дальнѣйшей работѣ. Срокъ колеблется между 10 и 25 годами, но обычный 10—12 лѣтъ; въ одномъ только Каннштадтѣ—300 недѣль. Засчитывается служба только съ извѣстнаго возраста: 20, 21, 23, 25-лѣтняго. Перерывы въ работѣ, если они произошли не по винѣ рабочаго и не длились болѣе 13 недѣль, не лишаютъ права на пенсію. Нѣкоторые статуты требуютъ, чтобы рабочіе при поступленіи на службу были вполнѣ работоспособны и не старше извѣстнаго возраста (30—50-лѣтняго). Нерѣдко кассы ставятъ себѣ цѣлью только увеличивать государственную пенсію (для инвалидовъ и престарѣлыхъ). Такъ, въ Дрезденѣ рабочій, прослужившій у города 10 лѣтъ, «если онъ хорошо себя велъ и нуждается», получаетъ дополнительную къ государственной ренту въ 50 марокъ ежегодно; въ Каннштадтѣ послѣ 300 недѣль службы у города—75 марокъ въ дополненіе къ государственной пенсіи, а если онъ остается на службѣ у города послѣ 200 недѣль, рента возрастаетъ на 15 въ недѣлю. Въ Майнцѣ послѣ 10-лѣтней службы рента составляетъ 20% заработной платы, и, если рабочій остается на службѣ по истеченіи 10 лѣтъ, возрастаетъ каждый годъ на 1%. Maximum дополнительной городской ренты—40% заработной платы, minimum — 240 марокъ въ годъ. Въ Гисенѣ, наоборотъ, государственная рента *вычитывается* изъ городской пенсіи, которая составляетъ: послѣ 10 лѣтъ службы—40%, затѣмъ ежегодно повышается на 1% и можетъ достигнуть maximum 70% годового жалованья. Въ большинствѣ городовъ пенсія опредѣляется годовымъ окладомъ жалованья. Часто нормой является жалованіе, которое рабочій получалъ въ послѣдніе годы службы, рѣже—средняя мѣстная заработная плата. Исключеніе составляютъ Магдебургъ, Бреславль, Кёльнъ и Данцигъ, гдѣ нормой является жалованье, которое рабочій получалъ въ періодъ полной работоспособности. Въ мотивировкѣ указывается, что въ послѣдніе годы службы рабочій могъ получать мень-

---

*) Въ Любекѣ выдается въ случаѣ смерти:

Жены		58 мар.
Дѣтей родныхъ или усыновленныхъ	въ возрастѣ отъ 5 до 14 л.	40 „
	„ „ „ 1 „ 5 „	25 „
	моложе 1 года	15 „

шій окладъ вслѣдствіе пониженной работоспособности, поэтому заработокъ послѣднихъ лѣтъ не можетъ быть принятъ за руководящую норму.

Своеобразный характеръ имѣетъ касса въ *Ульмѣ*. Тамъ размѣры пенсіи опредѣляются не размѣрами заработка, а семейнымъ положеніемъ рабочаго. Первоначальная рента послѣ 10-лѣтней службы составляетъ 290 марокъ. За каждый годъ службы по истеченіи 10 лѣтъ рента повышается:

1. Если рабочій холостъ (или вдовъ и бездѣтенъ)—на $^3/_4$% первоначальной и можетъ достигнуть maximum'а въ 400 марокъ.

2. Если рабочій женатъ, но бездѣтенъ или дѣти не нуждаются въ его помощи, рента повышается на 1% въ годъ, maximum—450 марокъ.

3. Если рабочій женатъ и имѣетъ дѣтей школьнаго возраста (14 лѣтъ) или внѣшкольнаго (18 лѣтъ), но по болѣзни содержимыхъ родителями, рента повышается ежегодно:

При 1 ребенкѣ	. . . . .	на 1,15%
» 2 »	. . . . .	» 1,30%
» 3 »	. . . . .	» 1,45%
» 4 »	. . . . .	» 1,60%
» 5 »	. . . . .	» 1,75%
» 6 »	. . . . .	» 1,90%
» 7 и болѣе	. . . . .	» 2,00%

Максимальная пенсія для рабочихъ здѣсь—660 мар. въ годъ *). Вычетъ изъ городской пенсіи пособій, получаемыхъ рабочимъ изъ другихъ учрежденій, не можетъ имѣть мѣста, пока городская пенсія ниже 365 марокъ въ годъ.

Всѣ города устанавливаютъ максимальную пенсію и очень многіе—минимальную.

Для рабочихъ взносы обязательны только въ трехъ городахъ (въ Альтонѣ, Нюрнбергѣ и Мюнхенѣ); остальные всѣ расходы пенсіонной кассы несетъ городъ. Въ Альтонѣ взносъ для рабочаго составляетъ 10 пфениговъ въ недѣлю. Въ остальныхъ двухъ городахъ взносы рабочихъ зависятъ отъ ихъ возраста и составляютъ:

Въ Нюрнбергѣ:

въ 26—30 лѣтъ	2%	зараб. платы
» 31—35 »	$2^1/_2$ »	»
» 36—40 »	3 »	»
» 40 и бол. »	$3^1/_2$ »	»

Въ Мюнхенѣ:

до 30 лѣтъ	3,5%	зараб. платы
въ 30—40 »	4,0% »	»

Дѣятельность кассъ регулируется повсемѣстно магистратомъ, а въ очень многихъ городахъ вопросъ о выдачѣ пособія каждый разъ рѣшается городской коммиссіей. Внѣшнимъ образомъ рабочіе какъ будто получаютъ *право*, при извѣстныхъ условіяхъ, на городскую пенсію, но фактически онъ получаетъ пенсію, какъ милостыню, такъ какъ *добиваться*

*) *Момбертъ*, цит. кн., стр. 183.

ея судебнымъ порядкомъ онъ не можетъ. Формальнаго *обязательства* давать пенсію городъ на себя не беретъ. Статуты и здѣсь играютъ только роль руководящаго начала; при такихъ-то условіяхъ городъ *можетъ* присудить пенсію, если найдетъ претендента «достойнымъ». Чиновничье—«старшинство по службѣ», «доброе поведеніе», «почтительность къ начальству» играютъ немаловажную роль и при рѣшеніи вопроса о пенсіи.

За немногими исключеніями пенсія выдается и семьямъ умершихъ рабочихъ. Въ этомъ городскія кассы опять какъ будто приближаются къ чиновничьей системѣ. Разница только въ томъ, что здѣсь пенсіи вдовамъ и сиротамъ *не обязательны* и что размѣры ихъ большею частью не устанавливаются заранѣе, а опредѣляются въ каждомъ данномъ случаѣ городской администраціей.

Нормой для опредѣленія «вдовьей пенсіи» обыкновенно служитъ пенсія или жалованіе умершаго мужа. Въ нѣкоторыхъ, немногихъ, городахъ пенсія можетъ быть разрѣшена, если умершій прослужилъ и менѣе 10 л.; но это всецѣло зависитъ отъ администраціи.

На «сиротскую пенсію» имѣютъ право *только законнорожденныя* или *формально усыновленныя* дѣти. Выдается эта пенсія до достиженія 15-лѣтняго, рѣже—18-лѣтняго возраста. Размѣры колеблются въ зависимости отъ того, обоихъ ли родителей лишился претендентъ или одного, далѣе, отъ «степени нужды» и мѣстныхъ условій.

Въ общемъ пенсія вдовы вмѣстѣ съ пенсіей сиротъ не должна превышать пенсіи умершаго главы семейства.

Присужденная уже пенсія можетъ быть отнята въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда пенсіонеръ по суду лишенъ правъ; 2) когда онъ вновь пріобрѣтаетъ работоспособность. Когда онъ находитъ заработокъ, вычитывается соотвѣтствующая сумма изъ пенсіи. Въ Берлинѣ, если пенсіонеръ попадаетъ въ тюрьму болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, пенсія не выдается во все время заключенія. Въ данномъ случаѣ карается не «преступникъ», а, главнымъ образомъ, его семья.

Лишеніе «вдовьей пенсіи» можетъ быть вызвано: 1) новымъ выходомъ замужъ; 2) «безнравственнымъ образомъ жизни». При выходѣ замужъ вдова-пенсіонерка иногда получаетъ единовременное вспомоществованіе. При «распутномъ поведеніи» матери пособіе на сиротъ выдается только въ томъ случаѣ, когда есть гарантія, что «этимъ обезпечивается хорошее воспитаніе дѣтей».

Право лишенія пенсіи всѣ города оставляютъ исключительно въ своихъ рукахъ.

Много говорятъ въ послѣднее время еще объ одной формѣ заботливости коммунъ объ ихъ рабочихъ: объ устройствѣ жилищъ для рабочихъ. Сдѣлано пока въ этомъ отношеніи очень немного, то, что сдѣлано, далеко не соотвѣтствуетъ потребностямъ ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи. Я не останавливаюсь болѣе подробно на этомъ вопросѣ потому, что мѣра встрѣчаетъ мало сочувствія среди передовыхъ

коммунальныхъ рабочихъ. Рабочіе изъ числа «болѣе пригодныхъ» думаютъ— что не разъ выражалось на конгрессахъ и въ печати рабочихъ, что городскія квартиры еще болѣе усилятъ зависимость рабочихъ отъ городской администраціи.

Право пользоваться квартирой существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока рабочій состоитъ на службѣ. Отказъ отъ службы связанъ съ необходимостью очистить квартиру.

Тамъ, гдѣ введены квартиры, онѣ, правда, очень быстро были заполнены, но занимали ихъ преимущественно многосемейные рабочіе изъ категоріи наименѣе работоспособныхъ, мелкіе городскіе чиновники и канцелярская прислуга.

Я упоминалъ уже о движеніи среди коммунальныхъ рабочихъ, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послужило толчкомъ для введенія въ Arbeitsordnung'ѣ болѣе прогрессивныхъ принциповъ, между прочимъ, минимальной задѣльной платы. Большихъ успѣховъ движеніе не имѣло исключительно вслѣдствіе неорганизованности рабочихъ.

Въ 1891 г. въ Гамбургѣ возникла первая организація небольшой части коммунальныхъ рабочихъ, занятыхъ на газовыхъ заводахъ. Но эта организація просуществовала очень недолго и исчезла, не оставивъ никакихъ слѣдовъ.

Въ сентябрѣ 1896 года часть рабочихъ берлинскаго газоваго завода начала стачку, добиваясь отмѣны «18-часовой смѣны». Въ стачкѣ участвовало нѣсколько десятковъ рабочихъ, принадлежавшихъ къ мѣстному ферейну «Holz-und Bretterträger», что дало поводъ этому ферейну взять на себя руководство стачкой. Стачка ни къ чему не привела, но ферейнъ пріобрѣлъ такую популярность, что по окончаніи стачки къ нему примкнула бо́льшая часть рабочихъ газоваго завода, и ферейнъ тогда же преобразовался въ «Verband der Arbeiter in Gasenstalten, auf Holz-und Kohlenplätzen und sonstiger Arbeitsleute». Съ тѣхъ поръ въ этой организаціи нѣсколько измѣнился составъ (вышли рабочіе дровяныхъ и антрацитныхъ предпріятій, примкнули нѣкоторыя другія категоріи).

Прочно окрѣпла организація съ 1897 г., когда начала издавать двухнедѣльную газету *Gewerkschaft*. Теперь (съ 1899 г.) организація называется «Verband der in Gemeindebetrieben beschäftigten Arbeiter und Unterangestellten» и имѣетъ филіальныя отдѣленія во многихъ городахъ Германіи.

Число членовъ по Момберту:

1896—97 г.	1897—98 г.	1898—99 г.	1 декабря 1901 г.
въ *10* фил. отд.	въ *21* фил. отд.	въ *32* фил. отд.	въ *44* фил. отд.
924	*1,061*	3,479	5,118

Число членовъ быстро растетъ, особенно если принять въ соображеніе конкуренцію професcіональныхъ союзовъ, старающихся привлечь тѣхъ рабочихъ къ себѣ.

Кромѣ обычныхъ требованій, касающихся урегулированія рабочаго времени и задѣльной платы, организація еще выставляетъ: введеніе еженe-

Городъ.	1. Группа. 2. Возрастъ.	Условія.	Предварительная служба.	Характеръ ренты.	Первоначальн.	Повышеніе.	Maximum.	Minimum.	Участіе членовъ.	Участіе города.
Ахенъ. . .	1. Постоянные рабочіе. 2. При поступленіи на службу моложе 50 лѣтъ.	Выдача ренты можетъ во всякое время быть прекращена.	По достиженіи 25 лѣтъ 10-лѣтняя служба.	a) Пенсія. b) Пособіе вдовѣ. c) Пособіе сиротамъ (до 15 лѣтъ).	a) 25% послѣд. жал. b) 50% госуд. ренты. c) 20% госуд. ренты.	a) $1\frac{1}{2}$%.	a) 75% послѣд. жалов. b) и c) 75% послѣд. жал. d) 60% госуд. ренты.	a) 260 b) 160 c) 80		
Альтона. .	Члены мѣстныхъ кассъ для больныхъ.	Съ момента пользованія госуд. рентой для престарѣлыхъ и инвалидныхъ.	10 л. службы.	Вспомоществованіе въ размѣрѣ 100 проц. госуд. ренты.					10 пф. въ недѣлю.	Если налич. средствъ недостаточно, недостающую сумму вноситъ городъ.
Эльберфельдъ. .	1. Городскіе рабочіе и прислуга, не причисленная къ коммунальн. чиновникамъ. 2. До 45 лѣтъ.	1. Неспособность къ работѣ. 2. Достиженіе 70-лѣтн. возр.	10 л. службы по достижен. 25-лѣтняго возр.	a) Пенсія. b) Пособіе вдовѣ. c) Пособіе сиротамъ (до 15 лѣтъ).	a) $^{15}/_{16}$ год. жалов. b) 30% госуд. ренты. c) У полусиротъ 8%, у круглыхъ сиротъ 12% государ. ренты отца.	$^{1}/_{60}$.	a) $^{45}/_{60}$.	a) 240 b) 180 c) 40 и 60		
Ульмъ. . .	Рабочіе газоваго и водопроводн. заводовъ.	1. Неспособность къ работѣ. 2. Достиженіе 65-лѣтн. возр.	ад. 1) 10-лѣтн. ад. 2) 20-лѣтн. служба по достиженіи 23-л. возр.	ад. 1) Инвалидн. ад. 2) Стар. рента.	ад. 1) 220. ад. 2) 20% год. жалов.	$^{3}/_{4}$—2% по числу членовъ семьи, нуждающ. въ поддержкѣ.	ад. 1) 400—600 мк., какъ дополн. ад. 2) 330—450 мк.	160		Ежегодный бюджетъ 300 мк.

дѣльнаго отдыха въ 36 часовъ, ежегодный лѣтній *отпускъ* съ сохраненіемъ жалованія и введеніе рабочихъ Ausschuss'овъ для регулированія отношеній между коммунальной администраціей и рабочими.

Отпускъ съ сохраненіемъ жалованія *) въ настоящее время составляетъ очень рѣдкое явленіе и имъ пользуются далеко не всѣ рабочіе. Въ Шарлоттенбургѣ отпускъ могутъ получить только рабочіе, состоящіе на службѣ не менѣе 2 лѣтъ, и дается не болѣе какъ на 3 дня, въ Карлсруэ—на 8 дней. Во Франкфуртѣ н/М., если приводятся уважительныя причины (triftige Gründe), шефъ предпріятія можетъ дать рабочимъ, прослужившимъ *болѣе 3 лѣтъ,* отпускъ *на 4 дня,* прослужившимъ *болѣе 6 лѣтъ* отпускъ *до 6 дней.*

Момбертъ насчитываетъ во всей Германіи лишь 13 городовъ съ рабочими Ausschuss'ами. Объ ихъ физіономіи можно судить по берлинскому Ausschuss'у. Его учрежденіе мотивируется желаніемъ города «дать рабочимъ возможность черезъ собственныхъ представителей входить съ предложеніями, просьбами и жалобами». «*По требованію директора,* Ausschuss, въ качествѣ свѣдущихъ людей, выражаетъ свое мнѣніе по вопросамъ, касающимся блага рабочихъ». Директору и городской депутаціи предоставляется право *распустить* Ausschuss, «если онъ, по ихъ мнѣнію, не способенъ выполнить возложенной на него задачи», и назначить новые выборы. Президентъ Ausschuss'а мѣстами выбирается рабочими и только утверждается директоромъ или городской администраціей, большею же частью прямо *назначается* директоромъ изъ числа «давно служащихъ и отличающихся хорошимъ поведеніемъ» рабочихъ.

Немудрено, что рабочіе не совсѣмъ удовлетворены существующими Ausschuss'ами и не признаютъ ихъ выразителями своихъ интересовъ и желаній.

Л—ъ.

---

*) Въ нѣкоторыхъ городахъ сохраненіе жалованія имѣютъ при перерывахъ въ работѣ: по причинѣ болѣзни, для выполненія гражданскихъ обязанностей, для отбытія повторительной военной службы. Обыкновенно указывается максимальный срокъ для перерыва и жалованіе выдается не въ полномъ объемѣ, а $^4/_5$—$^3/_4$ его.

Санитарные недочеты нашей деревни *).

(Деревенскія письма).

VIII.

Что такое „кутузка“.

Въ настоящее время требованія санитаріи и гигіены примѣняются даже къ тюрьмамъ и острогамъ. И камера каторжника, согласно существующимъ узаконеніямъ, должна обладать непремѣнно достаточнымъ количествомъ свѣта, тепла и воздуха. Въ нашихъ уѣздныхъ городахъ, при каждомъ пріѣздѣ въ городъ сессіи окружнаго суда, прокурорскій надзоръ считаетъ непремѣнною своею обязанностью посѣтить тюрьму и поглядѣть, хорошо ли содержатся заключенные. И это только справедливость, требуемая закономъ.

Но въ то время, какъ эта законная справедливость оказывается у насъ лицамъ, лишеннымъ правъ, въ ней отказываютъ и отказываютъ упорно полноправнымъ гражданамъ, весьма часто полезнымъ членамъ общества, страдающимъ алкоголизмомъ и попадающимъ въ кутузку для вытрезвленія. Многіе изъ такихъ лицъ люди не столько порочные, сколько больные, и потому тѣмъ болѣе заслуживаютъ къ себѣ вниманія и сожалѣнія, и временное помѣщеніе, или «кутузка», назначенное для ихъ вытрезвленія, должно тѣмъ болѣе удовлетворять современнымъ требованіямъ санитаріи и гигіены. Но такъ ли это въ дѣйствительности?

Въ нашихъ уѣздныхъ городахъ «кутузки» существуютъ уже болѣе столѣтія (намъ извѣстенъ, напримѣръ, «Нарядъ о предосторожности, а особливо пьяныхъ предохраненіемъ взятіемъ ихъ подъ присмотръ для вытрезвленія» 1784 г., Арх. пош. ниж. зем. суда, дѣло по описи № 2349). Изъ уѣздныхъ городовъ «кутузка» перешла въ становыя квартиры, въ волостныя правленія, въ торговыя села и т. д., и въ настоящее время стала самымъ распространеннымъ учрежденіемъ, играющимъ весьма видную роль въ дѣлѣ исправленія деревенской нравственности.

Наша «кутузка» при волостныхъ правленіяхъ является и мѣстомъ, куда заключаются для вытрезвленія пьяные, и мѣстомъ предварительнаго заключенія, и этапной станціей и, наконецъ, мѣстомъ заключенія по приговорамъ волостныхъ судовъ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. III, 1903 г.

Обыкновенный, такъ сказать, нормальный типъ деревенской «кутузки» при волостномъ правленіи или становой квартирѣ слѣдующій: небольшая комнатка аршина въ три ширины и аршина четыре длины съ однимъ окошкомъ, задѣланнымъ рѣшеткою, а зачастую и вовсе безъ окошка. Что свѣту въ этой каморкѣ очень мало, показываетъ уже то обстоятельство, что кутузка на народномъ языкѣ называется обыкновенно «темной» («посадили въ темную»). Отопленіе въ такой каморкѣ производится иногда крайне плохо, а иногда и совсѣмъ не производится—на обстоятельство это указываетъ и названіе «холодной», усваиваемое народомъ кутузкѣ. Дѣйствительно, въ такихъ кутузкахъ бываетъ въ зимнее время очень холодно; особенно если онѣ топятся плохо или же совсѣмъ не топятся. Иногда въ «кутузкѣ» устроены бываютъ нары, существующія, по крайней мѣрѣ, со временъ Святополка Окаяннаго, иногда же нары эти замѣняютъ собою связки соломы, брошенныя на полъ. Комната отдѣляется отъ сѣней дверью, запертою замкомъ. Никакое наблюденіе надъ заключенными невозможно, такъ какъ внутренность «кутузки» не освѣщается и тамъ темно, какъ у негра въ желудкѣ. Естественно, что несчастные случаи въ такихъ «кутузкахъ» бываютъ зачастую. При нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ одна и та же комната служитъ мѣстомъ заключенія и для мужчинъ, и для женщинъ. Никакой предѣльной нормы для числа арестантовъ здѣсь не полагается. Садятъ въ эту комнату двухъ-трехъ человѣкъ, а придетъ ярмарка—посадятъ туда и пятьдесятъ человѣкъ. Въ темницу эту ввергается и безпаспортный бродяга, и пьяница-буянъ, только что изуродовавшій нѣсколькихъ человѣкъ, и пятнадцати-лѣтній мальчикъ, «упившійся» по глупости и молодости. Все это населеніе «кутузки» копошится впотьмахъ, натыкаясь другъ на друга и расшибая другъ другу головы. Очень часто среди пьяныхъ завязывается драка, которая нерѣдко кончается увѣчьемъ...

Вмѣстѣ съ здоровымъ субъектомъ зачастую лежитъ здѣсь рядомъ субъектъ, носящій зачатки острой заразной болѣзни. О сифилисѣ мы уже и не говоримъ. Никакой дезинфекціи или даже простого провѣтриванія комнаты не полагается. Полы и нары въ комнатѣ не моются никогда. Зато клопы, блохи и другія чужеядныя достигаютъ здѣсь величины чудовищной и обитаютъ милліонами...

Ежегодно въ нашихъ кутузкахъ умираетъ множество лицъ отъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ, «отъ остраго отравленія алкоголемъ», какъ гласятъ офиціальные доклады. Если мы представимъ теперь все вышесказанное о деревенской «кутузкѣ», то у насъ невольно долженъ явиться вопросъ: а не остались ли бы живы многіе изъ этихъ несчастныхъ, умершихъ въ «кутузкахъ», если бы ихъ «не предохраняли», а оставляли бы просто лежать на мѣстѣ, особенно въ лѣтнее время.

Вѣдь человѣкъ, напившійся до безсознательнаго состоянія, есть крайне опасный больной, требующій за собою крайне осторожнаго, бережнаго ухода, больной, жизнь котораго виситъ на волоскѣ.

Правда, этотъ больной получилъ болѣзнь по собственной винѣ; правда,

что пьянство — порокъ и порокъ гнусный, но что же изъ этого? И пьяница заслуживаетъ, какъ человѣкъ больной, такого же гуманнаго обращенія съ собою, какимъ пользуется обжора, страдающій катаромъ желудка, или развратникъ, хворающій сифилисомъ... Это ясно, какъ Божій день.

А между тѣмъ деревенская «кутузка» служитъ мѣстомъ не только для вытрезвленія пьяныхъ, но и мѣстомъ заключенія. Она никогда не пустуетъ... Къ сожалѣнію, большинство лицъ, попадающихъ въ «кутузку», ничего не могутъ сказать въ защиту своихъ человѣческихъ правъ, а если иногда и скажутъ, то... ихъ никто не услышитъ или, что еще хуже, никто не захочетъ и слышать.

IX.

Что можетъ сдѣлать земство въ дѣлѣ оздоровленія нашей деревни?

Если посмотрѣть на распредѣленіе земскаго бюджета на медицинскія надобности, то въ большинствѣ случаевъ можно увидѣть, что расходовъ на предупрежденіе заболѣваемости не дѣлается никакихъ, а если и дѣлаются гдѣ, то самые ничтожные. Всѣ суммы расходуются на медикаменты, инструменты, наемъ врачебнаго персонала, больничную обстановку и т. п. Въ то время, какъ на эту статью расходуются въ нашихъ уѣздныхъ земствахъ десятки тысячъ рублей ежегодно, на предупрежденіе заболѣваемости расходуются сотни, а иногда только десятки рублей, и все предупрежденіе сводится въ большинствѣ случаевъ къ посылкѣ санитарныхъ отрядовъ въ мѣстности, пораженныя эпидеміями. Уже одно это служитъ видимымъ доказательствомъ того, какъ мало обращается вниманія на вопросы, касающіеся предупрежденія заболѣваній.

Въ большинствѣ случаевъ наши земцы утверждаютъ, что отъ мѣропріятій въ этомъ родѣ нельзя ожидать существенныхъ результатовъ, такъ какъ оздоровленіе деревни не по силамъ земскому бюджету, что мѣры предупрежденія заболѣваній потребуютъ при своемъ примѣненіи громадныхъ суммъ. Тенденція сокращенія земскихъ расходовъ въ настоящее время одна изъ самыхъ модныхъ; неудивительно, поэтому, что и вопросъ о предупрежденіи заболѣваній повсемѣстно сдается въ архивъ. А между тѣмъ земство могло бы сдѣлать много для оздоровленія деревни. Потребуются на это расходы вполнѣ посильные для земства, и расходы эти съ уменьшеніемъ заболѣваемости, покроются уменьшеніемъ расходовъ по лѣченію населенія.

Улучшить санитарное состояніе деревни возможно, между прочимъ, и путемъ подъема умственнаго уровня народной массы, путемъ распространенія въ народѣ здравыхъ понятій по санитаріи и гигіенѣ. Распространеніе это возможно прежде всего путемъ народныхъ брошюръ, листковъ, путемъ конкурсовъ на лучшія брошюры по санитаріи, гигіенѣ и описанію различныхъ болѣзней. На это потребуется отъ каждаго земства не тысячи, а сотни рублей въ годъ: расходъ, очевидно, для земства посильный. Правда, и теперь нѣкоторыми земствами кое-что дѣлается въ этомъ отношеніи,

но дѣлается мало. Дѣятельность земствъ по изданію вышеупомянутыхъ книжекъ и брошюръ должна идти изъ года въ годъ впередъ, не прерываясь и не останавливаясь.

Книги и брошюры для народа по санитаріи и гигіенѣ должны сообразоваться съ мѣстными, областными условіями жизни. Бытъ нашего народа выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: естественно, что въ одномъ мѣстѣ существуютъ однѣ причины заболѣваній, въ другомъ—другія. Тѣ санитарно-гигіеническія мѣры, которыя окажутся примѣнимыми къ просторной великорусской избѣ, окажутся непримѣнимыми или даже излишними въ южно-русской мазанкѣ. Что можно посовѣтовать для оздоровленія своего жилища кустарю-кожевнику, то окажется совершенно излишнимъ для кустаря-портного. Земству всего лучше извѣстна жизнь мѣстнаго крестьянина; земство естественно всего болѣе и можетъ принести пользы въ дѣлѣ проведенія въ эту жизнь оздоровляющихъ мѣропріятій. Сравнительно съ другими общественными учрежденіями, въ дѣлѣ распространенія санитарно-гигіеническихъ брошюръ въ народѣ, земство имѣетъ и то преимущество, что у него имѣются налицо органы для распространенія подобныхъ изданій въ народѣ. Вѣдь недостаточно брошюру издать, нужно еще распространить ее среди народа: и послѣднее гораздо труднѣе перваго. У земства между тѣмъ имѣется цѣлая армія врачей, фельдшеровъ, учителей, статистиковъ и т. п. лицъ, живущихъ въ народѣ и близко съ нимъ соприкасающихся. Большинство такихъ лицъ съ удовольствіемъ возьметъ на себя и продажу, и безплатную раздачу среди народа популярныхъ брошюръ по санитаріи и гигіенѣ, изданныхъ земствомъ.

Распространеніе среди народа здравыхъ понятій по санитаріи и гигіенѣ должно вестись и другимъ путемъ—путемъ земской школы. Въ земской школѣ должно быть преподаваемо элементарное естествознаніе въ связи съ гигіеной, въ земской школѣ должны быть устраиваемы чтенія по гигіенѣ и т. д.

Заботясь о распространеніи среди народа санитарно-гигіеническихъ свѣдѣній, земство должно ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы во всѣхъ училищахъ болѣе или менѣе сообщались учащимся свѣдѣнія по санитаріи и гигіенѣ. Развитіе народа въ какомъ бы то ни было отношеніи всегда идетъ отъ высшихъ классовъ общества къ низшимъ, а не наоборотъ. А между тѣмъ справедливость требуетъ замѣтить, что наши высшіе и средніе классы народа бываютъ зачастую круглыми невѣждами въ дѣлѣ гигіены.

За доказательствами ходить недалеко. Покупателями «эфедры» являются главнымъ образомъ интеллигентныя и полуинтеллигентныя лица. Безграмотный крестьянинъ не будетъ обращаться къ «Кузьмичамъ» за тысячи верстъ, когда у него въ своей волости имѣются подъ бокомъ свои «Кузьмичи». Гомеопаты находятъ себѣ адептовъ среди лицъ интеллигентныхъ. Гг. Гачковскіе, Вревскіе et tutti quanti находятъ сочувствіе преимущественно въ высшихъ и среднихъ классахъ, но отнюдь не среди черни,

отъ которой имъ многимъ не поживиться... Какъ ни странно, но главная причина такого печальнаго явленія опять-таки самое грубое невѣжество; невѣжество это заставляетъ «большой свѣтъ» лѣчиться «виталиномъ», оно же самое гонитъ и простолюдина къ какому-нибудь знахарю Микитѣ или «баушкѣ-знахаркѣ» Сидоровнѣ. Разница только въ томъ, что простолюдинъ и понятія совсѣмъ не имѣетъ о медицинскихъ научныхъ данныхъ и, потому, имъ не вѣритъ; напротивъ, интеллигентъ кое-что слышалъ объ этихъ данныхъ и потому не хочетъ имъ вѣрить и не вѣритъ. Возьмемъ, напримѣръ, такой фактъ. Въ прошедшемъ году на одномъ губернскомъ земскомъ собраніи врачебный инспекторъ указывалъ, что соковыя воды картофельно-терочныхъ заводовъ, заключающія въ себѣ массу органическихъ веществъ, спускаемыя въ ручьи, рѣчки и озера, служитъ причиною зараженія и загрязненія питьевой воды, которою пользуется окрестное населеніе. Свой докладъ врачебный инспекторъ мотивировалъ—наблюденіями личными, наблюденіями и выводами врачебнаго инспектора сосѣдней губерніи, научными анализами соковыхъ картофельныхъ водъ, научными положеніями о вредѣ органическихъ примѣсей къ питьевой водѣ и т. д. Что же возразили земцы на этотъ докладъ? Приводимъ сдѣланныя возраженія буквально, какъ они занесены въ протоколы собранія. Гласный А. О. (земскій начальникъ, сотрудникъ нѣсколькихъ газетъ и журналовъ) заявилъ, *что судя по его личнымъ наблюденіямъ, картофельные заводы никакого вреднаго вліянія на окружающую мѣстность не оказываютъ*... (Какія тамъ еще органическія примѣси, да анализы, когда мнѣ они неизвѣстны, да и знать-то я ихъ не хочу!...)

Фактовъ, вродѣ приведенныхъ нами, мы могли бы привести многое множество. Всѣ они показываютъ одно: если нашъ мужикъ является въ дѣлѣ санитаріи и гигіены круглымъ невѣждой, то такимъ же невѣждой является зачастую и русскій интеллигентъ.

Весьма важно, чтобы элементарныя свѣдѣнія по санитаріи и гигіенѣ распространялись все болѣе и болѣе среди простого народа. Но, если и высшіе и средніе классы народа въ данномъ отношеніи также невѣжественны, какъ и простой народъ, то вмѣстѣ съ распространеніемъ медицинскихъ знаній среди простого народа слѣдуетъ озаботиться и объ распространеніи этихъ знаній среди высшихъ классовъ общества.

Весьма много могло бы сдѣлать земство въ дѣлѣ предупрежденія заболѣваній и путемъ изданій обязательныхъ постановленій. Правда, и теперь эти постановленія отъ времени до времени издаются земствами, но, въ большинствѣ случаевъ, въ такомъ видѣ и въ такомъ количествѣ, что на оздоровленіе мѣстности они не могутъ имѣть никакого вліянія. Постановленія эти чаще всего издаются во время эпидемій и имѣютъ характеръ временныхъ мѣръ—это разъ. Съ другой стороны, почти всегда народное здравіе приносится въ жертву успѣхамъ промышленности—этому печальному русскому Молоху, требующему для себя постоянно кровавыхъ жертвъ. За примѣрами ходить недалеко: въ извѣстной мѣстности многочисленные

заводы засоряютъ и портятъ питьевыя воды. Требуется издать противъ заводчиковъ обязательныя постановленія. Но издать такія постановленія значитъ стѣснить отечественную промышленность, а это является для многихъ какимъ-то «жупеломъ», и земства или совсѣмъ не издаютъ такихъ постановленій, или выпускаютъ такія постановленія, которыя ничего не могутъ сдѣлать въ дѣлѣ предупрежденія заболѣваемости и которымъ вся цѣна грошъ. Не успѣхи промышленности должно оберегать земство (у промышленности много и безъ того своихъ защитниковъ), а интересы народнаго здравія. Интересы эти должны стоять на первомъ планѣ и обязательныя постановленія, проникнутыя этимъ началомъ и проведенныя затѣмъ въ жизнь, принесутъ, безъ сомнѣнія, громадную пользу въ дѣлѣ предупрежденія заболѣваній. Необходимо только, чтобы постановленія эти были вполнѣ согласны съ данными науки, а потому и при выработкѣ ихъ первое мѣсто должно быть отведено врачамъ, какъ лицамъ въ этомъ компетентнымъ. Земскіе дѣятели должны поступиться нѣсколько своими правами въ пользу компетентныхъ врачей, не имѣющихъ на земскихъ собраніяхъ даже права голоса. Уступка въ этомъ родѣ со стороны земскихъ дѣятелей покажетъ только, что они руководятся въ своей дѣятельности не мелкимъ самолюбіемъ, а дѣйствительно благомъ общественнымъ.

Многое въ дѣлѣ предупрежденія заболѣваній могло бы сдѣлать земство устройствомъ общественныхъ сооруженій, необходимыхъ для оздоровленія мѣстности.

Такъ, напримѣръ, для каждаго земства доступно улучшеніе въ деревняхъ водоснабженія устройствомъ по деревнямъ колодцевъ, удовлетворяющихъ вполнѣ требованіямъ санитаріи и гигіены. Починъ въ этомъ дѣлѣ уже проявило московское земство. Оно организовало научно-гидрологическое изслѣдованіе губерніи, а затѣмъ примѣняетъ уже устройство въ деревняхъ колодцевъ на земскій счетъ, взимая по соглашенію съ крестьянъ незначительную ежегодную плату за пользованіе водою съ каждаго двора. Такъ какъ плата эта невелика (напримѣръ, 1 р. съ двора), то земство едва успѣваетъ удовлетворять всѣ просьбы объ устройствѣ колодцевъ въ деревняхъ, въ которыхъ нѣтъ хорошей воды. Мѣра эта, при послѣдовательномъ и настойчивомъ проведеніи, должна постепенно вывести изъ употребленія пользованіе опасною, въ гигіеническомъ отношеніи, водою стоячихъ прудовъ или грязныхъ рѣчекъ и устранить одинъ изъ важныхъ вѣроятныхъ источниковъ болѣзней. Весьма желательно, чтобы опытъ московскаго земства нашелъ себѣ подражаніе и въ другихъ мѣстностяхъ.

Многое могло бы сдѣлать земство и въ улучшеніи деревенскихъ построекъ. Для каждой мѣстности долженъ быть выработанъ *мѣстный* типъ избы, удовлетворяющій какъ мѣстнымъ условіямъ, такъ и требованіямъ санитаріи и гигіены. Выработка эта возможна путемъ конкурсовъ отъ земства. Затѣмъ слѣдуютъ поощрительныя преміи или ссуды для построекъ, удовлетворяющихъ этому типу. Весьма полезно точно также устройство земскихъ складовъ строительныхъ матеріаловъ и строительныхъ принад-

лежностей, за которые крестьяне уплачиваютъ чрезвычайно дорого въ своихъ деревенскихъ лавочкахъ, получая въ то же время товары низшаго качества.

Для улучшенія питанія населенія были бы полезны всѣ мѣры, направленныя къ развитію животноводства, огородничества и плодоводства, а также и домоводства.

Во многихъ земствахъ въ настоящее время практикуется уже устройство яслей-пріютовъ для дѣтей въ лѣтнее рабочее время—мѣра весьма полезная въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи. Такіе ясли-пріюты имѣются уже въ губерніяхъ: Полтавской, Воронежской, Курской, Самарской, Симбирской, Нижегородской, Рязанской, Черниговской, Харьковской, Московской, Костромской и др.

Устройство платныхъ общественныхъ бань по многолюднымъ селеніямъ было бы точно также вполнѣ доступно для очень многихъ земствъ. Затраты эти легко окупились бы платою съ моющихся въ этихъ баняхъ, а между тѣмъ въ то же время сократились бы расходы по лѣченію тѣхъ кожныхъ заболѣваній, какія происходятъ исключительно вслѣдствіе нечистоплотности. Что кожныя заболѣванія вслѣдствіе нечистоплотности развиты среди нашего населенія очень сильно, можно видѣть изъ доклада д-ра Петерсена на VIII пироговскомъ съѣздѣ, вполнѣ подтверждаемаго и частичными наблюденіями. Такъ, наприм., по наблюденіямъ д-ра Микусова въ одномъ изъ врачебныхъ участковъ Ливенскаго уѣзда число больныхъ чесоткою составляетъ $^1/_8$ часть всѣхъ амбулаторныхъ больныхъ. А между тѣмъ въ дѣлѣ борьбы съ означенною болѣзнью баня является однимъ изъ самыхъ важныхъ, почти радикальныхъ средствъ.

Очевидно, что въ дѣлѣ оздоровленія нашей деревни наше земство могло бы сдѣлать очень и очень много. На долю земскихъ учрежденій, какъ стоящихъ на стражѣ интересовъ сельскаго населенія, выпадаетъ прямая обязанность придти на помощь населенію въ борьбѣ съ грязью и нечистоплотностью.

Въ дѣлѣ оздоровленія деревни въ сущности еще не сдѣлано ничего, а между тѣмъ предупредительныя мѣры гораздо цѣннѣе лѣчебныхъ, и въ этомъ отношеніи земству не слѣдовало бы останавливаться ни предъ какими затратами. Къ чему будутъ всѣ заботы о народномъ образованіи, о народномъ продовольствіи, о народномъ хозяйствѣ, когда жизнь этого народа будетъ висѣть на волоскѣ, когда массы народа будутъ умирать отъ эпидемическихъ заболѣваній?...

Многое, повторяемъ мы, можетъ сдѣлать земство въ дѣлѣ оздоровленія нашей деревни, даже и теперь, несмотря на всю ограниченность земскаго бюджета.

Еще больше оно можетъ сдѣлать своими ходатайствами предъ правительствомъ о принятіи тѣхъ или иныхъ мѣръ къ оздоровленію деревни. Возбуждать такія ходатайства есть прямая обязанность земства. «Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ».

А. Баловъ.

Изъ переписки русскихъ писателей.

(А. И. Левитовъ, И. З. Суриковъ, Л. И. Пальминъ).

Поэтъ изъ народа И. З. Суриковъ любилъ и цѣнилъ Александра Ивановича Левитова. Черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Александра Ивановича, Суриковъ извѣщалъ Н. А. Якоби о тяжелой для него утратѣ. «Литературныя силы гибнутъ. Нѣтъ Демерта *), нѣтъ и Левитова,—писалъ онъ.

Рѣдѣютъ силы между нами
И гаснутъ свѣтлые огни:
Одинъ закопанъ въ общей ямѣ,
Другой въ больницѣ кончилъ дни...

«Некрологъ А. И. Левитова я помѣстилъ въ 4 № *Пчелы*... Письмо это я началъ писать вамъ 7, а кончаю 13 февраля. Я не успѣлъ докончить вамъ письма,—за мной прислалъ больной мой товарищъ, писатель Д. Н. Кафтыревъ. И восьмого числа онъ умеръ отъ чахотки, 30 лѣтъ отъ роду, 11-го я похоронилъ его рядомъ съ Левитовымъ. Приведенное мною выше четверостишіе принадлежитъ моему умершему другу».

Предлагаемое письмо Левитова къ поэту Сурикову прибавляетъ кое что къ біографіи перваго. Оно помѣчено 21 октября 1875 года, когда измученный голодовкой писатель не выдержалъ условій московской жизни и уѣхалъ на учительское мѣсто въ г. Козловъ, Тамбовской губ. Намъ не извѣстно письмо самого Сурикова, на которое Левитовъ отвѣтилъ нижеслѣдующимъ посланіемъ.

«Дорогой мой Иванъ Захаровичъ,

«Необычай мой письма писать разныя, разговорами пустыми заниматься. Но звѣриный образъ дремать мнѣ не даетъ. И здѣсь за мной по пятамъ питва гибельная ходитъ и отъ нея, видно, никуда не уйти. Исхлестала она меня вдребезги, всю душу вымотала и покоя ни въ чемъ не найти.

---

*) Стихотворенія И. З. Сурикова. М. 1884 г., изд. К. Т. Солдатенкова. Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ сообщаетъ о забытомъ Демертѣ слѣдующее:

„И. А. Демертъ умеръ въ Москвѣ, бывши тамъ проѣздомъ, а гдѣ и какъ схороненъ—не могли добраться ни родственники, ни литературные друзья, ни редакціи, гдѣ покойный въ это время постоянно сотрудничалъ“, стр. 46.

Думалъ я и такъ и этакъ, и въ тайныя глуби пучинныя заглядывалъ, и въ одномъ только убѣдился, «яко нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго». Вѣтеръ всякихъ бѣдъ надъ моей головёнкой съ шумомъ носится и погибель моя въ двери стучится: «полно по свѣту валандаться, не живешь ты, а лежишь; туманъ изъ башки твоей не выходитъ!» Такъ-то, милый мой, и здѣсь живу я эвона какой пьянчужко! А ты съ вопросами разными ко мнѣ подходишь, вывѣдываешь: «почему, молъ, теперь простоты промежду людей нѣтъ, почему брату нашему жить трудно приходится.»

«А спрошу-ка я тебя: гдѣ же намъ простоты этой взять приходится? Во времена ветхозавѣтныя цари да патріархи за стадомъ ходили, деревянными посохами людьми правили. А нынѣ каждый кулакъ деревенскій въ господа попасть все пытается. Все ему, молъ, плохонькимъ мужиченкомъ пахнетъ, своимъ ничѣмъ онъ не довольствуется, къ купцамъ да дворянамъ добраться норовитъ. О простотѣ да правдѣ людской мечтать—это все одно, что въ тѣ времена вѣрить, когда левъ изъ одного ручья съ ланью воду пилъ, когда тигръ стада барановъ на лугу пасъ, а пастухи съ пастушками такъ нѣжно разговаривали, что впору бы имъ въ любомъ салонѣ бесѣдовать.

«А теперь, дорогой мой, иной народецъ въ ходъ пошелъ. «Сдѣлаю,—думаетъ человѣкъ,—такъ или этакъ»; а кто-то ему подшептываетъ: «стой, любезный! Зачѣмъ же такъ дѣлать, а не иначе». «Хорошо,—отвѣчаетъ,—сдѣлаю я и иначе». А голосъ и этимъ недоволенъ: «позволь, сударикъ, а надо ли вообще это дѣло дѣлать? Вѣдь до насъ этого и дѣлать никто не хотѣлъ». «А хорошо, коли не дѣлали?» «Почемъ же ты знаешь? Вѣдомо что хорошо, коли не дѣлали. Да и знаешь ли ты навѣрное, что кто-нибудь дѣлалъ? Читалъ въ книжкахъ? Слыхалъ отъ людей? Брось,—все это глупости. Никто ничего не знаетъ, что̀ было раньше». «Какъ же жить?—опять ты спрашиваешь. «Да живи просто *такъ*». Все это самоанализомъ, самоконтролемъ называется. Ты думаешь, что это худо, а я такого мнѣнія, что это худо совсѣмъ. Въ разныхъ критикахъ да мнѣніяхъ—всякаго зла источникъ. Не Печориными земля наша держится, а кѣмъ хочешь, хоть бы и Онѣгиными, самыми плохими Онѣгиными, потому что они хоть немного на испанца Кихота похожи.

«Ты пишешь, что здѣсь въ глуши жить лучше, вольготнѣе; а меня въ городъ опять что-то зоветъ, къ себѣ кличетъ. Знаю я, что въ городѣ напрасно искать чего-нибудь добраго. И въ деревнѣ бѣдность, но въ городѣ—нищета; всюду голь, не только на окраинахъ, но и въ богатыхъ домахъ. Каждому хочется жить лучше, чѣмъ онъ можетъ. А для нравственности уснулъ, умеръ человѣкъ разбогатѣвшій. Ночь духа царитъ въ душѣ его зачерствѣлой. Сытъ онъ, ожирѣлъ, а потому всѣмъ доволенъ—и собой и жизнью. Въ дѣло онъ не идетъ, потому что ему хорошо, а разставаться съ хорошимъ, извѣстно, не хочется. А не скажешь ли мнѣ ты, Иванъ Захаровичъ, какіе такіе устои могутъ быть у бѣдняка, у человѣка голоднаго? Не о духовномъ голодѣ я думаю, а о животномъ, когда въ брюхѣ пусто. Хорошо еще, если у него одно брюхо, ѣсть просящее. А если ртовъ

у него много, жена, дѣтишки? Вотъ когда попробуй высоко держать знамя нравственности!

«Не удержишь: опустится. Вотъ и растутъ и множатся толпы гольтепы городской и деревенской. Пока мужикъ въ деревнѣ живетъ — все ему нравится. И жена корявая кажется ему раскрасавицей, и дьякъ—не вѣсть мудрецомъ какимъ, а краюха хлѣба съ квасомъ—манной небесной, а изба съ подпорками—палатами крѣпкими. И стоитъ ему разокъ въ городъ попасть, тамъ пожить да помаяться—полетитъ все тормашками. Здѣсь онъ по три раза на день чай пьетъ съ лимономъ да булками, музыку со звонками да барабанами слушаетъ, по улицамъ на дѣвокъ въ шелковыхъ чулочкахъ насмотрится. Критиковать станетъ и умствовать. Теперь ему въ деревнѣ и скучно и нерадостно. Жить лучше хочется. А откуда взять? За работу, вѣдь, лучше платить никто не станетъ. Вотъ и попадетъ онъ на хитровку, а оттуда никто назадъ не воротится.

«Все это я такъ, только для примѣра, о мужикѣ разсказывалъ. Эта пѣсня и для нашего брата поется. Кто привыкъ къ городу, вкусилъ его прелести, тому въ деревню иль городокъ маленькій лучше не ѣхать. Такъ и я, дорогой мой, въ Москву собираюсь, хоть люди здѣсь хорошіе и житье мое обезпеченное. Прости, заболтался я, потому что говорить мнѣ здѣсь не съ кѣмъ: люди все простые, ко всему привычные.

Любящій тебя А. И. Левитовъ.

«P. S. А я совсѣмъ о стихахъ-то и позабылъ! Спасибо, что прислалъ ихъ мнѣ. Но мнѣнія своего сказать я не сумѣю. Стихи писать—вещь мудреная, самъ я не пробовалъ, развѣ—когда въ бурсѣ былъ. Совѣтую тебѣ прозой заняться. Напиши разсказъ хотя бы про торговцевъ желѣзомъ старымъ. Жизнь ихъ ты знаешь, а изложить на бумагѣ не трудно. Стихи пріѣлись всѣмъ. Пѣсня—дѣло другое. Но не всякій стихъ подъ пѣніе подойдетъ. Пѣсня должна быть поэтичная, по формѣ стройная и по мысли серьезная. Пиши пѣсни; ихъ у насъ такъ мало».

Въ ночь на 3 января 1877 года Левитовъ умеръ въ Москвѣ, въ университетской клиникѣ, и похороненъ на деньги, собранныя между студентами и немногими его друзьями. Въ складчинѣ участвовалъ и Суриковъ, который написалъ и некрологъ Левитова.

Объ интересномъ поэтѣ изъ крестьянъ Иванѣ Семеновичѣ Ивинѣ говорилъ на страницахъ *Русской Мысли* А. И. Яцимирскій. Теперь приведемъ сообщенныя послѣднимъ же два письма къ Ивину Л. И. Пальмина.

Зиму 1879 года Ивинъ провелъ въ деревнѣ и долженъ былъ цѣлый мѣсяцъ передъ святками проработать въ лѣсу, получая 35 копеекъ въ день. Послѣ Рождества отецъ уступилъ, наконецъ, просьбамъ сына, выдалъ ему паспортъ на полгода, и Ивинъ снова ушелъ въ Москву. Въ это время—начало 1880 года—братъ Ивина поступилъ рисовальщикомъ въ редакцію журналовъ *Свѣтъ и Тѣни* и *Мірской Толкъ*. Благодаря его протекціи Ивинъ получилъ мѣсто при конторѣ одного изъ журналовъ, писалъ адреса, клеилъ бандероли, но продолжалъ писать стихи, которые помѣщалъ въ

Мірскомъ Толкѣ. «Такъ какъ въ журналѣ появлялись не всѣ стихи, которые отдавались Н. Л. Пушкареву, то я обратился за совѣтомъ къ самому редактору,—разсказываетъ Ивинъ.—При этомъ я упомянулъ, что съ подобными совѣтами обращался раньше къ Сурикову. Но Пушкаревъ, будучи тогда не въ ладу съ Иваномъ Захаровичемъ, никакого совѣта мнѣ не далъ и сказалъ:

— Суриковъ самъ хуже твоего пишетъ.

«А Суриковъ въ это время лежалъ уже больной въ послѣднемъ періодѣ чахотки, и 24 апрѣля скончался. Въ то время въ *Мірскомъ Толкѣ* сотрудничалъ поэтъ Л. И. Пальминъ, и я письменно обратился къ нему, убѣдительно прося помочь мнѣ совѣтомъ и высказать свое мнѣніе о моихъ стихахъ. Пальминъ—спасибо ему—отнесся ко мнѣ вполнѣ сочувственно и отвѣтилъ мнѣ пространнымъ письмомъ».

«Я глубоко признателенъ вамъ за вашъ лестный отзывъ о моихъ стихахъ и за ваше довѣріе, съ которымъ вы обращаетесь ко мнѣ за совѣтомъ. Не знаю, заслуживаю ли я этого, но, во всякомъ случаѣ, отъ души желаю вамъ добра и съ полною охотою готовъ напутствовать васъ и добрымъ совѣтомъ, и искреннимъ мнѣніемъ. Конечно, я долженъ быть съ вами вполнѣ откровеннымъ во мнѣніи. Мнѣ кажется, что у васъ есть дарованіе, но я читалъ только два ваши стихотворенія: одно, присланное при письмѣ, и другое въ *Мірскомъ Толкѣ.* Оба эти стихотворенія мнѣ очень нравятся, а на первое обратилъ мое вниманіе Н. Л. Пушкаревъ еще въ рукописи. По двумъ стихотвореніямъ начинающаго поэта, хотя и не дурнымъ, трудно судить вообще о степени таланта и призванія. Интересно бы почитать побольше и именно тѣ, которыя вы сами признаете неудовлетворительными, такъ какъ, хотя они быть можетъ не удобны для печати по невыдержанности формы, но изъ нихъ можно познакомиться съ тѣми мыслями, которыми задавался пишущій, съ его міровоззрѣніемъ и съ колоритомъ его чувства; а также можно увидать, насколько въ стихахъ есть свѣжести и искренности.

«По моему, искренность—неотъемлемое качество, соприсущее поэтическому творчеству. Безъ искренности не можетъ быть истиннаго вдохновенія. Поэтъ долженъ писать только о томъ, что его волнуетъ, мучаетъ или радуетъ, о чемъ болитъ его сердце, что его тревожитъ и занимаетъ и, если у него есть талантъ, то на этой почвѣ онъ будетъ объективенъ, т.-е. будетъ находить такія ноты, которыя встрѣтятъ созвучіе въ другихъ сердцахъ и, потому самому, будутъ производить впечатлѣніе. Ради Бога, избѣгайте всякой умышленной поддѣлки подъ модный современный ладъ. Хотя въ этомъ родѣ, обладая формой стиха, можно написать много произведеній, которыя будутъ удостоены помѣщенія въ журналахъ, но это не есть творчество, а скорѣе ремесленное отношеніе къ поэзіи. Примѣромъ этому могутъ служить десятки разныхъ, такъ называемыхъ, «гражданскихъ пѣвцовъ», которые навсегда канутъ въ волны леты. Только искренно выстраданное можетъ внушить поэту пѣсни, которыя задѣнутъ другихъ за

живое; а если онъ пишетъ съ натуры или проводитъ какую-нибудь мысль, то онъ долженъ всецѣло проникнуться этой мыслью и быть сердечно убѣжденнымъ въ томъ, что онъ пишетъ.

«По поводу же вашихъ словъ насчетъ чтенія и развитія вашего я позволяю себѣ тоже высказать вамъ, что я думаю. Вамъ нужно какъ можно больше развивать себя чтеніемъ и, если можно, ученіемъ. Ознакомьтесь по возможности короче съ поэтами, какъ русскими, такъ и иностранными,— старыми и новыми, съ романистами и вообще съ извѣстными писателями и мыслителями. Читайте и, такъ сказать, изучайте Шекспира, Данта, Гёте, Шиллера, Гейне, Байрона и другихъ великихъ писателей,—они обогатятъ вашъ внутренній міръ, воспитаютъ васъ, наполнятъ образами и думами. Что же касается внѣшней отдѣлки, музыкальности стиха и формы, то наша эпоха въ высшей степени требовательна въ этомъ отношеніи, и вамъ нужно выработать легкій, граціозный, пѣвучій стихъ. Для этого ищите прекрасные образцы, вчитывайтесь и вдумывайтесь въ нихъ,—изъ нашихъ лучшихъ поэтовъ: Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Мея, Майкова, Полонскаго и другихъ. Вотъ мое искреннее мнѣніе и добрый совѣтъ, насколько позволяетъ объемъ письма».

Вашъ Л. Пальминъ.

Ивина поразило нѣсколько отрицательное отношеніе Пальмина къ гражданскимъ мотивамъ, которые самъ Ивинъ въ сущности плохо понималъ. Поэтому онъ снова написалъ Пальмину, прося его разъяснить, что такое разумѣетъ онъ подъ «гражданскимъ пѣвцомъ», и правда ли, что Некрасовъ, какъ многіе говорятъ, по значенію и народности выше Пушкина. Второе письмо Пальмина служитъ отвѣтомъ на эти два тѣсно связанные другъ съ другомъ вопроса.

«Многоуважаемый Иванъ Семеновичъ! — пишетъ онъ. — Еще долженъ просить извиненія, что замедлилъ отвѣтомъ на письмо ваше. Вы мнѣ приписываете такія свѣтлыя, прекрасныя качества, что мнѣ самому стыдно, такъ какъ на самомъ дѣлѣ я, вѣроятно, хуже. Правда, что стихи мои вполнѣ искренни и выливаются изъ глубины души моей, и я никогда не пишу ничего такого, чему бы я не сочувствовалъ и въ чемъ бы не былъ убѣжденъ. Но и поэтъ, какъ вообще каждый человѣкъ, двойственъ. Въ душу человѣческую иногда слетаютъ ангелы, въ ней бываетъ небо, молитвенный восторгъ, благородныя, теплыя чувства, а иногда, въ вихрѣ жизненныхъ мелочей, та же самая душа забываетъ свое небесное рожденіе и пресмыкается въ ничтожествѣ мелочныхъ разсчетовъ и страстей.

«Спѣшу отвѣтить на вашъ вопросъ: что такое «гражданскіе» пѣвцы. Этимъ именемъ въ послѣднія времена у насъ окрестили десятки расплодившихся совершенно бездарныхъ поэтиковъ, не имѣющихъ ни силы, ни художественности, ни поэзіи, ни оригинальности, но подражающихъ и поддѣлывающихся подъ современное направленіе, реальное и гражданское, которое само по себѣ, конечно, прекрасно, если имѣетъ талантливыхъ представителей. Но у этихъ писателей только однѣ фразы, нытье, напускной

пафосъ, все вяло, безцвѣтно и неискренно. Вотъ ихъ-то дороги и нужно остерегаться.

«Разверните любой номеръ *Дѣла* за послѣдніе лѣтъ десять, *Будильника* или какого-либо другого журнала, а особенно *Дѣла*, и вы встрѣтите подобнаго рода измышленные, *дѣланные* и притомъ ухабистые стихи на какую-нибудь избитую тему съ гражданской закваской. Можетъ быть, идеи такихъ стиховъ на самомъ дѣлѣ бываютъ и вѣрны, но они такъ избиты, такъ часто повторялись съ чужого тона, вѣютъ такой казенщиной, такъ безцвѣтно и непоэтично выражены, что на читателей не произведутъ никакого впечатлѣнія и положительно противны. Это та же слащавая старинная сантиментальность, только переодѣвшаяся изъ идиллическаго пастушескаго костюма въ гражданскую тогу и въ реальный казенный мундиръ.

«Что касается того, почему я не упомянулъ указанныхъ вами поэтовъ, то это потому, что я въ послѣднемъ письмѣ не всѣхъ перечислялъ, а указалъ только на нѣкоторыхъ. Напримѣръ, я не указалъ вамъ на любимыхъ моихъ поэтовъ и высоко-талантливыхъ, которыхъ и вы пропустили. Напримѣръ, очаровательнаго и милаго Козлова, Баратынскаго, Туманскаго, Подолинскаго, кн. Одоевскаго, а изъ болѣе новѣйшихъ Алексѣя Толстого—поэта, быть можетъ, лучшаго изъ всѣхъ въ нашей эпохѣ, потомъ братьевъ Курочкиныхъ, особенно Василія, Минаева, Грекова, Фета, Тютчева, Пушкарева, Огарева, Никитина, Шевченко, Кольцова и другихъ, разумѣется и Некрасова, котораго я хотя и не особенно люблю, но у котораго есть много прекрасныхъ стихотвореній. Все это вы можете найти отчасти въ журналахъ за многіе годы, въ хрестоматіяхъ и сборникахъ. Иностранныхъ же поэтовъ—въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціями Гербеля и Вейнберга. Что касается до покойнаго Сурикова, Тре—ва, Кафтырева, Кру—ова, Б—ва, Иванова-Классика и многихъ другихъ въ этомъ родѣ, то, по моему мнѣнію, это не поэты, а подражатели, неотмѣченные печатью таланта, не прочитавъ которыхъ, вы ничего не потеряете. Про нихъ Минаевъ, пародируя однажды Пушкина, остроумно замѣтилъ:

„Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія,
Васъ—Омулевскіе, Орловы,
Читалъ бы, можетъ быть, и я...“

«Дальше не помню. Однако довольно. Въ письмѣ всего не переговоришь. На-дняхъ самъ буду у васъ въ конторѣ. Читалъ ваше хорошенькое стихотвореніе въ послѣднемъ номерѣ *Мірского Толка*. Нужно больше силы и новыхъ, еще неисчерпанныхъ мотивовъ».

Уважающій васъ Л. Пальминъ.

«P. S. Я пропустилъ упомянуть насчетъ одного мѣста въ вашемъ письмѣ; это касательно слышаннаго вами мнѣнія, что будто бы Некрасовъ выше Пушкина. Это крайне ошибочное и даже дикое мнѣніе. Пушкинъ—неизмѣримо высокій колоссъ, гигантъ поэзіи, и если бы онъ писалъ

и жилъ не въ замкнутой Россіи 20—30-хъ годовъ, а въ Германіи или Англіи, и имѣлъ бы европейское развитіе, то былъ бы міровымъ поэтомъ, какъ Шекспиръ, Гёте или Байронъ, а Некрасовъ въ сравненіи съ нимъ ничтоженъ и не столько поэтъ, сколько весьма умный и, конечно, талантливый писатель, сумѣвшій понять духъ и требованія эпохи и публики нашей и понравиться ей, задѣвъ современныя живыя струны. Общечеловѣческаго и геніальнаго въ немъ нѣтъ ничего. Некрасова скоро позабудутъ, а Пушкинъ и Лермонтовъ десятки и, быть можетъ, сотни лѣтъ будутъ красоваться неувядаемыми цвѣтами».

Вашъ Л. Пальминъ.

26 мая 1880 года.

(Сообщено **А. И. Яцимирскимъ**).

В. А. Слѣпцовъ.

(17 іюля 1836 г.—23 марта 1878 г.)

Въ литературѣ, какъ и въ жизни, есть люди, которымъ всегда везетъ—или вѣчно не везетъ.

Зевсъ изъ «урны судебъ» для однихъ, даже безъ особыхъ заслугъ, сыплетъ счастіе, успѣхъ, удачи, для другихъ, часто безъ вины, неудачи и незадачи.

Типическимъ представителемъ такихъ неудачниковъ въ жизни и литературѣ былъ Слѣпцовъ.

Одаренный отъ природы кипучей энергіей, безпокойнымъ, непосѣдливымъ характеромъ, онъ вѣчно ищетъ, стремится, увлекается, разочаровывается, берется за сотни дѣлъ, разбрасывается.

Гдѣ только начинается какая бы то ни было идейная работа, сейчасъ, изъ первыхъ, является Слѣпцовъ—и хлопочетъ, волнуется, кипитъ.

Организуются по его иниціативѣ, почти исключительно имъ живутъ, хотя и очень недолго, самыя разнообразныя предпріятія: лекціи для женщинъ, «коммуны» для удешевленія и улучшенія существованія интеллигентнаго пролетаріата, «идейныя ремесленныя заведенія», любительскіе театральные кружки, кружки для самообразованія и пр., и пр. На все это ухлопывается громадное количество времени, силъ, энергіи; все это валится и рушится, исчезая безслѣдно. Но Слѣпцовъ не падаетъ духомъ, продолжая ту же культурную Сизифову работу.

И его хотятъ выставить теперь безпринципнымъ скептикомъ, безыдейнымъ гаеромъ, смѣявшимся безъ цѣли и безъ основаній—«иногда насмѣшливымъ, иногда холоднымъ, рѣдко грустнымъ скептикомъ, для котораго въ жизни не сохранилось никакихъ упованій» (слова г. И. изъ *Русск. Вѣд.* 1903 г., № 81)!

Но подобный скептикъ—прежде всего врагъ дѣла и увлеченія, а Слѣпцовъ и самъ много дѣлалъ и увлекался и другихъ заставлялъ много дѣлать и сильно увлекаться. Свои начинанія онъ оставлялъ послѣднимъ—когда они рушились благодаря общественной апатіи и халатности или по «независящимъ обстоятельствамъ». Оставлялъ—и съ новой энергіей принимался

за другое дѣло, вкладывая въ него душу — до новыхъ неудачъ и новыхъ начинаній.

Онъ горѣлъ и сгорѣлъ слишкомъ рано, «упорствуя, волнуясь и спѣша». Увлеченія и крайности, полное невниманіе къ своему здоровью, подточенному тяжелою внутреннею болѣзнью, приводятъ къ преждевременному концу, безсмысленно оборвавшему эту талантливую, яркую въ своей индивидуальности жизнь. Уже нѣсколько лѣтъ до смерти онъ былъ присужденъ къ ней—поэтому-то его «красивое, точно точеное лицо» и должно было казаться «мертвеннымъ, какъ маска». Но тѣлесное разложеніе не мѣшало кипучей жизни души.

При жизни, несмотря на большой литературный талантъ, Слѣпцова, какъ писателя, мало цѣнили. Нѣкоторое вниманіе вызвалъ только его романъ «Трудное время». Самая эпоха, сдѣлавшая такъ много для нашего общественнаго сознанія, была мало благопріятна для развитія художественнаго дарованія и даже часто мѣшала его правильной постановкѣ.

Послѣ смерти Слѣпцова его скоро и основательно забыли. Изданія его сочиненій, въ общемъ очень плохія и неполныя, расходились туго, слабо, почти совершенно не замѣчались критикою.

Неудачными вышли и недавнія поминки по случаю исполнившагося 23 марта этого года 25-лѣтія его смерти. Нѣсколько газетныхъ бѣглыхъ замѣтокъ, нѣсколько журнальныхъ «отписокъ отъ юбилея» чисто формальнаго характера, рядъ диссонансовъ и недоразумѣній — вотъ и все, чего удостоился Слѣпцовъ во дни своихъ юбилейныхъ поминокъ отъ «благодарныхъ россіянъ».

Кто-то сказалъ, что у насъ хвалить не умѣютъ: начнетъ человѣкъ кадить своему идолу и кадитъ такъ стремительно, что въ голову божества полетитъ и самая кадильница съ ѳиміамомъ. Жертвой подобнаго кажденія въ юбилейныя дни сдѣлался и Слѣпцовъ. Одинъ объявляетъ его народникомъ, каррикатурно однако изображавшимъ народъ (не замѣчая contradictio in adjecto); другой доказываетъ не столько убѣдительно, сколько внушительно мертвенность души Слѣпцова, объясняя ею скорое забвеніе его сочиненій; допуская у него крупный художественный талантъ, онъ признаетъ его безпринципнымъ, безыдейно-скептическимъ и безцѣльно-гаерскимъ.

«Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!»

Но какъ онѣ умѣстны и своевременны во дни поминокъ!...

Л. Н. Толстой, въ бесѣдѣ съ В. А. Гольцевымъ, назвалъ Слѣпцова и Чехова лучшими, послѣ Гоголя, представителями юмора въ нашей литературѣ. Кто вспомнитъ «Спѣвку», «Мертвое тѣло», «Свиньи», тотъ, конечно, согласится съ этимъ взглядомъ. Въ большинствѣ разсказовъ Слѣпцова разлиты мягкій юморъ, безподобное остроуміе, удивительная наблюдательность.

Нѣкоторымъ не нравятся его изображенія крестьянской жизни, будто бы представляющія сплошное издѣвательство надъ деревенскою темнотою.

Никто, конечно, не откажетъ Слѣпцову въ непосредственномъ большомъ знакомствѣ съ народною жизнью. Его «пѣшія хожденія» по Россіи обогатили

его громаднымъ количествомъ свѣжихъ и яркихъ наблюденій *надъ только что раскрѣпощенною* крестьянскою массою. Можетъ быть, въ тайники ея души, представляющіе «книгу за семью печатями», онъ и не проникъ; повидимому, и для него по многимъ пунктамъ народъ оставался «таинственнымъ незнакомцемъ». Но Слѣпцовъ рисовалъ то, что видѣлъ, не лгалъ и не выдумывалъ: его можно было бы только обвинять въ *безсознательной односторонности*.

По основному взгляду къ его разсказамъ тѣсно примыкаютъ «Мужики» Чехова, а кто будетъ обвинять ихъ въ сознательной карракатурности или художественной лжи?

Идеализація мужика имѣетъ свою очень длинную исторію.

Поэзія XVIII в., выросшая на болотѣ крѣпостныхъ отношеній, любила изображать прикрашенныхъ пейзанъ, пляшущихъ и поющихъ во славу своего добраго барина и мирно процвѣтающихъ подъ эгидою его власти.

Подсахаренные, а то и совсѣмъ засахаренные «мужички» Григоровича и его послѣдователей являются внуками этихъ пейзанъ.

Даже въ «Запискахъ Охотника» чувствуется эта идеализація, хотя бы и сведенная до минимума благодаря художественному чутью ихъ автора. Въ подобной идеализаціи далеко не все и не всегда обстояло благополучно. За нею иногда прятались отъ слишкомъ тяжелыхъ впечатлѣній дѣйствительности; ею замѣняли живое, настоящее дѣло на пользу «меньшого брата», выплачивали этою дешевою платою свой «долгъ» ему; въ ней часто не было настоящаго уваженія къ человѣческому достоинству идеализируемаго; создавая фантомъ и поклоняясь ему, кадили прежде всего себѣ, своей прозорливости и своему «гуманству» и охотно согласились бы примѣнить къ себѣ слова Чацкаго Софьѣ относительно Молчалина:

„Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна скрыта;
Богъ знаетъ, за него, что выдумали вы,
Чѣмъ голова его въ вѣкъ не была набита.
Быть можетъ, качествъ вашихъ тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему:
Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ, вы во сто разъ грѣшнѣе“.

Отчасти подобныхъ «дѣятелей на нивѣ народной» имѣлъ въ виду Слѣпцовъ въ своемъ Щетининѣ, пустопорожнее «гуманство» (отъ него, по словамъ письмоводителя, «обовшивѣешь») и «грошовый либерализмъ, котораго онъ такъ безпощадно и такъ забавно высмѣялъ въ своемъ «Трудномъ времени».

Во всякомъ случаѣ его, можетъ быть, слишкомъ трезвое, проникнутое здоровымъ смѣхомъ изображеніе деревенской «власти тьмы» было полезнымъ и необходимымъ коррективомъ къ крайностямъ идеализаціи у другихъ. Слѣпцовъ осмѣивалъ далеко не все: его смѣхъ направленъ всегда на очень опредѣленныя явленія — пошлость, рабьи чувства, оголтѣлое невѣжество, притязательность при внутренней пустотѣ. Его смѣхъ не всегда «свѣтелъ», въ немъ слышатся иногда и грусть, и горечь. Изъ-за отрицательныхъ кра-

сокъ его картинъ очень опредѣленно вырисовываются его положительные взгляды.

Обыкновенно говорятъ, что эти послѣдніе онъ выразилъ, и не вполнѣ удачно, въ лицѣ Рязанова. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ *гипертрофіи честности,* конечно, но нежизнеспособность Рязанова, его очевидная несостоятельность въ столкновеніи съ Марьей Николаевной ясно показываютъ, что для Слѣпцова онъ не былъ средствомъ выразить свои личныя воззрѣнія, *субъективнымъ типомъ,* а однимъ, хотя бы и лучшимъ плодомъ *«труднаго времени»*...

Какъ высоко-талантливый бытописатель русской жизни на ея переломѣ, какъ безподобный юмористъ, Слѣпцовъ въ концѣ-концовъ «попадетъ на свою полочку» и займетъ подобающее ему мѣсто и въ исторіи русской литературы, и въ сознаніи русскаго общества.

Юбилейныя поминки пока въ этомъ направленіи сдѣлали мало, но вышедшее недавно «Полное собраніе сочиненій» Слѣпцова само скажетъ за себя и пробьетъ дорогу къ душамъ читателей, которые отъ чисто внѣшняго интереса къ имени Слѣпцова по поводу юбилея перейдутъ къ увлеченію его сочиненіями, если только хоть разъ возьмутъ ихъ въ руки...

К.

Замѣтки читателя.

Съ нынѣшняго года въ Москвѣ выходитъ, подъ редакціей профессора Н. А. Умова, новый журналъ: *Научное Слово.* Своею задачею онъ ставитъ популяризацію знаній. Общеніе мысли съ жизнью—исконное явленіе исторіи; «но, говоритъ редакція, никогда еще оно не проявлялось въ такой степени, какъ въ наши дни. Съ неудержимой силой элементарной потребности совершается на нашихъ глазахъ ростъ сознательной мысли общества». Представители университетской науки на Западѣ, въ Америкѣ и у насъ примкнули къ новому движенію, выработали новую форму распространенія въ широкихъ кругахъ университетскаго образованія *(University extension).* Но популяризація путемъ печатнаго слова, въ особенности посредствомъ повременнаго изданія, «въ которомъ дѣятели науки дѣлятся съ обществомъ результатами своей работы, есть превосходное и незамѣнимое средство просвѣщенія».

Само собою разумѣется, что такая задача заслуживаетъ полнаго сочувствія. Новый журналъ желаетъ объединить представителей «самыхъ различныхъ» научныхъ спеціальностей и взглядовъ. *Научное Слово* не будетъ направлять мысль читателей «въ узкія рамки законченныхъ догматовъ и непогрѣшимыхъ схемъ». По мнѣнію редакціи, «живая и прогрессирующая мысль не знаетъ, не должна знать остановокъ на своемъ пути: *вѣчно* пересматривая и критикуя однажды добытыя опредѣленія, она никогда не можетъ обѣщать послѣдняго слова истины. Все, что она даетъ, это ближайшую, *наиболѣе прочную и твердую ступень* *) къ дальнѣйшему познанію». Мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ черезчуръ подчеркнута относительность нашего познанія, наиболѣе прочныя и твердыя ступени котораго предполагается подвергать вѣчному пересмотру.

Въ другой редакціонной статьѣ *Задачи научной популяризаціи* задача эта опредѣляется въ слѣдующихъ словахъ: она должна «давать читателю или слушателю не обрѣзки научнаго знанія, а настоящее научное знаніе въ такой обработкѣ, которая, при обычныхъ средствахъ нашей познава-

---

*) Курсивъ мой.

тельной способности съ нѣкоторымъ, впрочемъ, значительнымъ напряженіемъ мысли, необходимымъ для научнаго познанія, давала бы возможность образованному человѣку сводить и складывать ежечасно умножающіяся пріобрѣтенія науки въ цѣльное и дѣятельное сознаніе. Научная мысль не можетъ долго выдерживать спорадическое, центробѣжное направленіе и въ себѣ самой найдетъ искомый синтезъ, свой центръ тяготѣнія».

Статья профессора Умова является заслуженнымъ, конечно, дифирамбомъ опытнымъ наукамъ. Авторъ указываетъ на причины, до сихъ поръ замедлявшія благодѣтельное шествіе естественныхъ наукъ. Въ числѣ ихъ были и недостатки политическаго строя. «Законъ экономіи, выражающійся въ природѣ экономіей вещества и работы, не охватываетъ, къ сожалѣнію, историческаго развитія человѣческаго благополучія. Образуются союзы, оберегающіе историческое положеніе знанія, завоеванное ему геніями человѣчества: безъ различія національностей, дружной работой они стараются восполнить неэкономное поведеніе человѣчества».

Профессоръ Умовъ считаетъ иллюзіею предположеніе возможности «разгадать тайны вселенной внутреннимъ созерцаніемъ, откровеніями человѣческаго духа». Это опредѣленно разграничиваетъ положительную философію отъ метафизической; но, быть можетъ, приведенное утвержденіе составляетъ только *ступень къ дальнѣйшему познанію* и подлежитъ пересмотру? Но профессоръ Умовъ категорически заявляетъ, что наша мысль вырастаетъ изъ чувствованій, что «абсолютное познаніе или познаніе вещей въ себѣ намъ недоступно».

Н. А. Умовъ говоритъ,—и нельзя къ нему вполнѣ не присоединиться,—что культивированіе способности творчества и тѣсно связанныхъ съ ней личной энергіи и иниціативы, способностей, не пріурочиваемыхъ по произволу къ тѣмъ или другимъ проявленіямъ человѣческой личности, являются главными моментами, опредѣляющими политическое значеніе націи. Творчество не есть только желанное благо, а становится необходимостью. Великое нравственное значеніе практическихъ примѣненій естествознанія заключается въ замѣнѣ борьбы за существованіе между людьми и націями ихъ союзомъ для цѣлей жизни въ борьбѣ съ природою.

Въ заключеніе своей статьи проф. Умовъ говоритъ, какъ неосновательны увѣренія, будто опытное знаніе губитъ поэзію. Наука и поэзія—два величайшихъ проявленія человѣческаго генія. Ихъ развитіе не всегда идетъ одинаковымъ темпомъ, но они неразлучны по своей природѣ. Я напомню по этому поводу прекрасныя слова Гюйо. Онъ писалъ, что красота художественныхъ произведеній будетъ становиться все болѣе и болѣе значительною по мѣрѣ того, какъ эти произведенія будутъ выражать все болѣе и болѣе возвышенную умственную и нравственную жизнь. Успѣхи психологіи и непрерывное усложненіе личной и общественной жизни доставляютъ для художника все новые и новые источники.

Читатели съ большимъ интересомъ и пользою прочтутъ напечатанныя въ первой книжкѣ *Научнаго Слова* статьи проф. Цераскаго (*Коперникъ и*

Тихо Браге) и Сѣченова *(Элементы мысли)*. Я остановлюсь на небольшомъ очеркѣ г. Рожкова: *Научное міросозерцаніе и исторія*. Авторъ задался цѣлью «представить въ сжатой и по возможности общедоступной формѣ схему современнаго критико-позитивнаго или научнаго міросозерцанія и отношенія къ нему исторической науки».

Въ противоположность метафизическому идеализму, г. Рожковъ основнымъ понятіемъ морали (позитивной) считаетъ *реальные интересы общества, какъ цѣлаго, въ данный моментъ его существованія*. Авторъ старается подтвердить это положеніе историческими примѣрами. Такъ, по его мнѣнію, русское судопроизводство въ эпоху *Русской Правды* требовалось именно этими интересами, крѣпостное право также имъ соотвѣтствовало, его паденіе опять-таки находилось въ гармоніи съ интересами цѣлаго общества и т. д. Предусматривая, что такая предустановленная гармонія, такое преклоненіе передъ *крупными* фактами вызоветъ возраженіе, г. Рожковъ старается отпарировать ударъ слѣдующими соображеніями: бываютъ съ точки зрѣнія, имъ указанной, отрицательныя явленія, но опять только потому, что они противорѣчатъ интересамъ общества, какъ цѣлаго. Таковы были соціальныя и политическія привилегіи польскаго дворянства въ XVIII в.

Мнѣ эта аргументація не представляется научной. Заднимъ числомъ можно, съ большимъ или меньшимъ правдоподобіемъ, подвести историческія явленія подъ разныя категоріи. Интересы общества какъ цѣлаго, не тожественны съ его нравственными интересами. Желѣзная дорога можетъ быть общеполезна, но ея постройка не есть нравственная задача. Законодательства также не подобаетъ отожествлять съ моралью. Затѣмъ, а гдѣ же личность, живой носитель нравственныхъ требованій? Неужели интересы общества, какъ цѣлаго, г. Рожковъ понимаетъ, какъ сумму интересовъ всѣхъ и каждаго? Джіордано Бруно былъ однако сожженъ на кострѣ, а правда была на его сторонѣ. Здѣсь умѣстно указать на слѣдующую мысль въ упомянутой выше статьѣ Н. А. Умова: приписывая громадную, незамѣнимую роль великимъ, исключительнымъ людямъ, нашъ ученый видитъ въ нихъ *національное богатство*. Вотъ что говоритъ точная наука.

Съ такимъ нравственнымъ критеріумомъ, какъ интересы общества какъ цѣлаго, мы можемъ дойти до оправданія избіенія альбигойцевъ или варѳоломеевской ночи.

Любопытно, кто же рѣшитъ въ настоящій моментъ, напримѣръ, гдѣ интересы общества, какъ цѣлаго, въ борьбѣ австрійскихъ нѣмцевъ съ чехами? На чьей, другими словами, сторонѣ, стоитъ позитивная мораль?

Г. Рожкову противны *фетиши* въ равной степени, какъ радикальные (свобода, равенство, братство), такъ и реакціонные (опека, власть, привилегія). Не понимаю, почему авторъ допускаетъ для этихъ *фетишей* только метафизическое происхожденіе и значеніе.

Для той группы позитивистовъ, къ которой я принадлежу, *естествен-*

ныя права человѣка—не метафизика, не пустой звукъ. Благодаря научному знанію, гигіена опредѣлила, сколько надо чистаго воздуха для нормальной жизни человѣка, будь онъ рабочій или предприниматель. Этимъ создается *естественное право* на полученіе такого количества воздуха. Политическая экономія подсчитываетъ, сколько нужно человѣку или семьѣ на здоровое и разумное существованіе, *Existenz-minimum*; *естественно*, что человѣкъ будетъ стремиться къ этому минимуму, и такое стремленіе, со стороны положительной нравственности, является требованіемъ справедливости (тоже фетишъ)? Мы питаемъ надежду и даже увѣренность, что, благодаря успѣхамъ точнаго знанія, можно будетъ создать нормальный юридическій строй и нормы для нравственнаго поведенія человѣка. Къ этой давно меня глубоко занимающей мысли я не теряю надежды когда-нибудь вернуться, теперь же принужденъ ограничиться сказаннымъ.

Я настаиваю на томъ, что позитивизмъ *не все знаетъ*,—всезнаніе составляетъ привилегію метафизики, и лишь по недоразумѣнію *абсолютныя* утвержденія можетъ высказывать позитивистъ. Соціологіи очень далеко еще отъ сравненія съ точными науками. Идетъ вдумчивая работа въ разныхъ ея областяхъ, по разнымъ вопросамъ. Преждевременныя обобщенія, если они прямо не выдаются за гипотезы только, могутъ даже повредить анализирующей и созидающей научной мысли. Въ изученіи общественныхъ явленій истина медленно прокладываетъ себѣ дорогу. Возьмемъ идею солидарности или солидаризма. Въ обширныхъ кругахъ читателей ее популяризировалъ знаменитый политическій дѣятель французской республики, Леонъ Буржуа (*Solidarité*, первое изданіе въ 1897 г., въ прошломъ году вышло третье, значительно переработанное). Въ этомъ направленіи мысль углубляется и расширяется. Въ мартовской книгѣ журнала *Revue politique et parlementaire* напечатана интересная статья Бугле, профессора соціальной философіи въ Тулузѣ, *Эволюція солидаризма*. Я остановлюсь на нѣкоторыхъ изъ развиваемыхъ въ ней мысляхъ. (Бугле указываетъ литературу вопроса).

Во Франціи идея солидарности пользуется большимъ успѣхомъ, ею многіе увлекаются. Въ то же время теорія развивается. Соціальный вопросъ стоитъ неотразимою задачею передъ двадцатымъ вѣкомъ, и благороднѣйшія усилія мысли направлены на его мирное и справедливое разрѣшеніе. Необходимо установить идеи—руководительницы, которыя должны приводить въ дѣйствіе законодательство. Единственную прочную опору для этого можетъ дать наука. Мы, говоритъ Бугле, желаемъ морали, научной по принципамъ и юридической по своимъ послѣдствіямъ; для того, чтобы она была обязательной, надо, чтобы она прежде всего была очевидной.

Наука прочно установила взаимную зависимость людей, которая возрастаетъ по мѣрѣ культурнаго развитія общества.

Дюркгеймъ имѣлъ основаніе утверждать, что нѣтъ, быть можетъ, ни одного соціологическаго вопроса, который, прямо или косвенно, не слу-

жилъ бы доказательствомъ существованія солидарности людей въ обществѣ. Съ момента рожденія, говоритъ Буржуа, человѣкъ становится должникомъ общества, и долгъ этотъ непрерывно возрастаетъ, потому что человѣкъ пользуется культурною работою всего человѣчества.

Общественнаго договора не было, конечно, на зарѣ исторіи, но теперь онъ выступаетъ все ярче и опредѣленнѣе. Буржуа, какъ юристъ, сближаетъ quasi-контрактъ гражданскаго права съ общественно-юридическими отношеніями. Я, въ свое отсутствіе, поручилъ другу управлять моими дѣлами. Онъ выстроилъ стѣну. Постройка налагаетъ на меня обязательства, которыхъ прямо на себя я не бралъ: онѣ вытекаютъ изъ даннаго мною полномочія. Буржуа полагаетъ, что въ обществѣ существуетъ такой quasi-контрактъ, что само физическое существованіе человѣка обусловливаетъ пользованіе всѣми культурными пріобрѣтеніями съ его стороны и извѣстныя требованія къ нему со стороны общества. Но фактическая, фатальная солидарность съ ростомъ цивилизаціи, съ расцвѣтомъ сознанія, должна смѣняться желаемою, цѣлесообразною солидарностью. И руководить ею призвана справедливость.

В. Гольцевъ.

Журнальное обозрѣніе.

Въ III книгѣ *Міра Божьяго* вниманіе читателей раньше всего привлекаютъ изящно и сердечно написанныя «Замѣтки и наблюденія» г-жи Л. Нелидовой. Посвященныя памяти Александры Аркадьевны Давыдовой, онѣ носятъ общее заглавіе «Послѣднее путешествіе»,—то путешествіе, которое совершилъ изъ жизни въ смерть больной студентъ. Авторъ вводитъ насъ въ царство чахотки, обрамленное кипарисами и розами, ласково омываемое теплыми волнами Чернаго моря. Все красиво на южномъ берегу Крыма, этого медальона, который, по выраженію Вогюэ, припаянъ игрою природы къ русскимъ степямъ. Но люди переносятъ здѣсь мучительныя боли и прямо изъ этого цвѣтущаго края уходятъ во мракъ безвременной могилы.

„Вотъ барышня сидитъ на зеленой скамейкѣ съ облѣзшей краской. На ней все черное съ головы до ногъ. Она не въ трауръ. Черный цвѣтъ нуженъ, чтобы поглощать солнечные лучи, но уже никакіе лучи не заставятъ загорѣть ея блѣдныя щеки, такія блѣдныя, что при встрѣчѣ съ нею прохожіе невольно отворачиваютъ головы, стараясь смотрѣть мимо и не выдать своего впечатлѣнія".

Бактеріологическій анализъ находитъ у какого-нибудь бѣднаго, изголодавшагося студента зловѣщія бациллы и на щеголеватомъ бланкѣ, прямыми строками ремингтона, пишетъ ему смертный приговоръ. Впрочемъ, есть еще надежда на цѣлительный воздухъ Крыма, и путемъ неимовѣрныхъ усилій доставъ скудныя деньги, спѣшитъ туда несчастный юноша. Но Крымъ для него негостепріименъ. Только Яузларъ даетъ пріютъ даже очень больнымъ людямъ,—а содержатели гостиницъ и квартиръ боятся и не любятъ больныхъ и отказываютъ въ убѣжищѣ только что пріѣхавшему за тысячи верстъ, изнуренному дорогой и недугомъ студенту. По словамъ г-жи Нелидовой, «печальная лѣтопись людской корысти и безсердечія» знаетъ случаи, какъ въ поискахъ за кровомъ умирали на извозчичьихъ пролеткахъ жертвы своей болѣзни и чужого эгоизма.

Но тотъ студентъ, про котораго разсказываетъ г-жа Нелидова, былъ счастливѣе: онъ нашелъ въ Ялтѣ добрыхъ людей, самоотверженныя женскія души. И вотъ мы видимъ, какъ за нимъ ухаживаетъ барышня-институтка, Соня Синицкая, тоже больная, съ грудью-дощечкой. Она любитъ его, и онъ полюбилъ ее за ласку и участіе, и духъ чахотки вѣетъ надъ

этой взаимной любовью. Сидитъ «Синичка» у постели больного; «она робко перевела глаза, просунула руку подъ рѣшетку кровати и опустила ее на подушку; больной стиснулъ маленькую ручку большою, горячей рукой». А вотъ другая женщина, Надежда Александровна. Исполненная свѣтлыхъ и добрыхъ порывовъ, она поступила когда-то фельдшерицей на фабрику. Тамъ она увидѣла, что разсчетливый аптекарь поставляетъ для больныхъ, для простолюдиновъ-больныхъ, негодныя и залежавшіяся лѣкарства. Возмущенная, она звала фабричнаго врача на борьбу съ этой низостью, но врачъ не имѣлъ мужества для борьбы. Фельдшерица не успокоивалась, и это было непріятно аптекарю, и онъ подсыпалъ ей сулемы въ порошокъ хины, который она выписала себѣ противъ лихорадки. Три года уже прошло съ тѣхъ поръ, а она все не можетъ оправиться отъ этого порошка. И теперь она, усталая и больная, ходитъ за больными, и утѣшаетъ ихъ, и помогаетъ имъ; и нашъ студентъ съ чувствомъ глубокой благодарности и недоумѣнія смотритъ на нее: какъ это она, молодая и обезпеченная, не брезгаетъ своей работой, какъ это она спокойно и просто оказываетъ ему такія услуги, противъ которыхъ долженъ былъ бы возмутиться его мужской стыдъ, которыя были бы невыносимы для него даже отъ родной матери?...

Студентъ недоумѣваетъ. Самъ онъ, когда былъ здоровъ, увлекался нѣкоторыми воззрѣніями Ницше, презиралъ все слабое и любилъ говорить о самодовлѣющей силѣ бѣлокураго животнаго. Онъ самъ имѣлъ бѣлокурые волосы и гордился этимъ и думалъ, что выше всего на землѣ, это—прекрасное тѣло. Но вотъ къ ницшеанцу, въ расцвѣтѣ его свободной и одинокой студенческой жизни, явились два мальчика—два брата его, сиротливые и безпомощные. «Старшій, по знакомой привычкѣ, мялъ и крутилъ пальцами ухо; младшій безпокойно гримасничалъ, видимо затрудняясь и не имѣя при себѣ платка». И ницшеанецъ отдалъ ему свой платокъ, и не только платокъ. Студентъ не остался на высотѣ своего міровоззрѣнія, не прогналъ дѣтей, и они заняли большую часть его маленькой комнаты. «Слюнявый мальчишка въ сѣрой курткѣ съ облупленнымъ поясомъ опрокинулъ его теорію». И начались годы каторжнаго труда, житья впроголодь, и бѣгалъ студентъ по урокамъ, и носилъ онъ чужое пальто, накинутое на плечи и не сходившееся на груди. Не выдержало прекрасное тѣло, и теперь оно уже не прекрасно и лежитъ, изнеможенное и безсильное, во власти чахотки. Оно измѣнило, оно умираетъ, и не въ немъ, значитъ, смыслъ жизни. Гдѣ же онъ?

„Всю жизнь биться, пробиваться впередъ, страстно искать смысла, страстно хотѣть жизни, счастія, хотѣть всего... И въ двадцать три года не найти ничего и умирать въ этомъ городѣ смерти, издыхать здѣсь, на этомъ матрацѣ, подъ этой лампой, въ опостылѣвшей комнатѣ, изъ которой готовы вышвырнуть его... какъ негодную ветошь, какъ падаль, которая заражаетъ воздухъ и мѣшаетъ жить другимъ".

А кругомъ, въ ликующей и нарядной Ялтѣ, подъ шумъ говорливаго прибоя, все такъ хорошо и празднично, и жить такъ хочется. И надорванная грудь студента колышется отъ рыданій.

„Жить во что бы то ни стало, жить больнымъ, прикованнымъ къ постели, но только бы жить, чтобы видѣть поутру косой и ослѣпительно-яркій лучъ солнца, пробивающійся въ незавѣшенное пространство между косякомъ окна и коленкоровой занавѣской... Чтобы больными легкими съ блаженнымъ, щекочущимъ ощущеніемъ вдыхать доносящіяся изъ окна струи воздуха, напоеннаго запахомъ моря и водорослей.

Онъ повернулъ голову и по привычкѣ вытянулъ шею по направленію къ окну, но освѣжающей струи не было. Окно было заперто. Въ комнатѣ пахло лампой и лѣкарствами. Ему вспомнился захолустный городокъ, убогая обстановка и тѣсная квартира матери. Тамъ также почему-то всегда пахло аптекой и лампами.

Въ воспоминаніи потянулся безконечный рядъ квартиръ, комнатъ, каморокъ, угловъ въ каморкахъ, смрадныхъ и душныхъ, безъ свѣта и воздуха, и вдругъ, страннымъ скачкомъ воображенія, представилось высокое, просторное открытое на высотѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ мѣсто за старымъ соборомъ — новое ялтинское кладбище".

Но до того, какъ переселился студентъ на новое ялтинское кладбище, онъ пережилъ еще не мало страшныхъ дней и ночей. И все сидѣла около него въ креслѣ хрупкая «Синичка» и подносила ему лѣкарство или дремала.

Была особенно мучительна одна теплая весенняя ночь, когда припадокъ разразился съ необычной силой. И потомъ дѣвушка раскрыла окно; въ комнату лился ароматъ роскошныхъ южныхъ цвѣтовъ, но Соня и студентъ, больные, затерянные и сиротливые въ своемъ одинокомъ уголкѣ, съ тоскою думали и мечтали о родномъ морозѣ. На разсвѣтѣ, кромѣ запаха цвѣтовъ, въ окно ворвались и звуки погребальныхъ пѣснопѣній: то хоронили, тайкомъ отъ живыхъ, другого юношу, студента Боркина. Соня не сказала своему возлюбленному, что это хоронятъ его товарища, и молча смотрѣла она на горестную процессію. «Все было совсѣмъ близко, живое и въ то же время фантастическое и необычайное въ утреннемъ сумракѣ розоваго разсвѣта».

Невыразимой грустью вѣетъ отъ этой поразительной сцены: въ безмолвіи спящаго города два юныя существа, morituri, слушаютъ заупокойныя молитвы, которыя скоро будутъ пѣть и надъ ними. Все кончено,— кончено то, что еще и не начиналось. Ни откуда не будетъ спасенія, и умретъ студентъ; но разлука будетъ недолга, и Синичка со своей грудью-дощечкой послѣдуетъ за нимъ—куда?... «она не знала,—туда, вѣроятно, къ тѣмъ большимъ, прекраснымъ звѣздамъ, которыя смотрѣли на нихъ изъ окна»...

Скоро похоронили студента, и «на кладбищѣ... маленькіе кипарисы, напоминавшіе Сонѣ мальчиковъ - гимназистовъ, раскачивались отъ вѣтру на открытой вершинѣ, привѣтливо встрѣчая новаго жильца».

Sunt lacrimae rerum... Умирающая молодежь въ трогательномъ и талантливомъ описаніи г-жи Нелидовой производитъ глубокое впечатлѣніе. Стихія недуга безпощадна, и не слушаетъ она мольбы человѣческаго сердца, которое не имѣетъ голоса въ зловѣщемъ совѣтѣ природы:

Des Menschen Herz hat keine Stimme
Im finstern Rathe der Natur.

Эту роковую власть болѣзни и застѣнчивую любовь приговоренныхъ къ смерти, этотъ ужасъ умиранія среди цвѣтовъ, подъ лучами горячаго солнца, г-жа Нелидова изобразила въ краскахъ реалистическихъ, но въ то же время женственныхъ и мягкихъ. И въ темную обитель чахотки, гдѣ бродятъ обиженныя и страдающія тѣни, вноситъ примирительный свѣтъ тихое величіе женскаго подвижничества. Кроткій образъ сироты Синички западаетъ прямо въ душу, и даже въ литературномъ смыслѣ онъ удался автору лучше, нежели образъ студента. Нѣкоторой сочиненностью проникнуты рѣчи послѣдняго, когда послѣ припадка, въ минуты, близкія къ смерти, онъ такъ обобщенно разсуждаетъ о жизни. Обобщеніе отвлекаетъ отъ личной судьбы и утѣшаетъ,—а такія минуты должны были быть для несчастнаго студента безутѣшны.

Хотя давно разгаданная читателемъ «Глафирина тайна» Мих. Альбова и тянется на протяженіи трехъ книгъ *Міра Божьяго,* но о ней можно сказать лишь нѣсколько словъ; впрочемъ, изъ уваженія къ прежней литературной дѣятельности автора лучше даже не говорить объ этомъ произведеніи совсѣмъ и простить г. Альбову то почти оскорбительное ощущеніе, какое вызываютъ у каждаго читателя удручающее многословіе, безконечныя повторенія и безплодныя попытки на психологическій анализъ и остроуміе...

В. Г. Короленко, появленіе котораго на беллетристической аренѣ въ послѣднее время такъ рѣдко и тѣмъ желаннѣе, напечаталъ во II-й книгѣ *Русскаго Богатства* этюдъ «Не страшное»—изъ записокъ репортера. Это—новая варіація на старую тему: «кто виноватъ?» Самое страшное въ мірѣ это то, что никто не виноватъ,—all is right, какъ съ убійственной ироніей говорилъ король Лиръ. Если бы можно было опредѣленно приписать чьей-нибудь злой волѣ то зло, отъ котораго мы страдаемъ, то намъ было бы легче, и мы знали бы, противъ чего и кого бороться. Но жизнь—система, и безконечно сплетаются узлы человѣческихъ дѣйствій. Въ этой сплошной и сложной ткани неразличимы отдѣльныя нити—«все случайно, безсвязно, безсмысленно и гнусно». Но въ тѣ общественные періоды, когда людямъ живется особенно горько и неправдѣ живется особенно хорошо, естественно возникаетъ съ новою силой стремленіе найти виноватаго. И В. Г. Короленко, чуткій и сердечный, отозвался теперь на эту общую думу. Репортеръ слышитъ въ вагонѣ разговоръ двухъ попутчиковъ,—собственно, говоритъ одинъ изъ нихъ, Павелъ Семеновичъ Падоринъ, а другой, Илья Петровичъ, только слушаетъ, и недовольно слушаетъ, потому что онъ—врагъ всякихъ обобщеній и философіи. «Чортъ знаетъ что: какое мнѣ, позвольте спросить, до всего этого дѣло?... Нѣтъ, какъ хотите, а я пойду водку пить». И на станціи Илья Петровичъ вышелъ изъ вагона, потомъ вернулся и «съ добродушной усмѣшкой человѣка, успѣшно выпившаго рюмку водки», продолжалъ снисходительно внимать рѣчамъ Падорина. А тотъ все говорилъ о разныхъ людяхъ, которые дѣлаютъ какъ будто дурное и которыхъ, однако, нельзя признать виновными. Напри-

мѣръ, въ управленіи желѣзныхъ дорогъ сидитъ человѣкъ и передъ нимъ лежатъ вѣдомости, таблицы; передъ нимъ—графы, и онъ ставитъ въ нихъ чернильный значокъ, и отъ этого значка уменьшается число машинистовъ на дорогѣ, и отъ этого «по полямъ и равнинамъ вотъ въ этакія лунныя ночи мчатся вотъ этакіе же поѣзда, и съ машины тускло глядятъ впередъ полусонные запухшіе глаза», и отъ этого поѣзда летятъ кувыркомъ... Между тѣмъ этотъ человѣкъ, отнимающій сонъ у машинистовъ и жизнь у пассажировъ, это вовсе не извергъ и чудовище: это—господинъ, «опять самый обыкновенный: и сюртучекъ, и галстучекъ, и видъ порядочности... и дѣточекъ любитъ, и женѣ сувенирчики, разумѣется, даритъ». Такой же самый обыкновенный господинъ—Будниковъ, герой разсказа: онъ началъ собирать деньги, какъ средство для особой, возвышенной цѣли, и мало-по-малу средство превратилось для него въ цѣль, и мало-по-малу онъ дошелъ до того, что обманулъ близкую ему женщину, Елену съ красивыми голубыми глазами, и невольно погубилъ своего работника, «генія физическаго труда» Гаврилу, и наконецъ, былъ убитъ послѣднимъ. И много такихъ людей, виновниковъ зла, передъ которыми, въ круговой порукѣ жизни, виноваты и другіе. Недаромъ на судѣ при разборѣ дѣла объ убійствѣ Будникова предсѣдателю много разъ пришлось останавливать бывшаго учителя, Павла Семеновича Падорина, который то и дѣло уклонялся «отъ фактическихъ показаній въ сторону отвлеченныхъ разсужденій о какой-то общей отвѣтственности».

«Жизнь-то, знаете, какъ поѣздъ на всѣхъ порахъ: катитъ мимо, гремитъ, мелькаетъ... Не вскочишь». Не всякому удается вскочить, не удалось это и Рогову, другому герою разсказа, спившейся жертвѣ чужой и собственной низости.

Трагедія жизни проста, и тѣмъ она ужаснѣе; обыкновенное страшно и страшное обыкновенно; по замѣчательному сравненію автора, самое страшное въ знаменитомъ сновидѣніи Анны Карениной былъ обыкновенный мужикъ, который говорилъ по-французски. Такова идея въ новомъ произведеніи г. Короленка. Разумѣется, она воплощена талантливо. Даже въ устарѣвшемъ пріемѣ желѣзно-дорожнаго разговора В. Г. Короленко показалъ нѣсколько свѣжихъ черточекъ и сообщилъ естественность діалогу. Впрочемъ, послѣдній несомнѣнно страдаетъ длиннотами. Кромѣ того, присущій автору избытокъ мягкости наложилъ свою расплывающуюся печать и на это изображеніе трагизма обыденнаго; и гуманый человѣкъ слишкомъ явно выступаетъ тамъ, гдѣ сильнѣе было бы впечатлѣніе отъ болѣе суровыхъ тоновъ, гдѣ умѣстнѣе была бы объективность художника...

Хорошо написана повѣсть г-жи О. Н. Ольнемъ «Иванъ Ѳедоровичъ» (*Русское Богатство,* кн. I, II). Ея героемъ является слабовольный порядочный человѣкъ, который не совсѣмъ легко переноситъ свою собственную порядочность. Иванъ Ѳедоровичъ, городской судья, сошелся съ офиціанткой изъ Краковской молочной Лизой, или, на излюбленный ею и ея поклонниками польскій ладъ, Элизой. Когда у нея долженъ былъ родиться

ребенокъ, Иванъ Ѳедоровичъ рѣшилъ, что онъ женится на ней. Ребенокъ родился, но Элиза (нѣсколько обманывая первоначальное ожиданіе читателя) отвергла руку его отца: она боялась за свое будущее самолюбіе и счастіе, она не хотѣла жертвы и долга.

Интересный замыселъ автора не вездѣ, однако, вылился въ живые конкретные образы. Фигура самой Элизы, въ которой, по идеѣ г-жи Ольнемъ, должно было органически соединиться вульгарное и тонкое, грубыя рѣчи и нѣжныя чувства, не вышла достаточно понятной и пластичной. И прежде всего, авторомъ оставленъ безъ вниманія и освѣщенія самый центръ и психологическій узелъ интриги: за что недоступная Лиза такъ скоро полюбила Ивана Ѳедоровича? И личность послѣдняго, по существу блѣдная, не должна была бы перейти блѣдной и въ свое художественное воспроизведеніе,—а у г-жи Ольнемъ она это сдѣлала... Наконецъ, есть нестройности и въ самомъ планѣ и движеніи повѣсти. На первыхъ страницахъ ея появляются отлично написанныя фигуры глубоко-несчастнаго уличнаго адвоката Грищенка, судейскаго письмоводителя Дербека, итальянца-шарманщика; типично изображена атмосфера судейской камеры,—и затѣмъ всѣ эти образы и картины вдругъ исчезаютъ, какъ бы исполнивъ свой урокъ и свое назначеніе — показать Ивана Ѳедоровича въ его общественной дѣятельности. Эпизодичны и знакомый послѣдняго Дементьевъ, и недостаточно различенный отъ него авторской кистью Трачевскій, котораго снѣдаетъ ревность и который переживаетъ внутреннюю драму, болѣе сильную, нежели душевная коллизія самого героя.

Но достоинства разсказа несравненно крупнѣе его недостатковъ. Г-жа Ольнемъ никому не подражаетъ, говоритъ свое, пусть и не очень яркое слово, которое узнаешь изъ множества другихъ беллетристическихъ словъ; ея діалогъ отличается простотою и жизненностью, краски она кладетъ умно и трезво, но въ то же время ей доступна и мечтательная нѣжность, тихіе звуки элегіи. Такъ хорошо, напримѣръ, описываетъ она мечты Ивана Ѳедоровича о «счастливомъ» полустанкѣ, который онъ когда-то видѣлъ, о тургеневской усадьбѣ, гдѣ «влюбленно и мечтательно плакала скрипка»; такъ хорошо написанъ ею спокойно-страдальческій образъ матери героя; и есть особый грустный смыслъ въ слѣдующихъ строкахъ изъ описанія похоронъ Трачевскаго: когда процессія остановилась возлѣ зданія судебной палаты, послышались слова Евангелія: «Рече Господь ко пришедшимъ къ нему іудеомъ: аминь, аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ». Сорвавшійся вѣтеръ подхватилъ слова Евангелія и отнесъ въ сторону». Онъ ихъ часто относитъ въ сторону...

Смерть и похороны Трачевскаго, вся печальная суета «послѣдняго путешествія» изображены г-жей Ольнемъ очень жизненно и тепло. Цѣломудренно разсказалъ авторъ о любви Элизы и Ивана Ѳедоровича, трогательно написалъ мимолетный образъ еврея Хацкеля, который сѣлъ въ вагонъ, не имѣя билета, и поплатился за это ногами: убѣгая отъ ревностнаго контролера, онъ упалъ съ поѣзда; на похоронахъ Трачевскаго, который принялъ въ немъ участіе, онъ стоит-

на своихъ костыляхъ и судорожно плачетъ «отрывистыми, хватающими за душу стопами».

Въ III-й книгѣ *Образованія* г. И. Соколовъ въ разсказѣ «Въ глубинѣ Россіи» живо передаетъ свои воспоминанія о томъ, какъ отразился въ психологіи русскаго крестьянина призывъ къ войнѣ 1877—1878 г. Никто не зналъ о причинахъ войны, зато всѣ очень сердились на миѳическую «англичанку», которая стремится овладѣть Константинополемъ; недоумѣвали, почему не пристукнетъ ее нашъ царь; возмущались турками, которые норовятъ «христіанскую вѣру подъ мечеть подвести, крестъ луной прикрыть» и «градъ Кинстинкина, Софію премудрую» забрать ладятъ. Годъ войны прошелъ въ деревнѣ довольно незамѣтно.

„Кровавая драма разгоралась, лучшія силы народныя гибли въ волнахъ безбрежнаго Дуная, замерзали на высотахъ Балкановъ, разстрѣливались подъ Плевной, а деревня хоть бы шелохнулась: точно войны и не было, точно тысячи орудій и не гремѣли на кровавой нивѣ, точно стоны умирающихъ и раненыхъ не надрывали грудь земли. Деревня даже не знала, да и не интересовалась знать, въ какой сторонѣ свѣта идетъ война“.

Въ деревнѣ утверждали, что «въ Рассеѣ земли стало въ умаленьи, народу больно умножилось, такъ царь-батюшка хочетъ турецкую землю отъ англичанъ отобрать и подѣлить мужичкамъ». А турецкая земля была для крестьянъ очень заманчивой, такъ какъ, по словамъ бывалыхъ людей, на ней произрастала «фрукта всякая». Но война кончилась, и многіе не пришли обратно въ деревню, «народу страсть сколько ухлопали», и Дарья, жена Никиты, причитала въ голосъ: «чуяло мое сердце,—рыдала она, прижимая сына къ груди. Нѣту у тебя тятеньки, сиротинка ты мой сердечный».

Уцѣлѣвшіе воины разсказывали про турокъ, что они очень злые, и такъ иллюстрировали это положеніе: «Какъ всадишь (турку) штыкъ, глазища вытаращитъ, зубы оскалитъ... ухватится за ружье... Страсть!... «Урусъ, урусъ...» говоритъ». Въ деревнѣ стало меньше работниковъ и больше вдовъ и сиротъ. Крестьяне мечтали было о томъ, что ихъ надѣлятъ турецкой землей, но скоро и мечтать объ этомъ перестали. Все вошло въ свою колею.

Г-жа Давыдова закончила въ той же книгѣ свои воспоминанія учительницы. Ея героиня приглашала къ себѣ на квартиру своихъ учениць для бесѣды и чтенія. Было очень интересно и оживленно, разбирали, конечно, Писарева, спорили о Пушкинѣ,—но волею робкаго директора все это надо было прекратить, и учительница должна была сойти со своей педагогической дороги. Начальница гимназіи получила слѣдующее анонимное письмо:

„Милостивая государыня!

Честь имѣю довести до вашего свѣдѣнія, что у учительницы Звягиной по субботамъ и инымъ днямъ бываютъ сходки политическаго характера, на которыхъ оная учительница проповѣдуетъ воспитанницамъ ввѣренной вамъ гимназіи свободную любовь, убѣждаетъ ихъ ходить безъ корсетовъ и разсказываетъ о польскихъ возстаніяхъ“.

Этотъ характерный доносъ возымѣлъ свое дѣйствіе тѣмъ скорѣе, что одновременно съ исторіей о домашнихъ бесѣдахъ разыгралась и другая: одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ мужской гимназіи студентъ Д. былъ увезенъ ночью въ Петербургъ. Начальство, объединявшее подъ своей эгидой и мужскую, и женскую гимназіи, очень встревожилось и даже посовѣтовало учительницѣ не раскланиваться на улицѣ съ знакомыми ей товарищами увезеннаго Д.

Картина гимназическихъ порядковъ написана г-жей Давыдовой въ краскахъ сгущенныхъ, но, къ сожалѣнію, въ общемъ не далекихъ отъ типичной истины. О художественной сторонѣ воспоминаній мы говорили уже въ прошлой книгѣ журнала. На этотъ разъ она совсѣмъ отсутствуетъ, подавленная тяжестью иныхъ элементовъ—обличительнаго и публицистическаго свойства.

На-ряду съ полувымышленнымъ образомъ героини г-жи Давыдовой можно поставить и вполнѣ реальный образъ народной учительницы—Авдотьи Тимофеевны Малоземовой. Объ этомъ дѣйствительномъ лицѣ разсказываетъ г. Лемке въ своей статьѣ «Изъ жизни школьной учительницы перваго призыва» (*Міръ Божій*, кн. III). Малоземова сама была во многомъ несвѣдуща и училась уча. Но энергія ея была удивительна, и всѣхъ поражалъ нравственный строй этой убѣжденной труженицы. Измученная работой, больная, она считала свою долю счастливой, и знаменательны слова, которыя она сказала при личномъ свиданіи Некрасову: «Забыли, дорогой Николай Алексѣевичъ, забыли насъ: единственно кому хорошо на Руси живется,—это народному учителю; сладко и вольготно живется, душа свободна». Съ этими словами она распрощалась съ удивленнымъ Некрасовымъ...

Ю. А.

Въ февральской книжкѣ *Образованія* напечатано окончаніе статьи г. Рубакина: *Читательская выучка* (матеріалы для характеристики нарастанія читателей на Руси). На этотъ разъ авторъ останавливается на темныхъ сторонахъ нашей школы и учительскаго быта. У насъ еще не вывелись побои и тѣлесныя наказанія. По отношенію къ учителямъ господствуетъ произволъ, унижающій ихъ человѣческое достоинство. Г. Рубакинъ приводитъ много фактовъ въ доказательство этого утвержденія. Для среднихъ людей,—говоритъ онъ,—того, что отнимается отъ ихъ душъ школьнымъ битьемъ, не вернешь никогда ничѣмъ и не замѣнишь ничѣмъ.

Очень интересно, живо, остроумно и талантливо написана статья г. Луначарскаго, въ которой онъ разбираетъ сборникъ *Проблемы идеализма*. Авторъ-позитивистъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Онъ сторонникъ эмпиріокритицизма, стало быть нашъ единомышленникъ.

Въ февральской книжкѣ *Русскаго Богатства* помѣщена очень хорошая, вдумчивая статья г. А. Г—да: *Творческая личность Тэна* (къ десятилѣтію его смерти). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этомъ журналѣ была напечатана статья г. Иванова о знаменитомъ французскомъ мыслителѣ,

въ враждебномъ, если мнѣ не измѣняетъ память, тонѣ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы теперь названную статью.

Авторъ передаетъ содержаніе книги Виктора Жиро, профессора фрейбургскаго (швейцарскаго) университета, *Essai sur Taine, son oeuvre, son influence*. Но это не простая передача: г. А. Г—дъ вноситъ ограниченія, поправки и свои мнѣнія къ труду *свободомыслящаго католика,* профессора Жиро.

Статья отмѣчаетъ, что геній Спинозы, спокойное мужество его мысли, намѣренная безвѣстность и скромность его существованія сильно подѣйствовали на Тэна. Не менѣе значительно отразилась на немъ и философія Гегеля. Слѣдующимъ великимъ учителемъ Тэна былъ Д. С. Милль (черезъ него онъ лучше понялъ и оцѣнилъ философскія идеи Огюста Конта).

Жиро (и его русскій истолкователь) считаетъ изслѣдованіе Тэна *Происхожденіе современной Франціи* — историческимъ памфлетомъ. «Но въ общемъ задача была поставлена со всей широтой, подобающей ученику Гизо и Маколея, ищущему законовъ историческаго развитія не только для изученія прошлаго, но и для предвидѣнія будущаго».

Тэнъ—детерминистъ. «Свобода воли была для него словомъ, лишеннымъ смысла, или произвольнымъ способомъ ввести въ умствованіе о мірѣ физическомъ или духовномъ понятіе сверхъестественнаго, чуда». Но нравственную отвѣтственность Тэнъ не только не устранялъ, а прямо основывалъ на детерминизмѣ.

Въ произведеніяхъ Тэна звучатъ иногда грустныя ноты, но въ общемъ онъ—оптимистъ, страстно преданный наукѣ, глубоко вѣрующій въ ея непрерывныя побѣды.

Вліяніе Тэна было очень велико, оно отразилось на многихъ высокоталантливыхъ писателяхъ и на сотняхъ тысячъ читателей во Франціи и за границей.

Г. Лемке продолжаетъ свои очерки по исторіи русской цензуры. Интересно извлеченіе, имъ приводимое, изъ предисловія Д. Ѳ. Самарина къ VII тому сочиненій его брата, Ю. Ѳ. Самарина, въ которомъ разсказывается о свиданіи съ этимъ писателемъ императора Николая I.

Г. Пѣшехоновъ говоритъ о *Проблемахъ совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ* (по поводу извѣстной книги *Проблемы идеализма*). Заключительный выводъ автора таковъ: «Только оставаясь въ мірѣ дѣйствительности и можно найти правду жизни и силу для нравственнаго подвига, къ которому такъ властно зоветъ сейчасъ долгъ чести и совѣсти».

Въ мартовской книжкѣ *Вѣстника Европы* начата очень интересная и обстоятельная работа г. Тернера: *Дворянство и землевладѣніе*. Въ послѣднее время вопросъ объ упадкѣ дворянскаго землевладѣнія, а вслѣдствіе этого и общественно-политическаго значенія сословія, сильно занимаетъ и правительство, и само дворянство, и печать. Принятъ длинный рядъ мѣръ на пользу дворянства, ему предоставлены широкія льготы. Г. Тернеръ полагаетъ, что «острый періодъ дворянскихъ стяжаній окончился,

все, что правительство считало возможнымъ сдѣлать въ удовлетвореніе желаній дворянства,—сдѣлано, и дворянскій вопросъ можно считать получившимъ, по крайней мѣрѣ временно, свое завершеніе».

Съ этимъ, во всякомъ случаѣ, не согласятся дворяне *Гражданина* и *Московскихъ Вѣдомостей*.

Г. Тернеръ говоритъ, что дворянство не оскудѣло людьми, что оно стоитъ во главѣ земства, что его большинство, въ то же время лучшая, здоровая часть,—является врагомъ узко сословныхъ интересовъ.

Но дворянское землевладѣніе сокращается. Ко времени освобожденія крестьянъ во владѣніи дворянъ въ 44 губерніяхъ европейской Россіи *) числилось 111.559,802 десятины. Изъ нихъ крестьянамъ было надѣлено 33.755,759 дес., у дворянъ оставалось 77.804,643 дес. Теперь они удержали немного болѣе пятидесяти милліоновъ десятинъ, т.-е. дворянское землевладѣніе за сорокъ лѣтъ уменьшилось на 33%, на одну треть. Въ рукахъ дворянства остается однако почти половина частной недвижимой собственности въ Россіи. Наиболѣе устойчивымъ было дворянское землевладѣніе въ черноземныхъ губерніяхъ средней Россіи.

Г. Ляцкій даетъ начало своего этюда: *Ив. А. Гончаровъ въ его произведеніяхъ*. Отмѣтивъ отзывы о Гончаровѣ прежнихъ критиковъ, г. Ляцкій задается вопросомъ: субъективный онъ или объективный писатель? И приходитъ къ выводу, что Гончаровъ—«одинъ изъ наиболѣе субъективныхъ писателей, для которыхъ раскрытіе своего *я* было важнѣе изображенія самыхъ животрепещущихъ и интересныхъ моментовъ современной или (?) общественной жизни». Г. Ляцкій прибавляетъ: «Первое давало содержаніе, второе опредѣляло національный колоритъ и форму». Съ этимъ рѣшительно нельзя согласиться. Гончаровъ вовсе не такой великій человѣкъ, чтобы его *я* могло быть важнымъ содержаніемъ его произведеній. Его личное отношеніе къ Марку Волохову, напримѣръ, совсѣмъ для насъ не интересно, а объективное воспроизведеніе русской жизни и природы имѣетъ, благодаря его удивительному таланту, глубокое культурное значеніе, даетъ высокое художественное наслажденіе. Гончаровъ, по его словамъ, которыя всецѣло принимаетъ г. Ляцкій, рисовалъ только «свою жизнь и то, что къ ней прирастало». Но прирастало къ ней, къ счастію, нѣчто неизмѣримо превосходившее его собственную жизнь. Г. Ляцкій послѣдовательно характеризуетъ Гончарова, какъ онъ отражался въ своихъ произведеніяхъ. Для насъ такая задача представляется, по отношенію именно къ Гончарову, мало интересной. Въ душѣ Гончарова,—говоритъ г. Ляцкій,—крѣпостное право не оставило «тѣхъ острыхъ и жгучихъ впечатлѣній, какими судьба такъ щедро наградила, напримѣръ, Тургенева. *Iam satis*. Впрочемъ, сдѣлаемъ еще одну выдержку изъ статьи г. Ляцкаго: «въ то время, какъ Гончаровъ благоговѣлъ передъ Каченовскимъ, Давыдовымъ, Шевыревымъ, юноши, подобные Бѣлинскому и Герцену, задыхались отъ безсодержатель-

*) За исключеніемъ Архангельской, Ставропольской, Бессарабской губерній, Области Войска Донского, прибалтійскихъ губерній и царства Польскаго.

ности, мертвящей условности и неискренности научныхъ пріемовъ университетскаго преподаванія». Самъ г. Ляцкій относится къ общественному индифферентизму Гончарова съ рѣшительнымъ осужденіемъ.

Изъ другихъ статей мартовской книги *Вѣстника Европы* слѣдуетъ указать на сжатую и очень сильную статью, подписанную М. Ст.: *Вторая правительственная ревизія спб. городского общественнаго управленія въ 1902 году*. Первая ревизія произведена была въ 1843 году.

Теперь, когда *Гражданинъ* и *Московскія Вѣдомости* злорадно и недобросовѣстно нападаютъ на зародившееся у насъ самоуправленіе, особенно важно напоминать такіе факты, о которыхъ говоритъ въ своей статьѣ г. М. Ст. Въ ней находится вполнѣ компетентный разборъ *обозрѣнія*, подписаннаго руководителемъ второй ревизіи, тайнымъ совѣтникомъ Зиновьевымъ.

Въ мартовской книгѣ *Міра Божія* кончены статьи гг. Дегена *(Интеллигенція и демократія во Франціи)* и Котляревскаго *(Поэма Гоголя Мертвыя души и современная ей русская повѣсть)*. Г. Дегенъ такъ заключаетъ свою статью: «Человѣкъ, который отказался отъ смѣшной претензіи быть квинтъ-эссенціей человѣчества, а также отъ изолированнаго положенія на безплодныхъ необитаемыхъ вершинахъ, и вошелъ въ соприкосновеніе съ громаднымъ большинствомъ ближнихъ въ цѣляхъ совмѣстнаго стремленія къ болѣе человѣческому, будущему, увеличилъ этимъ объемъ своей души,—величайшая побѣда, которой можетъ достигнуть нравственная личность». Напрасно только г. Дегенъ называетъ *празднымъ занятіемъ* попытки предуказывать путь, «какимъ должна идти исторія». Конечно, такія указанія дѣло нелегкое, но наука, объясняя прошедшее, освѣщаетъ и будущее, заглянуть въ которое такъ страстно хочется многимъ.

Отмѣчу тепло и изящно написанныя *Критическія замѣтки* г. А. Б. (о третьемъ томѣ *Очерковъ и разсказовъ* Вл. Короленко).

Въ заключеніе нѣсколько словъ *pro domo sua*. *Міръ Божій* по поводу моего замѣчанія, что журналъ печатаетъ параллельно статьи различнаго философскаго направленія, ссылается на совѣтъ Чернышевскаго, высказанный въ письмѣ къ Гольцеву (*Русская Мысль* 1903 г., кн. I). Тамъ сказано, что журналъ по вопросамъ, не относящимся къ текущимъ дѣламъ національной жизни, не можетъ имѣть никакихъ редакціонныхъ мнѣній. *Міръ Божій* совѣтуетъ мнѣ въ свою очередь почаще обращаться за разъясненіями къ В. А. Гольцеву. Я всегда готовъ прислушаться къ доброму указанію и передалъ замѣтку *Міра Божія* г. Гольцеву. Тотъ внимательно прочелъ, улыбнулся и сказалъ: «Это остроумно, но совсѣмъ не убѣдительно. Взгляда Чернышевскаго я не раздѣляю. Но вотъ въ чемъ дѣло: если этотъ взглядъ раздѣляетъ *Міръ Божій*, то намъ не слѣдуетъ больше на это указывать, какъ бы упрекать журналъ. Съ *Міромъ Божіимъ* мы должны жить дружно, насъ связываютъ такія общія задачи, передъ которыми всѣ разногласія слѣдуетъ отодвинуть на задній планъ». Послѣдую этому совѣту.

В. Г.

Къ пятидесятилѣтію научно-литературной дѣятельности А. Н. Пыпина.

Обыкновенно, за очень рѣдкими исключеніями, наша русская жизнь скоро изнашиваетъ людей: слишкомъ ужъ велика сила тренія, и слишкомъ мало въ насъ силы сопротивленія. Намъ всегда приходилось съ завистью глядѣть на Моммсеновъ, Вирховыхъ и Миклошичей, до старости сохранившихъ ясность ума, его удивительную продуктивность, работоспособность, отзывчивость и воспріимчивость общественнаго чувства...

Громаднаго большинства нашихъ ученыхъ хватало, и то не безъ труда и продолжительныхъ затяжекъ, на двѣ диссертаціи и нѣсколько вынужденныхъ рѣчей, некрологовъ и рецензій,—на одну кабинетную работу или робкія, случайныя попытки общественной дѣятельности...

Слишкомъ рано они у насъ какъ-то выходятъ въ тиражъ и уходятъ изъ жизни, оставивъ память о своихъ способностяхъ—и очень мало ихъ результатовъ.

Александръ Николаевичъ Пыпинъ въ этомъ отношеніи всегда мнѣ казался отраднымъ, рѣдкимъ исключеніемъ. Высоко талантливый ученый, заявившій себя рядомъ превосходныхъ статей по исторіи русской литературы въ «Современникѣ» и «Русскомъ Словѣ», капитальной диссертаціей, далеко не потерявшей своего научнаго значенія, и до сихъ поръ—*съ 1857 г.* («Очерки литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ»), онъ слишкомъ рано—въ 1861 г., во время печальной исторіи съ «матрикулами», лишившей Петербургскій университетъ 4 крупныхъ научныхъ силъ (кромѣ А. Н., Кавелина, Утина, М. М. Стасюлевича) — покинулъ университетскую каѳедру и долженъ былъ спеціализироваться на журнальной работѣ.

Въ журналѣ онъ сумѣлъ найти другую каѳедру, еще болѣе широкую по своему вліянію и значительную. Непрерывная журнальная работа съ 1861 г. не помѣшала ему обогатить русскую науку рядомъ изслѣдованій и изданій, которыя высоко ставятся и читающею публикою, и спеціалистами. Замѣчательная эрудиція, библіографическая точность и обстоятельность, строгая научность метода, широта и глубина обобщеній идутъ у

него объ руку съ популярностью изложенія, изяществомъ и благородною простотою стиля.

Многосторонность его прямо удивительна.

Онъ способенъ на самыя скрупулезныя библіографическія изысканія. Его «для любителей книжной старины» библіографическій списокъ старинныхъ рукописей романовъ, повѣстей и пр:, его списокъ масонскихъ ложъ, его изданіе апокрифовъ, сочиненій Лукина и Ельчанинова и Екатерины II являются образцовыми критико-библіографическими трудами. Въ то же время онъ можетъ дать чрезвычайно изящный переводъ Геттнера и ряда другихъ историческихъ и историко-литературныхъ сочиненій, можетъ быть прекраснымъ, популярнымъ, внимательнымъ и осторожнымъ посредникомъ между слишкомъ спеціальными научными работами и умственными запросами широкихъ круговъ общества,—тонкимъ, глубокимъ и оригинальнымъ изслѣдователемъ. Научная работа согрѣвается у него просвѣтительными стремленіями, сильно развитымъ общественнымъ чувствомъ, глубокою убѣжденностью испытаннаго послѣдовательнаго идеалиста. Вѣрность общественнымъ идеаламъ «эпохи великихъ реформъ» никогда не дѣлала Александра Николаевича тенденціознымъ или прямолинейнымъ: они были средой, чрезъ которую проходили лучи, окрашиваясь, но не преломляясь и не разсѣиваясь...

Его научныя симпатіи складывались въ ту пору, которую я, по другому поводу, характеризовалъ когда-то такими словами: «созданныя литературнымъ романтизмомъ стремленія къ старинѣ и народности, благодаря удушливости общественной атмосферы, запуганности университетскихъ и литературныхъ круговъ и неистовствамъ Бутурлинскаго комитета, въ большинствѣ случаевъ направлялись по мелкому руслу и вырождались въ... библіографическое крохоборство». У многихъ изъ сверстниковъ и современниковъ А. Н. библіографія была—для библіографіи: для него она—не «госпожа», а «служанка» широкихъ научныхъ обобщеній или помощница и руководительница начинающихъ заниматься наукою.

Эпоха привила А. Н. глубокій интересъ къ старинѣ и народности, къ славянству; прирожденный научный тактъ сдѣлалъ его одинаково чуждымъ и даже враждебнымъ какъ славянофильству, такъ и «офиціальной народности» (кстати, этотъ остроумный терминъ, теперь пользующійся широкою извѣстностью, имъ же былъ впервые и придуманъ): онъ ставитъ свои изученія и изслѣдованія старины и народности на строго научную почву, онъ одинаково далекъ и отъ идеализаціи, и отъ аристократическаго пренебреженія. Любовно и осторожно слѣдитъ онъ за первыми побѣгами идейности въ нашей старой словесности, медленнымъ и прерывистымъ подъемомъ литературныхъ вкусовъ и требованій въ прежнія времена, не упуская изъ виду требованій и запросовъ настоящаго, нашихъ общекультурныхъ задачъ.

Славянофилы любили славянство, но больше платоническою любовью, и только А. Н., ихъ постоянный принципіальный противникъ, далъ

вмѣстѣ съ г. Спасовичемъ прекрасный «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ» (первое изданіе 1865 года, второе 1879—1881)—лучшее, что мы до сихъ поръ имѣемъ по этому поводу, и по полнотѣ данныхъ, и по научности ихъ разработки, и глубокой вѣрности основного взгляда. А. Н. приходилось бороться на два фронта—и противъ мистическаго возвеличенія славянскаго—quand même—элемента, и противъ обрусителей, желавшихъ раздавить Польшу, отрицавшихъ малорусскую народность или толковавшихъ о «бѣлградской губерніи» и «неблагодарности болгаръ». Научныя работы не могли не соприкоснуться съ общественными взглядами и не могли не проникнуться ими...

О своихъ славянскихъ изученіяхъ во время заграничной поѣздки 1858—1859 гг. А. Н. говорилъ такъ.

«Славистика не была моей спеціальностью, научная цѣль путешествія была иная; но славянское возрожденіе представляетъ такой широкій интересъ, притомъ столь близкій русской національности по разнымъ отношеніямъ, что значительную часть времени я отдалъ на изученія славянскія. Если раньше славянофильскій взглядъ казался мнѣ исключительнымъ, то въ этомъ еще больше убѣждало непосредственное знакомство съ славянскимъ движеніемъ: въ этомъ движеніи не оказывалось данныхъ для такого заключенія, какое строила теорія. Съ другой стороны, очевидно было, что движеніе состояло не въ одномъ платоническомъ развитіи «народности», о которомъ говорили наши слависты съ романтической точки зрѣнія. Видимо было, что славянству приходилось вести политическую борьбу за самое бытіе своихъ народностей... что братство и взаимность развиты очень мало; что для каждой народности всего важнѣе былъ ея ближайшій интересъ, какъ вопросъ самосохраненія; что для славянства въ т. н. «панславизмѣ»—въ какой бы то ни было его формѣ—сохраненіе частной народности понималось, какъ необходимое условіе. Дѣйствительнаго единства въ славянскомъ мірѣ было крайне мало; незнаніе славянами Россіи превышало всякую мѣру — отношеніе Россіи къ вопросу понималось чаще самымъ превратнымъ образомъ. У насъ славянство знали больше, хотя всетаки черезчуръ легко о немъ говорили и судили».

Очень любопытно, какъ А. Н. объясняетъ общественную подкладку своего научнаго труда по исторіи славянскихъ литературъ.

«Въ нашемъ обществѣ многіе, интересуясь славянствомъ, но не умѣя провѣрить славянофильскія теоріи, понимали славянское единство или въ совсѣмъ грубой (какъ у Погодина), или слишкомъ мистической формѣ, и полагали, что славянамъ очень просто пристать къ намъ, что они даже желаютъ этого. Надо было напомнить о великомъ разнообразіи славянской жизни, о различіяхъ, положенныхъ между племенами природой и тысячелѣтней исторіей, о той ревнивой привязанности, какую имѣетъ каждое племя къ своей національной цѣлости, о томъ, что нельзя распоряжаться «братьями», не спрашиваясь ихъ самихъ. Въ ту пору въ обществѣ особенно раздувалось самодовольство относительно нашего «славянскаго» зна-

ченія, и рядомъ проповѣдывалась политическая междуславянская ненависть; надо было заявить нравственную обязанность уважать историческія и племенныя особенности «братьевъ»... Національное—правдивое и научно-вѣрное пониманіе славянскихъ отношеній, по моему мнѣнію, возможно только при уваженіи къ народной личности, и само должно внушать это уваженіе; только при этомъ предварительномъ условіи получаетъ свое право взаимная критика. Въ «Исторіи» вопросъ долженъ былъ идти не о политикѣ данной минуты, а объ историческомъ ходѣ явленій и той области національно-славянскаго идеала, гдѣ политическая вражда должна была умолкать, и во взаимномъ разъясненіи народнаго содержанія могъ быть найденъ путь къ примиренію и къ дѣйствительному единству».

Положивши много труда и любви на эти научныя изученія славянства, А. Н. не отдался имъ всецѣло: его болѣе влекла съ себѣ русская литература.

Въ 1871 году выходитъ его монографія: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I», выдержавшая два изданія. Послѣ долгихъ годовъ запрета впервые съ такою яркостью и полнотою выступили идейныя теченія этого любопытнѣйшаго момента въ исторіи нашего общественнаго сознанія. Авторъ внимательно изучилъ громадное количество изданныхъ какъ въ Россіи, такъ и за границей матеріаловъ, научно освѣтилъ исторію декабристовъ, дѣятельность масонскихъ ложъ, роль императора и своеобразное развитіе его личности и т. д. Для своего времени книга показалась болѣе чѣмъ смѣлой, хотя ни на минуту не покидала строго-научной почвы.

«Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ» (1874 г.), тоже выдержавшія два изданія, являются естественнымъ продолженіемъ предшествующаго труда, примыкаютъ къ нему и по задачамъ, и по основнымъ точкамъ зрѣнія. Въ самый разгаръ полемики А. Н. далъ объективную, научно-обоснованную исторію возникновенія славянофильскаго ученія; его мѣткая характеристика «офиціальной народности» и ея послѣдствій была для своего времени цѣлымъ открытіемъ; его характеристики Пушкина, Бѣлинскаго и Гоголя впервые съ такою опредѣленностью сводили изученіе писателей съ почвы исключительно эстетической на почву историко-литературную и общественную.

Глава о Бѣлинскомъ черезъ два года выросла въ большое изслѣдованіе: «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», сообщавшее о великомъ критикѣ громадное количество новыхъ данныхъ и ярко освѣтившее его жизнь и литературную дѣятельность.

Продолжая свои разысканія въ области нашей старины, народности и исторіи новѣйшихъ общественныхъ и идейныхъ движеній, А. Н. Пыпинъ постоянно дѣлился ихъ результатами съ публикой на страницахъ *Вѣстника Европы*, изданій Академіи наукъ и общества любителей россійской словесности.

Изъ нихъ выросло два капитальнѣйшихъ его труда: «Исторія русской

этнографіи» (4 большихъ тома, 1890—1891 гг.) и «Исторія русской литературы» (тоже 4 тома, 1898—1899 гг.; недавно вышло второе изданіе).

Оба труда задуманы и выполнены широко. Это—итоги научной работы и самого автора, и всѣхъ его предшественниковъ, монументальные труды, изъ которыхъ будутъ исходить послѣдующія изученія. Безъ такихъ обобщеній частичныхъ изученій, даже при наличности второстепенныхъ пробѣловъ и промаховъ, не можетъ быть правильнаго развитія науки.

А. Н. зналъ, что его ждутъ придирки спеціалистовъ, и въ самой его рѣшимости взяться за такой трудъ видны и его любовь къ дѣлу, и его ясное пониманіе настоящихъ задачъ этого дѣла.

«Исторія русской этнографіи» выросла въ исторію русскихъ народоизученій, такъ сказать, демократизаціи нашей литературы и науки.

«Исторія русской литературы» ввела въ общій обиходъ всѣ лучшіе результаты прежнихъ спеціальныхъ изученій и намѣтила путь для изученій послѣдующихъ.

Все это проникнуто твердою вѣрою въ лучшее будущее, въ грядущее «благое утро» общественной жизни.

«Сложный организмъ общества»,—говоритъ маститый авторъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ,—«совмѣщаетъ самыя разнородныя стихіи: исторически всѣ онѣ, даже враждебныя прогрессу, находятъ свое объясненіе, если не оправданіе, но логика событій, въ концѣ концовъ, выдвигаетъ именно тѣ направленія мысли, которыя служатъ залогомъ развитія, если только общество къ нему способно. Эти направленія могутъ подвергнуться гоненію, но имъ принадлежитъ будущее, и люди, служащіе лучшимъ умственнымъ и нравственно-гражданскимъ интересамъ общества, находятъ, въ періоды утѣсненія, увѣренность, что придетъ время, когда ихъ труду и самоотверженію будетъ отдана справедливость, когда этотъ трудъ принесетъ свои плоды для общественнаго блага».

На глазахъ у русскаго общества прошла эта самоотверженная, кристально-честная, «служившая лучшимъ умственнымъ и нравственно-гражданскимъ интересамъ общества» 50-лѣтняя дѣятельность. Работая неустанно всю жизнь самъ, А. Н. всегда привѣтливо и справедливо оцѣнивалъ всякій честный чужой трудъ, поддерживалъ вѣру въ себя и желаніе работать изъ послѣднихъ силъ во всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастіе войти въ сферу притяженія его обаятельной нравственной личности.

Настало время, чтобы и ему была «отдана справедливость», ибо его трудъ давно уже принесъ и еще долго будетъ приносить «свои плоды для общественнаго блага».

Вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ пожелаемъ глубокоуважаемому и дорогому юбиляру еще много лѣтъ продолжать свою самоотверженную дѣятельность!

Вл. Каллашъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

По поводу Высочайшаго Манифеста 26 февраля.

Высочайшій манифестъ 26 февраля вызвалъ многочисленные отзывы нашей и иностранной печати. Большинство ихъ видитъ въ этомъ актѣ новую эпоху въ гражданскомъ развитіи Россіи. Но существуетъ и значительное разногласіе въ пониманіи духа и программы Высочайшаго манифеста.

Князь Мещерскій въ своемъ дневникѣ пишетъ слѣдующее (*Гражданинъ*, № 20):

„Пунктъ 1 Высочайшаго манифеста 26 февраля, касающійся свободы иновѣрцевъ въ отправленіи ихъ вѣры, отозвался въ милліонахъ вѣрноподданныхъ великою радостью. Радость эта произошла отъ пробудившихся надеждъ.

Дѣло въ томъ, что этотъ пунктъ манифеста получаетъ особенное жизненное значеніе не потому, чтобы онъ даровывалъ иновѣрцамъ какія-либо новыя милости и льготы, но потому, что онъ подтверждалъ передъ лицомъ всего народа свободу вѣроисповѣданій въ томъ смыслѣ, въ какомъ она обезпечена основными государственными законами. Въ этомъ основномъ законѣ сказано, что „всѣмъ, не принадлежащимъ къ господствующей церкви россійскимъ подданнымъ христіанскихъ и не христіанскихъ исповѣданій, предоставлено пользоваться свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры“, и прибавлено „да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языками по закону и исповѣданію ихъ праотцевъ“.

Почему же понадобилось подтвержденіе сего столь ясно и опредѣленно установившаго свободу вѣроисповѣданія закона, и почему сіе подтвержденіе получаетъ жизненное значеніе великой и отрадной для иновѣрцевъ царевой милости?

Потому, мнѣ кажется, что въ теченіе многихъ лѣтъ административная практика не столько въ центральномъ государственномъ управленіи, сколько на мѣстахъ находила политическіе поводы широкое примѣненіе этого основного закона суживать, и подъ сѣнію этого закона образовалась съ теченіемъ времени цѣлая бумажная область административныхъ распоряженій въ разныхъ мѣстностяхъ, которыхъ отличительная черта была та, что они установляли извѣстное ограниченіе свободы вѣроисповѣданія, когда оно вдругъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ являлось нужнымъ, но никогда не отмѣнялось потомъ, когда эти ограниченіе или стѣсненіе оказывались ненужными“.

Естественнымъ послѣдствіемъ манифеста, по мнѣнію *Гражданина*, долженъ быть пересмотръ «всѣхъ существующихъ мѣстныхъ распоряженій, ограничивающихъ и стѣсняющихъ свободу вѣроисповѣданій *безъ пользы для государственныхъ интересовъ,* дабы таковыя могли быть упразднены».

Манифестъ,—говоритъ *Гражданинъ* далѣе,—

„какъ будто мысленно перенесъ въ петербургскій центръ живые элементы провинціи и поставилъ ихъ въ новыя отношенія къ элементамъ петербургскаго царства бюрократической концепціи и бумажнаго всемогущества; новизна этихъ отношеній заключается въ томъ, что пріѣзжаго изъ провинціи петербуржецъ не принимаетъ, какъ докучливаго просителя, а какъ человѣка, почти ему равнаго, къ мыслямъ котораго можно прислушиваться, не роняя своего достоинства петербуржца“.

Извѣстно, что у князя Мещерскаго нелюбовь къ бюрократіи сочетается въ враждою къ земству. И въ данномъ случаѣ онъ требуетъ, чтобы не уступали *земскимъ Стенькамъ Разинымъ,* чтобъ не отдавали имъ «на съѣденіе ни земскихъ начальниковъ, ни губернаторовъ, ни русскій народъ».

Въ другой статьѣ того же № *Гражданина* говорится, что

„идея манифеста 26 февраля плодотворна прежде всего потому, что она обнимаетъ собою крайніе полюсы человѣческаго самосознанія: духа и плоти, однимъ общимъ началомъ. Это начало—свобода. Тотъ, кто жаждалъ бы найти въ манифестѣ рядъ сжатыхъ, обточенныхъ законодательнымъ рѣзцомъ фактовъ, тотъ, пожалуй, не согласится съ этимъ мнѣніемъ. Манифестъ, какъ актъ законодательный, даруетъ лишь одинъ фактъ: отмѣну круговой поруки. Но какъ идейное начертаніе грядущихъ фактовъ русской жизни, манифестъ необыкновенно послѣдовательно и настойчиво зоветъ русское общество и русскій народъ на праздникъ свободнаго духа, свободной совѣсти, свободнаго разума и свободнаго выбора поприща для примѣненія полезныхъ силъ. Въ этомъ смыслѣ царскій манифестъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ историческій, исключительный, единственный въ мірѣ документъ призыва съ высоты престола—къ *индивидуализаціи,* къ проявленію личности. Такого рода призывъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ раздавался изъ учредительныхъ собраній и парламентовъ, съ каѳедръ народныхъ трибуновъ и проповѣдниковъ. Самодержавный Монархъ съ такимъ призывомъ къ своимъ подданнымъ еще не обращался“.

Манифестомъ «*возстановляется* токъ субъективности отъ престола къ народу, получившій начало 19 февраля» (1861 г.).

Авторъ этой статьи, г. Сѣренькій, пишетъ, что

идея царскаго манифеста тѣмъ и отличается отъ идей, дразнившихъ доселѣ общественную мысль, что она вся покрыта завязями фактовъ, неразрывно связанныхъ съ историческимъ прошлымъ нашимъ и смѣло взирающихъ въ будущее. Вѣротерпимость вѣщаетъ о свободѣ совѣсти. Усиленіе мѣстной самодѣятельности знаменуетъ смерть бюрократизма. Отмѣна круговой поруки при облегченіи выхода изъ общины—первый шагъ на пути къ пробужденію личной инициативы въ крестьянинѣ. Церковно-приходское попечительство осаждаетъ слой земства и земской интеллигенціи къ народу и землѣ. И наконецъ, вновь возвѣщенная *отвѣтственность* сильной власти, открываетъ дверь къ разумной свободѣ слова и личной неприкосновенности.

Московскія Вѣдомости пишутъ: «Мы теперь знаемъ, что Россія не покинетъ своего вѣкового, испытаннаго пути, и что всѣ противорѣчившіе этому слухи никакого серьезнаго основанія не имѣли. Причиной ихъ воз-

никновенія служила «*смута, посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни*».

Московскія Вѣдомости, въ отличіе отъ *Гражданина*, стоятъ за всевластіе администраціи. Газета договорилась до такого утвержденія:

„Всякій, знающій народъ, можетъ удостовѣрить, что именно только государственному мундиру и вѣритъ нашъ крестьянинъ. Чиновникъ или агентъ, отправляющійся въ сельскія мѣстности, можетъ нажить себѣ не мало хлопотъ и затрудненій, если у него нѣтъ какой-нибудь формы, хотя бы напоминающей форму государственную. Земскіе служащіе, даже не имѣющіе формы, нерѣдко надѣваютъ хоть какую-нибудь фантастическую форменную фуражку, именно для того, чтобы внушить населенію болѣе уваженія и довѣрія. Одною изъ причинъ крушенія ссудо-сберегательныхъ товариществъ было то, что у нихъ почти не было никакихъ вкладовъ, а вкладовъ не было по той простой причинѣ, что товарищества эти были учреждаемы земствами и частными лицами, а не государствомъ, и народъ имъ не вѣрилъ“. (*Моск. Вѣд.*, № 84).

Что касается,—говоритъ газета,—вообще участія мѣстныхъ людей въ земской жизни, которому наши антигосударственные элементы постоянно стараются отвоевать наибольшую независимость отъ правительственной власти, то манифестъ 26 февраля въ особо рѣшительной формѣ ставитъ окончательный предѣлъ всѣмъ ихъ иллюзіямъ: губернское и уѣздное управленія будутъ преобразованы для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, «*руководимыхъ сильною и закономѣрною властью, предъ государемъ строго отвѣтственною*».

Возвѣщенная манифестомъ отмѣна круговой поруки стала уже совершившимся фактомъ. Теперь очередь за широкими мѣрами для поднятія благосостоянія сельскаго населенія *).

Извѣстный знатокъ Россіи, Анатоль Леруа Больё, посвящаетъ манифесту императора Николая II статью въ апрѣльской книжкѣ *La Revue*. Манифестъ ставитъ вопросы глубокой важности, провозглашаетъ великій принципъ вѣротерпимости. Анатоль Леруа Больё въ особенности отмѣчаетъ въ Высочайшемъ манифестѣ желаніе улучшить экономическое положеніе народа, развить учрежденія земельнаго кредита.

Анатоль Леруа Больё, какъ извѣстно, искренній другъ Россіи, убѣжденный противникъ бюрократіи и горячій сторонникъ земскихъ учрежденій. Эти мысли повторяетъ онъ и въ названной статьѣ.

II.

Изъ жизни провинціи.

Пока столичныя газеты заняты полемикой г. Величка съ г. Сигмой, въ которой своя своихъ не познаша, да исторіей г. Рамма съ редакторомъ

*) Любопытно, что *Гражданинъ* и *Моск. Вѣд.* въ настоящее время съ особенною настойчивостью требуютъ уничтоженія губернскаго земства.

Новаго Времени г. Булгаковымъ, пока что обогатившей русскій языкъ новымъ выраженіемъ «капитализація нападокъ», заглянемъ, читатель, «во глубину Россіи» и посмотримъ, что тамъ дѣлается. Предъ нами множество газетныхъ корреспонденцій изъ самыхъ различныхъ уголковъ Россіи, повѣствующихъ о самыхъ различныхъ дѣлахъ. Но стоитъ только ихъ пробѣжать, какъ вы увидите, что, несмотря на различіе мѣстъ и обстановки, всѣ они говорятъ объ одномъ и томъ же, всѣ раскрываютъ однѣ и тѣ же черты нашего быта. Не будемъ, впрочемъ, забѣгать впередъ съ выводами и обобщеніями и предоставимъ мѣсто фактамъ.

Заглянемъ раньше всего въ г. Уральскъ, столицу уральскаго казачьяго войска. Недавно здѣсь слушалось интересное дѣло—искъ присяжн. повѣр. Н. М. Логашкина къ уральскому войковому собранію о возстановленіи его, Логашкина, въ правѣ на посѣщеніе собранія въ качествѣ временнаго члена или гостя. Для того, чтобы понять значеніе этого дѣла, нужно знать, что г. Логашкинъ уже два раза судился въ прошломъ году—у уральскаго мирового судьи, въ окружномъ судѣ и въ саратовской палатѣ за нарушеніе словеснаго распоряженія военнаго губернатора Уральской области, воспретившаго ему ѣздить на автомобилѣ. Г. Логашкинъ во всѣхъ инстанціяхъ былъ оправданъ, а саратовская палата въ подробно мотивированномъ приговорѣ, между прочимъ, указала, что распоряженіе о воспрещеніи ѣзды на автомобилѣ, какъ вводящее непредусмотрѣнное закономъ ограниченіе частныхъ лицъ въ способахъ передвиженія, не можетъ быть признано законнымъ. Вслѣдъ затѣмъ, сообщаютъ *Петербургскія Вѣдомости*, въ *Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ* было опубликовано «обязательное постановленіе» военнаго губернатора о воспрещеніи ѣзды на автомобиляхъ по улицамъ г. Уральска.

Настоящее же дѣло вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ октябрѣ прошлаго года г. Логашкинъ былъ увѣдомленъ распорядительнымъ комитетомъ уральскаго войскового собранія, что протоколомъ «особаго собранія старшихъ членовъ», утвержденнымъ наказнымъ атаманомъ (онъ же военный губернаторъ), онъ, Логашкинъ, исключается изъ числа временныхъ членовъ собранія съ воспрещеніемъ ему дальнѣйшаго входа «впредь до особаго распоряженія». Когда же г. Логашкинъ потребовалъ отъ распорядительнаго комитета копію съ этого протокола, то ему, вмѣсто отвѣта, сообщена была резолюція наказнаго атамана, гласящая, что «по закону сего отъ военныхъ собраній не установлено выдавать, а г. Логашкинъ не имѣетъ права быть постояннымъ членомъ собранія, а лишь временнымъ, и то съ разрѣшенія предсѣдателя собранія» (предсѣдателемъ же состоитъ наказной атаманъ).

Г. Логашкину естественно показалось недостаточно, что «по закону сего не установлено выдавать», и онъ обратился въ судъ.

Въ исковомъ прошеніи г. Логашкинъ объясняетъ, что поводомъ къ исключенію его изъ числа членовъ собранія отнюдь не могло служить его клубное поведеніе, но только его личныя обостренныя отношенія съ

г. наказнымъ атаманомъ. Что же касается до самаго постановленія объ исключеніи, то оно, по мнѣнію истца, отнюдь не можетъ считаться законнымъ уже по тому одному, что уставъ уральскаго войскового собранія не знаетъ никакого института «старшихъ членовъ», а потому и не можетъ надѣлять его полномочіями исключать членовъ,—прерогатива, принадлежащая, согласно уставу, исключительно общему собранію членовъ, и постановленію «особаго собранія старшихъ членовъ» не можетъ придать законности и тотъ фактъ, что оно утверждено г. наказнымъ атаманомъ. На основаніи этихъ соображеній г. Логашкинъ проситъ окружной судъ постановленіе объ его исключеніи отмѣнить и признать за нимъ право на дальнѣйшее посѣщеніе собранія. Предусматривая же возникновеніе вопроса о подсудности, истецъ ссылается на рядъ прецедентовъ, разрѣшенныхъ правительствующимъ сенатомъ, который всегда признавалъ иски исключенныхъ членовъ къ общественнымъ собраніямъ о возстановленіи правъ—подсудными общимъ судебнымъ установленіямъ.

Противная сторона—войсковое собраніе—не прислала на судъ своего представителя, не прислала даже никакого отзыва на исковое прошеніе г. Логашкина, а просто-напросто... возвратила обратно въ судъ повѣстку съ резолюціей наказнаго атамана. Резолюція эта, оглашенная на судѣ, раньше всего ссылается на то, что г. Логашкинъ былъ уже однажды, въ 1889 г., исключенъ изъ числа членовъ войскового собранія (при этомъ, однако, резолюція умалчиваетъ о томъ, что командиръ полка, изъ-за котораго произошла тогда эта исторія, потомъ извинился предъ г. Логашкинымъ, а офицеры полка поднесли ему адресъ, послѣ чего г. Логашкинъ опять былъ принятъ въ члены собранія). Сверхъ того, гласитъ резолюція, «уральское войсковое собраніе, какъ состоящее на особомъ положеніи, имѣетъ уставъ, утвержденный военнымъ министромъ на правахъ офицерскаго собранія, гдѣ товарищескія отношенія поддерживаются соотвѣтственно духу и требованіямъ военной службы; притомъ же уральское войсковое собраніе находится въ вѣдѣніи (?) г. наказнаго атамана, состоящаго и предсѣдателемъ собранія, а потому «жалобы на дѣйствія администраціи и войскового собранія, во всякомъ случаѣ, сужденію уральскаго окружнаго суда не подлежатъ», и судъ, «повидимому, по недостаточной освѣдомленности, принялъ неподсудную ему жалобу, назначивъ даже засѣданіе для слушанія дѣла, ему неподсуднаго. А потому повѣстку уральскаго окружнаго суда возвратить въ оный судъ по принадлежности и подъ расписку».

Въ этой оригинальной резолюціи любопытнѣе всего самоувѣренное заявленіе г. наказнаго атамана, что судъ «по недостаточной освѣдомленности» принялъ неподсудную ему *жалобу* (прошеніе?). Кто здѣсь обнаружилъ недостаточную освѣдомленность — судъ или авторъ резолюціи — объ этомъ едва ли нужно распространяться.

Какъ бы то ни было, судъ призналъ искъ неподсуднымъ и оставилъ его безъ разсмотрѣнія. Г. Логашкинъ подаетъ жалобу въ саратовскую судебную палату.

Авторъ резолюціи, вѣроятно, будетъ не мало удивленъ, что и саратовская палата войдетъ въ разсмотрѣніе этого дѣла и пришлетъ войсковому собранію повѣстку съ вызовомъ въ засѣданіе. Пожалуй, дѣло дойдетъ и до сената. И какъ подумаешь, что все это началось съ автомобиля...

Кстати, въ томъ же Уральскѣ происходило недавно и другое интересное засѣданіе, только не въ окружномъ судѣ, а на съѣздѣ выборныхъ казаковъ подъ предсѣдательствомъ наказнаго атамана. При открытіи съѣзда атаманъ обратился къ депутатамъ съ рѣчью, въ которой, какъ сообщаетъ газета *Уралецъ,* сказалъ: «Въ прошломъ году я не былъ на съѣздѣ депутатовъ. Предсѣдателемъ былъ назначенъ депутатъ, бывшій мировой судья г. Бошенятовъ. Войсковое хозяйственное правленіе, докладывая мнѣ протоколъ съѣзда и свою резолюцію по поводу обсужденія вопроса объ экономическомъ состояніи Илецкихъ станицъ, обратило вниманіе на манеру, въ которой написанъ протоколъ. Скажу откровенно, я былъ не столько пораженъ грубостью его, какъ сердечно огорченъ за добрыхъ и простыхъ казаковъ-депутатовъ, подписавшихъ протоколъ. Читая нѣкоторыя страницы, напримѣръ, 11 протокола, нашелъ выраженія такимъ языкомъ, которымъ развѣ могли говорить запорожцы турецкому султану. И допрежь неоднократно обращалъ вниманіе ваше, казаки, какъ надо беречься тѣхъ волковъ, которые надѣваютъ овечью шкуру, сколь они вызываютъ бѣдствій, посудите сами, какъ пишутъ они, вотъ... Старшій членъ войскового хозяйственнаго правленія полковникъ Хорошхинъ читаетъ... «Страница 11, протоколъ № 128, изъ 8 параграфа... «Рѣка Уралъ и существующій на ней учугъ, которымъ въ теченіе болѣе 300-лѣтняго своего существованія владѣютъ исключительно уральскіе казаки, дарованы исключительно этимъ казакамъ, какъ говоритъ Царская грамота 1891 г., для исправнаго снаряженія на службу. Илецкіе казаки никогда не имѣли привилегіи на рыболовство въ р. Уралѣ и дарованіе имъ по указанію военнаго совѣта этихъ привилегій противорѣчило бы Высочайшей волѣ».

Наказный атаманъ. Полковникъ, остановите чтеніе. Обращаю ваше вниманіе, что такая критика и осужденіе военнаго совѣта не предоставлены депутатамъ и незаконно, и неправильно уже по одному тому, что военный совѣтъ не только не можетъ противорѣчить Высочайшей волѣ, но обязанъ, разсматривая казачьи дѣла, постановленія свои подносить чрезъ военнаго министра на Высочайшее благовоззрѣніе. А что, ежели постановленіе будетъ утверждено?... Полковникъ, читайте далѣе.

Полковникъ Хорошхинъ. «... А въ общинѣ уральскихъ казаковъ оно можетъ вызвать такое потрясеніе и такія крупныя и неожиданныя осложненія, грозные примѣры которыхъ можно найти въ исторіи уральскаго войска, что одна возможность ихъ должна заставить отказаться отъ мысли военнаго совѣта даровать илецкимъ казакамъ указанныя права»...

Наказный атаманъ. Остановите чтеніе. Васъ смущаютъ, говоря: земля ваша! Никто ее не отбираетъ. А кстати, кто видѣлъ или знаетъ, что на войсковую территорію имѣется грамота? Молчите. Да, ея нѣтъ; напрасно

и илецкіе разыскиваютъ какую-то грамоту, ея тоже нѣтъ. Ихъ отдѣлъ, какъ часть цѣлаго, не могъ и имѣть грамоты. Вамъ дана Высочайшая грамота на пользованіе на р. Уралъ съ угодьями, по существующему у васъ правилу рыболовства на этой рѣкѣ, а рѣка на протяженіи теченія ея по войсковой территоріи. Кажется такъ, полковникъ?

Полковникъ Хорошхинъ. Не помню точно, можно сейчасъ принесть текстъ...

Наказный атаманъ. Вотъ благодаря, именно, этой грамотѣ я отстаиваю ваши законныя права на распоряженіе этой рѣчкой на всемъ протяженіи войсковой территоріи, и вамъ хорошо извѣстно, сколько заботъ вызываетъ охранять отъ посягательствъ на рѣку разныхъ коммерсантовъ, имѣющихъ, дѣйствительно, возможность повредить рыбоводству и рыболовству; за то, что я не пустилъ пароходы, меня не допустили къ св. Кресту; много жалобъ. Но вашъ наказный атаманъ твердо стоитъ за ваши интересы... не пущу... доколѣ не получу повелѣніе о томъ. За то, видите, какъ отдѣлываютъ разные корреспонденты, ходатаи и люди партій: гдѣ демонстрируютъ, гдѣ угрожаютъ и стремятся привлечь къ суду,—имъ надо показать, какъ шатаютъ власть. Одинъ вашъ депутатъ заявилъ въ правленіи, что заводитъ электрическій пароходъ и пойдетъ по Уралу до учуга и посмотритъ, какъ губернаторъ это ему запретитъ. Да, депутаты, не легко отстаивать общее благо: оно невыгодно и нежелательно для нѣкоторыхъ...

Полковникъ Хорошхинъ читаетъ:

«... Уральскіе казаки никому и никогда не позволяли безнаказанно посягать на эти Высочайшею властью дарованныя имъ права и привилегіи, ревниво ими оберегаемыя, служащія залогомъ благополучія ихъ экономическаго быта и дающія имъ рессурсы на ихъ трудную службу Царю и отечеству, боевыя качества которой извѣстны всему міру»...

Наказный атаманъ. Ну, вотъ слышали, до чего дописались въ протоколѣ-то... Оттого я думалъ и объявляю, что это самовольное сочиненіе бывшаго предсѣдателя, ходатаевъ и его присныхъ. Тутъ, очевидно, депутаты не причемъ. Да для чего угроза смутою и противленіемъ? Вѣдь васъ спрашиваютъ: какъ обсудить вопросъ дать и илецкимъ казакамъ помощь отбывать исправно службу въ виду ихъ оскудѣнія, предлагаютъ разные способы. А смотрите, какъ умѣютъ ваши интеллигенты ловко повернуть и даже грамотой попрекнуть, а то и пригрозить... Такія же вліянія къ чему привели Финляндію? Отмѣнный, добрый, финскій народъ, очень порядковый, трудолюбивый и хорошій. Шведской же партіи это не нравится, надо взбаломутить, пріучить къ неповиновенію, безпорядкамъ, и довели до того, что государству, коему они всѣмъ благосостояніемъ обязаны, кто ихъ оберегаетъ, начали грубить, грозить и даже, вы, вѣрно, читали, что суды ихъ дошли до того, что не найдено возможнымъ обращаться къ нимъ, а войска, ихъ пришлось распустить, уничтожить право бытія... Вотъ сдѣлали вамъ величайшую честь дать на сходы, потомъ на съѣздъ, обсудить дѣло помощи ближайшему брату, казаку. Скажите просто, что не выгодно, почему однимъ

выгодно, другимъ пѣтъ, это всегда такъ бываетъ въ общинѣ. Зачѣмъ же грубить, угрожать? Скажу вамъ просто: послѣдуетъ повелѣніе—исполнимъ точно. Довольно. Полковникъ Хорошхинъ, читайте резолюцію в. х. п. на этотъ протоколъ.

Полковникъ Хорошхинъ. Резолюція. При обсужденіи вопроса объ улучшеніи экономическаго положенія казаковъ илецкихъ станицъ, согласно указанія военнаго совѣта въ положеніи на 13 октября 1898 г. — съѣздомъ выборныхъ, какъ усматривается изъ настоящаго протокола его, допущены неумѣстныя разсужденія, критикующія сущность самыхъ предложеній военнаго совѣта о земельномъ устройствѣ казаковъ илецкихъ станицъ и даже угроза смутами (пун. 8, стр. 11). Обращая вниманіе на такое дѣйствіе съѣзда выборныхъ отъ столичныхъ обществъ, войсковое хозяйственное правленіе полагаетъ §§ 2, 3, 4, 5, 7 и 8 оставить безъ разсмотрѣнія, а съѣзду выборныхъ за такія дѣйствія объявить замѣчаніе.

Наказный атаманъ. Нахожу эту резолюцію в. х. пр. мягкою: объявлено замѣчаніе! Конечно, не вамъ, а бывшему съѣзду и его предсѣдателю. Теперь же у васъ многіе новые, другіе, быть можетъ, подписали не читая. Иные не поняли хорошенько, а то и не читали имъ какъ слѣдъ».

Оставимъ, однако, Уральскъ и заглянемъ въ г. Вильну, гдѣ въ мартѣ разсматривалось дѣло о становомъ приставѣ Пучковскомъ. Приставъ этотъ, разсказываетъ *Сѣверо-Западное Слово,* проѣзжалъ въ іюлѣ 1899 года черезъ имѣніе Доржки. Здѣсь его начальственное око остановилось на строившемъ сарай плотникѣ Лейбѣ Голубѣ. Приставъ спросилъ у него паспортъ. Оказалось, что паспорта Голубъ при себѣ не имѣлъ. Тогда приставъ моментально распорядился арестовать его, самъ сѣлъ въ повозку, а какому-то крестьянину велѣлъ вести за собою Голуба.

Само собою разумѣется, что пѣшій Голубъ сталъ отставать отъ лошади пристава. Послѣдній началъ раздражаться и покрикивать на арестанта. Но такъ какъ это не могло придать ему скорости, то приставъ прибѣгнулъ къ болѣе внушительнымъ мѣрамъ. Соскочивъ съ повозки, онъ началъ бить арестанта кнутомъ по головѣ, а затѣмъ, остановивъ двухъ мужиковъ, приказалъ имъ тащить его за бороду. Мужики было помялись, но примѣръ Голуба, котораго на ихъ глазахъ приставъ билъ кнутомъ, былъ такъ убѣдителенъ, что заставилъ ихъ исполнить приказаніе. Несчастнаго старика буквально протащили нѣсколько шаговъ за бороду.

Наконецъ, арестанта доставили въ становую квартиру. Здѣсь Голубъ возмутился духомъ и заявилъ, что будетъ жаловаться. «Жаловаться!»—воскликнулъ доблестный приставъ, и немедленно при массѣ свидѣтелей такъ избилъ Голуба, что все его лицо покрылось кровью. Затѣмъ онъ отправилъ арестованнаго на родину, хотя тотъ клялся, что паспортъ у него есть и что онъ его доставитъ, если его отпустятъ.

По жалобѣ Голуба противъ Пучковскаго было возбуждено уголовное преслѣдованіе. Съ 1900 г. дѣло это нѣсколько разъ назначалось къ слушанію, но подсудимый по разнымъ причинамъ въ судъ не являлся. По-

слѣдній разъ онъ снова не явился, но неявка его изъ г. Дисны, гдѣ онъ состоитъ становымъ приставомъ, была признана неуважительной, и судъ заочно приговорилъ его къ аресту на одинъ мѣсяцъ.

Положительно страшно становится за обывателя, съ которымъ всякій Пучковскій можетъ распорядиться такимъ образомъ только оттого, что при немъ не оказалось паспорта. Вѣдь изъ 100 человѣкъ, навѣрное, 99 не держатъ при себѣ паспортовъ.

А вотъ еще случай расправы съ обывателями—въ Ростовѣ на Дону. Только здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ, какъ это часто бываетъ, сидѣли не лица, учинившія расправу, а жертвы. Подсудимые, ростовскіе жители Кравченко, Котляровъ и Солодовниковъ, по словамъ *Права*, обвинялись въ нарушеніи общественной тишины и спокойствія и оскорбленіи полиціи.

По словамъ полицейскаго протокола, обвиняемые вмѣшались въ распоряженіе городового, который хотѣлъ арестовать проститутку Мѣнепленкову, и своимъ громкимъ неумѣстнымъ протестомъ собрали толпу. Не удовольствовавшись объясненіями городового, они отправились въ участокъ, гдѣ продолжали шумѣть и оскорблять городовыхъ и околоточнаго надзирателя Савицкаго.

Судебное слѣдствіе нарисовало, однако, другую картину событія. Обвиняемый Кравченко разсказалъ слѣдующее.

«Въ первыхъ числахъ декабря прошлаго года я проходилъ по Старопочтовой ул., впереди меня шла какая-то молодая женщина, прилично одѣтая. Вдругъ городовой погнался за нею, схватилъ ее за рукавъ и началъ тащить въ участокъ. Женщина не желала идти за нимъ и начала кричать «караулъ» и сопротивляться. Подскочилъ другой городовой и также началъ тащить ее въ участокъ. Женщина еще болѣе начала взывать о помощи. Я, наравнѣ съ другими, подошелъ узнать, въ чемъ дѣло. На нашъ вопросъ, зачѣмъ арестовываютъ дѣвушку, городовые отвѣтили: «это не ваше дѣло». Затѣмъ они всетаки объяснили, что дѣлаютъ это по подозрѣнію, что дѣвушка эта—проститутка. Какая-то прилично одѣтая дама заявила, что она знаетъ эту дѣвушку, такъ какъ та служила у ея знакомыхъ. Дѣвушка объяснила, что она вовсе не проститутка, а идетъ домой изъ Нахичевани, гдѣ она служила у хозяевъ. Зная, что иногда происходятъ грустныя ошибки и на медицинскія освидѣтельствованія попадаютъ совершенно невинныя дѣвушки, я предложилъ пойти въ участокъ и засвидѣтельствовать, что дѣвушка не буянила, и не была пьяна и совершенно не подавала повода для подозрѣнія ея въ проституціи. Къ тому времени, когда мы втроемъ отправились въ участокъ, собралось около 8—10 человѣкъ постороннихъ зрителей. Въ 4 полицейскомъ участкѣ насъ встрѣтилъ околоточный надзиратель Савицкій и набросился на насъ съ площадной бранью. Какъ на улицѣ, такъ и въ полицейскомъ участкѣ мы не кричали и никого изъ полиціи не оскорбляли. Единственнымъ замѣчаніемъ, которое могло показаться для Савицкаго оскорбительнымъ, были слова обвиняемаго Котлярова, который на замѣчаніе Савицкаго, какое мы

имѣемъ право вмѣшиваться въ распоряженія полиціи, замѣтилъ, «что онъ счелъ себя обязаннымъ пойти свидѣтелемъ за дѣвушку, такъ какъ могло случиться, что на мѣстѣ ея могла очутиться его жена, сестра и проч.». Въ это время въ участокъ привели даму, которая говорила, что знаетъ дѣвушку. Даму тотчасъ вывели изъ присутствія. Вскорѣ отпустили меня и Котлярова, Солодовникова же задержали. Въ темномъ чуланчикѣ какой-то городовой схватилъ меня одной рукой за голову, другой же рукой пытался зажать мнѣ ротъ, но я успѣлъ вырваться и закричалъ, угрожая жалобой полицеймейстеру. Меня отпустили. Во дворѣ участка возлѣ крыльца мы встрѣтили даму, которая плакала и говорила, что агентъ полиціи Англиченковъ, арестовывая, побилъ ее и изорвалъ на ней платье. Со двора насъ не выпустили, и вскорѣ затѣмъ снова позвали въ участокъ, гдѣ околоточный надзиратель Савицкій вновь насъ ругалъ, употребляя такія выраженія, которыя я не рѣшаюсь здѣсь повторить, послѣ чего меня отправили домой для удостовѣренія личности. Захвативъ дома паспортъ, я вернулся въ участокъ, но ни дамы, ни дѣвушки тамъ не засталъ, почему и не имѣлъ возможности представить ихъ въ качествѣ свидѣтелей по моему дѣлу. Виновнымъ же себя ни въ чемъ не считаю».

Другіе два обвиняемые подтвердили слова г. Кравченка.

Изъ свидѣтельскихъ показаній особенно любопытно показаніе околоточнаго Туловскаго. Обвиняемые,—говорилъ онъ,—кричали, говорили грубости и вмѣшивались не въ свое дѣло. «Они ругались. Какъ товарищъ прокурора, а то и повыше. Кричали: «какое вы имѣли право забирать въ участокъ?»—Мы иногда арестовываемъ, и сами не знаемъ за что. Прикажутъ—и арестовываемъ».

Свид. Мѣнепленкова показала, что обвиняемые вели себя сдержанно и никого не оскорбляли. Мировой судья всѣхъ ихъ оправдалъ.

А вотъ другое дѣло, гдѣ полицейскіе чины дѣйствовали въ качествѣ лицъ, ограждающихъ общественную безопасность и производящихъ розыскъ о совершонномъ преступленіи. 11 февраля въ иркутскомъ окружномъ судѣ обвинялся бывшій иркутскій помощникъ пристава Сержпинскій въ нанесеніи при исполненіи служебныхъ обязанностей оскорбленій словами и дѣйствіемъ мѣщанину Новоселову и незаконномъ лишеніи его свободы.

Въ жалобѣ, поданной прокурору, Новоселовъ объяснилъ, что вечеромъ 17 сентября 1901 г., когда онъ и вся его семья спали, къ квартирѣ его, при которой онъ имѣетъ мелочную лавку, подошла толпа людей и стала стучать въ дверь лавки, требуя отпустить папиросъ. На отказъ Новоселова толпа, ругаясь, начала ломиться еще съ большей силой, причемъ часть людей, съ крикомъ и руганью, перескочивъ черезъ заборъ, старалась проникнуть въ домъ со двора. Догадавшись, что все это производится полиціей, Новоселовъ открылъ дверь. Вошедшіе схватили его за руки, и одинъ изъ нихъ, оказавшійся помощникомъ пристава иркутской полиціи Сержпинскимъ, ударивъ его по лицу, приказалъ связать; на заявле-

ніе же его, что онъ и безъ связыванія будетъ повиноваться, Сержпинскій приставилъ къ груди его револьверъ и съ площадной бранью закричалъ: «сейчасъ тебя, мерзавца, застрѣлю. Тебѣ въ острогѣ давно готово мѣсто». Затѣмъ Новоселовъ былъ связанъ и отправленъ въ волостную тюрьму, откуда былъ освобожденъ уже на слѣдующій день мѣстнымъ становымъ приставомъ.

По прошенію Новоселова было произведено дознаніе, по которому жалоба его подтвердилась во всѣхъ частяхъ.

Объясненія, представленныя Сержпинскимъ, признаны были незаслуживающими уваженія, и опредѣленіемъ иркутскаго губернскаго управленія онъ былъ преданъ суду.

Какъ на предварительномъ, такъ равно и на судебномъ слѣдствіяхъ, Сержпинскій, не признавая себя виновнымъ ни въ одномъ изъ приписываемыхъ ему преступленій, показалъ, что въ сентябрѣ 1901 г. онъ, измѣнивъ форменный костюмъ на партикулярный, отправился въ сопровожденіи старшаго городового Скаврова и мѣщанина Бусловича въ село Черемхово для розысковъ заподозрѣнныхъ въ убійствѣ чиновника Ужова, совершонномъ въ Иркутскѣ, извѣстныхъ среди арестантовъ подъ именемъ «Митьки палача» и его товарища подъ кличкой «Караказа».

По пріѣздѣ въ Черемхово Сержпинскій явился къ мѣстному становому приставу Иванову, который, перечисляя извѣстные въ селѣ притоны, указалъ ему, между прочимъ, и на домъ Новоселова; чтобы отвлечь вниманіе послѣдняго и не дать ему возможности укрыть отъ провѣрки могущихъ быть въ его домѣ разыскиваемыхъ лицъ, Сержпинскій рѣшилъ не объявлять спачала о цѣли прибытія, а подъ предлогомъ покупки папиросъ войти къ Новоселову въ помѣщеніе и, тѣмъ не давъ ему возможности узнать о предстоящей провѣркѣ обитателей его дома, осмотрѣть таковой; но когда Новоселовъ отказался отпустить папиросъ и не открылъ лавки, то стражникъ Комлевъ, бывшій въ формѣ, заявилъ, что пришла полиція и желаетъ видѣть его. Послѣ долгихъ настойчивыхъ требованій Новоселовъ пріотворилъ дверь, но въ домъ не впускалъ, говоря, что будетъ стрѣлять изъ имѣвшагося у него въ рукахъ револьвера. Несмотря на то, что Сержпинскій и стражникъ Комлевъ объяснили ему подробно о цѣли своего посѣщенія, Новоселовъ продолжалъ упорствовать. Тогда уже силой пришлось устранить Новоселова отъ дверей и войти въ домъ, но и тутъ онъ оказывалъ сопротивленіе, не позволяя осмотрѣть помѣщеніе, причемъ сопротивленіе это сопровождалось угрозами лишить жизни изъ револьвера того, кто только посмѣетъ войти въ квартиру, и разными оскорбленіями его, Сержпинскаго. Въ виду такого поступка Новоселова, Сержпинскій вынужденъ былъ отправить его въ волостную тюрьму.

Свидѣтель—потерпѣвшій старикъ Новоселовъ подтверждаетъ свою жалобу и говоритъ, что едва онъ пріотворилъ двери, какъ на него набросилось нѣсколько человѣкъ, а неизвѣстный, оказавшійся Сержпинскимъ, нанесъ ему настолько сильный ударъ по лицу, что онъ, Новоселовъ, съ

разсѣченной губой, весь окровавленный, тотчасъ же свалился на полъ затѣмъ былъ скрученъ ремнемъ и отправленъ въ тюрьму.

Свидѣтели Тепляковъ, Дроздовъ и Кудрявцевъ подтверждаютъ показаніе Новоселова, но съ оговоркой, что не видѣли, кто именно билъ Новоселова.

На вопросъ предсѣдательствующаго:—«когда Новоселовъ открылъ дверь—вы вошли?—свидѣтель Дроздовъ отвѣчаетъ: «вошли».—Пред. Ну, а дальше, что было?—Дроздовъ. Сначала начали убѣждать словами...—Предсѣд. Какъ убѣждать?—Свид. Дроздовъ. По матерну...—Предсѣд. Ругали, значитъ?—Св. Дроздовъ. Да.—Пред. А кто билъ Новоселова?—Св. Дроздовъ. Не замѣтилъ... Только что разсѣкли губу...

Судъ вынесъ Сержпинскому обвинительный приговоръ.

Объ аналогичныхъ пріемахъ полицейскаго дознанія сообщаютъ изъ м. Горошки въ газету *Волынь*. На-дняхъ,—говоритъ газета,—прохожіе слышали несущіеся изъ канцеляріи пристава душу раздирающіе вопли и стоны истязуемыхъ. Войти туда они не рѣшились, заглянуть внутрь черезъ окошко нельзя было, такъ какъ ставни были закрыты, а стоны продолжали раздаваться. На слѣдующій день передъ судебнымъ слѣдователемъ и многочисленными посѣтителями горошковскаго волостного правленія предстали пять человѣкъ крестьянъ, заподозрѣнныхъ въ кражѣ и содержащихся при волостномъ правленіи; у всѣхъ были подбиты глаза и избиты физіономіи. Они разсказали слѣдователю: «По приказанію пристава, насъ привели въ его канцелярію, и какъ только насъ ввели, то по незамѣтно данному знаку писцы его канцеляріи удалились въ особую комнату, и за ними были заперты двери, а въ канцеляріи остались два полицейскихъ урядника: ушомирскаго и горошковскаго участковъ. Потомъ приставъ приказалъ своему сотскому Вулаху запереть ставни и, подойдя къ крестьянину Букату, сказалъ: «Ну, сознавайся, ты укралъ лошадь?»—и когда Букатъ отвѣтилъ отрицательно, то Тамерланъ принялся его бить, пока не сбилъ съ ногъ; послѣ того, какъ тотъ свалился на землю, одинъ изъ урядниковъ—ушомирскій—завернулъ ему на голову пиджакъ и такъ держалъ, пока приставъ наносилъ побои прикладомъ ружья по спинѣ. Приставъ билъ до того, что даже горошковскій урядникъ не выдержалъ и сказалъ: «Бросьте, довольно съ него». Послѣ Буката приставъ началъ допрашивать остальныхъ арестованныхъ и, по словамъ ихъ, при содѣйствіи урядника ушомирскаго участка, подвергалъ тѣмъ же пыткамъ, что и Буката. Судебный слѣдователь г. Сольскій, обращаясь къ Букату, сказалъ ему: «Ты же при полицейскомъ дознаніи сознался въ кражѣ лошади?» На это Букатъ отвѣтилъ: «Ваше в-діе, посмотрите на мою спину, и вы увидите, почему я долженъ былъ сознаться въ томъ, чего никогда не совершилъ».

Предъ нами лежитъ еще рядъ другихъ дѣлъ, гдѣ полицейскіе чины фигурируютъ въ качествѣ обвиняемыхъ, но довольно будетъ на этотъ разъ и приведенныхъ.

Теперь позвольте васъ познакомить, читатель, съ манчжурскими пограничниками, т.-е. съ манчжурской пограничной стражей.

По словамъ *Дальняго Востока* пограничники составляютъ прямо одно изъ «бѣдствій», которыя обязательно входятъ въ репертуаръ путешествія по манчжурской дорогѣ.

Стража составлена изъ переселенныхъ казаковъ, преимущественно терскихъ, но есть казаки съ Дона и оренбургскіе. Многіе изъ нихъ служатъ по вольному найму, на жалованьѣ по 20 руб. въ мѣсяцъ. Это жалованье цѣликомъ тратится... на водку... Стража ведетъ себя довольно «развязно». Настолько «развязно», что пассажиры, заходя въ вагонъ, прежде всего справляются:

— Пограничники есть?...

И если узнаютъ, что «есть»—ищутъ мѣста въ другомъ вагонѣ... Въ каждомъ поѣздѣ ѣдутъ десятка два - три «пограничниковъ», и горе тѣмъ пассажирамъ, которымъ пришлось ѣхать съ ними въ одномъ вагонѣ. Всю дорогу идетъ пьянство и, какъ неизбѣжное при этомъ, происходятъ постоянныя ссоры, въ воздухѣ виситъ крупная ругань. Если найдутся пассажиры съ увѣщаніями «вести себя потише», непечатная брань направляется по ихъ адресу.

— Мы здѣсь сами хозяева и начальство! Никакого указа намъ нѣтъ...

— Не имѣете же вы права превращать каждый вагонъ въ кабакъ...

— Никакого права здѣсь нѣтъ! Здѣсь Манчжурія!

Каждый пассажиръ скоро убѣждается, что «здѣсь—Манчжурія» и что, дѣйствительно, въ Манчжуріи «никакого права нѣтъ»... «Пограничники» спѣшатъ увѣдомить, что единственное право ихъ Манчжуріи—розга, и что по манчжурскому праву отъ розги никто не гарантированъ.

— Захотятъ и выпорютъ!—увѣряютъ пограничники.

— Ни за что, ни про что?!—не вѣритъ пассажиръ.

Дальше сообщаются ужъ прямо невѣроятныя легенды:

— Въ Хайларѣ Барановъ сестру милосердія выпоролъ!...

— А не врешь ты, братецъ?—таращитъ глаза пассажиръ.

— Что врать-то?—всякій это скажетъ.

Другой «пограничникъ» огорошиваетъ вагонъ новымъ сообщеніемъ:

— Что сестра милосердія! У насъ недавно начальника участка выпороли!...

— Такъ и выпороли?!

— Такъ и выпороли: разложили и всыпали полсотни...

Послѣ этихъ сообщеній пассажиръ уже не возмущается ничѣмъ.

Ни тѣмъ, что вагонъ представляетъ грязнѣйшій курятникъ, ни тѣмъ, что курятникъ этотъ «пограничниками» превращенъ въ какой-то ужасный кабакъ.

Въ вагонъ II класса врывается бравый сынъ Марса, изъ пограничныхъ, подъ сильнымъ «давленіемъ» Бахуса.

Въ вагонѣ всѣ мѣста были заняты. Находились преимущественно дамы.

— Очистить мнѣ мѣсто.

Первая отъ выхода дама заявила, что на всѣ мѣста проданы билеты и что свободныхъ мѣстъ нѣтъ.

— Что-о! Убирайтесь изъ вагона, я занимаю ваше мѣсто!

— Не имѣете права, у меня—билетъ...

— Не разговаривать! Эй, люди! Тащи эту женщину изъ вагона!...

Къ счастію дамы поѣздъ тронулся, «люди» не успѣли вбѣжать и самъ «бравый сынъ Марса» рѣшилъ выскочить изъ вагона.

Если вы, читатель, думаете, что случай насчетъ порки сестры милосердія или начальника участка—выдумка, то вы ошибаетесь. Вотъ что разсказываетъ г-жа Жвиревичъ въ *Новомъ Краѣ* о случаѣ, имѣвшемъ недавно мѣсто на одной изъ станцій манчжурской дороги.

Спутникъ г-жи Жвиревичъ г. М., недовольный буфетчицей, потребовалъ книгу жалобъ. Когда ему ея не дали онъ повторилъ начальнику станціи. Тогда начальникъ станціи сказалъ ему буквально слѣдующее: «Стану я всякому прохвосту давать жалобную книгу!»

«Такое обидное обращеніе должностного лица,—пишетъ г-жа Жвиревичъ,—какъ меня, такъ равно и моего спутника до-нельзя возмутило, и г. М. громко заявилъ, что, по пріѣздѣ въ Портъ-Артуръ, онъ будетъ жаловаться начальству.

— «А, такъ ты еще жаловаться! Ей, ребята, взять его и расправиться съ нимъ получше!»—приказалъ начальникъ станціи присутствовавшимъ здѣсь же двумъ солдатамъ.

Взять г. М. было очень не трудно, такъ какъ онъ человѣкъ небольшой и слабосильный.

Черезъ нѣсколько минутъ я услышала отчаянные крики моего спутника. Подозрѣвая, что его бьютъ, я побѣжала на шумъ и увидѣла такую картину: двое здоровыхъ солдатъ въ буквальномъ смыслѣ слова истязали г. М., все лицо его было въ крови, а платье и бѣлье изорвано. Ни моя личная защита, ни просьбы мои о помощи, обращенныя къ мѣстному офицеру пограничной стражи, ни къ чему не привели.

Офицеръ сказалъ, что г. М. оскорбилъ георгіевскаго кавалера, за что и долженъ быть наказанъ.

Г. М. даже не отпустили съ тѣмъ же поѣздомъ, а, какъ сказалъ мнѣ офицеръ, онъ остался арестованнымъ на ст. «Кундулинъ».

Я никогда не слышала такой грубой, площадной брани, какой награждали тамъ моего спутника. Вернувшись отъ офицера, я опять была свидѣтельницей возмутительнаго поступка солдатъ. Не знаю, сказалъ ли имъ что-нибудь г. М. и если сказалъ, то что именно, но только солдаты повели его въ казармы, «подъ арестъ»,—какъ они заявили мнѣ, и я нѣсколько времени слышала вопли г. М., доносившіеся изъ зданія. А потомъ крики смолкли и вскорѣ ушелъ поѣздъ, на которомъ и я пріѣхала въ Портъ-Артуръ. Начальникъ станціи «Кундулинъ», между прочимъ, сказалъ мнѣ: «Вамъ, сударыня, я совѣтовалъ бы не вмѣшиваться въ это дѣло, а

то и съ вами будетъ то же, что съ вашимъ спутникомъ. Здѣсь я самъ начальникъ и дѣлаю, что хочу». Перепуганная, я остальное время не выходила изъ вагона».

Что сталось съ г. М., неизвѣстно.

Нѣтъ правъ и для служащихъ бакинскаго трамвая. На-дняхъ они въ количествѣ 55 человѣкъ обратились въ городскую управу съ прошеніемъ по поводу инструкціи, составленной правленіемъ трамвая для кондукторовъ.

Правленіе въ этой инструкціи,—заявляютъ кондуктора, — выработало рядъ мѣръ, въ которыхъ обращено вниманіе, главнымъ образомъ и исключительно, на выгоды общества. При этомъ игнорируется положеніе кондукторовъ въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, что ясно выражается непомѣрнымъ опредѣленіемъ рабочаго дня въ 13½ часовъ, который на практикѣ займетъ не менѣе 14½—15 часовъ. Кромѣ увеличенія рабочаго дня, на кондукторовъ налагается рядъ взысканій и штрафовъ, въ которыхъ никакими правилами не контролируется правильность дѣйствій правленія. Поэтому возможенъ рядъ злоупотребленій, тѣмъ болѣе, что для опредѣленія нравственной и матеріальной отвѣтственности кондукторовъ принято выраженіе «добропорядочность поведенія», выраженіе слишкомъ условное и не гарантирующее служащаго отъ объявленія его «недобропорядочнымъ», какъ это заблагоразсудится правленію. Далѣе, въ инструкціи не опредѣленъ минимальный обязательный рабочій день въ мѣсяцѣ для каждаго служащаго, и поэтому служащій, за невыработкой въ мѣсяцъ достаточной суммы на свое содержаніе, долженъ по желанію правленія оставить службу. Кромѣ того, служащій увольняется за недочетъ свыше 10 к. въ день, тогда какъ недочеты эти обыкновенно составляютъ до 50 к. Правило это поставитъ кондуктора въ безвыходное положеніе, и никто не гарантированъ отъ ежеминутнаго увольненія.

Кондуктора просятъ управу предложить правленію отмѣнить инструкцію и выработать новую на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) отмѣнить способъ и размѣръ штрафовъ. 2) Увольнять служащихъ при обстоятельствахъ, доказывающихъ ихъ безусловную виновность или злоупотребленіе. 3) Исключить формулу «добропорядочность поведенія» и опредѣлять служащаго въ разрядѣ по заслугамъ лѣтъ и проч. 4) Кондуктора готовы получать меньшее вознагражденіе, чѣмъ теперь, съ тѣмъ, чтобы имъ былъ большій отдыхъ для отправленія духовныхъ и семейныхъ потребностей. Этого можно достигнуть установленіемъ 9 часового безпрерывнаго рабочаго дня въ сутки, требующаго въ такомъ случаѣ двѣ смѣны въ день, а именно отъ 6 час. утра до 3 часовъ пополудни и отъ 3 час. пополудни до 12 час. ночи.

Въ заключеніе кондуктора заявляютъ, что новая система дастъ имъ возможность служить «хотя бы и съ полученіемъ маленькаго содержанія, но зато съ сохраненіемъ единственнаго достоянія—здоровья и силы».

Копія прошенія адресована на имя губернатора.

Какія, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть права у людей, работающихъ по 15 часовъ въ сутки? Развѣ одно право—выспаться.

Въ заключенiе, чтобъ не оставаться при однѣхъ печальныхъ темахъ, заглянемъ въ кiевскую думу. Какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, тамъ недавно происходило веселое засѣданiе.

Садовая коммиссiя вошла въ думу съ докладомъ о результатѣ торговъ на отдачу въ аренду чайнаго павильона на Владимiрской горкѣ и о допущенiи продажи пива въ этомъ павильонѣ. За право продажи чая предложено 1,300 руб. за сезонъ, въ случаѣ же, если будетъ допущена продажа пива, арендная плата будетъ увеличена приблизительно на 2,000 руб.

Этотъ докладъ вызвалъ любопытныя пренiя, которыя представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Яроцкiй.—Ни въ какомъ случаѣ нельзя допускать продажу пива на Владимiрской горкѣ. Пьяныя компанiи разгонятъ гуляющихъ.

Бурчакъ.—Стыдно говорить о подобныхъ вещахъ. Владимiрская горка—это наша святыня! Не слѣдуетъ забывать, что туда ходятъ бонны съ дѣтьми. Допускать продажу пива на Владимiрской горкѣ!... Во что же мы обратимъ ее?... Я—противъ устройства кабака на такомъ мѣстѣ.

Дытынковскiй.—Кабакъ и приличный ресторанъ съ продажей пива: это—двѣ совершенно различныя вещи...

Цытовичъ. Тотъ же кабакъ!...

Дытынковскiй.—Пьяные и безъ этого могутъ являться на горку. Виды на заднѣпровье не мѣшаютъ пить пиво. Городу не слѣдуетъ пренебрегать доходомъ въ нѣсколько тысячъ рублей.

Добрынинъ.—Законъ указываетъ, гдѣ можно и гдѣ нельзя. Гл. Бурчакъ говоритъ, что на горкѣ имѣется какая-то святыня. Тамъ нѣтъ никакихъ святынь, никакихъ историческихъ памятниковъ. Въ Кiевѣ много историческихъ мѣстъ—и тамъ пивныя. Публика и безъ пивныхъ у насъ вездѣ неблагообразная. Надо заботиться о развитiи этой публики, а для этого нужны деньги. Вѣроятно, гласные, которые высказываются противъ разрѣшенiя, чувствуютъ слабость къ пиву и потому боятся, что первые напьются...

Протесты среди гласныхъ.

Гор. голова.—Такiя выраженiя неудобны по отношенiю къ гласнымъ.

Гласные продолжаютъ протестовать противъ выраженiя гл. Добрынина.

Добрынинъ (къ протестантамъ).—Дѣло не ваше!...

Страдомскiй.—Пиво—это нацiональный напитокъ нацiи, которая можетъ считаться первой въ мiрѣ (Вѣрно)! Пиво содержитъ мало алкоголя и отъ пива опьянѣть невозможно. Употребленiе пива не только не вредно, но даже полезно, такъ какъ оно отвлекаетъ отъ употребленiя водки.

Волковинскiй.—Грустно слушать всѣ эти дебаты. Неужели нельзя назвать святыней то мѣсто, гдѣ отдыхаютъ наши дѣти?! (Смѣхъ). Пиво также опьяняющiй напитокъ. Дайте пиво—и будутъ подкалыватели!

Гор. голова.—Чтобы бороться съ алкоголизмомъ, министерство финансовъ стало устраивать не пивныя, а чайныя.

Голоса. Съ продажей водки.

Гор. голова.—Мы являемся блюстителями общественной нравственно-

сти. Если ради этого мы рѣшили уничтожить кафе-шантанъ въ Шато-де Флеръ и отказались отъ значительнаго увеличенія дохода, то и па Владимірскую горку не слѣдуетъ смотрѣть съ меркантильной точки зрѣнія.

Дума 17 голосами противъ 14 высказалась противъ разрѣшенія продавать пиво на Владимірской горкѣ.

Защитникъ пива, гласный Страдомскій можетъ утѣшиться тѣмъ, что всетаки 14 человѣкъ высказались за пиво. Еще немного, и кіевская дума могла бы гордиться тѣмъ, что она принимаетъ самыя дѣйствительныя мѣры для того, чтобы поднять населеніе до уровня націи, которая можетъ считаться первой въ мірѣ.

А. С.

Конкурсъ.

1. Правленіе одесскаго литературно-артистическаго общества симъ объявляетъ конкурсъ на историко-литературное изслѣдованіе подъ названіемъ «Пушкинъ въ Одессѣ». Изслѣдованіе должно обнять слѣдующую программу:

I. Одесса 20-хъ годовъ. Составъ общества, жизнь и интересы его. Графъ и графиня Воронцовы и окружающія ихъ лица, преимущественно служившія при гр. Воронцовѣ.

II. Жизнь Пушкина въ Одессѣ; знакомства, популярность, поклонники и враги. Поэтъ и начальникъ. Недовольство Пушкина мѣстнымъ обществомъ и причины его.

III. Идеалы Пушкина и одесская дѣйствительность. Настроеніе Пушкина. Одесскія занятія, тетради, переписка и поэтическія произведенія, съ историко-біографическимъ объясненіемъ первоисточниковъ ихъ.

IV. Разрывъ съ Воронцовымъ. Высылка изъ Одессы. Прощаніе Пушкина съ Одессой, какъ выраженіе личной оцѣнки одесскаго періода жизни. Позднѣйшія воспоминанія Пушкина объ Одессѣ и одесской жизни.

V. Значеніе одесскаго періода въ жизни Пушкина и въ развитіи его поэтическаго творчества.

VI. Память о Пушкинѣ въ Одессѣ и его значеніе въ ея духовной жизни.

2. Распредѣленіе матеріала, сдѣланное въ программѣ, необязательно и зависитъ отъ автора изслѣдованія.

3. Изслѣдованіе должно быть доставлено въ правленіе одесскаго литературно-артистическаго общества (Ланжероновская, 6) на имя предсѣдателя не позже 15 марта 1904 года подъ девизомъ. Одновременно и подъ тѣмъ же девизомъ должно быть доставлено запечатанное письмо съ именемъ и адресомъ автора.

4. Изслѣдованіе можетъ быть доставлено въ рукописи или напечатанное.

5. Рукописное изслѣдованіе, въ случаѣ премированія его, должно быть выпущено авторомъ въ свѣтъ не позже шести мѣсяцевъ по объявленіи результатовъ конкурса; въ противномъ случаѣ авторъ обязанъ войти въ соглашеніе съ правленіемъ по вопросу изданія.

6. Премія за лучшее изслѣдованіе, одобренное правленіемъ, назначается одна—въ 350 руб.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

И на дальнемъ Востокѣ, и на европейскомъ неспокойно. Въ Китаѣ не прекращаются волненія, справедливо возбуждающія тревогу въ дипломатическомъ мірѣ. Державы находятся въ выжидательномъ положеніи. Англо-японскій союзъ покуда не грозитъ никакими осложненіями, но за ростомъ Японіи, за ея подготовленіями играть въ Китаѣ и Кореѣ руководящую роль, необходимо слѣдить съ неослабнымъ вниманіемъ и Франціи, и Россіи.

Французскій путешественникъ, недавно бывшій въ Японіи, сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о дѣятельности японцевъ на Формозѣ. Этотъ островъ какъ извѣстно, пріобрѣтенъ ими послѣ побѣдоносной войны съ Китаемъ. Статья въ *Revue Politique et Parlementaire*, въ которой помѣщены эти свѣдѣнія, приписываетъ Японіи стремленіе присоединить Корею и завоевать Индо-Китай. Японцы мечтаютъ о войнѣ съ Россіей, но правительство и парламентъ знаютъ, какъ опасно это столкновеніе, въ особенности послѣ окончанія сибирской желѣзной дороги. Индо-Китай уязвимъ гораздо легче. Соединенный англо-японскій флотъ отрѣжетъ его отъ Франціи. Колонія будетъ предоставлена собственнымъ силамъ. Разсчитываютъ, что японцы могутъ высадить на берегъ Индо-Китая восьмидесятитысячную армію, а съ другой стороны французамъ будетъ угрожать Сіамъ, поддерживаемый Англіей. Но покуда у Японіи нѣтъ денегъ, и она должна поэтому отсрочить свои завоевательныя стремленія. И нужно замѣтить, что къ завоеваніямъ толкаетъ Японію историческая необходимость: населеніе не находитъ уже на родныхъ островахъ приложенія всѣхъ своихъ силъ, эмиграція неизбѣжна, какъ и пріобрѣтеніе рынковъ для мануфактурныхъ произведеній.

Формоза имѣетъ для японцевъ огромное значеніе, какъ базисъ для наступательныхъ операцій противъ Индо-Китая. Офиціозная печать признаетъ достигнутые японцами успѣхи въ этой колоніи блистательными, французскій путешественникъ оказывается скептикомъ. Формоза еще не приноситъ никакого дохода японскому правительству. Правда, со времени присоединенія прошло только восемь лѣтъ и японцами сдѣлано уже многое. Они открыли школы, гдѣ учатъ японскому языку, сформировали адми-

нистрацію, члены которой знаютъ мѣстные языки, построили не мало желѣзныхъ дорогъ, устроили порты и т. д. Монополіи продажи опіума, соли, камфары подняли финансовыя средства колоніи.

Японцы открыли около 140 школъ, въ которыхъ 1,955 японцевъ учатся мѣстному языку, а около 17,000 туземцевъ—японскому. Въ санитарномъ отношеніи достигнуты большіе успѣхи. Основана медицинская школа для туземцевъ.

Нынѣшній генералъ-губернаторъ Формозы, генералъ Кодама, поддерживаемый мѣстнымъ представительнымъ собраніемъ, разсчитывалъ, что къ 1910 г. Формоза не будетъ нуждаться въ финансовой поддержкѣ со стороны метрополіи; но доходы острова увеличиваются далеко не съ такою быстротою, на какую разсчитывали генералъ-губернаторъ и собраніе. (Обыкновенные доходы поднялись съ 5.315,000 іенъ *) въ 1897—98 г. до 14.401,000 въ 1901—1902 г., затѣмъ въ 1902—1903 г. упали до 12.650,000). Субсидія со стороны метрополіи не уменьшилась, а поднялась: она составляла въ 1897—98 г. почти шесть милліоновъ іенъ, въ 1902—1903 г.—семь милліоновъ двѣсти тысячъ. Сильный ударъ благосостоянію Формозы нанесъ неурожай, вслѣдствіе засухи, сахарнаго тростника,—важнѣйшій продуктъ острова. Очень пострадалъ и рисъ. Повредило Формозѣ и открытіе камфарныхъ лѣсовъ въ Китаѣ (въ Амоѣ). Что касается торговли опіумомъ, безусловно запрещенной въ самой Японіи, то противъ нея началась борьба и на Формозѣ. Образовалось общество, которому удалось достигнуть значительнаго сокращенія продажи этого яда. Правительство старается парализовать дѣятельность общества.

Экономическое положеніе острова характеризуется весьма чувствительнымъ въ послѣдніе годы паденіемъ ввоза и вывоза. Умиротвореніе Формозы далеко не закончено. Его туземное населеніе опредѣляютъ въ два съ половиною милліона человѣкъ (китайцевъ по происхожденію и аборигеновъ). Послѣдніе находятся въ почти дикомъ состояніи и занимаютъ средину острова. Они-то и не подчиняются до сихъ поръ японской власти.

ОреліенъВаладъ, которому путешественникъ доставилъ приведенныя свѣдѣнія, совѣтуетъ Франціи зорко слѣдить за происходящимъ на Формозѣ и укрѣплять свое положеніе въ Индо-Китаѣ. Японія уже теперь является могущественною военною державой, а ея культурное развитіе непрерывно повышается.

Поучительны измѣненія, которыя при этомъ происходятъ въ судьбахъ японской женщины. И религія Конфуція, и буддизмъ ставили ее очень низко. Японскій моралистъ XVII вѣка, Кайбара, требовалъ отъ женщины, какъ существа неизмѣримо отстоящаго, по духовнымъ достоинствамъ, отъ мущины, безусловнаго подчиненія родителямъ и мужу. Послѣдній во всякое время могъ развестись съ женою, и это падало на нее вѣчнымъ позоромъ, который не искупался даже новымъ бракомъ. Въ низшихъ классахъ насе-

*) Іенъ нѣсколько болѣе $2^1/_2$ франковъ.

ленія женщины работали (особенно распространено пряденіе и тканье) и поэтому были относительно самостоятельнѣе, чѣмъ женщины высшихъ классовъ; но прискорбное отношеніе къ женщинѣ религіи и бѣдность населенія вели между прочимъ къ тому, что отцы продавали дочерей для проституціи. И теперь еще въ Японіи дѣвушки выдаются замужъ безъ ихъ согласія, по выбору отца, брата или дяди. Законодательство начинаетъ борьбу съ этимъ вѣковымъ зломъ, но нравы держатся за него цѣпко. Полигамія дозволяется въ Японіи. На долю женщины выпадаютъ тяжелыя полевыя работы, она работаетъ на фабрикахъ, разгружаетъ или нагружаетъ корабли,—за ничтожное вознагражденіе. Законодательство начинаетъ регулировать женскій трудъ, европейскіе идеи и нравы просачиваются сквозь уплотненную вѣками кору предразсудковъ. Молодые люди, воспитанные въ Европѣ, женятся по любви и относятся къ женщинамъ съ уваженіемъ. Къ этому же ведутъ браки европейцевъ съ японками.

Понемногу распространяется и женское образованіе. Половина дѣвочекъ послѣднихъ поколѣній еще совсѣмъ безграмотна. Съ 1872 г. возникаетъ первое женское средне-учебное заведеніе. Теперь ихъ 36 съ 19,000 ученицъ.

Мужскихъ средне-учебныхъ школъ 100 съ 69,000 учениковъ. Школы эти далеко не удовлетворительны. На-ряду съ ними возникаютъ частныя *).

Началомъ высшаго женскаго образованія въ Японіи служитъ открытая въ 1895 г. въ Токіо высшая нормальная школа, имѣющая цѣлью приготовлять учительницъ для школъ среднихъ. Возникла мысль основать въ Токіо женскій университетъ. Одно богатое семейство пожертвовало для этого 165 акровъ земли, нѣсколько богатыхъ людей дали на постройку университета 130,000 іенъ.

Дебаты во французскомъ парламентѣ о религіозныхъ конгрегаціяхъ закончились полною побѣдою правительства. Имъ предшествовалъ обширный докладъ Рабье, отъ парламентской коммиссіи объ ассоціаціяхъ и конгрегаціяхъ. Были представлены пятьдесятъ четыре просьбы объ офиціальномъ утвержденіи конгрегацій. Докладъ различаетъ три категоріи конгрегацій: 1) обучающія, 2) проповѣдническія и 3) коммерческія **). Докладчикъ говоритъ во вступленіи, что дѣло идетъ о простомъ исполненіи закона 1 іюля 1901 года, и нельзя не удивляться тому упорному сопротивленію, которое оказывается этому закону. Огромное большинство страны съ тревогою ждетъ рѣшенія парламента. Въ 1789 году во Франціи было 60,000 монаховъ, въ 1900 г. около 200,000. Число конгрегацій умножилось, ихъ богатства возросли.

Въ защиту конгрегацій, занимающихся преподаваніемъ,—начальнымъ и

*) Я беру всѣ эти свѣдѣнія изъ статьи *Georges Weulersse*: *La femme au Japon* (*Revue Pol. et. Parl.*, mars 1903).

**) Первыхъ 25, вторыхъ 28, третьихъ—одна, знаменитая изготовленіемъ шартреза.

среднимъ, приводятъ то соображеніе, что съ закрытіемъ ихъ много дѣтей останется безъ образованія. Но Рабье указываетъ, что школы республики въ состояніи уже вмѣстить почти всѣхъ дѣтей учебнаго возраста. Кромѣ того правительство не стѣсняетъ свободы частнаго преподаванія. Обученіе въ конгрегаціонныхъ школахъ идетъ плохо и ведется въ систематически враждебномъ свѣтскому государству духѣ.

Рабье приводитъ данныя, свидѣтельствующія о томъ, что монахи нерѣдко конкурируютъ съ священниками и отбиваютъ у нихъ наиболѣе богатыхъ прихожанъ, въ особенности женщинъ. Проповѣдь конгреганистовъ имѣетъ боевой, политическій характеръ. Монахи, примѣшивая религіозныя преданія и темы, поддерживаютъ вождей клерикализма и реакціи, страстно и настойчиво вербуютъ имъ сторонниковъ, угрожаютъ карами церкви, если ихъ слушатели будутъ поддерживать кандидатуру людей иныхъ политическихъ направленій.

Шартрёзская конгрегація имѣетъ во Франціи десять общинъ, кромѣ старѣйшей, расположенной близъ фабрики извѣстнаго ликера, приготовляемаго конгрегаціею. Она проситъ о признаніи только этого послѣдняго монастыря (Grande Chartreuse). Рабье не безъ ироніи на это указываетъ. Ликеръ даетъ въ годъ пять милліоновъ франковъ дохода. Недвижимая собственность десяти упомянутыхъ общинъ цѣнится въ 4.200,000 франк., а въ *Grande Chartreuse* въ 1.865,000 франковъ.

Клемансо въ статьѣ, появившейся въ *Neue Freie Presse*, указываетъ, что побѣда кабинета Комба далеко не разрѣшаетъ всѣхъ трудностей вопроса, что конгрегаціи будутъ вести упрямую борьбу съ закономъ. Клемансо признаетъ, что Рибо правъ, говоря о различіи во взглядахъ на конгрегаціи Комба и иниціатора закона о нихъ, Вальдека Руссо: послѣдній желалъ спасти нѣкоторыя конгрегаціи, доминиканцевъ прежде всего, занимающихся обученіемъ въ низшихъ и среднихъ школахъ.

По мнѣнію Клемансо, теперь поступитъ на очередь вопросъ объ отдѣленіи во Франціи церкви отъ государства. Этого отдѣленія въ палатѣ желаютъ уже болѣе двухсотъ депутатовъ. Если правительство выступитъ съ такимъ законопроектомъ,—за него можетъ образоваться большинство. Вопросъ поднятъ и въ сенатѣ, гдѣ въ пользу отмѣны конкордата съ папскимъ престоломъ высказалось сильное меньшинство.

Мнѣ давно не приходилось говорить о скандинавскихъ государствахъ. Теперь можно отмѣтить посѣщеніе императоромъ Вильгельмомъ II Копенгагена, какъ симптомъ улучшенія отношеній между Даніею и Германскою имперіею, и въ особенности, разрѣшеніе давняго спора между Швеціей и Норвегіей въ пользу послѣдней. Корреспондентъ изъ Христіаніи пишетъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*: «Побѣда норвежцевъ заключается въ томъ, что шведское правительство впервые признало, что Норвегія имѣетъ право занимать независимое отъ Швеціи и одинаковое съ нею положеніе въ области внѣшней политики союзныхъ государствъ, каковаго права Швеція раньше за нею не признавала. Еще сравнительно недавно, въ 1891 г.,

шведское правительство въ одномъ изъ своихъ протоколовъ заявило, что ни актъ уніи, ни другой какой-либо законъ не предоставляетъ Норвегіи права участія въ дѣлахъ, касающихся внѣшней политики союзныхъ странъ». Теперь же изъ офиціальнаго извѣщенія о ходѣ переговоровъ между правительствами мы узнаемъ, что «шведскіе делегаты признали и вполнѣ согласились съ тѣмъ, что положеніе, занимаемое теперь министромъ иностранныхъ дѣлъ, не соотвѣтствуетъ справедливому требованію Норвегіею равноправнаго положенія». Шведское правительство до сихъ поръ не давало согласія на учрежденіе особыхъ норвежскихъ консуловъ безъ категорической оговорки, что Норвегія не станетъ домогаться созданія и отдѣльнаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Теперь соглашеніе вышло безъ этой оговорки, и норвежская печать торжествуетъ. Газеты говорятъ, что вѣковой ожесточенный споръ мирно разрѣшился, взаимное недовѣріе и враждебныя отношенія, тормозившія внутреннее развитіе сѣверныхъ странъ, выяснились и прекратились, и для братскихъ народовъ, вновь соединившихся узами родства и дружбы, открываются благопріятныя перспективы для совмѣстной и дружной работы на пользу своего внутренняго преуспѣянія и для общей защиты, въ случаѣ опасности свободы и независимости Скандинавскаго полуострова.

Но представители велико-шведской партіи и норвежскіе радикалы, каждые по-своему, очень недовольны соглашеніемъ, и оно можетъ встрѣтить сопротивленіе и въ шведскомъ, и въ норвежскомъ парламентѣ.

Обозрѣніе было кончено, когда телеграфъ принесъ печальное извѣстіе: нашъ консулъ въ Митровицѣ, Григорій Степановичъ Щербина, раненый солдатомъ албанцемъ, скончался отъ раны. Сердечно жаль молодого талантливаго, энергическаго и знающаго консула. Но это убійство имѣетъ и глубокое политическое значеніе. Оно показываетъ, какъ много фанатизма въ мусульманскомъ населеніи, какой пожаръ можетъ вспыхнуть на Балканскомъ полуостровѣ, если Порта серьезно не послушаетъ совѣтовъ Россіи и Австро-Венгріи, поддержанныхъ остальными великими державами.

В. Г.

Письма о литературѣ.

(Письмо девятое.)

Пускай меня никто не хвалитъ,
То сердца моего нимало не печалитъ:
Я самъ себя хвалю—на что мнѣ похвала?
И знаю то, что я искусенъ до зѣла.
Сумароковъ.

I.

«Хорошо тому на свѣтѣ жить, у кого нѣту стыда въ глазахъ». Такъ съ невеселой ироніей говорится въ одной старой русской пѣснѣ, и право не нужно быть большимъ пессимистомъ, чтобы согласиться съ этимъ. Въ нравственномъ смыслѣ безстыдство, разумѣется, не достоинство, но въ смыслѣ житейскомъ, узко-практическомъ оно является удобствомъ, имѣющимъ серьезное значеніе.

Нужны ли примѣры? За ними не далеко ходить. Вотъ передъ нами лежатъ двѣ книжки, принадлежащія перу двухъ «идеалистовъ». Одна изъ этихъ книжекъ называется «Письма идеалиста» и принадлежитъ г. Ярмонкину, другая называется «Борецъ за идеализмъ» (слово правды о А. Л. Волынскомъ) и принадлежитъ Н. Г. Молоствову. То-есть *какъ будто* принадлежитъ: на оберткѣ книги стоитъ фамилія г. Молоствова, но самая книжка состоитъ, главнымъ образомъ, изъ произведеній г. Волынскаго—одной его лекціи и двухъ его статей. Причемъ тутъ г. Молоствовъ? И кто такой собственно этотъ г. Молоствовъ? Слыхали ли вы, читатель, что-нибудь о г. Молоствовѣ, о Н. Г. Молоствовѣ? Я долженъ сознаться, что до сихъ поръ понятія не имѣлъ о г. Молоствовѣ и это мнѣ должно быть очень стыдно, потому что, судя по тону г. Молоствова, онъ является въ нашей журналистикѣ чѣмъ-то весьма незауряднымъ. Въ предисловіи къ книжкѣ онъ приглашаетъ читателя—«понять и оцѣнить нравы нашей повседневной печати» и величественно заключаетъ: «думаю, что книжка эта представитъ интересъ для всѣхъ тѣхъ, кто слѣдитъ за журналисти-

кой, скорбитъ о ея недугахъ и мечтаетъ о возможности для нея болѣе честной, болѣе славной и, въ идейномъ отношеніи, болѣе могущественной дѣятельности». Такъ-съ. Однако, кто же, наконецъ, такой этотъ г. Н. Г. Молоствовъ, который «слѣдитъ», «скорбитъ» и «мечтаетъ?» А это всего только редакторъ провинціальной газетки *Прибалтійскій Край,* о существованіи которой мы съ читателемъ и не знали до сихъ поръ.

Г. Ярмонкинъ судитъ о нашей печати еще строже и осуждаетъ ее еще рѣшительнѣй. «Достаточно вдуматься и всмотрѣться,—говоритъ онъ,—во всю пустоту и пошлость нашихъ газетъ и журналовъ теперешняго времени, чтобы ясно себѣ представить, до чего мы дошли и до чего мы созрѣли съ тѣхъ поръ, когда волна легкомыслія 60-хъ годовъ начала затапливать и цѣльность, и опредѣленность нашего міровоззрѣнія, и наши чистыя вѣрованія, и чистыя мышленія, и нашъ исторически сложившійся, а потому и зиждившійся на твердыхъ устояхъ строй жизни». Разъ навсегда предупреждаемъ читателя, чтобы онъ не останавливался въ недоумѣніи на стилистическихъ красотахъ и грамматическихъ диковинахъ рѣчей г. Ярмонкина. *Чистыя мышленія, затопленныя волною легкомыслія* и пр.—такихъ и еще гораздо лучшихъ фразъ у г. Ярмонкина сколько угодно, но ковшомъ моря не вычерпать, сочесть пески, лучи планетъ невозможно, и мы скажемъ только, что съ безграмотностью г. Ярмонкина можетъ состязаться только безграмотность князя Мещерскаго, читателю давно извѣстная. Caesar non supra grammaticos—ну, а для нашихъ «идеалистовъ» законъ не писанъ.

«Я самъ себя хвалю» (см. эпиграфъ)—эта наивная тактика не годится въ наше время, и это чудесно понимаютъ оба наши идеалиста—гг. Волынскій и Ярмонкинъ. Самый простодушный читатель скептически отнесется къ похваламъ писателя самому себѣ, но можно устроить дѣло такъ, что хвалить будутъ другіе, а вы, восхваляемый, дѣлайте только видъ, что вы тутъ совершенно не при чемъ, что эти похвалы—выраженіе неудержимаго восторга, возбуждаемаго вашей блестящей дѣятельностью. Оно, положимъ, если бы ваша скромность страдала отъ такихъ похвалъ въ упоръ, то помочь этому горю было бы очень легко: стоило только не печатать въ своихъ владѣніяхъ этихъ славословій и это было бы актомъ элементарной порядочности, даже просто обыкновеннаго приличія. Но такъ разсуждаемъ мы, реалисты, а господа идеалисты смотрятъ на дѣло иначе. Идеалистъ Волынскій давно оцѣнилъ выгоды этого способа саморекламированія,—не прямо отъ своего лица, а черезъ герольдовъ и приспѣшниковъ—оцѣнилъ и не безъ успѣха практикуетъ его. Когда въ его распоряженіи былъ журналъ *Сѣверный Вѣстникъ*—герольдомъ нашего «идеалиста» была г-жа Гуревичъ, возвѣщавшая «міру и городу» и томъ, что г. Волынскій на время отлучился, но скоро вернется на свой «постъ», и о томъ, что ихъ дѣло съ г. Волынскимъ—«дѣло молодое», и о томъ, что г. Волынскій—«смѣлый протестантъ». Теперешній герольдъ ловкаго «идеалиста» редакторъ газеты *Прибалтійскій Край*, г. Молоствовъ усердствуетъ не

меньше г-жи Гуревичъ. По его завѣреніямъ г. Волынскій—«безстрашный, умный и мѣткій полемистъ» (стр. 14), «человѣкъ фанатическихъ убѣжденій и суровой честности». Если бы головѣ г. Волынскаго грозила опасность быть размозженной посѣтителями его лекцій, то г. Молоствовъ все-таки увѣренъ, что «еслибъ такая опасность и угрожала пылкому идеалисту, онъ не остановилъ бы своихъ обличеній, не сошелъ бы съ своего *поста*» (дался имъ этотъ *постъ!*). Г. Волынскій «въ своей литературной дѣятельности споритъ и готовъ спорить съ людьми только на почвѣ идей; это извѣстно всѣмъ». Г. Волынскій—«боевой талантъ, который не размѣнивается на мелкую личную полемику» (стр. 15). Стихія г. Волынскаго—«стихія борьбы и анализа, благородныхъ чувствъ, окрыляемыхъ мыслью о потребностяхъ современнаго историческаго момента, о потребностяхъ въ иныхъ, правдивыхъ и честныхъ органахъ печатнаго слова» (стр. 16). Его книга «Русскіе критики»—«книга хорошая, съ хорошими чувствами написанная, ясная по мысли, благородная по цѣли» (стр. 49). «Историкъ новой литературы отмѣтитъ ту несомнѣнную филіацію идей, которая соединяетъ и примиряетъ въ высшемъ синтезѣ литературный, сознательный идеализмъ г. Волынскаго съ безсознательнымъ практическимъ идеализмомъ Бѣлинскаго, Добролюбова» (стр. 49). И пр., и пр. Труба рекламирующаго герольда становится почти нестерпимой для слуха.

Однако, и г. Ярмонкинъ въ своемъ родѣ «идеалистъ» не хуже г. Волынскаго, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже и получше. Это ничего, что г. Ярмонкинъ малограмотенъ, эта малограмотность даже какъ-то къ лицу ему, какъ-то особенно хорошо гармонируетъ съ его «идеализмомъ». Съ марта мѣсяца текущаго года г. Ярмонкинъ явился главою и основателемъ новой газеты подъ многообѣщающимъ названіемъ *Заря*. Дѣйствительно, съ появленіемъ на горизонтѣ нашей журналистики *Зари* г. Ярмонкина, все кругомъ значительно посвѣтлѣло и какъ бы пріободрилось. Къ сожалѣнію, я прозѣвалъ первые лучи, то бишь первые номера *Зари,* въ которыхъ должна быть изложена редакціонная программа,—программа красоты и силы изумительной. Я думаю такъ потому, что едва показалась *Заря*, какъ тотчасъ же, ни мало не медля, восхищенные читатели стали посылать въ редакцію газеты письма въ выраженіемъ своей горячей благодарности. Небольшую выдержку изъ одного такого письма стóитъ привести, тѣмъ болѣе, что въ этомъ письмѣ говорится какъ разъ о программѣ газеты. Внимайте, читатель:

«Служеніе Богу! Эта мысль пронеслась въ моей головѣ, когда я въ первый (разъ?) прочелъ объявленіе о выходѣ въ свѣтъ газеты *Заря* и вдумался въ ея маленькую по размѣрамъ, но большую по замыслу и силѣ программу,—программу служенія идеѣ правды и добра. Именно, кажется мнѣ, служеніе одному Богу и, притомъ, служеніе Богу христіанскому хочетъ поставить себѣ девизомъ молодая газета. Почему? Да потому, что развѣ добро—не само Божество, не самъ Богъ, вмѣстившій въ себѣ всю правду, всю истину? Развѣ доброе желаніе, исканіе правды не

есть воля Всесовершеннѣйшаго, не есть частица Его Самого? Мнѣ кажется, что, служа начертанной себѣ идеѣ, новая газета и намѣрена согласовать понятіе—добро и правда съ понятіемъ чего-то высшаго, съ понятіемъ—Богъ. Такъ ли это или иначе—покажетъ время, но сейчасъ, съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ читая столбцы газеты, чувствуешь, что сквозь черныя строки тысячныхъ буквъ *Зари* пробиваются лучи новой и свѣтлой зари чего-то прекраснаго. За короткій срокъ со времени появленія перваго номера передъ читателемъ идетъ серьезная борьба съ царствующимъ и укрѣпившимся зломъ, обличается неприличная и развращающая къ стыду вѣка дѣятельность многихъ предпріятій»... и пр., и пр. (*Заря*, № 16).

Письмо подписано: *Н. Вакуловскій-сынъ*. Всякій человѣкъ непремѣнно чей-нибудь сынъ и почему г. Вакуловскій-сынъ такъ заботливо подчеркиваетъ, что онъ сынъ,—сынъ, а не отецъ Вакуловскій? Мысли, изложенныя Вакуловскимъ-сыномъ, столь благородны, что ими могъ бы гордиться всякій отецъ, а значитъ и Вакуловскій-отецъ. Эхъ, читатель, тутъ обстоятельства совсѣмъ особаго рода. Дѣло въ томъ, что если мы, старики-отцы, встрѣтили *Зарю* г. Ярмонкина съ полнымъ равнодушіемъ, то наши дѣти налюбоваться не могутъ на нее, если судить по «письмамъ въ редакцію». Въ № 16, какъ мы видѣли, Вакуловскій-*сынъ* пишетъ, что «съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ» читаетъ газету г. Ярмонкина, а въ № 17 одинъ *юный читатель* (тоже въ особомъ письмѣ въ редакцію) *горячо благодаритъ* г. Ярмонкина и восклицаетъ: «придите вы со своимъ словомъ, поддержите того, кто еще не погибъ, ободрите, посовѣтуйте и повѣрьте — наша русская молодежь сумѣетъ оцѣнить ваши труды. На васъ наша надежда, вы, какъ проповѣдникъ правды и любви, сначала помогите очистить намъ наши сердца и умы отъ всей нечистоты, и тогда правда и любовь процвѣтутъ въ нашихъ сердцахъ». Трогательно въ высшей степени. Однако, не пускаясь ни въ какія нескромныя догадки и дерзкія соображенія, я просто какъ литературный критикъ и чисто въ эстетическомъ отношеніи позволю себѣ высказать замѣчаніе или наблюденіе, что стиль Вакуловскаго-сына и «юнаго читателя» чрезвычайно напоминаютъ хорошо мною изученный стиль автора «Писемъ идеалиста», издателя *Зари* г. Ярмонкина. Я не знаю, какъ назвать такое совпаденіе, прискорбнымъ или счастливымъ, но его наличность не подлежитъ сомнѣнію. «Черныя строки тысячныхъ буквъ *Зари*», въ которой «обличается къ стыду вѣка дѣятельность многихъ предпріятій» (изъ письма «сына»), «помогите, проповѣдникъ правды и любви, очистить наши сердца отъ нечистоты» (изъ письма «юнаго»), эти фразы вполнѣ достойны пера, начертавшаго уже извѣстную читателю фразу о «чистыхъ мышленіяхъ, затопленныхъ волною легкомыслія» (см. выше). Такимъ образомъ, по этому пункту г. Ярмонкинъ долженъ уступить первенство г. Волынскому: лица, его прославляющія, возбуждаютъ, можетъ быть, и неосновательныя, но довольно естественныя сомнѣнія въ самомъ своемъ существованіи, тогда какъ г. Волынскаго рекламируетъ и прославляетъ лицо несомнѣнно реальное — редакторъ той газеты, въ которой сотрудничаетъ

г. Волынскій. Это обстоятельство краснорѣчиво говоритъ въ пользу г. Волынскаго,—въ пользу не идеализма, а другихъ его свойствъ: редакторъ, воспѣваемый своими сотрудниками, для насъ не диковина, и никакой Америки въ этомъ смыслѣ г. Ярмонкинъ намъ не открылъ, но сотрудникъ, воспѣваемый своимъ редакторомъ—это ново. Г. Молоствовъ по отношенію къ г. Волынскому не столько, впрочемъ, редакторъ, сколько антрепренеръ: какъ значится въ объявленіяхъ, онъ *устраиваетъ* лекціи г. Волынскаго, т.-е. выхлопатываетъ разрѣшеніе, нанимаетъ зало, тренируетъ самого г. Волынскаго. Съ этой точки зрѣнія образъ дѣйствій г. Молоствова вполнѣ понятенъ: нѣтъ и не можетъ быть такого Барнума, который бы не восхвалялъ монстровъ и раритетовъ своего собственнаго музея.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, наши два «идеалиста». А въ чемъ—тоже въ общихъ чертахъ—заключается ихъ «идеалистическое» ученіе? Какъ между личностями самихъ идеалистовъ мы нашли черты сходства и черты различія, такъ точно есть извѣстныя сходства и различія и между ученіями обоихъ философовъ. По. г. Ярмонкину, «только идеализмъ, внѣдряющійся въ насъ, можетъ вселить жизнерадостное настроеніе и дать грандіозный расцвѣтъ экономической жизни человѣка» (стр. 332). Какъ это неожиданно: *идеализмъ* есть причина *экономическаго* расцвѣта человѣка! Мы понимаемъ, въ частныхъ, отдѣльныхъ случаяхъ *идеализмъ* извѣстнаго рода можетъ явиться для человѣка хорошей доходной статьей и послужить такимъ образомъ *экономическому* расцвѣту удачливаго идеалиста, но идеализмъ какъ вѣроученіе, какъ міропониманіе, какъ нравственная система, къ экономическимъ успѣхамъ отнюдь не ведетъ. Въ кратчайшемъ и популярнѣйшемъ своемъ выраженіи, формула идеализма гласитъ, что *не о хлѣбѣ единомъ живетъ человѣкъ*. Какъ видите, интересы духа не только не отождествляются съ интересами брюха, но почти противопоставляются другъ другу и во всякомъ случаѣ соотносятся къ различнымъ категоріямъ явленій. Но по мнѣнію г. Ярмонкина: «Ученіе идеализма—простое. *Поддерживать и пропагандировать въ индивидуальной, общественной, политической и соціальной жизни все то, что дѣлаетъ сердце любящимъ*». Курсивъ принадлежитъ не намъ, а автору, считающему эти свои слова особенно значительными. Пожалуй, подчеркнули бы эти слова и мы, потому что въ нихъ очень наглядно выразилось пустословіе новоявленнаго идеалиста. *Пропагандировать все то, что дѣлаетъ сердце любящимъ* — какъ вамъ нравится такая программа? *Все то*,—однако, что же именно? Другой нашъ идеалистъ—г. Волынскій—разсуждаетъ не болѣе основательно, но производитъ еще худшее впечатлѣніе своимъ, чисто хлестаковскимъ апломбомъ. «Русское общество,—пророчествуетъ г. Волынскій,—находится наканунѣ новаго, всемогущаго историческаго прибоя,—прибоя идеалистической волны, которая окончательно опрокинетъ ветхій фрегатъ, гдѣ пріютились послѣдніе могикане идейно-безпочвенной публицистики» (стр. 36). Дѣлая эту выписку, я былъ внезапно озаренъ свѣтлой мыслью: а вѣдь это пророчество прозорливаго идеалиста, въ самомъ дѣлѣ, исполнилось, по крайней мѣрѣ, отчасти. Если нашъ «ветхій фрегатъ» еще не опрокинулся окончательно, то все же

«прибой идеалистической волны» уже начался: что же такое идеалистическая *Заря* г. Ярмонкина, какъ не первая, передовая волна идеалистическаго прибоя? Держись, «ветхій фрегатъ!» Молитесь Богу, «послѣдніе могикане!» Нашимъ идеалистамъ остается только соединить свои силы, чтобы стать «всемогущимъ», и я искренно недоумѣваю, почему до сихъ поръ не заключенъ этотъ идеалистическій двойственный союзъ: Волынскій стоитъ Ярмонкина, Ярмонкинъ равенъ Волынскому. Волынскій неотразимъ въ атакѣ, Ярмонкинъ непоколебимъ въ защитѣ. Волынскій — это конница, Ярмонкинъ—это пѣхота.

Волнуясь конница летитъ,
Пѣхота движется за нею,
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленіе крѣпитъ.

Проиграно ваше дѣло, старики-реалисты: «идеализмъ погибнуть не можетъ, ибо въ немъ правда человѣческаго существа, человѣческаго сердца. Человѣческое сердце идеально по самой своей природѣ и его тончайшая пульсація провѣряетъ собою ходъ историческихъ часовъ. Оно плачетъ и лихорадочно бьется въ своихъ современныхъ настроеніяхъ, насквозь трагическихъ, и это значитъ, что оно уже прорывается въ совсѣмъ новую жизнь, что время для этой жизни уже пришло и скоро затрещитъ все ветхое, ненужное, огадѣвшее человѣку, все то, что стоитъ на его пути къ личной и всечеловѣческой правдѣ» (стр. 37). Характерное для нашихъ идеалистовъ совпаденіе: одинъ изъ нихъ собирается пропагандировать *все то,* что и т. д., другой собирается разрушать все ветхое, *все то,* что и пр., и пр. Зачѣмъ же такъ пугать людей, господа? Надо опредѣленнѣе выражаться.

И всетаки, что же такое идеализмъ? Отъ г. Ярмонкина мы слышали, что «ученіе идеализма—простое», отъ г. Волынскаго слышали, что «идеализмъ погибнуть не можетъ». Пусть такъ, но это только аттрибуты идеализма, а не самая его сущность. Сущность идеализма, точнѣе говоря, его главнѣйшая особенность заключается въ допущеніи вдохновеній вѣры на равныхъ правахъ съ свидѣтельствами разума. Только идеализмъ признаетъ интуитивное познаваніе, въ этомъ его сила, его преимущество передъ другими системами міропониманія, но въ этомъ же и его слабая, опасная сторона: для вѣры границъ нѣтъ, для интуицій законъ не писанъ. Нѣтъ ничего субъективнѣе вѣры, а вѣдь именно вѣра и окрашиваетъ въ тотъ или другой цвѣтъ всякую идеалистическую систему. Какъ полагаютъ объ этомъ наши два идеалиста? Г. Ярмонкинъ полагаетъ, какъ мы видѣли, что «ученіе идеализма—простое», что оно ведетъ къ самостоятельному благосостоянію человѣка, къ его *экономическому расцвѣту.* Дѣйствительно, проще ничего быть не можетъ. Г. Волынскій понимаетъ дѣло похитрѣе, понимаетъ, что между матеріальнымъ благосостояніемъ и вѣрой, какъ основной стихіей идеализма, никакой связи нѣтъ, и даетъ такое опредѣленіе: «гдѣ-то въ душѣ мелькаетъ какая-то свѣтлая точка, что-то странно живое, хотя и не земное, что-то тихо звучащее и говорящее о томъ, что за предѣлами личности. Это мы и называемъ вѣрою» (стр. 86). Вотъ это

самое мы и называемъ вѣрою. Читатель, что хуже — обнаженная ли, совсѣмъ не прикрытая нелѣпость или закутанная въ густой туманъ фразъ безсмыслица? На мой вкусъ, первая много лучше. Брякнулъ человѣкъ, что идеализмъ ведетъ къ экономическому процвѣтанію, и вы сразу видите, съ какимъ мыслителемъ имѣете дѣло, а подите-ка распутайтесь въ этихъ свѣтлыхъ точкахъ, мелькающихъ въ душѣ, тихо звучащихъ, странно-живыхъ и пр., и пр. Вѣра, по Волынскому, говоритъ о томъ, *что за предѣлами личности*. Но за предѣлами личности находится весь внѣшній міръ, такъ неужели онъ познается только вѣрой и иныхъ средствъ не имѣется у насъ? Не говоря о другомъ прочемъ, гдѣ ваши пять чувствъ, г. Волынскій?

Посмотримъ теперь на нашихъ идеалистовъ, на каждаго въ отдѣльности. Г. Ярмонкину принадлежитъ первое мѣсто, первая очередь, не потому, чтобы онъ былъ умнѣе или даровитѣй г. Волынскаго, а просто потому, что онъ обзавелся «сокровищемъ» (см. Салтыкова), т.-е. собственной газетой, а г. Волынскій свое «сокровище», т.-е. собственный журналъ, утратилъ. Вотъ въ этомъ между ними большая разница.

II.

Г. Ярмонкинъ не кто-нибудь, не первый встрѣчный. Въ Самарской губерніи, при селѣ Чирково, находится его имѣніе, заключающее въ себѣ тысячу десятинъ лѣса и три тысячи десятинъ пахотной земли (стр. 223). Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, мы съ читателемъ можемъ думать о писательствѣ г. Ярмонкина все, что вздумается, но вотъ что на этотъ счетъ сообщаетъ самъ г. Ярмонкимъ: «Со времени изданія мною *Писемъ идеалиста* я получилъ и получаю теперь письма отъ различныхъ лицъ. Изъ нихъ болѣе содержательныя я отбираю и теперь отобранныхъ у меня болѣе ста. Между ними есть письма гг. министровъ, членовъ государственнаго совѣта, сенаторовъ, придворныхъ чиновъ, графовъ, князей, епископовъ, литераторовъ (съ приложеніемъ своихъ трудовъ), художниковъ (академиковъ), профессоровъ, студентовъ и др.» (стр. 301). И карьера, и фортуна, какъ любилъ говорить гончаровскій герой. И богатъ, и знаменитъ г. Ярмонкинъ и тѣмъ не менѣе, подчиняясь чувству долга, требованіямъ идеи, онъ даже на склонѣ лѣтъ не можетъ успокоиться и сложить оружіе. Въ чемъ же заключается эта идея? Въ чемъ состоятъ «идеалы» нашего «идеалиста»?

«Что теперь Россія передъ той Россіей, которая была до 60-хъ годовъ? Это нищій въ экономическомъ отношеніи; это—нищій въ духовномъ отношеніи; это—полуобразованный дикарь. Ни одной живой идеи, ни одной живой мысли, ни одного живого чувства въ Россіи теперь нѣтъ. Да откуда же все это взять, коль скоро духовный капиталъ Россіи весь растраченъ, коль скоро уничтожено русское дворянство? Если указать на увеличившуюся производительность и на милліоны оборотовъ, то все это находится въ рукахъ евреевъ, нѣмцевъ, англичанъ, французовъ, но не у русскихъ. Россія—дворяне и крестьяне. И тѣ, и другіе—нищіе. Если между русскимъ купечествомъ есть еще богатые люди, то что значитъ ихъ богатство

сравнительно съ богатствомъ прежняго купечества? Не въ цифрахъ и не въ бумагѣ сила, а въ дѣйствительности, а дѣйствительность теперешняя не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ дѣйствительностью прошлаго. Это въ одинъ голосъ говорятъ и русскіе дворяне, и русскіе крестьяне, и русскіе купцы. Всѣ вздыхаютъ о добромъ старомъ времени. Только либералы въ дружномъ согласіи съ евреями, да *народники*, никогда не видѣвшіе народа, воображаютъ, что реформенная Россія представляетъ еще собою что-то такое» (стр. 89).

Какъ видите, совершенно ясно и даже, что для г. Ярмонкина довольно удивительно, почти совсѣмъ грамотно. Вотъ что значитъ излагать привычныя, задушевныя мысли! Черезъ нѣсколько строкъ авторъ дѣлаетъ замѣчаніе, что «въ качественномъ отношеніи теперешняя частная дѣятельность есть нѣчто столь срамное, что она была бы просто невозможна для прежняго времени; ни одинъ порядочный человѣкъ прежняго времени не могъ бы взять нынѣшнія газеты въ руки». Вотъ причина возникновенія *Зари* и вотъ программа, которой она будетъ слѣдовать. Теперь сообразите положеніе. Г. Ярмонкинъ, какъ авторъ «Писемъ идеалиста», получаетъ благодарственныя письма отъ лицъ, облеченныхъ властью, министровъ, сенаторовъ, членовъ государственнаго совѣта (о, безсмертная комедія Гоголя!) и пр. Тотъ же г. Ярмонкинъ, какъ редакторъ-издатель *Зари*, получаетъ восторженно-хвалебныя письма отъ молодежи, отъ «юныхъ читателей». Съ г. Ярмонкинымъ «въ одинъ голосъ говорятъ» и русскіе дворяне, и русскіе крестьяне, и русскіе купцы. И старый, и малый, знатный и простолюдинъ,—лелѣютъ въ своемъ сердцѣ идеалы, освѣщаемые лучезарной *Зарей* г. Ярмонкина и тѣмъ не менѣе современная Россія во всѣхъ смыслахъ—нищій и нѣтъ въ ней «ни одной живой мысли, ни одного живого чувства». Какъ все это соединить и примирить? Если всѣ мы, отъ министровъ до студентовъ, любимъ и почитаемъ г. Ярмонкина какъ благороднаго идеалиста, то какъ же говорить, что въ современной Россіи нѣтъ ни одного живого чувства? Если же наши чувства къ г. Ярмонкину не живыя, а мертвыя, то зачѣмъ же похваляться письмами съ выраженіемъ этихъ чувствъ? Очевидно, тутъ какая-то нескладица, нѣкоторая логическая несообразность, устранить которую я не берусь. Далѣе, если съ г. Ярмонкинымъ «въ одинъ голосъ говорятъ и русскіе дворяне, и крестьяне, и купцы», то, при такомъ единодушіи, зачѣмъ же дѣло стало? Либералы въ согласіи съ евреями и народниками помѣшать нашей созидательной работѣ отнюдь не могутъ: вѣдь кромѣ нихъ *всѣ* вздыхаютъ о добромъ старомъ времени. Характеръ этого добраго времени, т.-е. времени до 60-хъ годовъ, опредѣлялся однимъ общимъ, огромнымъ фактомъ—крѣпостнымъ правомъ. О немъ-то и вздыхаютъ какъ наши дворяне, такъ и наши крестьяне, «тѣ и другіе—нищіе». Вотъ тотъ выводъ, ради котораго трудился и трудится нашъ «идеалистъ», сперва въ своихъ «письмахъ», а теперь при свѣтѣ своей *Зари*. «Такъ что-жъ намъ дѣлать?» зададимъ мы г. Ярмонкину извѣстный вопросъ Льва Толстого.

Намъ не смутить г. Ярмонкина этимъ вопросомъ: онъ пришелъ въ ли-

тературу не съ пустыми руками, у него все обдумано и рѣшено, онъ знаетъ, что намъ дѣлать. Дѣло очень просто,—«вопросъ ставится категорически, быть или не быть русскому дворянству и дворянскому землевладѣнію? Само дворянство не устоитъ, потому что оно находится на краю пропасти, безъ всякой опоры, и достаточно малѣйшаго дуновенія вѣтра, чтобы оно окончательно и безвозвратно было сброшено въ эту зіяющую пропасть...» Прервемъ на минуту выписку, чтобы подѣлиться съ читателемъ такимъ наблюденіемъ: болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ другой сферѣ обнаруживается въ литературѣ та истина, что *крайности сходятся*. Только злѣйшій врагъ дворянства могъ бы сказать то, что сказалъ г. Ярмонкинъ, ярый защитникъ не по разуму дворянства. Хорошъ государственный *устой*, который готовъ полетѣть въ зіящую пропастъ отъ *малѣйшаго дуновенія вѣтра!* А если припомнить при этомъ, что другой нашъ устой крестьяне—«поголовно нищіе» и что въ Россіи въ настоящее время «нѣтъ ни одной живой мысли, ни одного живого чувства», то посудите сами, читатель, можетъ ли положеніе быть ужаснѣе? Заря! Какая ужъ тутъ *Заря*! Доканчиваемъ выписку: «необходимо его (дворянство) удержать путемъ *насильственнаго прикрѣпленія къ землѣ*». Курсивъ принадлежитъ самому автору,—тутъ-то, значитъ, и заключается вся суть, вся сердцевина его спасительной идеи. Прикрѣпленіе дворянъ къ землѣ должно «состояться путемъ особаго закона», сущность котораго должна заключаться въ томъ, что «дворянинъ, владѣющій на основаніи его имѣніемъ, не можетъ своего имѣнія ни продать, ни заложить, ни сдать въ аренду». Такому ограниченію имущественныхъ правъ можетъ «подвергнуться только тотъ дворянинъ-землевладѣлецъ, который сдѣлается окончательно несостоятельнымъ должникомъ предъ дворянскимъ банкомъ». Превосходная идея! Мы должны однако по справедливости сказать, что г. Ярмонкинъ напрасно приписываетъ ее себѣ, своей проницательности. У Глѣба Успенскаго одинъ мужикъ-недоимщикъ разсуждаетъ совершенно такъ же: «закопался, братецъ, я въ недоимку на сажень выше головы, доставай меня какъ хочешь!» Г. Ярмонкинъ находитъ только, что и *доставать* недоимщика-дворянина не надо, пусть его сидитъ въ имѣніи подъ охраною своей несостоятельности. «Такое новое положеніе неминуемо прикрѣпитъ дворянъ къ землѣ. Поставленные *на* безусловную и вѣчную связь съ землею, дворяне вынуждены будутъ направить всѣ свои размышленія на имѣніе, на веденіе хозяйства, на извлеченіе дохода изъ имѣнія, на жизнь въ самомъ имѣніи, а не въ городахъ, хозяйственная культура и доходность имѣнія неминуемо и быстро поднимутся, потому что самый плохой хозяинъ лучше хорошаго управляющаго» (стр. 106). Какъ видитъ, читатель, у нашего идеалиста—губа не дура, и знаетъ онъ, гдѣ ракъ зимуетъ. Его *насильственное прикрѣпленіе къ землѣ* дворянъ-землевладѣльцевъ есть въ сущности дарованіе имъ права *безнаказаннаго расхищенія* средствъ дворянскаго банка. Положимъ, мы съ вами, читатель, перестали за квартиру платить: что будетъ? Будетъ то, что по жалобѣ домовладѣльца и по рѣшенію суда явится къ

намъ судебный приставъ, опишетъ наше имущество, а намъ предложитъ выселиться, куда намъ заблагоразсудится. Нѣтъ, съ жестокостью говоритъ г. Ярмонкинъ, этого мало: *прикрѣпите* ихъ къ квартирѣ, за которую они платить не хотятъ, *не позволяйте* имъ переселяться и пусть живутъ, пусть живутъ, хоть сотню лѣтъ, пока не заплатятъ. Ужасно! Понравится ли только такая логика домовладѣльцу? Согласится ли съ г. Ярмонкинымъ кредиторъ—банкъ, что самый плохой хозяинъ будто бы лучше хорошаго управляющаго.

Этого мало. Напавъ на свою счастливую мысль, г. Ярмонкинъ даетъ ей дальнѣйшее развитіе и ужъ тутъ именно умѣстно сказать, что конецъ дѣло вѣнчаетъ. Дворянинъ, безнадежный недоимщикъ, «владѣющій землею на этомъ (т.-е. ограниченномъ) правѣ собственности, не можетъ своей земли ни продать, ни заложить, ни сдать въ аренду, а по духовному завѣщанію можетъ передавать своимъ дѣтямъ съ тѣмъ, чтобы дробленіе имѣнія шло *не менѣе* 1,000 десятинъ въ однѣ руки. Такимъ образомъ, дворянинъ имѣющій, положимъ, 4,000 десятинъ и имѣющій 3 сыновей, можетъ передать имъ по 1,333 дес., но имѣющій 4,000 десятинъ и 5 сыновей можетъ передать только первымъ четыремъ по 1,000 дес., а пятый уже остается безземельнымъ и о надѣленіи его землею *должно подумать государство*. Такъ на вѣчныя времена создается въ Россіи земельное дворянство. Отъ этого созданія Россія только выиграетъ и въ духовномъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. Недоимки и слѣдуемые платежи въ банкъ будутъ взиматься такъ же, какъ взимаютъ ихъ теперь съ крестьянъ *безъ продажи* надѣльной земли» (195). Князь Мещерскій, читая этотъ проектъ, вѣроятно, всѣ пальцы себѣ обгрызъ отъ зависти. Еще бы! Не у всякаго хватитъ остроумія просить у государства подачекъ для бѣдняковъ-землевладѣльцевъ, не имѣющихъ возможности оставить каждому сыну по тысячѣ десятинъ. Но есть тутъ и нѣкоторая неточность или недомолвка: платежи въ банкъ будутъ взиматься такъ же, какъ взимаютъ ихъ съ крестьянъ, говоритъ г. Ярмонкинъ. Неужели совершенно *такъ же?* Это было бы интересно.

Но этого мало. Мало того, чтобы государство надѣляло помѣщиковъ землею—«главное наше горе заключается въ томъ, что мы не знаемъ, къ кому намъ обратиться, кому изложить свои нужды, отъ кого просить намъ помощи?» (173 стр.). Словомъ, «культурный слой», «представитель духовной культуры» «образованнѣйшее сословіе» какъ величаетъ безпрестанно г. Ярмонкинъ дворянство,—эта соль русской земли, въ безсознательно-каррикатурномъ изображеніи автора является безпомощнымъ младенцемъ, которому и носикъ надо высморкать, и кашкой накормить, и какой-нибудь цацей потѣшить. Не такъ давно, по поводу юбилея другого защитника дворянства—князя Мещерскаго, мы читали горячіе протесты дѣйствительныхъ представителей дворянства противъ людей, навязывающихъ своему сословію роль какой-то казанской сироты, которую всѣ обижаютъ, роль просительницы - салопницы, обивающей пороги у разныхъ милостивцевъ и благодѣтелей. «Главная бѣда моя, батюшки, шамкаетъ старуха, утирая

глаза, не знаю я къ кому обратиться, кого просить о помощи?» Эта старуха-побируха-носительница, представительница русской культуры! Лестно для русскаго дворянства, лестно и для русской культуры.

Я остановился на этомъ, безъ сомнѣнія, главнѣйшемъ сюжетѣ г. Ярмонкина, сюжетѣ, ради котораго, конечно, и «Заря», на литературномъ небѣ загорѣлась и другихъ, менѣе важныхъ темъ «писемъ идеалиста» касаться ужъ не буду. «Мнѣ грустно, читатель», нѣсколько разъ говоритъ г. Ярмонкинъ въ своихъ письмахъ и тоже самое скажу и я въ заключеніе. Не за погибающую Россію мнѣ грустно, не за оскудѣвшее дворянство,—мнѣ грустно... за князя Мещерскаго! Да, за князя Мещерскаго, въ лицѣ котораго оскорблена сама справедливость. Всегда скажу: обидѣли, обидѣли, обидѣли старика! Чѣмъ онъ хуже г. Ярмонкина? Въ какомъ отношеніи «Гражданинъ» уступаетъ «Зарѣ?» Старый другъ, говоритъ пословица, лучше новыхъ двухъ, а князь Мещерскій нашъ старый другъ. Онъ ставилъ «точки» къ реформамъ еще тогда, когда о г. Ярмонкинѣ съ его идеализмомъ и съ его «Зарею» и слуха не было, онъ переносилъ поношенья, сдѣлался въ литературѣ притчей во языцѣхъ, пріялъ, можно сказать, мученическій вѣнецъ и все это затѣмъ, чтобы его заслонилъ какой-то Ярмонкинъ?! Да не будетъ этого! Какъ говорится въ писаніи—«ему же честь—честь, ему же дань—дань, ему же оброкъ—оброкъ — ему, князю Мещерскому, а не какимъ-то выскочкамъ и самозванцамъ!

III.

Нашъ разговоръ о другомъ «идеалистѣ»—г. Волынскомъ будетъ покороче. Единственный «талантъ» г. Волынскаго, талантъ фразистаго пустословія, потерпѣлъ какъ будто ущербъ или—что гораздо вѣроятнѣе—потерялъ для читателей прежній интересъ новизны. Тотъ грекъ, который думалъ удивить Александра Македонскаго своимъ замѣчательнымъ искусствомъ попадать брошенной горошиной въ небольшое отверстіе, былъ не болѣе наивенъ, нежели г. Волынскій, который безсрочно думаетъ удивлять насъ своимъ жонглированіемъ словами. На первыхъ порахъ какъ искусникъ—грекъ, такъ и искусникъ—писатель интересны, занятны, курьезны, но этотъ интересъ быстро остываетъ. Александръ, какъ говоритъ историческій анекдотъ, приказалъ выдать греку въ награду за удивительное искусство мѣшокъ гороху и соотвѣтственную награду слѣдуетъ предложить и г. Волынскому. Характеристики г. Волынскаго изумительны по своей мѣткости. Раздавши аттестаты писателямъ, пожуривъ одного, покровительственно похлопавъ по плечу другого, толкнувъ локтемъ третьяго, наступивъ на ногу четвертому, г. Волынскій съ самоудовлетвореніемъ говоритъ: «съ волны на волну я переплылъ черезъ все литературное море современной Россіи. До берега еще только одна волна—мягкая, съ косматымъ гребнемъ». Какая же это волна? Какъ вы думаете, читатель? Мягкая, съ косматымъ гребнемъ... Что бы это такое могло быть?! А это, читатель... «это писательницы, женщины». Какое сравненіе! Самой мягкой и самой косматой волной оказывается, по словамъ г. Волынскаго, г-жа Крестовская: «это,

можетъ быть самая женственная изъ всѣхъ женщинъ, подвизающихся въ литературѣ, со всѣми достоинствами и недостатками женщины—съ наивной чувствительностью, непосредственностью и какою-то вѣтренностью въ отношеніи къ формѣ и стилю своихъ произведеній» (103 стр.). Въ другомъ родѣ, но тоже замѣчательной волной—игривой, рѣзвой, говорливой—является г-жа Щепкина-Куперникъ. «Поэтесса и новеллистка, она представляетъ собою въ русской литературѣ совсѣмъ особенную фигурку. Она изображаетъ всегда людей до того честныхъ, до того трогательныхъ, до того добродѣтельныхъ, что можно было бы признать ея писанія за лепетъ прелестной дѣтки, если бы за ними не мерещилось что-то очень нарядное, плутоватое и кокетливое. Иногда въ ея беллетристикѣ пробѣгаютъ какіе-то странные, ехидные намеки на личности, иногда въ ея лирическихъ стихахъ мелькаютъ двусмысленныя настроенія» и пр. и пр. (104 стр.). Вотъ какая шалунья-волна г. Щепкина-Куперникъ! Вотъ она какая прелестная *дѣтка*! Не менѣе кокетлива, но въ другомъ родѣ, г-жа Гиппіусъ: «что-то болѣзненное, худосочное и вмѣстѣ съ тѣмъ претенціозное чувствуется въ ея произведеніяхъ, манерныхъ, кокетливыхъ, шелестящихъ сухимъ шелестомъ женскихъ шелковыхъ юбокъ» (93 стр.). Вотъ это писательница! Ея произведенія «шелестятъ» да не какъ-нибудь, а какъ «юбки», да не какія-нибудь юбки, а «шелковыя». Таковы прозаическія произведенія г-жи Гиппіусъ, но и въ ея стихахъ слышится шелестъ,—не шелковыхъ юбокъ, а риѳмъ: «въ стихахъ ея раздается пріятный тихій шелестъ осторожныхъ негромкихъ риѳмъ» (19 стр.). Тутъ ужъ я, по правдѣ сказать, теряюсь. Какъ шелестятъ юбки, шелковыя или ситцевыя, это я себѣ могу представить, но какъ шелестятъ риѳмы, осторожныя и негромкія, этого я вообразить не могу.

Ну, что жъ еще говорить? Характеристика нашихъ «идеалистовъ», при всей ея краткости и бѣглости, можетъ считаться законченной. Это не идеалисты, а фразеры или попросту болтуны, при чемъ г. Ярмонкинъ безграмотнѣе, но зато содержательнѣе г. Волынскаго. Несмотря на свой «идеализмъ», г. Ярмонкинъ даже очень себѣ на умѣ, тогда какъ г. Волынскій мечетъ свой словесный горохъ какъ бы изъ любви къ искусству, безъ опредѣленныхъ практическихъ цѣлей. Г. Ярмонкинъ знаетъ, чего онъ хочетъ, г. Волынскій не знаетъ. Для г. Ярмонкина журналистика — только средство, для г. Волынскаго—самодовлѣющая цѣль. Г. Ярмонкинъ—*идеалистъ*, потому что, по его соображеніямъ, въ настоящее время

Есть направленья барышъ съ идеальнаго
Больше, чѣмъ съ мѣста квартальнаго.

Г. Волынскій—*идеалистъ* по своему неудержимому стремленію къ высокопарному фразерству, для котораго темы и вопросы идеалистическаго свойства представляютъ неизсякаемый источникъ постояннаго упражненія. Обоимъ «идеалистамъ» я отнюдь не могу пожелать ни успѣха, ни процвѣтанія.

М. Протопоповъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Апрѣль **1903 года.**

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Критика, публицистика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія, исторія литературы.—Искусство.—Этнографія, археологія.—Естествознаніе.—Медицина.—Сельское хозяйство.—Учебники, книги для дѣтей. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го марта по 1-е апрѣля 1903 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Серафимовичъ. Разсказы. Т. I.—1) Эженъ Сю. Жанъ Кавалье. 2) Жоржъ Зандъ, Янъ Жижка. 3) Пьеръ Абеляръ. Исторія моихъ бѣдствій. Перев. подъ ред. проф. *А. Трачевскаго.*—*С. Макарова.* Отголоски старины. 1) Волховецъ и Полиста. 2) Ефанда. 3) Братья-враги. 4) Прекраса. 5) Красное солнышко.—*А. Кирпищикова.* Повѣсти и разсказы. Кн. I.—*П. Соломко.* Маленькія драмы. Этюды.—*И. П. Бѣлоконскій.* Деревенскія впечатлѣнія.—*Влад. Короленко.* Безъ языка.—*А. И. Фаресовъ.* Въ одиночномъ заключеніи. 2-е изд.—*Символистъ.* Басни.—*М. А. Лохвицкая.* Стихотворенія. Т. IV.—*Германъ Баръ.* Апостолъ. Драма.—*Станиславъ Пшибышевскій.* Homo sapiens. Романъ.

А. Серафимовичъ. Разсказы. Томъ первый. Спб., 1903 г. Ц. 1 р. Почти всѣ разсказы г. Серафимовича посвящены изображенію жизни рабочаго люда. Главные герои его произведеній—тяжелый трудъ, безысходная нужда и молчаливое горе. Онъ одинаково хорошо видитъ ихъ и въ спертой темнотѣ подземныхъ шахтъ, и въ тишинѣ черной, чутко насторожившейся ночи на водѣ, и среди безконечныхъ снѣговыхъ полей озаренной серебристымъ сіяніемъ тундры. Жизнь его, рабочаго люда, какъ бы сливается съ жизнью окружающей ихъ природы въ одномъ настроеніи, растворяется въ одномъ чувствѣ, властно захватывая въ свой потокъ смущенную думу читателя, заставляя его на нѣсколькихъ страницахъ пережить все то, что въ жизни переживается годами. Чтобы выяснить общій характеръ творчества г. Серафимовича, не передавая содержанія большинства его разсказовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собою цѣлую, законченную и вполнѣ художественную вещь, мы подробнѣе остановимся на одномъ изъ нихъ, носящемъ заглавіе „Въ камышахъ“. Рыбаки отправляются на запрещенную ловлю въ заповѣдныхъ водахъ, не постигая этого запрещенія, считая себя совершенно правыми, потому что право собственности въ ихъ міропониманіи покоится на трудовомъ началѣ. „По темной водѣ чуть-чуть выдѣлялся камышъ; онъ стоялъ черной стѣной, сливаясь съ черной тьмой окружающей ночи. Ночь была тихая, безмолвная, неподвижная. Чудилось, какъ кто-то шуршалъ въ камышѣ и шевелились въ темнотѣ метелки. Вверху также было черно, недповижно и тихо. Нельзя было разобрать, что подвигалось вдоль темной стѣны камыша. Казалось, это плыло черное, неуклюжее бревно и только по правильности его поворотовъ можно было догадаться, что это

лодка. Весла осторожно и беззвучно опускались и поднимались изъ воды, и лишь звукъ капель, падавшихъ съ нихъ въ воду, выдавалъ движеніе. Но вотъ и капли перестали падать, пересталъ шуршать камышъ, и метелки больше не кланялись и не шевелились въ темнотѣ. Эта безразличная, безформенная, стоявшая вездѣ тьма, казалось, вся была наполнена ожиданіемъ чуткимъ, напряженнымъ и осторожнымъ". Какое великолѣпное лирическое описаніе ночи, пронизанное тѣмъ настроеніемъ, какое испытываютъ рыбаки! Настроеніе это все растетъ и достигаетъ своего апогея, когда рыбаковъ увидали и за ними погнался маленькій катеръ. Тревожное, напряженное ожиданіе переходитъ въ лихорадочное, безумное напряженіе бѣгства. Весла трещатъ подъ напоромъ четырехъ людей, которые рвутся, какъ бѣшеные. Лодка не плыветъ, а дергается скачками, вздымая передъ собой горы невидимой, шумящей въ темнотѣ пѣны. „Кругомъ все тревожно встрепенулось; зашелестѣлъ, заговорилъ камышъ, закрякали, закричали потревоженныя утки, заукала выпь. Ночь, проснувшаяся и перепуганная спросонокъ, заговорила на разные голоса, и кругомъ какъ будто бы стали обрисовываться неясные и странные контуры". Бѣглецовъ догнали, по бортамъ лодки защелкали пули, насталъ острый моментъ мучительной борьбы, и потомъ вдругъ что-то оборвалось, послѣ страшнаго напряженія наступила странная тишина. „Катеръ тихонько пошелъ слѣдомъ, сдержанно пыхтя, точно чувствуя, что острота борьбы и напряженія кончилась, и наступило печальное и грустное. Кругомъ пропала таинственность ночи, просто было темно, шуршалъ камышъ и плескалась вода". Этотъ разсказъ напоминаетъ намъ лучшіе разсказы Короленка.

Изъ другихъ разсказовъ, изъ тѣхъ, герои которыхъ болѣе рельефно выступаютъ изъ общаго фона картины, слѣдуетъ отмѣтить разсказъ „Подъ уклонъ". Въ колеблющемся сумракѣ вагона всплываетъ передъ вами добродушное, веснусчатое лицо кондуктора, торопливо разсказывающаго случайному собесѣднику, сумѣвшему затронуть сокровенныя струны его сердца, свою конченную жизнь: „шестнадцать лѣтъ я только и зналъ, что вагонъ, да станція. Вагонъ для насъ все—и семья, и церковь, и домъ", и всѣ эти 16 лѣтъ тяжелый трудъ связанъ съ постояннымъ страхомъ потерять мѣсто изъ-за зайцевъ; а не возить этихъ зайцевъ нельзя: сынъ учится въ гимназіи и вывести его въ люди—единственная цѣль въ жизни. „Вотъ и тянусь, въ веревочку вьюсь, чтобы Ванятку человѣкомъ сдѣлать, чтобы память по себѣ оставить... Никто не посмѣетъ тогда не то что въ морду или въ зубы заглянуть, или обругать, а и грубое слово сказать; всѣ къ нему съ уваженіемъ; не надо ему будетъ воровать, зайцевъ, крадучись, возить, какъ отецъ возилъ". Эта трогательная, задушевная мечта сѣраго человѣка умиляетъ васъ.

Рядъ историческихъ романовъ. Переводъ подъ редакціей, съ введеніемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Изд. картографич. завед. Ильина. Спб., 1902 г. 1) Эженъ Сю —„Жанъ Кавалье". 2) Жоржъ Зандъ — „Янъ Жижка". 3) Пьеръ Абеляръ — „Исторія моихъ бѣдствій". Изъ трехъ названныхъ выше историческихъ романовъ, на нашъ взглядъ, наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ этого рода произведеніямъ, романъ Эжена Сю. Написанъ онъ опытнымъ во всякомъ случаѣ романистомъ, хорошо изучившимъ изображаемую эпоху. Бѣда только въ томъ, что рисуемая имъ сторона ея представляетъ собою только узенькій уголокъ широкой картины, по которому довольно трудно судить о цѣломъ. Кучка камизаровъ—лишь одинъ изъ протестантскихъ островковъ на обширномъ католическомъ морѣ тог-

дашней Франціи, а борьба съ нею только одинъ изъ эпизодовъ конца царствованія Людовика XIV. Но изображена она во всякомъ случаѣ очень неудачно. Этого нельзя сказать объ „Янѣ Жижкѣ“. Жоржъ Зандъ, конечно, талантливая писательница, но она познакомилась съ изображаемою ею эпохой только по солидному, но старому (1729 г.) труду Ланфана—„Histoire de la guerre des Hussites“, который она сама называетъ столь же цѣннымъ, сколько и неудобоваримымъ. Отсюда она извлекла нѣсколько страницъ въ видѣ справки, которою воспользовалась для двухъ повѣствованій, предпринятыхъ ею подъ заглавіемъ „Консуэло“. „Объѣзжая Богемію слѣдомъ за моей героиней,—говоритъ она въ предисловіи,—я была поражена сохранившимися тамъ воспоминаніями о давнишнихъ подвигахъ Я. Жижки и его товарищей. Я набросала кое-какія замѣтки. Эти замѣтки я и передаю теперь читателямъ, съ просьбою не принимать ихъ ни за романъ, ни за исторію: это простой разсказъ о дѣйствительныхъ событіяхъ, смыслъ и значеніе которыхъ я искала болѣе въ своемъ чувствѣ, чѣмъ во мглѣ учености“. Къ сказанному нельзя не прибавить, что поиски эти далеко не всегда сопровождались успѣхомъ, и оттого разсказъ не отличается особенною связностью. Всего труднѣе было автору, при его чрезвычайной гуманности, понять свирѣпый фанатизмъ таборитовъ, а между тѣмъ онъ составляетъ одну изъ характернѣйшихъ особенностей движеній подобнаго рода. Наконецъ, исторія злоключеній Абеляра и Элоизы представляетъ интересъ больше психологическій, чѣмъ историческій. Оба они и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи были людьми слишкомъ исключительными, чтобы представлять рельефно свое время; отъ этого и жилось имъ такъ тяжело. Притомъ самая судьба ихъ отличалась крайнею причудливостью. Наконецъ, въ приведенныхъ письмахъ описывается не столько самый романъ, сколько его отдаленныя послѣдствія, и почти не встрѣчается указаній на важную роль Абеляра въ умственной жизни эпохи. Что касается введеній и примѣчаній проф. Трачевскаго, то они изложены въ его обычной манерѣ; намъ кажется, они много выиграли бы, если бы не страдали излишнею вычурностью и претензіями на ученость.

С. Макарова. Отголоски старины. „Волховецъ и Полиста“, „Ефанда“, „Братья-враги“, „Прекраса“, „Красное солнышко“. М. 1902 г. Цѣна каждой книжки съ рисунками отъ 30 до 40 к. Едва ли даже удачно общее заглавіе этихъ историческихъ разсказовъ, потому что здѣсь мы находимъ „отголоски“ не „старины“, а „устарѣвшихъ“ взглядовъ на древній періодъ русской исторіи и на самый бытъ русскихъ славянъ. Разсказы г. Макаровой отдаютъ чѣмъ-то необыкновенно затхлымъ и наивнымъ въ духѣ тѣхъ сантиментальныхъ поддѣлокъ подъ историческіе разсказы, которые пользовались успѣхомъ у читателей конца XVIII вѣка. Съ другой стороны, онѣ представляютъ довольно неумѣлую популяризацію тѣхъ теорій о древне-славянской и старо-русской миѳологіи, которыя въ одно время, дѣйствительно, царили съ легкой руки Аѳанасьева, Снегирева и московскихъ славянофиловъ. Уже самая славянизація именъ можетъ вызвать только улыбку въ самомъ нетребовательномъ читателѣ. Предъ нами проходитъ утомительно-скучная галлерея безформенныхъ, вслѣдствіе чрезмѣрной идеализаціи, героевъ, русскихъ и славянъ по именамъ, и интернаціональныхъ абстракцій, по физіономіи годныхъ для статистовъ въ балетъ русскаго производства начала XIX вѣка. Всѣ эти Прекрасы, Славны, Услады, Умилы, Ефанды, Иворы, Искусы, Простѣны, Сфандры, Русы, Ротлазы, Малы, Волховцы, Малки, Шельды, Мсты, Боры, Жильтуги, Блуды, Вражки, Предславы, Каницары, Акуны,

Турбиды и прочій персонажъ, взятый напрокатъ изъ „Славянскаго именослова“ Морошкина или изъ убійственно-туманнаго либретто „Млады“,— все это, повторяемъ, не только не даетъ понятія юнымъ читателямъ о реальномъ бытѣ первыхъ вѣковъ самостоятельной русской жизни, но, наоборотъ, заставитъ думать, что всякая старина привлекательна и что европейская культура уничтожила весь трескъ и блескъ „добраго“ стараго времени. Кромѣ того, самыя темы для разсказовъ не далеко ушли отъ анекдотовъ изъ учебниковъ Иловайскаго, герои говорятъ какимъ-то необыкновенно изящнымъ языкомъ съ претензіей на высокопарный стиль Карамзина и съ поддѣлкой подъ простой и мощный языкъ первоначальной кіевской лѣтописи. Добродѣтельные поступки и наказанный порокъ чередуются другъ съ другомъ и переплетаются или со старинными обрядовыми пѣснями и гимнами въ честь несуществовавшихъ боговъ и божествъ славянскаго Олимпа или же съ самыми простыми, простонародными, пѣснями вродѣ „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту“ („Прекраса“, стр. 12), „Ахъ, кабы на цвѣты не морозы“ („Волховецъ и Палиста“, стр. 30), „Лежитъ въ полѣ дороженька, пролегаетъ (тамъ же, стр. 40) и т. п. Если книги г-жи Макаровой могли пользоваться успѣхомъ въ началѣ 80 гг., когда вышло первое ихъ изданіе, то теперь едва ли кто-нибудь можетъ повѣрить въ ту аркадію, которую съ такой простодушной вѣрой рисуетъ намъ авторъ.

А. Кирпищикова. Повѣсти и разсказы. Книга I. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М., 1902 г. Ц. 70 к. Въ книжкѣ три большихъ разсказа; изъ нихъ два первыхъ („Порченая“, „Какъ жили на Куморѣ“) описываетъ бытъ заводскихъ крестьянъ пятидесятыхъ годовъ на Уралѣ до освобожденія отъ крѣпостной зависимости; послѣдній, „Изъ-за куска хлѣба“, затрогиваетъ уже новую тему—переселеніе на привольныя мѣста Томской губерніи. Крѣпостное право пало, сильно ударивъ однимъ своимъ концомъ по заводскимъ крестьянамъ, не пріучившимся къ земледѣлію; часть заводовъ должна была при новыхъ порядкахъ и измѣнившихся экономическихъ отношеніяхъ прекратить свою дѣятельность, а крестьяне, получавшіе прежде жалованье натурой, остались „безъ куска хлѣба“. Такимъ образомъ, послѣдній разсказъ является какъ бы невольной антитезой первымъ двумъ. Однако, надо замѣтить, что авторъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ рисуетъ одинаково бѣдственное положеніе крестьянъ, одинаковыми красками изображаетъ полную экономическую зависимость, бѣдность, мракъ, невѣжество и безпомощность крѣпостныхъ и свободныхъ.

Разсказы написаны просто, и темы ихъ, взятыя изъ простой, близкой къ природѣ жизни, не украшенной аксессуарами городской культуры, такъ же просты, какъ первобытная окружающая уральскихъ крестьянъ обстановка и способы разработки горныхъ богатствъ прежними, чуть не Петровскими заводами, съ „приписными крестьянами“. Эта своеобразная простота содержанія изложенія находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ близкимъ знаніемъ быта горнозаводскихъ крестьянъ. Простую народную рѣчь авторъ передаетъ искренне, безъ вычурныхъ словъ и провинціализмовъ. Простыя по внѣшнему виду положенія имѣютъ по своему внутреннему смыслу глубокую трагичность. Таковы достоинства книжки А. Кирпищиковой..

Однако въ этихъ разсказахъ есть одинъ существенный недостатокъ, выступающій, когда книжка прочитывается подъ рядъ, цѣликомъ и когда такимъ образомъ обрисовывается вся общая манера писателя. Этотъ недостатокъ заключается въ нѣкоторой монотонности описанія, въ отсут-

ствіи яркихъ контуровъ и границъ. Иногда характерное исчезаетъ въ рядѣ подробностей и теряетъ свою силу, нѣтъ той центральной точки, на которой могло бы остановиться вниманіе читателя; получаются не „Разсказы и повѣсти“, а отрывки безъ начала и конца. Этотъ недостатокъ указываетъ на литературную неопытность автора, на неумѣніе пользоваться своими наблюденіями и распредѣлять свои силы.

П. Соломко. Маленькія драмы. Этюды. Спб. Ц. 80 к. Каждый годъ на книжный рынокъ выбрасывается цѣлая масса беллетристическихъ произведеній. И быть можетъ, единственнымъ читателемъ всей этой массы, безъ различенія хорошаго и дурного, полезнаго и вреднаго является рецензентъ, читающій эти произведенія по обязанности. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, если иногда онъ отзывается о той или иной книгѣ съ раздраженіемъ, тогда какъ она заслуживала бы лишь презрительнаго молчанія. Зато врядъ ли можно найти болѣе обрадованнаго и снисходительнаго читателя, чѣмъ тотъ же рецензентъ, кѳгда онъ встрѣчаетъ литературное произведеніе, носящее на себѣ признаки хотя бы маленькаго таланта. Такимъ произведеніемъ является лежащая передъ нами книжка разсказовъ неизвѣстнаго намъ до сихъ поръ г. Соломко. Темы его разсказовъ нѣсколько эпизодичны, но въ каждомъ изъ нихъ чувствуется дарованіе, и мы съ радостью привѣтствуемъ незнакомаго намъ автора, надѣясь, что изъ-подъ его пера современемъ выйдетъ что-либо болѣе крупное. Вотъ содержаніе одного изъ разсказовъ, наудачу выхваченнаго нами изъ книжки, — „Отцы“. Въ канунъ Новаго года инженеръ Полетаевъ сидитъ въ своемъ баракѣ, среди занесенныхъ снѣгомъ полей, на строящейся линіи новой желѣзной дороги и скучаетъ. Его товарищи-инженеры поѣхали встрѣчать Новый годъ куда-то въ гости, а онъ остался изъ-за мелкихъ, нестоящихъ дѣлишекъ; послѣ же полудня завернулъ буранъ и пришлось оставить всякую мысль о поѣздкѣ. Вся прошлая жизнь проносится передъ нимъ подъ аккомпанементъ завывающей вьюги. Онъ принадлежитъ къ разряду людей, любящихъ такое отношеніе къ жизни, которое не позволяло бы замѣчать, что живешь; ему хочется новизны, наслажденій и свободы. И вотъ послѣ того, какъ семья сузила его и заставила сдерживаться, онъ бросилъ и ее, какъ случайныхъ, сильно надоѣвшихъ знакомыхъ, и кочуетъ теперь съ постройки на постройку. На утро, когда изъ гостей вернулись подгулявшіе инженеры, они и Полетаевъ находятъ въ снѣгу замерзшій трупъ башкира, который погибъ въ поискахъ за сыномъ, заблудившимся въ эту снѣжную ночь. Простая и ужасная драма родительской любви развертывается передъ Полетаевымъ при видѣ этого трупа, и онъ отходитъ отъ него подавленный и смущенный. Мы передали голый остовъ этого разсказа, и, конечно, не могли передать тѣхъ тонкихъ психологическихъ черточекъ и оттѣнковъ, которые дѣлаютъ понятной и близкой для насъ душевную драму самого Полетаева.

И. П. Бѣлоконскій. Деревенскія впечатлѣнія. (Изъ записокъ земскаго статистика). Томъ II. Изд. ред. „Образованія“. Спб., 1903 г. Ц. 80 к. Большинству читателей, вѣроятно, знакомы эти интересные очерки, изъ которыхъ многіе были напечатаны въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Авторъ искренне описываетъ (въ беллетристической формѣ) все, что ему пришлось видѣть и слышать въ качествѣ земскаго статистика. Въ результатѣ передъ нами возстаетъ довольно яркая картина помѣщичьей и крестьянской некультурности,—невеселая родная картина, въ характерномъ сочетаніи своихъ трагическихъ и комическихъ красокъ.

Владиміръ Короленко. Безъ языка. (Разсказъ). Изд. ред. журн. „Русское Богатство“. Спб., 1903 г. Ц. 75 к. Читатели, несомнѣнно, зна-

ютъ этотъ милый разсказъ, напечатанный раньше въ *Русскомъ Богатствѣ*. Волынскій крестьянинъ, не зная того языка, который могъ бы довести его до американскаго Кіева, попалъ въ Америку и заблудился среди ея людей и городовъ, испыталъ много траги-комическихъ приключеній. Исторія его мытарствъ передана задушевно и съ теплымъ юморомъ. Отдѣльныя страницы разсказа исполнены поэзіи и задумчивой красоты. Можно бы пожелать ему большей сжатости и энергіи, болѣе тонкой психологіи,—но нельзя не отдаться его мягкой власти.

А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Второе изданіе. Спб., 1903 г. Ц. 1 р. Печальная эпопея одиночнаго заключенія разсказана г. Фаресовымъ, въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, живо и выразительно. Безконечно-изобрѣтательныя попытки узниковъ сноситься между собою, несмотря на бдительность тюремщиковъ, производятъ на читателя сильное и горькое впечатлѣніе. Но было бы лучше, если бы авторъ въ своихъ воспоминаніяхъ не удѣлялъ такъ много значенія и мѣста сантиментально-романическому элементу своей тюремной жизни. Отъ него вѣетъ какою-то сочиненностью, и во всякомъ случаѣ онъ для другихъ не интересенъ.

Символистъ. Басни. Изданіе книжнаго магазина „Трудъ“. 1903 г. Бо̀льшая часть басенъ г. Символиста забавны и милы. Стрѣлы изъ его колчана нерѣдко попадаютъ въ женщинъ, въ бездарныхъ поэтовъ, не минуютъ онѣ и пресловутой тещи; но иногда мишень ихъ болѣе серьезна. Легкій стихъ, неожиданныя риѳмы, капля - другая чистаго юмора — все это дѣлаетъ почти каждую басню нашего автора интересной и живой. Приведемъ одну изъ нихъ.

Регистры пѣнія.

Душой и сердцемъ чистъ и простъ,
Про все въ лѣсу пѣлъ громко дроздъ:
Про тщетныя надежды дикихъ утокъ,
Про сплетни соекъ баломутокъ,
Про флиртъ чечотокъ и синицъ,
И даже предъ совой не падалъ ницъ,
И пѣлъ о томъ не мало,
Что отъ совы въ лѣсу житья не стало.
Лѣсникъ и говоритъ дрозду:
„Свою кривишь напрасно борозду!
Какіе ты имѣешь виды,
Чиня совѣ обиды?
Коль про нее такъ громко будешь пѣть,
То можешь претерпѣть“...
А дроздъ:—„люблю, чтобъ то и это
Какъ можно громче было спѣто,
И если брать нельзя мнѣ громкихъ нотъ,
Закрою ротъ“...
—„А почему бы“?—
Сказалъ лѣсникъ, отпятивъ губы.—
„Есть разные регистры, милый мой.
О томъ, что холодно зимой
И что весной теплѣе,
Fortissimo валяй, гортани не жалѣя;
А что весной любовь
Волнуетъ птицамъ кровь,
Объ этомъ, разсуждая строго,
Потише надо пѣть немного...
А что ютится здѣсь когтистая сова,
Pianissimo ты пой, едва, едва...
О томъ же, что она пируетъ слишкомъ пышно,
Ты долженъ пѣть совсѣмъ, совсѣмъ не слышно:
Подобныхъ важныхъ дамъ
Въ обиду я не дамъ.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія. Т. IV. Спб., 1903 г. Ц. 2 р. Содержаніе новыхъ стихотвореній г-жи Лохвицкой въ существенныхъ чертахъ сходно съ содержаніемъ первыхъ трехъ томовъ ея сочиненій. Первенствуетъ въ звучныхъ стихахъ, въ яркихъ образахъ, попрежнему любовь:

„Солнцемъ жизни моей мнѣ любовь засвѣтила твоя,
Ты—мой день. Ты—мой сонъ. Ты—забвенье отъ мукъ бытія.
Ты—кого я люблю и кому повинуюсь любя.
Ты—любовью возвысившій сердце мое до тебя“.

Очень изящно въ такомъ же духѣ стихотвореніе „Лилитъ“ (первоначально оно было напечатано въ нашемъ журналѣ). Звучатъ и другія ноты. Въ стихотвореніи „Брачный вѣнокъ“ вдохновенный поэтъ говоритъ такія слова:

„Отрекись отъ тлѣнной красоты,
Высоко ведетъ твоя дорога,
Въ свѣтлый край, въ сады живого Бога,
Гдѣ цвѣтутъ безсмертные цвѣты“.

Г-жа Лохвицкая теперь восклицаетъ иногда:

„Веди меня путемъ познанія,
Къ недостижимымъ небесамъ“.

Хотя призывъ этотъ, именно въ силу такой недостижимости, цѣли не достигнетъ. Для г-жи Лохвицкой, „жизнь—это сонъ бытія“. Она проситъ *Чернаго ангела* „не гасить на полѣ битвы материнскую любовь“. Стихотвореніе „На смерть Грандье“, аббата, сожженнаго въ 1634 году по обвиненію въ колдовствѣ, проникнуто гуманнымъ чувствомъ. Имъ же дышитъ другое, начинающееся словами: *Въ долинѣ лиліи цвѣтутъ безгрѣшной красотой* (противъ ужасовъ войны).

Есть въ сборникѣ г-жи Лохвицкой и большая драма въ стихахъ, въ пяти актахъ, „Безсмертная любовь“. Но эта фантастическая пьеса, съ чертями и вѣдьмами, слабое произведеніе.

Германъ Баръ. Апостолъ. Драма. Перев. съ нѣмец. Е. Эгертъ. Трудно сказать, какіе мотивы побудили г. переводчика познакомить нашу публику съ писателемъ такой невысокой пробы, какъ авторъ „Апостола“. Баръ типическій литераторъ-модникъ. Онъ началъ свою карьеру—иначе не назовешь его дѣятельности—натуралистомъ. Первая его драма „Новые люди“ не лишена значенія, какъ прообразъ „Одинокихъ“ Гауптмана. Потомъ Баръ побывалъ въ Парижѣ—и тамъ ему сказали, что натурализмъ умеръ. Съ этимъ сенсаціоннымъ извѣстіемъ пріѣхалъ онъ въ Берлинъ, примкнулъ къ кружку писателей, сгруппировавшихся около редактора журнала *Freie Bühne*, Брама, и сталъ пропагандировать очень крикливо и очень каррикатурно въ теоріи и на практикѣ послѣднія слова парижской цивилизаціи: Décadence—Fin de Siècle—Moderne. (Die gute Schule—Caph—Fin de Siécle—Zuz Kritik der Moderne—Ueberwindung des Naturalismus.)

Въ началѣ 90-хъ годовъ Баръ переѣхалъ въ Вѣну, сдѣлался редакторомъ журнала *Die Zeit* и вдругъ возвѣстилъ о рожденіи еще новой поэзіи—вѣнской (Шницлеръ, Гофмансталь): онъ и самъ усердно принялся писать пьесы въ этомъ самоновѣйшемъ стилѣ („Tschapperl“, „Der Star“, „Der Atlet“).

Послѣдняя его драма „Апостолъ“ по замыслу, правда, интересна. Въ наше время истинно-захватывающая драма едва ли возможна въ предѣлахъ индивидуальной, личной жизни, а лишь въ мірѣ политическихъ и

соціальныхъ отношеній съ ихъ рѣзкими классовыми и массовыми коллизіями. Недавно Зудерманъ сдѣлалъ попытку взять сюжетомъ для драмы жизнь парламента („Es lebe das Leben“), попытку неудачную, во-первыхъ, потому, что партійные интересы были просто искусственно, сбоку, пристегнуты къ довольно обыкновенной семейной исторіи, а во-вторыхъ, потому, что политическая борьба происходила за кулисами.

Баръ поступаетъ умнѣе и переноситъ парламентъ прямо на подмостки театра (II д.). Но сцена парламентскаго засѣданія рисуетъ въ гораздо большей степени отдѣльныхъ ораторовъ, чѣмъ стоящія позади нихъ компактныя группы населенія съ ихъ настроеніями и интересами: дебаты получаютъ такимъ образомъ характеръ простого словеснаго турнира, а не эпизода изъ общественной жизни страны. Пьеса написана далѣе съ явной тенденціей дискредитировать парламентъ. Если вѣрить Бару, то большинство депутатовъ руководится въ гораздо большей степени личными соображеніями, чѣмъ классовыми интересами (вся министерская партія), часть движима честолюбіемъ (Андри, Голь), и только всего-навсего одинъ человѣкъ—самъ министръ, онъ же „апостолъ“, думаетъ о правдѣ и справедливости, заботится о благѣ націи. Въ дѣйствительности личные мотивы играютъ, конечно, гораздо меньшую роль, чѣмъ соціально-политическіе факторы.

Въ пьесѣ изображается крушеніе министерской партіи. Жена министра безъ его вѣдома брала черезъ депутата Голя деньги изъ національнаго банка. Министръ защищаетъ въ парламентѣ проектъ, что постройку канала необходимо довершить не компаніи американскихъ капиталистовъ, а именно національному банку. Такъ какъ Голь не получилъ мѣста префекта, на которое разсчитывалъ, то онъ показываетъ въ отместку депутатамъ заемныя квитанціи. Подъ свистъ и гамъ присутствующихъ министерская партія проваливается. Если подобные случаи и бываютъ, то они во всякомъ случаѣ совершенно исключительные. Въ порывѣ отчаянія министръ сначала готовъ задушить жену, потомъ онъ долженъ признаться, что былъ самъ виноватъ: онъ жилъ съ супругой не душа въ душу, они были другъ другу чужіе. Политическая трагедія сбивается такимъ образомъ фатально опять на семейную драму.

Въ концѣ пьесы развѣнчанный министръ такъ излагаетъ свою дальнѣйшую программу: „Покоримъ людей своей любовью,—говоритъ онъ.—Не надо больше партій. Не надо рѣчей. Будемъ жить тихо среди людей и постепенно покорять ихъ“ (подразумѣвается любовь).

Итакъ, парламентскій строй не способенъ рѣшить сложныхъ вопросовъ современной соціальной жизни, будемъ любить другъ друга и настанетъ золотой вѣкъ. Приблизительно такъ если не разсуждалъ, то чувствовалъ гоголевскій Маниловъ.

Въ пріемахъ компановки, въ характеристикѣ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ (министра и Андри), а также въ нѣкоторыхъ сценахъ замѣтно сильное подражаніе пьесѣ Аннунціо „La gloria“, вплоть до желанія подняться на высоту его страстнаго темперамента: получаются однако только спазмы и крики.

Нѣкоторыя мѣста пьесы вызываютъ невольную улыбку, напримѣръ, сцена, гдѣ министръ прячется въ испугѣ подъ столъ (III д.). Переводчикъ еще усилилъ комическій элементъ. Онъ заставляетъ, наприм., депутатовъ кричать: Хох! Хох! (стр. 103, 105). „Hoch“, значитъ не Хох, а да „здравствуетъ“ или „ура“.

Станиславъ Пшибышевскій. Homo sapiens. Романъ въ 3 част. Переводъ М. Н. Семенова. Книгоиздательство „Скорпіонъ“ задумало

издать (почти) полное собраніе сочиненій С. Пшибышевскаго, принадлежащаго одинаково польской и нѣмецкой литературѣ. Свѣдѣнія о его личности и творчествѣ можно найти въ статьѣ г. Дегена (*Русск. Богатство,* 1902 г., № 4).

Мы не думаемъ, чтобы романъ Homo sapiens доставилъ читателямъ большое наслажденіе (неумѣніе рисовать живыхъ людей, однообразіе сюжета, многословіе, наивная идеализація сверхчеловѣка, культъ эротики—все это должно скорѣе оттолкнуть, чѣмъ привлечь). Но для изслѣдователя новѣйшей, особенно нѣмецкой литературы Пшибышевскій—писатель интересный. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые задались цѣлью рисовать людей внѣ соціальной среды, рисовать „обнаженныя души", какъ Метерлинкъ во Франціи, Ола Гансонъ въ Швеціи. Онъ оказалъ большое вліяніе на такихъ писателей, какъ Шляфъ (см. Möller-Bruck: Die moderne Litteratur, т. VI) или Демель (см. Servaet: Praeludien).

Пшибышевскій интересенъ и для историка нѣмецкаго общества, такъ какъ онъ былъ виднымъ представителемъ поколѣнія деклассированныхъ интеллигентовъ 80-хъ годовъ, совершившихъ эволюцію отъ соціализма черезъ ницшеанство къ декадентству. Этотъ переходъ отъ демократическаго къ индивидуалистическому міросозерцанію выступаетъ и въ романѣ Homo sapiens (часть II, гл. VII; часть III)—довольно неожиданно для читателя, незнакомаго съ исторіей этого поколѣнія интеллигенціи.

Напрасно только издатели не выпустили раньше юношескія произведенія Пшибышевскаго—„Заупокойную мессу" и „Vigilia", потому что эротическія настроенія героя романа Homo sapiens покажутся читателю черезчуръ идіотскими, если онъ предварительно не познакомится съ изложенной въ упомянутыхъ произведеніяхъ эротической философіей автора.

Эти раннія произведенія должны войти въ третій томъ собранія сочиненій: это тѣмъ болѣе жаль, что разсыпанныя въ „Заупокойной мессѣ" автобіографическія данныя дали бы читателю возможность нѣсколько освоиться съ этимъ страннымъ писателемъ, у котораго теперь столько же восторженныхъ поклонниковъ, сколько страстныхъ враговъ.

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА.

Г. Новополинъ. Глѣбъ Успенскій.—*Е. Рагозинъ.* Желѣзо и уголь на Уралѣ.—*В. М. Дорошевичъ.* Сахалинъ. Т. I.—*П. Милюковъ.* Изъ исторіи русской интеллигенціи.—*П. Д. Боборыкинъ.* Вѣчный городъ.

Г. Новополинъ. Глѣбъ Успенскій. Опытъ литературной характеристики. Харьковъ, 1903 г. Ц. 35 к. „Глѣбъ Успенскій забытъ. Съ этимъ фактомъ можно мириться или нѣтъ, но не принять его нельзя. Онъ бьетъ въ глаза своей рѣзкостью. Еще недавно центральная фигура нашей литературы, окруженная вниманіемъ критики, идолъ интеллигенціи и читающей публики, имя Успенскаго окончательно тонетъ въ лучахъ новыхъ звѣздъ литературы. Критики перестали имъ давно заниматься, а охлажденіе читающей публики растетъ съ каждымъ днемъ". Такъ начинаетъ г. Новополинъ свою брошюру и совершенно справедливо замѣчаетъ, что причины этого охлажденія не могутъ лежать въ самомъ творчествѣ Успенскаго. При всей неровности и невыдержанности его таланта за нимъ должна быть признана большая сила художественнаго творчества, которая въ связи съ богатствомъ идей и широкихъ обобщающихъ наблюденій, невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя, стремящагося понять и охватить разрозненныя явленія русской жизни. Авторъ

разбираемой нами брошюры находитъ, что равнодушіе читающей публики къ Успенскому зависитъ отъ переживаемаго нами безвременья, которое будто бы до того принизило наши душевныя силы, что мы потеряли способность благоговѣть передъ личностью, отдавшей всю свою жизнь и талантъ на служеніе народу. Правда, жалобы на безвременье слышатся съ разныхъ сторонъ; жалуются и отцы, и дѣти, и либералы, и даже консерваторы. И вотъ г. Новополинъ думаетъ, что „волна реакціи, смывшая цѣлый строй идей и идеаловъ, отрезвившая головы новыхъ поколѣній, вынесла на житейскій берегъ новыхъ кумировъ. Кому изъ нихъ удавалось зафиксировать овладѣвшее въ данную минуту настроеніе, тотъ и становился центральной фигурой. Вся сила состояла не въ строѣ идей и идеаловъ, тревожившихъ того или другого писателя, часто даже не въ талантѣ, а въ общности его настроенія и идеаловъ съ настроеніемъ и идеалами общества“. Поэтому-то молодые таланты не только быстро возводятся на пьедесталъ, но и быстро свергаются съ него. Все, что не совпадаетъ съ этими перемѣнчивыми приливами и отливами общественнаго настроенія, хотя бы само по себѣ представляло выдающійся общественный и художественный интересъ, отметается, какъ ненужное, или предается равнодушному забвенію. Мы не можемъ согласиться съ подобными категорическими утвержденіями и объясненіями г. Новополина. Вѣдь самъ же онъ приводитъ недавнее чествованіе памяти Бѣлинскаго, которое доказываетъ, что господствующее въ данную минуту настроеніе не можетъ затемнить или заставить забыть большихъ людей нашей родины. И мы думаемъ, что самый фактъ полнаго забвенія имени Успенскаго рѣшительно ничѣмъ не доказанъ г. Новополинымъ. Другое дѣло,— утвержденіе автора, что Успенскій до сихъ поръ не получилъ всесторонней и вѣрной оцѣнки. Въ самомъ дѣлѣ, Успенскій слишкомъ часто разсматривался лишь какъ бытописатель крестьянства и крестьянской жизни. Этотъ односторонній взглядъ приводитъ, конечно, и къ неполнымъ, и одностороннимъ результатамъ. Правда, крестьянству и крестьянской жизни посвящена добрая половина произведеній Успенскаго, сумѣвшаго такъ полно охватить всѣ проявленія этой жизни, такъ правдиво освѣтить ихъ; но вѣдь другая половина его произведеній рисуетъ, по его собственному выраженію, „картину нравовъ русской провинціальной разночинной толпы“ и жизнь захолустныхъ городовъ. Другіе критики признавали за Успенскимъ лишь художника-бытописателя русской жизни и прямо глумились надъ попытками искать въ его произведеніяхъ общую идею, пріобщить его дѣятельность къ эпохѣ, окрашенной извѣстнымъ міросозерцаніемъ. Но, несомнѣнно, если брать Успенскаго всего, какъ онъ есть, не расчленять искусственно въ немъ публициста и художника, то придется говорить объ его идеяхъ и идеалахъ. Г. Новополинъ довольно мѣтко объясняетъ постоянную склонность крупныхъ русскихъ художниковъ къ экскурсіямъ въ область публицистики. „Дѣло просто въ условіяхъ русской дѣйствительности, которая не соотвѣтствуетъ той тоскѣ по положительнымъ идеаламъ, съ которыми подходятъ къ ней крупныя художественныя силы. Дѣйствительность эта далека отъ самыхъ скромныхъ идеаловъ и не даетъ матеріала для созданія въ реальныхъ краскахъ положительнаго идеала. Отсюда безконечная галлерея отрицательныхъ портретовъ, съ одной стороны, и неудачныя попытки создать положительные типы. Наиболѣе чуткіе къ дѣйствительности художники, сознающіе тщету въ реальныхъ образахъ нарисовать положительные типы, непосредственно переходятъ къ публицистикѣ“.

Наиболѣе удачными попытками характеристики Успенскаго, какъ пи-

сателя, были статьи гг. Протопопова и Михайловскаго. Но г. Протопоповъ ошибался, утверждая, что Успенскій совсѣмъ не вѣрилъ въ просвѣтительную миссію интеллигенціи и восхищался гармоничностью жизни крестьянъ. Въ разсказѣ „Изъ разговоровъ съ пріятелями“ Успенскій прямо называлъ мужика не только представителемъ стихійныхъ условій, но и говорилъ, что эти вѣковые народные устои расшатываются при первомъ соприкосновеніи съ городской жизнью и что интеллигенціи слѣдуетъ со свѣточемъ знанія спѣшить къ народу.

Г. Новополинъ характеризуетъ Успенскаго, какъ громадный художественный и въ высшей степени правдивый талантъ, не издавшій за всю свою литературную дѣятельность ни единаго фальшиваго звука, вскрывавшаго самые болѣзненные общественные наросты; но иногда, утомленный картинами, нарушающими душевную гармонію, онъ увлекался и цѣлостью западно-европейской жизни, и стройностью жизни патріархально-земледѣльческой, и при сознательномъ своемъ отношеніи къ этой жизни выработалъ себѣ идеалъ личности, уравновѣшенной въ своихъ потребностяхъ, удовлетворяющей всѣ свои потребности и сознательно относящейся къ своему развитію. Успенскій не простой наблюдатель жизни; жизнь въ немъ вызываетъ сердечное содроганіе и потребность перестроить ее по образцу, исключающему страданія. Успенскій—знатокъ русской интеллигенціи съ ея вѣчно больною совѣстью, вносящей разладъ между словомъ и дѣломъ и обусловливающей столько душевныхъ мукъ. Но эта интеллигенція сильна мыслью и сознательнымъ къ себѣ отношеніемъ, и онъ вручаетъ въ ея руки дѣло перевоспитанія ума и совѣсти народа. „Условно Успенскій, конечно, народникъ. Да, онъ восхищается патріархальной жизнью народа и прелестью земледѣльческаго идеала; да, онъ находитъ народные устои тѣмъ образчикомъ существованія, до котораго европейская мысль дойдетъ черезъ вѣка. Но эти идеалы прекрасны только въ отвлеченіи. При анализѣ же реальной крестьянской жизни Успенскій является злѣйшимъ врагомъ народническихъ иллюзій и взглядовъ. Эти идеалы достались русскому крестьянину даромъ, они рушатся при первомъ дуновеніи вѣтерка и вчерашній идеальный образчикъ существованія сегодня обращается въ раба или негодяя. И Успенскій безпощадно выставлялъ на видъ всю эфемерность народныхъ устоевъ“.

Брошюра г. Новополина вызываетъ серьезный интересъ.

Е. Рагозинъ. Желѣзо и уголь на Уралѣ. Спб., 1903 г. „Настоящій моментъ въ развитіи русской горнозаводской промышленности слѣдуетъ считать высоко знаменательнымъ,—говоритъ г. Рагозинъ.— Использовавъ сполна существовавшій до сихъ поръ просторъ для сбыта желѣза внутри страны, горнозаводская промышленность наша уперлась въ стѣну, двигаться поступательно ей болѣе некуда, передъ ней во всей силѣ сталъ вопросъ о необходимости искусственнаго расширенія сбыта желѣза единственно путемъ поисковъ новыхъ рынковъ. Южане видятъ достиженіе этой цѣли въ развитіи отечественнаго машино-и-судостроенія, а уральцы въ развитіи мѣстнаго металлическаго кустарнаго промысла; но пока желѣзный рынокъ остается въ угнетенномъ состояніи. Мы широко покровительствовали желѣзной промышленности, но не считались съ наличными потребительными средствами Россіи, къ развитію которыхъ въ масштабѣ, соотвѣтственномъ росту производства, не было принимаемо рѣшительно никакихъ мѣръ... и ожидать въ ближайшее время массоваго увеличенія спроса на желѣзо нѣтъ основанія“.

Итакъ, вся наша бѣда, по мнѣнію г. Рагозина,—въ отсутствіи внутренняго рынка.

Коммерческая организація у насъ не существуетъ; въ прежніе годы, когда спросъ на рыночные сорта желѣза почти всегда превышалъ предложеніе, металлы расписывались желѣзо-заводчиками между покупателями, и покупатели спѣшили другъ передъ другомъ попасть въ роспись, и при этомъ они нерѣдко обязывались принимать и извѣстное количество сортовъ желѣза вовсе имъ ненужныхъ подъ угрозой отказа въ продажѣ; такая система насильственнаго сбыта несходнаго товара упрощала пріемы производства и устраняла необходимость со стороны заводовъ приспособляться къ требованіямъ рынковъ; поэтому производство велось по шаблону, сортиментъ издѣлій не измѣнялся десятками лѣтъ, и несмотря на это, заводы всегда находили выгодный сбытъ всему, что бы они ни производили. Желѣзоторговцы оставались покорными имъ. Разсчеты по покупкѣ металловъ у Макарія завершались лукулловскими обѣдами, а затѣмъ представители заводовъ разъѣзжались, чтобы до будущаго года не ударить палецъ о палецъ (стр. 28—29).

Правда, въ настоящее время, по сообщенію г. Рагозина, коммерческая организація на Уралѣ получаетъ все большее и большее значеніе. Заводы обзаводятся коммиссіонерами, агентами, устраиваютъ склады въ мѣстахъ наибольшаго сбыта, вступаютъ въ непосредственное сношеніе съ мелкимъ потребителемъ; на одномъ изъ южно-уральскихъ заводовъ во главѣ торговли поставленъ особый коммерческій агентъ, и заводъ по его заказамъ изготовляетъ только тѣ сорта заказовъ и въ такомъ именно количествѣ, какому заранѣе обезпеченъ сбытъ. У агента до 70 подъагентовъ въ различныхъ мѣстностяхъ.

Но эти новые признаки лишь только начинаютъ пробиваться, и до сихъ поръ „владѣльцы заводовъ преимущественно изъ старинной знати,— читаемъ мы у г. Рагозина,—не отрѣшились вполнѣ отъ взгляда на свои предпріятія какъ на вотчины, а на себя, какъ на сытыхъ рантьеровъ, слишкомъ далекихъ отъ современныхъ пріемовъ коммерческой дѣятельности. Если къ этому прибавить избалованность заводо-владѣльцевъ крупными доходами, въ предшествовавшій наступленію кризиса періодъ, и двухвѣковую привычку, что не имъ приходилось искать покупателя желѣза, а ему въ нихъ, то станетъ ясно, почему среда уральскихъ горнопромышленниковъ отличается крайней консервативностью, дѣловой неподвижностью и полнымъ отсутствіемъ солидарности, въ которой никакой пользы среда эта за послѣднее время не ощущала; этимъ объясняется между прочимъ ничтожность результатовъ дѣятельности уральскихъ съѣздовъ и запоздалое ихъ возникновеніе“ (стр. 134).

Итакъ, своеобразный типъ промышленнаго производства на Уралѣ, взращенный на крѣпостномъ правѣ, его неподвижность и косность, съ одной стороны, съ другой—малая емкость внутренняго рынка, такъ какъ параллельно съ развитіемъ промышленности не принимали мѣръ къ расширенію этого рынка—вотъ чѣмъ объясняется, по словамъ г. Рагозина, затруднительное положеніе горно-заводской промышленности.

Съ этимъ нельзя не согласиться; конечно, при этихъ условіяхъ, какихъ странствующихъ лекторовъ ни посылай въ народъ для ознакомленія его съ пользой широкаго примѣненія желѣза въ домашнемъ обиходѣ (*Торгово-Промышленная Газета*, № 34), толку изъ этого не выйдетъ: народъ знаетъ пользу желѣза, но ему не на что его купить.

Книга г. Рагозина представляетъ несомнѣнный интересъ для всѣхъ, интересующихся судьбами нашей горно-заводской промышленности.

В. М. Дорошевичъ. Сахалинъ. I томъ. М., 1903 г. Книгу г. Дорошевича, иллюстрированную многими рисунками, слѣдуетъ прочесть

каждому. Написана она живо, даже увлекательно, и даетъ яркую, тягостную картину нашей каторги. О *Сахалинѣ* съ большой похвалой отозвались и спецiально-юридическiя изданiя. Этотъ трудъ, основанный на личномъ знакомствѣ съ жизнью каторжанъ, возбуждаетъ много вопросовъ, въ которыхъ должны разобраться общественная совѣсть и гуманное чувство.

Каторжане говорятъ про Сахалинъ: кругомъ вода, а въ серединѣ бѣда, или: кругомъ море, а въ серединѣ горе. Служащiе называютъ его островомъ отчаянiя и безправiя.

Авторъ знакомитъ насъ со всѣмъ Сахалиномъ, водитъ насъ по тюрьмамъ, лазаретамъ, кладбищамъ, даетъ снимки съ разныхъ мѣстъ и зданiй, портреты каторжанъ и т. д. Это страна дикаго ужаса и въ то же время идеальнаго самоотверженiя. Здѣсь встрѣчаются оба полюса человѣческой природы.

До сихъ поръ крѣпокъ варварскiй обычай отдавать женщинъ въ сожительницы, по усмотрѣнiю начальства. Тѣлесныя наказанiя процвѣтаютъ. Очень интересно у г. Дорошевича описанiе театра на каторгѣ.

П. Милюковъ. Изъ исторiи русской интеллигенцiи. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к. Это очень интересный и содержательный сборникъ статей извѣстнаго историка. Эти статьи печатались первоначально въ *Починѣ* (изданiе общества любителей россiйской словесности), въ *Русской Мысли, Мiрѣ Божiемъ* и другихъ изданiяхъ. Къ книгѣ приложено (впервые) факсимиле *Кондицiй* императрицы Анны, ею же разодранныхъ (изъ государственнаго архива), портреты Станкевича, Бѣлинскаго, Герцена и его жены, очень рѣдкiе. Въ сборникъ вошли слѣдующiя статьи: *Верховники и шляхетство, Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, Любовь у „идеалистовъ“ тридцатыхъ годовъ, Памяти А. И. Герцена, По поводу переписки В. Г. Бѣлинскаго съ невѣстой, Надеждинъ и первыя критическiя статьи Бѣлинскаго, Университетскiй курсъ Грановскаго, Разложенiе славянофильства* (Данилевскiй, Леонтьевъ, Вл. Соловьевъ) и *По поводу замѣчанiй Вл. С. Соловьева.* Это, дѣйствительно, все полныя интереса и значительности страницы изъ исторiи русской интеллигенцiи. Нельзя не пожелать книгѣ П. Н. Милюкова широкаго распространенiя и вдумчивыхъ читателей.

П. Д. Боборыкинъ. Вѣчный городъ. М. 1903 г. Цѣна 1 р. Книга П. Д. Боборыкина печаталась первоначально статьями въ нашемъ журналѣ. Авторъ давно и хорошо знаетъ Римъ. Его *итоги пережитаго* читаются съ интересомъ и даютъ живую картину *вѣчнаго города.* Люди, еще не бывавшiе въ столицѣ папы и италiанскаго короля, прiобрѣтутъ много полезныхъ указанiй изъ названнаго сочиненiя, которое поможетъ имъ орiентироваться въ разнообразнѣйшихъ впечатлѣнiяхъ отъ этого удивительнаго города, гдѣ рядомъ живутъ классическая древность, католическое средневѣковье и современная цивилизацiя. П. Д. Боборыкинъ хорошо знаетъ и художественныя сокровища, и различныя сферы римской общественной жизни.

ФИЛОСОФIЯ, ПСИХОЛОГIЯ, ПЕДАГОГИКА.

Рудольфъ Эйслеръ. Основныя положенiя теорiи познанiя.—Труды саратовскаго общества естествоиспытателей. Т. IV. „Памяти А. А. Токарскаго“.— Книга первая „Сердце и школа“. Состав. *Ф. Подоба.—Ѳ. В. Грековъ.* О первоначальномъ воспитанiи и обученiи дѣтей и о гигiенѣ юношества.

Рудольфъ Эйслеръ. Основныя положенiя теорiи познанiя. Переводъ съ нѣмецкаго Густава Шпетта. Работа Эйслера распадается на

4 главы. Въ первой изъ нихъ авторъ даетъ опредѣленіе гносеологіи и старается выяснить сущность и особенности ея метода. Теорія познанія, согласно Эйслеру, разбивается на двѣ части: на психологію познанія и критику его. Вѣдѣнію психологіи познанія подлежитъ описаніе функцій познавательнаго процесса, анализъ его теченія и выясненіе генетическимъ путемъ основныхъ образовъ познанія, основныхъ его формъ. Короче говоря, психологія познанія имѣетъ дѣло только съ фактами, лежащими въ основѣ всякаго познаванія, совершенно не задаваясь при этомъ вопросами объ ихъ значеніи и цѣнности для пріобрѣтенія общаго міропониманія. Этими послѣдними, только что отмѣченными вопросами, занимается критика познанія. Она изслѣдуетъ природу познаванія въ отношеніи къ его общеобязательности и границамъ, оцѣниваетъ познавательные факторы и познавательныя средства, принимая во вниманіе конечную цѣль и результатъ познаванія, первоначальное его требованіе: понять дѣйствительность (стр. 9). Если же соединить теперь обѣ части задачи теоріи познанія въ одну, то получается для нея такое опредѣленіе: „теорія познанія есть наука, которая ставитъ себѣ задачей достиженіе полнаго и цѣльнаго сознанія свойства и значенія познаванія и познаваемаго“.

Гносеологія, по мнѣнію Эйслера, отнюдь не можетъ быть разсматриваема какъ отдѣльная наука, на ряду съ другими отдѣльными науками, ибо понятія, выясненіе которыхъ составляетъ ея задачу, общи всѣмъ наукамъ. Гносеологія есть только часть общей науки—философіи, другую часть которой образуетъ метафизика. И въ качествѣ таковой, „она имѣетъ дѣло не съ познаваніемъ и узнаваніемъ, а съ познаваемымъ и узнаваемымъ въ ихъ внутренней связи“ (стр. 10). Такимъ образомъ, гносеологія имѣетъ, по Эйслеру, логическую первоначальность. Отъ логики теорія познанія отличается тѣмъ, что первая изслѣдуетъ только мышленіе (т.-е. спеціальную функцію познанія), и то лишь въ его имманентной закономѣрности. Что же касается отношенія гносеологіи къ психологіи, то на этотъ счетъ существуютъ двѣ крайнія точки зрѣнія. По мнѣнію однихъ изслѣдователей, наука о познаваніи есть только спеціальная область психологіи; по мнѣнію другихъ, гносеологія должна быть признана совершенно независимой отъ всякой психологіи. Защитники перваго воззрѣнія обыкновенно ссылаются на то, что теорія познанія имѣетъ дѣло съ тѣми же психическими процессами и образами, что и психологія. Эйслеръ признаетъ справедливость этого пункта въ аргументаціи сторонниковъ первой точки зрѣнія, но тѣмъ не менѣе считаетъ ихъ теорію, по которой гносеологія и психологія будто бы вполнѣ совпадаютъ, въ ея цѣломъ—ошибочной; ибо теорія познанія не можетъ, по его мнѣнію, довольствоваться только описаніемъ и выводомъ фактической стороны въ процессахъ познаванія. Ея задача болѣе широкая: именно въ нее входитъ, какъ уже было выше сказано, и „оцѣнка фактическаго по его значенію для пониманія дѣйствительности, для составленія общаго, послѣдовательнаго міросозерцанія“ (стр. 10—11). Именно тотъ существенный фактъ, что теорія познанія является и критикой (и въ извѣстномъ смыслѣ даже нормативной дисциплиной), заставляетъ ее переступать границы психологіи. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, полагаетъ Эйслеръ, что изъ теоріи познанія должно быть изгнано все психологическое. Такая точка зрѣнія грѣшитъ крайностью, ибо фактическая сторона познавательнаго процесса только и можетъ быть найдена путемъ психологическаго наблюденія и анализа, который является предварительнымъ условіемъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, всякой теоріи.

Что же касается метода гносеологіи, то онъ, по мнѣнію Эйслера, всецѣло обусловленъ ея характеромъ, какъ психологіи и критики. Онъ состоитъ прежде всего во внутреннемъ наблюденіи, ибо по возможности точное описаніе познавательнаго акта есть его ближайшая цѣль. Къ внутреннему наблюденію присоединяется еще анализъ всѣхъ тѣхъ понятій, которыя являются основными для гносеологіи. Всякое понятіе, какъ извѣстно, есть соединеніе опредѣленныхъ содержаній сознанія въ нѣкоторое единство, которое фиксируется при помощи слова. Поэтому условіемъ анализа понятій является стремленіе возстановить какъ можно отчетливѣе во всякомъ данномъ случаѣ, что̀ именно думаютъ или слѣдуетъ думать при употребленіи того или другого слова, какъ, наприм., пространство, время, субстанція, причинность. Кромѣ очерченнаго здѣсь аналитическаго метода, гносеологія пользуется и генетическимъ методомъ. Сущность этого послѣдняго заключается въ разысканіи, такъ сказать, „эмпирическаго основанія" для всякаго даннаго понятія, ибо „какъ бы абстрактно понятіе ни было, въ основѣ его лежитъ какое-либо физическое или психическое дѣйствованіе". Условіемъ же этого генетическаго метода является освобожденіе, поскольку это возможно, отъ всякой философской рефлексіи, съ цѣлью возвращенія къ „первоначальной точкѣ зрѣнія" наивнаго до-философскаго пониманія познанія; но не затѣмъ, конечно, чтобы довольствоваться имъ, а чтобы, принявъ его за исходный пунктъ, сумѣть рѣшить, въ какомъ направленіи и въ какой степени оно нуждается въ исправленіи. А выполненіе этой послѣдней цѣли и составляетъ сущность третьяго, употребляемаго въ гносеологіи метода, критическаго. Роль критики познанія, согласно Эйслеру, заключается, главнымъ образомъ, въ анализѣ отдѣльныхъ познавательныхъ средствъ по ихъ логической или, лучше сказать, „трансцендентальной" цѣнности. Она, критика, занимается выясненіемъ того, какіе именно элементы такъ называемаго „наивнаго міросозерцанія" могутъ остаться и въ научномъ сознаніи; она раскрываетъ тѣ противорѣчія, которыя вносятся лишеннымъ рефлексіи мышленіемъ и, наконецъ, она отводитъ каждому понятію то мѣсто и то значеніе, которое приходится на его долю съ болѣе общей точки зрѣнія мышленія.

Тѣсныя рамки рецензіи не позволяютъ намъ, къ сожалѣнію, поговорить здѣсь подробно и о содержаніи остальныхъ главъ. Мы отмѣтимъ только, что во II главѣ Эйслеръ даетъ анализъ содержанія понятій: „сознаніе" и „бытіе"; въ III, посвященной выясненію сущности познаванія, трактуется о познаваніи, какъ о психическомъ процессѣ, о его отношеніи къ бытію и въ концѣ главы дается опредѣленіе „истины". И, наконецъ, въ IV главѣ Эйслеръ, то примыкая въ извѣстныхъ пунктахъ къ Канту, то расходясь съ нимъ и полемизируя, выясняетъ генезисъ категорій и ихъ значеніе, какъ условій познанія; причемъ, вопреки Канту, онъ признаетъ только двѣ категоріи: причинность и субстанціальность.

Труды Саратовскаго Общества естествоиспытателей. Томъ IV. Памяти Ардаліона Ардаліоновича Токарскаго. Саратовъ, 1903 г. Саратовское ученое общество посвятило этотъ выпускъ своихъ трудовъ памяти своего выдающагося сочлена, д-ра Токарскаго, который безвременно скончался въ Москвѣ, въ іюлѣ 1901 года. Рядъ статей, отчасти заимствованныхъ изъ московскихъ органовъ печати, характеризуетъ оригинальную, ярко выраженную личность и крупныя заслуги усопшаго псиxіатра и психолога; научный отдѣлъ выпуска, представленный гг. Яковлевымъ, Вяземскимъ и Подъяпольскимъ, посвященъ разработкѣ вопросовъ изъ области гипнотизма, въ которой А. А. Токарскій много и плодотворно работалъ. Книгу открываетъ его удачный портретъ.

Книга первая „Сердце и школа". Посвящается памяти члена государственнаго совѣта К. П. Яновскаго. Изъ лекцій для публичнаго чтенія. Составилъ организаторъ и завѣдывавшій С.-Петербургскаго-Ольгинскаго на личныя средства Государя Императора основаннаго дѣтскаго пріюта трудолюбія Ѳеодоръ Григорьевичъ Подоба. Настоящее изданіе собственность Елены Ѳеодоровны Подоба. М., 1903 г. Ц. 1 руб. Мы нарочно переписали почти весь (кромѣ евангельскаго эпиграфа о малыхъ сихъ), — почти весь заглавный листъ этой нарядно изданной книжки, потому что онъ самъ по себѣ характеренъ и даетъ представленіе о содержаніи ея дальнѣйшихъ страницъ. Впрочемъ, содержаніе это почтенно: авторъ проповѣдуетъ любовь къ дѣтямъ и возстаетъ противъ наказаній въ школѣ, — особенно, тѣлесныхъ. Но это здоровое ядро брошюры обволакивается въ непріятные и странные покровы: архаическій языкъ, обиліе подробныхъ біографическихъ свѣдѣній о самомъ г. Подобѣ, заявленія рекламнаго свойства; на одной изъ послѣднихъ страничекъ книжки мы читаемъ, напримѣръ, слѣдующія строки: „Лекторъ принимаетъ приглашенія читать эти лекціи выпускнымъ педагогическимъ классамъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; руководить учительскими курсами по преподаванію ариѳметики въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по вопросамъ воспитанія и обученія вообще, по преподаванію ариѳметики на русскихъ торговыхъ счетахъ; организовывать пріюты, сиротскіе дома, исправительныя колоніи для малолѣтнихъ, сельско-хозяйственно-ремесленныя учебныя заведенія; лекторъ даетъ письменныя указанія по вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла" (слѣдуетъ адресъ)...

Ѳ. В. Грековъ. О первоначальномъ воспитаніи и обученіи дѣтей и о гигіенѣ юношества. Уходъ за малыми дѣтьми; дальнѣйшее воспитаніе и обученіе дѣтей; наблюденіе за юношами и дѣвицами для охраненія ихъ здоровья. Москва, 1902 г. Ц. 35 коп. Настоящая книжка представляетъ собою довольно слабую компиляцію, составленную къ тому же на основаніи очень небольшого числа источниковъ. Изъ массы вопросовъ, затронутыхъ въ этой книжкѣ, авторъ, повидимому, основательно не знакомъ ни съ однимъ. Не будучи врачомъ, онъ весьма охотно разсуждаетъ по вопросамъ анатоміи и патологіи, поражая при этомъ читателя крайней наивностью и прямолинейностью своихъ взглядовъ. Есть мѣста въ анатомо-физіологическихъ разсужденіяхъ автора, которыя, по нашему мнѣнію, лишены всякаго смысла. Для примѣра укажемъ хотя бы на страницу 57, гдѣ сказано: „сперма способствуетъ развитію организма и поддерживаетъ его существованіе, доставляя ему въ его дѣтскомъ возрастѣ необходимый излишекъ матеріала". Что это за необходимый излишекъ матеріала—мы совершенно не въ состояніи понять. Къ чести автора надо замѣтить, что книжка его проникнута самыми хорошими намѣреніями, самыми честными пожеланіями. Но да будетъ ему также хорошо извѣстно, что для составленія популярныхъ книжекъ, кромѣ благихъ намѣреній и пожеланій, необходимы еще знанія, и притомъ очень солидныя.

Исторія, исторія литературы.

Полное собраніе сочин. Бѣлинскаго подъ ред. *С. А. Венгерова.* Т. VI.—Сочиненія А. С. Пушкина. Ред. *П. А. Ефремова.* Т. IV—V.—А. С. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологич. данныя, собранныя *Н. Лернеромъ.*—1) Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. 2) Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина.—Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Собр. *Л. Н. Майковъ.*—„Литературный Вѣстникъ“ 1901 г. I—VIII.—1) „Вѣдомости“ времени Петра Великаго. Вып. I. 2) Погорѣловъ, Матеріалы и оригиналы „Вѣдомостей“ 1702—1727 г. 3) Соловьевъ. Государевъ печатный дворъ и синодальная типографія въ Москвѣ.—*Р. Лотаръ.* Генрихъ Ибсенъ.—*В. Райтъ.* Краткій очеркъ исторіи сирійской литературы.

Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго подъ редакціей С. А. Венгерова. Спб., 1903 г. Т. VI. Въ VI томъ сочиненій Бѣлинскаго вошли статьи изъ *Отечественныхъ Записокъ* 1841 г. и статьи, примыкающія къ „Критической исторіи русской литературы“ (60 номеровъ, изъ которыхъ 39 является въ изданіи г. Венгерова впервые или въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ въ изданіяхъ предшествующихъ).

Попрежнему г. Венгеровъ обстоятельно комментируетъ весь матеріалъ, причемъ нѣкоторыя примѣчанія разрастаются въ цѣлыя изслѣдованія (наприм., о Великопольскомъ, планахъ Бѣлинскаго написать особый курсъ исторіи русской литературы и прочее).

Къ этому тому приложенъ снимокъ съ портрета Бѣлинскаго, рисованнаго по всѣмъ прежнимъ портретамъ Астафьевымъ въ 1881 г. и два факсимиле (изъ статьи о народной поэзіи).

Половина огромнаго предпріятія г. Венгерова закончена. Будемъ надѣяться, что и вторая половина не замедлитъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ, и пожелаемъ, чтобы другія многочисленныя занятія почтеннаго редактора не затянули этого насущно важнаго дѣла—перваго полнаго и критическаго изданія сочиненій великаго критика.

Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Изданіе Суворина. Т. IV—V. Спб., 1903 г. Въ IV томъ прекраснаго изданія П. А. Ефремова вошли: „Евгеній Онѣгинъ“ (съ воспроизведеніемъ заглавнаго листа 1825 г.), прозаическіе романы и повѣсти.

При печатаніи „Онѣгина“ г. Ефремовъ ввелъ въ текстъ строфы, пропущенныя Пушкинымъ изъ цензурныхъ соображеній или изъ нежеланія подвергнуться пересудамъ и сплетнямъ недоброжелателей. Нѣкоторые изъ рецензентовъ высказались рѣшительно противъ такого пріема, но мы находимъ его вполнѣ допустимымъ, даже полезнымъ. Вставленныя изъ рукописи въ печатный текстъ строфы выдѣлены: онѣ печатаются немного отступя отъ основного текста, рядомъ съ тѣми мѣстами, вмѣстѣ съ которыми онѣ вылились въ минуты вдохновенія, и прекрасно дополняютъ общее впечатлѣніе. Несомнѣнно, во многихъ случаяхъ, Пушкинъ, исключая ихъ изъ печатнаго текста, руководствовался не художественными мотивами, а соображеніями, далекими отъ настоящихъ требованій искусства. Вернуть ихъ на свои мѣста, не смѣшивая, однако, съ текстомъ, закрѣпленнымъ въ теченіе 75 лѣтъ печатью—слишкомъ заманчивая задача, чтобы ради нея не пожертвовать библіографической щепетильностью.

Въ V томъ вошли: „Пиковая дама“, „Кирджали“, „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“, драматическіе этюды, отрывки неоконченныхъ повѣстей и наброски, анекдоты, „Путешествіе въ Арзрумъ“, „Мысли на дорогѣ“, „Радищевъ“, историческія, библіографическія, критическія и полемическія статьи и замѣтки и „Записки“. Многое (напр., „Мои замѣчанія о русскомъ театрѣ“, „Записки“ 1833—1835 гг.) впервые появляются въ

полномъ собраніи сочиненій. „Записки“ пока съ текстуальными пропусками. Для исторіи послѣднихъ лѣтъ жизни Пушкина онѣ представляютъ и въ этомъ видѣ драгоцѣнный матеріалъ.

А. С. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологическія данныя, собранныя Н. Лернеромъ. Изд. „Скорпіона“. М., 1903 г. Книгоиздательство „Скорпіонъ“, напечатавшее новую хронологическую канву біографіи Пушкина, заслуживаетъ глубокой благодарности всѣхъ поклонниковъ великаго поэта. Это—трудъ неблагодарный и для составителя, и для издателя, такъ какъ мудрено разсчитывать на мало-мальски широкій его сбытъ. Въ то же время, какъ справочное пособіе, онъ долженъ сдѣлаться настольною книгой для всѣхъ изучающихъ Пушкина.

Первая попытка такой „хронологической канвы“ была сдѣлана Я. К. Гротомъ. Она была неудовлетворительна даже для своего времени, страдала крупными промахами и пропусками. Между тѣмъ ею приходилось пользоваться, какъ схемой для біографіи, какъ матеріаломъ для выясненія автобіографическихъ отголосковъ въ творчествѣ и т. д.

„Труды и дни“ г. Лернера (заглавіе немножко манерное) разъ въ 6 больше „канвы“ Грота и составлено гораздо внимательнѣе и осторожнѣе. Пропуски, конечно, въ нихъ есть, но полное устраненіе ихъ невозможно при необъятности подлежащаго матеріала.

Издана книга очень изящно и стоитъ недорого (1 р.).

1) Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы, собранные книгоизд. „Скорпіонъ“. Редакція и примѣчанія В. Брюсова, М. 1903 г. 2) Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина. Спб., 1903 г. Мы присутствуемъ теперь при очень знаменательномъ фактѣ нашей общественной жизни—замѣтномъ подъемѣ интереса къ Пушкину, возрожденіи его поэзіи. Это выражается въ большомъ спросѣ на его сочиненія (изящное изданіе Суворина расходится очень быстро), въ появленіи ряда новыхъ работъ по Пушкину, вызывающихъ общее вниманіе. Послѣ слишкомъ сильныхъ злоупотребленій печатнымъ словомъ по поводу Пушкина въ юбилейные дни 1899 г. можно было ожидать общаго охлажденія, замѣтнаго количественнаго уменьшенія Puschkiniana,—а между тѣмъ она все росла, въ послѣднее время особенно сильно. Наконецъ-то въ общественномъ сознаніи Пушкинъ занялъ должное мѣсто, сдѣлался „необходимою частью нашей души“...

Двѣ только что вышедшія книги о Пушкинѣ, заглавія которыхъ выписаны выше, должны имѣть успѣхъ. Онѣ даютъ рядъ новыхъ стиховъ великаго поэта, чрезвычайно интересныхъ его писемъ, дѣловыхъ бумагъ, писемъ къ нему, его рисунковъ и пр. Книга г. Шляпкина составилась изъ Пушкинскихъ бумагъ, когда-то бывшихъ въ рукахъ Анненкова, но имъ почти не использованныхъ и чуть не погибшихъ. Изъ напечатанныхъ въ ней новыхъ стихотворныхъ отрывковъ особенно интересенъ одинъ—совершенно обработанный (1825 г.):

Все въ жертву памяти твоей.
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепетъ ревности моей,
И славы блескъ, и мракъ изгнанья,
И свѣтлыхъ мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточеннаго страданья.

Рядъ черновыхъ набросковъ и варіантовъ къ извѣстныхъ стихотвореніямъ представляютъ богатый матеріалъ для исторіи творчества поэта

и мѣстами даютъ изумительныя по художественной силѣ строчки и строфы.

Въ черновыхъ письмахъ много характернаго, интимнаго, вылившагося подъ влiянiемъ минуты и потомъ стертаго въ окончательной редакцiи. Тутъ и письма къ Бенкендорфу, рисующiя весь ужасъ тисковъ, въ которые попалъ несчастный поэтъ; и хлопоты по поводу собиранiя матерiаловъ для исторiи „Пугача“, и жалобы кн. Дондукову-Корсакову на неистовство цензуры, и трогательное письмо къ Ишимовой, написанное наканунѣ дуэли съ заботами о доставленiи этой писательницѣ литературнаго заработка.

Въ III отдѣлѣ помѣщено нѣсколько десятковъ писемъ къ Пушкину. Это неоцѣнимый матерiалъ для исторiи его литературныхъ и общественныхъ отношенiй. Особенно интересны письма его друга П. А. Осиповой, какой-то Вибельманъ, за которою г. Шляпкинъ вполнѣ основательно чувствуетъ гр. Е. К. Воронцову. По словамъ редактора, „изученiе этихъ писемъ, въ связи съ доступнымъ, ранѣе опубликованнымъ матерiаломъ, любителю Пушкина доставитъ большое наслажденiе. Неясности и сомнительныя пятна, которыя иногда какъ будто затемняютъ отдѣльные факты Пушкинской бiографiи, при новыхъ матерiалахъ свѣтлѣютъ и очищаются; многое становится понятнымъ отъ изученiя деталей окружающей писателя обстановки, и намъ не о чемъ умалчивать: золото не боится испытанiя огнемъ. Пушкинъ былъ не только великiй поэтъ: это былъ и великiй умъ, и не менѣе великое сердце“...

Въ приложенiяхъ перепечатаны изданные г. Шляпкинымъ въ 1899 г. матерiалы о Ганнибалахъ и лицейскомъ перiодѣ жизни Пушкина. Къ книгѣ приложены указатели, снимки съ недавно открытаго новаго портрета поэта и его рисунковъ и нѣсколько факсимиле.

Не всѣ чтенiя и комментарiи г. Шляпкина вызываютъ полное довѣрiе. По указанiю компетентныхъ лицъ, одну изъ принадлежащихъ Румянцевскому музею рукописей, онъ разобралъ далеко не вездѣ вѣрно и приписалъ Пушкину его выписку изъ Вольтера, но эти, немногочисленные въ общемъ, промахи нисколько не уменьшаютъ цѣнности его книги, которая доставитъ много истиннаго наслажденiя всѣмъ поклонникамъ великаго поэта.

То же мы можемъ сказать и о прекрасномъ изданiи „Скорпiона“, выполненнаго г. Брюсовымъ съ большою любовью къ дѣлу и рѣдкимъ знанiемъ всей многообъемлющей литературы вопроса. Отъ переписки съ Бенкендорфомъ, впервые являющейся въ такой полнотѣ и въ такомъ яркомъ освѣщенiи, вѣетъ прямо трагическимъ ужасомъ: живо чувствуется та петля, которая задавила несчастнаго поэта... Много цѣннаго въ бiографическомъ отношенiи и интереснаго и въ письмахъ къ Пушкину— барона Розена, Козлова, кн. Репнина, Жобара и т. д. Отрывки изъ „Русалки“, программа „Дубровскаго“ и примѣчанiя къ „Евгенiю Онѣгину“ очень важны для исторiи творчества Пушкина. Въ текстѣ воспроизведено нѣсколько рисунковъ поэта. Къ книгѣ приложены указатель и нѣсколько факсимиле. Жаль, что на стр. 22 пропущена 5 строчка, а на стр. 165 дополненiе неправильно отнесено къ стр. 144. Во всѣхъ остальныхъ отношенiяхъ книга издана безукоризненно. Всѣ маломальски существенныя опечатки оговорены въ дополнительныхъ примѣчанiяхъ.

Изданiе книгъ гг. Лернера и Брюсова — новый моментъ въ жизни „Скорпiона“, который мы можемъ только привѣтствовать.

Матерiалы для академическаго изданiя сочиненiй А. С. Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ. Спб., 1902 г. Вслѣдствiе смерти ре-

дактора, Л. Н. Майкова, академическое изданіе сочиненій Пушкина остановилось на первомъ томѣ. Въ его бумагахъ сохранились черновые матеріалы для второго тома, недавно изданные академіей наукъ подъ редакціей В. И. Саитова. Майковъ основывался въ своей работѣ надъ Пушкинскимъ текстомъ на автографахъ великаго поэта и на самостоятельныхъ библіографическихъ разысканіяхъ. Сравнительно съ наиболѣе даже полными собраніями сочиненій Пушкина его матеріалы даютъ много новаго, и въ этомъ заключается ихъ огромное значеніе. Смерть застала Майкова за работой, которая осталась незаконченной и черновой. Въ ней есть хронологическіе промахи, повторенія (наприм., стих. „Я вкругъ Стурдзы хожу“ помѣщено дважды, подъ 1819 и 1823 гг.), неполнота библіографіи, но всякому послѣдующему собранію сочиненій великаго поэта придется съ ними серьезно считаться.

„Литературный Вѣстникъ“, 1902 г., I—VIII. Второй годъ *Литературнаго Вѣстника* въ общемъ интереснѣе перваго. Въ восьми книжкахъ журналъ далъ рядъ интересныхъ и свѣжихъ по матеріалу и выводамъ изслѣдованій и замѣтокъ, большое количество новыхъ литературныхъ фактовъ, очень содержательные библіографическіе обзоры и живо составляемую текущую литературную хронику *). Все очень хорошо, если бы только книжки выходили аккуратнѣе...

О первомъ выпускѣ, всецѣло посвященномъ Гоголю, была уже рѣчь на страницахъ *Русской Мысли* въ обзорѣ Жуковско-Гоголевской юбилейной литературы.

Второй открывается цѣнной замѣткой г. П. о стихотвореніяхъ кн. Д. П. Горчакова, интересъ къ которому возросъ за послѣднее время потому, что Пушкинъ, какъ обнаружилось недавно, приписывалъ ему сочиненіе пресловутой „Гавриліады“. Г. П. далъ дополнительный списокъ сочиненій сатирика, не вошедшихъ въ изданіе его внучки, и установилъ принадлежность кн. Горчакову нѣсколькихъ анонимныхъ и псевдонимныхъ стихотвореній.

„Открытое письмо русскимъ библіографамъ“ г. Каллаша ставитъ нѣсколько „библіографическихъ недоумѣній“. Одно изъ нихъ касается „Гавриліады“ и вызвано противорѣчивыми свѣдѣніями, называющими ея авторомъ то Пушкина, то кн. Горчакова. Г. Каллашъ склоненъ предполагать существованіе двухъ произведеній подобнаго типа. Другое „недоумѣніе“ подымаетъ вопросъ о посланіи, приписываемомъ то Крылову, то Жуковскому, и объ участіи баснописца въ дуэли Бахметева, за которую, при Павлѣ, отецъ Герцена былъ посаженъ въ крѣпость. Вѣроятно, та же участь постигла и Крылова.

Третья книжка даетъ подробную библіографію „Гамлета“ въ русской литературѣ (г. Бахтина), болгарской литературы о Гоголѣ (г. Кораблева), замѣтки о декабристѣ Батенковѣ (г. Висковатова), рядъ новыхъ писемъ Жуковскаго и прекрасную статью г. Лященка: „Романъ Жуковскаго по его дневникамъ“. Романъ типиченъ и для Жуковскаго, и для всей той эпохи. Тутъ и размолвки, вызванныя тѣмъ, что „Маша, вопреки указаніямъ Жуковскаго, носила на рукахъ собачку“, и тщательно зарегистрованные въ дневникѣ планы „будущей жизни“. Г. Лященко впервые использовалъ матеріалъ недавно изданныхъ дневниковъ и возстановилъ интимнѣйшую страницу изъ сердечной жизни Жуковскаго, сыгравшую громадную роль и въ исторіи его творчества. Наивной по-

*) „Литературная жизнь“, „Изъ русской печати“, „Rossica“ и „Хроника“.

эзіей вѣетъ отъ этого романа, и дѣлаются понятны трогательныя слова поэта послѣ смерти его дорогой „Маши“.

Ты предо мною
Стояла тихо.
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.
Ты удалилась,
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила,
Какъ рай, спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья!
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли.
Звѣзды небесъ!
Тихая ночь!

Въ четвертой книжкѣ г. Ловягинъ даетъ характеристику извѣстнаго библіографа Неустроева, г. Липовскій—краткій некрологъ Г. И. Успенскаго, гг. Лямбекъ и Кораблевъ—обзоры литературы о Гоголѣ у нѣмцевъ и сербовъ, г. Липовскій—общій обзоръ Гоголевской юбилейной литературы.

Въ пятой книжкѣ напечатаны новые матеріалы для біографіи Каткова. Какъ извѣстно, *Московскія Вѣдомости*, въ своемъ обскурантскомъ задорѣ, утверждали, и не разъ, что „столпы порядка“ выходятъ изъ обезпеченныхъ классовъ, что бѣдность рождаетъ свободомысліе и бунтарство, и что, слѣдовательно, нужно всячески сокращать необезпеченный элементъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. *Литературный Вѣстникъ*, какъ разъ во время одного изъ подобныхъ походовъ органа г. Грингмута, напомнилъ, что Катковъ въ молодости долго пользовался общественной помощью. Кн. Шаликовъ, призывая общество къ благотворенію, указывалъ на то, что Катковъ съ братомъ „требуютъ сколько-нибудь образованія, *чтобы не сдѣлаться вреднымъ членомъ общества*“.

Г. Батуринскій напечаталъ любопытное письмо Каткова къ Огаревымъ, вызванное размолвкой съ М. Л. и какимъ-то грубымъ поступкомъ самого М. Н. Письмо начинается эпиграфомъ: „я къ вамъ пишу—чего же болѣ!“ Катковъ „грѣшенъ, какъ преступникъ и ниже самаго презрѣннаго животнаго“. Онъ „готовъ на всякое уничиженіе“.

Въ шестой книжкѣ г. А. Ф. напечаталъ библіографическую справку по поводу 100-лѣтія смерти Радищева. Г. Лугаковскій далъ обзоръ польской литературы о Жуковскомъ, г. Якушкинъ—обзоръ новыхъ изданій сочиненій его же. „Юбилейныя книжки о Жуковскомъ“ г. Налимова представляютъ очень бѣглый и неполный перечень изданій.

Изъ остальныхъ матеріаловъ книжки заслуживаетъ упоминанія оффиціальная выписка о погребеніи Радищева.

Въ седьмой книжкѣ напечатаны характеристика извѣстнаго библіографа Лисовскаго (г. Ловягина), библіографія сочиненій Шеллера (г. Альбицкаго), очень странная и по изложенію и по мыслямъ статья г. Налимова объ Успенскомъ (Г. И.) и нѣсколько мелкихъ матеріаловъ.

Послѣдняя книжка 1902 г., вышедшая съ большимъ опозданіемъ уже въ текущемъ году, вся посвящена 200-лѣтнему юбилею печати.

Г. Лисовскій далъ статистико-библіографическій обзоръ нашей періодической печати за два вѣка и на діаграммахъ наглядно показалъ ея

ростъ сс всѣми его прыжками и колебаніями. Очень интересны указанныя имъ соотношенія количества періодическихъ изданій и общаго характера правительственной политики. „Наибольшій приростъ изданій обыкновенно передъ наступленіемъ реформъ, въ такіе моменты, когда органы управленія были особенно сильно проникнуты просвѣтительными идеями или когда потребность въ преобразованіяхъ чувствовалась особенно напряженно русскимъ обществомъ, и оно шло или призывалось на помощь правительству". Любопытно также указаніе на побѣдоносное шествіе газетной прессы въ XIX в. и на ея борьбу съ журналами.

Г. Межуевъ, сопоставляя нашу и заграничную періодическую печать, приходитъ къ выводу о значительной нашей отсталости и въ этой области жизни. Г. Венгеровъ далъ сжатую, но очень содержательную характеристику *Сѣверной Пчелы* и Булгарина, иллюстрируя продажность и пошлость пресловутаго „Фиглярина" рядомъ очень выразительныхъ фактовъ. Г. Боцяновскому принадлежитъ характеристика Н. Полевого, какъ издателя *Русскаго Вѣстника*—въ послѣдніе, наиболѣе грустные годы его литературной дѣятельности. Статья г. Городецкаго сообщаетъ рядъ интересныхъ данныхъ для исторіи зарожденія каррикатуры въ Россіи. Остальныя статьи и замѣтки представляютъ спеціальный библіографическій интересъ. Уже изъ этого бѣглаго перечня видно, насколько богато и разнообразно содержаніе *Литературнаго Вѣстника*. Въ немъ много живости, отзывчивости; потребность въ подобномъ изданіи давно уже сознали, и редакція *Литературнаго Вѣстника* доказала свое умѣніе удовлетворять ей. Надѣемся, что русская публика поддержитъ это предпріятіе, *которое все основано на совершенно безкорыстномъ, самоотверженномъ трудѣ*.

1) „Вѣдомости" времени Петра Великаго. Вып. I, 1703—1707 гг. М., 1903 г. 2) Погорѣловъ. Матеріалы и оригиналы „Вѣдомостей" 1702—1727 гг. М., 1903 года. 3) Соловьевъ. Государевъ печатный дворъ и синодальная типографія въ Москвѣ. М., 1903 года. Синодальная московская типографія прекрасно ознаменовала двухсотлѣтній юбилей печати устройствомъ глубоко поучительной выставки (походный печатный станокъ Петра Великаго, оригиналы и матеріалы Петровскихъ *Вѣдомостей*, номера *Вѣдомостей* и образцы Петровской печати) и изданіемъ трехъ выдающихся по своему научному значенію трудовъ, заглавія которыхъ выписаны выше. Какъ извѣстно, *Вѣдомости* составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Ни одно наше учрежденіе не имѣетъ полнаго экземпляра, и для воспроизведенія полнаго текста приходилось пользоваться разными собраніями. Воспроизведеніе сдѣлано тщательно и вполнѣ замѣняетъ оригиналы. Оно дѣлаетъ возможнымъ для всякаго научное изученіе этого важнаго историко - литературнаго матеріала, и въ этомъ заключается его крупное значеніе.

Книга г. Погорѣлова впервые возстановляетъ интимную сторону начатковъ нашего газетнаго дѣла, самый процессъ созданія газеты, положеніе ея редактора, его матеріалы и пр.

Книга г. Соловьева—очень любопытная историческая справка относительно раннихъ лѣтъ нашего книгопечатанія (въ особенности Петровской эпохи). Она основана на тщательномъ изученіи печатнаго и рукописнаго матеріала и является крупнымъ вкладомъ въ небогатую вообще литературу вопроса. Всѣ эти труды изданы роскошно и пущены въ продажу по очень дешевой цѣнѣ.

Р. Лотаръ. Генрихъ Ибсенъ. Перев. О. А. Волькенштейна. Общеобразовательная библіотека О. Н. Поповой. Серія V, № 1. Книга д-ра Лотара представляетъ обычнымъ методомъ написанную біо-

графію Ибсена: рядомъ съ фактами жизни помѣщены воспоминанія современниковъ, цитаты изъ писемъ поэта чередуются съ общими характеристиками пьесъ. Самымъ цѣннымъ матеріаломъ въ смыслѣ новизны являются данныя о постановкѣ ибсеновскихъ драмъ на нѣмецкихъ, французскихъ и скандинавскихъ сценахъ, хотя эти данныя не всегда отличаются полнотой; наприм., ничего не сказано о постановкѣ „Привидѣній" и „Столповъ общества" на сценѣ берлинскаго рабочаго театра. Въ книгу Лотара вошли также ранѣе неизвѣстныя воспоминанія объ Ибсенѣ, наприм., довольно любопытныя воспоминанія редактора журнала *Gesellschaft*, Конрада (одного изъ писателей такъ называемаго третьяго Sturm und Drang'а). Большимъ недостаткомъ книги является оторванность Ибсена какъ отъ современной ему родной дѣйствительности, такъ и отъ современной ему норвежской литературы. Въ виду отсутствія на русскомъ языкѣ болѣе или менѣе полнаго изслѣдованія объ Ибсенѣ, книга Лотара не безполезна.

В. Райтъ. Краткій очеркъ исторіи сирійской литературы. Переводъ съ англійскаго К. А. Тураевой. Подъ редакціей и съ дополненіями проф. П. К. Коковцова. Спб., 1902 г. Появленіемъ перевода труда проф. В. Райта (W. Wright) восполняется одинъ изъ пробѣловъ въ нашей оріенталистикѣ, такъ какъ до сихъ поръ не существовало на русскомъ языкѣ руководства по исторіи сирійской литературы. Переводъ труда Райта, сдѣланный г-жей Тураевой, исполненъ по дополнительному изданію, принадлежащему сиріологу Макъ-Лину (первоначально работа Райта появилась какъ одна изъ статей извѣстной „Encyclopaedia Britannica").

Трудъ Райта, равно какъ и однородная работа проф. Duval'я (въ серіи „Bibliothèque de l'enseignement de l'histoire ecclésiatique"), представляетъ собою не то, что мы обыкновенно понимаемъ подъ „исторіей литературы". Книга англійскаго ученаго — это справочная книга по памятникамъ сирійской письменности. Сирійская литература—по преимуществу литература христіанская, т.-е. духовно-церковная и богословская. Лучшее ея время падаетъ на періодъ отъ IV до VIII столѣтія, послѣ чего начинается ея постепенный упадокъ. Научный интересъ сирійской литературы опредѣляется, между прочимъ, тѣмъ значеніемъ, какое она имѣетъ въ исторіи всемірной цивилизаціи: именно, многіе труды греческой, богословской, философской и медицинской литературы, переведенные на сирійскій, были, въ свою очередь, переведены съ сирійскаго на арабскій и черезъ еврейскихъ ученыхъ сдѣлались доступными средневѣковой Европѣ.

Къ книгѣ Райта проф. Коковцевъ сдѣлалъ многочисленныя добавленія (а также исправленія) въ примѣчаніяхъ къ тексту—добавленія, давшія возможность представить работу англійскаго ученаго на высотѣ требованій, предъявляемыхъ современнымъ состояніемъ сиріологіи. Кромѣ того, проф. Коковцевъ присоединилъ къ переводу предисловіе Райта къ его другому капитальному труду по сирійской литературѣ „Каталогу сирійскихъ рукописей британскаго музея". Это введеніе заключаетъ обзоръ содержанія этой коллекціи рукописей, представляющій систематическій конспектъ по сирійской литературѣ. Въ концѣ же книги мы находимъ вмѣсто краткаго указателя англійскаго оригинала четыре отдѣльныхъ указателя (указатель личныхъ именъ, указатель сочиненій, указатель географическихъ именъ, указатель ученой литературы). Что касается отчетливой карты Сиріи, приложенной къ данному труду, то она представляетъ самостоятельную работу (исполненную по указаніямъ проф. Коковцева К. Дорофѣевымъ) на основаніи географической литературы по Сиріи.

ИСКУССТВО.

Русскія народныя картинки. Серія I. Изд. перваго дамскаго художествен. кружка.

Русскія народныя картинки. Серія I. Изданіе перваго дамскаго художественнаго кружка. Спб., 1902 г. Ц. 75 к. Въ Россіи существуетъ нѣсколько просвѣтительныхъ учрежденій, задача которыхъ—бороться съ завѣдомо вредными лубочными изданіями, такъ щедро поставляемыми на рынокъ спеціально-лубочными литераторами, и въ противовѣсъ имъ давать народу здоровое чтеніе съ полезнымъ содержаніемъ и по возможности изящной внѣшностью. Несмотря на далеко неблагопріятныя условія, эти издательства успѣли сдѣлать очень многое, и въ значительной степени вытѣснили тѣ устарѣвшія произведенія лубка, которыя не только восходятъ къ XVII вѣку, но зачастую и до сихъ поръ воспроизводятъ средневѣковые романы и повѣсти западнаго происхожденія, составляющіе предметъ старой русской и славянской беллетристики. Но это дѣлалось исключительно въ области книги, брошюры. Область картинъ и рисунковъ была только намѣчена. Фирма „Посредникъ“ выпустила только двѣ серіи картинъ русскихъ и западныхъ художниковъ, а еще раньше Рѣпинъ и Микѣшинъ спеціально для этого изданія написали нѣсколько картинъ, къ которымъ текстъ данъ былъ Л. Н. Толстымъ. Недавно на это поприще выступилъ первый дамскій художественный кружокъ въ Петербургѣ. На помощь ему не замедлило явиться министерство финансовъ, давшее на изданіе 3,000 руб. субсидіи и предложившее всѣ учрежденія многочисленныхъ попечительствъ о народной трезвости и казенныя винныя лавки для продажи этихъ картинъ.

Первый выпускъ уже вышелъ. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ 10 картинъ, исполненныхъ хромолитографіей: „Пиръ у князя Владиміра“ и „Осада Троицкой лавры“ И. Билибина; „Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ“ и „Куликовская битва“ М. Езучевскаго; „Добрыня Никитичъ и Змѣй Горыничъ“ и „Отчего перевелись богатыри на Руси“ Н. Бартрама; „Молебенъ передъ Бородинскимъ боемъ“ и „Оборона Севастополя“ П. Ковалевскаго и два вида „Ипатьевскій монастырь“ Бернштама и „Успенскій монастырь и Святыя горы“ Зарубина. Относительно выбора сюжетовъ почти нельзя ничего сказать. Иллюстраціи къ былинамъ и важнѣйшимъ историческимъ событіямъ могутъ заинтересовать покупателя изъ простонародья скорѣе, чѣмъ иныя картины. Историческій романъ и до сихъ поръ составляетъ излюбленное чтеніе для народа, а русскія былины издавались еще въ XVII вѣкѣ. Въ пятитомномъ изданіи Ровинскаго „Русскія народныя картинки“ собрано очень много подобныхъ картинъ. Но если мы сравнимъ безхитростныя подѣлки безвѣстныхъ московскихъ кустарей съ изящными композиціями извѣстныхъ художниковъ, изданныхъ кружкомъ, то найдемъ большую разницу, и не въ пользу вторымъ. Дѣло въ томъ, что при старыхъ картинахъ печатался обширный объяснительный текстъ, приноровленный къ пониманію деревенскаго читателя. А въ новомъ изданіи помѣщаются только тѣ строфы, которыя относятся къ самой иллюстраціи, а кое-что оставлено совсѣмъ безъ подписи. Такимъ образомъ онѣ мало намъ говорятъ о цѣлой былинѣ и представляется все это какими-то случайными эпизодами и едва ли заинтересуетъ покупателя. Кромѣ того, цѣна картинамъ назначена слишкомъ высокая. Въ дѣлѣ конкуренціи съ антихудожественными „лубками“ можно взять прежде всего дешевизной, а 7 копеекъ за картину едва ли такъ дешево. Наконецъ, нельзя привлечь воспитаннаго на яркихъ тонахъ деревен-

скаго читателя той условной стилизаціей линій, тѣми грязными, хотя и гармоничными, тонами и наивнымъ импрессіонистскимъ небрежничаньемъ, которыя бросаются въ глаза при первомъ же знакомствѣ съ новыми „русскими народными (?) картинками". Намъ кажется, что на первыхъ порахъ слѣдовало бы обратить вниманіе исключительно на выборъ сюжетовъ и ихъ трактованіе, а формы оставить по возможности старыя.

ЭТНОГРАФІЯ, АРХЕОЛОГІЯ.

А. Кузнецовъ. Свадебные приговоры дружки. По рукописи половины XIX ст.—Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда. Сообщилъ *В. Чернышевъ.*—Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 30 и 31.—Дигорскія сказанія по записямъ дигорцевъ *Собіева, Гарданова и Туккаева.*

А. Кузнецовъ. Свадебные приговоры дружки. По рукописи половины XIX столѣтія. Изданіе Императорской академіи наукъ. Спб., 1903 г. Городская и фабричная культура замѣтно вытѣсняетъ тѣ черты русскаго быта, которыя интересны для этнографа, и ея вліяніе отразилось прежде всего на старинныхъ обычаяхъ, сопровождавшихъ рожденіе, свадьбу, похороны и другія событія семейной жизни. Поэтому огромный интересъ представляетъ безграмотно исписанная тетрадь съ „свадебными приговорами", присланная въ академію наукъ учителемъ романово-борисоглѣбскаго училища А. Кузнецовымъ и въ настоящее время напечатанная. О происхожденіи и значеніи этихъ своеобразныхъ прибаутокъ нашихъ доморощенныхъ церемоніймейстеровъ, издатель говоритъ слѣдующее: „Не только въ старинное время, но и теперь въ средѣ простого народа важныя событія изъ семейной жизни обставлены извѣстнаго рода бытовыми обрядами, несоблюденіе которыхъ почитается неприличнымъ и влекущимъ за собой нежелательныя послѣдствія. Знать въ точности всю бытовую обрядность, хоть бы, наприм., свадебную, можетъ далеко не всякій; отсюда явилась потребность въ особыхъ спеціалистахъ по обрядности; на свадьбахъ эти знатоки обрядности назывались дружками. Была и другая причина появленія дружекъ: на свадьбахъ, гдѣ встрѣчаются нерѣдко люди въ первый разъ въ жизни, и вообще люди мало знакомые между собой, среди гостей въ простомъ народѣ царитъ большая натянутость, стѣсняются не только говорить, но и глядѣть другъ на друга; вотъ тутъ-то и нуженъ дружка со своими приговорами и прибаутками, какъ объектъ для общаго вниманія гостей обѣихъ сторонъ, т.-е. жениха и невѣсты; и потому-то дружка былъ не только знатокъ обрядности, но и краснобай, и это вторая сторона дѣятельности дружки цѣнилась, пожалуй, ничуть не ниже первой. Дружка занималъ гостей загадками, двусмысленными изреченіями, прибаутками и т. п. не хитрыми, но милыми сердцу старинныхъ людей забавами; въ этихъ забавахъ дружка однако никогда не снисходилъ до скоморошества и твердо помнилъ свою первенствующую роль; да и гости, хоть и смѣялись до упаду, однако помнили, что шутитъ не кто иной, какъ отецъ командиръ, а потому не слѣдуетъ забываться; да старые дружки любили и покуражиться: чуть что не по нраву ихъ—и приговоры пойдутъ другіе, и старшіе гости спѣшатъ умаслить капризничающаго старика". Помимо чисто бытового интереса, изданные „приговоры" интересны и въ литературномъ отношеніи. Въ нихъ можно видѣть переживаніе тѣхъ эпическихъ пріемовъ, которыми отличаются наши былины, сказки, заговоры, загадки и другія произведенія народнаго творчества. Обратимъ вниманіе хотя бы на одни эпи-

теты, придающіе приговорамъ образный характеръ рѣчи, напримѣръ: высокій теремъ, скатный жемчугъ, калиновый мостъ, бѣлый лебедь, сизый голубь, добрые комони, полюбовные гости, бѣло-дубовые столы, рѣзвыя ноги, широкая улица, воскуяровая свѣча, соболья шуба, сѣно зеленое, шелковая шаль, овесъ ядреный и т. д. Здѣсь всюду фигурируютъ князья, княгини, большіе бояре, тысяцкіе и т. д. Интересно также, что на свою роль дружка смотритъ необыкновенно серьезно, какъ на священнодѣйствіе, и боится пропустить какую-нибудь подробность въ свадебномъ ритуалѣ.

Только иногда онъ начинаетъ шутить, и его дешевое, здоровое остроуміе напоминаетъ стиль раешника или масляничнаго дѣда. Было бы очень желательно изданіе подобнаго богатаго матеріала для русской этнографіи.

Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда. Сообщилъ В. Чернышевъ (Въ приложеніи: Письмо акад. Ѳ. Е. Корша объ удареніяхъ въ русскихъ пѣсняхъ и стихахъ. Спб. Сборникъ отд. русск. яз. и слов. Имп. академіи наукъ, т. LXX. Говоръ деревни Калужина и села Шалова, въ которыхъ сдѣланы были записи г. Чернышевымъ, принадлежитъ къ области южно-великорусскаго говора, или, по опредѣленію акад. А. А. Шахматова,—западно-великорусскаго, слѣдовательно, очень слабо разработаннаго въ русской діалектологіи. Особенно интересными мы находимъ тѣ пѣсни, сказки, разсказы и загадки, которые записаны Андреемъ Косогоровымъ, сыномъ крестьянина дер. Калужкина. Надо знать, что записывать фонетически точно свою собственную рѣчь очень трудно. Но корреспондентъ г. Чернышева обладаетъ настолько тонкимъ ухомъ, что отъ него не ускользаютъ самыя незамѣтныя на первый взглядъ звуковыя особенности. Кромѣ того, сообщенные имъ матеріалы интересны и по содержанію: подробно описана великорусская свадьба съ точки зрѣнія этнографа; жаль, что немного собрано сказокъ. Г. Чернышевъ умѣетъ дѣлать чрезвычайно цѣнныя замѣчанія иногда о такихъ даже говорахъ, который онъ изучалъ почти случайно, проѣздомъ. Ко всей массѣ данныхъ онъ относится критически, наблюденія его отличаются точностью и вѣрностью. Таковы его статьи о говорахъ юрьевскомъ, владимірскомъ, егорьевскомъ и мещовскомъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ 30-й. Тифлисъ, 1902 г. Изданіе попечителя кавказскаго учебнаго округа съ вышеприведеннымъ заглавіемъ, которое выходитъ аккуратно чрезъ извѣстный періодъ времени и въ сравнительно непродолжительное время достигло уже 30 объемистыхъ томовъ, роскошно изданныхъ, съ массою этнографическихъ матеріаловъ, касающихся лишь нашего края. Тридцатый выпускъ цѣликомъ посвященъ переводу св. Евангелія на малоизвѣстный и загадочный удинскій языкъ. Въ предисловіи сказано, что переводъ этотъ сдѣланъ для сборника священникомъ о. Семеномъ Бежановымъ въ 1893 году. Изданіе нѣсколько замедлилось. О. Бежановъ уроженецъ с. Варташенъ, нынѣ умершій, природный удинъ и помогалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ Бежановымъ собиранію и изученію удинскихъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, и составленію словаря. Предполагалось издать весь этотъ матеріалъ въ двухъ выпускахъ: въ первомъ народныя пѣсни, сказки, пословицы съ словаремъ, а во второмъ—переводъ св. Евангелія. Пока издается только второй выпускъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXXI. Тифлисъ, 1903 г. Сборникъ открывается статьей: „Свѣдѣнія арабскихъ

писателей о Кавказѣ, Арменіи и Адербейджанѣ" Н. А. Караулова. Статья эта служитъ продолженіемъ таковой же статьи, напечатанной въ XXIX выпускѣ сборника. Арабскій географъ начала X в. Ибн-ал-Факиръ-акъ-Хамаданій даетъ описаніе Адербейджана и Арменіи, причемъ обнимаетъ подъ названіемъ Арменіи Грузію и древнюю Албанію, проводя сѣверную границу описываемой имъ страны до Бааб-улъ-Абвада (Дербента) и Бааб-Аллана (Дарі-Аланткари—Дарьяльскаго ущелья) и захватывая при этомъ Тифлисъ. Древніе писатели вообще за ближайшими къ нимъ сосѣдями не видѣли или, по крайней мѣрѣ, не различали другихъ народовъ. Въ реальномъ комментаріи, приложенномъ къ концу статьи, авторъ объявляетъ, насколько это возможно, географическую номенклатуру и ставитъ ее въ связь съ современными названіями.

Вторая статья Е. С. Такайшвили „Описаніе рукописей библіотеки общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія". Разсматриваемыя въ статьѣ рукописи, кромѣ одной, относятся къ новому періоду грузинской литературы не дальше XVIII в. Всѣхъ рукописей разсмотрѣно 24; въ числѣ ихъ есть апокрифы, словари, снотолкователи и лѣчебники. Сохранилось четвероевангеліе на персидскомъ языкѣ, но съ грузинской транскрипціей, что для персидской фонетики имѣетъ важное значеніе; рукопись эта относится къ XVII в. Слѣдуетъ обратить вниманіе на одну рукопись, подъ заглавіемъ „Исторія Грузіи", заключительная часть которой напечата цѣликомъ, съ русскимъ къ ней переводомъ, въ виду важности разсказанныхъ въ ней событій для исторіи присоединенія Имеретіи къ Россіи. Авторъ этой исторіи, князь Николай Дадіани, принимающій дѣятельное участіе въ описываемыхъ имъ событіяхъ, ведетъ разсказъ о послѣднихъ годахъ царствованія имеретинскаго царя Соломона I въ общихъ чертахъ согласно съ извѣстными по другимъ источникамъ данными, но съ нѣсколько другимъ освѣщеніемъ фактовъ и съ большими подробностями. Жаль, что описаніе путешествія въ Петербургъ (въ 1804 г.) не отыскано до сихъ поръ. Искаженіе иностранныхъ словъ: еврейскихъ, арабскихъ, персидскихъ, тюркскихъ, латинскихъ, греческихъ и др., послужило, можетъ быть, толчкомъ для образованія условныхъ языковъ, распространенныхъ среди многихъ народовъ. Продолженіе описанія этихъ рукописей появится въ слѣдующихъ выпускахъ сборника.

Во второмъ отдѣлѣ сборника помѣщены двѣ статьи: А. Н. Дьячкова-Шарапова „Черезъ перевалъ Плашта къ Черному морю, въ которой описывается третье горное путешествіе екатеринодарскихъ гимназистовъ лѣтомъ 1900 г. Экскурсанты вмѣстѣ со своимъ наставникомъ, опытнымъ руководителемъ подобныхъ экскурсій, прошли черезъ мало посѣщаемыя путешественниками мѣста, верховья Малой Лабы, и достигли вновь возникающаго курорта Романовскаго и берега Чернаго моря въ Адлерѣ.

Далѣе слѣдуетъ статья К. Ѳ. Гана „Путешествіе въ Кахетію и Дагестанъ", и, наконецъ, статья свящ. Бунятова „Бытъ русскихъ крестьянъ лоринскаго участка Борчаминскаго уѣзда, Тифлисской губерніи". Въ третьемъ отдѣлѣ помѣщены три статьи этнографическаго содержанія. Статья Ѳ. А. Матавріева „Простонародная свадьба въ Кахетіи" сообщаетъ нѣкоторыя весьма любопытныя подробности кахетинскихъ свадебныхъ обрядовъ, какъ, напримѣръ, наложеніе женихомъ руки на невѣсту при обрученіи; этотъ обычай, manus injectio по римскому праву, первоначально, должно быть, примѣнялся въ буквальномъ значеніи этого слова, но потомъ онъ выродился въ простое подношеніе денегъ или какого-нибудь подарка, хотя женихъ сохраняетъ за собою исключительное право на

невѣсту. Въ обычаѣ этомъ нельзя не видѣть пережитка существующаго у нѣкоторыхъ кавказскихъ народовъ (абхазцевъ, осетинъ, мингрельцевъ, карачаевцевъ) древняго обычая увода или умыканья невѣсты, связывающаго молодыхъ людей такими же неразрывными узами, какъ и церковный бракъ. У кахетинцевъ сохранился также слѣдующій обычай: приглашенные на свадьбу гости поздравляютъ новобрачную деньгами или вещами; обычай этотъ наблюдается также и у армянъ Александропольскаго уѣзда, причемъ у нихъ такую же точно роль играетъ деревенскій ораторъ, обязанность котораго превозносить тароватыхъ подносителей и изливаться какими-нибудь остроумными прибаутками за небольшія подношенія менѣе состоятельныхъ гостей. Интересенъ также старинный обычай обводить новобрачныхъ три раза вокругъ домашняго очага; обычай этотъ не наблюдается въ Имеретіи и, повидимому, сохранился только въ одной Кахетіи.

Статья Н. С. Державина „Свадьба у гурійцевъ-мусульманъ въ окрестностяхъ Батума", дающая весьма любопытный очеркъ свадебныхъ картвельскихъ (грузинскихъ) обрядностей, видоизмѣнявшихся подъ вліяніемъ магометанства, хотя нельзя не замѣтить, что вліяніе это поверхностно: актъ вѣнчанія не освѣщается муллой, который ограничивается только чтеніемъ молитвъ, причемъ новобрачные не присутствуютъ. Неудивительно поэтому, что взамѣнъ церковныхъ обрядностей вступаютъ въ свои права разнаго рода колдовства.

Третій отдѣлъ оканчивается статьей Аг. Кизебекова „Свадебные обряды у мусульманъ Нухинскаго уѣзда" изображающей другую картину свадебныхъ обрядовъ, болѣе культурную. У нухинскихъ татаръ нѣтъ увоза невѣстъ, какъ у ихъ сосѣдей, тѣхъ же татаръ; кромѣ того бракъ совершается при условіи взаимнаго согласія новобрачныхъ, хотя и не безъ участія родителей и ближайшихъ ихъ родственниковъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Отдѣлъ IV имѣетъ характеръ лингвистическій. Вначалѣ помѣщенъ рядъ статей по изученію отношенія кавказскихъ языковъ къ аріо-европейскимъ, а затѣмъ идутъ сванетскіе тексты, записанные И. Нижерадзе, съ объяснительнымъ къ нимъ словаремъ. Двѣ статьи А. К. Глейе „О мѣстѣ армянскаго языка среди аріо-европейскихъ языковъ" и „Аріо-европейскіе, а въ частности иллирійскіе элементы въ грузинскомъ языкѣ" стараются установить связь между этими языками и аріо-европейскими. Тотъ же характеръ имѣетъ статья: М. Г. Джанашвили „Картвельскій языкъ и славяно-русскій". Точки соприкосновенія съ этими языками" и первая часть статьи Л. Г. Лопатинскаго „Суффиксы русскаго языка. Вліяніе кавказскихъ языковъ на ихъ образованіе".

Затѣмъ слѣдуетъ статья проф. Погодина „Къ вопросу о вліяніи индо-европейскихъ языковъ на кавказскія", и записанные И. Нижерадзе „Сванетскіе тексты" дополняютъ сванетскія пѣсни, записанныя В. Нижерадзе, А. В. Стояновымъ (нѣкоторыя пѣсни, какъ „Бимурзела" представляютъ родственные мотивы), В. Я. Тепцовымъ, А. Н. Греномъ (родственный мотивъ въ пѣснѣ „Гімурзело", „Асламеу") и Д. Маргіани.

Эти образцы сванской народной поэзіи интересны не только со стороны языка, но и по своему содержанію.

Къ пѣснямъ присоединены сванетскія повѣрья, пословицы и загадки.

Въ заключеніе помѣщенъ объяснительный словарь въ алфавитномъ порядкѣ.

Дигорскія сказанія по записямъ дигорцевъ Собіева, Гарданова и Туккаева съ перев. и примѣч. Всев. Миллера. М., 1902 г. (Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ институтомъ вост. язык. Вып. IX). Тексты на дигорскомъ или западно-осетинскомъ нарѣчіи были въ 1-й разъ записаны и изданы въ 1-й части „Осетинскихъ этюдовъ“ въ 1881 г. проф. В. Ѳ. Миллера. Въ 1891 г. Миллеромъ вмѣстѣ съ барономъ Р. Р. Штакельбергомъ были напечатаны въ С.-Петербургѣ, въ изданіи Императорской академіи наукъ, пять дигорскихъ сказокъ съ нѣмецкимъ переводомъ и глоссаріемъ (Fünf ossetische Erzählungen in digorischem Dialekt herausgegeben von W. Miller und R. von Stackelberg). Всѣ эти сказки были изданы транскрипціей по черновой рукописи покойнаго образованнаго дигорца Соломона Алексѣевича Туккаева. Съ тѣхъ поръ въ теченіе десятилѣтія число дигорскихъ текстовъ не возрастало, между тѣмъ какъ изданіе иронскихъ подвинулось съ послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія значительно впередъ. Среди интеллигентныхъ иронцевъ во Владикавказѣ возникъ кружокъ молодыхъ дѣятелей, старающихся распространить къ нимъ интересъ среди своихъ соплеменниковъ. Дѣятельно записываются и издаются народныя преданія, сказки, пословицы и проч., являются стихотворенія, даже поэмы на иронскомъ языкѣ, и имена нѣкоторыхъ осетинскихъ поэтовъ уже становятся популярны среди мѣстнаго населенія. Изъ этихъ первыхъ произведеній осетинской новой поэзіи слѣдуетъ отмѣтить поэму Александра Кубалова „Авхардты Хасана“, въ основѣ которой лежитъ народное преданіе; сборникъ мелкихъ стихотвореній Косты (Хетагурова) „Иронскій фандыръ“ (скрипка); сборникъ стихотвореній Гаппо (Баева), Александра Кубалова, Асламырзы Кайтилозова, Георгія Цагалова и др., изданный въ 1900 г. подъ названіемъ „Бабочка“ (Гаслоебу), книжку „Удари“ (миръ, благодать), изданную, какъ и раньше названныя, Г. В. Баевымъ и содержащую нѣсколько народныхъ сказаній и стихотвореній (1901 г.). Тотъ же неутомимый издатель напечаталъ въ 1900 г. сборникъ осетинскихъ пословицъ и въ текущемъ году „Осетинскія сказанія“ (Уроп. арбаумае). Такимъ образомъ, благодаря энергіи г. Баева и его сотрудниковъ, образованные иронцы уже сами начали знакомить насъ какъ со своими народными сказаніями, такъ и съ произведеніями своего нарождающагося творчества. Отъ иронцевъ въ дѣлѣ собиранія и записыванія родныхъ сказаній не отстали и образаванные дигорцы; но, къ сожалѣнію, между послѣдними, въ настоящее время еще нѣтъ лицъ, которые могли бы приняться за издательское дѣло, требущее, кромѣ готовности и энергіи, значительныхъ матеріальныхъ затратъ. Поэтому, въ виду интереса дигорскихъ текстовъ, доставленныхъ нѣкоторыми молодыми дигорцами, проф. Миллеръ счелъ полезнымъ напечатать предлагаемыя сказанія въ IX выпускѣ „Трудовъ по востоковѣдѣнію, издаваемыхъ Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ“. Личная его работа состояла въ томъ, что онъ переписалъ полученныя записи принятой имъ транскрипціей, болѣе точной, чѣмъ та, которой пользуются сами осетины, снабдилъ тексты русскимъ переводомъ и помѣстилъ въ концѣ книги и нѣкоторыя пояснительныя примѣчанія. При переводѣ онъ пользовался для словъ, не вошедшихъ еще въ составляемый имъ осетинскій словарь, въ Москвѣ указаніями дигорцевъ Ипама Тотруковича Собіева и Георгія Михайловича Касаева, на Кавказѣ, именно въ Алагирѣ лѣтомъ 1902 г., Константина и Михаила Гардановыхъ. Переводъ № X „Прославленіе Атаура“ всецѣло принадлежитъ И. Т. Собіеву, приславшему ему эту интересную старинную пѣсню изъ Пятигорска въ 1902 г. №№ VIII, XI, XII,

XIII переписаны имъ съ черновыхъ записей С. А. Туккаева, оставшихся у него послѣ его преждевременной смерти. Передавая сказанія по-русски, проф. Миллеръ старался держаться какъ можно ближе дигорскаго текста съ той цѣлью, чтобы переводъ могъ дать болѣе ясное понятіе о характерѣ и строѣ дигорской рѣчи. Того же принципа держался онъ въ переводахъ, помѣщенныхъ имъ въ 1-й части „Осетинскихъ этюдовъ". Конечно, къ такому переводу нельзя предъявлять слишкомъ строгихъ литературныхъ требованій, но онъ, несомнѣнно, будетъ полезенъ для тѣхъ, которые пожелаютъ заняться изученіемъ дигорскаго нарѣчія осетинскаго языка. „Дигорскія сказанія" притомъ интересны не только съ точки зрѣнія языковѣдѣнія, но еще болѣе съ этнологической стороны.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

А. Лейрицъ. Противныя животныя.—*М. М. Гарднеръ.* Замѣтки о методикѣ преподаванія гистологіи и эмбріологіи въ германскихъ университетахъ.

А. Лейрицъ. Противныя животныя. Переводъ съ французскаго подъ редакціей И. Я. Шевырева. Цѣна 50 к. Книжка эта содержитъ въ себѣ рядъ маленькихъ монографій, касающихся цѣлаго ряда такихъ животныхъ, которыхъ въ общежитіи принято называть „противными". Здѣсь говорится о паукѣ, осѣ, комарѣ, блохѣ, клопѣ, тараканахъ, мухахъ, гусеницахъ, улиткахъ, о скорпіонѣ, гадюкѣ, крысѣ, мышѣ и проч. Авторъ описываетъ довольно подробно образъ жизни нѣкоторыхъ изъ этихъ животныхъ, о другихъ онъ говоритъ болѣе кратко. Сообщаются и анатомическія данныя, но въ очень немногихъ словахъ. Изложеніе автора весьма бойкое и легко читающееся, но сообщаемыя имъ свѣдѣнія, къ сожалѣнію, не всегда отличаются достаточной новизной и точностью. Такъ, напримѣръ, говоря о паукахъ, авторъ называетъ также паукомъ и „сѣнокосца", а между тѣмъ это животное относится не къ отряду пауковъ, а къ другому самостоятельному отряду. Говоря о комарахъ, авторъ не затрагиваетъ вопроса о томъ, что нѣкоторые изъ нихъ являются разносителями болотной лихорадки. Если ко времени выхода въ свѣтъ французскаго оригинала комариная теорія маляріи не была еще обоснована, то на обязанности переводчика, который переводилъ книгу несомнѣнно уже въ то время, когда эта теорія уже получила права гражданства, лежало сдѣлать соотвѣтствующія необходимыя дополненія. Нельзя далѣе не пожалѣть, что въ книгѣ довольно много чисто анекдотическаго матеріала.

М. М. Гарднеръ. Замѣтки о методикѣ преподаванія гистологіи и эмбріологіи въ германскихъ университетахъ. Отчеты о видѣнномъ во время заграничныхъ поѣздокъ составляютъ весьма обычное явленіе въ области медицинской и естественно-исторической литературы, но весьма рѣдкое, почти исключительное явленіе представляетъ собою отчетъ д-ра Гарднера по той подробности и обстоятельности, съ которою онъ составленъ. Читатель получаетъ вполнѣ точныя представленія не только объ обстановкѣ цѣлаго ряда германскихъ лабораторій, но и о содержаніи преподаваемыхъ курсовъ и о методахъ преподаванія. Для всякаго интересующагося постановкою преподаванія гистологіи и эмбріологіи, разсматриваемая книга даетъ богатѣйшій матеріалъ. Въ заключительной главѣ авторъ высказываетъ общія соображенія, возникшія у него подъ впечатлѣніемъ того, что ему удалось наблюдать въ Германіи, и старается главнымъ образомъ отмѣтить тѣ особенности въ постановкѣ преподаванія,

которыя могли бы быть перенесены съ пользою на нашу почву. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ указываетъ и на нѣкоторыя отрицательныя стороны преподаванія въ Германскихъ университетахъ, зависящія отъ общаго академическаго строя, сложившагося исторически и не всегда идущаго въ уровень съ современными взглядами и требованіями, вызванными развитіемъ науки.

МЕДИЦИНА.

Д-ръ Рейхъ. О травматическихъ, термическихъ и химическихъ поврежденіяхъ глазъ среди рабочихъ, преимущественно съ точки зрѣнія профилактики.—*М. Лазаревъ.* Темныя стороны латинской кухни.—*Пахомовъ.* Анатомія и физіологія.

Д-ръ Рейхъ. О травматическихъ, термическихъ и химическихъ поврежденіяхъ глазъ среди рабочихъ, преимущественно съ точки зрѣнія профилактики. С.-Петербургъ, 1902 г. Указавъ на то, что статистическія данныя о поврежденіяхъ глазъ у насъ, въ Россіи, въ высшей степени неполны и отрывочны, авторъ всетаки находитъ возможнымъ и изъ имѣющихся скудныхъ матеріаловъ сдѣлать нѣкоторые интересные выводы. Такъ, наприм., онъ отмѣчаетъ, что приблизительно 4% всѣхъ слѣпыхъ Россіи потеряли свое зрѣніе вслѣдствіе травматическихъ поврежденій. Приведенный процентъ очень великъ, между тѣмъ тѣ или другія мѣры предосторожности, если не во всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, могли бы предотвратить подобную потерю зрѣнія. Разсмотрѣнію этихъ мѣръ, а равно вопросу объ обезпеченіи рабочихъ при несчастныхъ случаяхъ и посвящена большая часть настоящей брошюры.

М. Лазаревъ. Темныя стороны латинской кухни. Изъ записокъ фармацевта (очерки аптечной жизни). С.-Петербургъ, 1903 года. Ц. 75 к. Настоящая книжка представляетъ собою рядъ очерковъ, напечатанныхъ авторомъ въ журналѣ *Дѣло* еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Въ очеркахъ этихъ излагаются злоупотребленія, практикуемыя аптекарями по отношенію къ публикѣ, и тяжелое положеніе служащихъ въ аптекѣ. Правда, со времени перваго выхода въ свѣтъ этихъ очерковъ прошло уже болѣе 30 лѣтъ; многое въ жизни аптекъ измѣнилось къ лучшему, но много темныхъ сторонъ, на которыя тогда указывалъ авторъ, продолжаютъ существовать и въ настоящее время. Поэтому читатели, несмотря на почтенный возрастъ настоящихъ очерковъ, найдутъ въ нихъ еще немало фактовъ, характерныхъ и для современнаго положенія затронутыхъ вопросовъ. Не обладая особенными литературными достоинствами, очерки написаны просто, искренне и читаются легко.

Пахомовъ. Анатомія и физіологія. Краткія свѣдѣнія о строеніи человѣческаго тѣла, о свойствахъ его различныхъ тканей и о назначеніи его различныхъ органовъ. Общедоступное изложеніе. Составлено примѣнительно къ программамъ для общинъ сестеръ милосердія и фельдшерскихъ школъ. Оренбургъ, 1902 г. Книжка д-ра Пахомова по своему объему и по формѣ изложенія могла бы быть подходящимъ руководствомъ для фельдшеровъ и сестеръ милосердія, если бы не масса фактическихъ погрѣшностей и неточностей, которыя въ изобиліи встрѣчаются по всему протяженію книги. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ. На стр. 10 имѣется въ высшей степени странное опредѣленіе органическаго вещества. „Органическимъ веществомъ,—говоритъ авторъ,—называется та-

кое вещество, какого готоваго въ природѣ нѣтъ, но которое вырабатывается самимъ организмомъ изъ соковъ, добываемыхъ изъ *крови*". Выходитъ, стало быть, что низшіе представители животнаго царства и весь растительный міръ состоятъ только изъ неорганическаго вещества. На стр. 14 сказано, что синовіальная жидкость „выдѣляется особыми железистыми органами, т. н. синовіальными оболочками". Какъ извѣстно, синовіальныя оболочки вовсе не представляютъ собою железистыхъ органовъ. На стр. 49 читаемъ: „чтобы приводить въ движеніе плечевую кость, къ ней идутъ—сверху отъ ключицы дельтовидная мышца, спереди отъ грудины грудная мышца и сзади трапецевидная мышца. Двѣ послѣднія мышцы подъ мышкой образуютъ собой, видимую снаружи, т. н. подмышечную впадину". Трапецевидная мышца, какъ извѣстно, къ плечевой кости не прикрѣпляется и непосредственнаго участія въ ея движеніяхъ принимать не можетъ. Дельтовидная мышца идетъ (начинается) не только отъ ключицы, но и отъ лопатки; задняя же стѣнка подмышковой впадины образована широкой мышцей спины, а не трапецевидной, которая въ образованіи подмышковой впадины никакого участія не принимаетъ. На стр. 50, говоря о передней и боковыхъ стѣнкахъ живота, авторъ указываетъ, что онѣ состоятъ изъ пары прямыхъ мышцъ и двухъ паръ косыхъ. На самомъ же дѣлѣ въ образованіи этихъ стѣнокъ принимаетъ участіе еще пара поперечныхъ мышцъ, довольно значительныхъ по объему и очень важныхъ въ функціональномъ отношеніи. На стр. 60 говорится, что въ венахъ кровь движется „только потому, что ее присасываетъ сердце и грудная клѣтка". На самомъ же дѣлѣ въ этомъ движеніи принимаютъ участіе и проталкивающая сила сердца (vis a tergo), и эластичность самихъ венозныхъ стѣнокъ, и сокращеніе мышцъ, въ толщѣ которыхъ или по сосѣдству съ которыми располагаются вены. На стр. 68 сказано: „задняя больше-берцовая артерія идетъ подъ глубокимъ слоемъ мышцъ". На самомъ дѣлѣ она идетъ надъ глубокимъ слоемъ. На стр. 106 сказано, что „сокъ поджелудочной железы, главнымъ образомъ, перерабатываетъ крахмалъ въ сахаръ". О дѣйствіи же этого сока на бѣлки и жиры не сказано ни слова. На стр. 114 сказано, что hypospadia есть уродство, состоящее въ врожденномъ расщепленіи промежности. Совершенно невѣрно. На стр. 119 говорится, что плодный пузырь выростаетъ изъ слизистой оболочки матки, и совершенно не упоминается, что внутренній слой этого пузыря (амніонъ) развивается насчетъ самаго зародыша. На стр. 120 сказано, что пупочный канатикъ образованъ изъ пупочной артеріи и двухъ пупочныхъ венъ. На самомъ же дѣлѣ онъ состоитъ изъ пупочной вены и двухъ пупочныхъ артерій. Можно бы привести еще рядъ примѣровъ, подобныхъ вышеуказаннымъ, но и приведеннаго, мнѣ кажется, вполнѣ достаточно, чтобы показать, что разсматриваемая нами книга въ настоящемъ своемъ видѣ никоимъ образомъ не можетъ быть рекомендуема, какъ учебникъ. Ко всему сказанному нужно еще прибавить, что въ книгѣ встрѣчается масса опечатокъ и много неточныхъ выраженій.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Состав. подъ ред. *В. В. Бирюковича.*—*Ф. Г. Кингъ.* Почва. — *К. фонъ-Тюбефъ.* Хвойныя древесныя породы.—О сельско-хозяйственныхъ нуждахъ Тульской губ. Состав. *А. Новиковъ.*—*В. А. Бертенсонъ.* По югу Россіи. Вып. IV.

Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (по даннымъ за 1899, 1900 и 1901 годы). Составлены подъ редакціей В. В. Бирюковича. Изданіе департамента земледѣлія. Спб, 1902 г. Послѣдняя зима выставила небывалый по размѣрамъ спросъ на земскихъ агрономовъ въ разныхъ углахъ земской Россіи. Въ увеличеніи этого спроса нѣкоторая доля участія принадлежала, вѣроятно, оживленію вниманія къ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ въ связи съ занятіями петербургскаго совѣщанія и мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства. Весьма кстати для подобнаго спроса появился въ свѣтъ пятый выпускъ „Справочныхъ свѣдѣній“, издаваемыхъ департаментомъ земледѣлія. Четыре первые выпуска этого изданія были составлены П. Н. Соковнинымъ (сыномъ извѣстнаго иниціатора земской помощи сельскому хозяйству Н. А. Соковнина), но съ тѣхъ поръ, какъ П. Н. Соковнинъ оставилъ службу при центральномъ вѣдомствѣ и переселился въ провинцію, дѣло составленія полезныхъ обзоровъ остановилось. По счастью, пропущенные годы не явились совсѣмъ пропущенными и вошли вмѣстѣ съ 1901 годомъ въ новый обзоръ, редакція котораго была поручена В. В. Бирюковичу. Изъ своднаго вступительнаго очерка мы узнаемъ, что земскія оборотныя средства по сельско-хозяйственнымъ мѣропріятіямъ увеличились съ 678 тыс. руб. въ 1895 г. до 4,416 тыс. руб. въ 1901 г. И по абсолютнымъ, и по относительнымъ (на жителя) размѣрамъ сельско-хозяйственныхъ расходовъ, и по проценту этихъ расходовъ въ земскомъ бюджетѣ первыя мѣста среди другихъ земствъ принадлежатъ губерніямъ Вятской и Полтавской; въ хвостѣ всѣхъ земскихъ губерній стоятъ по этимъ признакамъ губерніи Рязанская, Смоленская, Калужская и Пензенская. Изъ 34 земскихъ губерній 25 имѣли къ 1901 году коллегіальные сельско-хозяйственные органы; губернскихъ агрономовъ было тоже 25, уѣздныхъ—153. Авторъ справедливо подчеркиваетъ громадное значеніе происходившаго въ февралѣ 1901 года перваго съѣзда дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству. Частный обзоръ дѣятельности земствъ расположенъ по губерніямъ и уѣздамъ. Этотъ обзоръ и составляетъ большую часть содержанія „Справочныхъ свѣдѣній“. Къ книгѣ приложенъ рядъ списковъ, въ которыхъ перечислены коллегіальныя учрежденія, агрономическій персоналъ, учебныя заведенія, опытныя и показательныя учрежденія, метеорологическія станціи, сельско-хозяйственные склады, мѣропріятія по скотоводству и сельско-хозяйственныя изданія. Послѣдній списокъ весьма не полонъ: изъ изданій по сельско-хозяйственной статистикѣ многія въ него не попали. Списокъ агрономическаго персонала земскихъ учрежденій по нѣкоторымъ губерніямъ содержитъ фамиліи агрономовъ, по другимъ не содержитъ (вѣроятно, поспѣшность составленія изданія помѣшала запросить дополнительныя свѣдѣнія изъ тѣхъ губерній, которыя не отвѣтили сразу на всѣ вопросы). Выпускъ заканчивается довольно громоздкими, но весьма полезными табличными свѣдѣніями о земскихъ ассигнованіяхъ на содѣйствіе сельскому хозяйству за три года и воспроизведеніемъ правилъ для нѣкоторыхъ новыхъ земскихъ организацій. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что редактированная В. В. Бирюковичемъ книга сдѣлается настольною книгою для многихъ земскихъ дѣятелей.

Ф. Г. Кингъ. Почва. Перев. М. А. Энгельгардта. Изд. редакціи „Хозяина". Спб., 1902 г. Ц. 1 р. Привѣтствуемъ намѣреніе почтенной редакціи „Хозяина" познакомить русскую читающую публику съ американскимъ почвовѣдѣніемъ въ довольно популярномъ изложеніи Кинга. Переводчикъ снабдилъ книгу нѣкоторыми примѣчаніями, къ сожалѣнію, малочисленными; во многихъ мѣстахъ слишкомъ напрашивались указанія относительно происхожденія, состава и свойства русскихъ почвъ. Три заключительныя главы разсматриваютъ коренныя улучшенія почвъ и физическое дѣйствіе обработки и удобреній. Въ книгѣ 44 рисунка.

Хвойныя древесныя породы. Сочиненіе проф. д-ра К. фонъ-Тюбефъ. Перев. подъ ред. проф. В. Ф. Хмѣлевскаго. Изд. Девріена. Спб., 1902 г. Ц. 2 р. Питомцы новоалександрійскаго института Г. И. Коркушко и М. П. Поповъ перевели съ разрѣшенія автора написанное Тюбефомъ руководство по дендрологіи, весьма изящно изданное фирмою Девріена. Въ предисловіи къ переводу бывшій новоалександрійскій, нынѣ варшавскій профессоръ ботаники В. Ф. Хмѣлевскій справедливо подчеркиваетъ скудость русской дендрологической литературы. О географическомъ распространеніи хвойныхъ породъ въ Россіи небольшія дополненія сдѣланы переводчиками. Истиннымъ украшеніемъ книги служатъ прекрасно выполненные рисунки (числомъ 100). Въ переводѣ можно отмѣтить лишь немногія совершенно мелкія погрѣшности вродѣ передачи Боцена черезъ „Бозенъ" или рискованнаго неологизма „таблитчатый" (стр. 30). Мы увѣрены въ томъ, что книга Тюбефа найдетъ себѣ спросъ за предѣлами спеціальной лѣсо-хозяйственной и сельско-хозяйственной школы. Садамъ и паркамъ хвойныя растенія придаютъ такую красоту, ради которой многіе хозяева могутъ заинтересоваться дендрологіею, особенно въ такой умѣлой передачѣ, какую представляетъ ясно и сжато написанное и хорошо иллюстрированное руководство мюнхенскаго профессора. Московскимъ учителямъ прекрасныя демонстраціи къ Тюбефу даетъ устроенный Р. И. Шредеромъ дендрологическій садъ въ Петровскомъ Разумовскомъ.

О сельско-хозяйственныхъ нуждахъ Тульской губерніи. Составилъ А. Новиковъ. Спб., 1902 г. На фонѣ многочисленныхъ безпочвенныхъ разглагольствованій о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ разныхъ губерній пріятное впечатлѣніе производитъ небольшая содержательная брошюра А. А. Новикова, бывшаго земскаго агронома Вятской губерніи, нынѣ уполномоченнаго министерства земледѣлія по сельско-хозяйственной части въ Тульской губерніи. Здѣсь сведенъ прежде всего (стр. 1—28) сырой матеріалъ офиціальной статистики; безъ такого матеріала рѣшительно нельзя приступить къ какимъ-либо массовымъ заключеніямъ о сельскомъ хозяйствѣ въ губерніи, лишенной основныхъ земско-статистическихъ изслѣдованій. Затѣмъ авторъ дѣлаетъ нѣкоторые выводы, опираясь, между прочимъ, и на личныя сношенія съ разными углами губерніи. Основная черта положенія крестьянскаго хозяйства въ Тульской губерніи—его малоземелье; вредное вліяніе малоземелья усиливается недостаткомъ образованія. Для поднятія сельскаго хозяйства въ губерніи, по мнѣнію автора, прежде всего нужны хорошо поставленныя школы, общія и спеціальныя. Обезпеченіе крестьянъ землею можетъ осуществляться при продажѣ и сдачѣ помѣщичьихъ имѣній крестьянъ. Въ заключеніи перечисленъ рядъ вопросовъ, относящихся къ измѣненіямъ въ техникѣ и общественныхъ условіяхъ сельскаго хозяйства Тульской губерніи.

В. А. Бертенсонъ. По югу Россіи. Сельско-хозяйственные очерки, наблюденія и замѣтки. Вып. IV. Одесса, 1902 г. Здѣсь собраны преимущественно впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ при посѣщеніи разнообразныхъ хозяйствъ въ губерніяхъ Подольской, Бессарабской, Херсонской и Таврической, вскользь затронута и Волынская губернія (опечатка оглавленія отнесла Кременчугскій уѣздъ къ Подольской губерніи). Интересны свѣдѣнія о хозяйствѣ Е. Х. Чикаленка, автора извѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ брошюръ на малорусскомъ языкѣ; это рѣдкій примѣръ *испольнаго* хозяйства съ многолѣтнимъ сѣвооборотомъ и чернымъ паромъ. Кромѣ довольно многочисленныхъ частныхъ хозяйствъ, а также болгарскихъ и еврейскихъ колоній, авторъ останавливается на нѣсколькихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ, изъ которыхъ особенно богато обставлена казенная бѣлокриницкая школа.

УЧЕБНИКИ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Ив. Крыловъ. Сборникъ басенъ, стихотвореній и отрывковъ изъ поэтическихъ произведеній для заучиванія наизусть.—*П. Н. Полевой.* Кудесникъ.—*Е. Ѳ. Волкова.* Петръ Басмановъ. Историч. разсказъ.—*Викторъ Обнинскій.* Сказки стараго гнома,—„Библіотека для семьи и школы". *Ив. Ив. Ивановъ.* Разсказы о старинѣ.—*С. Р. Минцловъ.* Бѣглецы. Повѣсть.—*А. А. Федоровъ-Давыдовъ.* Маленькія героини.

Ив. Крыловъ. Сборникъ басенъ, стихотвореній и отрывковъ изъ поэтическихъ произведеній для заучиванія наизусть въ приготовит., I, II, III, IV и V классахъ средней школы съ объясненіями и приложеніемъ краткихъ біографій соотвѣтствующихъ писателей и замѣтокъ по теоріи словесности. М., 1902 г. Ц. 50 к. Г. Крыловъ въ своей книгѣ не только желаетъ дать матеріалъ для заучиванія наизусть въ младшихъ классахъ гимназій, но и стремится придать возможно большую сознательность этому заучиванію. Поэтому каждую басню и каждое стихотвореніе онъ снабжаетъ особыми примѣчаніями, которыя должны помочь учителю при предварительномъ ознакомленіи учащихся съ произведеніемъ, подлежащимъ заучиванію наизусть. Названныя примѣчанія, по собственному выраженію составителя, касаются: „1) объясненія непонятныхъ словъ и выраженій, 2) плана или построенія произведенія, 3) выясненія основной мысли произведенія, 4) разъясненія особенностей слога и языка произведеній и 5) особенностей ихъ произношенія". Другими словами, составитель, придавая большое значеніе необходимости объяснительнаго чтенія, въ своей книжкѣ даетъ нѣчто вродѣ практическаго руководства на этотъ счетъ. Къ сожалѣнію, однако, г. Крыловъ черезчуръ увлекся обычными шаблонными пріемами, и рекомендуемые имъ способы веденія этого дѣла носятъ весьма опредѣленный характеръ самаго скучнаго разжевыванія. Это разжевываніе поэтическихъ произведеній, имѣющее цѣлью все объяснить, совершенно обезображиваетъ самыя произведенія въ глазахъ учащихся, отнимая всю ихъ красоту и образность. Образчикомъ могутъ служить, наприм., комментаріи къ баснѣ „Зеркало и обезьяна", гдѣ добросовѣстно объясняется, что *тихохонько*—это значитъ *тихо*, что *кумъ* употреблено тутъ въ смыслѣ ласкательнаго слова, что „ужимки и прыжки"—это „особенныя тѣлодвиженія по привычкѣ или совершенно безъ умыслу или съ особеннымъ значеніемъ" (?). Лучшей же иллюстраціей того, къ чему приводитъ это жеванье и насколько оно подчасъ извращаетъ смыслъ произведенія, могутъ служить примѣчанія г. Крылова къ извѣстному „Вступленію" Пушкина къ „Ру-

слану и Людмилѣ". Произведеніе это, преисполненное богатыхъ сказочныхъ образовъ, такъ много и понятно говоритъ читателю, хотя бы и ребенку, а между тѣмъ г. Крылову непремѣнно хочется втолковать читателю, что чудеса—это не чудеса, а просто „самыя обыкновенныя явленія", которыя „въ сказкахъ представляются чѣмъ-то чудеснымъ". Тутъ же г. Крыловъ въ своемъ желаніи все объяснить до точности, прямо попадаетъ впросакъ. Оказывается, что когда котъ ученый разсказываетъ сказки, то это онъ просто *мяучитъ* (стр. 58). Итакъ, поэма „Русланъ и Людмила", представляющая изъ себя одну изъ сказокъ ученаго кота, есть не что иное, какъ мяуканье. Что касается до „краткихъ замѣтокъ по теоріи словесности", приложенныхъ къ книгѣ Ив. Крылова, то лучше бы ихъ вовсе не было: такъ неудовлетворительны онѣ въ разныхъ отношеніяхъ.

П. Н. Полевой. „Кудесникъ". Историческая повѣсть для юношества. Съ 12 отдѣльн. рисунк. акад. К. В. Лебедева. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. Ц. 3 руб. Историческая повѣсть П. Н. Полевого принадлежитъ къ числу произведеній, которыя, на нашъ взглядъ, являются мало цѣннымъ вкладомъ въ дѣтскую литературу. Уже одинъ подзаголовокъ: „для юношества" можетъ навести на нѣкоторыя соображенія принципіальнаго характера. Да развѣ нужна какая-то спеціальная историческая литература для юношества?! Всякая беллетристика для юношества должна обладать всѣми достоинствами книги для взрослаго читателя; здѣсь не можетъ быть дѣленія. Сенкевичъ, давая блестящія картины прошлаго, не думалъ о томъ, чтобы приспособить ихъ къ пониманію какого-нибудь опредѣленнаго возраста, и его романы съ интересомъ читаются и молодежью, и зрѣлыми людьми. Историческій романъ не долженъ требовать отъ читателей большого знакомства съ изображаемой эпохой, напротивъ, онъ самъ вводитъ ихъ въ кругъ понятій историческаго прошлаго и его raison d'être заключается, кромѣ чисто-художественныхъ задачъ, въ пробужденіи историческаго интереса и въ сообщеніи знаній путемъ ихъ передачи въ образахъ.

Повѣсть „Кудесникъ" написана на сюжетъ, взятый изъ русской исторіи конца XVII вѣка. Центральнымъ историческимъ лицомъ является Софья. Историческія событія въ повѣсти переплетаются съ выдуманными событіями изъ жизни состоявшаго при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ врача Даніеля фонъ-Хадена. Психологія историческихъ лицъ грѣшитъ неправильностями: авторъ въ погонѣ за конкретностью ихъ образовъ навязываетъ имъ мысли и чувства, которыхъ они не могли переживать; напримѣръ, у постели умирающаго брата царевна Софья не могла предаваться ненависти къ врачу, такъ какъ у нея были дѣйствительные и серьезные враги, и широкіе замыслы.

Бытовыя картинки страдаютъ отсутствіемъ типичности, колоритнаго воспроизведенія эпохи: у читателя не останется представленія ни о нѣмецкой слободѣ, ни объ уличной московской жизни того времени, ни о стрѣльцахъ.

Главнымъ недостаткомъ книги является искусственный и слащавый языкъ; въ особенности этотъ недостатокъ отразился на разговорной рѣчи, ломанность которой дѣйствуетъ прямо-таки непріятно. Къ чему, напримѣръ, на протяженіи всей повѣсти доктора всѣ величаютъ „дохтуромъ"? Или къ чему, напримѣръ, употреблять выраженія вродѣ слѣдующихъ: „мозглая", „ростепель", „пускали взгляды мимо" и т. п? Наше общее заключеніе относительно разобранной книги состоитъ въ томъ, что, во-первыхъ, подобныя повѣсти пріучаютъ подростковъ относиться

поверхностно къ исторической наукѣ, а, во-вторыхъ, портятъ ихъ литературный языкъ. Къ счастію, для широкаго распространенія книги встрѣтится серьезное препятствіе въ видѣ ея дороговизны, обусловленной роскошнымъ изданіемъ.

Е. Θ. Волкова, Петръ Басмановъ. Историческій разсказъ. Для школъ и домашняго чтенія. Изданіе магазина „Книжное дѣло". М., 1903 г. Ц. 20 коп. Произведеніе Е. Θ. Волковой принадлежитъ къ числу удачныхъ историческихъ разсказовъ; въ особенности оно полезно, какъ иллюстрація при изученіи въ школѣ эпохи Бориса Годунова. Выдумка въ разсказѣ, въ смыслѣ привлеченія къ содержанію несуществующихъ лицъ и вымышленныхъ событій, почти отсутствуетъ; а то, что есть въ разсказѣ въ этомъ направленіи, является вполнѣ типичнымъ для изображаемаго момента.

Историческія событія изложены правдиво и интересно. Нить разсказа держится на личности Петра Басманова; его переходъ отъ искренняго горячаго патріотизма къ измѣнѣ царю Борису Годунову очень искусно освѣщенъ психологіей историческихъ лицъ: во-первыхъ, психологіей самого Басманова, у котораго двигающей пружиной всѣхъ поступковъ являлось честолюбіе; во-вторыхъ, дерзкой отвагой самозванца и въ-третьихъ, подозрительностью Бориса Годунова.

Языкъ автора богатъ красками и даетъ читателю картины; горячій тонъ дѣйствуетъ увлекающимъ образомъ; только мѣстами Е. Θ. Волкова слишкомъ злоупотребляетъ своею манерою изображать при помощи отрицаній, напримѣръ: „не поможетъ онъ негодяю, не возьметъ грѣха на душу, не измѣнитъ своему государю" или: „не летать больше тебѣ, добрый молодецъ... не тѣшить себя больше думами ратными" и т. п. Подобный пріемъ красивъ, но, употребляемый слишкомъ часто, можетъ наскучить.

Викторъ Обнинскій. Сказки стараго гнома. 1903 г. Ц. 75 коп. Вышеозначенная книжка изящна какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по содержанію. По манерѣ письма авторъ напоминаетъ Андерсена; къ одной изъ сказокъ („Болотная кочка") даже самимъ г. Обнинскимъ сдѣлано примѣчаніе: „подражаніе Андерсену". Конечно, глубины знаменитаго датскаго сказочника въ „Сказкахъ стараго гнома" нѣтъ; но все же въ нихъ есть своеобразная прелесть. Передъ читателями развертывается вереница образовъ то китайскаго принца-куклы, который много вытерпѣлъ на своемъ вѣку, то горной феи, полюбившей герцога, то бесѣдующихъ между собою цвѣтовъ, то бѣдной горбуньи, нашедшей минуты счастія въ звукахъ арфы и т. д. Эти образы граціозны, хотя нѣсколько изысканы. Сказки написаны ровнымъ красивымъ языкомъ, но немного монотонны. По содержанію онѣ скорѣе пригодны для старшаго возраста. Книга очень выиграла бы, если бы снабжена была картинами.

Библіотека для семьи и школы. (Подъ ред. Д. И. Тихомирова). Ив. Ив. Иванова. Разсказы о старинѣ. I. Египтяне. Культурно-историческіе очерки. Съ рисунками. М. 1903 г. Ц. 25 к. Свои „Разсказы о старинѣ" Ив. Ивановъ начинаетъ очеркомъ о египтянахъ. Авторъ останавливаетъ дѣтское вниманіе на культурно-историческихъ заслугахъ египетскаго народа, выбирая изъ нихъ тѣ, которыя могутъ быть доступны пониманію маленькаго читателя. Въ книгѣ нѣтъ изложенія исторіи Египта шагъ за шагомъ; но мы думаемъ, что авторъ и не столько преслѣдовалъ цѣль сообщить какъ можно больше положительныхъ знаній, сколько пробудить въ читателѣ любознательность къ старинѣ; поэтому задуманная серія можетъ служить какъ бы первою ступенью на

пути къ серьезному чтенію историческаго характера. Географическая рамка, въ которую вставленъ историческій очеркъ, также не полна, но все же вызываетъ въ воображеніи читателя представленіе объ общей картинѣ египетской страны. Очерки Ив. Иванова тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что въ подобныхъ книгахъ у насъ замѣчается пробѣлъ. Крупнымъ недостаткомъ книги является слогъ автора: слишкомъ частыя экскурсіи въ область отвлеченныхъ идей въ соединеніи съ большимъ количествомъ сравненій и эпитетовъ заслоняютъ фактическую часть книги и оставляютъ расплывчатое впечатлѣніе. Въ особенности слабымъ мѣстомъ въ этомъ отношеніи является въ книгѣ введеніе, цѣликомъ посвященное теоретическимъ разсужденіямъ: здѣсь развивается идея эволюціи, разсказывается о взаимодѣйствіи различныхъ культуръ, излагается разсужденіе о братствѣ всѣхъ людей и о цѣляхъ жизни, приводятся размышленія о войнѣ и мирѣ, и т. п. Врядъ ли все это можетъ быть усвоено дѣтскимъ умомъ. Нѣкоторыя изъ приложенныхъ къ тексту картинъ изъ египетской исторіи слѣдовало бы объяснить болѣе подробно.

С. Р. Минцловъ. Бѣглецы. Повѣсть, съ 14 рисунк. въ текстѣ. Изд. Ц. Крайзъ. Спб., 1902 г. Сюжетъ взятъ изъ жизни подростковъ-гимназистовъ. Дѣйствіе происходитъ въ Вильнѣ. Два мальчика, начитавшись Жюль-Верна и другихъ путешествій, совершаютъ побѣгъ, намѣтивъ себѣ цѣлью Америку. Послѣ многихъ скитаній и приключеній, они были настигнуты погоней и возвращены домой. Въ первой половинѣ повѣсти встрѣчается довольно много типичныхъ картинокъ изъ гимназической жизни; въ разсказъ о путешествіи мальчиковъ вставлено нѣсколько поэтическихъ легендъ и сказаній изъ литовской исторіи. Книга написана бойкимъ, живымъ языкомъ; особенныхъ литературныхъ достоинствъ не имѣетъ, но располагаетъ къ себѣ очевидною любовью автора къ литовскому краю.

А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ. Маленькія героини. Разсказы. Изд. ред. журнала „Дѣтское Чтеніе“. М., 1903 г. Ц. 40 к. Разсказы А. А. Ѳедорова-Давыдова представляютъ портретную галлерею „маленькихъ героинь“. Подобный замыселъ заслуживаетъ полнаго одобренія, такъ какъ дѣтское воображеніе легко заинтересовывается элементами возвышеннаго, выходящаго изъ ряда повседневныхъ фактовъ,—и на основаніи этихъ элементовъ дѣти строятъ свои идеалы. Но, къ сожалѣнію, не всѣ разсказы исполнены достаточно ярко и художественно. Разсказы, или скорѣе, картинки: „Ямщикъ“ и „Хозяюшка“ привлекаютъ простотою и правдивостью содержанія, тогда какъ „Дочь Индѣйца“ и „Незнакомецъ“ кажутся искусственными и претенціозными; въ особенности въ послѣднемъ ситуація разсказа намъ кажется рискованной: маленькая дѣвочка внезапно узнаетъ, что она только пріемная дочь богатыхъ людей, у которыхъ она живетъ; ея настоящій отецъ—бѣднякъ съ какимъ-то пятномъ въ прошломъ, не имѣющій общественнаго положенія; тѣмъ не менѣе она не стыдится его и возвращается къ нему. Психологія дѣвочки искусственна и сантиментальна. Къ тексту приложены картины. Въ заключеніе отмѣтимъ неоговоренную въ книжкѣ отпечатку: на стр. 39 напечатано: „передъ вами достоинъ стать на колѣни не понни, а какъ я“; вѣроятно, слѣдуетъ читать: „передъ вами достоинъ стать на колѣни никакъ не понни, а я“.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 марта по 1 апрѣля 1903 г.

Александровъ, Н. Описанія имѣнія „Андреевскій хуторъ“ т-ва большой ярославской мануфактуры въ Ферганской области. Ташкентъ, 1902 г.

Алленъ, Гр. Женщина, которая осмѣлилась. Пер. съ англ. Н. Дадоновой. М., 1903 г. Ц. 60 к.

Амфитеатровъ, А. Викторія Павловна. (Именины.) Изд. Райской. Спб., 1903 г. Ц. 1 р.

Аничковъ, М. В. Итоги и уроки Трансваальской войны. Послѣсловіе къ сочиненію „Война и трудъ“. Спб., 1903 г. Ц. 30 к.

Бажаевъ, В. Рук. къ правильному устройству травосѣянія на надѣльныхъ крестьянскихъ поляхъ Московской губ. М., 1903 г. Ц. 15 к.

Бандалинъ, Я. 1) Роль опыта въ медицинѣ. 2) Борьба науки со старостью. М., 1903 г.

Бертенсонъ, Л. 1) Консервированіе икры борной и салициловой кислотами съ промышленной цѣлью. 2) По поводу частн. страхов. рабочихъ. Спб., 1903 г.

„Библ. для дѣтей и для юношества“. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. *Сетонъ-Томпсонъ, Э.* 1) Рогачъ. Ц. 35 к. 2) Степной волченокъ. Ц. 25 к. 3) Лобо, король Корромпо. Исторія одного волка. Ц. 15 к. 4) Хромуша-медвѣженокъ. Ц. 25 к. М., 1903 г.

Библіотеки-читальни Харьк. губ. по даннымъ изслѣдованія 1900—1902 гг. Харьковъ, 1902 г.

„Библіотека самообразованія“. 1) Философія природы. 2) Введеніе въ философію. 3) Сущность жизни. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. Спб., 1903 г.

Будкевичъ, К. Присяга на судѣ по поводу работъ коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части. Одесса, 1903 г. Ц. 35 к.

Видеманъ, К. Проектъ благотвор. об-ва предупрежденія появленія среди населенія Россіи бѣдности и нищеты и прогрессивнаго ихъ роста. Спб., 1903 г.

Волжанинъ, О. Разсказы. Изд. кн. маг. торг. дома С. Курнинъ и К°. М., 1903 г. Ц. 1 р.

Вороновъ, И. Городъ Воронежъ, население и недвижимыя имущества. Изд. ворон. губ. земства. Воронежъ, 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Голиковъ, В. И. Иллюстрированная естественно-историческая хрестоматія. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1903 г. Ц. 1 р.

Гольцева, Н. Труды и подвиги Миклухи-Маклая. Съ 2 рис. въ текстѣ. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. М., 1903 г. Ц. 20 к.

Горяиновъ, С. М. Руководство для консуловъ. Спб., 1903 г. Ц. 4 р.

Градовскій, А. Собраніе сочиненій. Т. VIII. Спб., 1903 г. Ц. 3 р.

„Дер. хоз. и дер. жизнь“. Подъ редакц. И. Горбунова-Посадова. 1) *Степановъ, А.* Лѣчебникъ домашнихъ животныхъ. 2) *Костычевъ, П.* О разведеніи хлѣбовъ и др. с.-хоз. растеній. 3) *Его же.* Чѣмъ и какъ можно удобрять землю, кромѣ навоза. 4) *Его же.* Объ удобреніи земли навозомъ. 5) *Его же.* Обработка земли для посѣва хлѣбовъ и друг. растеній. 6) *Его же.* О правильной обработкѣ земли. 7) *Его же.* Что есть въ землѣ и какія бываютъ земли. 8) *Его же.* О жизни растеній. М., 1903 г.

Дерюжинскій, В. Полицейское право. Спб., 1903 г. Ц. 3 р.

Ершовъ, С. И. Экспериментальная фонетика. Казань, 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Жбанковъ, Д. О врачахъ. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М., 1903 г. Ц. 75 к.

Зеттегастъ, Г. Воздѣлываніе и уходъ за сельско-хозяйственными растеніями. Изд. 2-е. Спб., 1903 г. Ц. 30 к.

Зудерманъ, Г. Собраніе драматическихъ сочиненій. Т. II. Пер. подъ ред. К. Бальмонта. Изд. С. Скирмунта. М., 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановъ, П. Студенты въ Москвѣ. Бытъ. Нравы. Типы. (Очерки.) М., 1903 г. Ц. 1 р.

Извѣстія астраханскаго городского общественнаго управленія. Годъ I. №№ 1—2. Астрахань, 1903 г.

Изслѣдованіе положенія начальнаго народнаго образованія въ Вятской губ. съ проект. школьн. сѣти для введенія всеобщаго обученія. Вып. II. Вятка, 1902 г.

„Истор. коммиссія учебнаго отдѣла общ. распр. техническихъ знаній". 1) *Мельгуновъ, М.* Страна пирамидъ. (Египетъ.) Ц. 10 к. 2) *Лебедевъ, Пл.* Будда, его жизнь и ученіе. Ц. 10 к. 3 *Мельгунова, Е.* Въ римскомъ циркѣ. Ц. 8 к.

Каталогъ учебныхъ книгъ и пособій, имѣющихся въ продажѣ т-ва М. О. Вольфъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1903 г. Ц. 20 к.

Кругловъ, А. Вчера и сегодня. М., 1903 г. Ц. 1 р.

Лависсъ, Э. Осносные моменты политической исторіи Европы. Пер. П. Д. Первова. Изд. 2-е. М., 1903 г.

Лапинъ, В. Библіогр. замѣтка о драматическихъ произведеніяхъ артистки А. М. Сѣверской - Сигулиной. Благовѣщенскъ, 1902 г.

Лежаръ, Феликсъ. Хирургическая помощь въ неотложныхъ случаяхъ. Пер. съ франц. подъ ред. Л. Л. Левшина. Т. 1 и 2. Изд. С. Ф. Карчъ - Карчевскаго. М., 1903 г. Ц. 6 р. за 2 т.

Лернеръ, Л. Хронологическія данныя. А. С. Пушкинъ. Труды и дни. Изданіе „Скорпіонъ". М., 1903 г. Ц. 1 р.

Личковъ, Л. Къ вопросу объ экономическомъ изслѣдованіи юго-западнаго края. Кіевъ, 1903 г.

Лоссвій, Н. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб., 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Луговой, А. Грани жизни. Романъ въ 5-ти частяхъ. Изд. 2-е. Спб., 1903 г. Ц. 2 р.

Львовъ, Вл. Самоѣды. (Очеркъ.) М., 1903 г. Ц. 15 к.

— Начальный учебникъ зоологіи для среднихъ учебн. заведеній. Ч. II: Безпозвоночныя. Съ 249 рис. Изд. М. С. Сабашниковыхъ. М., 1903 г. Ц. 1 р.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Орл. губ., Кромской уѣздъ. Вып. III. Орелъ, 1902 г.

Мигулинъ, П. 1) Русскій государственный кредитъ (со времени Екатерины II до нашихъ дней). Т. III, в. III. Ц. 1 р. 50 к. 2) Наша новѣйшая жел.-дорожн. политика и жел.-дорожн. займы (1893—1902 гг.). Харьковъ, 1903 г.

Монинъ, В. А. Сибирскіе мотивы. М., 1903 г. Ц. 40 к.

Новополинъ, Г. Глѣбъ Успенскій. Опытъ литературной характеристики. Харьковъ. 1903 г. Ц. 35 к.

Отчетъ по сбору кусочковъ хлѣба, бумаги, бутылокъ и всякаго старья въ пользу гор. попеч. о бѣдныхъ 1 и 2 уч. тверск. части и об-ва попеч. о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ 1902 г. М., 1903 г.

Отчетъ о состояніи Московской земледѣльческой школы и Бутырскаго хутора за 1900—1901 г. М., 1903 г.

Отчетъ пензенск. общ. библіотеки имени М. Ю. Лермонтова, съ прилож. отчета безплатн. народн. библіотеки-читальни имени В. Г. Бѣлинскаго съ 1 октября 1901 г. по 1 октября 1902 г. Пенза, 1903 г.

Отчетъ о дѣятельности консультаціоннаго бюро присяжной адвокатуры при житомирскомъ городск. комитетѣ попечительства о народной трезвости за 1901 и 1902 гг. Житомиръ, 1903 г.

Отчетъ одесскаго филлоксернаго комитета за 1901 г. Одесса, 1902 г.

Отчетъ одесской городской публичной библіотеки за 1902 г. 72-й годъ сущ. Одесса, 1903 г.

Отчетъ харьк. обществ. библ. за 16-й г. ея существованія и ея филіальнаго отдѣленія за 2-й годъ его сущ. Харьковъ, 1902 г.

Отчетъ казанскаго об-ва трезвости съ 1902 г. по 1903 г., читанный въ общемъ собраніи членовъ общества 26 января 1903 г. Казань, 1903 г.

Отчетъ о дѣятельности коммиссіи нар. чтеній при чайной „Столбы" въ Н.-Новгородѣ за 1902 г. 1-й годъ существ.— Отчетъ о дѣятельности нижегор. гор. „Пушкинской" безплатной народн. читальни за 1902 годъ. 2-й годъ существ. Н.-Новгородъ, 1903 г.

Павловъ, С. Вулканы и землетрясенія. Спб., 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пантелѣевъ, Л. Ф. Изъ раннихъ воспоминаній. Спб., 1903 г. Ц. 60 к.

Полный сводъ рѣшеній гражданск. кассац. департамента правит. сената съ 1866 г. Полутомъ 5-й 1868 г. №№ 633—893. Полутомъ 6-й 1869 г. №№ 1—290. (У М. Кулишера, Леонтьевскій, Лувръ-Мадридъ, 66.) М., 1903 г. Ц. 1 р. 75 к., съ дост. Ц. 1 р. 95 к., съ перес. 2 р. за полутомъ.

„Посредникъ" изданія. 1) *По Зудерману.* Сильная рука и золотое сердце. 2) *Кедрова, А.* Малымъ ребятамъ. 4 разск. 3) *Гардингъ Дэвисъ.* Мой безсловесный пріятель мистеръ Рэгенъ. 4) *Бекетова.* За тюремной рѣшеткой. 5) *Семеновъ, С.* Чужой коровай. Комедія въ 1 д. 6) *Его*

же. Женихъ Москвичъ. Комедія въ 3-хъ дѣйств. 7) *Его же.* Въ разлукѣ и др. разск. 8) *Горькій, М.* Емельянъ Пиляй. 9) *Орловскій, С.* Горе Ѳелима. 10) *Его же.* Жел. дороги и Дж. Стифенсонъ. 11) *Его же* Сказаніе о трехъ лиліяхъ, двухъ лягушкахъ и змѣѣ съ золотою короною. 12) *Горбуновъ-Посадовъ.* Дочь китайскаго вельможи и др. разсказы. 13) *Его же.* Порука. М., 1902 г.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Ред. и прим. Валерія Брюсова. М., 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Разуваевъ, В. Скромныя картинки. Козловъ, 1903 г. Ц. 40 к.

Ренанъ, Эрн. Собраніе сочиненій. Пер. съ фр. подъ ред. В. Н. Михайлова. Т. XI. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ, 1903 г.

Риккертъ, Г. Естествовѣдѣніе и культуровѣдѣніе. Пер. съ нѣм. М. Я. Фитермана. Изданіе Е. Д. Кусковой. М., 1903 г. Ц. 25 к.

Роджеръ, А. Краткое введеніе въ исторію новой философіи. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М., 1903 г. Ц. 1 р.

Розенталь, И. Общая физіологія. 137 рис. Пер. съ нѣм. подъ ред. И. Тарханова. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М., 1903 г. Ц. 3 р.

Ростовцевъ, С. Какъ составлять гербарій? 4-е изд. (съ 14 рис. въ текстѣ). М., 1903 г. Ц. 30 к.

Руффини, Дж. Записки Лоренцо Бенони. Пер. А. Серебряковой. Изд. С. Доровратовскаго и А. Чарушникова. М., 1903 г. Ц. 1 р.

Руссо, Ж.-Ж. Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія. Пер. въ фр. А. А. Русановой. Изданіе „Посредника". М., 1903 г. Ц. 35 к.

Свѣдѣнія по народному образованію въ Вятской губ. за 1900—1901 и 1901—1902 учеб. годы. Вятка, 1902 г.

Скальковскій, К. Очерки и фантазіи. Спб., 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Соловьевъ, С. М. Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. Изд. т-ва „Общественная польза". Спб., 1903 г. Ц. 60 к.

Статист. сборникъ новгородск. губ. земства за 1901 г. Новгородъ, 1902 г.

Стрижовъ, И. Возникающій новый нефтяной районъ. Грозный, 1903 г.

Сѣверская-Сигулина, А. Драматическія сочиненія. Т. I. Изд. С. Разсохина. М., 1903 г. Ц. 2 р.

Тайна, П. Э. Души моей невольныя признанья. Спб., 1903 г. Ц. 1 р.

Тардъ, Г. Личность и толпа. Очерки по соціальной психологіи. Изд. А. Большакова и Д. Голова. Спб., 1903 г. Ц. 1 р.

Тарновская, П. Женщины-убійцы. Съ 163 рис. и 8 антропометр. таблицами. Спб., 1902 г. Ц. 4 р.

Тимковскій, Н. Сильные и слабые. Пьеса въ 4-хъ актахъ. Изд. маг. „Книжное Дѣло". М., 1903 г. Ц. 50 к.

Тотоміанцъ, В. Мощь коопераціи. 2-е изданіе маг. „Книжное Дѣло". М., 1903 г. Ц. 15 к.

Труды подсекціи статистики XI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Спб. Спб., 1902 г. Ц. 2 р. 25 к.

Труды юридическаго общества, состоящ. при Импер. казанск. университетѣ за 1901 и 1902 г. Казань, 1903 г.

Тюрканъ, И. Генеральша Бонапартъ. Пер. съ фр. Л. Т. Спб., 1903 г. Ц. 1 р.

Фонъ-Листъ, Фр. Учебникъ уголовнаго права. Общая часть. Съ предисл. М., 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Хитрово, Н. П. Реальная попытка къ улучшенію положенія отставныхъ пенсіонеровъ всѣхъ вѣдомствъ при помощи сгруппированія ихъ въ общества. М., 1903 г. Ц. 40 к.

Шохоръ-Троцкій, С. И. 1) Ариѳметическій задачникъ для учениковъ. Ц. 20 к. 2) Ариѳметическій задачникъ для учителей. Ц. 30 к. 3) Методика ариѳметики для учителей пригот. классовъ. Ц. 60 к. 4) Методика ариѳметики для учителей однокл. начальн. школъ. Ц. 1 р. Спб., 1903 г.

Шубинъ, Ѳ. Мой отвѣтъ защитникамъ рутины въ школьной географіи. Спб., 1902 г. Ц. 15 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I. Египетскіе боги. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній мужск. и женск. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Одобрено для ученическихъ, средн. и старш. возраста, библ. средн. учебн. зав. Вып. V: Кто были наши предки и гдѣ они жили. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Исторія и психологія фигуръ, олицетворящихъ зло въ изящной словесности всѣхъ народовъ и вѣковъ. Этюдъ по сравнительной исторіи литературы. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идилліп. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Томъ II. Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Ромамъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изд. 2-е, удешевленное. Та Третья. Поѣздка въ Аѳины. Янко музыкантъ. Старый слуга. Ганя. У источника. Идиллія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нимъ. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, и учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

Его же. Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобрена для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Камо грядешн? (Quo vadis). Историческій романъ изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Съ примѣчаніями С. И. Соболевскаго. 2-е, удешевленное, изд. Ц. 1 р.

— На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

— Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Островъ Сахалинъ (изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 руб.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Эске-Хоинскій, Теодоръ. Послѣдніе римляне. Историческій романъ изъ временъ Ѳеодосія Великаго. Пер. П. В. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Юноша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е издан. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изд. Ц. $1^1/_2$ к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

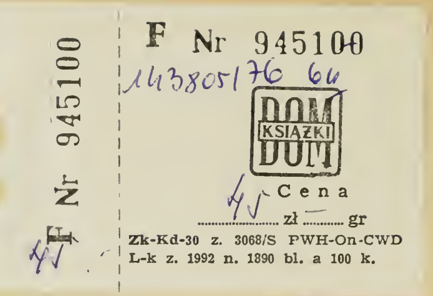
Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Списокъ книгъ для народныхъ библіотекъ на сумму отъ 5 до 500 р. Ц. 10 к.

Новая библіотека „Русской Мысли“.

Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинхѣ; Аннамъ, Сіамъ и англійская Бирманія. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безпл. нар. библ. и читальни, въ ученич. библ. низш. учил. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ безплатныя народныя би-


F Nr 945100
F Nr 945100
1438051 76 66
DOM KSIĄŻKI DOM
45
Cena
45 zł — gr
Zk-Kd-30 z. 3068/S PWH-On-CWD
L-k z. 1992 n. 1890 bl. a 100 k.